АНАТОЛИЙ ТАРАСОВ

Александр Горбунов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С именем Анатолия Владимировича Тарасова (1918-1995) связана эпоха грандиозных побед хоккейной сборной СССР и хоккейного клуба ЦСКА в 1960-е — начале 1970-х годов. Первым из европейцев и первым тренером вообще он был принят в 1974 году в хоккейный Зал славы в Торонто — а это высшая честь в хоккейном мире, которой удостаивались немногие, особенно в те годы. В то же время едва ли найдется в истории отечественного спорта фигура более противоречивая и вызывающая столько споров и полярных суждений, как Тарасов. Одни боготворят его, называя «отцом русского хоккея», другие обвиняют в интригах и саморекламе. Но масштаб того, что было совершено им, признают все. О личности выдающегося тренера и о достижениях советского хоккея «золотого» десятилетия рассказывает автор книги, спортивный журналист и историк Александр Горбунов.

- А. Горбунов
  - ○
  - ○ ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ○ Глава первая КОРОТКОЕ ДЕТСТВО
  - ○ Глава вторая ТОВАРОВСКИЙ
  - ○ Глава третья С НУЛЕВОЙ ОТМЕТКИ
  - ○ Глава четвертая ВО ГЛАВЕ КОМАНДЫ ВВС
  - ○ Глава пятая ТАРАСОВ И БОБРОВ
  - ○ Глава шестая ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА
  - ○ Глава седьмая УХОД ИЗ ЦСКА
  - ○ Глава восьмая ТАРАСОВ И ЧЕРНЫШЕВ
  - ○ Глава девятая ПРОТЕКЦИЯ ГАГАРИНА
  - ○ Глава десятая МЕТОДЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ
  - ○ Глава одиннадцатая КАПИТАН МАЙОРОВ
  - ○ Глава двенадцатая ЗА ПОМОЩЬЮ К НАУКЕ
  - ○ Глава тринадцатая ДЕМАРШ В ЛУЖНИКАХ
  - ○ Глава четырнадцатая ИСКРЕННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ
  - ○ Глава пятнадцатая КАНАДСКАЯ ДОМИНАНТА
  - ○ Глава шестнадцатая АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОТПУСК
  - ○ Глава семнадцатая ТРЕНЕРСКИЙ ЦЕХ
  - ○ Глава восемнадцатая ОТСТАВКА-72
  - ○ Глава девятнадцатая ПОСЛЕДНИЙ СЕЗОН
  - ○ Глава двадцатая ФУТБОЛЬНЫЙ ОМУТ
  - ○ Глава двадцать первая ПРИЗНАННЫЙ АВТОРИТЕТ
  - ○ Глава двадцать вторая ФИЛЬМ В ФИНЛЯНДИИ
  - ○ Глава двадцать третья «ЗОЛОТАЯ ШАЙБА»

- Глава двадцать четвертая СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- Фотографии
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. В. ТАРАСОВА
- БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1

А. Горбунов

Анатолий Тарасов

Автор благодарит Татьяну Анатольевну Тарасову и Алексея Игоревича Тарасова за помощь в работе над книгой.

В книге использованы фото из семейного архива Тарасовых.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После того как Тарасова фактически отлучили от хоккея — во всяком случае от того хоккея, в котором можно было каждодневно, как он это делал, творить, придумывать что-то новое, проверять точность задумок на практике, — образовался вакуум, не заполненный в России по сей день. И чем дальше отодвигается время, в котором он творил, тем мощнее выглядит его фигура — фигура великого Тренера.

Тарасов не превратился в брюзжащего старика, постоянно талдычащего о том, насколько лучше были хоккей вообще и хоккеисты в частности в те времена, когда он главенствовал в тренерском цехе. Он пристально следил за всем, что происходит в хоккее, старался, насколько позволяло здоровье, ездить на все крупные международные турниры и анализировать увиденное, вставая, как и прежде, ранним утром и занимая привычное место у письменного стола.

«Хоккей нынче стал совсем иным, — говорил он в начале 90-х. — Как же это можно не учитывать! Индивидуальное мастерство игроков растет, как и скорость. Пусть в этих компонентах нынешние ушли не на безмерное расстояние, да ведь безмерно выросла скорость мысли, принятия решений, скорость действия клюшкой, изменилась тактика, силовая борьба преобразила игру».

Сейчас в хоккее нет таких масштабных людей, как Тарасов, который каждую тренировку проводил, как последнюю, и от других требовал такой же отдачи. Он тонко чувствовал звучание каждого игрока, любого звена, выходившего по его воле на площадку, чувствовал так, как хороший дирижер чувствует инструмент своего оркестра. И нельзя не согласиться с его дочерью Татьяной Анатольевной Тарасовой: нет людей, которые «понимали бы его философию, досконально знали методику его работы и не только говорили бы о том, каким деспотичным он был, а были бы в состоянии оценить всё, что он создал».

Тарасов всегда подчеркивал: «Чего бы я стоил, если бы не было на свете Старшинова, Фирсова, моего друга Аркадия Ивановича Чернышева. Сколько еще фамилий можно было бы назвать…»

Преданность делу — на грани фанатизма, до рвоты после матчей, вне зависимости от того, выиграны они были или проиграны.

Беспримерная сосредоточенность в каждое мгновение тренировки, до нее и после.

Постоянная работа над собой.

Великий тренер всегда, каждодневно учился. Перечисление всех, кого он считал своими учителями, — в диапазоне от младшего сержанта Кирпичникова, приучавшего его в казарме к дисциплине, до такого гиганта, как Товаровский, — заполнит несколько страниц. Учился Тарасов у каждого, с кем сводила его судьба. Чему-нибудь, но — у каждого. Он всегда соответствовал переменам в деле, которому служил. Когда у Тарасова спрашивали, сколько нужно учиться, он отвечал: «Всегда». Стоит только перестать учиться — и моментально можно выпасть из процесса: примеров тому множество.

Тарасов — ярчайшее и редчайшее явление для мирового спорта еще и потому, что в нем соединены блистательный экспериментатор, выдающийся теоретик, успешный практик и поразительный психолог. «Уникальность его бесспорна», — считает известный отечественный хоккейный эксперт Юрий Королев, много лет работавший с Тарасовым бок о бок в качестве руководителя комплексной научной группы. Он создал команду-коллектив, в которой было много звездных хоккеистов, но все они были равны. Равны, как Тарасов и задумывал, в требовательности к себе, в стремлении крепить дисциплину, служить примером для молодых игроков. Все в его команде были бойцами. Без зазнайства и капризов.

Коэффициент неприязни советских спортивных начальников к Тарасову, неприязни, порой граничившей с ненавистью (и кто знает, сколько раз эту границу переходившей), зашкаливал до такой степени, что ему даже не удосужились сообщить об избрании его — первого европейца и первого тренера! — в 1974 году в хоккейный Зал славы. Не говоря уже о том, чтобы командировать великого тренера в Торонто для участия в торжественной церемонии. Организаторам в ответ на приглашение, поступившее в Спорткомитет, сообщили, что Тарасов болен. Перстень, причитающийся каждому обитателю самого престижного в мировом хоккее зала, вместе с именной дощечкой тогдашний канадский посол в СССР Роберт Артур Дуглас Форд привез Тарасову в его московскую квартиру.

Кто сейчас помнит имена этих начальников, не любивших Тарасова за неуступчивость, непокорность, жаждавших переделать его — человека, который никому не позволял вмешиваться в свою работу и который ни от кого не выслушивал руководящих указаний?..

В тарасовском доме никогда не обращали внимания на то, у кого какие награды и регалии. Вчерашний день Анатолий Владимирович требовал забыть. «Тебя вчера носили на руках, —

говорил он дочери Татьяне, выдающемуся тренеру по фигурному катанию, самому титулованному в мире в этом виде спорта, — а ночью ты должна написать план завтрашней тренировки». Вперед и снова вперед — девиз тренера Тарасова.

Любой человек не может быть только плохим или только хорошим. Тарасов — не исключение. Он совершенно нормальный человек, со своими достоинствами и недостатками. Но остаются не слабости художника, а его творчество.

Глава первая КОРОТКОЕ ДЕТСТВО

10 декабря 1918 года в семье Екатерины и Владимира Тарасовых в Москве родился мальчик, которого родители назвали Анатолием. Он мог бы стать третьим ребенком в семье, но двое первых прожили совсем немного и умерли в младенчестве.

Владимир Тарасов был ломовым извозчиком, здоровье имел отменное. Екатерина Харитоновна превосходно шила. Происхождения она была простого, но отличалась утонченным вкусом и умением «всё сделать красиво». Среди ее постоянных клиенток некоторое время была известная актриса немого кино Вера Холодная. Согласно легенде Екатерина Тарасова сшила для Холодной, исполнявшей роль Ланиной в фильме Петра Чардынина «У камина», два-три платья.

Екатерина Харитоновна прожила долго и умерла в 1975 году. Ее кончина стала большим потрясением для Анатолия Владимировича. Он всегда гордился матерью, называл ее «Харитонной». По свидетельству супруги Тарасова Нины Григорьевны, мать была единственным человеком, способным повлиять на него: «Очень с ним строго держалась, могла приструнить. И характер у нее был, дай Боже, — властная женщина».

Об отце, одно время после революции занимавшемся бухгалтерским делом, известно мало. «Семейная история, — пишет друг Анатолия Владимировича выдающийся офтальмолог Владимир Акопян, — оставляет без ясного ответа вопрос о судьбе отца». В конце 20-х годов он «ушел по этапу» и уже никогда больше не возвращался. Внук Анатолия Владимировича Алексей Тарасов тоже не имеет о прадеде никакой информации: «Факт лишь, что они с прабабушкой внезапно разошлись, разошлись со страстями, и он был, очевидно, из жизни вычеркнут».

Произошло это, судя по всему, в 1927 году. К тому времени у Анатолия появился младший брат Юрий, родившийся 8 июня 1923 года. Екатерине Харитоновне выпала трудная доля: воспитание двух мальчишек. Она, прежде занимавшаяся в основном домашними делами, пошла работать на фабрику «Красная оборона»: надо было кормить семью, ставить Толю и Юру на ноги.

Детство у братьев Тарасовых, как и у многих их сверстников, было трудным. «Помню, — рассказывал Анатолий Владимирович, — когда выезжали по Савеловской дороге, обязательно брали с собой лукошко. Собирали грибы, ягоды, ландыши… Все это продавали, а вырученные деньги до копеечки отдавали маме».

Отправлялись братья в лес и за птицами. Ловили синиц, чижей, чечеток; в районе станции Лианозово — снегирей; в Марьиной роще — грачей; неподалеку от дома, на окраинной полянке Петровского парка, — снегирей и дроздов. Ловили птиц на специальных «точках». «Точка» представляла собой небольшое место, на котором ребята размещали приманок — обычно самку снегиря. Рядом, под сетью, рассыпали рябину или семена ясеня. Как только птицы слетались на «точку», мальчишки накрывали их сетью. Когда удавалось поймать много птиц, часть из них продавали на птичьем базаре возле Белорусского вокзала.

Одно время Толя и Юра принялись разводить кроликов. Сарая во дворе не было, живность держали в чулане. Запах, понятно, приятным назвать было нельзя, но соседи, зная, насколько трудно живут Тарасовы, не роптали. Кролики помогали: мясо мама готовила, а шкурки ребята продавали.

Екатерина Харитоновна, мастерица на все руки, готовила отменно. Кулинарный талант Анатолия Владимировича и его дочерей — Галины и Татьяны — от мамы. Патриотично и, нет сомнений, искренно упомянув в одном из интервью «школу и пионерию», Тарасов подчеркнул, что больше всего своим воспитанием обязан маме: «Она научила меня самому необходимому в жизни. Даже готовить. Стряпала она очень вкусно. Часто “из топора”. Да и вообще мама у нас с Юрой была мастерицей готовить из ничего».

Не было денег на покупку одежды. Екатерина Харитоновна кроила, штопала, перелицовывала, перешивала из старенького. Получалось — на загляденье. Благодаря маминым стараниям Толя и Юра всегда были одеты чистенько и аккуратно. Екатерина Харитоновна и потом всегда что-то собирала из кусочков, «одевала», вспоминала старшая дочь Анатолия Владимировича Галина, добавляя: «Кстати, первые Танины платья для фигурного катания шила тоже она».

Тарасов рассказывал, что в детстве не мечтал стать известным спортсменом или тем более профессиональным тренером. Спортсмены тогда не были столь популярными людьми, как в послевоенные годы, не говоря уже о днях сегодняшних. Жили Тарасовы на 2-й улице Бебеля, в районе нынешнего стадиона «Динамо». Петровский парк был тогда красивым лесом с большим прудом, и люди приходили сюда погулять и полюбоваться скользившими по глади водоема лебедями. По Масловке ходил трамвай, и маленький Толя Тарасов мечтал стать кондуктором. «Мне нравилась профессия мамы, — вспоминал Анатолий Владимирович. — Она работала швеей-мотористкой на фабрике “Красная оборона”». Ни отец

Толи, ни мама никакого отношения к спорту не имели, и Тарасов, став уже тренером, задавался вопросом: от кого же он «унаследовал гены, хранящие предрасположенность к спорту».

Спорт был страстным увлечением братьев. Особенно — футбол и русский хоккей, то есть хоккей с мячом. В футбол мальчишки играли до занятий в школе, на переменах, иногда и после уроков. Место для игры, правда, было неудобное. Школа располагалась в тесном Петровско-Разумовском проезде, рядом находилась небольшая церковь, и прихожане неодобрительно поглядывали на резвившихся с мячом мальчуганов.

Тарасов говорил, что и на склоне лет помнил свою первую учительницу, Веру Ивановну — «ее аккуратно причесанные светлые и пышные волосы, блузку с жабо, черную юбку». С учениками она была в меру строга, но строгость эта «не была самоцелью — просто наша учительница стремилась к тому, чтобы и в те нелегкие времена мы стали людьми образованными и честными». Вера Ивановна на всю жизнь привила Тарасову вкус к литературе, любовь к Пушкину, Чехову, Горькому, Маяковскому.

К спорту учительница не имела никакого отношения, но Тарасов был убежден в том, что она оказала влияние и на его спортивную жизнь. Перерывы между уроками дети проводили на воздухе. Летом — футбол, зимой — хоккей с мячом. Многие без коньков — о коньках, да еще с ботинками, в те годы можно было только мечтать. Вера Ивановна присматривала за ребятами со стороны. Однажды она сказала Толе: «Играешь ты с азартом — это хорошо. Но азарт застит тебе глаза — это уже плохо. Ведь и в игре, наверное, в первую очередь думать нужно…» «И все годы в спорте, — говорил Тарасов, — я совет своей учительницы старался не забывать».

На одном хоккейном тренерском семинаре в середине 60-х годов разгорелся спор о том, сколько тренировок в день следует проводить во время подготовительного периода — две или три? «Мы, — с улыбкой поведал коллегам Тарасов, — будучи мальчишками, лет сорок назад сделали “открытие”, играя в футбол или — зимой — в хоккей с утра до вечера: только три».

О многоразовых тренировках в своих командах Тарасов говорил, что они «родом из детства», из 20-30-х годов, когда зимой на больших переменах они обязательно играли в хоккей, а после школы бежали на общественный каток или, быстро прикрутив коньки к валенкам, скользили по обледенелым мостовым. «Подсчитать бы, — прикидывал Тарасов, — сколько же мы проводили на льду времени! Наверное, не менее шести-семи часов в день. Во всяком случае, на катках, на замерзших прудах катались допоздна. Сами не уходили. Нас прогоняли дворники

или уводили за руку потерявшие терпение родители».

Рассказывал Тарасов и о безотказном способе знакомства с девушками на катке. Кто-нибудь из ребят, будто бы случайно, толкал девушку, и, когда та уже думала, что падение неизбежно, «один из нас тут же подхватывал ее, увозил в сторону и сажал на скамейку. Кто из девчат в такой ситуации отказывался завязать знакомство со своим спасителем?».

У ребят была тогда своя команда. Ей дали название по имени улицы — «2-я улица Бебеля». Толя Тарасов играл нападающим. Постоянным состав держать не удавалось. «Иногда, — вспоминал Анатолий Владимирович, — нас было только трое — два брата Власовы и я — ветераны и костяк команды, а иногда и одиннадцать. Все определялось условиями матча и количеством уроков, заданных на завтра».

В 1928 году в Москве проводили первую Всесоюзную спартакиаду. На нее пригласили рабочие команды из-за рубежа. Футболисты играли на двух стадионах — том, который впоследствии стали называть стадионом Юных пионеров («Сюпке», как тогда говорили; именно там начинала заниматься потом фигурным катанием Таня Тарасова), или «Динамо». Щуплые мальчишки с легкостью «просачивались» между прутьями металлической ограды.

Однажды Толя заранее пробрался на «пионерский» стадион на матч советской команды с датчанами. Интерес к игре был огромный. Рано утром, только светало, он спрятался под трибуной и промучился там весь день. «Голод терзал меня, — рассказывал он спустя десятилетия, — а бутерброд взять я не сообразил. Цель моя была уже близка — вот-вот, по моим расчетам, должна была начаться игра. И тут я совершил непоправимую ошибку. Услышав голоса, я подумал, что трибуны уже заполнены, и поспешил выскочить из укрытия, чтобы занять место. Но голоса принадлежали милиционерам, совершавшим обход трибун. Они выдворили меня со стадиона. Слезы не помогли. Это было несправедливо. Все-таки им следовало понять чувства мальчишки». Обиду ту Тарасов запомнил на всю жизнь. И при первой же возможности проводил на матчи с участием ЦСКА детей и подростков.

Тарасов всегда говорил, что в детстве ему повезло. Например, в двенадцатилетнем возрасте он записался в детско-юношескую школу московского «Динамо». И очутился «в раю»: и настоящий тренер, и продуманность и увлекательность тренировок, и — главное — настоящая форма! «Это казалось сказкой, хрупкой мечтой, сном. Может быть, поэтому я до сих пор, — писал Тарасов в 1974 году, — храню динамовские футболку и гетры.

Нам их предоставляли на вечное пользование. Тренеры, руководители школы были предельно внимательны к нам. Они ходили в школы, в которых мы учились, знали, где и как мы живем, искренне интересовались всеми нашими делами и житьем-бытьем. Конечно, тогда я не понимал, что взрослые беспокоятся о том, чтобы стали мальчишки не только хорошими футболистами и хоккеистами, но и хорошими, настоящими людьми».

В динамовской школе ребятам время от времени выдавали талоны на питание. На три рубля. («Знаешь, что это такое? — вопрошал Тарасов журналиста Геннадия Орлова, бравшего у тренера интервью для прозвучавшего в начале 90-х телефильма «Хоккей Анатолия Тарасова». — Это двадцать бутербродов можно было принести маме!») Иногда Толя отоваривал талоны не бутербродами, а пирожными — наполеоном или эклерами — и угощал маму.

Как знать, быть может, воспоминания о том периоде своего детства натолкнули Анатолия Владимировича в 1964 году на мысль о создании беспрецедентного для всего мирового спорта турнира детских хоккейных команд под названием «Золотая шайба».

В 1936 году «юным динамовцем» стал и Юрий Тарасов, которого привел в секцию брат. Примерно в те же дни в общество «Юный динамовец» приняли Борю Кулагина. Ребята познакомились и подружились. И оставались близкими друзьями до трагической гибели Юрия Тарасова, летевшего с командой ВВС на хоккейный матч в том самом самолете, который разбился под Свердловском.

Юрия и Бориса в состав хоккейной (с мячом) команды поставили рядом: Тарасова определили левым полусредним, Кулагина — центральным нападающим. Таким дружным дуэтом они прошли все динамовские команды: детские двух возрастов, юношескую, а зимой 1940/41 года играли и за молодежный состав. «Анатолий Тарасов, — вспоминал Борис Кулагин, — был старше нас на шесть лет и выступал в то время во второй мужской команде, тоже преодолев все ступени динамовского клуба. Он благосклонно опекал нас, помогал, учил, но всегда с такой страстью, с такой жесткой требовательностью, что замечаний его, разборов нашей игры мы всегда ждали с трепетом».

Братья, внешне похожие, характером отличались. Юрий был мягче, приветливее, добрее. Борис Кулагин говорил потом: «Наша верная детская дружба душевно обогащала нас». Однажды во время знаменитого матча команды мастеров «Динамо» с

футболистами Басконии они подавали мячи участникам встречи.

«Анатолий в свои семнадцать лет, когда я увидел его впервые, уже держался самостоятельно, — вспоминал Борис Павлович, — в суждениях был независим и категоричен, решительно высказывал их не только нам, мальчишкам, но и взрослым, опытным игрокам, и, честное слово, его и тогда слушать было фантастически интересно».

Зимой и летом по пятницам Юра и Борис после уроков мчались на «Динамо», где раз в неделю заседал тренерский совет, определявший составы всех клубных команд на очередной матч чемпионата Москвы по хоккею или футболу. Потом вывешивались списки. Мальчишки лихорадочно искали свои фамилии в самом низу, находили, успокаивались и начинали не спеша просматривать все составы и на самом верху «с благоговением» читали: Якушин, Трофимов, Коротков, Поставнин, Чернышев. И, рядом с ними, имя старшего брата: Тарасов…

Но всё это, конечно, произошло не сразу. Одно время футболом и хоккеем с динамовскими мальчишками занимался Александр Квасников, основной вратарь футбольной команды мастеров «Динамо». Потом с ними стал работать Александр Ремин. Тарасов играл сначала за команду мальчиков. Сыграв воскресным утром матч, оставался на стадионе на весь день — смотрел с приятелями игры команд других возрастов.

Анатолий стал капитаном команды мальчиков. Ребята сами, без тренеров выбрали его. О таком понятии, как «лидерские качества», никто из них не ведал — но ребята сразу почуяли в нем вожака, который не подведет и на которого можно положиться.

В те времена спартакиады школьников для всей страны еще не проводились. Устраивали пробные соревнования. Тарасов попал в сборную школьников Москвы по хоккею с мячом — вместе с динамовцами и ребятами из «Буревестника». Играли на том самом стадионе Юных пионеров. Жила московская команда в старенькой гостинице возле Киевского вокзала. Там же ребят и кормили три раза в день. Настоящие сборы! Они чувствовали себя истинными спортсменами, «горели энтузиазмом». Мальчишки с гордостью щеголяли в новенькой форме — красной с белой полосой на груди и эмблемой Москвы. К турнирным матчам относились как к главному событию в жизни. Готовы были тренироваться круглые сутки — с короткими перерывами на еду и отдых. Тренеры сдерживали их порыв. Однажды команда даже отказалась поехать на концерт, запланированный организаторами для всех участников. «Трата времени, — вспоминал Тарасов, — казалась нам неразумной».

Тарасов очень хорошо запомнил первые в его жизни крупные соревнования: «Это была первая сборная, к которой я имел непосредственное отношение. И потому еще все происходившее на СЮПе врезалось в память, что мы выиграли и я тогда впервые понял, что это такое — счастье победы».

В юношеские годы он не пропускал не только ни одного футбольного или хоккейного матча, но и старался бывать на тренировках команд, приезжавших заниматься на стадион Юных пионеров. Особенно нравилось ему наблюдать за занятиями «Пищевика», из которого вырос потом «Спартак».

Толе и в голову не приходило тогда вести записи увиденного. Его феноменальная память, однако, зафиксировала работу братьев Старостиных (особенно он восхищался Андреем, с которым затем не раз встречался на футбольных и хоккейных площадках и на тренерских перекрестках), игру «профессора футбола» Петра Исакова, удары по воротам Павла Канунникова… «Не мне одному, — вспоминал он, — хотелось увидеть его фантастический удар, молва о котором пришла к нам, мальчишкам, в виде легенды — мы настойчиво уверяли друг друга, что с правой ноги бить ему запрещали, так как он мог сломать штангу ворот или даже убить человека». Футбольная молва в 20-е годы прошлого века приписывала немыслимой силы удар и ленинградскому форварду Михаилу Бутусову.

Став известным тренером, Анатолий Владимирович рассказывал, что в детстве был влюблен и в динамовца Василия Павлова, которого называли тогда «королем голов». Импонировал Тарасову Михаил Якушин — «своей оригинальностью, неповторимостью, стремлением к постоянному творчеству, к поиску». «Михаил Иосифович, — писал Тарасов, — никогда, кажется мне, не тренировался и не играл сегодня так, как вчера».

«Никто не заставлял их работать так истово, самозабвенно, с такой страстностью и преданностью спорту, — оценивал впоследствии Тарасов увиденное. — Имея несколько часов свободного времени, они целиком посвящали свой отдых любимому увлечению. Была какая-то внутренняя организованность и на тренировках, и в отношении спортсменов в команде, был строгий, даже суровый, однако никем не навязанный порядок. Спортом занимались лишь фанатики, которым не нужны были душеспасительные беседы или выговоры».

Быть может, именно тогда, в юношеские годы, у Тарасова и отложилось навсегда в сознании: неповторимость, разнообразие, самозабвенность, страстность, преданность, организованность, порядок — всё это должно быть поставлено во главу угла

тренерской деятельности. Спустя годы он говорил своим подопечным: «Как бы вам тяжело ни было, всё делайте весело, с улыбкой». Борис Михайлов, выдающийся капитан ЦСКА и сборной СССР, не кривит душой, когда признаётся, что шел на тарасовские тренировки, выдержать которые, казалось, было невозможно, как на праздник: «Я не знал, чем сегодня мы будем заниматься, чем завтра. Ежедневно Тарасов придумывал что-то новое. Не подлежавшими изменениям оставались только требовательность Тарасова, высокий уровень самоотдачи, строжайшая дисциплина при выполнении каждого упражнения».

С ранних лет для Толи возникла настоятельная необходимость помогать маме. В возрасте четырнадцати лет, окончив семь классов обычной школы, он поступил в фабрично-заводское училище имени Калинина завода № 32. Оно располагалось на 1-й Миусской улице. В ФЗУ, как говорится в свидетельстве за номером 49, «тов. Тарасов А. В. окончил полный курс производственного и теоретического обучения». Постановлением квалификационной комиссии от 25 ноября 1934 года, то есть за полмесяца до шестнадцатилетия, ему была присвоена квалификация 3-го разряда по специальности слесаря. Под этим документом первой стоит подпись начальника школы Малеча. 12 месяцев учебы, и Толю направили учеником слесаря на авиационный завод. В книге «Путь к себе» Тарасов заметил об этом периоде своей жизни, что ему повезло. Прежде всего тем, что он попал под наставничество прекрасного педагога, «человека строгого и к себе, и к людям, рабочего высокой квалификации» Василия Игнатьевича Агеева. Тарасов считал, и считал не без оснований, что многим обязан ему. Мастер исподволь приучал подопечных к жесткой дисциплине, не терпел разгильдяйства, на собственном примере показывал, как следует относиться к работе, как следует трудиться и как следует жить в коллективе. «С помощью Агеева, под его опекой я стал настоящим рабочим, — убежден Тарасов. — Мои дела пошли в гору. Мне присвоили третий рабочий разряд (в ФЗУ он получил третий ученический), потом — четвертый, пятый, хотя в ту пору мне не было и восемнадцати лет».

Тарасов любил возиться с инструментами. Ножовка, напильник, молоток, зубило, отвертка всегда были под рукой. До конца жизни он неплохо мастерил своими руками. Очень любил чертить и чертил с поразительной точностью.

Особенно тяжелой становилась работа на заводе в третьей декаде месяца, «авральной», как ее называли, когда приходилось оставаться допоздна. На заработки Тарасов не жаловался. Жить стало полегче. В день получки Анатолий всегда покупал на обед

шесть винегретов («бесподобной вкусноты!» — вспоминал он), в обычные дни позволял себе парочку. О разносолах даже не думал. Зарплату отдавал Екатерине Харитоновне. Себе оставлял копейки — на кино. «Фильм “Путевка в жизнь”, — можно обнаружить в записях Тарасова, — пересмотрел раз десять. И всегда с интересом».

Появилась возможность и продолжить учебу. Вариантов для этого было много. Его друг Володя Кочетков уговаривал пойти учиться на электрика. Любовь к спорту — Тарасов и во время учебы в ФЗУ, и во время работы на авиазаводе продолжал играть в футбол и хоккей — пересилила. В августе 1937 года восемнадцатилетний Анатолий Тарасов поступил в Высшую школу тренеров Центрального института физической культуры. Выбор этот в жизни Тарасова стал судьбоносным.

Поначалу, даже обучаясь в ВШТ, Тарасов и не думал о том, чтобы всерьез учить других, приняв на себя тренерские обязанности. Ему просто хотелось расширить познания в футболе и хоккее, стать, как он говорил, «достойным партнером или соперником» своих кумиров.

В институте были неплохие футбольная и хоккейная команды. В чемпионате Москвы они успешно играли против популярных клубов. Тарасов спустя годы признавался, что именно в институтских командах он «приобрел интерес к творческому построению матча и — что более важно — тренировки, научился контролировать и анализировать свои игровые решения, отношение к учебным занятиям, научился думать и искать, понимать спорт».

Сокурсники Тарасова перед каждым матчем и каждой тренировкой устраивали, как сейчас бы выразились, «мозговой штурм». Фонтанировали идеями, предлагали тактические варианты на игры и старались аргументированно защищать свои предложения, придумывали самые невероятные упражнения для занятий, в дискуссиях приходили к единому знаменателю, отсекая всё лишнее, и потом, на поле, старательно исполняли задуманное.

Учеба заставила Тарасова уйти с завода. Семье вновь стало сложно сводить концы с концами. «А я ведь, — вспоминал Тарасов, — должен был думать и о младшем брате». Друзья посоветовали ему в 1938 году совмещать учебу с тренерской работой и помогли найти место для приложения творческих сил — Загорскую рабочую футбольную команду. Именно с нее берет свое начало тренерская деятельность Анатолия Владимировича Тарасова.

Глава вторая ТОВАРОВСКИЙ

Прежде чем отправиться в Загорск, Тарасов, конечно же, испросил благословения у преподавателя ВШТ Михаила Давидовича Товаровского. До конца жизни Тарасов называл его своим «крестным отцом» в тренерском деле, наставившим его на «путь истинный» и открывшим все секреты хлопотной тренерской должности.

Товаровский — одна из самых недооцененных фигур отечественного спорта середины XX века. Его имени нет даже в самой объемной — трехтомной — футбольной энциклопедии, изданной в России в 2012-2013 годах.

Родом Товаровский из Орловца Киевской губернии. В год рождения Тарасова в пятнадцатилетием возрасте стал играть в Киеве в клубной команде КЛС. Потом — в «Желдоре» (что расшифровывалось как «Железнодорожник»), команде «Совторгслужащие», несколько месяцев в киевском «Динамо», входил в состав сборной города. Профессионалом, понятно, не был, работал счетоводом в киевском отделении Госбанка СССР. С юных лет увлекался теорией футбольной игры, тактикой и незаметно стал одним из самых крупных теоретиков в стране в этой сфере деятельности. Когда встал вопрос о том, кому возглавлять кафедру спортивных игр Института физкультуры в Москве, куда Товаровский перебрался из Киева, сомнений не возникло. К 1939 году Михаил Давидович успел вывести киевское «Динамо» на второе место в весеннем чемпионате СССР в 1936 году и на третье — в 1937-м.

Многие годы книги Товаровского о теории игры и методике подготовки футболистов входили в список обязательных учебников для студентов спортивных вузов и слушателей тренерских школ. Тарасов был убежден, что «сотни, если не тысячи сегодняшних тренеров обязаны своей счастливой судьбой Михаилу Давидовичу, давшему путевку в жизнь великому множеству спортивных педагогов». «Это счастье, что жизнь свела меня с великим Товаровским, — говорил он. — Профессором. Человеком редкостного таланта. Рафинированным интеллигентом. Его уважал сам Михей — знаменитый футбольный тренер Михаил Иосифович Якушин. Товаровский ценил в спортсменах мастерство, но практически никогда не работал с большими командами. Короткий отрезок времени, проведенный в киевском «Динамо» в конце 30-х годов, — исключение. В силу природной интеллигентности он не мог повысить голос и — тем более — стукнуть кулаком по столу,

когда требовалось. Но педагогом Михаил Давидович был гениальным. Его я считаю своим учителем. Много ли вы знаете профессоров, которые в ответ на вопрос студента могли сказать: “Я не знаю, мне нужно подумать, приходите завтра”. Товаровский не стеснялся так говорить. Он все время учился у других».

По воспоминаниям Тарасова, Товаровский «расхаживал между рядами парт и не назойливо, но основательно вдалбливал в наши головы: это будет очень престижная профессия, о тренерах высокой квалификации будет знать вся страна, тренеры будут получать ордена…». Это он говорил, когда не только орденов на тренерских пиджаках не было, но и самого института тренеров фактически не существовало. В командах по игровым видам спорта в основном были играющие тренеры. Слова Товаровского падали, как оказалось, на благодатную почву. Во всяком случае, в отношении Тарасова.

В 1948 году Тарасова и Чернышева решили командировать на зимние Олимпийские игры в Санкт-Мориц — посмотреть на хоккейный турнир. За три дня до отъезда Тарасов получил заграничный паспорт с необходимыми для выезда отметками и позвонил Товаровскому: «Михаил Давидович, нас с Аркадием посылают на Олимпиаду!» — «Молодой человек, вы опять недодумали. Приезжайте ко мне», — услышал он после длительного молчания. Когда Товаровский был недоволен Тарасовым, он говорил ему «молодой человек» — голосом с вкраплением металлических ноток. (От Товаровского, надо полагать, Тарасов и перенял обращение «молодой человек» — совершенно безобидное на первый взгляд, от которого, однако, как говорил Владислав Третьяк, «кровь в жилах стыла».) Тарасов поехал к Товаровскому. «Он был настолько недоволен мною, — вспоминал Тарасов позднее, — что даже, кажется, не поздоровался. И не предложил мне сесть. Он умел подчеркнуть степень своего недовольства. Сказал мне: „Сегодня же поезжайте в комитет и сдайте паспорт и билет — еще успеете. Если вы сами не подумали о том, что не стоит вам никуда ехать, я вынужден вам подсказывать это. Сдайте и подумайте о причине, по которой вам надлежит сделать это“. Я смотрел на него и ничего не понимал. Знаю, что он абсолютно трезвый. И знаю также, что Михаил Давидович всегда прежде думает, все взвешивает, а только потом говорит. Мудрейший человек».

Прощаясь, Товаровский предложил Тарасову: «После того как сдадите документы, позвоните, пожалуйста, мне и сообщите, почему я предложил молодому тренеру сделать такой шаг». Паспорт и билет Тарасов сдал, пробормотав в Спорткомитете что-то о возникших на работе «сложностях». На него посмотрели как

на чудака, решившего отказаться от крупного выигрыша — можно только представить, как тогда, в конце 40-х годов, в стране, отгородившейся от мира «железным занавесом», относились к возможности побывать в Швейцарии, да еще на Олимпийских играх и за казенный счет.

Чернышев, которому Тарасов сообщил о возникшей ситуации, изумился: «Толя, да ты что?! Нам же надо посмотреть, нам же, придет время, играть с канадцами!» Тарасов не стал в разговоре с Аркадием Ивановичем жаловаться на Товаровского, вообще на него не сослался. А вечером, позвонив и доложив о сдаче документов, услышал от Михаила Давидовича: «Как ты не поймешь? Или ты будешь сам все выдумывать — тренировочные упражнения, тактические построения, — или ты слижешь языком и будешь играть в канадский хоккей, и они тебя сто лет будут обыгрывать». Аркадий Иванович тогда в Санкт-Морице побывал, канадцев видел и по возвращении рассказал Тарасову, что его поразила организация игры команды в обороне.

Об этой ситуации Тарасов подробно поведал в трехчасовом телевизионном фильме «Хоккей Анатолия Тарасова», изящно сделанном Эмилем Мухиным и Геннадием Орловым. В вышедшей в 2015 году в Москве книге «Родоначальники и новички» эта же история преподносится Тарасовым в несколько ином виде:

«В Скандинавии гастролировал канадский любительский хоккейный клуб, и мне предложили собираться в дорогу, чтобы посмотреть его выступления. Радостный, окрыленный, я тут же сообщил по телефону эту чудесную новость Михаилу Давидовичу Товаровскому. Он попросил меня приехать к нему домой. Встретил удивительно холодно. “Так, куда это вы, молодой человек, собрались?” — спросил он меня в своей обычной ироничной манере. Я объяснил, что есть возможность увидеть на хоккейной площадке и шведов, и финнов, а главное — канадцев, о которых ходят легенды. “Вам не следует никуда ехать!” — огорошил меня мой наставник. “Почему?” — недоумевал я. “Вы не созрели смотреть зарубежный хоккей, — отвечал Товаровский. — Ведь если вы увидите иностранцев, сами уже ничего придумывать не будете — так человек устроен. А надо выдумывать, создавать свое. Когда твердо встанете на собственный путь — тогда и ездите, смотрите!”».

При всех видимых различиях (Олимпийские игры и турне канадского любительского клуба, Санкт-Мориц и Скандинавия) суть одна: Товаровский настоятельно рекомендовал Тарасову воздержаться от просмотра матчей и тренировок с участием канадских хоккеистов и неминуемого копирования увиденного. Товаровский призывал молодого специалиста «выдумывать,

создавать свое». Для Тарасова, и без того вставшего в те годы на путь постоянного созидания, аргументированный совет мастера стал дополнительным мощным толчком в деле, которому он посвятил жизнь, — строительства своего хоккея, причем не только хоккея сиюминутного, сегодняшнего, но и — грядущего. Не предсказанного во время гадания на кофейной гуще, не основанного на теоретическом прогнозе, а вылущенного из контуров тренировок и игр — предвиденного.

«Добро» на просмотр канадцев Товаровский дал Тарасову в 1951 году. Заокеанская любительская команда играла в Швеции и Финляндии. Тарасов от канадцев не отрывал глаз, наблюдал за ними на тренировках, в матчах, в быту. «Мне казалось, — вспоминал он, — что я сумею подметить что-то необычное, очень важное для себя. Но мне не повезло. На тренировках тренер лишь изредка давал о себе знать — то свистком, то короткой недовольной репликой или гримасой. По ходу матча он, кажется, только и делал, что открывал “калитку”, контролируя смену игроков. И практически после каждой игры его, в стельку пьяного, хоккеисты уводили под руки в номер отеля».

Разница в возрасте — Товаровский старше Тарасова на 15 лет — не помешала двум гигантам подружиться. Татьяна Тарасова, отвечая на мой вопрос о друзьях отца, первым назвала Михаила Давидовича. Владимир Акопян, рассказывая о своем знакомстве с профессором Товаровским в квартире Тарасова ранней осенью 1968 года, за несколько месяцев до кончины выдающегося педагога (злокачественная форма заболевания крови унесла его жизнь 6 января 1969 года), отмечал, что Михаил Давидович «производил впечатление рафинированного, но жесткого интеллигента. В нем сразу чувствовались “профессорский” стиль общения, назидательная, хотя и сдержанная манера разговаривать».

Владимир Акопян помог уладить вопрос с неотложной госпитализацией Товаровского в гематологическое отделение госпиталя имени Бурденко. А незадолго до этого профессор вернулся из Голландии, где знакомился с работой тренеров в местных футбольных клубах. В 1968 году у «Аякса» и близко не было еще ни одного европейского титула. Сборная Голландии из турнира в турнир не проходила квалификационные раунды чемпионатов мира и Европы. Определение «тотальный футбол» покоилось тогда «на дне чернильниц». А Товаровский, по свидетельству Акопяна, на кухне тарасовской квартиры рассказывал: «Голландский футбол обязательно достигнет мировых высот, так как имеет фантастическую учебно-тренировочную базу. В стране несметное число футбольных полей

высшего качества, которое не снилось даже нашим лучшим стадионам. Учебный процесс организован безукоризненно. Я видел немало очень талантливой молодежи. В недалеком будущем их национальная команда может стать чемпионом мира!»

Тарасов показал тогда Акопяну черно-белую фотографию Товаровского, подаренную ему профессором 20 лет назад. На оборотной стороне было написано:

«Анатолий! Поздравляю с успехом. Однако помните, что первый успех, особенно в нашем трудном деле, иногда “кружит” голову. Это очень опасно. Сумейте быть свободным от этого. Скромность, честность, упорство и культура в работе, твердая непримиримость ко всему тому, что тянет наш спорт вниз, — вот о чем хочется Вам напомнить в день, приятный для Вас и, по вполне понятным причинам, для меня. М. Товаровский. 22.09.46».

Это было поздравление с выходом футбольной команды ВВС в группу «А».

А тогда, в 1938-м, когда Тарасов попросил разрешения одновременно и учиться, и тренировать, Товаровский, подумав, посмотрел внимательно на ученика и твердо сказал:

«Я не только не возражаю, но и приветствую вашу идею. У вас много свободного времени, вот и потратьте его на практические занятия. У вас нет командного голоса, да и вообще много чего нет. Идите, работайте!»

И Тарасов стал без отрыва от учебы три-четыре раза в неделю ездить в Загорск и тренировать рабочую команду. Девятнадцатилетний тренер свято следовал совету Товаровского — «каждый день, на каждое занятие приходить с новыми упражнениями, с новым тренерским материалом», старался использовать в работе и кое-что из институтского опыта. Уже тогда он пришел к выводу о необходимости придумывать что-то новое, свое. С девятнадцати лет Тарасов стал заносить в специальную картотеку подсмотренные им или же придуманные самим упражнения и циклы упражнений, направленные на достижение тех или иных тренировочных целей. К повседневной работе с картотекой, занятию рутинному, но крайне необходимому, Тарасова приучил Товаровский, сам обладавший богатейшим досье тренировочных упражнений любой направленности.

Товаровский и педагогов в школу тренеров подбирал соответствовавших высокому уровню фактически созданного им учебного заведения. «У нас были высококвалифицированные педагоги, заинтересованные в том, чтобы мы приобретали глубокие знания. Да и сами мы были, очевидно, подходившим

для этого материалом», — писал Тарасов. Вспоминал он и о том, какой дружной была их группа. Несмотря на то что вместе учились люди «разного возраста, с разными характерами и вкусами», всех их объединяло одно — фанатичная преданность спорту.

Скорость, сопровождавшая тогдашнюю жизнь Тарасова, поражает! 1 августа 1939 года утром двадцатилетний молодой человек сдал в школе тренеров последний экзамен — по химии, стал дипломированным специалистом. Днем того же дня он зарегистрировал брак с Ниной Забелиной, а вечером сел в поезд и отправился в Одессу.

С Ниной Григорьевной они познакомились в 1937 году в Институте физкультуры. Будущая жена Тарасова там училась, а он занимался на тренерских курсах у Товаровского. К институту Высшая школа тренеров имела самое непосредственное отношение. Студенты и «курсанты» ежегодно принимали участие в физкультурных парадах. В одном из них, проходившем на Красной площади под девизом «Если завтра война», Нина и Анатолий участвовали вместе. Она была гимнасткой, выступала в массовых гимнастических сценах. Тарасов и его друзья-игровики входили в так называемую «рабочую бригаду»: они становились плотной группой, над головами держали щиты, по которым, как по мосту, сооруженному на стороне ГУМа, проезжали спортсмены на мотоциклах. Тарасов вспоминал, как одному парню — из тех, кто держал щиты, — на репетиции оторвало ухо. То ли он занял неправильную позицию, наплевав на технику безопасности, то ли мотоцикл проехал слишком близко от края щита (шириной всего 80 сантиметров). Началась «забастовка» «щитовиков». Конечно же, необъявленная: попробуй тогда объяви забастовку… Все увиливали от того, чтобы становиться под щиты. «Тогда, — рассказывал Тарасов, — Женька Грингаут, немец по национальности, собрал нас и сказал: ребята, встаньте, я проеду, никого не задену. Встали, он проехал, больше не бастовали. Энтузиазмом — искренним, не показным — были переполнены».

Летом студенты и слушатели курсов выезжали в Серпухов, на Оку — готовиться к параду. «В одной палатке, — вспоминала Нина Григорьевна, — обитали парни, в другой — девчонки». Вечерами ребята из тренерской школы приходили в гости к девушкам. Пели под гитару, танцевали. Тогда Нина и Анатолий впервые обратили друг на друга внимание. Нине, кстати, показалось, что и Толя пел, но потом выяснилось, что пели другие, а у Анатолия слуха не было вовсе. И когда после свадьбы Тарасов иногда запевал, Нина просила его немедленно прекратить.

Когда Тарасов закончил обучение в ВШТ, Нина перешла на четвертый курс. Молодые люди ни с кем советоваться не стали, даже с самыми близкими родственниками, и решили пожениться. Всё произошло на редкость буднично: взяв в свидетели друга Толи — Васю Боголюбова, они пошли в загс Бауманского райисполкома; их тут же расписали, и они отправились в столовую Института физкультуры, где заказали себе блюдо, на которое в обычные дни расщедриться не могли, — бефстроганов. А еще — компот. Нина по торжественному случаю принарядилась: надела, как рассказывает Татьяна Анатольевна Тарасова, «единственное ситцевое платье и белые носочки. В институте все ходили в тренировочных штанах и парусиновых тапочках, которые бесплатно выдавали студентам». По пути из загса в институт Анатолий купил семь кустовых гвоздик и красивую вазу. Гвоздики с той поры стали цветами семьи Тарасовых. С цветами и вазой Нина после обеда, для пары торжественного, вернулась в общежитие, где проживала с подругами по институту, а Анатолий поехал в Одессу, где стал играть за местное «Динамо». Девчонки в общежитии заахали: «Что, замуж вышла?» — «Да», — ответила Нина Григорьевна. Вот и вся «свадьба-гулянка».

«Перед тем как отправиться на вокзал, — вспоминала Нина Григорьевна, — Толя заскочил к себе домой на Бебеля за вещами и оставил Екатерине Харитоновне — она была на работе — записку: “Мама, я, кажется, женился!”». Почти полгода новобрачные виделись урывками. В те дни, когда одесские динамовцы приезжали на игры в Москву, Тарасов всегда привозил жене из Одессы (иногда присылал с оказией) подарки. В основном туфли и босоножки — дефицит для столицы в то время.

По свидетельству Нины Григорьевны, Екатерина Харитоновна восприняла невестку поначалу «не очень хорошо» — ничего себе, сын внезапно женился в 20 лет! Но потом «относилась сказочно»: всегда, вспоминала Нина Григорьевна, она могла свекрови на Толю пожаловаться. «На 2-й улице Бебеля, — вспоминала Нина Григорьевна, — мы поначалу втроем жили, без всяких удобств, печку зимой растапливали… А как она потом дочек наших обожала! Те за бабушкой, как за каменной стеной были. Все им дозволяла…»

Почему Тарасов поехал именно в Одессу? Во время учебы в ВШТ им постоянно интересовались в московском «Динамо». В клубных динамовских командах Тарасов проходил практику, о его динамовском прошлом всем было известно. Решение уехать в Одессу он сам потом назвал «неверным и несправедливым» по отношению к московскому «Динамо» и спустя годы принес

извинения давним своим товарищам по динамовской команде.

Но причина отъезда была в общем-то веской. Как говорил сам Тарасов, он «не мог оставаться в прославленном клубе, потому что там было слишком много известных мастеров футбола и хоккея» и ему трудно было рассчитывать на то, что он сразу получит место в основном составе. Испугался конкуренции? Возможно. Но в то же время нельзя не отдать должное жесткой и объективной тарасовской самооценке. Несмотря на молодость, он не витал в облаках, а уже твердо стоял на земле, прекрасно осознавал свои потенциальные возможности, знал свой уровень и игроцкий потолок. И — самое главное! — он хотел играть, а не прозябать в запасе у более квалифицированных и мастеровитых футболистов. «Да, — признавался Тарасов, — пошел по пути наименьшего сопротивления, но перешел в команду, где мне гарантировали включение в основной состав».

В Одессу Тарасов отправился со своим другом Сашей Афонькиным. В ВШТ они учились вместе. До Одессы Тарасов редко куда выезжал, тем более надолго. «Хорошо, что рядом был прекрасный друг, — вспоминал о том периоде Тарасов. — Молчаливый, скромный, беззаветно преданный футболу. Он мог тренироваться три-четыре раза в день. Ради спорта мог забыть об обеде, ужине и сне». Тарасов и сам был таким.

Играть в команде мастеров одесского «Динамо», выступавшей в чемпионате страны в группе «А», было интересно, о сделанном выборе Тарасов не жалел. Но вскоре он почувствовал, что в большей степени, нежели игровые проблемы или же проблемы, связанные с собственным мастерством, его начинают волновать вопросы, имеющие отношение к подготовке всей команды.

Примерно через полтора месяца после появления Тарасова в Одессе газета «Красный спорт» разразилась статьей «Команда или не команда?» (за авторством В. Хаселева), посвященной одесскому «Динамо». Из нее становится ясно, куда Тарасов на самом деле попал.

«Команда мастеров футбола одесского “Динамо”, — говорилось в статье, — по праву ранее считалась одной из сильнейших в стране. Она успешно выступала в первенстве СССР 1937 и 1938 гг., дважды играла в четвертьфинале Кубка Украины. За это время в команде окрепла дисциплина, систематически проводилась политико-воспитательная работа. Динамовцы были инициаторами социалистического соревнования среди футбольных коллективов. Много полезного дал команде коммунист Г. Бланк.

Началось первенство СССР 1939 г., и одесское “Динамо” на своем поле терпит подряд два поражения. Это было достаточным

для того, чтобы незадачливые руководители ЦС “Динамо” Украины одним росчерком пера, не выслушав мнения футболистов и местных физкультурных организаций, без ведома физкультурного комитета сняли Бланка с работы. Против него было состряпано никем не проверенное дело по обвинению якобы в финансовой нечистоплотности. Тренировать динамовцев поручили игроку этой же команды Малхасову, который никакой пользы принести не мог… В команде фактически начался разброд. Упала дисциплина, забыли о политучебе, стала процветать семейственность (политрука нет еще в команде по сей день), участились случаи пьянства и хулиганства на поле. Коллектив начал терпеть поражение за поражением.

Ни Центральный совет Украины, ни ЦС “Динамо” не интересовались причинами поражений динамовцев. Выносится поспешное и неправильное решение об исключении команды из розыгрыша первенства страны… Это произошло в августе. Динамовцы приехали в Москву на игру с “Металлургом”. На вокзале их встретил представитель “Металлурга” и заявил: “Принять команду я, конечно, могу, но вообще мне кажется, что зря вы приехали. Вы уже не команда…” “Не команда” явилась на стадион “Динамо”, но в общежитии ее не приняли по тем же соображениям. Удрученные и усталые с дороги сидели на чемоданах одесские футболисты, дожидаясь, пока решится спор в ЦС — оставить или не оставить команду в розыгрыше. По настоянию Всесоюзного комитета физкультуры одесситы в розыгрыше остались. Но эти разговоры и переживания, естественно, отрицательно отразились на игроках команды. Одесские динамовские организации, плохо руководившие своим коллективом, поздно спохватились, приняв ряд оздоровительных мер. Несколько футболистов были правильно исключены из команды, но затем это исключение приняло огульный характер. Был также назначен новый (третий за год) тренер — Лапидус. К ответственному делу этот тренер отнесся без любви. Лапидус не пользуется авторитетом в команде, он не занимался исправлением ошибок динамовцев в игре, разработкой тактики и системы. За день до матча с ленинградским “Динамо” Лапидус назначил тренировку и обсуждение предстоящей игры. Напрасно ждали целый день футболисты своего тренера, он явился, весь обвешанный покупками из магазина. Лишь ночью, вспомнив о необходимости провести собрание, он предложил игрокам встать с постелей. Начальник команды запретил это. Тогда возмущенный Лапидус телеграфирует в Одессу об отказе от тренерства. Оставшись без тренера, команда выставила состав на матч с ленинградским “Динамо” сама, за… десять минут до

начала игры. Бесспорно, что и это отразилось на игре. Совокупность всех этих фактов привела команду к поражениям. Команда потеряла веру в себя, в свои силы и выходит на поле не с желанием победить, а с целью проиграть с небольшим счетом…»

О происходящем в команде общественность информировала и местная пресса. В последних числах июля — начале августа 1939 года газета «Большевистское знамя» развернула кампанию по обновлению личного и руководящего состава: «В команде нет квалифицированного тренера, футболисты не соблюдают строгого режима и дисциплины. Надо обновить состав, усилить его молодыми способными игроками» (29 июля). Через неделю (4 августа) газета потребовала «немедленно заняться укреплением команды». После появления в команде Лапидуса и контрольного матча со сборной города в «Большевистском знамени» было отмечено: «Матч убедительно показал, что при усердной работе над собой и повседневной тренировке команда мастеров “Динамо” сможет исправить свое тяжелое положение в розыгрыше первенства страны… Нападение динамовцев сейчас значительно укрепили новыми игроками — Афонькин и Тарасов зарекомендовали себя с самой лучшей стороны».

Методы работы Лапидуса Тарасову не понравились сразу. Он не понимал, как можно в спортивной команде, где собраны футболисты с разными взглядами не только на игру, но и на жизнь, вести себя, словно заштатный лектор. «Отбарабанил — и до свидания, до следующей лекции, а что уяснили, что взяли для себя из его лекции слушатели — это уже неважно». Казалось, что тренер думает только об одном — лишь бы избежать перемен; страсть и рвение в его работе отсутствуют напрочь.

Спустя годы Тарасов, всегда старавшийся объективно разбирать работу любого коллеги, допускал, что был не прав в своих поспешных оценках Лапидуса: «Наверное, у нашего тогдашнего наставника были немалые достоинства, и я просто-напросто, в силу молодости и отсутствия должного опыта, не умел взять у него то хорошее, что составляло сильные стороны его педагогического мастерства».

Еще больше Тарасова поразило поведение следующего тренера одесского «Динамо» — Владимира Козырского. Тарасов хорошо его знал. Козырский учился вместе с ним и Афонькиным в ВШТ. В рядах лучших слушателей школы он никогда не числился, мастерством (а Козырский играл в воротах) не отличался. Если и брали его на товарищеские матчи, проводившиеся в провинциальных городах, то лишь по причине неплохих организаторских способностей. Администратор в чистом виде — гостиницей обеспечить студенческую команду, питанием,

билетами на поезд и «выбить» из организаторов поездки небольшой гонорар для футболистов. По всей вероятности, организаторские качества и помогли Козырскому встать во главе одесского «Динамо».

Новая должность изменила Козырского моментально. Первым делом он отдалился от Тарасова и Афонькина — вместо того чтобы использовать недавних выпускников ВШТ в качестве квалифицированных помощников. «Не мог же он, — задавался вопросом Тарасов, — не понимать, что мы можем быть весьма полезны ему не просто как бывшие соученики, а как спортсмены, которые учились у тех же педагогов и которые, следовательно, исповедуют те же игровые принципы, придерживаются тех же взглядов на футбол, на его суть и смысл?» Отношения с игроками, в том числе с Тарасовым и Афонькиным, новый тренер представлял себе как отношения начальника и подчиненных, обязанных «брать под козырек» при появлении руководителя. И футболисты его не приняли.

Для Тарасова случай с Козырским стал хорошим уроком на всю жизнь. Впрочем, он учился на всех ситуациях, в которые его втягивала судьба. «У нас, тренеров, — записал он впоследствии, — большая, громадная власть: мы отвечаем не только за очки, но и за воспитание молодых людей. За их судьбы и характеры. Но как этой властью распорядиться? Как найти ту меру ответственности, что не позволяет злоупотреблять властью? Пожалуй, самые опасные подводные камни таятся именно здесь».

Тарасов на протяжении длинной тренерской жизни всегда стремился быть не только начальником, не только старшим тренером, но и другом своих подопечных. Ему хотелось, чтобы спортсмены полагались на него не только как на специалиста, но и как на товарища. Не всегда этого удавалось достичь. Но в большинстве случаев — а сколько поколений игроков работало с Тарасовым! — удавалось.

В Одессе Тарасов впервые столкнулся и с попытками влияния жен футболистов на тренировочный процесс и матчи. Потом, в хоккейном ЦСКА, он вспомнил об этом явлении и постарался направить его в «мирное русло». Тарасов организовал «женсовет» и стал использовать возможности матерей, жен, невест и подруг хоккеистов для необходимого тренеру воздействия на игроков. А в Одессе жены объединились стихийно и стали защищать своих мужей партизанскими методами. Однажды Тарасов с Афонькиным пришли на очередной матч. Их отозвала в сторонку жена кумира Одессы 29-летнего Ивана Борисевича и громко, чтобы слышали все стоявшие неподалеку футболисты, рассерженным голосом принялась отчитывать, словно

нашкодивших мальчишек. «*Мы*, — подчеркивая местоимение, выговаривала она, — недовольны вами. Вся команда. Все недовольны. Вы тренируетесь слишком много. Хотите выделиться. *Мы* не поставим вас в основной состав, если вы не будете вести себя скромнее. Вы должны тренироваться, как все, — не три раза в день, а три раза в неделю. Скажите на милость, какие энтузиасты отыскались…»

Сразу после завершения чемпионата 1939 года, в котором динамовцы заняли последнее — четырнадцатое — место и покинули группу «А», Тарасов и Афонькин из Одессы уехали. Их пригласили в московскую команду «Крылья Советов». Предложение оба с удовольствием приняли. Появилась возможность жить дома и играть не только в футбол, но и — зимой — в хоккей с мячом. Поскольку из Одессы уехали поздней осенью, начинать пришлось с хоккея.

Тренером в хоккейных «Крыльях» был Матвей Гольдин. Тарасов и у него учился — умению увлечь спортсменов, разговаривать с ними темпераментно, эмоционально, но даже с самыми молодыми как с равными, не становясь в начальническую позу и не корча из себя всезнайку.

Тренировались зачастую на очень плохом, с трещинами льду, в несусветный холод (отогревали друг другу носы и уши, чтобы не обморозиться), но не роптали — только веселились, подтрунивая над партнерами и над Гольдиным, которого, казалось, не брал никакой мороз.

В «Крыльях» Тарасов встретил человека, который спустя годы стал одним из крупнейших в стране специалистов по хоккею с шайбой, — Владимира Кузьмича Егорова. В момент появления Тарасова в команде Егоров был ее капитаном — и футбольным, и хоккейным.

Тарасову казалось, что всё наконец-то определилось: он будет работать на заводе, играть за «Крылья Советов» — летом и зимой — и постепенно готовить себя к настоящей тренерской работе. Однако всё изменил призыв в армию: с 7 февраля 1940 года, так и не успев поиграть за «Крылья» в футбол, Тарасов приступил к военной службе в Московском авиационном училище связи.

«Юный динамовец», студенческая команда, одесское «Динамо», «Крылья Советов» — и вот цепочка оборвалась. Судьба привела Тарасова в армию и связала его с ней на три с половиной десятилетия.

Первое воинское звание Тарасова — рядовой. Он и тогда, пройдя от и до курс молодого бойца, и потом, облачившись в полковничью форму, называл «чудаками» тех, кто с неудовольствием шел на армейскую службу, считая время,

проведенное на ней, потерянным, или — что гораздо хуже — старался от нее отлынить. «И дело не только в том, — говорил Тарасов, — что уровень технического оснащения войск сегодня настолько высок, что каждому молодому человеку — хочет он того или нет — приходится в армии повышать уровень своих знаний, учиться, но и в том, что воинская служба становится своего рода ускорителем совершенствования характера молодого человека».

Начальник физподготовки училища Борис Иннокентьевич Шангин, по всей вероятности, увидел в Тарасове нечто такое, что привело его к решению назначить солдата, только-только прошедшего курс молодого бойца, тренером футбольно-хоккейной команды учебного заведения. Тарасов рьяно взялся за дело. Сколотил вместе со слушателями коллектив, быстро превратившийся в лучший в Московском военном округе. Спустя несколько лет на базе команды училища были сформированы ставшие на какое-то время знаменитыми в стране футбольный и хоккейный клубы Военно-воздушных сил (ВВС).

В футбольной команде и в команде по хоккею с мячом Тарасов был не просто тренером, а тренером играющим. В таком совместительстве он видел крайнюю необходимость для себя — спортсмена, продолжающего активно играть в футбол и хоккей, но мечтающего при этом о тренерской стезе. А тренерское дело Тарасову уже тогда виделось основным делом жизни.

Приходилось нелегко. Нужно было соответствовать статусу играющего тренера, быть примером для остальных на площадке. У Тарасова никогда не было иллюзий относительно уровня своих игроцких способностей. Он видел, что в команде были хоккеисты и футболисты, которые играли лучше, чем он. «Им, — вспоминал Тарасов, — я мог дать только один урок — абсолютной преданности спорту. И потому я тренировался с особой страстью, при всех условиях, в любую погоду: в слякоть и мороз, в дождь и снег». Тарасов первым приходил на занятия, время на которые выделялось за счет часов, отведенных на физподготовку, последним их покидал. Много учился, много читал, вел записи всех тренировок, тщательно к ним готовился, анализировал матчи и разбирал их с партнерами. В училище и родился знаменитый призыв Тарасова: «Тренироваться азартно, весело, с улыбкой!»

Опыт работы с командой училища не был продолжительным. Весной 1940 года Тарасова перевели в ЦДКА. Он отправился на подготовительный сбор армейского клуба в Батуми, где поближе познакомился с Григорием Федотовым, признанным тогда мастером. Гриню, как называл Тарасов Федотова, он знал и

раньше. В детстве Толю с Юрой мама почти каждое лето отвозила к знакомым в деревню — в район Ногинска и Глухова. В тех краях родился, вырос, научился играть в футбол Федотов. Местные мальчишки, и Федотов был среди них, иногда принимали Толю Тарасова в состав одной из «диких команд», бесконечно сражавшихся на пустырях. «Мог ли я догадываться, — вспоминал Тарасов, — что спустя несколько лет наш Гриня станет звездой первой величины и мне выпадет счастье изо дня в день тренироваться рядом с ним!» На юг тогда Федотов приехал позже других. Он восстанавливался в Москве после операции — ему, страдавшему от ангины, удалили гланды.

Тренируясь с классными мастерами, играя вместе с ними, Тарасов в очередной раз убедился, что из него футболист высокого уровня получиться не мог. Не хватало стартовой скорости. Но Тарасов все равно был счастлив: единицы получали приглашение в ведущий армейский клуб страны.

В то время армейцев тренировал «интереснейший человек, тонкий психолог и отличный педагог» Сергей Васильевич Бухтеев — фигура в отечественном спорте незаслуженно забытая. Бухтеев запомнился Тарасову редчайшим достоинством — умением находить подход к каждому футболисту, с которым ему доводилось общаться. «По собственному опыту, — отмечал Тарасов, — знаю, как невероятно трудно найти ключ к каждому хоккеисту — разный возраст, различная степень интеллекта, разные интересы спортсменов превращают эту задачу в почти неразрешимую».

Валентин Николаев, форвард знаменитой армейской «команды лейтенантов», отменный тренер, приводивший ЦСКА к титулу чемпиона СССР и дважды выигрывавший с молодежной сборной Советского Союза чемпионат Европы, убежден, что «своими новациями в организации учебно-тренировочного процесса Бухтеев значительно обогнал время, в теоретическом и практическом отношении шагнул далеко вперед». Разнообразие тренировок выделяло Бухтеева среди коллег. Он, например, снимая напряжение у игроков после изнурительных занятий, устраивал веселые соревнования между мини-командами: по волейболу — играть в мяч можно было только головой; по теннису — играли только ногами; организовывал заплывы на скорость в море и турниры по водному поло. Бухтеев первым в отечественном футболе стал привлекать к легкоатлетической части тренировок специалиста, имевшего отношение только к этому виду спорта. На батумском сборе кроссами и занятиями по бегу руководил чемпион армии в беге на 400 метров капитан Савельев. Он, по словам Валентина Николаева, «умело и

беспощадно вырабатывал у нас помимо совершенно необходимых футболистам силы, ловкости и выносливости умение терпеть, работать до седьмого пота, и мы навсегда осознали банальную в общем-то истину, согласно которой труд и только труд делает человека человеком».

Дважды в неделю Бухтеев проводил занятия по тактике. Футболистов он в специальной комнате вызывал к доске, как школьников; вместе они чертили игровые схемы и обменивались мнениями по поводу того, как действовать в той или иной игровой ситуации.

В 1940 году в составе ЦДКА Тарасов сыграл в чемпионате Советского Союза по футболу шесть матчей (поражение от московского «Динамо» (2:4), победы над «Стахановцем» из Сталино (3:1) и сталинградским «Трактором» (2:0), ничьи с киевским «Динамо» (1:1), «Локомотивом» (2:2) и «Торпедо» (1:1)). Среди его партнеров были вратарь Владимир Никаноров, защитник Константин Лясковский, полузащитник Александр Виноградов, нападающие Алексей Гринин, Григорий Федотов и Валентин Николаев — будущие звезды послевоенной «команды лейтенантов». С Никаноровым и Николаевым Тарасов вместе пришел в ЦДКА. В конце 80-х годов Николаев вспоминал, что именно Тарасов настоял на том, чтобы он засел за мемуары. Они одновременно оказались на лечении в военном госпитале, и Тарасов «насел» на Николаева со свойственным ему напором: «Не пойму, Валентин, почему ты тянешь с книгой воспоминаний? Играть в такой команде, как ЦДКА, прожить в футболе большую жизнь и не рассказать об этом сегодняшней молодежи ты просто не имеешь права». «Он, — вспоминал Николаев, — был прав, мой старый товарищ. И я, едва вернувшись из госпиталя домой, взялся за воспоминания с удвоенной энергией».

В 1941 году ЦДКА стал называться ККА (Команда Красной армии). В первом московском матче она принимала 3 мая на переполненном стадионе «Динамо» динамовцев Ленинграда и проиграла со счетом 0:2. Запомнилась встреча не счетом, а набором грубых приемов. «Это было неприятное зрелище, — можно было прочитать 9 мая в «Правде». — Игроки били друг друга по ногам, толкали в спину, кричали, ругались. Все эти безобразия творились под носом у судьи Онищенко, который довольно спокойно реагировал на поведение грубиянов и хулиганов».

В заметке «Не церемониться с грубиянами!», опубликованной в спортивной газете и процитированной известным историком спорта Акселем Вартаняном в его футбольной летописи, было написано: «К сожалению, уже первые матчи… показали, что

некоторые игроки и руководители команд забыли об известных постановлениях ЦК ВЛКСМ и Всесоюзного комитета физкультуры относительно дисциплины в командах и ослабили борьбу за культуру нашего футбола… Особенно возмутительная грубость произошла на календарном матче ленинградского “Динамо” с командой Красной армии. Зная, что у Федотова больная рука, ленинградцы (особенно Лемешев) грубили, и, в конце концов, Федотов покинул поле. Забелин и Щербаков откровенно били друг друга по ногам, грубили Гринин, Лясковский, Шапковский. В первом тайме москвич Тарасов головой ударил Викторова, и, наконец, во втором тайме ленинградец Николаев ударил по лицу москвича Щербатенко. За этот хулиганский поступок Николаев был удален с поля».

Тарасов тогда легко отделался. За удар соперника головой его даже не удалили с поля, хотя и дисквалифицировали. Но если удаленного с поля Николаева отлучили от футбола на год, то Тарасова — всего на шесть недель.

Весьма жестко поступили тогда футбольные органы по отношению к тренерам обеих команд. Им объявили строгий выговор и поставили перед соответствующими спортивными организациями вопрос о необходимости их увольнения. Ленинградское «Динамо», насколько известно, на этот призыв не среагировало, а вот военное ведомство с Бухтеевым расправилось сурово. По приказу начальника Центрального дома Красной армии его освободили от занимаемой должности и назначили на его место Петра Ежова.

Тарасов навсегда запомнил, как это было обставлено. Руководители ККА устроили собрание и в присутствии тренера стали рассказывать игрокам о его недостатках и промахах. Но больше всего Тарасов был поражен, когда Бухтеева стал поливать грязью только-только назначенный новый тренер. Сам же Сергей Васильевич, вспоминал Тарасов, «встал, с достоинством поклонился, попрощался с командой без ненужных слов оправдания и ушел». Никогда позже — а Тарасов с ним не раз встречался — Бухтеев не жаловался на несправедливость судьбы.

Начало войны застало Тарасова вместе с командой в Киеве. На 22 июня 1941 года был назначен матч с местным «Динамо». Игра, понятно, не состоялась. По радио тогда объявили, что билеты с датой «22 июня 1941 года» будут действительны на следующий матч киевского «Динамо». Редкие сохранившиеся на ту встречу билеты попали в музейные экспозиции. В середине 70-х годов один из киевских болельщиков подарил такой билет Валерию Лобановскому.

Армейцам приказали немедленно вернуться домой.

Во время войны Тарасовы жили в Москве. Нина занималась с ребятами в лыжной секции на стадионе «Динамо». «После каждой тренировки, — вспоминала она, — я по дороге домой заходила в брошенные мастерские и подбирала доски, чтобы было чем топить буржуйку».

В первые дни войны футболисты ЦДКА не сомневались в том, что их вот-вот отправят в действующую армию. Но начальство молчало. В команде, вспоминал об этом периоде Валентин Николаев, «началось брожение: как же так, враг рвется вглубь страны, наши сверстники проливают кровь, сражаясь за Родину, а мы, закаленные спортом бойцы, бездействуем в тылу?!».

Футболисты, и Тарасов в их числе, писали рапорты с просьбами отправить их на фронт. Обращались они к непосредственным начальникам — руководителям ЦДКА. Начальники, однако, объяснили: «наверху» принято решение: непременно сохранить лучших футболистов.

Некоторых игроков, имевших офицерское звание, специальным приказом командировали в тыл заниматься эвакуацией музея и библиотеки ЦДКА, Театра Красной армии. Кого-то оставили в Москве для несения дежурства. Рядовых, таких как Тарасов, отправили для прохождения службы в часть, дислоцировавшуюся на Колхозной площади. Личный состав части квартировал в Красноперекопских казармах. Охраняли Народный комиссариат обороны и Генштаб. Дисциплина — железная. Выполнение приказов и распоряжений — неукоснительное. Ежедневные хозяйственные работы и наряды. На наряды вне очереди — за малейшее неповиновение или нарушение — не скупился младший сержант Кирпичников, назначенный командиром «футбольного отделения». Николаев называет его «очень требовательным, даже суровым».

Не раз страдал от Кирпичникова и рядовой Тарасов, любивший поспать и с некоторым опозданием реагировавший на команду «Подъем!». «Кирпичников, — рассказывал Николаев, — подобного терпеть не мог, и потому наш умный, начитанный, но не слишком исполнительный товарищ чаще других с метлой в руках занимался приборкой казармы, включая места общего пользования. Но это не значит, что другим, в том числе и мне, не приходилось заниматься подобной работой — мы тоже на первых порах не были образцовыми солдатами».

К футбольному мячу, конечно, не притрагивались. Единственной редкой отдушиной был театр — солдат туда пускали бесплатно. Футболисты, проявляя солдатскую смекалку, уговаривали Кирпичникова, к театру равнодушного. Без него идти было нельзя. Шли всем отделением. Не ради спектаклей —

ради встреч с родными и близкими.

В середине октября 1941-го, когда немцы подошли вплотную к столице, часть передислоцировали в Арзамас. Нине позвонили: «Команду отправляют из Москвы. Тебя муж ждет на Курском вокзале!» Трамваи уже не ходили, Нина с собранными теплыми вещами побежала на вокзал. На Курском — столпотворение. Мешанина из людей, чемоданов, котомок.

«Пробираюсь с трудом сквозь толпу — говорящий и кричащий муравейник, — вспоминала Нина Григорьевна, — и думаю: Господи, где же я тебя найду, Тарасов? Вдруг слышу: “Нина! Нина!” И вижу: Толя залез на фонарный столб и зовет меня оттуда. Мы обнялись. Я стала уговаривать, чтобы он взял меня и Галю с собой. А он мне уверенно так говорит: “Не волнуйся, Москву сдавать не будут! Береги дочку”. И я поверила, проводила его и домой пошла спокойно».

Команду футболистов в Москву вернули довольно скоро, через два месяца. Они вновь стали охранять важные объекты. На рапорты об отправке на фронт ответ был один: «Служите, где приказано!» «Утешало, — говорил Николаев, — что к тому времени мы уже знали: не только футболисты и другие спортсмены, но и большинство деятелей культуры, искусства и науки пребывали в таком же положении. Вполне возможно, что это было правильным шагом со стороны государственного руководства. Но нетрудно понять и нас, молодых и крепких людей, вынужденных прозябать в тылу».

В марте 42-го Тарасова и его сослуживцев по спортивному армейскому подразделению отправили на краткосрочные офицерские курсы, созданные на базе Института физкультуры. Три месяца изо дня в день Тарасов с товарищами учился приемам рукопашного боя, преодолению препятствий, лыжной подготовке, ряду чисто военных дисциплин. Приобретя необходимые навыки и получив офицерские звания, они стали преподавать рукопашный бой, стрелковое дело и отдельные виды боевой подготовки, обучали личный состав частей, отправлявшихся в Подмосковье на переформирование.

Любопытно, что именно тогда, в 1942 году, Тарасову было присвоено звание мастера спорта СССР по футболу. Удостоверение же за номером 111 было выдано ему 29 декабря 1943 года.

Видеться Нина и Анатолий стали чаще. Но проживали они раздельно: Нина с дочерью Галей и Екатериной Захаровной дома, Анатолий — в казарме. Иногда Нине с грудной Галей приходилось прятаться в бомбоубежище у метро «Динамо», в подвале дома, построенного для художников. Екатерина

Захаровна помогала фронту как могла — стегала телогрейки.

Если в футбол в Москве во время войны не играли, то по хоккею с мячом в 1942 году был проведен розыгрыш Кубка города. В финале ЦДКА выиграл у «Спартака» (1:0). За армейцев, в числе прочих, играли Владимир Никаноров, Александр Виноградов, Евгений Бабич и Анатолий Тарасов.

Зимой 1945 года команда ЦДКА по хоккею с мячом выиграла все кубки: открытия сезона, столицы и СССР. В финале розыгрыша московского Кубка ЦДКА с «Динамо» играли три раза. В первом матче ничья, второй также не выявил победителя, и только в третьем, на 323-й минуте общего игрового времени Тарасов забил победный гол.

В конце мая 1945 года Тарасова командировали в Венгрию — понаблюдать за матчами чемпионата страны и познакомиться с тем, как поставлена клубная работа в одной из самых популярных венгерских команд — хорошо известном в Европе клубе «Ференцварош». Внезапно в венгерскую столицу поступило распоряжение главнокомандующего Центральной группы войск на территории Австрии и Верховного комиссара по Австрии маршала Ивана Конева — немедленно доставить Тарасова в Вену. Ему надлежало готовить команду советских войск к матчам с союзническими сборными — французской и английской. Тарасов провел в Вене полторы недели. Оба союзника при непосредственном участии играющего тренера Тарасова были обыграны с разгромными счетами: 8:1 — французы и 5:2 — англичане.

Глава третья С НУЛЕВОЙ ОТМЕТКИ

19 февраля 1946 года в «Советском спорте» была опубликована информация под заголовком «Показательный матч по канадскому хоккею»:

«Закончен матч (по хоккею с мячом. — *А. Г.*) “Динамо” — ЦДКА. Но тысячи зрителей не расходятся. Их внимание привлекают маленькие ворота, напоминающие ватерпольные. Поле небольших размеров со всех сторон окружено бортиками. На поле — судья с “милицейским свистком“ и две команды по 6 человек — “красные” и “белые”. На спинах у игроков номера, в руках необычные клюшки — длинные, легкие, с широким крюком почти под прямым углом. На льду — плотная черная резиновая “шайба”, увесистая и молниеносно скользящая по льду. Это — показательный матч, который провели студенты Института физкультуры. В Европе и Северной Америке канадский хоккей весьма популярен. Без сомнения, он может получить развитие и у нас в Советском Союзе».

Не впервые в стране делалась попытка ввести канадский хоккей. Первое упоминание о нем относится к 1927 году — в журнале «Известия физической культуры» была опубликована статья, рассказывавшая об этом виде спорта. Спустя три года была издана книга «Новые зимние спортивные игры» с описанием в ней хоккея с шайбой. В феврале 1932 года команда Москвы, составленная из мастеров по хоккею с мячом, легко выиграла встречу у команды германского рабочего спортивного союза «Фихте» со счетом 3:0. Журнал «Физкультура и спорт» охарактеризовал тогда новую игру так: «Она носит сугубо индивидуальный и примитивный характер, весьма бедна комбинациями и в этом смысле не выдерживает никакого сравнения с “бенди”. На вопрос, следует ли у нас культивировать канадский хоккей, можно ответить отрицательно».

…С чего вдруг решили устроить показательный матч по канадскому хоккею? Кому в голову пришла идея развивать этот вид спорта, совершенно новый для страны, давно играющей в пришедший в 20-е годы из Скандинавии хоккей с мячом, бенди?

В 1945 году руководство Советского государства приняло принципиальное решение о постепенном вхождении в состав международных федераций по различным видам спорта — прежде всего тем, которые входили в программы летних и зимних Олимпийских игр. Конечная цель — участие в Олимпиадах. Для этого следовало вступить в ряды Международного олимпийского комитета (МОК), а попасть в него было невозможно без членства в

федерациях по видам спорта.

Председатель Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорту при Совете народных комиссаров СССР (с марта 1946 года при Совете министров СССР) Николай Романов получил от правительства поручение — определить виды спорта, на которые в первую очередь следовало обратить внимание. Для начала Романов вызвал возглавлявшего в его ведомстве отдел футбола и хоккея Сергея Савина и поручил ему проштудировать материалы, имеющие отношение к зимним Олимпиадам. Савин направил запросы в советские дипломатические представительства за рубежом и сам начал изучать иностранные журналы, в которых вылавливал крупицы необходимых сведений. (В МОК Советский Союз в то время не входил, бюллетеней из этой организации не получал.) Выяснилось, что наибольшей популярностью у зрителей и прессы, освещающей зимние Олимпиады, пользуется канадский хоккей. Вскоре на экземпляре савинского доклада появилась резолюция Романова: «Необходимо немедля ставить на русские рельсы этот канадский хоккей».

Савин стал искать тех, кто не понаслышке знал что-нибудь о канадском хоккее. В Москву в командировку приехал тогда из Риги известный футбольный арбитр Эдгар Клаве, бывший хоккеист, принимавший участие в Олимпиаде-36 и в чемпионатах мира. Клаве пригласил Савина в Ригу. «Едва я разместился в гостинице, — рассказывал Савин порталу offsport.ru, — как Клаве принес мне клюшку, перчатки, коньки, несколько шайб. На следующий день мне показали кадры довоенной кинохроники, где были запечатлены отдельные моменты чемпионата Латвии и нескольких международных встреч. А дня за два до моего отъезда Эдгар сделал мне самый дорогой подарок — принес переведенные с латышского на русский язык правила игры в канадский хоккей. Поверьте, ни к одной вещи я не относился так бережно, как к этим нескольким листкам, исписанным аккуратным почерком Клавса…»

Клюшку и шайбу, подаренные Клавсом, Сергей Савин долго хранил в своем кабинете в Спорткомитете и показывал всем посетителям как музейные экспонаты. Правила напечатали в виде брошюры и распространили по спортивным клубам и обществам для изучения.

Спортивные руководители решили проверить новую игру, провести эксперимент. Институту физкультуры поручили создать две команды и подготовить их к проведению показательного матча. Савин часто приезжал на тренировки, привозил фотографии и переводы статей из канадских, шведских, чехословацких газет и журналов. И вот в феврале 1946 года в

полуфинальном матче розыгрыша Кубка СССР по хоккею с мячом встретились в Москве ЦДКА и «Динамо». Интерес к игре — огромный. Выиграли армейцы во главе с Всеволодом Бобровым, но зрители, которых время от времени по радио оповещали о том, что по завершении встречи состоится показательная игра в канадский хоккей, не расходились и увидели то, о чем на следующий день и написала газета «Советский спорт».

Через ознакомительные сборы-семинары по изучению канадского хоккея, организованные по инициативе Савина, прошли многие тренеры и судьи. Занимались по 6-8 часов в день. Изучали суть игры, теорию, практику и методику обучения.

«Если в комитете достаточно хорошо знали силу наших конькобежцев и лыжников и время, которое потребуется для их подготовки к зимним Олимпийским играм, то перспективы в хоккее с шайбой было трудно даже обсуждать, — писал в книге «Восхождение на Олимп» Николай Романов. — Надо было пробовать играть. Выяснять, что необходимо будет сделать, с чего начинать. Если начинать с освоения азов, уйдет много времени. Решили начинать сразу с проведения первенства СССР, а затем браться за развитие хоккея в стране, организовывать уже первенства городов и областей. В свое время мы примерно так же поступили, внедряя современное пятиборье и греблю».

Легко сказать — начинать сразу с чемпионата страны. С вершины пирамиды, основание которой достраивать на ходу. А как это сделать? Кто будет играть? Где взять соответствующую экипировку?

Тарасова командировали в Чехословакию. Посмотреть хоккей с шайбой. Дали денег на покупку образцов хоккейного инвентаря. В числе прочего Тарасов купил несколько клюшек. Привез. Делать решили сами. Для начала следовало разобрать на части образец. Разобрав же, поняли: такого дерева у нас нет. Можно было, конечно, для крепости «пятки» (то есть того места клюшки, где черенок переходит в крюк) использовать хорошую карельскую березу, но в разобранной клюшке обнаружили ильм. И Тарасов сказал: нужен только ильм. Дерево редкое, используется в строительстве и производстве дорогой мебели. Тарасов отправился на прием к заместителю наркома обороны — начальнику Главного управления тыла Красной армии Андрею Хрулёву. Где взять этот ильм, никто не знал. Один из помощников Хрулёва блеснул эрудицией: «С Дальнего Востока прежде для царской семьи привозили несколько кубометров ильма, мебель им делали». Тарасов попросил: «Узнайте, пожалуйста, может, там осталось? Нам и нужна-то ерунда для клюшек». Узнали, нашли, прислали.

Клюшки делал дед будущего представителя СССР в Международной лиге хоккея на льду (ИИХФ) Андрея Васильевича Старовойтова — «хороший мужик», по определению Тарасова. Ему кроме ильма привозили бук — высушенный, выдержанный. Клюшка стоила тогда три рубля. «Не брал дед с нас этот трешник, — вспоминал Тарасов. — Как-то отправили за клюшками администратора Сашку, наивного парня. Возвращается пустой: “Дед мне говорит: без бутылки не приходи”. Дали администратору денег, чтобы купил две пол-литры. Вновь возвращается пустой: “Дед заставляет меня выпить с ним, иначе, говорит, клюшек не получишь. А у нас же дисциплина, порядок — не имеем права на работе выпивать”. Я посоветовал Сашке: скажи, что ты не можешь сегодня. Дал ему дед двадцать клюшек на игру, но предупредил: “Если и в следующий раз не выпьешь со мной, делать клюшки не буду”».

Параллельно с клюшками решали проблему коньков. Коньки, в которых играли в хоккей с мячом, для хоккея с шайбой не годились. Должны быть уже, с заточенной пяткой, с желобом для лучшего торможения и входа в вираж. Договорились, опять с помощью начальства, со специалистами с военного завода. Те прилетели, справились, что нужно, сказали Тарасову: «Сделаем мы тебе коньки: раз наточишь — два года играть будешь». Лезвие подобрали такое, что ни один наждак не брал. «Но играли, — вспоминал Тарасов, — на морозе, понятия не имели, что есть искусственный лед. И вот на морозе 10-12 градусов, а то и ниже, когда шайба попадала в сделанный на заводе по нашему заказу конек, он — вдребезги. Срочно пришлось подбирать сталь повышенной прочности».

Применили привычный для страны метод жесткого административного давления. Руководителям спортивных обществ отправили директиву — незамедлительно рассмотреть вопрос о создании команд по хоккею с шайбой и готовиться к старту первого чемпионата Советского Союза зимой 1946 года. В разъяснении к директиве предлагалось использовать самых сильных игроков в хоккей с мячом (они же и лучшие футболисты в летнее время): переключить их на хоккей с шайбой. Уже тогда прозвучало: возможно участие в Олимпиадах. «Кое-кто, — вспоминал Романов, — пытался уйти от освоения новой игры, но схитрить им не удалось. Составы московских и ленинградских команд по хоккею с шайбой были рассмотрены при моем участии».

К первому чемпионату были допущены 12 команд. Четыре из них армейские: ЦДКА, ВВС, команды Ленинградского и Свердловского домов офицеров, четыре — динамовские: Москвы,

Ленинграда, Риги и Таллина, а также московский «Спартак», архангельский «Водник», «Спартак» (Ужгород) и сборная Каунаса. Прибалтийские команды и ужгородская попали в список участников только потому, что до 1940 года в этих местах будто бы «немного играли» в хоккей с шайбой. Но и у них, как выяснилось, не было толковых специалистов, и, по словам Романова, «представление о том, что это за игра, они имели довольно туманное».

Хоккей с шайбой в СССР официально стартовал 22 декабря 1946 года в 13.00 матчем между ЦДКА и командой Свердловского дома офицеров, проходившем на стадионе «Динамо».

Инвентаря на первых порах не было никакого. Каждая команда обеспечивала себя сама. На матчи выходили, как партизаны, — кто в чем. Хоккеисты страдали от отсутствия защитного снаряжения. В Москве игры проходили на стадионе «Динамо», у Восточной трибуны. В морозы любой крепости на ней собиралось по 20-30 тысяч зрителей. Победителями первого чемпионата страны стали московские динамовцы.

«Первый чемпионат, — вспоминал Николай Романов, — несмотря на множество огрехов, оправдал себя. Однако возникла необходимость продолжить работу и летом. Но негде. Отсутствовали площадки с искусственным льдом. Неожиданно возникла еще одна проблема. Стала очевидной необходимость размежевания футбола и хоккея. Нам нужны были настоящие хоккеисты, а не совместители. Для подъема авторитета нового вида хоккея со второго чемпионата было введено награждение чемпионов страны золотыми медалями. Комитет не скрывал, даже особо подчеркивал, что развитию хоккея с шайбой будет оказана дополнительная помощь. Мне пришлось на длительное время стать шефом хоккея с шайбой».

Развитие «шайбы» постепенно набирало обороты. И вдруг 11 января 1948 года — взрыв! «Комсомольская правда» опубликовала статью «Законный вопрос». Спорткомитет и непосредственно Николай Романов обвинялись в том, что «в угоду развития какого-то канадского хоккея» разрушают «русский хоккей», что «недопустимо». Газета отразила позицию ЦК ВЛКСМ, занятую по отношению к хоккею с шайбой. Комсомольский комитет объявил войну комитету спортивному. Николай Романов вызов первого секретаря ЦК ВЛКСМ Николая Михайлова принял. Поначалу осторожно. «Мы считали, что это недоразумение, — вспоминал он. — Попытались найти выход, чтобы не противопоставлять один хоккей другому». Комсомольцы же противопоставляли, забыв о корректности. Хоккей с мячом они называли «русским», хотя он шведского происхождения. К тому

же забыли упомянуть, что в «мяч» на тот период в Советском Союзе играли многие тысячи спортсменов, а в «шайбу» — меньше тысячи и ни о каком «разрушении» речи идти не могло.

Романов поручил «Советскому спорту» опубликовать в ответ редакционную статью в защиту «хоккея с шайбой». Она называлась «Ненужное противопоставление» и была опубликована 17 января, меньше чем через неделю после «комсомольской атаки».

«Комсомольская правда» среагировала тут же и напечатала новую статью — «Восстановить русский хоккей в своих правах». Романов понял: пора подключать «тяжелую артиллерию». Больше всего он опасался, что статьи в «Комсомольской правде» на местах воспримут как указание о свертывании хоккея с шайбой.

«Я, — рассказывал Романов, — доложил К. Е. Ворошилову суть критики “Комсомольской правды” и выразил наше с ней несогласие. Подробно рассказал, что хоккей с шайбой, который часто называют канадским, имеет много хороших качеств и полезен для молодежи. Кроме того, мы должны вести подготовку к будущему — Олимпийским играм».

Романов предложил Ворошилову, отвечавшему в Политбюро ЦК ВКП (б) за развитие физической культуры и спорта в стране, посмотреть хоккейный матч. Ворошилов согласился. Уже к концу первого периода Романов — по отдельным репликам и вопросам — понял, что Ворошилову игра нравится. Коньяк в перерыве — холодно все же! — сыграл в пользу Романова. Спортивный министр все сделал для того, чтобы на матче был и Николай Михайлов. Он сидел рядом с Ворошиловым. Комсомольскому секретарю и последовал вопрос раскрасневшегося Ворошилова: «Как называется этот хоккей?» Михайлов ответил: и канадским называется, и хоккеем с шайбой. «Ворошилов в шутку, — рассказывал Романов, — заметил, что так этот хоккей называть неправильно, а называть его надо “русским хоккеем”, потому что он очень подходит к характеру русского человека: требует храбрости, мгновенной реакции, находчивости, большой выносливости. А если надо, можно и подраться». «Все эти качества, — резюмировал Ворошилов, — нужно воспитывать у советской молодежи. И нужно всячески рекомендовать развивать этот хоккей в Советской армии». Романов и Михайлов при Ворошилове договорились, что больше вступать в полемику не будут. Секретарь ЦК ВЛКСМ пообещал, что «Комсомольская правда» опубликует статью, поддерживающую хоккей с шайбой.

Пригласив Ворошилова и Михайлова на матч, Романов в какой-то степени рисковал. Но в итоге сыграл безошибочно. Аргументы «полезен для молодежи» и «необходимо готовиться к

Олимпиаде» автоматически должны были сработать в его пользу. Так и произошло. Романов считал, что «только перспектива участия в Олимпийских играх заставила форсировать внедрение в спортивную жизнь страны хоккея с шайбой».

В хоккей с шайбой десятки лет играли во многих странах. Доходить до всего самим, пытаясь изобрести велосипед, — бессмысленная трата времени. Руководитель Спорткомитета, болевший за порученное ему дело, считал, что необходимо было «посмотреть, изучить, узнать всё, что нам было еще неизвестно или мало понятно». «Мне, — рассказывал он, — надо было найти путь, как это сделать».

Во всех командах из наиболее опытных и склонных к творческим поискам игроков были созданы тренерские советы. Каждый хоккеист участвовал в обсуждении тактических вариантов и технических приемов. Но все «варились» лишь «в собственном соку».

В некоторых видах спорта советским спортивным властям разрешалось проводить совместные тренировочные сборы с зарубежными командами, набираться опыта и знаний. То же самое решили сделать в хоккее. В СССР тогда не знали, где имеются сильные хоккейные команды. На Олимпиаде в Санкт-Морице в 1948 году присутствовал Сергей Савин. Он увидел в деле сборную Чехословакии, которая котировалась очень высоко. Не проиграв ни одного матча, чехословаки только по разнице заброшенных и пропущенных шайб уступили первое место Канаде, которую представляла команда «РКАФ Флайерз». Савин отправился в гостиницу, в которой проживала чехословацкая команда, поздравил друзей, и один из тренеров сборной Чехословакии в шутку предложил: «Возьмите нас в учителя». Тут же в отеле Савин предварительно договорился о приезде чехословацких хоккеистов, позвонил в Москву начальству и получил в ответ указание лететь в Прагу и договариваться обо всем окончательно.

Чехословацкая сторона дала согласие только на проведение по завершении сезона совместных тренировок («мастер-класса», как сказали бы в XXI веке) с нашими спортсменами чемпиона Чехословакии 1948 года пражской команды ЛТЦ («Лаун Теннис Клаб»). В ряде статей о развитии советского хоккея утверждается, что Спортивный комитет во главе с Романовым боялся брать на себя ответственность за организацию матчей с зарубежными командами. «Должен сказать, — писал Романов по этому поводу, — что инициатива приглашения команды из Чехословакии для совместных тренировок исходила именно от комитета, хотя никто этого от меня не требовал. Сложилось, однако, мнение, будто за

проведение этих игр ратовали тренеры и хоккеисты, а мы были против».

Чехословацкие гости рассчитывали провести в Москве легкие показательные уроки, совместные тренировки на стадионе «Динамо». На них пригласили несколько тысяч игроков в хоккей с шайбой, специалистов из спортивных обществ, болельщиков, успевших полюбить эту игру. Интерес к событию был колоссальный. «Мы, — вспоминал Романов, — получили в центральных органах разрешение на продажу билетов. На каждую тренировочную встречу их продавалось 30 тысяч. И стало ясно, что матчи при таком количестве зрителей чисто учебными быть не могут. Решили играть по три периода, строго по правилам».

На тренировочных матчах с ЛТЦ (играл фактически второй состав) тогда бы и остановились, если бы не решительность Тарасова. Именно он принялся обивать пороги начальников, дабы получить разрешение на проведение полноценных игр.

Сначала Тарасов отправился к генералу Аркадию Аполлонову, работавшему в то время председателем совета спортивного общества «Динамо», и предложил назначить первый матч уже на следующий день. Тот, однако, ответил, что чехи завтра уезжают. «Как уезжают? — изумился Тарасов. — Мы для чего их пригласили?» Тарасов тем не менее настаивал: «Мы должны проверить чехов на прочность. Я просто так не уйду». Аполлонов предложил Тарасову написать расписку в том, что все матчи с ЛТЦ наша команда не проиграет. Тарасов такую расписку дал. (Через 24 года, в преддверии Суперсерии-72 с канадскими профессионалами, секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов предложит написать подобную расписку председателю Спорткомитета СССР Сергею Павлову.) После чего он отправился в ЦК ВЛКСМ к Николаю Михайлову. У Михайлова находился Савин, который, собственно, и выступил инициатором приглашения чехословацкой команды. Тарасов вспоминал, что Савин «был напуган Аполлоновым и докладывал Михайлову, что мы проиграем чехам с большой разницей, опозоримся, товарищ Сталин против проигрышей». «Наверное, — рассказывал Анатолий Владимирович, — я невоспитанный человек, но я задал Савину вопрос на засыпку. Я должен был выиграть сражение. Я у него спросил: “Сергей Александрович, скажите, пожалуйста, а как чехи завершают атаку?” Он пять раз повторил этот вопрос, и Михайлов строго попросил его не повторять, а отвечать. Тот с испугу и говорит: “Чехи заезжают из-за ворот, потом — тик-так, и тама…”». И матчи состоялись. Михайлов помог.

Именно тогда был создан первый тренерский совет сборной. Она называлась не сборная СССР, а сборная Москвы. В совет

вошли Аркадий Чернышев, Владимир Егоров, Павел Коротков, Александр Игумнов и Анатолий Тарасов. Тарасов стал представителем тренерского штаба на площадке. Он участвовал во всех трех матчах, первый из которых хозяева выиграли 6:3, второй проиграли 3:5, а третий завершили вничью 2:2.

ЛТЦ была базовой командой национальной сборной Чехословакии, выигравшей за год до этого чемпионат мира в Праге и через год — в Стокгольме и добывшей серебро Олимпиады-48 в Санкт-Морице. Однако до места проведения чемпионата мира 1950 года — до Лондона — чехословацкая команда не добралась. И — пускай и косвенным образом — это оказалось связано с результатами их «московского визита» 1948 года.

В Праге тогда практиковалось то же самое, что и в Москве при Сталине. Служба безопасности фабриковала высосанные из пальца обвинения и устраивала массовые аресты. Хоккеисты этой участи не избежали. 11 марта 1950 года они должны были вылететь в английскую столицу, но в аэропорту игрокам объявили, что они никуда не летят, поскольку чехословацким радиорепортерам не дали английские визы. «Пока они их не получат, останемся в Праге», — сообщили игрокам, которые сразу же вернулись в город. Знаменитый финский хоккейный статистик Том Рачунас подарил своему другу, известному отечественному историку хоккея Семену Вайханскому копию уникального документа — протокола стартового матча чемпионата мира в Лондоне. 13 марта 1950 года турнир должна была открыть встреча Чехословакия — Бельгия. В протокол были внесены имена чехословацких хоккеистов, но именно в тот день почти всех включенных в протокол официального матча мирового первенства игроков, спровоцировав на драку с сотрудниками госбезопасности, арестовали в ресторане «Золотой трактир». В октябре того же года Тайный государственный суд (своего рода «тройка») приговорил 12 человек к различным срокам тюремного заключения. Ни одному из них не были предъявлены обвинительные акты — до тех пор, пока они не поставили свои подписи под судебным разбирательством. Набор в те времена был одинаков в коммунистических странах: шпионаж, вредительство и государственная измена. Попутно же им инкриминировали «враждебное отношение к Советскому Союзу», а отягчающим обстоятельством стало то, что члены делегации ЛТЦ во время поездки в Москву якобы высмеивали советских граждан. «Заканчивалась поездка в СССР, — пишет чехословацкий журналист Роберт Бакаларж в книге «Потерянные годы» (в переводе Вайханского опубликована на страницах журнала

«Спортивные игры»). — Игроки ЛТЦ перед отелем ожидали автобус, который запаздывал. Была зима, и Стибор достал мяч, купленный в Москве. Прямо на площадке началась игра. Неподалеку стоял милиционер и с таким интересом смотрел на них, что они пригласили его поиграть. Вот где пришлось новичку побегать! Смеху было много, особенно в тот момент, когда кто-то протолкнул ему мяч между ног (у спортсменов это называется “ясли” и всякий раз пробуждает необузданное веселье). Хохотали и над милиционером. И он смеялся вместе с ними. А потом в Праге, на суде, выяснилось, что они насмехались над советскими людьми, и это еще более ухудшило их положение…» Больше всех получил вратарь Богумил Модры — 15 лет. На год меньше присудили Густаву Бубнику, будущему известному в Европе хоккейному тренеру, работавшему, в частности, со сборной Финляндии. Остальным досталось от восьми месяцев до двенадцати лет.

Модры отсидел пять лет, потеряв в пяти тюрьмах, по которым его за годы заключения возили, здоровье, и умер в 1963 году в 47-летнем возрасте. «После выхода из заключения, — рассказывала его вдова Эрика, — Божа сторонился людей. Встречался лишь с теми, с кем был осужден. Не выказывал ни малейшего интереса к встречам с работниками Хоккейного союза. Это стало особенно очевидным в 1959 году, когда в Праге проходило очередное первенство мира. Никто из руководителей нашего хоккея не поинтересовался, хочет ли Божа посмотреть эти игры. Зато это сделали русские тренеры Тарасов и Чернышев. Они возили Божу на стадион своим автобусом и брали к себе на скамейку запасных. Они приходили к нам в гости и тогда, когда Божа уже лежал. Он был им страшно рад… Когда Божик умер, Тарасов с Чернышевым прислали письма с выражением соболезнований. Во время другого посещения — это было зимой 1963 года — мне позвонил Розиняк (нападающий ЛТЦ и сборной Чехословакии. — *А. Г.*) и сказал, что Тарасов хочет со мной встретиться. Я шла к нему в отель с благодарностью. В номере кроме Тарасова и Чернышева был и кое-кто из руководителей Хоккейного союза.

— Вы знаете ее? — спросил Тарасов. — Это госпожа Модры. Знаете, кто был Божа Модры? Он нас научил играть в хоккей, и мы этого не забудем до самой смерти.

Так два советских тренера дали моральный урок нашим людям!»

…Воображение первых зрителей матчей по хоккею с шайбой поражала «скамейка штрафников». Она располагалась в некотором отдалении от площадки и напоминала «загон» для домашних животных. Публика тут же окрестила ее «тюрьмой» и

требовала «нести передачу» каждому удаленному.

Сергей Савин рассказывал, как он судил матч московского «Динамо» со «Спартаком» из Ужгорода. «Гости, — вспоминал Савин, — были экипированы в полную хоккейную форму, самую совершенную для того времени, присланную им чехословацкими друзьями. Такой формы никогда не видели не только московские болельщики, но и я — начальник отдела футбола и хоккея всесоюзного Спорткомитета (в Риге Клаве показывал мне лишь довоенные образцы). Все мы вместе с одинаковым удивлением и любопытством рассматривали гостей и с началом матча, помнится, изрядно подзадержались». Впрочем, гости явно уступали москвичам в конькобежной подготовке, скорости и выносливости и проиграли с разгромным счетом 0:23.

Сразу несколько моментов повлияли на развитие новой игры в Советском Союзе. Долгое отсутствие искусственного льда — первый дворец, на площадке которого можно было играть под крышей, построили в 1956 году, — как ни странно, пошло новому виду спорта на пользу. В СССР с самого начала стали практиковаться тренировки хоккеистов на земле, и с течением времени Тарасов, пионер в этом деле, их усовершенствовал, превратив в важнейший элемент подготовительного периода и закладки фундамента «физики» на значительную часть сезона.

Был в начале 50-х годов клочок искусственного льда в парке имени Дзержинского размером в 120 квадратных метров. ЦДКА отводили для тренировок шесть часов: с полуночи до шести утра. На площадке одновременно могли тренироваться в полную силу четыре-пять хоккеистов. Тарасов не понимал, каким образом его игроки добирались до этого «катка», причем никто никогда не опаздывал. Даже болельщики ночью собирались. И недовольных не было. «Не думали тогда об условиях, — говорил Тарасов. — Не помню ни единой жалобы. Не думали о том, что получим за хоккей, а думали, как овладеть им».

Тарасов иногда рассказывал потом канадцам об этом островке 10 на 12, на котором фактически зарождался хоккей с шайбой в стране. Те не верили, говорили, что выдумывает. Окончательно же Тарасов добивал их, когда упоминал в рассказе, где они мылись после тренировки. В бочке, стоявшей рядом! «Почему-то в бочке этой, — вспоминал Тарасов, — всегда была глина».

Плюсом для новой игры стало и то обстоятельство, что в первые годы в «шайбу» стали играть «русачи», летом к тому же переходившие на футбол. Они хорошо катались, владели навыками точного паса, а футбол способствовал развитию тактического мышления. «Игрок, прошедший через школу

русского хоккея, — писал журналист Юрий Ваньят, — имеет все основания стать первоклассным игроком канадского хоккея».

Не только спортивная пресса освещала чемпионаты СССР по хоккею с шайбой. В одном из январских номеров журнала «Огонек» за 1950 год появился репортаж из раздевалки хоккейной команды — весьма редкий, надо сказать, жанр журналистики. Но Тарасов, бывший к тому времени уже тренером команды ЦДКА, дал журналисту «добро». Этот небольшой репортаж интересен деталями, отражающими то хоккейное время, и добавляет штрихи к характеру Тарасова:

«Мы в раздевалке хоккеистов ЦДКА. Сегодня им предстоит ответственная игра. До начала матча почти час, но игроки уже заняты своей экипировкой. Это — непростое дело, и отнимает оно у хоккеистов много времени. Нападающие и защитники надевают на себя плотные фетровые наплечники с фибровыми чашечками, предохраняющими от ударов шайбы, щитки-наколенники, шлемы, натягивают шерстяные рейтузы, трусы и свитеры, зашнуровывают ботинки с коньками. Еще больше длится процесс обмундирования у вратаря. Его “доспехи” состоят более чем из десятка предметов и весят без малого 12 килограммов. Вместе со всеми игроками одевается и заслуженный мастер спорта Анатолий Тарасов. Он тренер и центральный нападающий армейской команды.

За десять минут до начала матча хоккеисты проходят по тоннелю на лед. Короткая разминка: над площадкой ярко вспыхивают большие лампы, и по свистку судьи команды выезжают на середину катка. Матч начинается…»

Татьяна Тарасова рассказывает, что помнит себя очень рано — ей не было и двух лет. Помнит, как мама Нина Григорьевна водила ее на матчи. Татьяна запомнила лед на «Динамо», ужасный холод, людей вокруг в черном — в габардиновых пальто с каракулевыми воротниками. Мама прижимала дочку к себе, пыталась согреть и говорила: смотри, там на льду — папа, видишь, у него волосы светлые, вьются. «Представьте: залитый лед, и там, далеко внизу, крошечные люди. В шлемах! А мама любовалась его вьющимися волосами, — делится воспоминаниями Татьяна Анатольевна. — Да как это можно было увидеть с такой высоты? Конечно, она не видела. И я не видела. Но вот в памяти у меня это осталось».

Тысячи людей в любой мороз, под снегом, на ветру наблюдали за хоккейными матчами. Укутывались, как могли, ноги прятали в валенки и бурки, а те, кто приходил на трибуны в ботинках или сапогах, обертывали ноги старыми газетами — чтобы было теплее.

Но вернемся к «огоньковскому» репортажу. «Удар колокола

извещает о завершении первого периода. Хоккеисты возвращаются в раздевалку. В их распоряжении всего десять минут. Усевшись в кресла, игроки расшнуровывают ботинки с коньками, чтобы дать отдых ногам.

— Товарищи, — обращается к хоккеистам Тарасов. — Несмотря на то, что первый период закончился 0:0, мы всё же уступаем противнику. Нападающие усложняют игру своей защиты, легко пропуская противника через нейтральную зону.

Тарасов никого не “распекает”, очень корректен с игроками, даже когда делает им замечание.

Он говорит вратарю Мкртчяну:

— В обороне держи защитников на привязи перед воротами…

— Да я уж и так кричу, кричу — не слушают…

Мкртчяну отвечает защитник Меньшиков:

— А ты, Гриша, погромче и, главное, порезче. В игре ведь иной раз так увлекаешься, что даже слух потеряешь.

Звонок из судейской комнаты вызывает команду на лед.

…Кончается второй период. На башне ЦДКА единица. Шайбу забросил Евгений Бабич. Едва хоккеисты заходят в раздевалку, как врач подносит каждому стакан, наполненный на треть темно-коричневой жидкостью — глюкозой, которая восстанавливает утраченные силы. Иные игроки отказываются от глюкозы. Они предпочитают ей стакан сладкого горячего чая.

Тарасов немногословен:

— Товарищи, если будем больше держать у себя шайбу, если защита будет помогать в атаках, тогда матч выиграем наверняка. Бабичу оставаться в нейтральной зоне на весь период.

Бабич пробует возразить:

— Не будет ли правильнее и мне оттянуться в защиту? Ведь нам сейчас наверняка придется сдерживать сильный натиск.

— Это ничего. “Дежурством” в нейтральной зоне ты будешь отвлекать защиту противника, сковывать ее игру. И главное, товарищи, наши игроки не должны больше попадать на штрафную скамейку: это слишком дорого обходится команде и не к лицу нашему коллективу.

…Усталые, но довольные возвращались в раздевалку после окончания матча хоккеисты ЦДКА. Победа одержана, взяты важные два очка. Тщательно протирают хоккеисты коньки, укладывают в чемоданчики всю свою боевую амуницию. Хорошо сейчас под горячим душем сбросить усталость, вновь ощутить свежесть и бодрость во всем теле.

А Тарасов уже предупреждает:

— Товарищи, завтра ровно в 14 часов тренировка».

Под репортажем подпись — Б. Ильин. Это — псевдоним Ильи

Витальевича Бару, блестящего журналиста, писавшего не только о спорте и о людях спорта, военного корреспондента в годы войны, одного из немногих репортеров, освещавших подписание капитуляций и Германией, и Японией.

Бару и Тарасов познакомились почти сразу после войны. Друг друга величали по имени. Илья Витальевич называл Тарасова «злостным болельщиком хоккея», поясняя, что под словом «злостный» он подразумевает огромный вклад тренера в развитие и процветание этой игры в Советском Союзе. Тарасов тем не менее терпеть не мог тех, кто «магнетически» реагирует на победы сборной в крупных международных турнирах. «Он мне много раз повторял одну и ту же фразу, — вспоминал Бару. — “Если мы будем убеждены, что всего достигли, — грош нам цена. Золотые медали чемпионов мира или Олимпийских игр — это далеко не главное. Главное — что-то искать, находить, изобретать”».

Однажды Михаил Михайлович Яншин, большой ценитель и знаток спорта, в разговоре с Бару вспомнил слова Константина Сергеевича Станиславского: обязательность успеха — препятствие для творчества. Тарасов суждение Станиславского своей работой опровергал. У хоккейного мэтра, никогда об обязательности успеха не забывавшего, именно творчество всегда служило достижению главной в спорте цели — результата.

Тактические варианты Тарасов первое время разрабатывал… в неглубоком ящике. Предназначенных для тренеров железных коробок с магнитными фигурками хоккеистов внутри, не говоря уже о компьютерах со специальными программами, тогда не было. Тарасов рисовал хоккеистов на картоне, потом вырезал фигурки, пристраивал к ним кружочки-опоры и часами колдовал в ящике над тактикой, передвигая «игроков» так, как ему виделось.

Незадолго до начала второго чемпионата СССР по хоккею с шайбой спортивное начальство разослало по командам циркуляр: всем в обязательном порядке надлежало иметь в составе тренера, не важно, играющего или же занятого только тренерскими делами. Именно тогда Бобров, говорят, и назвал имя Тарасова, вернувшегося к тому времени в ЦДКА. Фигурируют две фразы Боброва на сей счет. Первая: «Пусть тренером будет Тарасов, он все равно не умеет играть в хоккей». И вторая: «Ты же у нас профессор! “Краткий курс истории ВКП(б)” читаешь!»

Сам же Бобров рассказывал журналисту Борису Левину, что в команде не было человека, который бы так, как Тарасов, «скрупулезно впитывал в себя игру, тренировки, тактику. Он где-то отыскал статью о канадском хоккее на английском языке и

буквально “достал” переводчика, переспрашивая смысл каждой фразы и каждого слова».

После ухода из команды играющего тренера Павла Короткова руководители ЦДКА сделали предложение пятерым: Боброву, Бабичу, Виноградову, Старовойтову и Тарасову. Бобров, Бабич и Виноградов отказались, сославшись на то, что хотят только играть; у Старовойтова не было времени — он работал в Военно-политической академии. А Тарасов, которого фактически рекомендовал Бобров, принял предложение как дар судьбы.

В чемпионатах СССР Тарасов провел 100 матчей и забросил 106 шайб. В первом всесоюзном турнире, играя за ВВС, он стал лучшим бомбардиром первенства, забив 14 голов.

Из играющего тренера в просто тренера Тарасов окончательно и бесповоротно переквалифицировался по воле Савина, арбитра матча ЦДКА — «Динамо», ставшего для Тарасова-хоккеиста последним. В одном из эпизодов встречи Тарасов, недовольный решением Савина, жестко ему выговорил. Савин мгновенно произнес: «Две минуты!» И Тарасов, давно Савина знавший и в объективности этого арбитра не сомневавшийся, почему-то громко пригвоздил его: «Динамовец!» Савин удалил Тарасова на всю игру. Больше Анатолий Владимирович на площадке в роли игрока не появлялся.

Начинал же Тарасов в хоккее с шайбой играющим тренером команды ВВС. Он и футбольную команду ВВС тренировал, и хоккейную. При этом состоял в штате ЦДКА.

В хоккейную команду ВВС входили в основном солдаты-срочники, обслуживавшие летное училище. Они были приписаны к роте охраны, занимались всеми видами боевой и политической подготовки, стояли, когда требовалось, в карауле, тренировались в свободное время. Караульных Тарасов научил не тратить время попусту, а периодически, когда никто из офицеров не видит, бегать на месте или же, если позволяли условия, совершать короткие пробежки вправо и влево, вперед и назад, прямо, боком, спиной вперед.

«Жили, — вспоминал Тарасов, — дружно, по-спартански. Нас отличали организованность, веселый нрав и трудолюбие. Командование училища распорядилось добавлять к солдатскому пайку чуть больше жиров и углеводов. Мне нравилось наблюдать, с каким аппетитом ребята уничтожали всё то, что им давали на раздаче. Посуда после них казалась вымытой».

На предварительном этапе первого хоккейного чемпионата страны молодая солдатская команда заняла в своей подгруппе второе место вслед за ЦДКА, а в финальной пульке, сыграв вничью с динамовцами Риги и выиграв у клубов из Архангельска

и Каунаса, разделила с рижанами четвертое-пятое места.

Весной 1948 года начальником Управления физической культуры и спорта Советской армии был назначен Герой Советского Союза генерал Глеб Бакланов. Со спортом друживший (в молодости был талантливым гимнастом), Глеб Владимирович активно занимался не только делами всего армейского спорта, но и продуктивно трудился «в масштабах всего советского физкультурного движения и спорта». Именно Бакланову Сталин доверил в 1948 году руководство советской делегации, отправленной в Лондон для наведения во время летней Олимпиады «олимпийских мостов» с Международным олимпийским комитетом. Его мнение стало решающим: СССР вступил в МОК, а советские олимпийцы в 1952 году поехали в Хельсинки на свою первую Олимпиаду.

Спустя небольшое время после назначения на должность начальника управления Глеб Владимирович пригласил Тарасова и предложил ему написать пособие по игре в хоккей с шайбой. «Анатолий Владимирович, — пишет сын Глеба Бакланова Андрей в книге «Самый молодой генерал», — не ожидал такого предложения и энергично начал отказываться, подчеркивая, что никакого опыта подготовки “письменных” документов и материалов он не имеет». Тогда генерал перешел на официальный тон и в приказном порядке обязал Тарасова подготовить учебное пособие. В начале апреля Тарасова командировали на армейскую спортивную базу в Леселидзе, куда в конце апреля приехал Глеб Владимирович. Тарасов предоставил первый вариант пособия. «По мнению отца, имевшего к тому времени большой опыт взаимодействия со специалистами в области физической культуры и спорта, — пишет Андрей Глебович, — материал был “слишком многословен” и композиционно слаб. Указав на эти недостатки, генерал сел вместе с Тарасовым за рукопись, вооружившись ножницами. Он безжалостно вырезал всё, что, по его мнению, не имело реального значения. На столе осталось около 10-12 вырезок. Заметно было, что Тарасов переживал, сидел, закусив губу, на скулах гуляли желваки». «В принципе для начала очень неплохо, — сказал генерал автору пособия. — Печка у нас есть. Теперь и танцуй от нее».

«Тарасов отреагировал: “Я же говорил, что писать не умею и ничего не получится”. Отец не согласился: “Теперь уже совершенно очевидно, что писать ты можешь, и все получится замечательно. А работать над материалом — это в порядке вещей. Здесь ничего обидного для автора нет. Даже у академиков при издании книг есть редакторы”».

Вечером Глеб Бакланов и Тарасов сыграли в теннис, Тарасов выиграл, настроение его заметно улучшилось, а весь следующий день они детально обсуждали план пособия, спорили по каждому пункту, пришли к общему знаменателю, и «через несколько недель, в конце мая 1948 года, Тарасов принес в кабинет отца готовую рукопись пособия. Оно было издано».

Спустя много лет после совместной работы над пособием в Леселидзе Тарасов подарил Бакланову очередную свою книгу с таким автографом: «Уважаемому Глебу Владимировичу, тому, без волевого приказа и поддержки которого ни первую, ни последующие книги написать бы не смог. Да что там книги. Жить, работать, правильно переживать невзгоды было бы просто тяжко, если бы не было рядом большой души человека. Спасибо за всё, Ваш Тарасов».

Глава четвертая ВО ГЛАВЕ КОМАНДЫ ВВС

Вскоре после войны выдающийся советский специалист Борис Андреевич Аркадьев порекомендовал Тарасова в тренеры вновь созданного футбольного клуба ВВС. Созданного, надо сказать, на базе команды авиационного училища, где перед войной Тарасов уже занимался тренерскими делами.

Тарасов подчеркивал, что всегда учился у Аркадьева, который, при всей его внешней мягкости, в принципиальных суждениях был непреклонен, так что никто не мог заставить его изменить свои взгляды.

В первых числах апреля 1946 года Тарасов поехал с командой в Кобулети на первый для себя — в тренерской роли — подготовительный сбор. Первые впечатления он впоследствии назвал «неутешительными». Тарасов не мог понять, что повлияло на изменение в худшую сторону отношения большинства игроков к футболу — недавняя война или что-то еще. Многие футболисты курили, выпивали, к тренировкам относились без энтузиазма.

Двадцатисемилетний Тарасов немедленно устроил собрание команды и жестко предупредил: за «развлечения» будет наказывать. Он резко увеличил нагрузки на сборе и постарался, как он говорил сам, «научить команду верно служить спорту, футболу», то есть тому, что составляло в его представлении «самую суть спортивной жизни».

Между тем тренерское предупреждение эффекта не возымело. Конфликты возникали каждодневно. За Тарасова горой стоял начальник команды Павел Васильевич Баранов, поддерживавший его во всех начинаниях. В Баранове Тарасов видел человека «отчаянной смелости, беззаветно преданного спорту, мудрого и спокойного, веселого, ценящего шутку добряка».

Тарасову, очень рано приступившему к полноценной тренерской работе, хотелось проверить свои возможности: способен ли он воспитать выдающихся игроков, создать коллектив с тем материалом, какой есть, — «коллектив, умеющий побеждать соперников классом повыше». Тарасов понимал, что многим футболистам предложенный им метод объемных тренировок не нравится и непривычен. Уже тогда он признавался в крутости своего характера и поблажек никому не предоставлял. И никого не жалел — ни себя, ни других. «Пусть меня снимут, — рассуждал Тарасов, — но зато мне будет ясно, что в ошибках, в промахах виноват только я сам. Значит, неверна *моя* идея и мне

нужно пересмотреть свои принципы, свои взгляды на футбол, на спорт, на взаимоотношения тренера и спортсмена».

Первая весна самостоятельной работы на южных сборах с футбольной командой стала для Тарасова трудной, но вместе с тем и счастливой. Счастье — в самостоятельности, в возможности в полевых условиях проверить то, чему научился. Трудность же — в лавине нового, обрушившегося на неплохо подкованного теоретически молодого тренера, прошедшего основательный курс обучения у легендарного Товаровского. Тарасову казалось поначалу, что он тогда знал и умел всё, что было доступно старательному студенту. Но довольно быстро он понял, что, в сущности, «не знал и не умел ничего». «То, что представлялось очевидным теоретически, — размышлял Тарасов спустя годы, — являло собой на практике ворох загадок, проблем, решение которых я мог отыскать только сам — конспекты в такой ситуации помогали далеко не всегда».

Работа с ВВС внесла существенное дополнение в список основных «принципов Тарасова»: никакой, даже самый напряженный календарь соревнований не должен служить помехой нормальной учебно-тренировочной работе. Этим принципом Тарасов руководствовался на протяжении всей тренерской карьеры.

Команда ВВС росла как на дрожжах. С ней были вынуждены считаться все соперники. Для начала «летчики» выиграли турнир второй лиги в Южной зоне, где обошли ОДО (Тбилиси), «Шахтер» (Сталино), «Динамо» (Ростов), оба «Локомотива» — московский и харьковский. Финал, состоявший из двух игр, команде ВВС предстояло провести с московским «Пищевиком», победившим в турнире в Восточной зоне. С «Пищевиком» работал опытный тренер Константин Квашнин, Дважды — в 1936 и 1938 годах — выигрывавший с московским «Динамо» титул чемпиона СССР.

На кону стоял выход в высшую лигу. Подготовку к матчам сопровождала, по выражению Тарасова, «неслыханная нервотрепка». Способов «работы с соперником», направленных на достижение необходимого результата, в футболе придумано немало. Одним из них, как стало известно Тарасову, решил воспользоваться «Пищевик». Руководители клуба, зная о предстоявшей демобилизации, «подкатились» к некоторым игрокам ВВС и стали соблазнять их приглашением в свою команду, обещанием квартир. «Требовалось от “пятой колонны”, — рассказывал Тарасов, — немногое — сыграть слабее, чем обычно».

Тарасов узнал об этом от Павла Васильевича, которому, в свою очередь, донесла разведка — игроки, прознавшие о

сделанных партнерам предложениях. Поначалу Тарасов понадеялся, что с ситуацией сможет разобраться Баранов, но начальник команды был вынужден внезапно улететь: у него тяжело заболела мать.

Пришлось искать помощь в другом месте. Тарасов позвонил в приемную маршала авиации главнокомандующего ВВС СССР Константина Андреевича Вершинина. Во время доклада маршалу Тарасова внимательно слушал незнакомый тренеру генерал авиации. Вершинин поручил этому генералу разобраться в происходящем. В книге «Путь к себе», изданной в 1974 году, Тарасов не называет имени этого генерала, поскольку в то время цензура не позволяла упоминать его в печати. Генералом этим был будущий создатель мощного клуба ВВС Василий Сталин, с которым в дальнейшем судьба сталкивала Тарасова не раз.

Сталин-младший и помог Тарасову определить фамилии тех футболистов, с которыми провели профилактические беседы. Одного из них, в ком Тарасов не был уверен до конца, от игры отстранили. «Пищевик» был обыгран (3:2 и 1:0), и команда ВВС получила место в высшей лиге. А «Советский спорт» вдогонку побежденным опубликовал зубодробительную реплику: «Возмущает закулисная сторона подготовки “Пищевика” к этим ответственным встречам. Не надеясь на успех, дельцы из “Пищевика” пошли на преступление, подражая худшим приемам буржуазного спорта».

В ВВС у тренера Тарасова начинал карьеру игрока один из самых известных советских футболистов 50-х годов Алексей Парамонов, много чего добившийся в составе «Спартака», а со сборной СССР выигравший в 1956 году в Мельбурне титул олимпийского чемпиона.

Как Парамонов попал в ВВС? Он учился в Малаховском физкультурном техникуме, который со временем превратился в Областной институт физкультуры. Перед войной Алексей успел окончить девять классов средней школы. В техникум поэтому его приняли без экзаменов. Директор техникума Николай Чаусов перспективных спортсменов выделял и помогал им. Под стать директору была и Галина Иосифовна Мазина, преподававшая на кафедре спортивных игр. Дисциплинированного студента Парамонова она сразу отметила: он никогда не отлынивал от занятий, не отказывался от участия в любых соревнованиях, помогал ей собирать сборные техникума по футболу, волейболу, легкой атлетике и ездил с этими командами на чемпионаты среди учебных заведений Москвы и Московской области. Галина Иосифовна приходилась сестрой (по матери) жене Тарасова Нине Григорьевне. Она и предложила своему родственнику,

набиравшему игроков для оказавшегося в классе «А» клуба ВВС, кандидатуру Парамонова. Тарасов поначалу отнекивался, но затем согласился просмотреть новичка. Проверял он его по своей методике: бег, прыжки, координация движений, техника владения мячом, резкость, реакция на изменение ситуации. Парамонов был безупречен. И через полтора месяца работы в зале Тарасов включил его в состав команды, отправившейся в Польшу на тренировочные предсезонные сборы.

Раньше Парамонов видел Тарасова только в матчах за хоккейную и футбольную армейские команды. Алексею запомнилась агрессивность полузащитника, его активность не только в игре, но и в общении с партнерами. «Тарасов, — вспоминает Парамонов, — всё время подбадривал товарищей по команде, успокаивал, подсказывал, как действовать в той или иной ситуации. Его зычный голос был слышен даже на трибунах. Тарасов и в игре походил на тренера».

В Польше много тренировались. Условия для работы были отменные: два поля, гимнастический городок, волейбольная площадка. Занимались на воздухе. Тарасов часто устраивал кроссы — на 8 или 10 километров. Сам вставал на возвышенное место и контролировал бег: спрятаться от его глаза было невозможно. Парамонов частенько в кроссах приходил первым, и Тарасов ставил его остальным в пример. Жили по-спартански, на территории советской воинской части в Свиднице, по восемь человек в комнате. Кормили, по воспоминаниям Алексея Александровича, очень хорошо — в солдатской столовой, гораздо лучше, чем можно было питаться в Москве по послевоенным карточкам.

Парамонов отмечал открытость Тарасова, его прямоту и одинаковое отношение ко всем тридцати игрокам, взятым им на сборы. Парамонова удивляло, что с молодыми футболистами Тарасов разговаривал уважительно, по-взрослому, делился возникавшими идеями, которыми он просто фонтанировал, доходчиво объяснял каждому игроку его тактическое задание. «Тарасов, — говорит Парамонов, — хорошо знал футбол. Однако он был и требовательным руководителем. Как-то на разбор игры опоздал его брат Юрий. Анатолий Владимирович строгим голосом сделал ему замечание и на собрание команды не допустил. С той поры никто никогда не опаздывал. Дисциплина была законом».

Поначалу Тарасов разбил команду на четыре группы. Парамонов начинал в четвертой, потом перебрался в третью, а в Москву перед сезоном 1947 года вернулся запасным игроком основного состава. Разборы тренировок (а Тарасов уже тогда

практиковал эту форму работы с командой) и контрольных матчей проходили в присутствии всех футболистов. Тарасовские замечания Парамонов называет «дельными, конкретными и полезными».

В первом для Тарасова-тренера матче чемпионата СССР в классе «А», проходившем в Тбилиси, соперником ВВС было местное «Динамо» с такими выдающимися игроками, как Борис Пайчадзе и Автандил Гогоберидзе в составе. ВВС выглядел достойно. Единственный гол Пайчадзе забил в конце матча.

А затем состоялся матч в Сталинграде с местным «Трактором», обернувшийся крупным скандалом. Арбитр встречи, причем местный, — Георгий Шляпин, потерял контроль над происходившим на поле. Сначала он распустил футболистов, а потом принялся выгонять их за грубую игру с поля.

Тарасов расположился за воротами ВВС и безостановочно сыпал подсказки вратарю, полевым игрокам, попутно объяснял судье, какую ошибку тот допустил в том или ином эпизоде. Прежде тренерам не возбранялось находиться за воротами своей команды. По новым же правилам — запрещалось. Тарасов их нарушил. И судья, и директор стадиона Рудин пытались отправить Тарасова на скамейку запасных — но ничего у них не вышло. Газета «Сталинградская правда», обнаруженная в архиве Акселем Вартаняном, так поведала об инциденте: «За несколько минут до конца игры, когда счет был 2:2, произошел возмутительный случай. Тренер команды ВВС Тарасов, вопреки новым правилам, стоял у ворот своей команды. Директор стадиона попросил тренера не нарушать установленных правил и уйти от ворот. В ответ на это Тарасов совершил хулиганский поступок по отношению к директору стадиона, а выбежавшие с поля футболисты ВВС набросились на него. Этот беспрецедентный случай вызвал законное возмущение всех зрителей».

История умалчивает о содержании «хулиганского поступка». Директору, однако, вряд ли стоило примерять на себя одежду рефери. По сути, он спровоцировал толпу на беспорядки. Зрители и без того чересчур беспокойно вели себя во время матча на трибунах, пытаясь камнями попасть в приезжих футболистов, «обижавших», как им казалось, «трактористов». Когда же они увидели стычку между Тарасовым и директором стадиона, то рванули на поле бить обидчиков, футболисты ВВС были вынуждены спасаться бегством в раздевалку. Заводская многотиражка «Даешь трактор!», номер которой от 18 мая 1947 года откопал в том же архиве въедливый Вартанян, почему-то назвала ринувшихся на поле болельщиков «юными», хотя на

гостей мчались здоровенные мужики (и кое-кому из игроков крепко досталось), а потом резюмировала: «За семь минут до конца матча команда ВВС по указанию тренера покинула поле».

Тарасов указаний покинуть поле не давал. Матч во избежание трагедии остановил на 83-й минуте Шляпин, и он же отправил команды в раздевалки. Сегодняшние правила трактуют вмешательство публики в ход встречи однозначно: техническим поражением наказываются хозяева поля. Тогда же весь гнев советских спортивных чиновников обрушился на ВВС и Тарасова. «Летчикам» присудили проигрыш, «Трактору» же в таблице добавили два очка. Строгий выговор был объявлен Тарасову — как сказано в постановлении комитета, «за недостойное поведение». Его вывели из состава тренерского совета ВВС, но с командой он какое-то время работать продолжал. До тех пор, пока его не заменил Сергей Капелькин. Из игроков ВВС десятиматчевую дисквалификацию схлопотал защитник Кулагин — тот самый Борис Павлович Кулагин, который спустя годы будет ассистировать Тарасову в хоккейном ЦСКА. Он по ходу матча вырвал из земли длинную палку, за которую крепилась сетка за воротами, и стал размахивать ею, словно булавой. Потом, правда, по ходатайству ВВС, дисквалификацию сократили до трех игр.

Любопытна в постановлении строка, посвященная директору сталинградского стадиона «Трактор»: «Тов. Рудину за нетактичное поведение по отношению к старшему тренеру ВВС тов. Тарасову и за необеспечение должного порядка на стадионе объявлен выговор». Как видим, Тарасов никогда — ни в молодости, ни в зрелом возрасте — не давал спуску тем, кто пытался несправедливо поступить с его командой и оскорблять его самого.

В Москве «летчикам» предстояло сыграть с «Зенитом». На этот раз Тарасов поставил Парамонова в состав, и ВВС выиграл (3:1). На радостях — первая победа в чемпионате! — команду пригласили к начальнику политуправления Советской армии, и тот вручил каждому игроку в подарок немецкое автоматическое охотничье ружье «зауэр».

Считается, что Василий Сталин заменил Тарасова Капелькиным за инцидент в Сталинграде. Но это был лишь формальный повод избавиться от строптивого тренера, не желавшего следовать указаниям фактического хозяина команды. Сталин-младший постоянно пытался вмешиваться в кадровые вопросы, ему ничего не стоило продиктовать тренеру состав, который он хотел бы видеть в матче. Генералу казалось, что он разбирается в тактике, а потому вправе давать советы и в этой

области.

После появления в ВВС Сергея Капелькина, привезшего с собой из Германии большую группу футболистов, Василий Сталин распорядился освободить из команды великовозрастных игроков, которые, как ему казалось, мешают становлению коллектива. Тарасов такому решению воспротивился. Воспротивился он и другому решению генерала. Василий Сталин начал собирать в ВВС сильнейших в стране спортсменов — баскетболистов, велогонщиков, ватерполистов, пловцов, хоккеистов, вознамерившись создать суперклуб, сформировав его из лучших кадров. И футбол не был им обойден стороной. Сталин предложил Тарасову целый список знаменитых футболистов, которые, по словам генерала, должны были «украсить ВВС». Тарасов список решительно отверг. Он с генералом постоянно спорил. Сталину-младшему, привыкшему к полному подчинению, несговорчивость тренера не нравилась. После московского матча с тбилисским «Динамо», проигранного ВВС с разгромным счетом 1:5, Василий Сталин вызвал Тарасова в свой особняк на Гоголевском бульваре. Крутой разговор завершился просьбой Тарасова освободить его от должности. «Нашла коса на камень, — рассказывал о той ситуации Тарасов. — Я вернулся в ЦДКА, к которому всё время оставался приписанным как офицер».

Когда Сталин сделал выбор не в пользу Тарасова, отчислили и Парамонова. Ему, можно сказать, повезло: Алексей, не успевший попасть в штат военнослужащих и остававшийся вольнонаемным, оказался свободным от службы в армии и армейского футбола и попал в «Спартак». Говорили, что Парамонова выгнали из ВВС из-за Тарасова: «добрые» люди, помня о том, как попал Парамонов в команду, доложили Сталину, будто центральный нападающий — родственник бывшего тренера. Молодой Парамонов внешне действительно был похож на Тарасова, и Сталин приказал подготовить документы на отчисление. Но это сомнительно, поскольку в футбольном ВВС (а потом и в хоккейном) продолжал играть настоящий родственник Анатолия Тарасова — его родной брат Юрий. Он, правда, сначала ушел в «Спартак», но потом вернулся в хоккейный ВВС — в составе спартаковской тройки вместе с Иваном Новиковым и Зденеком Зикмундом.

5 января 1950 года при посадке на свердловский аэродром «Кольцово» разбился самолет «Дуглас», приписанный к полку правительственной связи. На борту находились летевшие на игру в Челябинск 11 хоккеистов команды ВВС, их врач и массажист, а также шесть членов экипажа. Среди игроков был 26-летний Юрий Тарасов.

«За мной прислали машину, привезли на “Сокол”, там был штаб Василия Сталина, — вспоминал Николай Пучков. — В комнате увидел Шувалова, Стриганова, Афонькина, Чаплинского, еще кого-то. Собрали всех, кто оставался в Москве, даже тех, кто закончил или собирался закончить играть. Василий Сталин был черен, он рыдал. Нам всем было приказано тут же выехать на поезде в Челябинск. Календарные игры чемпионата продолжались. В Свердловске пошли в ангар, где они лежали. Были все. Родители, жены… Приехали из Москвы Анатолий Тарасов, Владимир Никаноров, Михаил Орехов — цеэсковцы…»

Юрий Тарасов до 1944 года воевал на фронтах Великой Отечественной войны, вернулся с орденом Красной Звезды на гимнастерке. За портретное сходство с полководцем в спортивных кругах его звали Багратионом. Смелый, быстрый левый крайний играл в спартаковской тройке, а затем в тройке ВВС. Свои лучшие матчи, как свидетельствуют очевидцы, он провел, когда приходилось играть против старшего брата. «Когда Тарасовы, — вспоминал Анатолий Кострюков, — становились соперниками, играя в разных командах, и сходились в поединках, это было захватывающее зрелище. Они буквально сражались друг против друга, не щадя сил».

Гибель брата и почти всей команды ВВС подкосила Анатолия Тарасова. Ему сообщили о трагедии в Челябинске, куда ЦДКА улетел из Москвы. Николай Пучков рассказывал потом Нине Григорьевне: когда Анатолий Владимирович увидел останки брата — полголовы было снесено, — он упал замертво: его часа полтора приводили в чувство. «Когда я бываю в Свердловске, — рассказывает Татьяна Тарасова, — обязательно иду на кладбище поклониться братской могиле, где лежит наш дядя Юра».

Василий Сталин не оставлял попыток вернуть Тарасова в ВВС. Тарасов, однако, был тверд. «Я был немножко удивлен, — вспоминал Анатолий Владимирович, — почему он меня не арестовал. Может быть, потому что я не у него в штате был… Он меня много раз уговаривал вернуться и предлагал дачу на окраине Москвы. Хоромы. Сказал: “У меня сейчас из Киева игроки, лучшие игроки Москвы. Приходи и скажи, кого взять. Всё будет!” Я сказал: “Не буду я, Василий Иосифович, не буду… Потому что вы не можете не вмешиваться. А я терпеть не могу, когда вмешиваются в мою работу. Вы же помогать мне не захотите…”».

Слово «нет» Сталин-младший слышал в исключительных случаях. Кроме Тарасова и Никиты Симоняна, отказавшегося переходить из «Спартака» в ВВС, никто ему, кажется, и не перечил.

Глава пятая ТАРАСОВ И БОБРОВ

Когда начинают говорить о взаимоотношениях между Тарасовым и Бобровым, частенько вспоминают поговорку о том, что двум медведям тесно в одной берлоге. Но в том-то и дело, что берлоги у Тарасова и Боброва на протяжении их жизни были разными. По-другому и быть не могло, поскольку один из них (Бобров) был великим игроком, другой (Тарасов) — великим тренером.

«Не складывались у Тарасова отношения с Всеволодом Бобровым», — писал Александр Гомельский. Выдающийся баскетбольный тренер дружил с обоими — жил с ними в одном доме. Любимая история Гомельского о Тарасове и Боброве такая.

Однажды он из окна своей квартиры увидел, как во двор дома собирается въехать с улицы Алабяна Бобров на своей «Волге», а Тарасов в это время на своей машине пытается выехать со двора на улицу. Двум машинам в узком проезде не разъехаться. Бобров и Тарасов долго стояли друг против друга. Молча, не сигналя. Никто не хотел уступать. Только соседям, желавшим тоже проехать во двор, спустя время удалось прекратить противостояние. Нина Григорьевна Тарасова, правда, считает, что этого не было. «Ты, Саша, сочиняешь, — говорила она Гомельскому, — для красного словца!»

Баскетбольный мэтр поведал также, как однажды он встретил в Лужниках Боброва, тогдашнего тренера сборной, и поздравил, расцеловав, с победой на чемпионате мира. Тарасов, со слов Гомельского, увидел «наше лобызание и три месяца со мной не разговаривал». По свидетельству Гомельского, Тарасов сказал ему: «Ты целуешь моего врага». Гомельский ответил: «Толя, я тебе не сватаю своих врагов и друзей. Это глупо».

Продюсер и сорежиссер документального фильма «Анатолий Тарасов и Всеволод Бобров. Великое противостояние» Валерий Савин считает: «Всю жизнь великий тренер Тарасов и великий игрок Бобров состязались друг с другом, так и не найдя компромисса в личных отношениях».

Но состязания не было. Если кто и состязался, то, пожалуй, лишь один Бобров. Тарасов никогда не претендовал на лавры Боброва-игрока, наоборот, всячески подчеркивал его величие и реально оценивал (тренерский взгляд!) свой потолок. Боброву же всегда, особенно после того как он закончил играть, не давали покоя лавры Тарасова-тренера.

Бобров полагал, что тренером высочайшего класса он способен стать с той же легкостью, с какой преуспевал на

футбольном поле и хоккейной площадке. Он стремился и в тренерском деле оказаться выше Тарасова. Но ведь это совершенно иная профессия, требующая совершенно иных качеств, нежели игра в мяч или с шайбой.

Боброву не хватало специальных знаний. Тренерские знания иного рода, если сравнивать их со знаниями игроцкими, но Бобров не утруждал себя их приобретением. У него не было тяги к совершенствованию тренировочного процесса, чем резко отличался Тарасов от многих специалистов.

Боброву не хватало опыта. Тренерская профессия требует постоянной практики, а Бобров — что в хоккее, что в футболе — принимался за тренерство урывками, большей частью случайно. Самое же главное, Бобров в отличие от Тарасова, раз и навсегда определившего уровень своих игроцких способностей, так и не сумел (или не захотел) «убить» в себе игрока. Требование же это при переходе из одного качества в другое — первостепенное. У многих выдающихся хоккеистов и футболистов, выбиравших по завершении карьеры тренерскую стезю, ничего всерьез не сложилось только потому, что они продолжали «играть», осознавали себя звездами рядом с теми, кого готовили к матчам и турнирам, так и не избавились от игроцкого прошлого.

Вряд ли случайностью следует считать то, что из хоккеистов и футболистов высочайшего класса не вырастают — за редким исключением — высочайшего класса тренеры. Среди, например, тридцати с лишним лауреатов еженедельника «футбол» и сорока — европейского «Франс футбол» очень невысок процент игроков, выбравших по завершении карьеры тренерский путь. Выдающийся же вообще один — голландец Йоханн Кройф, многого добившийся с «Барселоной», но вынужденный по состоянию здоровья поработать тренером всего десять лет. Кройф как раз сумел «убить» в себе игрока. В отличие, скажем, от такого высококлассного футболиста, как Олег Блохин, который серьезным тренером так и не стал, постоянно рассказывая своим подопечным о том, как он сам играл, какие забивал голы, и сопровождая рассказы демонстрацией видеозаписей матчей, в которых в составе киевского «Динамо» и сборной СССР участвовал.

Когда подчеркивают высокий уровень Боброва-тренера, приводят обычно два примера, об этом уровне свидетельствующие.

Первый. Владимир Писаревский, известный радио- и телекомментатор, рассказывал о том, как Всеволод Михайлович Бобров начинал работать в хоккейном «Спартаке». На первой тренировке выстроились в линейку спартаковские знаменитости

середины 60-х годов — братья Майоровы, Старшинов, их партнеры. Бобров проехал вдоль строя, принюхался и затормозил возле Фоменкова:

— По-моему, вы сегодня себе позволили?

Фоменков в ответ:

— Так ведь, Всеволод Михайлович, вы тоже, говорят, не святой были.

— Да, но ведь я же играл! — воскликнул задетый за живое Бобров. — Ну, ладно. Давайте так: Зингер встает в ворота, и кто ему забьет из десяти штрафных бросков хотя бы четыре гола, то, пожалуйста, я закрываю глаза, пусть такой игрок делает, что хочет.

Четыре буллита реализовал только Старшинов, к клану нарушителей режима, к слову, никогда не принадлежавший. Остальные — не больше двух. Некоторые и вовсе ни одного. А потом настала пора Боброва — семь голов! «Так, — сказал тренер, — все видели?» И завершил спич шуткой: «Теперь, думаю, всем ясно, кто может выпивать в нашей команде?»

Второй пример. Недовольный качеством бросков спартаковцев на тренировке, Бобров поставил в ворота фанерный щит так, что между ним и штангами остался маленький зазор, только чтобы шайба проникла. Затем провел серию бросков. После каждого из них шайба оказывалась в воротах. Попросил нападающих повторить. Ни у кого не получилось, хотя среди спартаковцев были и хоккеисты сборной страны.

Феноменально, ничего не скажешь. Вот только с необходимыми тренеру качествами это мало связано.

Будучи игроком, Бобров делал то, что он никогда не делал, оказавшись в роли тренера, — каждый день занимался повышением мастерства. Он с первых минут своего появления на площадке заметно выделялся среди партнеров. Он великолепно катался на коньках — это из хоккея с мячом. Но в отличие от других он сразу же привык к небольшим размерам поля, его обводка по-прежнему, как и в хоккее с мячом, была феноменальной. Чутье Боброва на шайбу, точный выбор позиции поражали. Он почти всегда оказывался там, где через долю секунды возникала шайба. Публике, ходившей «на Бобра», казалось, что в хоккей с шайбой он играет всю жизнь. «Бобровский прием», «бобровский финт», гол «по-бобровски» — в советском хоккее эти определения прижились с первых дней. Всё, включая скорость, которую Бобров умело, словно опытный автогонщик, регулировал, казалось врожденным. Но!.. Рассказывают, что когда у Боброва поначалу не получался бросок справа, он повторял это упражнение до трехсот раз каждый день.

Это как футболист киевского «Динамо» Валерий Лобановский со своими знаменитыми угловыми — на тренировках, оставаясь после занятий, он подавал до тысячи корнеров в неделю.

Став тренером, Бобров не отвлекался на каждодневную рутинную работу и «тренерский бросок справа» больше не ставил.

Они — Тарасов и Бобров — и вопросы дисциплины решали по-разному. Тарасов спуску не давал никому. С диапазоном его наказаний, вплоть до отправки на гауптвахту, все хоккеисты ЦСКА знакомы были не понаслышке.

Бобров же старался разбираться с нарушителями по-свойски. Об этом было известно, и фоменковская реплика — «Вы тоже, говорят, не святой были» — не случайна. Ее, обращаясь к Боброву, можно было произносить без опасений вызвать его гнев. К соблюдению режима в своих командах он относился примерно так же, как сам к этому относился, когда играл.

В бытность Всеволода Михайловича главным тренером футбольного ЦСКА как-то раз, после очередной победы, два игрока, лейтенанты по званию, попали в милицию.

В парке Горького в Москве вахтер не пускал их в «стекляшку», посчитав гостей пьяными, и они, подхватив у мороженицы тележку, словно тараном разбили ею стеклянную дверь. Их, понятно, забрали, составили в милиции протокол, а когда узнали о воинской принадлежности, сдали в комендатуру. Оттуда доложили по инстанциям; обоих быстренько лишили звездочки, превратив в младших лейтенантов, и решили устроить в команде показательную порку — в присутствии какого-то крупного чина из Главного политического управления. Собрание вел Бобров. Он допрашивал провинившихся.

— Чего вы, скажите, праздновали?

— Так выиграли же, Всеволод Михайлович!

— Ясно. А что пили?

— Шампанское, Всеволод Михайлович.

— Неужели коньячком не лакирнули?

— Нет.

— Ну как же так? Зачем тогда шампанское пили? Или всё же лакирнули?

— Ну, было дело, Всеволод Михайлович.

(Чин из Главпура удовлетворенно кивал головой — всё, мол, правильно, надо из них все подробности вытащить — и быстро записывал.)

— Так, а потом, конечно, девочек вызвонили?

— Да нет, Всеволод Михайлович!

— Как нет? А зачем тогда шампанское пили и коньячком лакирнули?

— Ну да, вызвонили девчонок.

— Так, а в «стекляшку» потом отправились добавлять. Так?

— Так, Всеволод Михайлович.

— И вас забрали.

— Забрали, Всеволод Михайлович и протокол в милиции составили.

— Это понятно. Протокол я даже читать не буду. Я его сразу порву. Известно, что они пишут. Сам не раз попадал. Всё. Пошли на тренировку.

Главпуровский чин в изумлении поднял голову:

— Как — на тренировку?

— А так, — ответил Бобров. — У нас игра через два дня.

Даже при самом богатом воображении невозможно спроецировать подобную ситуацию на Тарасова!

Они всегда были разными. С тех времен, когда играли. С разными подходами к спорту, к себе, к жизни. На площадке Тарасов и Бобров играли в одной тройке. Вместе с Бабичем. По свидетельству очевидцев, на льду они были единым целым, маленьким коллективом. Эта тройка, благодаря высокому уровню командных взаимодействий, в чемпионате СССР 1948 года забросила 97 шайб, остальные нападающие ЦДКА — всего 11. А вне площадки дружбу не водили. Бобров и Бабич всегда были вместе, Тарасова же с собой не брали. Да он и не стремился к ним, резко отрицательно относясь к случавшимся похождениям обоих. Тарасов считал, и считал справедливо — особенно с тренерской колокольни, — что его партнеры понапрасну тратят силы и здоровье. Поведение партнеров его, мягко говоря, не радовало. Пользуясь талантом и вседозволенностью, зачастую поощряемой окружающими, они подавали плохой пример команде — чего уж тут радостного?

Высказывалось мнение, что Бобров как специалист хоккея не уступал Тарасову, но «целиком и полностью погрузиться в него не мог, поскольку периодически переключался на футбол». Так считает, например, журналист Леонид Трахтенберг.

Но вот другое мнение — известного советского футболиста, впоследствии тренера Владимира Федотова, сына легендарного Григория Федотова, вместе с которым в футбольном ЦДКА в разные годы играли и Тарасов, и Бобров. Вторым тренером в футбольном ЦСКА он работал при обоих. «Анатолий Владимирович посвятил спорту всю свою жизнь, тогда как Всеволод Михайлович видел в жизни немало других прелестей и не хотел себе в них отказывать, — полагает Федотов-младший. — Тарасов был Педагог с большой буквы. Говорят, он, подобно актеру, репетировал свои монологи у зеркала. Впрочем, с его

мимикой и жестикуляцией достаточно было одного взгляда, чтобы всем всё стало ясно. Он постоянно что-то придумывал и изобретал. И результаты своих открытий и экспериментов не уставал заносить в тетрадь. Тарасову не хватало двадцати четырех часов в сутки, и поэтому на заре он уже был на ногах».

Вдова Боброва Елена Николаевна рассказывала районной газете «Сокол» о сохранившейся у нее фотографии, на которой Константин Симонов, Анатолий Тарасов со своим внуком и Всеволод Михайлович с маленьким сыном Мишкой на спортивной площадке дома вместе играли в хоккей: «Заслуженные пенсионеры нашего дома собирались за сеткой и смотрели, как это происходит — удивительное было зрелище». Но это, конечно, не значит, что выдающиеся мастера хоккея были добрыми соседями. Скорее всего, вместе их на площадке с детьми свел Симонов, приехавший к кому-то из них в гости и попросивший устроить дружеский матч.

«Со своим “недругом” и соседом по дому, — говорила в другом интервью Елена Боброва, — они почти не общались. А вот я дружу с Ниной Тарасовой и ее дочками».

Нина же Григорьевна высказывалась на этот счет уклончиво: «Тарасов считал, что режим для всех. Но в душе к Севе тепло относился, даже в книге так написал».

Деликатность Нины Григорьевны очевидна. В книге «Настоящие мужчины хоккея» Тарасов написал о Боброве очень тепло. Причем не только как об игроке («Игрок-легенда — это самая верная и емкая характеристика Всеволода Боброва, великого форварда и нашего футбола, и нашего хоккея…»), но и как о тренере.

…Еще будучи тренером ВВС, Тарасов набрался храбрости и написал письмо Сталину, которое передал «вождю народов» через его сына Василия. В письме Тарасов обосновал, почему советские хоккеисты должны участвовать в различных международных соревнованиях, чемпионатах мира и Европы. Читал ли тарасовское послание Сталин или нет, неизвестно, но вскоре в Спорткомитет поступило указание готовиться к чемпионату мира 1953 года.

Первым старшим тренером сборной СССР на первом для нее чемпионате мира должен был стать Анатолий Тарасов. Он возглавлял команду, которая под вывеской студенческой сборной страны ездила на Всемирную зимнюю универсиаду в Вену (и конечно же, выиграла у настоящих студентов). Тарасов настаивал на том, чтобы эту команду заявили на чемпионат мира 1953 года в Швейцарии. Зная расклад сил перед турниром, он был уверен в победе советских хоккеистов.

Годом раньше СССР вступил в Международную лигу хоккея на льду (ИИХФ). Международных препятствий для участия Советского Союза в первом чемпионате мира не было. Их создали дома.

«Вспоминается трагикомическая история, — писал Тарасов в своей книге «Совершеннолетие». — 1953 год. Наши хоккеисты приняты в Международную федерацию хоккея. Цюрих ждет участников предстоящего первенства мира. С особенным нетерпением ждут сборную СССР, новички всегда интересны. Тем более что совсем недавно, неделю назад, советские хоккеисты выиграли в Вене студенческие игры, победив сильные команды Чехословакии и Польши со счетом 8:1 и 15:0. Интерес к предстоящему чемпионату мира всё возрастал. Мы с волнением готовились к первым трудным испытаниям. И вдруг нам объявили, что в Цюрих команда не поедет: болен Всеволод Бобров. А без Боброва, были уверены руководители нашего хоккея, мы победить не сможем. В коллектив, в команду сильнейших хоккеистов страны не верили. Верили в одного хоккеиста. Обидно!

Я был потом в Цюрихе. Смотрел все игры. Турнир проходил в два круга. И тогда был уверен, и сейчас верю, что мы могли выступить успешно: команда была готова».

О степени готовности своей команды Тарасов мог судить лучше, чем кто-либо другой. Хотя ссылка на победы над чехословацкими и польскими студентами «не работала»: слишком уж неравными оказались силы соперников. Но состав участников чемпионата давал дополнительные возможности. В Швейцарии не было канадцев и американцев, только сборные хозяев турнира, Швеции, ФРГ и Чехословакии, которая, сыграв четыре матча из шести (при поражении в первом круге от шведов — 3:5), чемпионат ввиду объявленного дома траура покинула: 12 марта президент страны Клемент Готвальд вернулся из Москвы с похорон Сталина в плохом самочувствии и через два дня умер от разрыва аорты. (Чемпионат, к слову, стартовал 7 марта, и вовсе не исключено, что сборную СССР даже в том случае, если бы она была заявлена, могли на турнир не пустить из-за смерти Сталина и траура, объявленного в Советском Союзе с 6 по 9 марта.)

Так или иначе, тарасовская сборная на чемпионат мира 1953 года не поехала. Тарасов пытался убедить руководителя студенческой делегации Константина Андрианова, дозванивался до Москвы, отправлял из Вены телеграммы Николаю Романову. Бесполезно. Ему не сказали, что сроки подачи заявки, руководством ИИХФ — специально для СССР продленные на три недели, истекли еще до начала студенческих соревнований.

Решение не отправлять команду в Швейцарию было принято еще до выезда команды в Вену. Бобров действительно был травмирован: он перенес операцию на коленном суставе. В Австрию с командой Бобров ездил, но не играл. Не выступал он и в чемпионате страны, проходившем с 30 ноября 1952 года по 25 января 1953-го и выигранном его командой ВВС. Страх перед возможным поражением парализовал спортивное начальство. В памяти засела реакция Сталина на проигрыш сборной СССР олимпийского футбольного турнира в Финляндии югославской команде. Тогда с подачи Лаврентия Берии разогнали команду ЦДСА и фактически — саму сборную. Романов не хотел повторения той истории. Ни один спортсмен, на майке которого были начертаны буквы «СССР», ни одна команда, именовавшаяся «сборной СССР», не имели права кому-либо проигрывать и тем самым вредить имиджу советского спорта, а значит, и страны.

В изданных в Советском Союзе, а позже в России хоккейных энциклопедиях под первым номером в списке официально зарегистрированных матчей сборной СССР значится матч с финской командой (8:1), состоявшийся в Тампере 29 января 1954 года.

Формально так оно и есть. На самом же деле некоторые серьезные статистики, в частности доктор медицинских наук профессор Олег Беличенко, первым называют матч советской сборной с национальной командой Норвегии (6:0), проходивший 11 марта 1953 года в Москве. Согласно Беличенко, «для того чтобы матч приобрел статус официального, требуется, чтобы хоккейная федерация хотя бы одной из стран, команды которых встречались, признала его таковым». Федерация хоккея Норвегии сделала это в 1955 году.

Почему же ее примеру не последовала Всесоюзная секция хоккея, прародительница нынешней Федерации хоккея России? Ответа на этот вопрос не существует. Только — догадки и предположения. Считается, в частности, что к тому времени у нас привыкли к названию «сборная Москвы», под которым, стоит вспомнить, команда играла с ЛТЦ. Надо сказать, что матч с норвежцами висел, что называется, на волоске. Его собирались отменить из-за проходивших накануне траурных мероприятий после смерти Сталина. Но не решились, опасаясь международного скандала. К тому же на 20 марта была назначена ответная встреча в Осло. Ее пропускать тоже не хотелось — в силу состоявшихся договоренностей и финансовых выгод. Но матч в Осло (10:2) также не вошел в реестр официальных.

В начале 50-х годов, когда советские команды (сборная в том числе) стали ездить на тренировочные сборы в ГДР, где можно

было плодотворно работать на единственном в послевоенной Восточной Европе катке с искусственным льдом, сборная страны под привычной вывеской «сборная Москвы» сыграла довольно много спарринговых матчей с восточногерманской командой. Победы с крупным счетом (гости забивали порой по полторы-две дюжины шайб) следовали одна за другой, но советские тренеры не обращали на эти «достижения» никакого внимания, осознавая уровень соперника. Эти матчи они превращали в тренировки, преследуя в них локальные цели по формированию связок и звеньев, взаимозаменяемости в них.

Тренировали неофициальную сборную Владимир Егоров, Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов. Тарасов в некоторых матчах выходил на площадку в качестве игрока в тройке Бабич — Тарасов — Елизаров и почти всегда забрасывал по нескольку шайб. В команде не было ни Боброва, ни Шувалова, которых не отпустил Василий Сталин, посчитавший, что они нужнее футбольному ВВС, вступавшему в очередной чемпионат СССР. А Бабича, в футбол не игравшего, — отпустил.

Тарасову гарантировали тогда, что в 1954 году советская команда поедет в Стокгольм на хоккейный чемпионат мира. Она и поехала. Вот только без Тарасова. Почему?

Осенью 1953 года сборная отправилась в ГДР на ставшие привычными тренировочные сборы. Тарасов впервые в истории советского хоккея начал проводить по два занятия в день (а если учитывать 40-минутную утреннюю зарядку на льду, то можно сказать, что и по три). В ГДР на берлинской арене «Вернер Зееленбиндер-халле» был искусственный лед. Тарасов, не желая терять драгоценное время, распорядился разместить команду не в городке Кинбаум, расположенном поблизости от Берлина, а непосредственно на арене. Немецкие друзья расставили в гимнастическом зале арены кровати для хоккеистов сборной СССР, и пошла предельно изнурительная работа. Тарасов, не имевший тогда опыта двух- или трехразовых тренировок, безусловно, переборщил. К сумасшедшим нагрузкам спокойно отнеслись лишь молодые игроки из армейского клуба, а вот игроки сборной из «Динамо» и «Крыльев», да и армейские ветераны, после вечернего занятия не могли от усталости расшнуровать ботинки с коньками. После же того как Тарасов еще больше увеличил нагрузки, перестали выдерживать даже самые крепкие спортсмены.

Могучий защитник ЦДКА Сологубов только приступил к тренировкам в новом для себя виде спорта — хоккее с шайбой. Его предупреждали о том, какие огромные физические нагрузки ждут хоккеистов. Первый для защитника тренировочный сбор с

командой в Свердловске это подтвердил. Тарасов, выступавший в роли играющего тренера, убеждал всех, что только на основе отменной физической готовности можно успешно заниматься тактическими разработками и ставить перед командой задачи по их реализации. Он и себе не давал послаблений и работал наравне со всеми. Зачастую — больше других, появляясь на тренировках раньше всех и уходя с них последним. Злые языки утверждали, что делал все это Тарасов только для того, чтобы подняться над Бобровым, бесспорным лидером команды. Суждение ошибочное. Что бы кто ни говорил, уже в те годы Тарасов смотрел на Боброва глазами тренера.

Бобров язвил в адрес Тарасова, когда говорил, что тот «сам потел впустую и напрасно заставлял так же потеть других». В силу своего безмерного таланта Бобров, наверное, мог и не надрываться. Но он потел, бесконечно отрабатывая, шлифуя броски и прорывы в хоккее и удары по воротам в футболе. Большинству же его партнеров без предлагавшегося Тарасовым «потения» ничего серьезного в спорте не светило.

Можно предположить, что, окажись в то время в команде Бобров (он осенью был занят: оправившись от травмы, провел в 1953 году несколько матчей в первенстве СССР за «Спартак» и выиграл чемпионский титул вместе с Игорем Нетто, Борисом Татушиным, Алексеем Парамоновым, Никитой Симоняном, Николаем Дементьевым и другими), ропот в сборной, несомненно, перерос бы в бунт.

Сложно сказать, зачем Тарасов пошел на этот эксперимент — сразу же после летнего отдыха, когда готовность организма к серьезной работе находится на нулевой отметке. Быть может, он полагал, что быстрый выход на пик функционального состояния даст ему возможность в контрольных встречах опробовать давно разработанные им в теории игровые варианты, названные спустя годы «тотальным хоккеем», требовавшим высочайшего уровня физической готовности всех игроков в отдельности и команды в целом. Но ведь тогда еще не было никаких научно обоснованных, медицинских предпосылок, позволявших именно так выстраивать тренировочную работу, как это делал Тарасов в ГДР. Помощник Тарасова Владимир Егоров робко информировал старшего тренера о том, что все ведущие хоккеисты после двух недель сбора жалуются на непереносимую усталость. Тарасов и сам видел это и перевел команду из «тюремного заключения» на арене «Вернер Зееленбиндер-халле» в уютный Кинбаум. Но было уже поздно: в контрольных матчах в Чехословакии, куда сборная перебралась из ГДР, хоккеисты еле волочили ноги. Информация об этом тут же оказалась в Москве на столе у Романова, который

поручил руководителю Федерации хоккея СССР Павлу Короткову и Александру Новокрещенову, занимавшему должность государственного тренера по хоккею, немедленно отправиться в Братиславу и разобраться в возникшей ситуации.

В Чехословакии Коротков и Новокрещенов увидели не боеспособную команду, какой она, казалось бы, должна была предстать после правильно проведенных тренировочных сборов, а разрозненную группу усталых молодых парней, мечтавших только об одном — об отдыхе. Итогом стала докладная записка на имя Романова.

Автор книги о Боброве Анатолий Салуцкий пишет: «Не только в 1953 году, но и сегодня в спортивных кругах очень часто можно услышать, что Тарасова, мол, снял с поста старшего тренера Всеволод Бобров, который пошел к Романову и сказал примерно следующее: “Или я, или Тарасов!”, — после чего председатель Спорткомитета сделал выбор в пользу выдающегося игрока, заменив тренера. Но это неправда. И никакая депутация хоккеистов во главе с Бобровым тоже не ходатайствовала перед Спорткомитетом о снятии Тарасова, как рассказывают другие “знающие” люди. Эти весьма устойчивые легенды ничего общего с действительностью не имеют и слишком упрощенно, искаженно представляют механизм принятия таких важных решений, как замена главного наставника сборной команды». Салуцкий совершенно прав, когда говорит, что «Всеволод Михайлович оказывал сильнейшее влияние на ход событий не какими-то конкретными действиями или демаршем перед спортивным руководством, а… самим фактом своего существования в хоккейном мире». «Поскольку Бобров был ведущим игроком, — рассказывал Анатолию Салуцкому Борис Мякиньков, возглавлявший в то время в Спорткомитете Управление спортивных игр и назначенный докладчиком на заседании коллегии спортивного ведомства, на которой обсуждался вопрос о старшем тренере хоккейной сборной, — от него, по существу, зависел успех нашего хоккея… На меня была возложена задача доказать необходимость замены старшего тренера. Я бывал всё время в команде и всё знал. Знал обстановку. У Тарасова были, может, и правильные, но более жесткие требования. Бобров считал, что больше инициативы надо давать игрокам…»

Бобров не воспринимал тарасовские тренировочные методы. С предлагавшимися тренером нагрузками он не соглашался и играл так, как хотел, не обращая внимания на установки. С капризами звездного игрока Тарасов был вынужден считаться.

Но однажды накануне отъезда команды в Ленинград Тарасов при всех накричал в раздевалке на Боброва. Тот в ответ: «Я в

Ленинград не еду!» И ушел. Тарасов распорядился, чтобы хоккеисты собрали форму Боброва и привезли ее на вокзал. Собрали, привезли, ждали Боброва до отхода поезда, но он так и не появился. «Он отлично осознавал свою исключительную роль в команде», — говорил партнер Боброва по тройке Виктор Шувалов.

Нет ничего удивительного в том, что вчерашние партнеры-ровесники, а то и игроки постарше не всегда принимали Тарасова-тренера всерьез. Боброву, похоже, вообще доставляло удовольствие демонстрировать высокую степень своей исключительности, привитой не только талантом игрока, но и поощрявшейся Василием Сталиным вседозволенностью. Тарасов же с первых тренерских дней проявил себя рьяным сторонником коллективного хоккея. Он не желал допускать ситуации, когда бы его команда становилась зависимой только от одного игрока. А зависимость от Боброва была полная.

Ставил ли Тарасов перед собой задачу «подчинить» Боброва, у которого, по его словам, «всегда ощущался холод к коллективной игре»? Наверное, ставил, даже понимая, что сделать это практически невозможно. Но если и ставил, то делал это ради интересов команды.

На Боброве-игроке Тарасов отрабатывал взаимоотношения со звездными спортсменами вообще. Опыт, продолженный после расформирования ВВС и возвращения Боброва в ЦДКА, позволил ему на протяжении всей своей карьеры не встречаться больше с таким явлением, как «бобровозависимость». Изо дня в день проповедуя принципы коллективного хоккея, Тарасов превратил фигуру тренера в главную, и при его тренерской жизни сомневаться в главенстве этом никто и не пытался.

В разговоре с тренером молодежной сборной СССР Владимиром Васильевым 1 января 1987 года Анатолий Владимирович заметил, что «величие и огромный авторитет Боброва со временем стали мешать развитию других спортсменов»: «Дело в том, что многие стали копировать его. Подражать ему в игре и в быту. Некоторые даже клюшки стали делать “под Боброва”. Но они не были Бобровыми — это были другие люди, со своей техникой, со своими взглядами на хоккей, со своей индивидуальностью. Им не нужно было перестраиваться и терять свое, фамильное. Бобров был самобытен — в этом его величие. На него играла вся четверка, и он оправдывал это, много забивал. Но стоит представить на минуту: решающий матч, а Бобров вдруг заболел или получил травму. Это значит — вся пятерка недееспособна. Матч проигран. Кто виноват? Судьба? Невезение? Нет! Виноват тренер, который не предусмотрел этого варианта заранее. Команда не должна зависеть от одного-двух

человек. Поэтому тренер не имеет права думать только о дне сегодняшнем, он должен смотреть в будущее, первым предугадывать дальнейшее развитие мирового хоккея. Вся пятерка, которая выходит на лед, все до единого игроки должны быть опасными в обороне и атаке».

«…Была еще одна, необычайно важная составная часть тренерского искусства, где Тарасов был выше Боброва, — отмечал Анатолий Салуцкий. — Речь идет о глобальных вопросах хоккея, затрагивающих саму суть этой игры, о ее теории. Интересно, что сам Всеволод Михайлович в этом отношении, безусловно, отдавал Тарасову пальму первенства. Однажды, когда в кругу друзей кто-то попытался неодобрительно высказаться об Анатолии Владимировиче, Бобров прервал и очень серьезно сказал: “Тарасов — великий теоретик хоккея!”».

Ну а тогда, в конце ноября 1953 года, Тарасова заменили Чернышевым. Вот и весь механизм. Боброву и ходить никуда не надо было. В его-то статусе игрока, от которого, как говорил один из руководителей Спорткомитета, «по существу зависел успех нашего хоккея» и который «оказывал сильнейшее влияние на ход событий… самим фактом своего существования в хоккейном мире». Игроки нажаловались в Братиславе проверяющим. По возвращении в Москву хоккеисты рассказали обо всем Боброву. Спортивные руководители, не приходится сомневаться, мнением Боброва перед коллегией не поинтересоваться не могли.

Тарасов никогда не отрицал, что у него с Бобровым перед чемпионатом мира 1954 года был конфликт. В феврале 1989 года, буквально накануне чемпионата мира, произошло резкое обострение ситуации в ЦСКА и сборной — из-за непримиримого, казалось, конфликта между тренером Виктором Тихоновым и ведущими хоккеистами, поддержавшими Вячеслава Фетисова. «У меня в свое время был конфликт с В. Бобровым накануне такого же ответственного выступления сборной СССР на международной арене, — вспоминал тогда Тарасов в газете «Социалистическая индустрия». — Я отправился к председателю Всесоюзного спорткомитета Н. Н. Романову, доложил о ситуации и заявил: Бобров важнее, чем мои амбиции, прошу назначить старшим тренером А. И. Чернышева…»

«Я знаю, — утверждал Николай Пучков, — что Бобров поставил вопрос о том, что он едет на чемпионат мира как игрок и как капитан команды, но тогда в роли старшего тренера не должен ехать Анатолий Владимирович».

По свидетельству Константина Андрианова, вопрос «Тарасов или Чернышев?» они с Романовым обсуждали предварительно, до заседания коллегии, и «из двух зол выбрали наименьшее, чтобы

разрядить страсти и накаленную атмосферу в команде, возникшую в результате действий Тарасова».

Тарасов в те годы проживал период основательного тренерского становления. Всё, чем он длительное время занимался на ниве наставничества — в футболе и в хоккее, — шло, конечно же, в зачет, но гэдээровская история стала для Тарасова предметным уроком. И, как показали дальнейшие события, тренер этот урок хорошо усвоил. Он отметил для себя, что воспринимать новое способны только единомышленники, тренеру полностью доверяющие, готовые вместе с ним истово работать ради достижения общей цели и не занимающиеся закулисными дрязгами. Отметил Тарасов и необходимость более тщательного подхода к дозированию нагрузок на различных этапах подготовительной работы к сезону. Он признал приоритет медицинских показателей при разработке объемов тренировочной работы и уже тогда стал задумываться над возможностью привлечения науки к жизнедеятельности команды.

Почти сразу после замены тренера сборной начались матчи восьмого чемпионата СССР. Он продолжался недолго, всего 54 дня, завершился 21 января 1954 года и вновь — четвертый раз подряд! — стал неудачным для тарасовского ЦДСА. В трех чемпионатах армейский клуб проигрывал ВВС даже тогда, когда не играл Бобров. На сей раз Тарасова, который впервые не выступал в роли играющего тренера, опередил Чернышев с «Динамо». И это несмотря на то, что в ЦДСА из расформированного летом 1953 года ВВС перешли такие хоккеисты, как Григорий Мкртчян, Николай Пучков, Александр Виноградов, Павел Жибуртович, Евгений Бабич, Виктор Шувалов и, наконец, Всеволод Бобров. Все они той же весной в составе сборной СССР стали чемпионами мира.

Спустя 17 лет после победы в Стокгольме Всеволод Бобров в книге «Рыцари спорта» без всяких на то оснований обвинил Анатолия Тарасова в малодушии и отсутствии патриотизма. «История щепетильна, — писал он. — Она не терпит фальши и неправды. Она требует безусловной точности в оценке действия каждого из людей. Анатолий Владимирович Тарасов не очень верил в ту пору в команду и без Боброва, и с Бобровым. В Стокгольме он был представителем Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. Именно он накануне матча с канадцами заявил: “Надо ‘сплавить’ матч. У канадцев нам ни за что не выиграть. Надо беречь силы для переигровки со шведами. Надо постараться выиграть хотя бы звание чемпиона Европы”… Единственным человеком, который от начала и до конца занимал непоколебимую, мужественную и решительную линию, был

старший тренер нашей сборной, заслуженный мастер спорта, ныне заслуженный тренер СССР Аркадий Иванович Чернышев». (Турнирная ситуация в Стокгольме складывалась таким образом, что перед последним матчем с канадцами сборная СССР уступала им одно очко и в случае поражения должна была провести дополнительную встречу со шведами за второе место на чемпионате мира и за первое в первенстве Европы.)

Анатолий Салуцкий опросил в свое время большую группу людей, имевших в Стокгольме отношение к команде. Никто из них не смог припомнить, чтобы Тарасов говорил кому-нибудь нечто подобное. Разговоры на эту тему велись, но никто не слышал, чтобы Тарасов предлагал «сплавить» матч с канадцами. На желательность «сбережения сил» вроде бы намекал возглавлявший советскую делегацию Борис Мякиньков, и делал это он, будто бы ссылаясь на Тарасова. Но сам Мякиньков этого не подтвердил и сказал, что «Тарасов вовсе тут был ни при чем: к сборной команде его не допускали». Возглавлявший тогда сборную Аркадий Иванович Чернышев, на которого ссылается журналист Лев Лебедев, рассказывал, что «руководитель нашей делегации предложил провести срочное совещание. Идею он (то есть не Тарасов, а именно руководитель делегации! — *А. Г.*) выдвинул такую: в матче с канадцами поберечь силы до следующей встречи со шведами. Всё равно, мол, канадцев не одолеть, чемпионами мира не стать… А то ведь и тем и другим проиграть можно». Хоккеистов Чернышев, по его словам, собирать не стал. Об идее, выдвинутой руководителем, тут же забыл. 7 марта сборная СССР разгромила канадскую команду «Линдхерст Моторз», представлявшую на чемпионате свою страну, со счетом 7:2.

В Стокгольм Тарасов был командирован по линии Спорткомитета. Но к советской делегации он действительно не имел никакого отношения, был сам по себе, все время проводил на катке — на тренировках всех без исключения команд и на матчах. Его блокноты распухали от записей, которые он систематизировал перед сном. Не был он и консультантом сборной. Лишь два-три раза он принял участие в тренировках команды, для того чтобы поддержать вратаря Пучкова. «Я привык к Тарасову, — рассказывал Пучков, — а здесь оказался без него. Причем накануне такого крупного события. И тогда Анатолий Владимирович проявил инициативу. Подошел к Аркадию Ивановичу и спросил: “Можно я с ним немного поработаю?” И это не только для меня было важным психологическим фактором. И для других ребят-армейцев».

Между тем небылицы о мнимом участии Тарасова в

«вечернем совете в Филях» множились. Евгений Рубин, например, утверждал, что «перед встречей с Канадой в раздевалке состоялось летучее совещание, на котором, помимо Чернышева, Егорова и Тарасова, был капитан команды Бобров, много позже передавший мне содержание происходившей там дискуссии». Тарасов якобы настаивал на том, что не следует попусту растрачивать энергию на борьбу с канадцами, которых все равно не одолеть; Чернышев и Бобров высказались против тарасовского проекта, Егоров смолчал.

Но Тарасов и в своих-то командах, в тех, которые он тренировал, никогда в подобные «игры» не играл — ни на заре тренерской деятельности, ни в лучшие свои годы. Надо совсем не знать Тарасова, чтобы утверждать, будто он, с детства ненавидевший проигрыши и никогда на сделки не шедший, призывал «заранее смириться с поражением». Или, наоборот, слишком хорошо знать его, а потому и навешивать на него — специально! — гирлянды домыслов.

По сведениям Салуцкого, Чернышев «наотрез отказался созывать бюро делегации для обсуждения проблемы сбережения сил». Выходит, чье-то предложение на сей счет всё же существовало. Скорее всего, Мякинькова, который мог предварительно обсудить этот вопрос с теми, кто входил в руководство делегации, — Павлом Коротковым, Сергеем Савиным (он, помимо всего прочего, на стокгольмском чемпионате мира реферировал вместе с Николаем Канунниковым некоторые матчи), Александром Новокрещеновым. Чернышев был непоколебим. Рассказывают, будто утром, в день матча с канадцами, он собрал в номере Мякинькова всю команду и прочитал трехстрочную заметку из свежего номера газеты «Правда», где кратко говорилось о том, что советские хоккеисты сыграли вничью со шведами 1:1 и что им предстоит матч с командой Канады. Салуцкий приводит слова Чернышева: «Видите, какая маленькая, осторожная заметка? Дома в нашу победу над канадцами, видимо, боятся верить. А мы выиграем».

Впрочем, вряд ли воскресным утром в Стокгольме тренер мог держать в руках воскресный же номер «Правды». Особенно если учесть, что по воскресеньям «Правда» не выходила.

А вот на слова тренера о том, что «дома в нашу победу над канадцами, видимо, боятся верить», обратить внимание стоит. По свидетельству Салуцкого, «на том собрании Аркадий Иванович Чернышев, обычно спокойный и невозмутимый, предстал перед своими подопечными в непривычно возбужденном состоянии. Не называя ни имен, ни фамилий, он сообщил им, что существует мнение “сберечь силы” в матче с канадцами, чтобы наверняка

выиграть повторный матч со шведами и стать чемпионами Европы. Всеволод Бобров, а вслед за ним вся команда дружно возмутились, категорически заявив:

— Будем сражаться с канадцами только за победу!»

Наверное, нельзя исключать, что после предварительного обсуждения вопроса о «сбережении сил» с членами руководства делегации и вброса идеи Чернышеву Борис Мякиньков довел свои соображения до московских спортивных начальников и уже из Москвы последовала в адрес старшего тренера рекомендация. Отсюда, по всей вероятности, и произрастает Чернышевская реплика относительно того, что «дома в нашу победу над канадцами, видимо, боятся верить».

Не совсем корректно, думается, утверждение о том, что в Стокгольме, где Бобров был капитаном победившей на чемпионате мира сборной, а Тарасов — прилежным наблюдателем происходивших на турнире хоккейных событий, «решался их принципиальный спор о понимании коллективизма в спорте, о “солистах и статистах”, о том, в какой мере лучшему форварду следует принимать участие в обороне». «Красивой победой со счетом 7:2, — ставит точку Салуцкий, — Всеволод Бобров, признанный лучшим хоккеистом чемпионата, решил спор в свою пользу».

Но спора-то никакого, собственно, не было. Тарасов настаивал на соблюдении принципов коллективного, «колхозного», как он называл, хоккея, уже тогда предполагая, что в хоккее грядущего деления на статистов и солистов не будет, что надвигается время тотального хоккея, в котором все пятеро игроков, оказавшихся в тот или иной момент матча на льду, обязаны будут с максимально высокой степенью надежности и эффективности отрабатывать в атаке и обороне. Так оно в исполнении лучших клубов и сборных мира в XXI веке и происходит. Бобров же был убежден в том, что играть — и сборной, и ЦДСА — надо по простой тактической схеме: шайбу следовало отдавать ему, Боброву, а он, Бобров, с ней разберется. И действительно, довольно часто разбирался.

Тарасов видел хоккей завтрашний и послезавтрашний. Бобров — хоккей сегодняшний, понимая, кто он в этом хоккее есть. Это не конфликт. Это столкновение двух совершенно разных позиций.

Не только Бобров обыграл канадскую команду на том первом для советских хоккеистов чемпионате мира, но вся сборная СССР. Канадцам Бобров забросил одну шайбу из семи. Это, конечно, не умаляет заслуг капитана советской сборной, возглавившего на чемпионате мира список бомбардиров. Но свидетельствует о том,

что даже в тех случаях, когда хоккеист получал полнейшую свободу действий от тренера и освобождался от оборонительных функций, когда на него целенаправленно, как на признанного солиста, работали партнеры, у него не всё получалось по основной, бомбардирской части.

Не получилось, в частности, в чемпионате страны 1953/54 года, когда в ЦДСА лихая тройка ВВС (Бобров — Шувалов — Бабич) оказалась в полном составе, продолжая играть так, как привыкла. Но результата при этом чемпионского команде не добыла. Считается, что тройка эта перебазировалась в армейский лагерь без соответствующего настроения, огорченная расформированием команды ВВС и тем обстоятельством, что работать придется под началом Тарасова. Если и так, то это говорит всего лишь об отсутствии у появившихся в ЦДСА игроков должного уровня надежности. Они ведь пришли в армейский клуб играть не за себя, а за коллектив, в котором помимо них еще полторы дюжины хоккеистов. Год спустя что-то, видимо, поменялось в их настроении, и они под руководством того же Тарасова убедительно выиграли чемпионат Советского Союза при одном поражении в восемнадцати турах.

В своей книге о Боброве Салуцкий приводит монолог Анатолия Владимировича, произнесенный три десятилетия спустя после событий, в которых Тарасов и Бобров отстаивали свои позиции:

«Мне говорили: ну пропусти ты, не делай ему замечаний. А я отвечал: не могу! Не могу! Тогда я не буду Тарасовым!.. Я считал, что понимаю кое-что в теории хоккея, я вот так понимаю хоккей, мне доверена команда — и я должен! Выигрывала она или нет, — это совершенно не важно. У меня была идея, своя, обязательная для тренера, идея, и Бобров в чем-то ее не выполнял… Бобров — это эпоха. Но у него есть один недостаток для современного хоккея: Бобров не любил работать на других. А мы делали команду наперед! С ним выигрывалось, да! С ним сложно жилось, но с ним выигрывалось. На него работали сначала Тарасов с Бабичем, а потом Шувалов с Бабичем. И всё выигрывалось. На него ра-бо-та-ли! А принцип, который стал после ухода Боброва, — иной: у нас были Фирсовы, Александровы, Майоровы, Старшиновы, и принцип игры друг на друга обязателен. Обязателен! Уважение друг к другу обязательно! Принцип колхозного хоккея! Это принцип, которым мы выиграли. Потому что если у нас будут “звезды” в понимании канадского хоккея, на которых все работают, мы ничего не выиграем. “Звезду” легко нейтрализовать. Когда Сологубов нейтрализовал Боброва, мы выиграли у ВВС. Значит, Бобров, или перестраивайся, или… Я

ему говорил об этом: маленько, маленько, ведь идет разговор не о том, чтобы ты столько пасов давал своим партнерам, сколько они тебе. Это глупости, у тебя самое сильное — это забивание. Ну и забивай! Но будь благодарен, подойди к Женьке, похлопай по плечу: Макар (так звали в команде Бабича. — *А. Г.),* спасибо тебе, какой пас ты выдал! Будь благодарен за то, что на тебя работают. Будь благодарен, извинись иногда, что ты не отработал за кого-то в оборону, извинись! А он не мог… Он Шаляпин был! А я не мог смириться… Потому что я решил создать коллектив. Позже я убирал многих игроков, кто ставил себя выше. Это главное».

«Игрок-легенда» — так зафиксировал Тарасов статус Боброва, напомнив при этом, что успех сопутствовал ему и на «тренерском поприще». Но и близко не такой успех, какой сопутствовал Боброву-игроку, на которого ходили не только в Советском Союзе, но и за границей, на стокгольмском чемпионате мира, например, в 1954 году.

Если Тарасов посвятил Боброву восторженные страницы в книге «Настоящие мужчины хоккея», то Бобров в своей книге «Самый интересный матч» лишь дважды на 214 страницах упоминает фамилию Тарасова. Один раз, рассказывая о состоявшемся 25 января 1948 года матче ЦДКА со «Спартаком» («…то Бабич стремительно уходит налево, то я, то вдруг мы оба перемещаемся в центр, а Тарасов меняет нас…»), второй — в простом перечислении состава команды на матчи с ЛТЦ. И что еще поразительнее, ни слова о Тарасове-тренере. Даже для известного футболиста Игоря Нетто, в молодые годы баловавшегося хоккеем, Бобров нашел добрые слова. Но не для Тарасова.

Буквально накануне начинавшейся в 1963 году потрясающей победной серии сборной СССР Бобров писал, что «козырем, главным оружием» той команды, в которой он сам играл, была скорость. И констатировал: к сожалению, сейчас оно, это оружие, «заржавело» и «мы начали терять прежние позиции и то и дело уступать командам, побороть которые в недавние времена было нам под силу». «Одна из причин такого положения, — полагал Бобров, — кроется в том, что мы, как ни горько об этом говорить сегодня, предали забвению некоторые сугубо национальные черты нашего хоккея, черты чрезвычайно важные, дававшие нам ряд неоспоримых преимуществ в борьбе с самыми сильными и опытными соперниками».

Можно подумать, будто «в недавние времена» сборная СССР действительно пребывала на позициях, с которых свысока поглядывала на остальных. Но если обратиться к статистике, то позиции эти обнаружить не удастся. В восьми чемпионатах мира,

в которых советская сборная участвовала до начала поразившей хоккейный мир победной серии тарасовско-чернышевской команды, выигрывала она лишь дважды, четыре раза (в том числе и в Москве в 1957 году с Бобровым в составе и в отсутствие не приехавших в советскую столицу из-за событий в Венгрии хоккеистов Канады и США) становилась второй и на двух турнирах — третьей.

Вряд ли у Боброва, регулярно в ту пору видевшего матчи чемпионата СССР с участием ЦСКА и московского «Динамо», были серьезные основания говорить об исчезновении «сугубо национальных черт» — скорости, скоростной выносливости, обманных движений при обводке, высокой точности передач, позволявшей затевать неожиданные для соперника многоходовые комбинации. Наоборот, именно эти качества Тарасов и Чернышев ставили в своих клубах во главу угла и совершенствовали. В сборной, в состав которой в основном входили армейцы и динамовцы, — тоже.

Победная десятилетка сборной СССР была бы невозможной без постоянного совершенствования Тарасовым и Чернышевым того, что Бобров называет «национальными чертами» отечественного хоккея, и вкрапления в них новых элементов, повышающих уровень коллективных действий. Этим коллективизмом был прежде всего славен отечественный хоккей той поры, когда сборная из года в год «выносила» соперников на чемпионатах мира и Олимпиадах.

Есть, наверное, частичка правды в том, что такие выдающиеся хоккеисты, как Бобров, Старшинов или Фетисов, могли состояться и при минимальном вмешательстве в их становление со стороны тренеров. Но только — частичка правды. Без каждодневного труда — под неусыпным взглядом Тарасова, без придуманных тренером сотен специальных упражнений, без жесткого тарасовского контроля — Фирсов не стал бы Фирсовым, Третьяк — Третьяком, Михайлов — Михайловым… Они сами, как и многие другие ученики Тарасова, об этом говорят.

Под разовую победу Боброва над Тарасовым-тренером («Спартак» в 1967 году стал чемпионом СССР) подводится теория: тренерское всевластие Тарасова настолько разожгло честолюбие Боброва, что он пошел в тренеры спартаковской команды для того, чтобы свергнуть надоевший всем ЦСКА и, самое главное, Тарасова с прочно занятых чемпионских позиций. Уход же его в том же 1967 году в футбольный ЦСКА сопровождала еще одна придуманная тарасовскими «доброжелателями» версия: Тарасов, дескать, дабы избавиться в хоккее от сильного тренера-конкурента, все уши прожужжал генералам: поставьте на футбол

Боброва, разваливается ведь команда.

На самом деле причина резкого перемещения Боброва из хоккейной команды в футбольную прозаична. «В “Спартаке”, — рассказывал игравший в этой команде при Боброве нападающий Александр Мартынюк, — Всеволоду Михайловичу обещали вознаграждение за золотые медали, но обманули. Он обиделся. А у футбольного ЦСКА были плохие результаты. Боброва позвали исправлять положение, дали звание, и он ушел».

Валентин Бубукин был хорошо знаком и с Тарасовым, и с Бобровым. Боброва он называл «своим кумиром», «выдающимся» и просто «добрым человеком». «Об этом, — говорил Бубукин, — много написано. Собственно, бобровскую доброту в последнее время противопоставляют тарасовской жесткости и рисуют их чуть ли не врагами. Я был не просто близок с обоими, а даже дружен. Особенно это важно в случае с Анатолием Владимировичем, которого многие считают замкнутым, порою деспотичным человеком без чувства юмора. Он действительно тяжело шел на контакт, но в узком доверительном кругу позволял себе даже такие шутки:

— Анатолий Владимирович, как стать великим тренером?

— Очень просто. Не важно, с кем ты в постели — с женой или любовницей, — всё время думай о новом упражнении для спортсменов».

Шутка, надо сказать, разошлась по спортивному миру.

«Так вот, — продолжал Бубукин, — Тарасов прекрасно понимал гений Боброва, ценил его и восхищался им. Мы вместе хоронили Всеволода Михайловича, и на поминках Тарасов, не склонный к высокопарным фразам, сказал:

— Я не видел такого великого человека, который смог бы достичь подобных высот и в хоккее, и в футболе. И вряд ли страна увидит такого еще лет сто».

Тарасов, понятно, говорил о Боброве-игроке. Примерно то же самое Тарасов сказал о Боброве, произнеся тост в его память, на свадьбе приемной дочери Всеволода Михайловича, вышедшей замуж за сына хоккеиста Вениамина Александрова: «За выдающегося хоккеиста!»

…3 июля 1975 года на московском стадионе «Динамо» состоялся четвертьфинальный матч розыгрыша Кубка СССР между ЦСКА и алма-атинским «Кайратом». С одной стороны команда высшей лиги, находившаяся тогда в середине таблицы в чемпионате, с другой — клуб первой лиги, занимавший четвертую позицию во втором по значимости турнире.

Рядовой, казалось бы, во всех отношениях матч. Но он тем не менее вызвал огромный интерес зрителей — на трибунах

собрались 15 тысяч болельщиков. Объяснение простое: ЦСКА тогда тренировал Тарасов, «Кайрат» — Бобров, освобожденный год назад от руководства сборной СССР по хоккею.

Кубковая футбольная игра оказалась последней, в которой противостояли друг другу давние соперники. В подобных встречах, несмотря на то что команды представляют разные лиги, шансы обычно расцениваются как равные. «Кайрат» равную игру предложить не сумел. ЦСКА крупно выиграл, не встретив даже мало-мальски серьезного сопротивления.

«Более подавленным, чем после этого матча, — вспоминал друг Всеволода Михайловича журналист Владимир Пахомов, — я Боброва никогда не видел».

Глава шестая ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА

Руководители канадского хоккея долго не хотели приглашать на свои площадки советскую команду. Первое приглашение поступило в Москву лишь осенью 1957 года — на восемь товарищеских матчей с любительскими клубами. У Тарасова, возглавившего сборную после московского чемпионата мира, были сверстаны планы сборов, контрольных игр, и канадский вариант в них никак не вписывался. Узнав о приглашении и о принятом решении от приглашения этого не отказываться, Тарасов скорректировал планы. Приоритет был отдан поездке в Канаду. «Времени, — вспоминал Анатолий Владимирович, — было в обрез, а следовало сразу отбросить в сторону волнение и прочие эмоции, всё до мелочей наперед продумать и учесть».

Для начала, разумеется, необходимо было определить состав. Тарасов сделал ставку не на лучших — из них, как он говорил, «не всегда составишь боевую команду», а на нужных игроков. «Здесь, — писал тренер, — я не совершил ошибки, допущенной мною позже, в 1960 году, когда на зимние Олимпийские игры в Скво-Вэлли состав команды был, по сути, навязан мне Федерацией. Уж больно модно в то время было всё решать коллективно, голосованием. А мне не хватило твердости, да и аргументы мои были для членов Федерации недостаточно весомы. Вот и повез за океан состав, что мне навязали, в который мало верил сам».

Из ЦСКА у Тарасова в Скво-Вэлли оказалось игроков меньше, чем из «Крыльев Советов», которые тренировал его помощник по сборной Владимир Егоров. Армейцев было семеро, хоккеистов «Крыльев» — восемь. Внутренние разногласия между двумя группами созданию боеспособного коллектива не способствовали.

В конце 50-х — начале 60-х годов Тарасов четко осознал, что чем меньше в сборной игроков не из его клуба, тем лучше для всех. На Олимпиаде-60 в Скво-Вэлли армейскую группу в составе сборной представляли игроки, настроенные только на победную волну. Их коллеги из «Крыльев» серьезные цели перед собой в чемпионате страны не ставили, победа в 57-м — исключение. «А такую “привычку”, — говорил Константин Локтев, — изжить чрезвычайно трудно. Никаких трений между нами, естественно, не было, но и особой сплоченности тоже не наблюдалось».

С момента совместного появления в сборной Тарасова и Чернышева с клубным делением в команде было покончено. По

распоряжению Тарасова на сборах дома и в зарубежных поездках вратарей расселяли с вратарями, защитники проживали парами, нападающие — тройками.

Но это — в Скво-Вэлли в 1960 году. А пока надо было формировать состав на поездку в Канаду. «Через призму предстоящих матчей, — рассуждал тогда Тарасов, — мы, тренеры, обязаны были по окончании турне четко определить, в каком направлении впредь развивать наш хоккей. Должны прояснить для себя, что в нашем хоккее легко разгадываемо канадцами, к чему соперники равнодушны. Что их задевает, что будет непривычно, труднопреодолимо для них в нашем хоккее. Каждый игрок, само собой, должен вложить в матчи все свое мастерство и силы, ярко проявить черты своего спортивного дарования».

Выбирая игроков для состава, Тарасов прислушивался к рекомендациям клубных тренеров, но исходил не только из них. Ему нужны были хоккеисты, способные побеждать по физическим качествам, двигательным навыкам, по характеру. «Это, возможно, — говорил Тарасов, — не совсем удобно для создания боевых звеньев, но для проверки канадского хоккея на прочность все это казалось мне кстати».

Понятно, что состав был почти полностью сформирован из игроков московских клубов. Из двадцати полетевших за океан хоккеистов таковых оказалось семнадцать: вратари Николай Пучков и Евгений Ёркин, защитники Иван Трегубов, Николай Сологубов, Генрих Сидоренков и Дмитрий Уколов, нападающие Константин Локтев, Вениамин Александров, Станислав Петухов, Владимир Елизаров, Алексей Гурышев, Юрий Пантюхов, Александр Черепанов, Николай Хлыстов, Юрий Копылов, Владимир Новожилов и Николай Снетков. К ним Тарасов добавил «физически одаренного» (тренерская характеристика) защитника Владимира Солодова из Горького, «техничного, но мягкого характером» нападающего из Ленинграда Валентина Быстрова и «творчески гибкого и сверхреактивного» форварда из Челябинска Анатолия Олькова.

Тарасов никогда не транжирил время, когда его можно было использовать для тренировок, и старался получать максимальную информацию о соперниках, их настроении и отношении к советской команде. Ни одна из европейских национальных хоккейных команд прежде за океан не летала. Историческая поездка сборной СССР (она играла под «вывеской» сборной Москвы) в ноябре-декабре 1957 года складывалась трудно.

В те времена о прямых перелетах и речи не было. Более того, у Советского Союза вообще не было тогда соглашений с Канадой и США о воздушных полетах. «Аэрофлот» доставил команду до

Скандинавии, там она пересела на самолет компании «Эйр Кэнэда» и с большими приключениями добралась до Канады.

Промежуточными точками посадок были обозначены Дублин и Нью-Йорк. Но после вылета из Ирландии экипажу сообщили, что США отказывают приземлению самолета с нашими хоккеистами на своей территории. Маршрут пришлось спешно менять. Вместо Нью-Йорка приземлились в международном аэропорту Гандер, расположенном на острове Ньюфаундленд в канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор. Принимающая сторона договорилась тем временем, что из Гандера советские хоккеисты полетят теперь уже не в Торонто, а в Монреаль несколькими самолетами местных авиалиний.

Времени до продолжения полетной эпопеи было много — около двух часов. Тарасов справился, нет ли рядом с аэропортом какого-нибудь стадиона или спортивного зала, и несказанно обрадовался, когда сдавший смену диспетчер аэродрома сообщил, что в двух шагах есть каток с искусственным льдом. Тарасов распорядился организовать для команды тренировку. Выгрузили из самолета баулы с хоккейным снаряжением, и за пять минут предоставленный команде автобус доставил ее к месту занятия. Прагматичные хозяева рассказали о том, что там-то и там-то через 40 минут начнет тренироваться сборная СССР по хоккею с шайбой, по местному радио. Тарасов был поражен, когда увидел постепенно заполнявшиеся зрителями простенькие трибуны, установленные в простейшем сооружении рядом с прекрасным по качеству льдом, и устроил показательное занятие для островитян.

После долгого пребывания в самолетных креслах хоккеисты «дорвались» до льда. Их приходилось даже сдерживать. По завершении тренировки команду отвели в ресторан, покормили. Попытку руководителя делегации Павла Короткова расплатиться пресекли в корне. Руководители и тренеры, разумеется, поблагодарили канадцев — за возможность потренироваться и за вкусный обед, вручили им припасенные сувениры и направились к самолету, но были остановлены неким господином, державшим в руках увесистый пакет. «Он, — вспоминал Тарасов, — сказал, что ему понравились наши ребята — веселые, удалые, крепко держатся на ногах, — но им трудно будет устоять против канадских хоккеистов там, на материке. Хоккей, мол, канадская игра, и невозможно представить, что есть соперники, способные хотя бы на равных играть с командами Канады. А дальше… Свою речь он завершил словами: “Мы весьма обязаны вам за эту тренировку. Вы, русские, какие-то не деловые люди. Видели зрителей на трибунах? Так вот, мы заработали на вас около трех

тысяч долларов. А вы еще нас благодарите!” — и протянул Короткову пакет с деньгами: это, мол, ваша доля. Естественно, наш шеф от подарка отказался. В командировочной смете такого не было предусмотрено».

И после прилета в Монреаль Тарасов почти сразу — команда наскоро устроилась в гостинице и на ходу перекусила — попросил выделить время для работы в знаменитом «Форуме». Позднее он вспоминал, как после начала тренировки в зале появились хоккеисты и тренеры «Монреаль Канадиенс» и стали наблюдать за занятием незнакомцев. Тарасов тут же направил в их сторону переводчика послушать, о чем будут говорить постоянные в те годы победители Кубка Стэнли. За тренировкой советской команды профессионалы следили менее получаса, а потом стали покидать зал. Вернувшийся «разведчик» доложил: работа сборной СССР на канадцев впечатления не произвела, они, как вспоминал Тарасов, «отнюдь не безобидно посмеивались над обилием передач (а передачи в нашем хоккее являлись и являются основой тактического мастерства и потому часто используются в тренировках и матчах), называя такую игру пустопорожней затеей…». Сообщил переводчик Тарасову и о канадском резюме: «Бросать по воротам русские не умеют. Детский сад. Играть с ними неинтересно».

«На вопрос, кто же был прав: мы, советские тренеры, создававшие новую школу хоккея, или многоопытные канадцы, — написал Тарасов 30 лет спустя после исторической поездки, — ответ дало время. В наши дни все тренировки канадских, в том числе и профессиональных команд, очень напоминают — и по обилию передач тоже — ту самую тренировку сборной СССР в монреальском “Форуме”, над которой посмеивались асы “Монреаль Канадиенс”».

Реакция асов Тарасова разозлила. Будучи сильным психологом, он тут же поведал о «детском саде» игрокам, разозлив и их тоже. «Они стиснули зубы, — рассказывал Тарасов. — Самолюбие в спорте я только приветствую. В какие-то моменты тренер эту черту спортивного характера может использовать во благо».

Хоккеистам из Советского Союза поражения с крупным счетом предрекали не только организаторы тренировки в Гандере, но и самые авторитетные канадские специалисты и журналисты. Газеты встретили сборную заголовками: «Русские проиграют в Канаде все встречи». Тем более что первый матч 22 ноября в Торонто гостями был начисто проигран команде «Уитби Данлопс» со счетом 2:7. За «Уитби», стоит заметить, играл тогда Гарри Синден, ставший затем известным тренером и

руководивший сборной Канады в Суперсерии-72.

Тарасов объяснял крупное поражение тем, что его ребята не сумели еще отойти от трудного перелета, а также разницей во времени и коротким периодом для акклиматизации. Из семи оставшихся встреч проиграна была только одна (2:4 от «Китченер Ватерлоо Датчмен»), еще одна завершилась вничью (5:5 с «Виндзор Булдогс»), в остальных одержаны победы: над «Садбери Вулвз» (7:4), «Норт-Бэй Трапперс» (6:3), «Халл-Оттава Канадиенс» (6:3), «Кингстон Сеньорс» (4:2) и над сборной, составленной из игроков «Халл-Оттава Канадиенс» и «Торонто Марлборо» (10:1).

На фоне канадского «игрового терроризма» (так определял Тарасов их манеру игры), тренер обнаружил у некоторых советских хоккеистов и главную слабость — «недостаток стойкости»: не у всех доставало выдержки, готовности терпеть жесткость соперника и при этом показывать те свои лучшие качества, на которые они были способны. Неприятным откровением для Тарасова стало то, что «некоторые игроки стали выпадать из обоймы коллективной игры, кое-кому оказались не по душе столкновения с соперником, пусть и не всегда действующим в рамках правил. Они или подолгу обиженно лежали на льду, выпрашивая «милостыню» у арбитров, или отмахивались клюшкой, по-детски стращая соперника, гневя судей и в итоге наказывая свою команду».

Сплошные перелеты и переезды (маршрут с 22 ноября по 6 декабря: Монреаль — Торонто — Виндзор — Китченер — Садбери — Норт-Бэй — Монреаль — Кингстон — Оттава — Монреаль), ни одного дня полноценного отдыха… Времени на тренировочную работу, в ходе которой можно было бы скорректировать недостатки, возникавшие в игре, не хватало. Для того чтобы хоть как-то мотивировать некоторых игроков, оказавшихся не готовыми противостоять «терроризму» канадцев, Тарасов предложил на совещании руководства делегации применить дифференцированный подход при выплате премиальных за матчи и был поддержан. Игроков, в состав не попадавших или же снимавшихся с матча из-за слабой игры, премий за победы лишали. Какую-то часть валюты благодаря этому для Спорткомитета сэкономили.

Во всех восьми матчах приняли участие Сологубов, Трегубов, Сидоренков, Уколов, Локтев, Александров, Елизаров и Копылов. В семи играли Хлыстов, Гурышев, Пантюхов и Ольков, в шести — Черепанов, в пяти — Быстров, Ёркин, Новожилов, в четырех — Снетков, в трех — Пучков, в двух — Петухов и Солодов.

Пары защитников выглядели неизменными (Сологубов — Трегубов, Сидоренков — Уколов). В двух встречах на подмену

выходил Солодов. В нападении Тарасов проверил 12 сочетаний форвардов. Основными были тройки Хлыстов — Гурышев — Пантюхов (пять матчей), Локтев — Александров — Черепанов (четыре) и Елизаров — Копылов — Ольков (шесть).

Предложенный Тарасовым подход к выплате премиальных, надо сказать, стал палкой о двух концах. С одной стороны, вроде бы мощнее становится стимул: обязательно попасть в состав, сыграть изо всех сил для того, чтобы победить и попасть в состав на следующую игру. Но с другой в таких ситуациях неизбежно накапливается недовольство, проявляется чувство зависти к более удачливым партнерам — «фаворитам тренера»! В современном футболе, например, не так уж и редко встречается такая премиальная практика, при которой одинаковую сумму в случае победы получают те, кто играл, и те, кто весь матч находился на скамейке запасных. Тем самым удается избежать конфликтов «игрок — тренер» в условиях неизбежной ротации состава при напряженном внутреннем и международном календаре. Принцип прост: мы — одна команда, в любой момент каждый может выйти на поле и сыграть в интересах команды.

За примененное в Канаде финансовое «ноу-хау» Тарасову по возвращении в Москву едва не «надавали по шапке». Когда на коллегии Спорткомитета руководители делегации отчитывались о поездке, заместитель председателя Спорткомитета, женщина, по наблюдению Тарасова, «решительная и боевая», вдруг заявила о незаконных действиях тренера и потребовала провести разбирательство: куда делась валюта, отобранная у спортсменов? Однако Николай Романов, проводивший заседание коллегии, решительно отмел наговор: и действительно, излишки валюты руководители делегации сдали в кассу Спорткомитета, а за эксперимент с дифференцированной оплатой и за итоги турне по Канаде Тарасову, по его мнению, следовало объявить благодарность. Вступился за Тарасова и руководитель делегации Павел Коротков, бывший динамовец, с которым Тарасов играл в «Динамо» в чемпионате Москвы перед войной (между прочим, родной брат известного советского разведчика Александра Короткова).

Но попытка дать ход навету — сущий пустяк по сравнению с тем, что узнал Тарасов, вернувшись в Москву. Пока он ездил в Канаду и Швецию, серьезно заболела его жена Нина Григорьевна.

«Мне было тогда десять лет, — рассказывала об этом Татьяна Анатольевна Тарасова. — У мамы случился инфаркт при двустороннем воспалении легких. Я ничего не понимала в болезнях, но хорошо помню, что меня в те дни не пустили на соревнования, потому что мама умирала и неизвестно, смогут ли

ее спасти. А папа в то время был в Канаде. И ему, конечно, ни о чем не говорили, никто туда не звонил, да и неизвестно, можно ли было дозвониться. А не говорили, как я понимаю, только потому, что он немедленно бы оставил команду на помощника и прилетел бы домой. Они жили в очень большой любви. Маму тогда с трудом выходили».

За матчами профессионалов в Канаде Тарасову удавалось следить с трибуны. Правда, изредка. Чаще, из-за напряженного графика турне, — по телевизору. Но в «Форуме» ему довелось увидеть игру «Монреаль Канадиенс» с «Торонто Мейпл Лифс», кое-что подсчитать, например количество и качество передач, обводок, завершающих бросков, силовых единоборств в поле и у бортов, а также длину маневра самых сильных форвардов и защитников — у Тарасова был свой метод таких подсчетов.

После матча команда пешком возвращалась по заснеженным улицам Монреаля в отель, и Тарасов спросил игроков: «Ну как, можем мы сразиться с ними?» Ответа не последовало. Вопрос свой он позже назвал «неправомерным», даже — «бестактным». «Отвечая на этот вопрос, — говорил Тарасов, — игроки должны были бы признаться, что победить профессионалов они сегодня не смогут. Сказать так — означало уронить свое спортивное достоинство, а ответить иначе — сфальшивить. Они выбрали третье — промолчали. Нужно было время, чтобы огромные впечатления, всё пережитое во время матча улеглось».

За игрой «Монреаля» с «Торонто» советская команда наблюдала с самых верхних рядов, «с высоты птичьего полета». Тарасов полагал, что «каждый игрок видел себя там, внизу, на площадке, где сражались профессионалы. И конечно, не сразу сквозь призму увиденного можно было соотнести хоккей профессионалов и тот, в который играли мы. Не так-то просто даже мысленно “наложить” модель нашей игры на действо, увиденное в “Форуме”». Для себя Тарасов после того турне задался вопросом: имеем ли мы право на встречи с профессионалами? И ответил самому себе: пока речь могла идти лишь о праве, а не о конкретной серии матчей.

Обратно сборная СССР возвращалась через Стокгольм. Остановилась в шведской столице на несколько дней. 10 и 12 декабря сыграли два товарищеских матча со сборной Швеции (7:3 и 2:1). Результаты Тарасова, по его признанию, удивили. Он полагал, что насыщенное событиями турне выхолостило его игроков, но был рад тому, что «силовая, страстная, порою жесткая борьба там, в Канаде, закалила наших ребят».

По прошествии лет над результатами той первой, исторической поездки в Канаду порой посмеивались: надо же,

сборная огромной страны выиграла не все матчи у любительских команд, а в Москве их встречали как триумфаторов — с какой стати? Тарасов же, опровергая устоявшееся мнение о том, что любителей и профессионалов хоккея разделяла якобы «целая пропасть», приводит в книге «Родоначальники и новички» такие цифры: «Шесть профессиональных команд в 1957 году по 25 игроков в каждой — это 150, с ближайшим резервом — до 200 хоккеистов. Сегодня в НХЛ 21 команда. Это более 500 хоккеистов, а с резервом не менее 600. О чем говорят эти цифры? О том, что нам за океаном противостояли отнюдь не слабаки, а представители такого хоккейного слоя, из которого черпали свежие силы профессиональные клубы. Лучшие любители тех далеких лет были впоследствии призваны под их знамена. Многие из них составили костяк новых профессиональных клубов».

«Играть было непросто, — вспоминает о той поездке нападающий Станислав Петухов. — Любители канадские — ребята габаритные, масса у них большая, катаются классно. Смелые. Многие из них о профессиональной карьере мечтали, а поэтому старались с удвоенной энергией. Щелкали здорово, а мы тогда щелчки по-настоящему еще не освоили. Ну и конечно, силовая борьба. Чуть на лицевом борте притормозил, и тебя сразу же — “в тело”. Тарасов командовал: “У лицевых бортов не останавливайтесь, за воротами проезжайте!” Мы в те годы еще не все приемы силовой борьбы досконально изучили, еще было над чем нам в этом плане работать. Непривычно было играть и на их площадках малых размеров. Мы все-таки привыкли к размаху, а там было тесновато. Но привыкли мы быстро и польза была — всё же попробовали уже тогда поиграть на их площадках. В Монреале играли — огромный зал, а под потолком всего одна лампа, но мощности невероятной. Весь зал залит светом. Конечно, непривычно для нас, даже в диковинку. Акклиматизация давала первые дни о себе знать. Особенно на третий-четвертый день. Это запомнилось. Едем в автобусе, а спать хочется. Тарасов внушает: “Разминка, вертите головой в разные стороны. Не спать!”».

Итог турне по Канаде был признан достойным. И общественностью, и Тарасовым, просившим не забывать о двух немаловажных обстоятельствах. Во-первых, сильнейшие любительские команды Канады принимали гостей на своих площадках, а во-вторых, состав нашей сборной был экспериментальным. «В команду, — подчеркивал тренер, — были включены игроки самого различного плана. Хоккеисты небольшие, в “весе пера”, как Владимир Елизаров, например, и рослые, физически мощные вроде Станислава Петухова. Те, кто

был склонен к индивидуальной игре, и те, одной из основных черт которых было стремление и умение сыграть в пас. Наконец, в нашей сборной были хоккеисты, предпочитавшие при разрушении атак соперников пользоваться лишь клюшкой и, наоборот, стремившиеся — уже в то время! — к хоккею контактному. В таких контактах, кстати, среди всех участников турне выделялся Николай Сологубов. Для чего был нужен этот эксперимент? Необходимо было проверить наших хоккеистов на сильнейших соперниках, выяснить, против игроков какого типа особо неудобно действовать родоначальникам хоккея и кто из наших хоккеистов способен принести им наибольшие неприятности. Эксперимент удался — он позволил сделать выводы, которые на долгие годы определили, каким быть нашему хоккею».

Глава седьмая УХОД ИЗ ЦСКА

На предварительном этапе чемпионата страны 1960/61 года ЦСКА проиграл четыре матча, занял в группе второе место и в финальной пульке оказался на последней, шестой позиции, поскольку учитывались лишь те очки, которые были набраны во встречах с вышедшими из группы командами. Дело закончилось увольнением Тарасова по ходу сезона.

Сведения о том периоде сохранились разные. Суть одна: команда взбунтовалась, обратилась к руководству с требованием заменить тренера. Это и по сей день кажется странным, поскольку тогда ЦСКА возглавляли два непререкаемых, казалось, авторитета — тренер Тарасов и капитан команды Сологубов, друг с другом ладившие и если и споривше, то только по вопросам, касавшимся тактики игры защитников.

Сологубов, всегда помнивший о том, как он попал в хоккей и благодаря кому стал высококлассным мастером, поддерживал Тарасова даже в тех случаях, когда внутренне был не согласен с тренерскими решениями. Это касалось, например, отчисления хоккеистов, вместе с которыми Сологубов из сезона в сезон выходил на лед. Тренерская правда всегда выше. Почти все спортсмены по завершении карьеры со временем это осознают. Но пока они спортсмены действующие, им видятся несправедливыми шаги тренера по отношению к ним и их партнерам.

В короткий временной промежуток между предварительным и финальным турнирами на тренировочной базе ЦСКА (на Ленинских горах, прямо под трамплином) было назначено собрание хоккейной команды. Приехали армейские спортивные руководители во главе с полковником Аркадием Александровичем Новгородовым, за полтора года до этого назначенным на должность начальника ЦСК МО (так тогда назывался клуб). Новгородов и решил «привлечь» в хоккейный ЦСКА нового тренера. Для начала он и сопровождавшие его офицеры встретились с Тарасовым и ведущими игроками во главе с Сологубовым и объявили, что поскольку команда играет с перебоями, с таким положением дел ни в Министерстве обороны, ни в руководстве клуба мириться не собираются.

«Мы, молодые, — вспоминал Валентин Сенюшкин, — сидели в холле. Вдруг видим, Тарасов выскочил весь красный, взъерошенный, сел в свою “Победу”, дверью хлопнул и укатил. И вроде бы руководство армейское поставило ветеранам условие: если будете и дальше проигрывать, то вернем Тарасова!»

Имени нового тренера Новгородов не назвал. Сказал лишь,

что подбирается приемлемая кандидатура, и предложил игрокам какое-то время поработать без тренера. Сологубов ответил, что решать такой вопрос, не оповестив всю команду, он не может. Капитан отправился в другое помещение базы, где в ожидании вердикта начальства пребывали все игроки, сообщил о предложении Новгородова. «Хоккеисты, — рассказывал через несколько лет журналист Владимир Пахомов, — единодушно заявили, что готовы обойтись без Тарасова. Чуть позже они дали, по сути, клятву жить, кто как пожелает: расходиться после матча по домам или приезжать на опостылевший сбор. Чем заниматься в свободное время, становилось личным делом каждого. Иначе говоря, можно соблюдать спортивный режим или нарушать его, но непременно быть по утрам в готовности тренироваться до седьмого пота, а потом играть, не жалея сил. И кто провинится, решили единогласно, пусть пеняет на себя. Никого из старших офицеров на собрание не пригласили. Не было на нем политработников, любивших наведываться в команду. Не велся протокол собрания. Принятием своеобразной клятвы заправлял Сологубов. Он ее и придумал».

Для Тарасова этот демарш игроков стал ударом. Вторым подряд за небольшой период времени. Сначала его отстранили от руководства сборной за третье место на Олимпиаде в Скво-Вэлли, а теперь — и от ЦСКА. В армейском спорте его оставили, назначив тренером Вооруженных сил — была тогда и такая должность.

Но Тарасов не мог без работы «в поле». Он позвонил генералу Глебу Бакланову, командующему Сибирским военным округом, и поведал о сложившейся ситуации. «Отец, — пишет в книге «Самый молодой генерал» Андрей Бакланов, — сказал буквально следующее: “Толя, нужно какое-то время переждать. Острота момента пройдет, а развитие ситуации само подведет к необходимости вновь задействовать твои знания и способности на соответствующем уровне”. Он предложил Тарасову на некоторое время приехать в Новосибирск и поработать с хоккейной командой Спортивного клуба Сибирского военного округа… Тарасов сразу согласился. Он приехал в Новосибирск и горячо взялся за дело».

Тарасов «проходил» в новосибирском СКА как тренер-консультант, но, конечно же, всем тренировочным процессом заправлял он, а работавшие вместе с ним официальные тренеры команды Игорь Пасынков, а затем Валентин Московцев учились у мэтра. СКА заиграл. Да так, что на него стал ходить весь город!

ЦСКА же без тренера просуществовал недолго. Новым тренером стал Александр Виноградов, в прошлом армейский

хоккеист. Тренерской работой он до этого с серьезными командами не занимался. Только — с детьми и юношами. После предельно жесткого Тарасова мягкий Виноградов пришелся армейским хоккеистам по душе. Тренером он был, можно сказать, номинальным. Всем в команде заправлял Сологубов. На первых порах после замены тренера хоккеисты ЦСКА, казалось, летали по льду. Они выиграли все турниры, в которых участвовали, в том числе чемпионат СССР. Ближайший преследователь — горьковское «Торпедо» — отстал на шесть очков.

С горьковчанами, которых ЦСКА в трех матчах обыграл с общим счетом 24:4, приключилась тогда занимательная история. Они с тренером Дмитрием Богиновым во главе впервые в истории добрались до второго места в чемпионате. Но автозаводскому начальству этого показалось мало. Директор завода Иван Киселев и секретарь партийной организации, будущий секретарь ЦК КПСС Константин Катушев пригласили Богинова на разговор и фактически поставили перед ним новую задачу — выиграть «золото». «Мы тут с товарищами посоветовались и решили…» — традиционный вводный штамп в беседе сопровождался вопросом: «Что нужно для того, чтобы “Торпедо” стало чемпионом?»

Богинов начальников внимательно выслушал и сказал: «Нужен полный комплект новой хоккейной формы и амуниции». Тотчас снарядили в Москву экспедицию — директорскую «Чайку» и грузовичок ГАЗ-51 с тентом. Через три дня гонцы вернулись в Горький, доложились Киселеву и Катушеву, а те, в свою очередь, вновь пригласив Богинова, сказали: «Вот, Дмитрий Николаевич, сделали всё, как вы просили. Только не ясно нам пока, для чего вам понадобилась новая форма за несколько туров до конца чемпионата?» Богинов в ответ: «А она не для хоккеистов, форма эта. Она для вас. Надевайте и выигрывайте чемпионат у ЦСКА». А спустя короткое время Богинов со строгим выговором по партийной линии был вынужден «Торпедо» покинуть.

Еще одним победным турниром для ЦСКА, выступавшего под знаменами сборной Вооруженных сил СССР, стали в том сезоне соревнования, проходившие в Польше в рамках первой зимней Спартакиады дружественных армий десяти стран. Накануне отъезда из Польши нападающему Игорю Деконскому сообщили из Москвы о том, что у него родился сын. После того как поезд пересек границу и оказался на родной земле, это событие принялись основательно отмечать все, кто оказался рядом с Деконским, — партнеры, тренеры и даже заместитель Новгородова подполковник Николай Щитов, ездивший в Польшу в роли руководителя делегации. В Москве встречали команду с помпой: военный оркестр, девушки с букетами в руках, Аркадий

Новгородов и дюжина его подчиненных из клуба ЦСКА. «Но церемониал встречи на Белорусском вокзале оказался скомканным», — рассказывал Владимир Пахомов. И понятно почему: игроки с большим трудом и далеко не сразу смогли выйти из вагона. А Виноградов решил уйти незаметно…

Оргвыводы последовали не сразу — команде оставалось еще доигрывать чемпионат и Кубок страны. Но всё же последовали — в начале лета. Виноградову, несмотря на все победы, не простили возвращения из командировки за границу в нетрезвом виде и уволили с поста старшего тренера. Заменив Евгением Бабичем, не без хлопот, говорят, за него Всеволода Боброва.

В чемпионате страны-1961/62 Бабич продержался у руля ЦСКА два месяца, а если точнее, то 63 дня. Ничего у него не получилось. И не могло получиться, при всем уважении к великолепному хоккеисту прошлого. Тренерским делом он не занимался (хоккей с мячом, где он тренировал до этого, не в счет: туда он попал случайно). Что такое предсезонная подготовка, по каким методикам ее проводить, Бабич не знал; одних призывов оказалось мало. Требовались специальные знания, а их не было. Команда не понимала шараханий при выборе состава. Если при Виноградове Сологубов ставил себя на одну доску с тренером, то Бабича лидер ЦСКА в тренерской роли не воспринимал. И руководителям прямо говорил, что с таким тренером ничего путного у ЦСКА не выйдет.

«Погуляв» вместе с командой, надышавшись «воздухом вседозволенности» и познав «вольницу», в спортклубе ЦСКА пришли к решению, ожидавшемуся всеми мало-мальски интересующимися хоккеем людьми: вновь обратились к Тарасову, вспомнив о его жестком контроле игроков и о тренировках, проводившихся в полном соответствии с требованиями современного хоккея.

После того как 21 ноября 1961 года ЦСКА проиграл очередной матч чемпионата «Динамо» с невиданным до той поры счетом (5:14), Бабича отправили искать новое место работы. Поползли слухи о том, что хоккеисты ЦСКА специально проиграли так крупно, чтобы наконец-то избавиться от его присутствия на тренерском мостике. Но в это, признаться, сложно поверить, потому что опыт изгнания Анатолия Владимировича — по воле игроков, не пожелавших тогда, в 1960-м, усердно трудиться под его началом, — вполне можно было повторить и без позорного поражения. Достаточно было группе игроков пойти к начальству и снова в ультимативной форме потребовать замену тренера.

Поползли слухи и о том, что всё это, дескать, подстроил сам

Тарасов. Ссылаясь на неких «неформальных историков ЦСКА», писатель Александр Нилин в своей книге «Век хоккея» пишет, что Тарасов «как-то предложил тем же Сологубову с Трегубовым поставить водки столько, сколько они захотят, накануне ответственной игры (чуть ли не с «Динамо») — и они не отказались, чем подставили то ли Виноградова, то ли Бабича…»

Ладно бы это говорилось в болельщицкой среде, где-нибудь в пивной во время эмоционального обсуждения дел в любимой команде. Так нет же, в серьезном, казалось бы, исследовании. Правда, с обезоруживающей и многое объясняющей оговоркой автора: «За что купил — за то продаю».

Однажды, много лет спустя после этого матча Владимир Пахомов, оказавшись в зарубежной командировке с Игорем Ромишевским, пытался «разговорить» защитника, в той встрече участвовавшего. «Мой приятель, — вспоминал Пахомов, — заметив, что до меня у него уже много раз допытывались, а не было ли в ноябре 1961 года сдачи армейцами матча динамовцам, сказал, что результат той встречи не показателен — во всяком случае, он не соответствовал уровню игры хоккеистов “Динамо” и не свидетельствовал о начавшемся закате ЦСКА: “Мы проиграли так крупно случайно, игра не пошла, удивительно, но это факт”».

Примерно так же отвечали Пахомову и некоторые другие хоккеисты ЦСКА. Пожалуй, лишь вратарь Юрий Овчуков был чуть более конкретен, заметив, что его коллега голкипер Николай Пучков сыграл в тот вечер как никогда плохо: «Больше я его таким не видел». Но и Овчуков не преминул сослаться на «злой рок, витавший над командой». «Действительно, — делился своими впечатлениями Пахомов, на том матче присутствовавший, — со знаменитым вратарем творилось что-то невообразимое. Я вспоминаю, как он в одном из эпизодов, будто зомбированный, почему-то вдруг приподнял ногу надо льдом, когда динамовцы посылали шайбу низом, и она спокойно прошмыгнула в сетку. После первого периода Пучкова, пропустившего девять шайб, заменил Овчуков».

А динамовский защитник Виталий Давыдов рассказывал журналистам газеты «Спорт-экспресс» Юрию Голышаку и Александру Кружкову: «…Был сплав или нет, судить не берусь. У нас всё получалось… А Пучков в какой-то момент не выдержал и просто ушел с площадки». По свидетельству Давыдова, Пучков поведал динамовцам годы спустя: «Поражение было не случайным. Тарасов сумел склонить на свою сторону некоторых зачинщиков бунта, и они сдали игру…»

Так или иначе, но Тарасов, вернувшийся в ЦСКА спустя год с небольшим после своего изгнания, не стал менее жестким и

требовательным, чем был прежде. Приступив к работе, он в первый же день, перед вылетом команды на несколько календарных матчей в Сибирь, призвал всех сосредоточиться на заключительном отрезке сезона (уже было ясно, что титул ЦСКА не выиграет: команда заняла в итоге всего лишь третье место вслед за «Спартаком» и «Динамо»), с максимальной ответственностью относиться к каждой тренировке и к каждому матчу и объявил, что будет беспощаден к нарушителям режима.

В ситуации, когда команде сначала позволили снять одного тренера, потом другого, а самой тем временем из серьезной боевой единицы превратиться в клуб, с которым соперники переставали считаться, Тарасов обязан был закручивать гайки до предела. И начал он с Ивана Трегубова, нарушившего режим в Омске. Второй раз за короткий отрезок времени. В тот же вечер Тарасов сообщил команде об отчислении Трегубова, а по возвращении в Москву армейский клуб поставил перед Федерацией хоккея вопрос о дисквалификации хоккеиста. Его и дисквалифицировали — на год.

Сологубов, с Трегубовым друживший, не возражал против тарасовского решения. Оба понимали, что для оздоровления коллектива без такого шага не обойтись: за Трегубовым уже стали тянуться — по части нарушения режима — игроки нового хоккейного поколения, из которых Тарасову предстояло строить новый ЦСКА.

«Я долго убеждал Ивана, что он не прав, — говорил Тарасов, — что, несмотря на возраст, звания, авторитет, титулы, положение, хоккеист всё равно должен по-прежнему много трудиться. Трегубов этого не понимал, он не верил мне. Не верил, что дальнейшее восхождение мастера, даже самого большого, связано с колоссальным трудолюбием, ничуть не меньшим, чем требовалось на первых порах становления спортсмена. Иван стоял на своем. И не стало великого и несравненного хоккеиста Трегубова, выдающегося защитника, того самого „Ивана Грозного”, который восхищал весь спортивный мир. Иван, к несчастью, не одинок».

Тарасов боролся за Трегубова, но самого Трегубова эта борьба раздражала. Он считал, что Тарасов насильно подбирал себе друзей, вот и его хотел сделать своим другом, используя присущие хоккеисту слабости. «Я видел, — говорил Трегубов, — он хотел доказать свою правоту. Он ведь всегда и во всем обязательно должен был быть прав».

В действиях Тарасова Трегубов усматривал посягательство на свою частную жизнь. Женившись, он переехал к жене в подвал на Неглинной улице, и застолья там случались всегда, когда он

появлялся дома. «Ольга, — рассказывал Трегубов журналисту Сергею Шмитько о своей покойной жене, — спешила сама раньше меня поднять стакан». Тарасов в борьбе за игрока и человека шел своим путем. Однажды он пришел в подвал и предложил Ольге войти в женсовет команды ЦСКА. Тарасов наивно предполагал, что ее появление в группе жен армейских хоккеистов позволит ему если и не отвадить полностью Трегубова от водки, то хотя бы ограничить, сведя до минимума ее употребление. Откуда же Тарасову было знать о стакане, поднимавшемся ею раньше трегубовского?

Трегубов тогда сказал Тарасову, что терпеть не может показухи, всех этих вечерних школ, женсоветов, патриотических словес перед матчами. «Я — старший тренер!» — попробовал Тарасов отстоять свою правоту. «Но жена-то моя, — отвечал Трегубов. — В своем доме я хозяин! Как скажу, так и будет».

Тарасову вменяют в вину то, что он, зная, какую роль сыграл Иван Трегубов в его возвращении в ЦСКА, расправился с человеком, фактически отлучив его от хоккея. Но, во-первых, никакой особенной роли в деле возвращения Тарасова защитник не сыграл: мнением дважды бунтовщиков и тем более возрастных игроков, которым играть-то оставалось год-другой, никто тогда не интересовался. А во-вторых, никакой расправы не было и в помине. Тарасов расстался с хоккеистом, которого больше не видел в числе тех, кто достойно помогал бы ему возвращать ЦСКА привычный статус победителя.

«Знатоки» утверждают, что, расправившись с Трегубовым при попустительстве Сологубова, Тарасов затем расправился и с Сологубовым, убрав того «за ненадобностью». Ничего себе — расправился! 39-летнему Сологубову, весной 1963 года ставшему в Стокгольме чемпионом мира в команде Тарасова и Чернышева, осенью того же года устроили торжественные проводы: все-таки возраст. Так естественный процесс смены поколений подается как «зверство» Тарасова.

Что же касается хоккея, то Трегубов играть продолжил — сначала в куйбышевском СКА, который тренировал Александр Виноградов и где с вольницей всё было в порядке, а затем в воскресенском «Химике» у Николая Семеновича Эпштейна. «Я Ивана, — рассказывал Эпштейн, — взял к себе в “Химик” играть. Он уже к тому моменту был не тот, от “керосина” даже лечился. А я взял. Не из жалости, а из уважения к великому мастеру. Жалости он бы не потерпел. Да и знал я, что Трегубов будет выкладываться на все сто, коли к нему со всей душой, с доверием. Стараться будет. Кое-что он мог моим пацанам в команде еще показать».

Эпштейн, фактически пообещавший Трегубову щадящий режим, потом, надо полагать, об этом жалел, потому что частенько защитник приезжал на тренировки в разобранном состоянии. Николай Семенович пытался игрока урезонить, стыдил, объяснял, что регулярное нарушение режима разрушает здоровье. Трегубов обещал «завязать», но об обещании забывал если не через полчаса, то через час. Больше всего беспокоило Эпштейна то обстоятельство, что приглашенный им некогда великий игрок подает дурной пример молодым хоккеистам. И он Трегубова отчислил.

«Не щадил», «измывался», «подрывал здоровье игроков»… Всё это тоже из разряда мифов о Тарасове. Александр Пашков, до женитьбы, как он сам говорит, «выпивавший, а потом уже как-то не тянуло», точно определил природу «подорванного здоровья»: «Я, бывало, в отпуске кружку пива себе не позволял! Хотя кругом все прилично поддавали. Все — до поры до времени. Организм-то не железный. В игре у тебя пульс 200. После матча полночи пьянка, в шесть утра идешь в баню, паришься до изнеможения, выбивая алкоголь, в десять — на тренировку. Представляете, какая нагрузка на сердце, сосуды?! А у многих постоянно был такой режим. Не доживали до шестидесяти». Спартаковский защитник Виктор Блинов скончался на первой после отпуска тренировке, играя в баскетбол.

В середине 70-х годов Тарасов по приглашению спортивной редакции ТАСС выступал в актовом зале агентства, набитом болельщиками под завязку. Вопросы задавали разные. Тарасов отвечал на все. Когда речь зашла о нарушителях режима, Тарасов, с командами к тому времени уже не практиковавший, нахмурился и сказал: «Да, были у нас в ЦСКА, есть они и сейчас, “бойцы”, которые вспоминают о необходимости закусывать только после второго стакана. Были, есть и, наверное, будут. Хотя верю: наступят такие времена, когда местом в команде будут дорожить не так, как сейчас. А сейчас я этим бойцам” говорю, как говорил и “бойцам” в прошлом: “Смотрите! Водочка и не таких губила”».

Спорт Тарасов называл «запретной зоной» для алкоголя и табака, справедливо полагая, что эти «вольности ограничивают функциональные возможности организма, ослабляют психику. Сколько талантливых ребят буквально испарилось из спорта вместе с табачным дымом и алкогольным дурманом».

Не вина Тарасова, а беда: многие тренировавшиеся и игравшие под его началом хоккеисты преждевременно ушли из жизни по весьма прозаической причине, именуемой пьянством. Тарасова называют жестоким человеком. «Но великий тренер не может быть другим, — говорит в страстном монологе,

обращенном к отцу, Татьяна Тарасова, выдающийся тренер, не понаслышке знающий, почем фунт лиха в этой профессии. — Тебе в руки попадали дремучие парни с четырехклассным образованием, с мутной историей, не способные связать двух слов. И ты должен был вложить в них всего себя, изменить их судьбу, сделать из них богов и героев, которым потом станет поклоняться весь мир. Это титанический труд, требовавший абсолютного и беспрекословного подчинения. Но ты умел этого добиваться».

В профессиональном спорте вообще и в хоккее в частности клуб и спортсмен защищены контрактными обязательствами. Их — десятки, иногда — сотни. Соглашение защищает игрока от возможного произвола клуба, но и клуб защищает при этом себя от возможных выкрутасов игрока.

В псевдолюбительском (он же — псевдопрофессиональный) хоккее в Советском Союзе фактическим надсмотрщиком за игроками был тренер. Никаких контрактов, договоров и соглашений с зафиксированными в них правами и обязанностями не существовало в природе. Защитить себя от Тарасова игрок мог, лишь соблюдая три пункта нигде не отмеченных и юристами не заверенных правил: добросовестная работа изо всех сил на тренировках, неукоснительное выполнение игровых заданий и дисциплинированное поведение в быту с непременным соблюдением режима. К тем, кто пункты эти соблюдал — а таких было большинство, — у Тарасова не возникало никаких серьезных претензий. Для постоянно эти правила «забывавших» Тарасов зачастую становился, как он сам себя называл, «мясником», «резавшим по живому» (это выражение он как-то употребил в разговоре с молодым тогда футбольным тренером Олегом Романцевым, и спартаковский наставник постоянно его вспоминал, когда наступала необходимость «резать»).

Планируя тренировочные нагрузки, Тарасов, как и все, впрочем, его коллеги, не «закладывал» возможную реакцию на предложенную тренером тяжелую работу организма, измученного отнюдь не нарзаном, а алкогольными напитками разной крепости.

Раньше срока закончил играть Александр Альметов. Вновь все претензии к Тарасову. «Александр, — говорил Тарасов, — долго жил своей громадной славой, он думал наивно, что она вечна, но всё проходит. Он ушел, стал историей, только историей — несравненный форвард, веселый, беззаботный человек».

Большой хоккей для Альметова закончился после чемпионата мира в Вене в 1967 году. Через двадцать с небольшим лет после этого он рассказал в интервью «Советскому спорту»: «Я и сам не

заметил, как стал свадебным генералом. Правда, и раньше был не в ладах с режимом, но быстро восстанавливался и игру не портил. Но после победы на чемпионате мира в Вене слухи о моей веселой жизни дошли до руководства ЦСКА. А поскольку я полностью упустил летнюю подготовку, Тарасов постоянно говорил мне, что мало я тренируюсь, недорабатываю. Всё еще можно было поправить, но в меня словно бес вселился: “Всё, заканчиваю играть!” Сказал в сердцах, не подумав, ничего не взвесив. Уговоров от Тарасова не последовало, и чемпионат СССР 1968 года ЦСКА начал без меня. Когда увидел свою команду по телевизору (мне не стыдно в этом признаться), заплакал… Я никак не мог понять, что слава и популярность уже в прошлом и ты никому не нужен…»

Глава восьмая ТАРАСОВ И ЧЕРНЫШЕВ

Юрий Машин, назначенный в 1962 году председателем Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР (один из вариантов названия Министерства спорта в советские времена), подтверждает решимость Чернышева и Тарасова работать на равных и — в профессиональных вопросах — в режиме полной независимости от руководителей всевозможного ранга, в том числе от самого Машина. «Когда я возглавил Центральный совет, — вспоминал он, — ко мне пришли тренер ЦСКА Анатолий Тарасов и тренер "Динамо" Аркадий Чернышев. Пришли и с порога спрашивают: "Вы хотите, чтобы мы выиграли чемпионат мира?" — "Что за вопрос?" — отвечаю. "Мы два антипода, но мы готовы объединиться, чтобы вместе победить! Но у нас условия. Первое: как вы нас ни назовете, мы должны быть равны. Второе: мы принимаем решения, а вы их поддерживаете"».

Тарасов историю их совместного назначения в сборную помнит иначе. С 1948 по 1962 год они возглавляли команду Москвы и СССР по очереди. Сначала Тарасов, потом Чернышев, потом снова Тарасов, вновь Чернышев… Иногда ее доверяли Егорову. Статистика, стоит признать, беспощадна. За четыре года, что Чернышев возглавлял сборную (1954-1957), команда выиграла два чемпионата мира и Олимпиаду. И только в 1957 году стала второй на проводившемся в Москве первенстве мира, не проиграв ни одного матча, но сделав две ничьи с чехами и шведами. Три следующих сезона старшим был Тарасов: два серебра на чемпионатах мира и олимпийская бронза. В 1961 году сборную на чемпионат мира в Швейцарию вновь повез Чернышев — итог: всего лишь третье место.

«Трудно сказать, — пишет в своей книге «Совершеннолетие» Тарасов, — сколько бы продолжалась еще эта чехарда, если бы в один прекрасный день 1963 года нас обоих не пригласили в Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР к Леониду Сергеевичу Хоменкову. С первых же слов Леонид Сергеевич объяснил, что отныне мы будем вдвоем готовить сборную…»

И хотя дату Тарасов, судя по всему, называет неточно (сборная СССР с новыми тренерами уже в марте 1962 года должна была поехать на чемпионат мира в США, но не поехала туда по политическим мотивам), я склонен верить его версии. (Известный

специалист по легкой атлетике, Хоменков занимал тогда должность заместителя председателя Центрального совета.) «Это не только просьба или совет, — продолжал Хоменков. — Это решение Центрального совета, и вы обязаны его выполнять. Приказ есть приказ. А разные характеры — это хорошо. Будете дополнять друг друга…»

У сына Чернышева, Бориса Аркадьевича, — своя версия появления тандема. «В 1962 году, — поведал он в интервью пресс-службе московского хоккейного клуба «Динамо», — председатель Спорткомитета СССР Николай Романов пригласил отца к себе: “Аркадий Иванович, все-таки вы с Тарасовым — два самых опытных и авторитетных тренера в нашей стране. Может быть, вам в интересах сборной поработать вместе?” Чернышев отвечает: “Конечно, поработать можно, но у нас настолько разные взгляды на хоккей, что нам трудно будет найти общий язык”. Но Романов стал настаивать. Тогда отец сказал: “Я могу согласиться на это только в том случае, если буду старшим тренером, а Тарасов станет мне помогать в качестве второго тренера”. Тарасов согласился на эти условия. Хотя когда Анатолий Владимирович работал четыре года старшим тренером в сборной, он неоднократно приглашал отца вторым тренером к себе, но тот отказывался. В сборной у Чернышева и Тарасова было своеобразное разделение труда: отец основное внимание уделял тактике и стратегии игры с будущим соперником, а Тарасов большей частью занимался тренировочным процессом. Хотя все принципиальные вопросы они обсуждали вместе».

И наконец, еще один вариант истории с назначением Тарасова и Чернышева. «Я уже вспоминал добрым словом руководителя спорта нашей страны в послевоенные годы, — пишет Анатолий Владимирович в книге «Хоккей. Родоначальники и новички». — Это ему в свое время принадлежала идея поставить нас с Аркадием Чернышевым в одну упряжку — во главе сборной команды СССР по хоккею, дав нам равную власть и права. Пригласив нас в кабинет и даже не позволив сесть (а это на моей памяти был единственный такой случай), он с ходу заявил: “С сего дня вы оба — старшие тренеры сборной. Идите и работайте!” И мы, слегка оробев и онемев от неожиданности, молча покинули кабинет, хотя нам было что сказать руководителю нашего спорта. До того дня мы долгие годы работали порознь и словно бы находились на разных полюсах. Это и понятно. У нас разные характеры, разное прочтение хоккея… Как это — работать на равных, делить всё пополам? Но странный тот приказ, объединив усилия двух непохожих тренеров, принес немало побед советскому хоккею, а нам, обоим

тренерам, — полное удовлетворение. И еще кое-что, на мой взгляд, очень важное: обогатил нас. Да, в общении, взаимно учась друг у друга, мы стали богаче как личности, как специалисты. Мы как бы вступили в негласное соревнование: никому не хотелось хотя бы в глазах напарника выглядеть в чем-то слабее, менее компетентным. Вот и получился крепкий сплав».

Ситуация с назначением Тарасова и Чернышева развивалась, скорее всего, следующим образом. Третье место сборной СССР на чемпионате мира 1961 года (а до этого — третье место на Олимпиаде в Скво-Вэлли) заставило тогдашнего руководителя Центрального совета Николая Романова (дела Машину он передал в 1962 году) искать выход из превратившейся в рутинную истории с заменой Чернышева на Тарасова и наоборот. И мудрому Романову пришла в голову идея объединить двух специалистов. Идею он обкатывал в неофициальных разговорах с помощниками, хоккейными специалистами. Одобрения она не вызывала: уж слишком разными были взгляды на игру Тарасова и Чернышева.

Тем не менее Романов продолжал настаивать на своем. Оба тренера действительно побывали и у него, и у Хоменкова, и У Машина. Романов встречался с ними буквально накануне вселения в его кабинет Машина. У Хоменкова, заместителя Романова, а потом у Машина обсуждались организационные вопросы. У Машина — для того чтобы заручиться поддержкой нового спортивного руководителя при подготовке к чемпионату мира, на который советской команде поехать в итоге не довелось. Опытный аппаратчик, Машин обговорил на всякий случай кандидатуры тренеров у своего куратора в ЦК КПСС Шелепина. Только после этого он встретился с Тарасовым и Чернышевым и, стоит заметить, поступил дальновидно, признав право тренеров на самостоятельность в профессиональных вопросах. Назначение состоялось поздней осенью 1961 года.

С первых же дней совместной работы Тарасова и Чернышева Машин их поддерживал. Он рассказывал, например, как однажды, перед чемпионатом мира-63, в его кабинете появился Тарасов и сказал, что «Локтев не должен ехать на турнир». «Почему?» — удивился Машин. На его месте удивился бы любой, потому что Локтев в то время был одним из сильнейших советских хоккеистов, а тройка форвардов, в которую он входил с Альметовым и Александровым, считалась тройкой номер один в европейском хоккее. «Курит», — лаконично ответил Тарасов. «Решение окончательное?» — на всякий случай уточнил Машин. «И бесповоротное», — поставил точку Тарасов. «Вертушка», телефон правительственной связи, в кабинете Машина после

обнародованного решения не включать в состав Локтева разрывалась от звонков, но спортивный руководитель, как и обещал тренерам, держал их сторону. Решение по Локтеву, понятно, принимал его тренер в ЦСКА — Тарасов, но с Чернышевым всё было обговорено.

Оба тренера, как они потом признавались друг другу, были, мягко говоря, удивлены решением об образовании тандема. Тарасову вообще казалось, что они не смогут работать вместе. «Уж очень мы разные», — говорил он, вспоминая тогдашнее назначение, ставшее судьбоносным для советского хоккея вообще и для сборной СССР в частности.

Но у них никогда не было ссор, они никогда не подрывали авторитет друг друга — «даже в те дни, когда одного из нас снимали с работы и заменяли другим». Тарасов не отрицает, что поначалу у них была «какая-то неприязнь друг к другу, что не так уж и трудно понять: мы ведь, в сущности, между собой конкурировали заочно». Поскольку их по очереди ставили во главе сборной, они твердо знали: если не один, то другой вновь станет старшим.

Привычная конструкция оказалась нарушенной. Тарасова и Чернышева, согласившихся с доводами спортивного (и партийного, разумеется) начальства, больше всего беспокоили присущие обоим разные взгляды на режим тренировок, занятий, дисциплину и — что особенно важно! — разное понимание общих принципов хоккея, разные взгляды на тактику игры в обороне и атаке.

Постоянные конфликты между Тарасовым и Чернышевым — еще один миф, призванный подчеркнуть «непереносимый» характер Анатолия Владимировича, его «необузданность», стремление подминать под себя всех, кто оказывался на его пути или рядом с ним. В действительности же Тарасов составлял с Чернышевым феноменальную не только для советского, но и для мирового спорта тренерскую пару. Девять победных чемпионатов мира и три золотые Олимпиады подряд — это уже никому и никогда не повторить. Но это — вершина айсберга тренерского искусства. Вне зоны видимости широкой публики оставалась напряженная совместная работа двух тренеров.

Без споров в тандеме, конечно же, не обходилось. Но до ссор дело не доходило. Спасало присущее обоим чувство самоиронии. «Я счастлив, что судьба нас соединила, — писал Анатолий Владимирович в опубликованном в издании «Мир хоккея» очерке о Чернышеве. — Но когда она и разводила нас (и кое-кто, бывало, рассчитывал на обострение отношений), ни разу не пробежала черная кошка».

Тарасов и Чернышев сразу же договорились о разделении полномочий в сборной. «Они научились, — вспоминает Борис Михайлов, — все проблемы решать исключительно между собой и выходили к команде с четко выработанным единым мнением. Поэтому и спорили хоккеисты с ними крайне редко, смысла не было. Случались, конечно, моменты, когда Володя Петров мог высказать свою позицию, скажем, Тарасову, но того тут же поддерживал Чернышев. С двумя гигантами справиться было невозможно!»

Любые кадровые перемены в стране (и хоккей не был исключением) утверждались в ЦК КПСС на Старой площади. Там им и объявили, что они «назначены на ответственный участок работы», и доходчиво объяснили, каких результатов от них ждут.

Вечером в квартире Тарасова, на просторной кухне (истины ради скажем, что без традиционного русского напитка всё же не обошлось), договорились они и о том, что штатное расписание, согласно которому Чернышев именовался «старшим тренером», а Тарасов — просто «тренером», для них — пустая формальность. Они взяли на себя одинаковые права и обязанности и — самое главное — одинаковую ответственность за стратегию, тактику, комплектование сборной, за качество ее подготовки, тренировочный процесс, за функциональное состояние игроков. Никто не знал, о чем и как они договаривались во время своих посиделок, от посторонних глаз и ушей тщательно оберегаемых. Договорившись, забывали о непринятых аргументах и выработанной позиции не меняли. И Тарасов, о своенравном характере которого не были наслышаны лишь те, кто вообще не интересовался хоккеем, никогда не выставлял себя неформальным лидером в тандеме, коим, безусловно, оставался.

На очень короткое время к тандему подключили Анатолия Кострюкова. Работал он с ними в сезоне 1961/62 года, но вскоре его отозвали в Спорткомитет, и он стал заниматься второй сборной. «При мне, — вспоминал Кострюков, — каких-то договоренностей не было. Мы всё делали коллегиально, но решения принимал Аркадий. Он и процессом в целом руководил».

Примерно за три месяца до отставки после Саппоро-72 Аркадий Иванович рассказал о том, как работал тандем с момента его появления: «На первых порах мы вместе вели тренировку, оба выходили на лед, он работал с нападающими, я — с защитниками. Теперь занятия проводит Тарасов, но всю подготовительную работу — составление плана тренировки, дозировку нагрузок ведем вместе. Так что практически разделения обязанностей у нас нет».

Частности — не в счет. К ним относились без взаимных обид,

считая их неизбежными.

Борис Майоров вспоминает, что фантазиям и выдумкам Тарасова «не было предела». «И насколько эмоциональным был Анатолий Владимирович, — говорит многолетний капитан сборной, — настолько невозмутимым Аркадий Иванович. Тарасов был человеком творческим, изобретательным, но в случае неудачи мог сгоряча всё перевернуть с ног на голову. К счастью, рядом находился рассудительный Чернышев, который мастерски, как и подобает тонкому тактику, дирижировал игрой. Мне не приходилось встречать в спорте другого тренерского тандема, где бы люди столь естественно дополняли друг друга».

«Что касается руководства действиями команды во время игр, — вспоминает один из любимых игроков Чернышева Юрий Волков, — то тут первое слово принадлежало Чернышеву. Никакого двоевластия не было. Да и как иначе? Характер у Аркадия Ивановича был твердый, мужской, и уж если он что-то решал, то переубедить его было сложно. Для этого были нужны особые аргументы. И замечу, что, по моим наблюдениям, отношения между этими двумя выдающимися личностями были уважительные. Тарасов называл Чернышева Адиком, тот его по-дружески — Антоном». Хоккеисты называли Тарасова «кнутом», а Чернышева — «пряником».

«Но должен же быть спрос с кого-то одного? — говорили Тарасову и Чернышеву. — С кого из вас?» — «С обоих!» — отвечали мэтры.

Работать Тарасову с Чернышевым всегда было легко еще и потому, что Аркадий Иванович, по выражению Тарасова, «никогда не отфутболит от себя». «Допустим, — рассказывал Анатолий Владимирович, — договорились мы о чем-то таком, с чем Аркадий Иванович был поначалу не согласен. А потом — неудача. Нет, никому Чернышев не пожалуется, что лично он, дескать, думал иначе. Да и меня не попрекнет: “Ну что, мол, я тебе говорил?..” Стойкий он человечище, Чернышев. Стойкий во всем».

Чернышева непросто было убедить в целесообразности предложений; он всё тщательно взвешивал, но при этом интуиции Тарасова доверял. Тарасов отмечал отсутствие предубежденности у коллеги и знал: Чернышев никогда не скажет «Нет!» только из амбициозных соображений, из желания не согласиться с предложенными вариантами только потому, что они предложены не им. «А уж то, что ваши доводы он будет слушать недоверчиво и даже после того, как все его возражения будут исчерпаны, предпочтет отмерить не семь раз, а много больше, — что ж, такова его манера, и в первый период совместной работы она и мне казалась несколько странной. А потом я был ей лишь

благодарен, ибо эта неторопливость, неспешность Чернышева в выработке принципиальных решений уравновешивала в нашем тандеме полюса».

В бернском отеле, в номере Тарасова, в один из дней швейцарского чемпионата мира 1971 года Тарасов и Чернышев дискутировали относительно функций Мальцева, игравшего в одной тройке с Фирсовым и Викуловым. Динамовец Мальцев в клубной команде резко выделялся среди рослых, крепких хоккеистов, способных вынести колоссальную физическую нагрузку, — отменной техникой, непредсказуемыми ходами, нежеланием откатываться глубоко назад ради конкретных оборонительных действий. Чернышев у себя в «Динамо» даже не пытался переломить Мальцева, переучивать его, поскольку понимал, что в атаке этот незаурядный форвард, не растрачивая понапрасну силы сзади, может принести гораздо больше пользы, — есть кому отрабатывать в защите и за него. В Швейцарии же слабой игрой этого звена в обороне были озабочены оба тренера. Не совсем ровно действовал и один из защитников пятерки Рагулин. Тарасов и Чернышев искали ответ на вопрос, за счет чего можно было бы укрепить оборону в этом звене. «Решение, — вспоминал Тарасов, — напрашивалось простое: обязать центрфорварда (то есть Мальцева) энергичнее помогать защитникам. Как мы говорим в таких случаях, быть в зоне нападения „третьим”, чтобы успевать вернуться назад».

На таком решении настаивал Тарасов. Чернышев был против. Он считал, что нет никакой необходимости делать из Мальцева защитника, потому что главным его достоинством было умение забрасывать шайбы. Чернышеву удалось убедить Тарасова оставить всё как есть. Тренеры, рискуя, конечно, пришли к выводу: пусть звено Мальцева пропускает больше других, но зато появится шанс, что больше других оно и забьет. Так и вышло. Фирсов, в четвертый раз добывший титул лучшего бомбардира чемпионата мира (11 шайб), Мальцев (10) и Викулов (6) забросили 27 (!) шайб. Причем, что важно, особенно результативно они сыграли в решающих матчах.

В Швейцарии сборная СССР выиграла девятый чемпионат мира подряд. Это был последний чемпионат, на котором командой руководили Тарасов и Чернышев. Недоброжелатели тренеров, вынужденные признать факт рекорда, пытались тем не менее принизить выдающийся результат, заявляя, что вместе с титулом чемпиона мира не был выигран титул чемпиона Европы. Для тандема был даже придуман термин — «везуны». С 1971 года международные хоккейные власти ввели правило, согласно которому очки, набранные европейскими командами в матчах с

заокеанскими, в зачет континентального первенства не шли. Чехословацкая команда проиграла американской. Для европейской части турнира это поражение не имело никакого значения. Советская же команда со сборной Чехословакии один матч сыграла вничью (3:3), а один проиграла (2:5). У наших больше осечек не было, а чехословацкие хоккеисты, помимо американцев, проиграли еще и шведам. Так и получилось: в чемпионате мира они сборной СССР уступили, а вот в Европе ее опередили. Абсурдность формулы «чемпионат в чемпионате» очевидна. Чемпион мира на то и чемпион мира, чтобы считаться сильнейшим во всем мире, в том числе и в Европе. Однако таковы были на тот момент правила. Эта «бумажная неудача» на чемпионате Европы была выдвинута в качестве основного аргумента несостоятельности тренеров сборной.

Тарасов на тренировках практически всегда работал на льду. Чернышев — за бортиком. Считалось, что о таком распределении позиций во время занятий тренеры договорились заранее. Мало кто, однако, знал, что Чернышев из-за тяжелого хронического радикулита был лишен возможности руководить тренировочным процессом на коньках с клюшкой в руках. Когда летом Чернышев с детьми выезжал на отдых под Анапу в поселок Джемете, то он, по свидетельству его сына Бориса, «зарывался в песок и часами грел спину».

«Но при этом, — со знанием дела говорил Тарасов, — Аркадий, во всех деталях продумав и спланировав тренировку, проводил ее из-за борта не менее интересно и продуктивно, чем если бы находился на площадке».

Тарасов, стоит заметить, полагал, что «работать с командой несравненно проще, если ты на льду рядом со спортсменами и как бы пропускаешь ритм занятий сквозь себя». «Я видел многих тренеров — и отечественных, и зарубежных, — говорил он, — которые, предпочитая в принципе управление тренировкой “со льда”, вынуждены были по той или иной причине руководить ею из-за борта. И большего мастерства, чем у Чернышева, не видел ни разу».

Любопытно взглянуть на Чернышева глазами Тарасова. Сам Чернышев, надо сказать, никогда ничего не писал; известны лишь редкие его заметки-наблюдения о матчах или турнирах. В конце 60-х годов Тарасов предложил Чернышеву написать совместно книгу, но Чернышев отказался. «Ты писатель, — сказал он с привычной для их разговоров иронией, — ты и пиши».

Перу же Анатолия Владимировича принадлежит очерк о коллеге, опубликованный в первом номере журнала «Мир хоккея» в 1993 году и характеризующий не только Чернышева, но и

самого Тарасова. «У всякого тренера, — пишет Тарасов, — интерес к другому тренеру зависит, наверное, в первую очередь от того, есть ли у коллеги свои собственные взгляды на вид спорта, которому они служат. Это — главное, но, пожалуй, не меньше меня всегда интересуют нравственный облик, этика, мораль человека. И всякий раз, когда я размышляю на эти темы не вообще, а применительно к тому виду спорта, которому отдана жизнь, первый, кто в таких случаях приходит на ум, — Аркадий Чернышев. Думаю я о нем и его жизни часто. И неизменно прихожу к выводу, что если жизнь Чернышева как спортсмена и педагога сложилась счастливо и даже завидно, то немалую роль сыграла тут вся обстановка его детства.

Семья, где он рос, была большая: кроме Аркадия еще четыре брата да три сестры. И спорт был любим и уважаем старшими. Более того, без него жизнь в семье Чернышевых даже не мыслилась. Старший брат и две сестры Аркадия Ивановича — одни из первых выпускников Института физкультуры. А к тому же одна из сестер, Раиса, стала женой Виталия Аркадьева, и они долгое время жили в семье Чернышевых. Можете себе представить — мальчишкой, уже влюбленным в спорт, жить под одной крышей с Виталием Аркадьевым, одним из эрудированнейших и, я бы сказал, идейнейших наших спортсменов! Одно это могло определить иную судьбу. А тут еще неподалеку от школы, где учился Аркадий, располагался Инфизкульт, студенты которого, естественно, проходили в этой школе практику. Инфизкультовцы той поры были все как на подбор не только завидными для ребят умельцами в разных видах спорта, но и страстными их пропагандистами.

Детских команд в пору его детства не было, ибо считалось почему-то, что спорт чуть ли не вредит детям. И Аркадий (благо мальчиком он был рослым) с четырнадцати лет прибавлял себе возраст: иначе кто позволил бы ему, например, играть в футбол за клуб имени Кухмистерова? А когда реальные его годы подошли к семнадцати, он был в 1931-м официально приглашен в “Металлург”, где играли оба брата Аркадьевы — Виталий, который впоследствии отдаст весь свой талант фехтованию, и Борис, с которым столько связано в истории отечественного футбола. Два года спустя Чернышев начнет выступать не только за первую футбольную команду “Металлурга”, но и за первую хоккейную (речь о русском хоккее) и первую баскетбольную…

Перед глазами Чернышев — хоккейный игрок. Зимой его амплуа резко менялось: на льду он был нападающим, правым крайним. И ведь с кем рядом играл — с самим Якушиным! Четыре раза в составе “Динамо” выигрывал Кубок СССР

(чемпионаты страны в ту пору, за исключением 1936 года, не проводились), Чернышев был дьявольски изобретателен, хитер, работал, как говорят в таких случаях, не клюшкой, а головой…

Перед Чернышевым, заканчивавшим активные выступления в футболе и хоккее, возникла острая дилемма: футбол или хоккей? Я не берусь (да и кто возьмется?) моделировать по наитию неизбежную в таких случаях внутреннюю борьбу. Тем более что известно, чему, в конце концов, отдал предпочтение Чернышев.

Но вот вопрос: если в футболе больше славы, почему он выбрал хоккей с шайбой — игру новую, почти неизведанную? Не потому ли, что по стечению обстоятельств раньше других увидел ее за рубежом — и уже одним этим, следовательно, мог сослужить пользу дома? А может быть, его зажгли, воодушевили впечатления от игры канадцев? Она ведь и вправду производила в ту пору огромное, ни с чем не сравнимое впечатление. Канадцы казались виртуозами буквально во всем. Даже в умении драться. Характер у Аркадия Чернышева при всей его внешней сдержанности, невозмутимости — предельно боевой. Перед ним лежали две дороги, и он — в полном соответствии со своей натурой — решительно выбрал наименее укатанную.

В хоккей с шайбой Чернышев и сам успел поиграть — три сезона. И команда “Динамо”, играющим тренером которой он был, выиграла первый чемпионат страны. А вместе нам впервые пришлось поработать в 1948 году, когда сборная Москвы ждала встреч с командой ЛТЦ (Прага). В числе других тренеров готовили сборную Москвы к этим матчам и мы с Аркадием Ивановичем. И с тех пор, так или иначе, наши судьбы связаны».

Не припоминается что-то, чтобы один крупный тренер столь тепло писал о другом крупном специалисте, с которым пусть и составлял длительное время уникальный тандем в сборной СССР, но который внутри страны, возглавляя «Динамо», был прямым его конкурентом и яростным соперником. Очерк Тарасова так и озаглавлен — «Друг и соперник».

Не стоит забывать, что они были не освобожденными для работы в сборной тренерами, а продолжали трудиться в своих клубах. «Динамо» вчистую проигрывало ЦСКА чемпионаты. За те годы, что Тарасов и Чернышев тренировали армейскую и динамовскую команды, ЦСКА побеждал в первенстве СССР 18 раз, а «Динамо» только дважды. Считается, что селекционные возможности у ЦСКА были заметно выше, нежели у «Динамо». Отчасти это так, но только отчасти. Тарасов всё же жестче Чернышева работал с молодыми хоккеистами, превращая их из подающих надежды в высококвалифицированных мастеров, давал им нагрузки, какие в «Динамо» и не снились.

Иногда первым «Динамо» не становилось по совершенно необъяснимым причинам. Как, например, в 1962 году. Динамовский форвард Юрий Волков вспоминал, что в том сезоне команда была укомплектована «на все сто». Бороться за чемпионство выпало не с переживавшим не самые простые времена ЦСКА, а со «Спартаком», в котором блистательно играли братья Майоровы и Старшинов. В «Динамо» тон задавала созданная Чернышевым тройка Петухов — Юрзинов — Волков, но именно этих нападающих тренер почему-то не поставил вместе на игру с другим «Спартаком» — омским. «Динамо» сыграло всего лишь вничью (1:1) с командой, занявшей в итоге восемнадцатое место среди двадцати участников турнира. Волков считает, что именно это стоило «Динамо» золотых медалей: от «Спартака» они отстали лишь на очко. Впрочем, оба матча «Спартаку» динамовцы проиграли.

Юрзинов считает, что «Динамо» не удавалось стать чемпионом СССР прежде всего из-за Тарасова. «Это, безусловно, явление не только в хоккее, но в спорте вообще, — говорит Юрзинов. — Фантастический двигатель. Ведь нужно было не только собрать игроков в команду, но и заразить их общей идеей, управлять ими. Тарасову это удавалось. И у нас в “Динамо” была хорошая, я бы сказал, интеллигентная компания.

Сам Аркадий Иванович Чернышев — чудеснейший человек, образованный, мы все его любили, он в ответ любил нас. Словом, солнечный тренер! Не хватало нам спортивного нахальства, какой-то наглости, не могли многие из нас наступить себе на горло. Адик — красивый, интересный, настоящий русский барин в лучшем понимании. Он никогда нас не мучил, не давил на нас, не напрягал, да и ругаться по-настоящему, мне кажется, не умел. Если узнавал о нарушении кем-то из нас спортивного режима, то указывал на это как-то смущенно: говорят, тебя вчера вечером видели в таком-то ресторане, ты там выпивал, смотри, чтобы в последний раз».

Юрзинова, самого молодого в то время игрока «Динамо», в 21-летнем возрасте сделали капитаном команды. Почему? Только потому, что он был непьющим.

Упоминавшаяся уже история с отстранением Локтева от чемпионата мира 1963 года выглядит, признаться, странной. Сам Локтев, возвращенный спустя год в сборную, считал, со слов Евгения Рубина, что Тарасов не взял его в команду по причине совершенно иной, нежели курение. Сигаретами среди хоккеистов баловались многие, и тренеры об этом прекрасно знали. «Вызвал он (Тарасов) меня к себе, — цитирует Рубин Локтева в своей мемуарной книге «Пан или пропал!», — и спросил: знаю ли, за

что изгнан из сборной. Я ответил, что знаю — за курение. “Вот и дурак, — говорит. — Вспомни прошлый год и Свердловск. Вспомнил? Тогда можешь идти. Ты прощен”. Конечно, я вспомнил. У меня в этом городе есть друзья — муж с женой. Я их пригласил на матч, провел на трибуну, а там ни одного свободного места. Я раздобыл два стула, поставил их за нашей скамейкой запасных и усадил гостей. Тарасов увидел, что рядом с командой посторонние, и начал на них кричать: мол, безобразие, подослали к нам местных шпионов. Я сказал что-то резкое. Он промолчал, но поглядел на меня косо. У меня и в мыслях не было, что он мне будет мстить».

Присутствие рядом со скамейкой запасных посторонних людей на приставных, словно в театре, стульях Тарасова возмутило. А кого бы из тренеров, всегда болезненно воспринимающих появление рядом с командой непонятных людей, не возмутило бы? Локтев, прекрасно знавший правила поведения игроков внутри команды, не только не испросил разрешения Тарасова на появление рядом со скамейкой запасных посторонних, но даже не поставил его в известность об этом. Тарасов в армейскую раздевалку даже генералов не допускал. До них быстро дошло, что лучше туда не соваться.

Локтеву, безусловно, было обидно, что он не играл на чемпионате мира. И не исключено, что только обида (надо полагать, прежде всего на себя самого) и заставила его связать в единое целое курение и «свердловскую историю».

Место Локтева на стокгольмском чемпионате мира 1963 года занял Виктор Якушев из московского «Локомотива». Знаменитый шведский нападающий Свен Юханссон-Тумба называет Виктора Якушева хоккеистом, тонко понимавшим игру, видевшим буквально всё, что происходит на площадке, и напоминавшим ему — по уровню хоккейного интеллекта — Всеволода Боброва. Беспредельной самоотверженностью Якушев, по словам шведа, «мог поделиться с целой командой: столько сил, энергии вкладывал он в игру». Борис Майоров называл Якушева «чернорабочим хоккея»: «Он делал на поле работу, которая большинству из нас была не по душе. Трудился за других в обороне, организовывал наступление, поддерживал партнеров в атаке. Роль “чернорабочего” неблагодарная, но Якушев брал ее на себя».

Юханссон, хорошо знавший систему установок и заданий, получаемых советскими игроками от Тарасова и Чернышева (швед всегда интересовался тарасовской методикой тренировочного процесса, старался по возможности бывать на тренировках ЦСКА и сборной СССР), был уверен, что «тренеры

часто давали Якушеву задание играть против определенного противника, или, как говорят в таких случаях в Швеции, поручали “надеть пальто” на соперника. Чаще всего выбор падал на меня». Шведский форвард признавался, что «даже расстегнуть “пуговицы” надетого на тебя якушевского “пальто” — дело трудное». А «пальто», которое Якушев надевал на другого шведа — Ульфа Стернера, — было, по образному выражению Тарасова, «похуже смирительной рубашки».

Позднее, спустя годы, Юханссон помогал Виктору Якушеву, попавшему в тяжелую ситуацию, связанную со здоровьем. Якушева подстерег коксартроз — деформирующий артроз тазобедренного сустава. Передвигаться по квартире он мог только с палочкой, на улицу выходить практически перестал: жил в пятиэтажке без лифта, спускаться и подниматься с такой жестокой болезнью невозможно. Якушева спас приезд в Москву Тумбы. Швед посетил советскую столицу ради открытия гольф-клуба своего имени: он был основным совладельцем. Ему рассказали о приключившейся с Якушевым беде. Сразу по возвращении домой Юханссон через спортивный телеканал и хоккейный еженедельник объявил сбор средств, предназначенных на оплату операции Виктора Якушева. Чуть больше недели понадобилось для того, чтобы собрать необходимую сумму — помогла и Федерация хоккея Швеции. Операцию Якушеву сделали в феврале 1992 года в частной стокгольмской клинике. Изношенные части тазобедренного сустава заменили на легкие титановые.

Якушева, уже после его кончины, попытались представить очередной жертвой тарасовской «мстительности». «Анатолий Тарасов, — писал «Советский спорт», — выделял Якушева среди остальных, закрывая глаза на слабость железнодорожника к алкоголю. Но однажды сам Анатолий Владимирович Якушеву подобного не простил… В Стокгольме, на банкете по окончании чемпионата мира 1963 года, завершившегося победой сборной СССР, Якушев, достигший нужной кондиции, подошел к Тарасову и, ни слова не говоря, ущипнул его за нос… У гуру советского хоккея глаза на лоб полезли в прямом и переносном смысле».

После стокгольмского эпизода, полагают авторы, на попадание в состав на Олимпиаду-64 в Инсбруке у Якушева уже не было никаких шансов. И только после того как у Юрзинова случился приступ аппендицита и встал вопрос, кем его заменить, руководство Федерации хоккея предложило старшим тренерам команд высшей лиги выбрать между Виктором Якушевым из «Локомотива» и Юрием Дроздовым из ЦСКА. «Советский спорт» сообщает, что против Якушева проголосовал лишь один тренер.

Фамилия тренера не названа, но подразумевается, что это, конечно же, мстительный Тарасов, решивший насолить Якушеву и протолкнуть в сборную еще одного хоккеиста ЦСКА.

Но тут всё неправда.

Дело даже не в том, что к Виктору Якушеву Тарасов всегда относился с уважением (была история с ущипнутым в Стокгольме носом или же она выдумана — не имеет значения). А в том, что с первой же секунды совместной работы в сборной Тарасов и Чернышев сами, без всевозможных плебисцитов, определяли тот состав, который был им нужен на чемпионате мира или на Олимпиаде. Инсбрук-64 — не исключение. В Чернышевском «Динамо» сформировалась весьма боеспособная тройка: Петухов — Юрзинов — Волков. На нее, а также на тройки Локтев — Альметов — Александров и братья Майоровы — Старшинов и рассчитывали на Олимпиаде тренеры. Разбивать эти тройки без веских на то причин Тарасов и Чернышев не собирались. Без звена в основном составе находился десятый форвард — Фирсов. Аппендицит игрока — веская причина для перемен. Именно Тарасов, после того как Юрзинов угодил в больницу, предложил следующий вариант пертурбаций, с которым Чернышев согласился: включить Виктора Якушева в тройку с Фирсовым и Волковым, но только не с динамовским Юрием, а с цээсковским Леонидом, а Петухова взять в Инсбрук десятым нападающим («пристяжным», как назвал свои функции в той ситуации сам Петухов). Новая тройка стала самой результативной в команде — 21 заброшенная шайба (у цээсковцев и спартаковцев — по 18).

«Когда накануне Олимпийских игр 1964 года перед самым нашим отъездом неожиданно заболел Владимир Юрзинов и динамовское трио распалось, — писал Тарасов, — то спешным порядком было создано новое звено: Леонид Волков — Виктор Якушев — Анатолий Фирсов. И хотя Якушев впервые играл с этими хоккеистами (“сыгрывались” они сутки), новое звено внесло заметный вклад в нашу победу на Олимпиаде… И позже, в Любляне, когда мы поставили в тройку к Старшинову нового хоккеиста — Виктора Якушева, и в Вене, когда тот же Якушев играл в тройке Альметова, получались великолепные звенья, хотя времени, чтобы сыграться, у них было очень мало».

По мнению газеты «Советский спорт», Тарасов всё же нашел способ «оставить с носом» оказавшегося в опале игрока «Локомотива». Тот в Инсбруке отыграл так, что у организаторов олимпийского хоккейного турнира не возникло ни тени сомнений насчет того, кто является лучшим нападающим соревнований: конечно же, Якушев, забросивший 9 шайб в восьми играх! Но Анатолий Владимирович якобы уговорил директорат не вручать

приз лауреату, а просто «отдать его команде, которая, мол, сама разберется. В результате лучшим нападающим стал… защитник Эдуард Иванов».

Действительно — из ряда вон выходящий случай, никогда больше не повторявшийся. Но что же произошло на самом деле?

Еще в 1963 году, после того как команда выиграла чемпионат мира в Стокгольме, Тарасов и Чернышев столкнулись со странной ситуацией. Из директората турнира к тренерам не обратились с просьбой назвать лучшего хоккеиста команды в том амплуа, в котором директорат запланировал игрока именно из их сборной. Лучшим голкипером назвали представителя Канады, занявшей четвертое место и пропустившей 23 шайбы — на 4 шайбы больше, чем золотой и серебряный призеры; лучшего защитника попросили назвать шведских тренеров, а лучшего нападающего — чехословацких. Чемпионов мира среди лауреатов не оказалось. Глава Международной лиги хоккея на льду (ИИХФ) англичанин Джон Ахерн заметил, объясняя решение ИИХФ, что в советской команде нет «звезд», которые могли бы рассчитывать на первый приз. «Нас, — вспоминал Тарасов, — это здорово обидело. Господин Ахерн, уважаемый в мировом хоккее человек, допустил очевидную и грубую подмену понятий. У нас действительно не было в сборной солистов (и мы гордимся этим!). Но ведь в сборной СССР было немало игроков экстра-класса, по-настоящему выдающихся хоккеистов. Люди, решавшие судьбу трех призов лучшим игрокам турнира, просто не поняли, что у нас этот приз можно было вручать чуть ли не каждому спортсмену».

В Инсбруке в 1964-м мнением Тарасова и Чернышева относительно кандидатуры в лучшие нападающие директорат поинтересовался. И, не получив вовремя конкретного ответа, передал приз на церемонии награждения, состоявшейся после заключительного матча, в руки капитана сборной Бориса Майорова (именно поэтому, возможно, публика и пресса решили тогда, что форвард «Спартака» стал лауреатом турнира). Лучшим вратарем назвали Сета Мартина из Канады, лучшим защитником — Франтишека Тикала из Чехословакии. Нападающего оставили за сборной СССР. Якушева в списках директората не было. Он был включен журналистами в состав символической сборной, в которую, к слову, вошли сразу три игрока — половина сборной! — из команды Канады, вновь оказавшейся на четвертом месте.

«Отдали приз Майорову, — писал позже Тарасов, — чтобы он передал его в команду, и тогда мы сами решили, кто же у нас был сильнейшим. На общем собрании хоккеисты согласились с тренерами, что приз надо передать Эдуарду Иванову». И Тарасов объяснил почему: «Все играли самоотверженно, все до конца

отдавали свои силы победе. Но даже в этой дружной и самоотверженной команде выделялся своим поразительным мужеством Эдуард Иванов. Он сам непрерывно искал возможность проявить свое мужество, самозабвенно, с эдаким ухарством, не жалея себя, бросался с открытым лицом под броски шайбы, не щадил себя в поисках жесткого единоборства. И все это делал с улыбкой. И тем самым вдохновлял своим энтузиазмом остальных».

Любопытно, что на следующий год, в Тампере, где советская команда стала чемпионом за тур до финиша чемпионата, директорат вновь обратился к Тарасову и Чернышеву с просьбой назвать лучшего нападающего — «квота» и в этом случае была отдана советской команде. Собрание тренеры не собирали. По оценкам, выставлявшимся ими на протяжении всего турнира, они определили трех реальных претендентов на звание лучшего форварда — Альметова, Локтева и Старшинова. «Всё обдумав и взвесив, — рассказывал Тарасов, — мы решили рекомендовать Старшинова, показавшего не только игру выдающегося мастера, но и проявившего себя замечательным товарищем. Он сделал всё, что от него зависело, чтобы помочь дебютанту первенства Анатолию Ионову войти в игровой ансамбль как равному, и тем самым дал Анатолию возможность играть в полную силу».

Тарасов в Тампере вполне мог настоять на том, чтобы лауреатский знак был отдан цээсковцам Альметову или Локтеву, причем с полным на это основанием — оба вошли в пятерку самых результативных игроков чемпионата и в символическую сборную. Но проявил объективность и лишил аргументов тех, кто всегда обвинял Тарасова в антиспартаковских кознях.

Глава девятая ПРОТЕКЦИЯ ГАГАРИНА

В феврале 1964 года в правительственном Доме приемов на Ленинских горах состоялась встреча советских руководителей во главе с Никитой Хрущевым с победителями и призерами зимних Олимпийских игр, проходивших в австрийском Инсбруке. Полуофициальный характер мероприятия подчеркивали накрытые столы с закусками и выпивкой на них.

Присутствовали все члены правительства. Хрущев, разумеется, не знал, что это его последняя встреча со спортсменами и тренерами: осенью того же года соратники по партии отправят его в отставку, и летних олимпийцев будет приветствовать уже другая группа руководителей во главе с Леонидом Брежневым.

А тогда, в феврале, Тарасов подбил Чернышева обратиться непосредственно к Хрущеву, чтобы заручиться его благословением на проведение матчей с канадскими профессионалами. В те времена существовали международные правила, согласно которым хоккеист, даже одну минуту сыгравший против профи, не имел потом права участвовать в чемпионатах мира и Олимпийских играх.

Запланировав поход к главе государства, Тарасов и Чернышев всё просчитали. Они были уверены, что в стране можно было создать две команды, одна из которых и играла бы на Олимпиадах. Зато другая, проведя матчи с профессионалами, продолжала бы выступления на чемпионатах мира. Оба тренера пребывали в твердом убеждении: пора выходить на профи.

«Договорились, что идем к Хрущеву, — вспоминал Тарасов. — Сами, конечно, выпили. Закуска хорошая. Игрокам тоже разрешили. Они — олимпийские чемпионы. И вдруг Никиту Сергеевича возмутило выступление Протопопова (знаменитого фигуриста. — *А. Г.*). Он сказал: “Никита Сергеевич, как же мы можем стать олимпийскими чемпионами, если у них — в Канаде, в других странах — столько-то катков, а у нас…” Тогда Никита не дал ему договорить — а он, видимо, шлепнул прилично, — и начал говорить сам: “Протопопов, ты считаешь, что я премьер по фигурному катанию? Народу жить негде! Народу кушать нечего! А он о своем фигурном катании…”».

Перепалка Протопопова с Хрущевым на этом не завершилась. Олег Протопопов со своей супругой и партнершей Людмилой Белоусовой, как и Тарасов с Чернышевым, заранее запланировали

провести серьезный разговор с руководителем страны и по завершении протокольной части встречи сделали это. «Никита Сергеевич! — сказал фигурист. — В Ленинграде до сих пор нет катка с искусственным льдом. Когда же горожане смогут увидеть своих чемпионов? Говорят, есть какой-то ваш приказ, запрещающий это. Пожалуйста, отмените его». «Какой приказ? — взорвался Хрущев. — Кто вам это сказал?» — «Машин, председатель Спорткомитета». Хрущев нахмурился и направил палец на Машина: «Что? Я подписал такой приказ?! Вы — жулик!» Машин чуть не упал. По свидетельству Белоусовой и Протопопова, спортивный начальник схватил Олега за локоть, начал давить, да так, что рука онемела, и забормотал: «Ну что в такой замечательный день говорить о каком-то катке. Давайте лучше выпьем за наших олимпийских чемпионов». Надо сказать, что беспрецедентная настойчивость фигуристов все же привела к тому, что через три года, к 50-летнему юбилею Октябрьской революции, дворец «Юбилейный» был построен.

Ну а насчет «шлепнул прилично» зоркий глаз Тарасова не ошибся. По свидетельству известного телекомментатора Наума Дымарского, «самый главный человек на этом вечере был, мягко выражаясь, немного не в форме, и общаться с ним было позволено только избранным…». Тарасову удалось тогда в числе избранных оказаться.

Для начала он отправился к министру обороны маршалу Малиновскому, с которым, конечно, был знаком: «Родион Яковлевич, можно попросить, чтобы вы пошли со мной к Никите Сергеевичу?» «А что у тебя?» — поинтересовался Малиновский. Тарасов рассказал. «Приходи ко мне завтра, — предложил министр. — Мы с тобой всё обговорим».

«Я почувствовал, — рассказывал Тарасов, — что он не за меня. Такой день! Мы — олимпийские чемпионы! Принесли славу советскому оружию, хоккею! А тут…» Обведя зал глазами, Тарасов понял, кто может ему помочь. Гагарин! Первый космонавт бывал на тренировках хоккеистов, однажды провел с ними вечер, отмечая на снятой в Снегирях даче завершение сезона. Гагарин сразу сказал Тарасову: «Пошли». «Пошли-то пошли, — знакомил Тарасов на всякий случай Гагарина с реальной обстановкой, — но он там бушует, премьер». «Ну и что, что бушует», — ответил Гагарин. Он направился напрямик в сторону Хрущева, Тарасов за ним. По пути Анатолий Владимирович немного отстал и подошел к Брежневу: «Леонид Ильич, мы вот с Гагариным идем к Никите Сергеевичу. Пойдемте с нами. Очень важный большой вопрос. Вы же хоккей любите». «А какой вопрос?» — спросил Брежнев. Тарасов вкратце объяснил: с

профессионалами, дескать, надо встречаться… «Ты иди…» — вспоминал Тарасов ответ Брежнева. И добавлял: «Дисциплина была. Боялись Хрущева».

К Хрущеву подошли вместе с Гагариным. Гагарин представил: «Вот Тарасов, Анатолий Владимирович, знаменитый хоккейный тренер». Хрущев поздоровался: «Юра, давай выпьем. Да ладно тебе с этим хоккеем…» Тарасов набрался смелости и выпалил: «Нет, нет, Никита Сергеевич. Мы подошли к вам ради хоккея. Давайте вперед решим, а потом выпьем». «Что у тебя?» — спросил Хрущев. «Я ему рассказываю, — вспоминал Тарасов, — мы хотим проверить свои силы. Наши хоккеисты — чемпионы мира, чемпионы Олимпийских игр. Хотим встретиться с канадскими профессионалами. Хрущев участливо: “Просрете, наверное?” И вдруг кричит: “Леня!” Леня бежит. Он ему говорит, Никита Сергеевич, сверху вниз: “Вот здесь Тарасов пришел, просит, чтобы…” Брежнев без секундной паузы: “Он мне докладывал, надо разрешить”. Хрущев махнул рукой: “Да играйте вы!” И повторил, добавив к “играйте вы!” хорошую русскую присказку…»

«Всё, — продолжал Тарасов, — мне больше ничего не надо. Вот теперь и выпьем. Чокнулись, выпили. И я пошел, а по ходу, пока шел, взял у них там бутылку, там много у них, лишние. Вернулся к Аркадию, и мы выпили за успех советского хоккея».

Александр Яковлев, находившийся в то время в руководстве Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, как никто иной был осведомлен о зарождении идеи проведения матчей с канадскими профессионалами. По его словам, идея пошла от спортивных деятелей. «В первую очередь от Анатолия Тарасова и Аркадия Чернышева, — говорил он в интервью обозревателю газеты «Спорт-экспресс» Елене Вайцеховской. — Оба были страшно честолюбивы, особенно Тарасов. И, видимо, никак не могли смириться с тем, что советские хоккеисты, с одной стороны, заслуженно считались сильнейшими, а с другой — сфера их господства была ограничена рамками Европы. И в какой-то момент любые хоккейные разговоры на руководящем уровне стали неизменно сводиться к тому, что пришел момент сразиться с канадцами».

Яковлев не стал подтверждать бродившие слухи о том, что Тарасов якобы довольно долго сам высказывался против этой затеи. Заметил лишь, основываясь на личных ощущениях, что Тарасов, как показалось ему, «побаивался — но не самих матчей, а того, что команда не успеет к ним должным образом подготовиться. Постоянно держал в напряжении руководство Спорткомитета, чтобы не оказалась упущена ни одна мелочь».

В ЦК КПСС тогда мнения разделились. Брежнев, по словам

Яковлева, «колебался, поскольку очень боялся проигрыша». Сектор спорта, входивший в Отдел агитации и пропаганды, был против матчей. Против был и КГБ, в котором, как всегда в те годы, перестраховывались, опасаясь побегов и провокаций. На канадскую часть серии-72 отправили, например, огромное количество соглядатаев из КГБ. Получилось не меньше трех на каждого игрока.

В значительной степени на окончательное решение Политбюро ЦК КПСС, рассматривавшего записку Агитпропа, повлиял первый за всю историю существования Советского Союза визит в Канаду в 1971 году председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина. Яковлев был тогда исполняющим обязанности заведующего отделом, и он приложил руку к составлению записки. После серии-72 он попал в опалу, опубликовав в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма»; 1 июня 1973 года его отправили в «номенклатурную ссылку» — послом в Канаду, где хоккея он насмотрелся досыта.

Дмитрий Рыжков, советский хоккейный журналист из «первого ряда», писал — ничем, правда, свое мнение не подтверждая, — что «дуэт тренеров сборной СССР — Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов — в бой с профессионалами не рвался». При этом Рыжков утверждал, что «разговоры о встречах советской сборной с профессионалами стали возникать в начале 70-х годов».

Это ни в коей степени не соответствует истине. Однако временной ориентир — «начало 70-х годов» — вряд ли назван случайно, поскольку он плотно привязан к посылу о том, что Тарасов и Чернышев играть с профессионалами якобы не хотели. Цепочка событий выстраивается простая: разговоры о матчах с профи стали возникать в начале 70-х — Тарасов и Чернышев возможных игр убоялись и в бой не рвались — и дабы избежать встреч с канадскими профессионалами, спешно заявили после Олимпиады в Саппоро в феврале 1972 года об отставке.

Больше оснований, думается, говорить об обратном: это канадцы, узнав об уходе из сборной двух «тренеров-монстров» (особенно они опасались Тарасова), сразу же согласились на проведение долгожданных встреч и форсировали подписание соглашения. Почему бы не предположить, что канадская сторона затягивала ход переговоров, если не настаивая при этом, то намекая на необходимость перемен в тренерском штабе сборной СССР?

…Но вернемся в февраль 1964 года. После того как Хрущев и Брежнев дали на словах разрешение играть с профессионалами, Тарасов и Чернышев с женами подняли на продолжавшемся

приеме тост за, как выразился Анатолий Владимирович, «новую веху в нашей хоккейной жизни». Оба тренера наивно полагали, что матчи не за горами — разрешение же получено! «Мы оказались плохими провидцами, — признавался позже Тарасов. — Понадобились долгие годы для того, чтобы такие встречи стали явью».

Тарасов убежден, что руководство НХЛ не горело желанием ускорить дело, пребывавшее в стадии бесконечных переписок, в которых ставились вопросы о финансовых условиях, правилах судейства, месте проведения матчей, их количестве. «Не то канадцам хотелось еще раз внимательнее присмотреться к нам, — размышлял Тарасов, — не то президенту НХЛ господину Кэмпбеллу не позволяли снизойти до матчей с советскими хоккеистами его политические взгляды».

В конце 1969 года советская сборная, совершавшая турне по Канаде и США, оказалась в Колорадо-Спрингс. В расположении команды появились представители клуба «Торонто Мейпл Лифс» и предложили провести три матча. Первое, что сделали Тарасов и Чернышев, собрали хоккеистов и спросили: «Как поступим?» Ответ был единогласным: «Играть!» Тренеры отправились к руководителю делегации, рассказали о поступившем предложении и о желании — тренеров и хоккеистов — матчи сыграть. Руководителю только и оставалось позвонить в Москву и попытаться убедить начальство дать согласие на эти игры. Но в Москву, рассказывал Тарасов, этот руководитель не позвонил, а нам соврал, что там «против»: «нас, мол, ждут дома, там свой календарь чемпионата, его ломать нельзя и тому подобное. Так мы упустили шанс уже тогда “скрестить шпаги” с одной из лучших профессиональных команд. Мы с Аркадием позже сожалели, что не связались с Москвой сами».

В январе 1970 года в газете «Комсомольская правда» Тарасов опубликовал статью «Разве это хоккей?», в которой критически отозвался о трактовке игры клубами НХЛ. Тренеру сразу приписали то, чего он не говорил: Тарасов, дескать, заявил, что советский хоккей вполне может успешно существовать и развиваться без матчей с командами заокеанской лиги; значит, он испугался играть с ними.

Судачили, впрочем, об этом и до появления статьи. Так, журналист Всеволод Кукушкин, часто сопровождавший в роли переводчика высокопоставленных советских хоккейных деятелей на международные «тусовки», в частности на конгрессы Международной лиги хоккея на льду, поведал о своем разговоре с Андреем Васильевичем Старовойтовым, входившим в состав совета ИИХФ. Летом 1969 года в швейцарском городке Кранс-

Монтана во время конгресса Международной федерации Старовойтов на улице встретился с тогдашним президентом НХЛ Кларенсом Кэмпбеллом. Канадец пригласил в кофейню; за чашкой кофе пришли к тому, что надо устанавливать контакты и надо играть друг с другом. Правда, в ходе разговора, рассказывал Кукушкин, Старовойтов обмолвился, что «один из тогдашних тренеров нашей сборной» (понятно, что речь шла о Тарасове) «хотя и говорил “да мы этих профессионалов!..”, но на самом деле их очень боялся».

Тарасов считал, что ход переговоров о матчах с профессионалами тормозили канадцы. Но вовсе не исключено, что не самым большим сторонником возможных игр был главный переговорщик с нашей стороны — Андрей Старовойтов. По двум причинам. Во-первых, ему советовали не торопиться в ЦК КПСС. А во-вторых, могла сказаться личная неприязнь к Тарасову: уж очень Андрею Васильевичу не хотелось делать Анатолию Владимировичу подарок, о котором Тарасов мечтал много лет. Старовойтов не скрывал радости, когда поздравлял журналистов, пришедших на заседание президиума Федерации хоккея СССР в феврале 1972 года, сразу после Олимпиады в Саппоро: «Мы не знали, как от него (Тарасова. — *А. Г.*) избавиться, а тут сам заявление положил».

Пятилетняя пауза между устным разрешением Хрущева и фактическим началом переговоров вызвана и периодом неопределенности, связанной со сменой руководства страны. Новым руководителям долгое время было не до спорта. Потом маховик интереса к нему постепенно стал раскручиваться.

Переговоры, официальные и неофициальные, как говорил в интервью журналисту Всеволоду Кукушкину исполнительный директор Ассоциации игроков НХЛ Алан Иглсон, начались весной 69-го. Они продолжались три года. После 69-го, когда, казалось, возникло какое-то движение на пути к организации матчей с профессионалами, всё неожиданно заглохло. Рассказывают, что всегда против был секретарь ЦК КПСС по идеологии Михаил Суслов. Его аргумент не был лишен логики: играть с клубами и проиграть — это позор, играть надо только со сборной, да и то подумать, прежде чем такое мероприятие организовывать.

15 декабря 1965 года состоялся матч советской сборной с молодежной командой «Монреаль Канадиенс», усиленной пятеркой из основного состава и легендарным вратарем Жаком Плантом. «В то время, — писал Тарасов, — у нас появилась уверенность в том, что мы можем бросить вызов профессионалам». У ворот Планта советские хоккеисты создали дюжину хороших голевых моментов, но пробить Планта не

сумели. И хотя матч был нашими хоккеистами проигран — 1:2, Тарасов и Чернышев попросили игроков не расстраиваться: «Проиграли матч мы, тренеры!» На невезение ссылаться не стали. «Опытный Жак Плант, — отметил Тарасов, — в единоборствах оказался сильнее наших форвардов». Тренерская вина, по словам Тарасова, заключалась в том, что «мы не изучили манеру игры Планта, не знали, как действует канадский вратарь на выходах, не подсказали, не наиграли на тренировках новые решения, с помощью которых можно было усложнить задачу Планту, не успокоили ребят перед матчем, не вдохнули в них уверенность в том, что им, умелым форвардам, в этой игре и сам Плант нипочем».

А вот иное мнение. «Думаю, — говорил журналист Аркадий Ратнер, четыре с лишним десятилетия работавший в спортивной редакции Центрального телевидения, — что Анатолий Тарасов, возглавлявший тогда сборную, не горел желанием играть с энхаэловцами. Он прекрасно понимал соотношение сил, потому что летал за океан и записывал наблюдения».

Вот так: «думаю, что не горел», и всё! А то, что в каждой своей поездке в США и Канаду Тарасов всё свободное время отводил для наблюдений за занятиями профессионалов, за матчами клубов НХЛ, подбирал материалы, записывал — и только для того, чтобы во всеоружии встретить сильного соперника, когда настанет желанный день встречи, — это не считается? Все тарасовские эксперименты со звеньями, с тактикой были подчинены главному — подготовке к будущим встречам с профессионалами.

«Как же надо не знать Тарасова, чтобы говорить: он боялся играть с канадскими профессионалами, — удивляется Александр Гусев. — Ничего он не боялся. Ерунда всё это. Бобров Всеволод Михайлович в нас уверенность вселял, да и человек он был великолепный. Что там говорить. Но если бы Тарасов был тогда тренером сборной, то мы этих канадцев на части разорвали бы. В любом случае с Тарасовым мы последний матч в Москве не проиграли бы. Мы тогда еще не привыкли к их психологии — играть до последней секунды».

Тарасов, к слову, никогда не допустил бы празднования побед в канадской части Суперсерии, устроенного группой игроков сборной в Москве по возвращении. Он в обязательном порядке сделал бы то, на что не рискнул Бобров, — посадил бы хоккеистов на сборы и не отпускал бы их до завершения последнего периода последнего матча.

А тогда англичанин Джон Ахерн, возглавлявший Международную лигу хоккея на льду, не скрывал своей позиции

по поводу матчей хоккеистов-любителей с профессионалами: он — против. «Наш любительский хоккей, — говорил он весной 1969 года в интервью еженедельнику «Футбол-хоккей», — не имеет ничего общего с профессиональным — ни по духу, ни по целям. Говорить о встречах любителей и профессионалов — это примерно то же, что рекомендовать командам стран, входящих в нашу лигу, соревноваться с командами, играющими в хоккей с мячом».

Но в то же время Ахерн готов был подчиниться решению исполкома ИИХФ, некоторые члены которого не возражали против подобных встреч. Он лишь просил, чтобы в том случае, если какие-то из входящих в организацию стран, скажем, Советский Союз, договорятся об играх с канадцами, ИИХФ была бы оповещена о месте и условиях проведения матчей. Санкциями Ахерн никого не пугал, в прогнозах предпочтений никому не отдавал. Если игры пройдут строго по правилам любительского хоккея, полагал он, то победит советская команда, а если по правилам профессионалов — то канадцы.

Тарасов же старался использовать любую ситуацию для того, чтобы его мечта сыграть с профессионалами НХЛ стала явью. В середине 1971 года в Москву, несколько неожиданно для Тарасова, как он сам говорил, приехал тренер сборной США Мюррей Уильямсон. Тарасов не раз встречался с ним на различных международных турнирах. У них сложились нормальные отношения профессионалов. В советскую столицу Уильямсон прилетел по рекомендации бывшего президента Международной лиги хоккея на льду Уильяма Татта, посоветовавшего соотечественнику своими глазами взглянуть на то, как в Советском Союзе развивается хоккей. Тарасов во время чемпионата мира в Швейцарии в 1971 году посещал тренировки американской команды, Уильямсон в работе ему приглянулся — творческой жилкой, умением интенсивно и разнообразно проводить занятия. В Москве Тарасов пригласил американца на тренировки ЦСКА — он обещал ему это в Швейцарии.

Пытливый Уильямсон не меньше недели провел в армейском Дворце, где работали хоккеисты ЦСКА, записывал упражнения, их очередность, скорость выполнения — шел один из этапов подготовки к сезону. Перед тем как уехать из Москвы, Тарасов и Уильямсон (с переводчиком, разумеется: Анатолий Владимирович иностранными языками не владел и всю жизнь себя корил за то, что не удосужился выучить английский) пообщались. Как всегда гостеприимный и хлебосольный Тарасов в неформальной обстановке рассказал американцу о своем давнем желании сразиться с энхаэловскими хоккеистами и попросил

коллегу «использовать связи и влияние господина Татта, чтобы организовать встречи с американскими профессионалами». «Мы готовы, — говорил Тарасов, — проводить матчи с любыми соперниками, на любом поле, с любыми судьями» — то есть без каких-либо предварительных условий.

С Таттом Тарасов познакомился и подружился еще в конце 50-х годов, когда сборная проводила товарищеские матчи в США. Именно Татт организовал ставший весьма популярным международный турнир «Мемориал Брауна» в Колорадо-Спрингс. Тарасов в том числе и через Татта продавливал идею встреч советской сборной с клубами НХЛ.

Ни о какой «боязни» встреч с профессионалами, как видим, и речи не было.

Глава десятая МЕТОДЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ

Нередко приходится сталкиваться с мнением, что в ЦСКА всегда приходили уже готовые лучшие кадры страны, ведь «красно-синие» через армию могли, мол, «завербовать кого угодно».

Более чем спорное суждение. А ведь когда ЦСКА вообще и Тарасову в частности приписывают беспредел в вопросах комплектования, зачастую доходит до абсурда. В некоторых статистических выкладках даже Вячеславу Фетисову отказывают в праве считаться воспитанником армейского клуба, называя его первой командой… «ЖЭК-19»!

Никто не спорит, возможностей для получения новых хоккеистов у ЦСКА (как, к слову, и у «Динамо») было гораздо больше, нежели у профсоюзных клубов и клубов, представлявших какое-либо предприятие или отрасль народного хозяйства. Но невозможно при этом отрицать, что в подавляющем большинстве случаев игроки сами стремились попасть в армейскую команду. При должном отношении к себе по завершении карьеры можно было, имея воинское звание (а новыми званиями после удачно проведенных сезонов в том же ЦСКА награждали, как машинами и квартирами), получить неплохую работу. А потом — неплохую пенсию. Таковы были реалии. Никуда от них не деться.

И еще стремились попасть в эти клубы из-за тренеров — Тарасов и Чернышев по праву считались лучшими хоккейными специалистами. Показав себя в тренировочной работе под их началом и доказав игроцкую состоятельность, проще было попасть в сборную. И это тоже — из разряда реалий.

Известный тренер Юрий Баулин считает, что Тарасов в вопросах комплектования команды никогда не был «собакой на сене» и не тащил в ЦСКА всех подряд. Брал только тех, кто действительно подходил стилю, годами вырабатывавшемуся им в клубе.

Плохо знакомой с точными деталями публике рассказывали леденящие душу истории о том, что Тарасов, пользуясь широкими возможностями армейского клуба в комплектовании, взял в свое время из «Спартака» Локтева и создал звено Локтев — Альметов — Александров. Потом взял Фирсова, и тоже из «Спартака», — под молодых Викулова и Полупанова. И наконец, ради создания знаменитой тройки Михайлов — Петров — Харламов «выдернул» Михайлова из «Локомотива», а Петрова —

из «Крыльев Советов».

Одно из старейших пишущих о хоккее изданий — «The Hockey news» — составило любопытный рейтинг. В него вошли советские хоккеисты, в НХЛ, к сожалению для самой НХЛ, не игравшие. На первом месте — Анатолий Фирсов. Далее в десятке: Владислав Третьяк, Валерий Харламов, Всеволод Бобров, Александр Мальцев, Валерий Васильев, Александр Якушев, Борис Михайлов, Вячеслав Старшинов, Александр Рагулин. Так вот пятеро из десяти — ученики Тарасова.

Тарасов занимался только точечной селекцией. Во всяком случае, старался ее вести. Очень многие его новички в момент перехода в ЦСКА были игроками безвестными или почти безвестными, но становились выдающимися хоккеистами. И далеко не все, кстати, из приглашавшихся Тарасовым в ЦСКА переходили. Два Виктора — Коноваленко из горьковского «Торпедо» и Якушев из московского «Локомотива» — убедительные тому примеры. Не говоря уже о лучших игроках «Спартака». И знатный бомбардир начала 60-х годов Юрий Парамошкин отказал ЦСКА, заявив, что из Электростали уезжать не намерен.

Парамошкина в 1963 году включили в состав сборной на чемпионат мира. Ни одной игры ему, правда, сыграть не пришлось. В заявку на матч тогда включали 15 человек (из семнадцати ездивших на чемпионат): двух вратарей, две пары защитников и три тройки нападающих. Вне заявки оставались пятый защитник Сологубов и десятый форвард Парамошкин. В Москве он за месяц до начала чемпионата мира в товарищеских матчах с американцами играл (в тройках с Юрзиновым и Волковым и с Альметовым и Александровым) и забросил в двух встречах шесть шайб. В Швеции же Локтева в армейском звене во всех матчах заменял Виктор Якушев. Парамошкин так и оставался до конца чемпионата на скамейке. Он убежден, что, оставляя вне игры, Тарасов его «воспитывал», надеялся, что он придет и сам попросится к нему в ЦСКА.

Весной следующего года, когда «Электросталь» вылетела из высшей лиги, Парамошкин решился на переход в ЦСКА. Он договорился с Тарасовым о встрече в Спорткомитете. Тарасов в назначенное время не появился, а проходивший по коридору Чернышев убедил Парамошкина тут же написать заявление в «Динамо».

Когда Парамошкин закончил играть, Тарасов при встречах с ним всегда тепло здоровался и лестно отзывался о нем в хоккейных кругах. В 1989 году в Электростали проводила товарищеский матч какая-то канадская команда. На игру приехал

Тарасов. В холле местного Дворца, увидев Парамошкина с женой, Тарасов подошел к ним. Юрия заключил в объятия, жене поцеловал руку со словами: «Простите меня за то, что загубил великого хоккеиста». «Анатолий Владимирович, — вспоминал Парамошкин тот эпизод, — умел быть отличным актером, сыграть на публику. Но всё равно нам с женой было приятно от его слов».

О том, что всё оставалось в памяти Тарасова, свидетельствует такая история. В конце апреля 1962 года Тарасов вызвал к себе в кабинет молодого хоккеиста ЦСКА Владимира Васильева, будущего известного тренера, посадил его на стул, положил руку на плечо («Верный признак, что ничего хорошего ждать не следует», — говорил потом Васильев) и сказал: «Вовка, ты классный игрок, ты имеешь обалденную технику катания, но не подходишь под мою концепцию игры. Давай сделаем так: команда первой лиги МВО (Калинин), наш фарм-клуб, нуждается в хорошем нападающем. Помоги им, а я буду следить за твоей игрой, и, возможно, мы еще поработаем вместе». Васильев был рядовым, служба продолжалась, приказу он подчинился.

Двадцать пять лет спустя Владимир Васильев повез молодежную сборную СССР на чемпионат мира в Чехословакию, второй в своей тренерской карьере. Первый годом раньше был выигран. 1 января 1987 года его команда должна была проводить очередной матч, а 31 декабря в вестибюле гостиницы Васильев встретил Тарасова. Анатолий Владимирович поинтересовался, где Васильев намерен встречать Новый год, и сказал: «В 22.00 жду у себя в номере всё руководство». Стол, по воспоминаниям Васильева, был накрыт по-тарасовски — аппетитно и вкусно. Два часа за разговорами, шутками, обсуждением «завтрашних» соперников пролетели незаметно. Когда, встретив Новый год шампанским, стали расходиться по номерам, Тарасов попросил Васильева задержаться.

«Ты на меня обиделся?» — спросил он, когда все из тарасовского номера вышли. — «За что, Анатолий Владимирович?» — изумился Васильев. — «За то, что убрал тебя из команды».

Васильев, пораженный предметом разговора — 25 лет прошло! — стал уверять Анатолия Владимировича, что давно уже об этом забыл. «Нет, — не согласился Тарасов. — Когда тебя выгоняют из команды, особенно несправедливо, помнишь всю жизнь… Но в твоем случае это нужно было для победы ЦСКА». — «Я был не хуже других», — возразил Васильев. «Да, — согласился Тарасов, — но ты был и не лучше других. Ты хотел всё сделать сам, а на поле есть партнеры».

Лозунгом — «Всё в интересах сборной!» — Тарасов между тем

не размахивал. Лозунг этот в советском хоккее появился позже, спустя несколько лет после ухода Тарасова из сборной и ЦСКА, когда оказавшийся по воле властей у руля этих команд Виктор Тихонов принялся рекрутировать в армейский клуб состоявшихся лидеров других команд.

Тарасов же настолько заполнял собой всё пространство, что публика ошибочно полагала: в сборной представлены только хоккеисты ЦСКА, «разбавленные» одним-двумя спартаковцами и динамовцами. Но на самом деле в советской команде при Тарасове, случалось, играли меньше двух пятерок из ЦСКА.

Анатолий Фирсов не соглашался с теми, кто говорил, что и до прихода в ЦСКА он пребывал в статусе уже признанного хоккеиста. «Я был одним из многих, — подчеркивал он. — Из тех, о ком принято говорить как о подающих надежды. Такие ребята всегда были и есть. Вот только далеко не каждый находит свое место в большом хоккее. Мне помог найти такое место Анатолий Владимирович Тарасов». Тарасов пригласил Фирсова, а не призвал в армию по линии ЦСКА. И приглашение это Фирсов назвал «новым этапом» в своей биографии. «Я попал к Тарасову вовремя, — говорил он. — Мне было уже двадцать лет. Если бы я опоздал еще на два-три сезона, то вряд ли успел бы наверстать то, что не успел приобрести в юношеских командах».

Конечно, и до прихода в ЦСКА в 1961 году Фирсов, начинавший в «Спартаке», кое-что умел делать. Но это были знания и умения поступавшего в институт школьника. К тому же Фирсов был неважно подготовлен физически, быстро уставал на тренировках, и Тарасову пришлось придумывать для новичка комплекс специальных упражнений. Тарасов убедил Фирсова в том, что поможет ему наверстать упущенное. Когда новобранец охал и стонал, выполняя разнообразные упражнения по атлетизму, Тарасов жужжал игроку на ухо: «Хочешь стать большим мастером? Терпи!..»

Фирсов, надо отдать ему должное, безоговорочно тренеру поверил и доверял всегда. Поверил он Тарасову, когда тренер определил его, центрфорварда, на другую позицию. Тарасов часами отрабатывал с Фирсовым скрытый бросок, ставший со временем фирменным, «фирсовским». Отдельно занимался тренер со всей тройкой. Обучал игре и трудолюбию.

Авторство феноменального для такой высокоскоростной игры, как хоккей с шайбой, финта «клюшка — конек — клюшка» долгое время приписывали, да и продолжают приписывать Анатолию Фирсову. Его на самом деле придумал шведский форвард Ульф Стернер. Фирсов увидел этот финт в исполнении шведа и никогда не претендовал на то, чтобы выступать в роли

автора. «Не знаю, случайным или продуманным был этот прием у Стернера, — писал Фирсов в своей книге, — но однажды он показал его в матче со сборной СССР. Было это в 1963 году на чемпионате мира. Я смотрел эту игру в Москве по телевизору и, увидев финт Стернера, поразился, но потом, под влиянием событий, происходящих на хоккейном поле, забыл обо всем. Наши проиграли 1:2, и огорчен я был ужасно. Однако трюк Стернера увидел не только я, но и, конечно же, Анатолий Тарасов. Он-то и предложил мне попробовать освоить этот финт. Сначала я работал с ним, стоя на месте. Потом начал пытаться применять его в движении, правда, двигался я не на самой высокой скорости. Затем постепенно стал катиться всё быстрее и быстрее. Интересно, что вначале Анатолий Владимирович выполнял этот прием лучше, чем я. Тарасов торопил меня, и вскоре я рискнул обыграть в ходе матча своего опекуна таким вот финтом». Потом, надо сказать, обыгрывал и автора — Стернера.

Вице-президент ФХР Игорь Тузик, много наблюдавший за тренировками Фирсова, убежден, что он стал тем самым Фирсовым, которым восторгался весь хоккейный мир, только потому, что попал в руки Тарасова. «Под требовательным оком Анатолия Владимировича, — говорит Тузик, — Фирсов вкалывал до изнеможения, что окупилось сторицей. Феномен Фирсова зиждился на фундаменте титанической работы».

Однажды, когда, по словам Фирсова, «терпеть было уже совсем нельзя», он спросил у Тарасова: «Вот вы ругаете меня да ругаете, говорите, что всё не так. Что же, по-вашему, я совсем не гожусь для хоккея?» — «Ну что ты! Годишься, конечно, — ответил Тарасов. — Спортсмен ты способный. Но у тебя пока есть один, по моим понятиям — принципиальный, недостаток: ты играешь в современный хоккей, а настоящий спортсмен должен опережать свое время. Ты должен уже сегодня стремиться играть так, как будто живешь не в шестьдесят третьем году, а, скажем, в семидесятом…» И Фирсов тренировался у Тарасова так, что однажды к нему в зале атлетики подошел великий штангист Юрий Власов и спросил: «Ты живой?»

Как-то Фирсов сдавал Тарасову экзамен в ВШТ. Он правильно ответил не только на все вопросы из билета, но и на дополнительные. Высшего балла, однако, не удостоился. А на вопрос: «В чем моя ошибка?» — услышал: «Ты, Анатолий, отвечал безошибочно. Но, понимаешь ли, я сам хоккей на “пятерку” не знаю…»

«Говорят, — размышлял Тарасов, — что тренер много дает игроку. Наверное. Но есть такие спортсмены, и среди них Фирсов, которые сами дарят тренеру неповторимое искусство. Наблюдая

за Толей в матчах и на тренировках, общаясь с ним, я открывал для себя новое в тактике и технике хоккея».

Тарасов изо дня в день убеждал своих хоккеистов — и давно у него игравших, и новичков — в том, что любая тактическая идея, любой тактический прием, который он им предлагает, — «всё это должно быть чуточку больше, выше, чем сегодняшние возможности игрока». Он заставлял верить в нерастраченный полностью потенциал, в наличие в организме дополнительных ресурсов, начинающих «работать» в экстремальных ситуациях.

Принято считать, будто Тарасов переманивал способных игроков со всей страны, суля им неимоверные блага и райские кущи. Ничего общего с истиной это распространенное мнение не имеет.

Хоккеисты сами, даже будучи прекрасно осведомлены о том, что их ждет на знаменитых тарасовских тренировках, стремились попасть в ЦСКА. «Без Тарасова я бы остался середнячком, как и многие другие», — говорил Владимир Петров. И это при том, что за глаза он, как, впрочем, и многие другие, называл тренера не иначе как «деспот», «тиран», «диктатор», «душегуб», «Сталин» или «Троцкий» (весьма странное, надо сказать, сочетание).

Тему «златых гор», которые будто бы сулил Тарасов каждому завербованному им новобранцу, наглядно иллюстрирует пример появления в ЦСКА Бориса Михайлова. Он был не последним форвардом в «Локомотиве». Его друг детства и тоже бывший игрок «Локомотива» Евгений Мишаков, обосновавшийся к тому времени в армейском клубе, порекомендовал его ассистенту Тарасова Борису Кулагину. После матча ЦСКА — «Локомотив» Кулагин передал Михайлову: «С тобой хочет встретиться Анатолий Владимирович, приезжай к бензоколонке у метро “Аэропорт”». Тарасов всегда заправлял там свою машину, тогдашнюю 21-ю «Волгу» с оленем на капоте. «Приехал, — вспоминает Михайлов, — жду. Подкатывает машина, выходит Кулагин и говорит: “Садись”. Забрался на заднее сиденье, поздоровался с Тарасовым. “У тебя есть характер, настырность, желание играть, — сказал он. — Но ты в хоккее ничего не умеешь. Если хочешь, чтобы я из тебя сделал человека, думай все 24 часа о хоккее, спи на клюшках…” Потом узнал, сколько я получаю, и сказал: “У меня будешь получать меньше — 120 рублей”. Гарантий, понятно, никаких не дал. Я выскочил из машины красный, как помидор. Вроде бы два года за команду мастеров отыграл, а здесь — ничего не умею».

Михайлов опасался перехода в ЦСКА. О крутом нраве Тарасова был, как и все, наслышан. Понимал, что для комплекта держать его в ЦСКА не станут. Не пойдет игра — отправят в

какой-нибудь армейский фарм-клуб. Жена Татьяна сказала Борису: «Решай всё сам». Основным для Михайлова стал вердикт Виктора Якушева. «Он, — вспоминает Михайлов, — был не только игроком с мировым именем, но и человеком, тонко чувствовавшим, что может произойти в той или иной жизненной ситуации. Думаю, он понимал, что я подойду ЦСКА. И сказал очень аккуратно: “Борис, в ЦСКА приглашают далеко не каждого. Тарасов просто так ничего не делает”».

«Бориса Михайлова, — писал, в свою очередь, Тарасов, — мы пригласили в ЦСКА по рекомендации его друга, уже известного в то время хоккеиста Евгения Мишакова. “Силен, задирист, команде будет полезен…” — так звучала эта рекомендация. Устроили смотрины — претендент был трудолюбив, с подходящей скоростью, в единоборствах не тушевался, но не блистал. Нужен ли был такой вроде бы рядовой игрок столь именитой команде, как ЦСКА? Проще всего, конечно, было отказать, тем более что Михайлову уже двадцать четвертый год шел. Играл до тех пор он в клубах невысокого полета и даже там особенно себя не проявил. Однако, проверив еще раз Бориса в сложных, многоплановых тренировках, мы, тренеры, убедились — этот парень выдюжит всё, трудиться будет без устали и, что особенно важно, без показухи. Так Борис Михайлов заставил поверить в себя. Изо дня в день новичок ЦСКА подтверждал справедливость главного закона нашего хоккея: право на игру имеет лишь тот, кто терпеливо тренируется. А уж Борис тренировался так, что не припомню случая, чтобы мне или какому-нибудь другому тренеру приходилось делать ему замечания на сей счет. Как бы наверстывая упущенное в детстве и юности, Михайлов дорожил каждой секундой тренировки, не жаловался на трудности, на боли — а синяков и шишек у него всегда было свыше нормы — и потому чрезвычайно быстро овладел секретами мастерства. В течение многих лет в трудолюбии, в стремлении действовать через “не могу” Борису Михайлову не было у нас равных. Он не делил матчи на главные и второстепенные, никогда не экономил силы и в каждом игровом отрезке действовал во всю силушку. А ее, этой силушки, приобретенной в тренировках сложных и объемных, у Бориса было хоть отбавляй. Не случайно наиболее успешно Михайлов действовал, когда накал матча достигал предела — со второй половины второго периода. Своим взрывным маневрированием Борис к этому времени так изматывал левых защитников соперника, что те, поначалу сильные и грозные, становились малоподвижными, допускали технические осечки, которыми тот пользовался. Что до силовых приемов противника, то, казалось,

они Михайлову нипочем. Больше того, он, пожалуй, стал первым нашим форвардом, кто так охотно сам постоянно предлагал соперникам помериться силой. И особенно упорно Борис бился в зоне у чужих ворот. Он так умело и дерзко действовал при добивании (благо руки у него были “быстрыми” и сильными), создавал столько помех вратарям соперников, что те зачастую теряли выдержку и грубили. А за грубость Борис Михайлов наказывал — наказывал голами».

Можно подумать, будто звездным игроком попал в ЦСКА Геннадий Цыганков, многократный чемпион мира, Европы и Олимпийских игр. Вовсе нет. Цыганкова, «служившего в армии» в хабаровском СКА, Борис Кулагин приехал посмотреть в матчах чемпионата Вооруженных сил в 1969 году. Защитник был травмирован, выходить на лед не собирался. Но Кулагин упросил Цыганкова сыграть хотя бы в одном матче. Он сыграл и после турнира вместе с Кулагиным вылетел в Москву, в ЦСКА — на стажировку. Спустя месяц Тарасов сказал: «Испытание ты выдержал. Будем теперь работать».

Цыганков появился в ЦСКА в 22-летнем возрасте. Он не знал и не мог делать на льду многое из того, что знали и с легкостью исполняли на площадке шестнадцати-семнадцатилетние хоккеисты. «И если я чего и добился в хоккее, — вспоминает Цыганков, — то в первую очередь благодаря Тарасову, который не только поверил в меня, но и не жалел времени на мое обучение».

Вот бы сейчас отыскать тренера ведущего клуба, не важно какого, российского, европейского или заокеанского, решившего вдруг поверить в совершенно безвестного игрока и потратить на его обучение силы и время, постепенно доводя его до уровня победителя чемпионатов мира и Олимпиад! Как бы не так! Ни в одном тренерском контракте пункта с подобной задачей нет и быть не может.

Первый раз всерьез о молодежной тройке ЦСКА Викулов — Полупанов — Еремин заговорили еще зимой 1964-го, а год спустя она стала появляться в играх чемпионата в составе первой команды. Журналист Евгений Рубин, матчи с участием армейского клуба посещавший регулярно, вспоминает, что «тройка и в самом деле была хороша», но уточняет при этом: «Лишь два из трех выглядели игроками незаурядного дарования, много обещающими в будущем» — это неутомимый и неугомонный, исполненный какого-то веселого азарта румяный здоровяк Виктор Полупанов и внешне полная его противоположность бледнолицый, никогда не улыбающийся Виктор Еремин, обладавший не по годам зрелой, изящной и непринужденной техникой. Третий, Владимир Викулов, на их

фоне, считалось, блек. Когда Рубин поинтересовался мнением Тарасова об этой тройке восемнадцатилетних, последовал ответ: «Интересные мальчишки, с будущим. Но великий спортсмен среди них один — Викулов. Следи за ним».

Журналист подумал, что Тарасов просто решил ошарашить собеседника парадоксальным суждением. Но время подтвердило точность его оценки.

Викулову же казалось, что тренер его почти не замечает. Если и обращался Тарасов к Викулову, то не иначе как «молодой человек». В хоккейном клубе ЦСКА, да и за его пределами всем было известно: «молодой человек» — предвестник разноса. «Быстро взрослеют, медленно набираются ума», — бурчал Тарасов. Так и случалось.

«Тарасов, — рассказывал Викулов, — всегда брал строгостью, был резок и придирчив. Но своего добивался. Лично я ему многим обязан. Он приучил меня, да и большинство из нас, игроков ЦСКА, не бояться никакого труда, привил сознание, что человек, чего бы ни достиг, не имеет права сказать себе: “Всё!”, что он сразу же обязан идти дальше».

Тройка Викулов — Полупанов — Еремин, видя, что в состав ей пробиться тяжело, решила было податься в другой клуб. Но в последний момент Викулов объявил, что остается. Его поддержал Полупанов. Еремин ушел.

Викулова же и Полупанова Тарасов неожиданно для всех осенью 1965 года подключил к Фирсову и предложил включить новую тройку в состав сборной на чемпионат мира в Любляне. Особенно настраивал Тарасов своих ребят на матчи против московского «Динамо» и выставлял их против звена Юрзинова. Вопрос стоял так: брать на чемпионат юрзиновскую тройку или полупановскую. И в последнем перед выездом на чемпионат мира матче ЦСКА — «Динамо» тройка Полупанова выиграла свои отрезки с результатом 5:0, в том числе 3:0 — у звена Юрзинова.

Почему, например, Мальцев, один из самых одаренных отечественных хоккеистов, не оказался в ЦСКА? Мальцев в четырнадцатилетием возрасте заиграл в составе кирово-чепецкой команды мастеров «Олимпия», но играл только в домашних матчах, поскольку на выезды его не отпускали из школы. Как-то во время каникул (ему уже было пятнадцать) он участвовал в зональном турнире в Новосибирске. Тарасов прилетел туда присмотреть способных молодых хоккеистов. Мальцев ему приглянулся сразу. «Тарасов приветил меня, — вспоминал Мальцев, — но озадачил перспективой. Парень ты, сказал, толковый, но физики у тебя маловато. Через год, пожалуй, заберу тебя в ЦСКА: подкачаем — и будешь играть. Я опешил слегка:

какая физика у мальчишки, откуда? Да и зачем мне качаться, если я, против мужиков играя, свою пару-тройку шайб любой команде “отвожу”? Так меня Тарасов тогда против ЦСКА подсознательно и настроил».

Ошибся ли Тарасов, не взяв Мальцева сразу? Наверное, да. Но, с другой стороны, он видел, что если сразу запустить кирово-чепецкого вундеркинда в серьезную мужскую бригаду, парня можно испортить. Тарасов видел Мальцева всего-ничего и потому не мог догадываться, что «чебаркульское испытание» у этого нападающего уже позади.

Первым, говорят, «положил глаз» на Мальцева Николай Семенович Эпштейн, настоявший на том, чтобы спортивные начальники не противились включению парня, которому еще и семнадцати не исполнилось, в состав сборной Российской Федерации на поездку в Швецию. Но еще до этого и тем более до того, как Аркадий Иванович Чернышев отправил в Кирово-Чепецк своего помощника Виктора Тихонова с заданием привезти Мальцева в «Динамо», нападающего мог забрать к себе Тарасов. Но — не забрал, объяснив самому хоккеисту, почему он этого не делает.

Мог — теоретически — оказаться в ЦСКА и брат Александра Рагулина Анатолий, вратарь воскресенской команды. Тарасов вызывал его иногда в сборную как дублера Виктора Коноваленко. Но резервистом Рагулин-голкипер быть не хотел, а после эпизода, случившегося во время матча в Лужниках, Тарасов от мысли включить Анатолия в число вратарей ЦСКА отказался.

Рагулин увлекался аутотренингом. Во время матча мог на скамейке запасных абстрагироваться от происходящего на площадке. Тарасов случайно бросил взгляд на запасного вратаря и обомлел: вратарь-то спит!

Каких только историй о «кражах» игроков из «Химика», о происках ЦСКА, например, «умыкнувшего» из Воскресенска Александра Рагулина, не рассказывали! Но всегда лучше послушать людей знающих, получить информацию из первых уст.

«Нам, — говорил по этому поводу известный хоккеист, капитан воскресенской команды Юрий Морозов в марте 1969 года, — напрасно сочувствуют, когда из “Химика” уходит кто-то из игроков. За тринадцать лет, я считаю, мы понесли одну-единственную серьезную потерю. Разве это так уж много? Я говорю о Саше Рагулине. Мы и тогда, семь лет назад, понимали, кого теряем. Но мы не обижались на Рагулина, понимали, что он перерос “Химик” на две головы. И он это понимал, хотя никогда об этом не заикался. Он пришел к ребятам и рассказал, что его приглашают в ЦСКА. Спросил, что мы об этом думаем. И все ему

сказали: “Конечно, иди”. А прежде чем уйти, он сказал спасибо и тренеру, и всем, с кем играл. Я знаю Рагулина, он сказал это не для красного словца».

На последнем этапе Тарасов уговаривал Рагулина сам. Он тогда готовился к возвращению в ЦСКА, всё шло к тому, что он как тренер заменит Бабича. Как вспоминал Рагулин, Тарасов говорил ему: «Мы делаем новую команду. Берем новых игроков. Скажи прямо, что тебе надо: квартиру, машину…» Рагулин, с детства, надо сказать, мечтавший играть за армейцев, ответил, что ничего ему не нужно. Было, где жить. О машине в свои 20 лет не задумывался. Хоккеист рассказывал, что Тарасов тогда пустил в ход последний аргумент: у тебя, сказал, пенсия будет профессорская. О пенсии двадцатилетнему парню? Сильно!

Во всех советских командах в ходу были реальные (или на будущее) посулы игрокам при их приглашении. Когда Александр Мартынюк провел два сезона в «Крыльях» — его взяли туда на полставки, — к нему подошел Бобров и предложил перейти в «Спартак»: «Тебе нужно расти, повышать класс — “Спартак” борется за чемпионство, решая более серьезные задачи, чем “Крылья”». Бобров, по словам Мартынюка, здорово помогал в житейских вопросах — позвал в команду семь молодых игроков и каждому выбил по отдельной квартире.

«С Тарасовым, — говорил Рагулин, — я достиг заоблачных высот. Он же меня и задвинул, как я считаю, раньше времени. В тридцать три. Я мог бы еще лет пять играть, а Тарасов узрел, что тренируюсь не так старательно, как прежде. Перестал выпускать на лед. Я тогда попросился в “Химик”, но он отказал. «Хочешь, — говорит, — в СКА иди, а в “Химик” не пущу».

С Рагулиным Тарасов поступил, что и говорить, жестко. Защитник стал хрестоматийным примером того, что принято называть «резать по живому». «Я сам по себе был тренер-мясник, мог отрубить, — говорил Тарасов, вспоминая о том, как расставался с Николаем Пучковым. — Я тогда даже не ставил перед собой вопроса: прав я или не прав. Я считал, что он меня больше не устроит». С Пучковым у Тарасова вообще всё складывалось сложно. Он убедил себя однажды (произошло это в конце 50-х — начале 60-х годов) в том, что Пучков боится канадцев. Тарасову казалось, что вратарь, проштудировав много книг о канадском хоккее, настолько в него влюбился, «так поверил в его силу и непогрешимость, что не мог объективно оценивать даже свои собственные возможности. Всё у канадцев — и тактические построения, и подготовка игроков — представлялось ему почти идеальным». Такие настроения Пучкова расстраивали Тарасова и стали основной причиной

расставания тренера с вратарем.

Весной 1973-го Рагулин стал в очередной раз чемпионом мира, в сборной позиции у него были крепкие. Летом ЦСКА играл матчи на призы «Советского спорта» в Минске. В одной из игр защитники грубо ошиблись в каком-то эпизоде. «Тренер, — вспоминал Рагулин, — разозлился. И спустя минуту-другую набросился на меня, когда я сидел на скамейке. Признаюсь, я ничего не понял. Вроде бы я и не присутствовал на площадке, когда у наших ворот возник тот опасный момент. Сказал тренеру об этом. Он вскипел: “Ах, ты так считаешь?!” Ну, слово за слово… Тарасов и снял меня с игры. А потом вызывает и говорит, что я не готов к сезону».

Рагулин признавался, что та пред сезонка складывалась для него «тяжело»: «Ноги начинали побаливать». Он пришел к выводу, что сам знает, как набрать оптимальную форму, а нагрузки ему лично не нужны, как не нужны в его возрасте и некоторые упражнения. После того как Рагулин выложил Тарасову свои соображения относительно того, как ему желательно было бы тренироваться, Анатолий Владимирович, прежде всего ставивший во главу угла работу, и сказал хоккеисту: «Давай, уезжай в Москву. И готовься сам». В Москве Рагулин, полагавший, что Тарасов возвращать его в команду не собирался, к играм не готовился. «Настроения не было», — объяснял он. Через два-три месяца к Рагулину подошел Локтев, второй в то время тренер: «Палыч, пора возвращаться». Ясно, что подходил Локтев не по своей инициативе. Рагулин, однако, был полностью к тому времени растренирован.

Разговоры о переходе в «Химик» с сохранением звания (военпредом при воскресенском заводе) к положительному для Рагулина итогу не привели. Играть за ленинградский СКА он отказался сам. К тому же Александр Палыч, по его собственному признанию, «попивал». Ему стали предрекать судьбу Альметова. Но Тарасов бросил его сначала на поиски способных мальчишек, а потом сделал тренером молодежной команды. Среди воспитанников Рагулина — Вячеслав Фетисов.

«В командах, — рассказывал о Рагулине Тарасов, — игроки друг друга по отчеству почти никогда не называют. Но к этому богатырю, к этому красивому и сердечному человеку иначе как “Александр Палыч” не обращались. Никто — в том числе и сверстники. Он был честью и совестью команды. К Рагулину шли, когда возникали споры, конфликты. За ним же было последнее слово, когда возникал вопрос о наказании проштрафившегося… Нашел и воспитал Рагулина Николай Семенович Эпштейн. Человеческая доброта первого тренера, видимо, сказалась и на

хоккейном характере его ученика. Часто от любителей хоккея можно услышать уважительное: “…Александра Рагулина даже канадцы боялись”. Но это не так — побаивались канадцы других, Александра же они, по-моему, уважали. Как человека, для коего солидарность и благородство в спортивной борьбе были законом жизни. И мы, тренеры, когда на льду возникали конфликтные ситуации, когда отношения выяснялись и силой и, что греха таить, злобой, Александра на площадку старались не выпускать. Лишь раз, в Инсбруке, Рагулина противник вынудил изменить себе. Но и тут грубияна, разбившего ему лицо, Александр наказывал по-своему, по-рагулински. Не бил, а взял его в могучие объятия, стиснул разок-другой, будто приговаривая при этом: “Не смей хулиганить, не смей!” У Александра Рагулина мужество, высокое мастерство не зависели ни от ситуации, ни от важности матча, ни от силы противника. Умение закрыть телом ворота, своевременно пойти на столкновение, не позволить себя обыграть он демонстрировал с первой минуты и до последней и в клубе, и в сборной. Причем делал это удивительно просто и рационально. Александр не был быстр, особенно с места, но в маневре, в действиях клюшкой никто не мог с ним соперничать. Не было равных ему и по интуиции. Вот почему пройти Рагулина, обыграть его один на один не могли ни противники в матчах, ни даже выдающиеся армейские форварды на тренировках. Определяя загодя намерения, не поддаваясь на финты соперника, его ложные маневры, Александр выбивал шайбу или, войдя в столкновение, овладевал ею. А овладев, великолепно, что очень важно, этой шайбой распоряжался — пасом создавал партнеру максимум удобств для развития атаки. Предвидение, интуиция, подобные рагулинской, — ценнейшие для хоккеиста качества. Обладают ими немногие».

Ошибки великих тренеров ценны тем, что они запоминаются. О них говорят. Их называют, когда возникает желание уязвить великих специалистов, выставить их в роли неумех, не знающих толк в игроках.

Тарасовская история с Харламовым и пресловутыми «коньками-горбунками» стоит в одном ряду с неприятием поначалу Виктором Александровичем Масловым, выдающимся тренером отечественного футбола, Олега Блохина в киевском «Динамо» и историей появления гениального футболиста Федора Черенкова в «Спартаке» при другом выдающемся отечественном специалисте — Константине Ивановиче Бескове. Но величие Тарасова, как и Маслова и Бескова, в том и состоит, что они, ошибившись при первом, возможно поверхностном взгляде, ошибку свою впоследствии признали и с особой заботой, не

жалея времени и сил, стали опекать будущих великих спортсменов — Харламова, Блохина и Черенкова.

Константин Локтев между тем называл легенды о том, будто Тарасов ставил барьеры на пути Харламова в ЦСКА, «мягко говоря, неточными». «Не был Валера, — говорил Локтев, — “номером 1” в молодежной команде ЦСКА. Анатолий Владимирович Тарасов ему места в команде мастеров не находил и лишь потому отправил Харламова во вторую лигу в Чебаркуль, в “Звезду”. А вот там-то тренер Владимир Филиппович Альфер — поклониться ему должен за мудрость наш хоккей — и сказал Валерию: “В школе ЦСКА тебя всему, что полагается, обучили, а теперь — играй. Ограничивать тебя тактическими установками не буду…”». Играя не «по заданию» (Тарасов никогда бы не позволил ему так играть), Харламов в считанные недели «показал свой талант» и без проблем потом заиграл и в ЦСКА, и — сразу после возвращения из Чебаркуля — в сборной.

Могло ли случиться так, что Харламов остановился бы на «Звезде» или, может быть, переместился бы потом из нее в «Трактор» и это стало бы его потолком? Наверное, могло. Но у Харламова помимо таланта был еще крепкий характер, на что Тарасов, конечно же, обратил внимание. А потому тренера не удивило скорое появление Харламова в роли одного из лидеров его клуба и сборной. И кто знает, как сложилась бы судьба Харламова, не «оббейся» он в Чебаркуле, не прояви там волю. Будь Тарасов упрямцем непрошибаемым, не прислушивайся он к окружающим — никогда бы не вернул Харламова.

Локтев, надо сказать, сам побывал в роли Харламова. Он не принадлежит к разряду игроков, будто бы призванных в ряды Вооруженных сил, но на самом деле к службе в армии не имевших никакого отношения, а защищавших армейские цвета на стадионах. Нет, Локтев отслужил срочную как обычный советский человек — в воинской части. Потом отправился в Ленинград, в команду Дома офицеров, из которой переправился в молодежный состав ЦСКА. В таланте Локтева никто не сомневался. Тарасов же на первых порах задумался: не мелковат ли для хоккея? Евгений Бабич, один из тогдашних форвардов армейцев, советовал Локтеву вернуться в русский хоккей. Именно Бабича спустя время заменил Локтев на правом краю первой тройки армейской команды и стал, по мнению Бориса Майорова, «лучшим правым крайним за всю историю отечественного хоккея». Несмотря на молодость, Локтев сразу превратился в одного из самых авторитетных хоккеистов ЦСКА и самым непосредственным образом участвовал в создании феноменальной тройки Локтев — Альметов — Александров. Локтев, рассказывают, только раз

увидев игру Альметова в составе молодежной команды, предложил Тарасову (не сам, а через вратаря Николая Пучкова) проверить вариант с ним. Тарасов, всегда принимавший новые идеи и сам ими фонтанировавший, пошел на эксперимент. Завершился он образованием звена форвардов, не знавшего себе равных на протяжении семи лет. Тарасов вывел из существовавшей до этого тройки (Локтев — Александров — Черепанов) Черепанова, на его место поставил Александрова, а центральным нападающим определил Альметова.

Тарасов никогда не настаивал на том, что решение отправить Харламова в Чебаркуль было единственно правильным. Он не скрывал, что, командируя способного игрока на Урал, волновался и не был до конца уверен в том, что не совершает ошибку. Больше всего он опасался упустить время. «В спорте, — считал Тарасов, — эта потеря чаще всего невосполнима».

Но это рискованное решение оказалось вполне оправданным. Главный тренер ЦСКА старался наблюдать за тренировками и игроками команд всех возрастов. «Я видел, — говорил Тарасов о Харламове, — что он — человек способный, незаурядный, но выпускать его на площадку с мастерами было еще рановато, не хватало у парня умения, опыта. А где же набраться практических навыков, как не в играх — регулярных, важных, ответственных? Чтобы Харламов смог развивать в себе игровую самостоятельность, усовершенствоваться в обводке, разучить новые финты и опробовать их на реальных соперниках, я предложил ему один сезон поиграть в одной из наших армейских команд среднего класса».

«Предложил» — сказано, конечно, сильно. Тарасов резко смягчает формулу отданного приказа: военнослужащему Харламову надлежит отправиться в расположение армейской команды «Звезда» (Чебаркуль). Не предложил, а распорядился, настоял. И был, как он потом признавался, удивлен тем, что Харламов воспринял его решение «до будничного просто». Хоккеист поинтересовался лишь, «предоставят ли ему в Чебаркуле время и условия для самостоятельных тренировок».

«Тарасов, — говорил отец хоккеиста Борис Сергеевич, — далеко видел. Харламова совсем со счетов не сбрасывал — простого игрока отправил бы в другой клуб и забыл о нем». Тарасов переслал Альферу, с которым находился в доверительных отношениях, указания: «Харламов должен не менее 70 процентов игрового времени проводить на льду и тренироваться три раза в день, усовершенствоваться в обводке, изучить новые финты». Он же разработал план индивидуальных занятий и постоянно контролировал, получая доклады от местных коллег, работу

Харламова.

Представляя Тарасова «монстром», вознамерившимся загубить талант «конька-горбунка», умышленно забывают о том, как главный тренер главной армейской команды на протяжении 121 дня (в сумме — четыре полных месяца) фактически продолжал тренировать Харламова. Тарасов не выпускал его из вида, и работа и поведение Харламова в Чебаркуле его радовали. Иначе не было бы и внезапного возвращения его в Москву.

Сам Харламов в интервью еженедельнику «Футбол-хоккей», которое подготовил для издания журналист Александр Колодный, о своей командировке в Чебаркуль говорил только как о положительном в его спортивной жизни событии: «Я был тогда физически слабо развит, многого не умел. Страдал, думал, что окончилась, даже не начавшись, моя хоккейная карьера. Но армейские тренеры помнили обо мне, следили за моей игрой, а потом вновь пригласили в свой клуб».

Харламов бы убежден, что главная роль в формировании игрока принадлежит тренеру, который, во-первых, должен увидеть, заметить игрока, а во-вторых, не разувериться в нем, невзирая ни на какие спады и срывы. «Я и сейчас, — говорил он в марте 1972 года, — не устаю удивляться терпению Анатолия Владимировича Тарасова. Он всегда был придирчив ко мне, находил много слабых мест в игре. Но в то же время умел и умеет вовремя поддержать, найти добрые слова, заставить поверить в свои силы. Он видит во мне то, чего не умею разглядеть я сам».

Тарасову пеняют за то, что среди армейской молодежи он выделял Александра Смолина, которого ставил выше Харламова, но в итоге ошибся. Смолина вообще считали гораздо более перспективным игроком. («Да это же артист был, с ним даже рядом никто не стоял. Такое на льду выделывал, просто фантастика!» — вспоминает Александр Гусев.) Но далеко в хоккее он не продвинулся — не выдержал психологически: напряжения тренировок, матчей, необходимости постоянно держать себя на высоком уровне, держать удары, порой сокрушительные. Если и была ошибка Тарасова применительно к Смолину, то, может быть, только в том, что он не организовал для талантливого парня свой «Чебаркуль».

Старательно вспоминая историю с отправкой Харламова в Чебаркуль и обвиняя Тарасова в отсутствии чутья на игроков, столь же старательно забывают о том, как появился в ЦСКА и в сборной Владислав Третьяк, называющий тренера своим «хоккейным отцом». «У Анатолия Владимировича, — говорит Третьяк, — было много потрясающих качеств. Одно из них — чутье на талант».

Тарасов увидел в Третьяке будущее советского хоккея. Он так и говорил, в том числе на заседании исполкома Федерации хоккея, утверждавшего состав команды на чемпионат мира в Стокгольме. А ведь Третьяку было всего 17 лет.

Его в 11 лет привела в школу ЦСКА мама. Было это в 1963 году. Вратарем, к слову, Владик стал случайно — в наличии осталась только вратарская форма. Тарасов обратил внимание на юного вратаря, когда тому исполнилось 15 лет, и после глаз с него, что называется, не спускал.1 И пахать заставлял до умопомрачения. В день знакомства сказал: «Ну, что, полуфабрикат, будем работать. Выживешь — станешь великим. Не выживешь — извини, дорога тебе в шахту». «Да я только в девятом классе учусь», — попытался было защищаться Третьяк. Но тренер в момент пресек всякие прения: «Вам 17 лет, молодой человек? А я хочу, чтобы вам уже сейчас было 25. Для этого будете играть каждый день. За все составы ЦСКА — взрослый, молодежный и юниорский — и за все сборные».

Третьяк перевелся в школу рабочей молодежи и баула с хоккейным снаряжением между тренировками и играми из рук фактически не выпускал.

Тарасов сам каждодневно работал с Третьяком. Юный вратарь приходил в зал ЦСКА к восьми утра, когда на льду занимались фигуристы из группы Ирины Люляковой. В девять приходил Тарасов. Иногда он вставал на одном колене за воротами, которые обстреливали партнеры Третьяка, и давал тому отрывистые команды.

Вот штрихи к одной из тысяч тренировок Третьяка, начавшейся за час с небольшим до занятия всей команды.

Третьяк в воротах, на льду два игрока. За воротами Тарасов: в стеганых штанах, валенках, телогрейке, нахлобученной на голову огромной меховой шапке. Тарасов улегся на лед и корректирует действия вратаря: «Влево! Вправо! Ногой! Клюшкой! Выкатывайся, сокращай угол обстрела! Не отбивать перед собой! Только в угол! Атакующий тебе мешает? Пощекочи его клюшкой! Много падаешь! Вратарь должен стоять!..» Попутно Тарасов корректирует и действия хоккеистов: «Бросай! С ходу! Верхом! В угол! Сериями! Закройте ему видимость!..»

И так — три серии по 20 минут каждая с небольшими перерывами.

Третьяк, заигравший в мужской хоккей в составе ЦСКА раньше, чем закон позволят ему голосовать на выборах, находился под постоянным контролем Тарасова. Тарасову советовали подобрать ветерана-голкипера и поручить ему пестовать начинающего вратаря, но с Третьяком тренер

занимался сам, никому не передоверял процесс огранки оказавшегося у него в руках необработанного алмаза.

С первых своих тренерских шагов Тарасов лично, никого не привлекая, уделял огромное внимание подготовке голкиперов. Института «тренеров по работе с вратарями» в те времена не существовало. Но даже если бы он был, Тарасов затеял бы обучение тех, кто призван был обучать сам.

По чьим лекалам работал Тарасов с вратарями? По своим. В годы становления советского хоккея мы еще не сталкивались с канадскими профессионалами. Вратарское направление было задано первым увиденным в СССР голкипером мирового класса Модры из ЛТЦ. «Играл он, — вспоминал Николай Пучков, — на линии ворот. Роста был небольшого. Руки и ноги — словно на шарнирах. И при всем том — первый вратарь Европы. Естественно, мы стали перенимать его манеру. Высоким вратарям дали от ворот поворот, а небольшим, подвижным и быстрым, наоборот, — привилегии».

На Модры на первых порах ориентировался и Тарасов. Потом, по крупицам собирая информацию о канадском профессиональном хоккее вообще и об игре вратарей в частности, Тарасов синтезировал для себя все направления и выработал собственные подходы к тренировке голкиперов.

Тарасов с самого начала поставил перед собой задачу сделать Третьяка лучшим вратарем. И сказал ему об этом. «Лучшим в стране?» — спросил тот. «Лучшим в мире! И запомни это раз и навсегда!» Тренер заставлял мальчишку работать даже в столовой. «Молодой человек, где ваш теннисный мяч?» — грозно нависал Тарасов над Третьяком во время обеда на тренировочной базе. Третьяк демонстрировал «алиби» — ложку: ем, мол, а Тарасов ему: «Одной рукой вы должны есть лапшу, а другой в это время — мячом играть».

В 1969 году Тарасов первый раз взял Третьяка на южный подготовительный сбор. После тренировки все хоккеисты пошли купаться в море. Стоило только Третьяку войти в воду, как Тарасов к нему — с тем же вопросом: «Молодой человек, а где ваш мяч?» Пришлось Третьяку пришивать к трусам карманчик, и мяч всегда находился при нем. Каждое утро Третьяк подходил перед зарядкой к стенке и выполнял специально разработанные для него Тарасовым упражнения — жонглировал двумя руками с использованием отскоков от стенки: динамичная эмоциональная тренировка реакции.

Историю с мячом — в столовой, в море, вообще везде — Мишаков и Фирсов как-то раз использовали для забавной и безобидной подначки Третьяка. Они поехали в Институт

физкультуры сдавать экзамен по анатомии. Преподаватель попался строгий. Сдать с первого раза не вышло. Мишаков и Фирсов отправились на базу в Архангельское, прихватив с собой с разрешения преподавателя скелет — якобы позаниматься. Вернувшись в свою комнату из кинозала, Третьяк обнаружил на кровати скелет с нахлобученной на череп шапочкой вратаря и с теннисным мячом в костлявой ладони.

Третьяк опровергает утверждение, будто Тарасов заставлял его отражать по дюжине шайб, одновременно посланных в ворота. Но подтверждает, что одним из важнейших на тренировках было испытание частыми бросками с сокращающимся по команде тренера временным интервалом: из правой зоны площадки, из левой, по центру, справа, слева… В некоторых случаях Тарасов сам становился перед Третьяком и старался закрывать вратарю обзор, маячил перед его глазами, клюшкой пытался помешать ловить шайбу. Иногда Тарасов выставлял на «пятачке» двух защитников. Они мешали Третьяку, которого в это время обстреливали с разных точек. Всё это — моделирование игровой ситуации. Тарасовские занятия Третьяк спустя годы использовал в работе с вратарями «Чикаго Блэк Хоукс», куда легендарного голкипера руководители клуба призвали на помощь.

Тарасов приучил Третьяка играть «по глазам». Это самое сложное во вратарской науке. Со стороны кажется, что голкипер обладает даром предвидения и заранее знает, куда полетит шайба. «Это приходит с опытом, молодой вряд ли так сможет, — говорит Третьяк. — Сколько я ни учил вратарей, от силы один-два переняли такое. Для большинства это слишком сложно».

Летом 1967 года Тарасов пригласил юношу на занятия мастеров. В распоряжении тренера было три вратаря — Виктор Толмачев, Николай Толстиков и Владимир Полупанов. Для специальных поточных тренировок понадобился четвертый. Пятнадцатилетний Третьяк в отведенные ему две недели тренировочных занятий вместе с теми, на кого он смотрел, словно на иконы, — Локтевым, Альметовым, Александровым, Фирсовым — из кожи вон лез, стараясь выполнять каждое упражнение. «Я привозил своим новым друзьям яблоки из нашего сада, — вспоминает Третьяк. — Начал нарочно косолапить, подражая Евгению Мишакову. В разговоре норовил ввернуть любимые словечки своих кумиров, носил за ними клюшки. Гордился тем, что живу вместе с ними в пансионате ЦСКА возле стадиона на Песчаной улице». «Не слушай похвал, — предупреждал Третьяка Тарасов. — Когда тебя хвалят, тебя обкрадывают. А если я тебе делаю замечание, значит, ты мне нужен».

Тарасов втолковывал своим подопечным, что играть в хоккей несложно — тяжело тренироваться. «Если сможешь 1350 часов в год тренироваться так, чтобы тебя подташнивало от нагрузок, — говорил Тарасов Третьяку, — тогда чего-нибудь добьешься». Суть не в цифрах — Тарасов, конечно, преувеличивал. Суть в постоянном тяжком труде, только благодаря которому можно достигать вершин.

Однажды приехавший на тренировку на только-только купленных «Жигулях» восемнадцатилетний Третьяк поставил машину рядом с тарасовской «Волгой». «Молодой человек, вы машину приобрели?» — удивился Тарасов. — «Да. Вы же сами мне разрешение подписали». — «Подписать-то подписал, а вот насчет ездить я вам, молодой человек, ничего не говорил. Раза два в неделю — пожалуйста. Но в остальные дни, будьте добры, в метро. Больше вам, молодой человек, пешочком следует ходить. Да и в метро потолкаться полезно…» Третьяк совет выслушал, но в метро «толкаться» не стал. Просто оставлял машину подальше от ледового дворца и пешочком являлся на тренировку.

Третьяку, по его признанию, требовательность Тарасова никогда не казалась чрезмерной. Он понимал тогда и особенно хорошо стал осознавать это после завершения карьеры: максимализм Тарасова продиктован желанием сделать наш хоккей лучшим в мире. Тарасов был весьма строг по отношению к самому себе, о высоком уровне его личной организованности и целеустремленности говорят по сей день. Он на дух не переносил даже малейших проявлений разгильдяйства, лукавства и — особенно — лени. «Иди щей солдатских похлебай, сравни, где лучше» — любимое напутствие Тарасова нарушителям внутрикомандной дисциплины, отправленным в спортивную роту на перевоспитание при помощи кирзовых сапог и метлы. Охоту продолжать эксперименты с расхлябанностью отбивала даже неделя, проведенная в спортроте под надзором прапорщика, которому всё равно, кого ставить на место — обычного рядового или хоккеиста из ЦСКА.

«Я многим обязан Тарасову, — говорит Третьяк. — И даже то, что некоторые склонны выдавать за его причуды, я отношу к своеобразию методов тарасовской педагогики».

«Мы, тренеры, — рассказывал Тарасов, — предложили Владиславу совершенствовать мастерство не только на зрительном, но и на так называемом интуитивном восприятии тех ситуаций, в которых вратарь оказывается в ходе матча. Элементарный расчет показывал, что полет шайбы после броска с каждым годом все убыстряется и среагировать на нее при дистанции 7-8 метров не в состоянии даже самый “быстрый”

страж ворот. Помочь в этой ситуации могло только предвидение, но воспитать, развить это чувство непросто. Нужен был пытливый, с высокой культурой, способный к самоанализу спортсмен. Таким и оказался Владислав Третьяк.

Конечно, новые задачи потребовали нового содержания тренировок, подбора новых, чрезвычайно сложных упражнений. На все это Владислав шел без оглядки, не сомневаясь в конечном успехе и не жалея себя.

Ни разу за 20 лет служения хоккею Третьяк не опоздал на тренировку. Ни разу я не видел у него перед занятиями кислую физиономию. Владислав всегда был бодр. Всегда весел. С ним приятно было тренироваться. С ним уютно жилось команде.

Сейчас, вспоминая прожитые в хоккее годы, считаю за счастье, что мне довелось работать с таким спортсменом, как Владислав Третьяк. Нам, тренерам, не приходилось тратить свою нервную энергию на административно-воспитательные меры. Мы могли с полной отдачей передавать таким хоккеистам, как Владислав, свои знания. Мы, тренеры, от таких спортсменов получаем не только радость, но и много поучительного для себя. И успеху этих выдающихся игроков мы радовались по-особому — знали, были уверены, что такой спортсмен будет долго верой и правдой на любом — и не только хоккейном — поприще служить Родине.

В нашем активном, атакующем хоккее мы главную роль зачастую отводим форвардам, ценим активных защитников. Все это в принципе правильно. Однако начало всех тактических начал, в этом я убежден, — мастерство вратаря.

Несколько лет назад осенью встречаю Владислава, вернувшегося после серии матчей за рубежом. Спрашиваю:

— Как дела?

— Трудными матчи оказались… Оборона наша с провалами играла…

— Чудак ты! — говорю. — Твои тренеры поступили мудро — дали тебе по осени возможность вдоволь наиграться, укрепить мастерство, уверенность в себе. А если бы защитники не ошибались…

Я привык к тому, что меня считают человеком крайностей. Однако мои крайности просто конечное звено логической цепи, большую часть которой я зачастую, признаюсь, опускаю. На этот же раз продолжу недосказанное в разговоре с Третьяком.

Так вот, если защитники не ошибаются и оборона очень надежна, вратарь принимает небольшое участие в игре и, как следствие, не растет. Убежден, часть оборонительной работы страж ворот должен принять на свои плечи — тогда с форвардов

и защитников можно снять часть их оборонительных функций, тогда можно воплощать в жизнь истинный атакующий стиль. Именно это и помогал мне делать Владислав.

Впрочем, Третьяк был опорой тренеров во всем. В сознательной дисциплине, в постоянном совершенствовании знаний, в умении настроить ребят на каждый матч.

Да что говорить, без таких честолюбивых, преданных хоккею, знающих цену коллективному труду спортсменов ни одному тренеру не под силу создать действительно классную команду, не под силу безболезненно проводить омоложение.

Владислав Третьяк очень помогал и мне, и позже, верю, Виктору Тихонову смело вводить в состав молодежь. Пару-тройку лет назад в составе армейцев появлялись целые группы молодых, и хотя под рукой тренера была пятерка Ларионова — выдающиеся форварды и защитники, палочкой-выручалочкой в трудные минуты становился все же Владислав Третьяк.

Не случайно и сейчас, когда Третьяк уже не выступает, по нему всё равно сверяют мастерство и игроки и тренеры…»

Третьяк рассказывал, как Тарасов однажды сразил его «наповал». После победы в одном из ключевых для ЦСКА матчей в чемпионате страны Тарасов вызвал вратаря, едва успевшего принять душ и переодеться, в тренерскую комнату.

— Молодой человек, что вы думаете о сегодняшней игре?

— Как что? Команда здорово сыграла. И я вроде не подвел. Все нормально.

— Вижу, не разобрались, что к чему. Идите и подумайте. Жду через десять минут.

Третьяк пытался догадаться, на что намекает мэтр, но тщетно.

— Анатолий Владимирович, мы же вчистую их переиграли. Какие еще могут быть вопросы?

— А у вас, молодой человек, в матче я заметил техническую погрешность, совершенно недопустимую для вратаря ЦСКА. Так что будьте любезны явиться завтра утром в зал и повторить два упражнения для этого элемента — по 500 раз. Ясно?

— Ясно.

На следующий день, когда команда не тренировалась, Третьяк приехал в зал и проделал все названные Тарасовым упражнения. При том что никто за ним не следил.

Рассказывают, что какому-то провинившемуся игроку Тарасов «выписал» 50 кругов по площадке с отягощениями. В пустом Дворце спорта хоккеист принялся выполнять указание тренера. На следующий день Тарасов спрашивает: «Ну как?» — «Все выполнил, Анатолий Владимирович» — «Все, говоришь? А почему

самовольно задание на два круга сократил?..»

Тарасов и Чернышев стали постепенно подпускать Третьяка к сборной в конце 1969 года. На известинском турнире в Москве семнадцатилетний вратарь дебютировал в игре с финнами. До 1972 года первым голкипером сборной он не был. Иногда проводил матчи полностью, иногда выходил на подмену. После 1972 года он стал «номер 1» в сборной, но Тарасов продолжал гонять его, как прежде.

…В переполненном горьковском Дворце спорта в 1972 году провожали из хоккея Виктора Коноваленко, которого Тарасов называл «человеком без нервов». Коноваленко не играл за ЦСКА, но Тарасов считал, что без него не было бы и Третьяка. Объяснение этому простое: Владик около трех лет был у Коноваленко в запасе в сборной и наблюдал за ним: видел, что тому никогда не было больно, никогда не было трудно, никогда рядом с ним не возникала паника. Коноваленко любого мог поставить на место, прибегая иногда к последнему аргументу — тяжеленной клюшке.

Третьяк знал: если Коноваленко тренируется два-три раза в день, то ему нужно тренироваться четыре-пять раз. Он и тренировался, взяв у Коноваленко всё лучшее. Никаких уроков Коноваленко Третьяку не давал. Малоразговорчивый по натуре, он секретами мастерства не делился. Но Третьяк сам у него многое подсмотрел.

Мало кто знает, но на первой их встрече в 1957 году Тарасов отнесся к Коноваленко, мягко говоря, прохладно. Дмитрий Богинов, тренировавший горьковскую команду, однажды привез на тренировку ЦСКА молодого парня, из которого, по его словам, мог получиться неплохой вратарь. Тарасов лично проводил просмотр, бросал шайбу по воротам. «Я, конечно, волновался, — вспоминал ту тренировку Коноваленко. — Был, помню, такой момент: он сильно замахнулся, а я “нырнул” — вроде как испугался. Тогда еще такие вот инстинктивные движения самосохранения я не изжил, сами собой получались эти “нырки” от шайбы. И Тарасов говорит: “Никогда из тебя вратаря не получится — шайбы боишься”. А я тогда только-только начал чувствовать какую-то уверенность. Конечно, очень расстроился и думал: “Лишь бы Богинов ему не поверил!”».

Это был один из излюбленных педагогических приемов Тарасова — из «жесткого арсенала». Зародил сомнение в парне, неверие — выплывет или не выплывет? Прием опасный, что и говорить. Может сломать неуверенного в себе молодого человека. Но хоккей — не для слабых духом, не для тех, кто после первой же неудачи опускает руки и без борьбы становится пленником

обстоятельств. Тарасов признавал жесткость приема, но считал, что только так можно выяснить, насколько человек готов превозмочь невзгоды, тем более такие простые, по мнению Тарасова, как словесный щелчок по носу. Богинову же он тогда сказал: «Получится. К работе готов».

Через несколько лет, на одном из чемпионатов мира, Коноваленко напомнил Тарасову о тех смотринах. Тарасов сделал вид, будто не помнит этого эпизода: «Не могло быть такого». — «Как не могло? — удивился Коноваленко. — Было. Хорошо помню».

Первый раз Тарасов настоял на вызове Коноваленко в сборную в ноябре 1960 года — в Москве команда играла с канадским клубом. Вызвали срочно: горьковское «Торпедо» играло тогда в Сибири, и Коноваленко спешно вылетел в Москву — из одного часового пояса в другой. Тарасов сразу же спросил: «А что если завтра мы поставим тебя на матч? Или, может, отдохнуть хочешь, устал с дороги?» Коноваленко, конечно, устал — многочасовое ожидание самолета в аэропорту, перелет, другое время. Но попробуй скажи Тарасову «устал», тем более когда речь идет о дебюте в сборной! «Если поставите, буду играть… А чего не сыграть?» — вроде бы даже удивился Коноваленко.

«Меня, — написал Тарасов в книге «Совершеннолетие», — поразил тон ответа, какое-то необыкновенное спокойствие Коноваленко. Это, в общем-то, было странно. В то время мы с глубоким опасением относились к канадцам, ибо побеждали тогда лишь в редких случаях… Я никак не мог уразуметь, почему Коноваленко так спокоен — то ли это спокойствие напускное, то ли ему кто-то сказал о твердом решении тренеров поставить его на предстоящий матч. Чтобы проверить свои впечатления, я через 15-20 минут направился в комнату, где разместился Виктор. Он уже… спал. И тогда я понял, что у нас, наконец, появился вратарь, которого мы долго ждали, — вратарь с крепкими нервами, бесстрашный».

После того как Коноваленко, на день опоздавшего на тренировку сборной, не взяли на чемпионат мира в Стокгольм-69, была еще одна примечательная история.

В разгар чемпионата страны в Горький из Москвы пришел на Коноваленко вызов в сборную. В назначенный день горьковчанин появился в Лужниках.

— Ты зачем приехал? — спросил Тарасов.

Коноваленко не нашелся что ответить:

— Вызвали же меня.

— Ах, вызвали… Тогда завтра иди с утра в ЦК ВЛКСМ. А там посмотрим, как с тобой поступить.

Коноваленко побывал у комсомольцев, потом отправился в Спорткомитет. Встретившийся там Старовойтов удивился: «Ты чего здесь? Тебе давно на тренировке надо быть». В ЦСКА команда была уже на льду.

— Можно раздеваться, Анатолий Владимирович? — обратился Коноваленко к Тарасову.

— Нет!

Ответ вратаря ошеломил. Он взял баул с амуницией и пошел куда глаза глядят. По дороге решил вообще завязать со спортом. Вдруг — крик: «Виктор, остановись!» Подбежал массажист ЦСКА: «Виктор, тебя Анатолий Владимирович зовет». — «Нет, — ответил Коноваленко. — Не пойду. Он же меня прогнал». — «Виктор, но ты же знаешь его, — проникновенно сказал массажист. — Он хотел, чтобы ты прочувствовал… Если я без тебя вернусь, он мне этого никогда не простит».

«Вот каков был Тарасов! — вспоминал потом Коноваленко, в очередной раз в 70-м выигравший в составе сборной чемпионат мира. — Умел балансировать с нами “на грани фола” и добивался своей педагогической цели: нельзя было лучше прочувствовать наказание — лучше некуда!»

Тарасова привлекало в Коноваленко редкое качество: Виктор не умел врать. «Это большое счастье для тренера, — говорил Тарасов, — если его окружают спортсмены, не умеющие врать». Как-то раз Коноваленко отпустили из сборной домой только на два дня. Он вернулся на четвертый. «Мы, — говорил Тарасов, — догадывались, где он был. В Горьком есть такое местечко — Канавино. Кто бывал там, знает, что это». Коноваленко скрывать не стал: «Анатолий Владимирович, виноват. Хотите — накажите, хотите — отчислите. Задержали в Канавине». — «Ну а дома-то как?» — «А дома… Дома я так и не успел побывать». Вот таким людям, рассуждал Тарасов, «хочется прощать».

О нетерпимости Тарасова к любым проявлениям недисциплинированности знали все, кто с ним работал. Истории переходили от одного поколения хоккеистов к другому. Даже с Харламовым, на которого тренер, несмотря на свой крутой нрав, ни разу за все годы работы с ним не повышал голос, вышел один, как говорил сам тренер, «досадный случай, который, как ни парадоксально, только укрепил мое к нему уважение».

Харламов и его партнер по команде нарушили режим. За руку их не поймали, но у Тарасова не было никаких сомнений в произошедшем. Он отдал приказ о наказании обоих. Харламовский товарищ, имени которого Тарасов не назвал, отпирался и, как вспоминал тренер, «канючил до последнего». Харламов молчал. Тарасов спросил у него: «Может быть, ты тоже

считаешь себя невиновным?» Харламов ответил, что наказан по делу и вопросов у него нет.

Однажды на предсезонных сборах в Кудепсте после дневной тренировки Тарасов распорядился: «Всем спать два часа». Ветераны Вениамин Александров и Владимир Брежнев зазвали новичков команды — Бориса Михайлова и Владимира Петрова — на пляж. Поиграть вместо сна в преферанс. «Устроились, — вспоминает Михайлов, — за столиком под тентом — красота. Вдруг смотрим, Анатолий Владимирович купаться идет. Нас, конечно, как ветром сдуло. Но Тарасов “засек”. И потом на собрании снимал с меня и Володи Петро ва стружку: мол, если вы не выполняете мои указания, значит, я плохой тренер». Про Александрова и Брежнева не вспомнил, отношения с ветеранами старался не портить. Впрочем, он их по-настоящему уважал. Тарасов при всем его таланте прекрасно понимал, что не только он создал команду, но и она играет и, как говорят, «кормит его».

Глава одиннадцатая КАПИТАН МАЙОРОВ

Конечно же, Тарасов не любил «Спартак». С чего бы ему любить? Точно так же не любят ЦСКА связанные со «Спартаком» тренеры и игроки. Акопян со своим другом юности Борисом Растрепаевым, болевшим за «Спартак», часто ходил по бесплатным пропускам на матчи с участием ЦСКА, и Тарасов в шутку корил Бориса: «И не стыдно тебе? Ходишь на матчи с помощью ЦСКА, а болеешь за “Спартак”».

Но при этом Тарасов считал спартаковскую тройку мощной силой. Один только ее вклад в победу на Олимпиаде-64 в Инсбруке чего стоит! Евгений Майоров сравнял счет в важном матче с канадцами, который советская команда довела до победы, а всего на счету спартаковцев — треть заброшенных олимпийскими чемпионами шайб: 18 из 54. В Борисе Майорове Тарасов видел идеального капитана сборной. Армейско-динамовская «бригада» в сборной с одобрения Тарасова и Чернышева еще в 1962 году признала Бориса своим капитаном. Лишь однажды капитанский знак переходил к Виктору Кузькину — в 1966 году, а потом вновь возвращался к Майорову: капитанствовал он в сборной в общей сложности шесть сезонов. И это не выдумка: в критический момент одного из турниров Тарасов говорил капитану сборной Майорову — негромко, по пути в раздевалку: «Ну, Борис, давай, поднимай народ!» Это не домашняя заготовка, это из разряда тарасовских импровизаций, коих было множество. Он и сам обращался в тот раз к хоккеистам с пламенной речью: «Не все из вас еще вылезли из окопов!..»

Майоров у Тарасова безоговорочно проходил по разряду «настоящих мужчин хоккея». «В сборной, — вспоминал Тарасов, — всегда шло этакое рабочее соревнование между звеньями — по числу голов, количеству и качеству передач, силовых единоборств, приемов обводки… И никто так ревностно, побалуй, не следил за точностью в подведении итогов этого соревнования, как Борис Майоров. И “болел” он не за себя — за спартаковское звено. Крепко переживал, когда они, спартаковцы, уступали — а в те годы в сборной было немало сильных звеньев, укомплектованных именитыми хоккеистами, и, не скрывая, гордился, если удача приходила к ним, если в каком-нибудь матче звено форвардов из “Спартака” становилось сильнейшим. Замечательным игроком был Борис. И, как говорится, ко времени пришелся. В начале 60-х годов мы, тренеры сборной, круто

повысили ответственность спортсменов за самодисциплину, добиваясь абсолютно честного выполнения ими долга. И такой игрок-вожак, как Майоров — а мы со временем рекомендовали ребятам избрать его капитаном, — был необходим: спорт, как и сама жизнь, нуждается в живых примерах. Тем более что кроме качеств вожака у Бориса было немало и других чисто человеческих достоинств.

Надо сказать, сначала приобщение к сборной давалось Майорову и другим спартаковцам нелегко. Они привыкли у себя в клубе играть только на импровизационной основе, а здесь понадобилось еще и точное выполнение тренерских заданий. Такая перестройка плюс огромные физические нагрузки на тренировках — было трудно. Однако, уверовав в необходимость этого, Борис не только усердно трудился сам, но и стал примером для многих. Хоккей он любил истово. Никогда не сидел на скамейке спокойно — постоянно рвался в горнило борьбы. А когда выпускали мы его на лед, не выходил — вылетал как на крыльях. Был азартен и самолюбив — уступать ни в чем не хотел никому. В том числе и арбитрам — хоть удаляли Бориса довольно редко, но, по-моему, ни разу в жизни он с их решением не согласился…»

Борис Майоров признаётся, что лично у него «сложились с Анатолием Владимировичем не самые простые отношения». «У него, — говорит он, — был, скажу откровенно, сложный и подчас противоречивый характер; у меня натура — тоже не подарок. Однако это не мешало нам делать все возможное ради побед сборной СССР: ему — как тренеру, мне — как капитану команды. И в то время мне было ясно, что это выдающийся специалист. Впоследствии мне довелось подолгу работать и тренером, и функционером — величие фигуры Тарасова я оценил еще в большей степени».

Однажды Борис Александрович был выбран Тарасовым, не терпевшим благодушия в коллективе, «жертвой», на примере которой тренер повышал «тонус» остальных игроков. Утром перед одним из матчей канадского турне сборной была назначена тренировка. На 9.00. Борис Майоров выехал на лед минута в минуту, и вдруг под сводами хоккейного зала загремел тарасовский голос — акустика при пустых трибунах была что надо: «Молодой человек, вы опоздали на тренировку».

Майоров показал на часы, висевшие над одной из трибун. На них было ровно 9 часов: «Я вовремя явился». — «А я говорю — опоздали! Уйдите со льда и попросите разрешения участвовать в занятии». Майоров покинул лед, но никакого разрешения просить не стал, а молча ушел в раздевалку. Специально

спровоцированный Тарасовым конфликт, понятно, быстро был улажен (да и Чернышев, рассказывали хоккеисты сборной, вступился за Майорова). Но, вспоминает Майоров, «игроки после этого старались являться на тренировку заблаговременно, да и вообще не давать Тарасову малейшего повода для придирок». Тарасов и в клубе всегда требовал, чтобы на тренировку игроки являлись заранее и за пять минут до ее начала были на льду.

Константин Локтев, уже побывавший в тренерской шкуре, считал некоторые Тарасовские приемы сомнительными. Но понимал: Тарасов хотел сбить с них «спесь, появившееся чувство незаменимости, чувство постоянного превосходства». По мысли писателя Александра Нилина, «лишал их иллюзии неуправляемости, догадываясь, конечно, что таких больших игроков от этой иллюзии вряд ли надолго излечишь…».

Борис Майоров всегда был для Тарасова желанным игроком. Комментируя в новейшие времена возможное возвращение на лед ветерана, генерального менеджера клуба Сергея Федорова в качестве игрока ЦСКА и предупреждая бывшего хоккеиста о жестоком разочаровании, которое ждет фанатов ЦСКА («В таком возрасте полтора года без тренировок — бездна. Даже выдающимся талантом ее не покроешь»), Майоров рассказал, как однажды сам оказался перед таким же выбором. Закончил карьеру, не играл два года. И вдруг Тарасов предлагает вернуться. Говорит: «Очень нужен левый крайний. Знаю, что ты человек добросовестный, подготовишься. А я гарантирую место в сборной на Олимпиаде-72 в Саппоро». Майоров даже раздумывать не стал: «Анатолий Владимирович, я закончил». «Что б он и не надеялся, — объяснял потом Борис Александрович. — Надо же быть честным по отношению к себе».

С годами Борис Майоров, как он сам признаётся, понял, что с прекращением игроцкой карьеры поспешил. Эмоции тогда — загорелось стать тренером — перебили все разумные чувства. «Спартак» лихорадило. Травма не давала Борису возможности помочь любимой команде. Майоров ушел со льда спокойно. Он свыкся с фактом: травма правой ноги не позволит ему играть в полную силу. Из-за травмы он решил отказаться от участия в чемпионате мира 1969 года в Швеции, о чем заранее уведомил Тарасова и Чернышева. После чемпионата мира, правда, Майоров сыграл несколько матчей внутрисоюзного первенства, но они фактически стали прощальными в карьере игрока.

Начальники из общества «Спартак» и профсоюзные деятели в один голос уговаривали: «Место главного тренера мы для тебя приготовили». Майоров согласился, и его кандидатуру быстро утвердили во всех инстанциях, в том числе в самой главной —

горкоме КПСС. Морально он к таким переменам готов не был, но понял это гораздо позже. На второй год работы Майорова в «Спартаке», когда игра у команды не очень-то и клеилась, вокруг тренера, как это частенько бывает, завертелись интриги. Тогда-то Тарасов и выступил в «Литературной России» со статьей «В защиту Бориса Майорова». «Тарасов, — говорит Майоров, — захотел, видимо, объяснить всем, что у меня есть необходимые для тренера качества. А чтобы они проявились в полной мере, нужно время».

А ведь о взаимоотношениях Тарасова с Майоровым ходили порой небылицы. Непростые характеры обоих время от времени становились причиной конфликтов, один из которых привел к отчислению из сборной брата Бориса — Евгения.

Впервые в истории «Спартак» выиграл чемпионат СССР в 1962 году. В решающем матче с ЦСКА за четыре минуты до конца встречи Евгений Майоров сравнял счет — 4:4. Удачный кистевой бросок спартаковца недоброжелатели Тарасова и стали спустя годы называть веским основанием для тарасовской мести.

«Евгений Майоров, — писал, например, журналист Владимир Дворцов, — заброшенной шайбой превратил тренера армейцев из высокомерного недоброжелателя во врага…» «Зная Анатолия Владимировича, — вторит Дворцову историк хоккея журналист Семен Вайханский, — можно удивиться лишь тому, что ему потребовалось целых два сезона, чтобы расквитаться с “обидчиком”».

Так и видится: не спит Тарасов два сезона, не ест, а всё думает: как же отомстить спартаковскому нападающему за заброшенную в ворота ЦСКА шайбу… Но если бы Тарасов мстил всем хоккеистам, забрасывавшим шайбы и забивавшим голы в ворота команд, которые с 28-летнего возраста тренировал, он бы попросту сошел с ума. Что же до той неудачи в 1962 году, то причину Тарасов, как практически всегда он делал при поражениях, искал только в себе и своих игроках. Гол Евгения Майорова был для него всего лишь досадным эпизодом, без которых не обходится ни один турнир. А кроме того, как раз тогда, возглавив вместе с Чернышевым сборную, Тарасов неизменно, и в 1962-м, и в 1963-м, и в 1964 годах вызывал в национальную сборную спартаковскую тройку — братьев Майоровых и Старшинова.

На чемпионат мира 1962 года сборная по политическим причинам не ездила. Через год началось ее триумфальное десятилетие, и Евгений Майоров, в числе прочих, дважды становился чемпионом мира и один раз — олимпийским чемпионом. В общей сложности он провел в составе сборной пять

сезонов, сыграл 45 матчей и забросил 19 шайб. Ну а потом, начиная с чемпионата мира 1965 года в Тампере, Евгений в сборной больше не появлялся.

Евгений Рубин в книге «Пан или пропал!» утверждал, будто «тренеры сборной» (Тарасов, а вместе с ним, выходит, и Чернышев) «отводят кандидатуры игроков чужих клубов по корыстным соображениям». Обвинение, что и говорить, серьезное! «Обычно после обеда, — ссылается Рубин на рассказ тарасовского ассистента в ЦСКА Бориса Кулагина, — мы отдыхали на своих койках и беседовали. Верней, Анатолий проверял на мне свои идеи. Однажды во время такого вот послеобеденного возлежания он спросил: “Как считаешь, при наших трех тройках нападения обязаны мы победить в Любляне (на чемпионате мира 1966 года. — *А. Г.*)?”- “Да, — отвечаю, — обязаны”. — “А двух — альметовской и фирсовской — хватило бы?” — “Думаю, да”. — “И я так думаю. А раз так, на кой ляд мне в сборной готовить противников для ЦСКА? Женьку я отцеплю“. — “А кого вместо него возьмешь?” — “Не все ли равно? Кого-нибудь подберем”».

Этот же рассказ повторяет и Семен Вайханский в «Золотой книге сборной СССР по хоккею». Только у него речь идет о чемпионате мира в Тампере 1965 года, да еще и Кулагина он почему-то называет «свояком» Тарасова, утверждая, что два тренера «были женаты на родных сестрах» (это чистой воды вымысел!).

Спартаковского форварда не было на чемпионате мира в Тампере. На его место взяли Ионова, а в Любляне тройку с Борисом Майоровым и Вячеславом Старшиновым составил Виктор Якушев.

Ну и что из этого следует?

Когда Бобров не берет в Прагу-72 Фирсова и проигрывает там — это, получается, нормально. Когда Кулагин не берет в Катовице-76 Петрова — это тоже в порядке вещей. Когда же Тарасов (вместе с Чернышевым) не берет в Тампере-65 Евгения Майорова с его хроническим вывихом плеча, тренер — деспот и даже, по определению Е. Рубина, «злодей».

Любители домыслов могут сочинять всё что угодно — от нелепой «мести Тарасова» за шайбу, заброшенную в ворота ЦСКА, до «избавления в сборной от ненавистного Тарасову спартаковского духа». Но стоит всё же, думается, придерживаться версии, изложенной братом Евгения Борисом в книге «Я смотрю хоккей». Борис Александрович подробно рассказывает о том, что произошло во время традиционного новогоднего турнира — Мемориала Брауна, проходившего в хоккейном зале

американского курорта Колорадо-Спрингс:

«Турнир выдался очень тяжелым. Сборные СССР, Чехословакии и Канады играли между собой в два круга. Сначала мы обыграли и тех и других, а потом потерпели поражение от Чехословакии. Чтобы завоевать первый приз, мы обязательно должны были победить канадцев. А накануне получили довольно серьезные травмы Александров и мы с братом. Положение Женьки осложнилось тем, что он уже страдал одной тяжелой и хронической травмой — привычным вывихом плечевого сустава. При всяком резком столкновении с противником, если плечо не удавалось уберечь, Женька надолго выходил из строя, причем любое движение сопровождалось мучительной болью. А тут, как назло, он повредил другое плечо. Это означало, что на поле он должен был выйти практически безоружным, ведь в нынешнем хоккее беспрерывное силовое единоборство неизбежно, а тем более, когда играешь с канадцами».

Борис Майоров называет характер своего брата «скверным»: «Он вскипает моментально. И тогда его язык намного опережает мысли. Чаще всего он сам потом жалеет о сказанном. Но слово не воробей… Так было и на собрании команды перед тем матчем с канадцами. Александров объяснил ясно, толково и спокойно, почему он не может выйти на поле, и был освобожден. А когда настала очередь Женьки и от него потребовали, чтобы он принял участие в игре, он тут же распалился и вместо того, чтобы рассказать всё, как есть, брякнул:

— Ну вот, буду я еще перед публикой позориться!

Тогда же, на собрании, тренеры обвинили его в эгоизме, пренебрежении интересами коллектива и прочих семи смертных грехах. А он не нашел ничего лучшего, как в ответ нагрубить, да еще и хлопнуть дверью».

Несдержанным, горячим и азартным был и Борис Майоров. Слыл неуступчивым в любом деле. Даже проигрыши в простейшей карточной игре с женой выводили его из себя. Он постоянно спорил на площадке с судьями и сам потом признавался, что за две, как минимум, сотни попыток воздействовать на арбитров ему лишь однажды удалось переубедить рефери.

Из-за семейной несдержанности у братьев порой возникали сложности во взаимоотношениях. «Мы же двойня, — рассказывал Борис, — в детстве дело часто доходило до драки. Да и в командах мастеров тоже случались эксцессы. Однажды мы даже в сборной сцепились, начали друг на друга кулаками замахиваться на скамейке запасных. Дело было на чемпионате мира 1961 года в Швейцарии. Играли против сборной ГДР, и нашему звену во

главе с центрфорвардом Вячеславом Старшиновым никак не удавалось отличиться. После одной из смен Женька вдруг попер на меня, я ответил. В итоге чуть не подрались. Наставник сборной Аркадий Чернышев был вынужден отправить нас в раздевалку. Сидим, дышим тяжело, друг на друга не смотрим, — а матч-то идет! Говорю: “Пошли, надо извиниться”. Но Женька уперся и ни в какую: мол, он не виноват. Насилу его уломал…»

Ни Тарасов, ни Чернышев не могли примириться с таким поведением игрока сборной. Они уже тогда, в Колорадо-Спрингс, приняли решение заменить Евгения Майорова, и Тарасов сумел настоять на кандидатуре Ионова. Ничего удивительного в этом нет. Ионова он хорошо знал, видел в нем игрока исключительно надежного, исполнительного, обладающего несомненными бойцовскими качествами, мужественного.

К игрокам мужественным Тарасов питал особые чувства. Однажды сборная играла в Москве на известинском турнире с чехословацкой командой. В концовке второго периода при счете 2:2 в атаке на ворота соперника Виктор Полупанов получил от Сухи удар в лицо — бил защитник наотмашь. Полупанов, несмотря на кровь, хлынувшую из носа и рассеченной надбровной дуги, из эпизода не выключился, продолжал атаковать, получил от партнера шайбу и забросил ее в ворота. Все сидевшие на скамейке сборной вскочили на ноги. Встал и Тарасов, сидевший у бортика. Встал и громко сказал: «Спасибо, Витька!» И — после паузы: «Не за то, что забил каким-то чехам, а за то, что мужество проявил!» После такой шайбы и таких слов сборная взялась за дело и не оставила соперникам ни малейших шансов.

В одном из первых матчей на Олимпиаде-72 в Саппоро Борис Михайлов травмировал колено. Возникли проблемы с внутренним мениском и боковой связкой. Огромная гематома, колено вздулось. Олег Белаковский, легендарный врач советской команды, созвал коллег из других команд, благо жили все рядом, в Олимпийской деревне, — на консилиум. Осмотрев Михайлова, коллеги вынесли вердикт: «Это — на полтора месяца». В спортивных разделах газет всех стран, участвующих в хоккейном турнире Олимпиады, тотчас появились сообщения с том, что Советский Союз потерял лучшего игрока. Михайлов же, передвигавшийся на костылях, сказал Белаковскому: «Делайте что угодно. Но я должен играть. Хочу и буду». «Мы сделали ему, — вспоминает Белаковский, — новокаиновую блокаду, надели на колено фиксирующую повязку. Тарасов и Чернышев выпустили Бориса в третьем периоде матча с поляками. В третьем все обычно устают, меньше силовых приемов. Борю мучили чудовищные боли, но он вышел на решающую игру с

Чехословакией и забросил в победном матче шайбу. После Саппоро Михайлов почти месяц провел в больнице».

Тарасов от всех хоккеистов, игравших под его началом, ждал таких проявлений мужества. Ничего хорошего в том, что игрок, вместо того чтобы проходить планомерный и целенаправленный курс лечения в госпитале, под уколами, на фоне нестерпимой боли выходит на лед, а потом на месяц отправляется в больницу, для здоровья нет. Неизвестно, какими могли бы стать для Михайлова последствия произошедшего в Саппоро. Но так уж он воспитан — хоккеем, Тарасовым, партнерами по ЦСКА.

По словам Белаковского, Тарасова «жутко раздражало, когда врачи пытались по медицинским показателям освободить игроков от тренировки». «Реакция, — вспоминает Белаковский, — была примерно такой: “Подумаешь! У меня тоже была такая травма — и ничего, терпел!”» Он не переносил, когда кто-то пропускал тренировки. «Не превращайте команду в госпиталь!» — говорил он Белаковскому. Тот выработал свою тактику. Как-то Харламов получил тяжелую травму бедра. Доктор — к Тарасову: «Хочу с вами посоветоваться. Валерке тренироваться нельзя. Утром он пропустит, а вечером в костюме немного покатается». — «Знаешь, Алик, — ответил Тарасов. — Ты не совсем прав. Команда должна знать, что в строю — все. Поэтому во время утренней раскатки пусть он постоит около тебя, а вечером покатается».

Спортивным врачом Олега Марковича Белаковского фактически сделал Бобров. Он настоял, чтобы его друг, с которым он учился в одной школе в Сестрорецке, был назначен доктором футбольно-хоккейной команды ВВС в 1951 году, когда Белаковский приехал в Москву на медицинские курсы и поселился, как всегда, у Боброва. Тарасов в 1970 году уговорил Белаковского, офицера, работавшего в армейском диспансере, перейти из футбольной сборной в хоккейную. Тарасову всегда хотелось, чтобы в сборной было как можно больше обслуживающего персонала из ЦСКА. Да и врач ему срочно понадобился. До Белаковского с хоккеистами работал врач Алексей Васильев. Его превратили в невыездного после того, как он в присутствии сопровождавшего сборную сотрудника КГБ похвалил в Финляндии местные молочные продукты, сказав, что они гораздо лучше, чем в СССР. «Честно говоря, — вспоминал Белаковский, — перспективе трудиться бок о бок с Тарасовым я не слишком обрадовался. Конечно, тренер гениальный, но знающие люди не скрывали, что работать с ним — все равно что с тигром целоваться».

Тарасов становился невыносимым, когда доктора настаивали на освобождении травмированных или больных хоккеистов от

тренировок. Таких, как он, в спортивном мире немало. Они как личную обиду воспринимали появление врачей, принимавшихся объяснять, по каким причинам тот или иной игрок не должен принимать участие в тренировке. Точно так же как Тарасов, бурчали на врачей, а порой раздражались на них и вскипали Константин Иванович Бесков и Валерий Васильевич Лобановский — знаменитые футбольные специалисты. Один из учеников Лобановского Владимир Бессонов, сам, к слову, будучи игроком, выходивший на занятия и принимавший участие в матчах даже травмированный, любил повторять, став тренером, когда-то услышанное от учителя: «Для меня существует только одна травма — перелом. Желательно открытый, чтобы я мог видеть». И с присущим ему юмором добавлял: «От тренировки футболиста могу освободить только при наличии справки. Из морга».

Тренеру Владимиру Плющеву запомнилось, как Анатолий Владимирович, строго отчитывая одного игрока, сказал ему: «Даже если тебе больно, ты не имеешь права показывать это ни соперникам, ни трибунам. В раздевалке сиди и скули, если больно, и разговаривай с врачом. А здесь ты не должен показывать свою слабость. Игрок — это боец».

Белаковскому понадобилось время на то, чтобы найти к Тарасову подход. Поначалу же между ними возникали конфликты. «В 1971 году, — рассказывал Белаковский, — накануне чемпионата мира в Швейцарии сборная проводила товарищеский матч с местным клубом и выигрывала с крупным счетом, то ли 12:1, то ли 14:1. В начале второго периода Владимиру Шадрину черенком клюшки нанесли удар в область почки. Я сообщил об этом тренерам. Чернышев ответил: “Ладно, пусть отдыхает”. Тарасов промолчал. В этот момент травмировался еще кто-то из наших, я поспешил на помощь, а вернувшись на скамейку запасных, обнаружил, что Шадрин снова на льду». После матча Белаковский, попытавшийся узнать, зачем выпускали играть Шадрина, в ответ услышал: «Не ваше дело». Но когда врач на следующее утро собрался отправиться с Шадриным в клинику на обследование, Тарасов прилюдно отчитал Белаковского за то, что тот устроил в команде лазарет и мешает готовиться к чемпионату мира. Белаковский — не робкого десятка, воевал, был ранен, свое дело знал отменно. Вернувшись из клиники, он поднялся в номер к тренерам и сказал: «Если не доверяете, можете сегодня же отправить меня в Москву». Чернышев, которого на зарядке не было, поинтересовался: «Что случилось?» Белаковский рассказал. «И тогда, — вспоминал Олег Маркович, — тихий, интеллигентный Аркадий Иванович благим матом стал орать на Тарасова». Тарасов неделю не разговаривал с

Белаковским.

Шадрин же, поставленный к началу турнира врачом на ноги, забросил в Швейцарии 6 шайб и выиграл вместе с партнерами чемпионат. Тарасов извинился перед Белаковским и прилюдно благодарил его. «До последних дней жизни Анатолия Владимировича, — вспоминал Белаковский, — мы сохранили добрые отношения».

Всё тот же журналист В. Дворцов назвал Евгения Майорова «бунтарем». Но это слово здесь никак не подходит. «Бунт» могли бы устроить Борис Майоров и Старшинов, в ультимативной форме отказавшись ехать на чемпионат мира без Евгения. Их, однако, хватило лишь на то, чтобы отправиться на прием к председателю Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР Юрию Машину, рассказать ему о своих сомнениях по поводу нового партнера в тройке. Визитеры попросили Машина поговорить с тренерами сборной и уговорить их вернуть Евгения в звено. Машин обещал. Возможно, что действительно поговорил. Но тренеры были непреклонны. И не только из-за демарша в Колорадо-Спрингс. По причине хронической травмы Евгения Майорова тоже. Он из хоккея ушел рано — не было и тридцати. «Сказалась старая травма, которая с годами давала знать о себе все сильнее, — считает Борис Майоров. — Но не последнюю роль сыграло и уязвленное самолюбие… Женька, чувствуя себя ничем не хуже нас со Старшиновым и продолжая играть вместе с нами в “Спартаке”, должен был на время мировых чемпионатов и международных турниров отходить в сторону и уступать свое законное (так считали и он, и мы) место кому-то другому». Борис Александрович, правда, допускает, что в его суждениях можно усмотреть признаки пристрастности, поскольку речь идет о его брате: «И все же я настаиваю не своем: судьбу моего брата решили соображения не деловые».

«У нас, — отмечал Борис Майоров, — был авторитет игроков, а состав определяли авторитетные тренеры, которые объясняли нам, что играть в тройке, по их мнению, должен Ионов, а не Евгений Майоров. И точка. И что после этого мне со Старшиновым оставалось делать — голодовку или забастовку объявлять? Хотя в душе мы, конечно, переживали, что с нами на чемпионате нет Жени, с которым нам играть, понятно, легче, чем с новобранцем тройки».

И еще одна цитата. «Никогда не шел против тренеров, — говорит Борис Майоров. — Состав на турнир определяют наставники, это закон. Но если бы вместо Евгения поставили игрока, который был явно сильнее, никаких вопросов бы не было.

Ионов замечательный человек, но не смог заменить брата. На том чемпионате мира он мучился с нами, а мы с ним. Старшинов его так задергал, что Ионов прямо на скамейке запасных заплакал. Анатолию Семеновичу нужны были подходящие партнеры. Ведь выиграл он олимпийское золото в 1968 году вместе с Евгением Мишаковым и Юрой Моисеевым. Не могу понять, чем тогда руководствовался тренерский штаб. Да, наставники не должны объяснять хоккеистам свои решения. Но со мной и Старшиновым могли бы посоветоваться. Хотя бы объяснить причину. Более того, в СССР, если ты выпадал из обоймы первой сборной, тебе давали шанс реабилитироваться во второй команде. Брат сыграл одну встречу, стал лучшим хоккеистом по ее итогам. Но его отцепили и от второй сборной. Видимо, боялись, что он и дальше будет играть в том же духе. Придется брать обратно, а не хотелось».

У Тарасова своя точка зрения и своя правда: «…Расскажу, как Анатолий Ионов попал в сборную страны в 1965 году. Перед началом первенства мира по хоккею, которое проходило в небольшом финском городке Тампере, стало ясно, что в сборной открылась вакансия: Евгений Майоров не может выступать в ее составе. В то время как все его товарищи, непрерывно совершенствуя свое мастерство, с каждым годом играли всё надежнее и увереннее, Евгений не рос как хоккеист. Он и раньше был значительно слабее своих партнеров по звену, но мы вынуждены были мириться с этим: не было более сильной замены. Но вот несколько хоккеистов по классу своей игры достали Евгения. Кроме того, и это очень важно, изменился характер нашей игры: современный хоккей требует, чтобы каждый спортсмен был бойцом. А Евгению не всегда хватало силенки и выдержки.

Были выдвинуты два кандидата — Анатолий Ионов и Юрий Моисеев. Оба они играют в одной тройке ЦСКА. Я не раскрою, видимо, большой тайны, если расскажу, что вначале тренерский совет склонялся в пользу Моисеева. Юрий — талантливый, очень быстрый хоккеист. Прирожденный крайний нападающий. Необыкновенно устойчивый на коньках, он после самых резких столкновений с защитниками все-таки умудряется не потерять шайбу, может эффективно обойти нескольких соперников и создать голевую ситуацию. Своей подвижностью Моисеев буквально вымучивает соперников.

Всеми качествами опасного нападающего обладает и Анатолий Ионов. Правда, проявляются они у него менее эффектно. И поэтому, играя в одном звене с Моисеевым, Анатолий как-то теряется на фоне бурной, темпераментной, искрометной игры Юрия. Создается зрительное впечатление, что

Моисеев играет просто лучше. И потому на его долю так часто достаются аплодисменты зрителей.

Однако все эти хорошие качества Юрия Моисеева подчас мешают ему. Увлекаясь индивидуальной игрой, он может порой и забыть о товарищах, передержать шайбу, опоздать с пасом. Нам же в сборной команде нужен был спортсмен, который, играя рядом с Вячеславом Старшиновым, хоккеистом, как нам подсказывало чутье, “среднего и ближнего боя”, то есть с хоккеистом, особенно опасным вблизи ворот соперника, был бы в состоянии постоянно создавать Старшинову условия для взятия ворот, сам оставаясь как бы в тени.

И потому звено это усилилось не только оттого, что Ионов заменил Евгения Майорова, но и оттого, что в новом амплуа еще ярче засверкал талант Старшинова. Я сомневался, что Юрий Моисеев сможет до конца подчиниться такому тренерскому замыслу. Но был уверен, что Ионов при его скромности и необыкновенной доброжелательности к людям, при его внимательнейшем отношении к товарищам, при его искреннем желании всегда играть так, как это нужно коллективу, с этой задачей справится.

Так и получилось. Анатолий успешно дебютировал в чемпионате мира и играл, прямо скажем, здорово».

Ионов рассказывал, что Старшинов и Борис Майоров, огорченные тем, что в тройке нет больше Евгения Майорова, доводили его «до слез». «То пас не дадут, то пробросят шайбу специально мимо, — вспоминал он. — Вне катка вообще не разговаривали». Ионов хотел даже отказаться от поездки на чемпионат мира. Когда сказал об этом Тарасову, у того брови взлетели: «Что-о-о-о?» Тарасов и Чернышев поговорили со спартаковцами, и тройка эта на чемпионате мира сыграла классно.

Вопрос о том, кому играть в спартаковской тройке, возник и перед чемпионатом мира 1966 года в Любляне. Решился он не сразу. Борис Майоров и Старшинов «нацелились» на Фирсова. Тарасов и Чернышев сошлись на том, что пусть решает команда. Но Фирсова при этом Тарасов уже видел только вместе с Викуловым и Полупановым. Анатолий Владимирович попросил Локтева переговорить со спартаковцами. Локтеву удалось убедить их в том, что Фирсов им не нужен, поскольку они оба, как и Фирсов, любят играть впереди. А кто же тогда сзади? «Лучше Виктора Якушева не найти, — сказал Локтев. — Он и сзади сыграет, и впереди». Локтев вспоминал, что на собрании команды идею о Якушеве озвучил Борис Майоров.

…На центральной аллее Ваганьковского кладбища Тарасов и

Евгений Майоров лежат неподалеку друг от друга. У Тарасова 10 декабря день рождения, для Евгения Майорова это дата смерти. Борис Майоров навещает обоих.

«Анатолий Владимирович, — говорит Борис Александрович, — внес огромный вклад в становление и развитие нашего хоккея. Он велик хотя бы потому, что оставил после себя наследство. Например, печатные труды, хотя сейчас они могут показаться спорными. В России были и другие знаменитые тренеры — Эпштейн, Пучков, Бобров, но никто из них после себя такого наследства не оставил.

Единственный, кто, достигнув высочайших результатов и совершив революционные преобразования в тренерских подходах к “канадскому хоккею”, уделил повышенное внимание популяризации любимого вида спорта в стране и тому, чтобы собственные наработки остались в целости и сохранности, послужив будущим поколениям. Тарасов был очень творческим человеком, он не давал покоя ни себе, ни подопечным. Под его руководством хоккеисты переживали интересную трансформацию. Пока играли, костерили его, как могли: мол, диктатор, паразит. Но стоило ребятам закончить карьеру, как отношение к тренеру тут же менялось. Все к нему обращались за помощью, и ко всем он относился по-доброму, старался помочь. “Да нет, это великий человек!” — звучало теперь в его адрес».

Глава двенадцатая ЗА ПОМОЩЬЮ К НАУКЕ

До прихода науки в хоккей — частичного, как во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов, или всеобъемлющего, как сегодня, — необходимо было понять, как создать систему упражнений, которая за полтора тренировочных часа даст оптимальный эффект. Это как раз то, что сумел сделать Тарасов. Он намного опередил время. Придуманная им система тренировок определила значительную часть успеха его команд и вывела хоккей на иной уровень.

Еще в середине 60-х годов, первым в мировом хоккее, Тарасов уловил наиболее характерную тенденцию развития игры — ее интенсификацию. Расшифровывается термин просто: выполнение большего количества технико-тактических элементов в единицу времени по сравнению с недавним прошлым. Ускоряются бег, быстрота мышления, быстрота выполнения тактических приемов. Тарасов первым обосновал теоретически и применил на практике поточный метод тренировки, представляющий, по мнению Вячеслава Колоскова, «наибольшие возможности в увеличении плотности тренировочного занятия».

И Тарасов пришел к выводу: настала пора серьезно вовлечь в тренировочный процесс науку. Время он, бесспорно, всегда опережал и опередил настолько, что его и в первые десятилетия нового века все еще догоняют. Знания, опыт, подвижнический образ жизни, беззаветное служение хоккею, интуиция, основанная на поразительном понимании законов развития спорта, — всё это позволило Тарасову практиковать такие вещи, которые начали постепенно осознавать лишь спустя несколько десятилетий.

Интерес Тарасова к спортивной науке поддержал Михаил Давидович Товаровский. Он помог тогда определиться с темой диссертации Колоскову, будущему руководителю советского, а затем российского футбола. Окончив Институт физкультуры, Колосков остался на кафедре футбола и хоккея преподавателем и задумался о теме диссертации. Выбрал футбол. Однажды его пригласил к себе Товаровский и сказал: «У нас все о футболе пишут. Сто диссертаций уже защитили. Ваша будет сто первой. А между прочим, один мой друг ждет не дождется толковых научных работ по хоккею». — «А кто этот ваш друг и что конкретно ему надо?» — поинтересовался Колосков. Товаровский хитро сощурился: «Он у нас в школе тренеров учился и сейчас вроде кого-то тренирует. Тарасов его фамилия, Анатолий

Владимирович. Слышали о таком?»

«Он встал и пошел к трезвонившему телефону, — вспоминал Колосков, — а я еще долго стоял с раскрытым ртом. Слышал ли я о Тарасове? Это почти то же самое, что спросить, слышал ли я о Пушкине». Колосков, с Тарасовым не знакомый, постоянно бывал на матчах ЦСКА, следил за этой командой, симпатизировал ей и тренеру, хорошо знал несколько тарасовских методических пособий, одно из которых, «Поточный метод тренировки в хоккее», стало настольной книгой для многих тренеров. «Неужели этот умный, фанатично преданный своему делу человек чего-то в деле этом не знает? Неужели ему нужна какая-то помощь?»

Через полмесяца Товаровский вновь пригласил Колоскова к себе. «Захожу, — вспоминает Вячеслав Иванович, — и вижу в его кабинете великого Тарасова! Он пожал мне руку. Не садясь, прохаживался по диагонали кабинета, как вдоль бортика. Заговорил, обращаясь ко мне на “ты”, но в этом не было ничего обидного. Мне это даже импонировало. Я чувствовал, что он хотел вести наш разговор как бы на равных».

Тарасова интересовала роль биологических ритмов в жизни человека вообще и спортсмена в частности. «Вот команда: играет, на взлете, равных ей нет, — рассуждал он. — А потом — бац, и сдыхает! И обиднее всего, когда это случается в конце самых ответственных матчей». — «У производственников, — заметил Товаровский, — есть такой термин — усталость металла». — «Понимаю, к чему ты это говоришь, — живо откликнулся Тарасов. — Мы не боги, мы не всесильны. Но можно ли управлять… — Тарасов прокрутил пальцем по воздуху синусоиду — …вот этими самыми всплесками спада и активности? Можно ли делать так, чтобы пик формы отдельных игроков и команды в целом пришелся на тот период, который нам нужен?»

Постановка вопроса оказалась для Колоскова неожиданной. Он замешкался с ответом и тут же услышал от Тарасова: «Не люблю молчунов! Говори четко и ясно, берешься за эту тему или же я буду искать кого-то другого?» Под таким напором у Колоскова вырвалось, как он говорит, помимо его воли: «Молчание — знак согласия». Тарасов засмеялся: «Ну и хорошо. По рукам».

У Тарасова была собрана «кое-какая статистика», имелись некоторые наработки, сделанные в процессе многочисленных тренировочных занятий. Осталось, как он сказал, «всё это систематизировать и вычленить закономерность». Всё также стоя допил чай, распрощался и быстро вышел из кабинета Товаровского, бросив уже в дверях: «Детали тут сами уточняйте. У меня на них времени совсем нет».

В те времена в Московском институте физкультуры работала большая группа талантливых ученых — биофизиков, кибернетиков, математиков, биохимиков. Лев Матвеев известен как автор монографии о тренировочном процессе в подготовительный, соревновательный и переходный периоды, его методиками пользовался Юрий Власов. На кафедре физиологии трудился профессор А. Гуминский, рядом с которым заметными работами выделялся В. Михайлов. Математическими формами исследования в теории спорта занимался профессор В. Зациорский, исследованиями скоростно-силовой подготовки спортсменов — Ю. Верхошанский. Украшением кафедры биохимии был ученый с мировым именем Н. Волков. Вез боязни ошибиться можно сказать, что подобного созвездия светил и близко не было ни в одном научном центре исследования спорта в мире.

«К сожалению, — говорит Колосков, — в конце 80-х — начале 90-х годов знания этих и многих других ученых оказались невостребованными, попросту говоря, никому не нужными в возникших новых общественно-политических условиях. И многие из них, желая остаться в профессии, были вынуждены покинуть Россию. Их с радостью приняли в странах, достижениям которых в спорте мы вынуждены сегодня смотреть в спину».

На труды именно этих ученых в 70-е годы опирались тренер амстердамского «Аякса» Штефан Ковач, а также Валерий Лобановский, Олег Базилевич и Анатолий Зеленцов, упорядочившие тренировочный процесс в киевском «Динамо». Имена Матвеева, Верхошанского, Волкова, Зациорского вспоминают при случае выдающиеся западноевропейские футбольные тренеры Арриго Сакки, Жозе Моуриньо, Марчелло Липпи…

Верхошанский полтора десятилетия работал в Италии. Его постоянно приглашали читать лекции тренерам Испании, Франции, Португалии… А тех, кому он читал лекции и кого учил, стали звать в Россию, чтобы они учили российских специалистов. Воистину, нет пророка в своем отечестве.

Жозе Моуриньо, творчески подходящий ко всем научным рекомендациям, рассказал в дни первого появления в «Челси» журналисту российского журнала «PROспорт» Дмитрию Навоше: «Я хочу что-то оставить в футболе после себя, сделать его лучше. У вас в России был великий методолог — Матвеев, и его наработки были прорывом в области подготовки спортсменов. Спросите у других европейских тренеров, его все знают. Какое-то время и я работал по Матвееву, потому что его идеи были правдой. Но сейчас я знаю другую правду, я сам ее открыл и

готовлю команду иначе. К примеру, Матвеев утверждал, что нельзя начинать предсезонную подготовку на высоком уровне интенсивности, — а я начинаю».

По просьбе Товаровского Матвеев стал научным руководителем у Колоскова, назвавшего диссертацию — без влияния Тарасова не обошлось — «Исследование условий сохранения высокой игровой работоспособности в длительном соревновательном периоде на примере хоккея». «Матвеев, — вспоминает Вячеслав Иванович, — сказал мне примерно следующее. Хоккеисты играют восемь месяцев в году — соревновательный период. Восемь месяцев держать пик формы невозможно. Задача твоя как ученого, методиста подобрать такую методику тренировки, которая если бы и допускала колебания (без них не обойтись), то с минимальной динамикой. С подъемами, рассчитанными на самые важные матчи и турниры сезона, со спадами, конечно, но без провалов». И по договоренности с Тарасовым в качестве экспериментальной базы был выбран ЦСКА.

Это сейчас спорт вообще и футбол с хоккеем в частности без науки немыслимы. В те же времена Тарасов фактически стал в мировом хоккее первым тренером, решившим прибегнуть к помощи научных достижений. Тарасов понимал, и в этом понимании опередив коллег, что за наукой в спорте, развивающемся с предельной интенсивностью, будущее. Самое время — вторая половина 60-х годов — завязывать с ней дружеские отношения. Откладывать нельзя. Потом будет поздно.

Юрий Королев, соратник Тарасова, называет тренера аналитиком от Бога. Вместе они работали с 1962 года, когда по инициативе Анатолия Владимировича была создана комплексная научная группа при сборной СССР, и возглавил ее Королев. Тарасов еще в середине 50-х годов пришел к выводу, что одних визуальных наблюдений за матчами, на основе которых специалист вправе выстраивать умозаключения по игре, ее характеру, направленности, качественным характеристикам игроков, уже маловато. Необходимы дополнительные объективные количественные показатели, то есть сухие, беспристрастные цифры. Историческая поездка в Канаду подтвердила тарасовские выводы. Он привез из-за океана целую сумку протоколов матчей с хозяевами, справочных данных, дополнительных материалов по каждому игроку НХЛ. От показателей, зафиксированных в послеигровых протоколах, разбегались глаза. Постепенно набор этих показателей, регулярно дополняемых другими, Тарасов стал внедрять в работу со своей командой.

«Мы искали те самые количественные параметры, которые могли бы помочь проанализировать игровые действия хоккеистов, — рассказывает Королев. — Искали, пробовали, ошибались и в конце концов находили то, что улучшало качественные характеристики». Тарасов называл эти пробы «педагогическими наблюдениями».

Как-то раз Тарасов попросил Королева посчитать количество бросков за матч у форвардов первой тройки ЦСКА и сборной — Михайлова, Петрова и Харламова. «Собранная информация, — вспоминает Королев, — озадачила: Петров крайне редко сам угрожал воротам. На разборе игры Тарасов обратился к нему:

— Ну что, Володя, совсем нет у тебя бросков. Это не годится!..

Но потом Тарасов и Королев пришли к выводу: невозможно оценивать эффективность действий нападающего только по количеству бросков, ведь они друг от друга отличаются по степени опасности для ворот соперника. И от подсчета индивидуальных бросков отказались, потому что, по словам Королева, «такая информация искажала реальную картину игры и снижала качество тренерского анализа проведенного матча». Количество, помноженное на качество, — вот что Тарасов ставил во главу угла при анализе всевозможных показателей — командных и индивидуальных.

Нападающий может два раза за матч бросить по воротам, забить один гол, получить от репортеров высокие оценки за результативность, но при этом никто не вспоминает, что его звено ни разу не реализовало численный перевес, проиграло свой микроматч, а у самого форварда отрицательный показатель полезности по системе «плюс-минус». «Пустые, ничем не подкрепленные рассуждения Тарасов не воспринимал, — говорит Королев. — Процесс его исследования хоккея никогда не прекращался. На достигнутом не успокаивался и не позволял этого своим помощникам и своим игрокам».

Тарасов привез Колоскова в Архангельское, где располагалась тренировочная база клуба, собрал в зале команду и сказал, представляя гостя: «Это свой человек. Признаюсь, чистых теоретиков не жалую. У Колоскова ноги поломаны на футбольном поле, по шайбе он бить умеет, а главное — есть свежие идеи в голове. Я с ними ознакомился, согласился. Будем эти идеи совместно воплощать в жизнь. Считайте Колоскова одним из нас. Думаю, споемся». На летних сборах в Кудепсте хоккеисты попытались было взять 26-летнего диссертанта в оборот. Рагулин, Кузькин, Брежнев несколько раз предлагали ему: давай, мол, наука, сбегай за винцом. «Я понимал, — говорит Колосков, — что

поддаваться нельзя, что это провокация — втянуть меня, а потом сделать заложником ситуации. Я отказался раз, два, а потом они от меня отстали как от бесперспективного в этом отношении помощника». Тарасову, понятно, Колосков ничего не сказал.

Изо дня в день — в течение двух лет! — Тарасов заставлял своих подопечных выполнять указания Колоскова, выяснявшего, какие энергозатраты несет спортсмен при той или иной физической нагрузке, как они согласуются с предельными возможностями организма. Предстояло оценить около 400 упражнений по атлетизму вне льда и более 200 — на льду. Под неумолимое тарасовское «надо!» хоккеистам надевали маски, вешали специальные мешки за спину. При помощи газоанализатора выясняли, с какой интенсивностью «сгорает» кислород, сколько килокалорий затрачивается на выполнение того или иного упражнения. Прикрепленные на тело игроков датчики фиксировали работу сердца, состояние давления.

«Нагрузки, — вспоминает Колосков, — придумывались Тарасовым на тренировках нешуточные. Хоккеисты брали тяжелые металлические «клюшки» (грифы от штанг), гоняли по настилу двадцатикилограммовые “шайбы” — блины от штанги, бегали вверх-вниз по скамьям пустующих трибун. Мне надо было определить оптимальность дозировок, темпа, рассчитать время пауз, необходимых для восстановления сил».

Две ситуации, в которых Тарасов предстал потрясающим психологом, поразили Колоскова.

Тарасов никогда не опаздывал на тренировки. Напротив, приезжал во Дворец спорта за 30-40 минут до их начала и к такому же графику призывал игроков. «Однажды, — вспоминает Колосков, — оставалось минут пятнадцать, а его — неслыханное дело! — нет. Помощники начинают подготовку к занятиям сами, я, как и положено, прикрепляю датчики к груди Толи Фирсова, настраиваю аппаратуру. За десять минут до начала тренировки появляется Тарасов. Губы сжаты, брови сдвинуты. Яростно оглядывает всех, решая, видимо, к чему придраться. Потом начинает срывать с Фирсова присоски и кричит в мой адрес: “Вы (обращение на “вы”! — высшая степень проявления недовольства) тут затерроризировали всех — цифры, графики! Наука должна живой работой заниматься, понятно? Чтобы отдачу видно было!”» Настроение у Колоскова — хуже некуда. За всё время тренировки Тарасов ни разу не взглянул в его сторону, а после занятия буркнул: «Зайди ко мне». И там, в своем кабинете, весело: «Ну, задержался, случилось такое. А ты что, хотел, чтобы игроки об этом опоздании судачили? Нет, пусть лучше о тебе говорят».

Колосков, не скрывая обиды, спросил у Тарасова: «Может,

мне уйти из команды, заниматься исследованиями где-нибудь в другом месте?..» Тарасов оборвал его на полуслове: «Ты ничего не понял. Иди за мной». И они пошли в раздевалку, где хоккеисты ждали Тарасова для подведения итогов тренировки. «Я сейчас Колоскову, — сказал Тарасов, — всыпал по первое число! Он с вами, как с балеринами работает. Жалеет! Вон Фирсову поставил датчики, а тот катается вдоль бортика, прохлаждается. Сачковать не позволено никому! В общем, так: слушать науку беспрекословно, выполнять все его рекомендации и выкладываться на сто процентов! А теперь — по тренировке…»

Энергетика, магия Тарасова были мощнейшими. Спустя час после тренировки к Колоскову подошел Фирсов: «Тарасов прав. Мы действительно иногда сачкуем. Вот и я сегодня. Ты не стесняйся, пожестче с нами будь». Наслушавшись Тарасова, Фирсов совершенно забыл о том, что перед занятием задержавшийся тренер сорвал с него датчики и тренировался он без аппаратуры. «Тарасову, — резюмировал Колосков, — хоккеисты верили больше, чем самому себе».

Тонкий психолог, Тарасов мог при всей команде всыпать по первое число и сильнейшим игрокам. Когда Юрий Королев удивился, почему тренер публично, причем частенько без весомого повода, распекает лидеров ЦСКА, Тарасов ответил: «А что ж ты хочешь, чтоб я игрока третьего звена призвал к порядку? Вот я одернул Фирсова, и считай, что это сигнал для остальных ребят, для тех, кто значительно уступает ему в мастерстве».

Второй эпизод из психологического арсенала Тарасова, свидетелем которого стал Колосков, произошел на базе в Архангельском. Тренер позвал его на разговор в преддверии матча с основным соперником ЦСКА — «Спартаком». «Вячеслав, — начал Тарасов, — если исходить из результатов четырех последних игр, как думаешь, победим мы завтра или нет?» Четыре матча кряду ЦСКА с легкостью выиграл с общим счетом 22:1, причем единственную, ни на что не влиявшую шайбу пропустил в последней встрече. По мнению Колоскова, результаты эти не имели никакого отношения к предстоявшему матчу — слишком уж разнился уровень соперников. Об этом он и сказал Тарасову. «Вот! — воскликнул Тарасов. — И ты ничего не понимаешь! А я тебе так скажу: мы можем завтра проиграть именно потому, что выдалась такая удачная результативная серия. Игроки будут спать на поле, они психологически не готовы к драке, они уже чувствуют себя великими. А если игра сразу не заладится и они потеряют кураж — всё! Тогда ни кнутом, ни пряником ситуацию не переломить. Команде немедленно нужна встряска, внутренний конфликт. Вздрючить надо моих самых-

самых. Уловил?» — «Как — вздрючить? — удивился Колосков. — За что?» Он и не предполагал, что можно устроить встряску после четырех подряд выигранных матчей.

«А вот смотри за что!» — произнес Тарасов и на глазах изумленного Колоскова принялся священнодействовать. Разворачивалось настоящее представление. Услышав чьи-то шаги по коридору — а время было послеобеденное, тихий час, — Тарасов поднял палец вверх и полушепотом вымолвил: «Капитан наш. Виктор Кузькин. Он-то мне и нужен для начала». Тарасов открыл дверь, в проеме действительно появилась фигура Кузькина. Колосков признавался, что ни до, не после он никогда не сталкивался с тем, что тренер по звуку шагов узнаёт своих игроков.

«Ты куда?» — спросил Тарасов. «Бутылку воды взять, Анатолий Владимирович». — «Зайди на минутку». Тарасов подвел Кузькина к макету хоккейной площадки: «Как так получилось, что из-за тебя, прославленного нашего капитана, шайбу пропустили? Почему ты под нее не лег?» Тарасов говорил о единственной шайбе, пропущенной ЦСКА в четырех победных матчах, так, словно гол этот по меньшей мере решил судьбу чемпионата страны. «А я-то при чем? — искренне удивился Кузькин. — Тут Брежнев должен был сыграть — его зона». Позвали Брежнева. «Анатолий Владимирович, — сказал он, услышав обвинения в свой адрес, — Полупанов же на нападающего шел, я принял правее, чтобы ему не помешать». Позвали Полупанова… «Минут через десять, — вспоминает Колосков, — в кабинете Тарасова стоял невообразимый гвалт: полкоманды яростно обсуждало, как могло получиться, что шайба влетела в их ворота. Споры продолжались и после ухода игроков из кабинета тренера — доносились из коридора. Когда мы остались одни, Тарасов с удовлетворением сказал: “Всё. ‘Спартак’ завтра ‘порвем’”». И действительно — «порвали».

Буквально накануне Олимпиады-64 в Инсбруке советская сборная проводила контрольный матч с рядовым австрийским клубом. После двух периодов чемпионы мира проигрывали 2:5. Хоккеисты ожидали разгона в перерыве, но Тарасов с Чернышевым в раздевалку даже не зашли. Разгон игроки устроили себе сами. Слов и выражений не выбирали. Третий период играли на уязвленном самолюбии. Выиграли, конечно, но и урок запомнили.

Во время турне сборной по Канаде в конце 1967 года слабо и даже как-то безвольно играла тройка Полупанова. Тарасов не шумел на них, но «подзадорил» Фирсова и его молодых партнеров простыми словами: «Вы слишком рано уверовали, что едете на

Олимпиаду в Гренобль». Подействовало.

Тарасов всегда очень тонко чувствовал психологическое состояние спортсмена, а во время игры — особенно. В игровых ситуациях состояние каждого хоккеиста меняется в зависимости от того, как действует команда, звено, сам игрок. Тарасов, обладая феноменальной интуицией, никогда не убирал палец с «пульса» этого состояния. Иногда он создавал искусственные микроконфликты. «Боря, — говорил он Кулагину, — что-то у нас команда стала спокойная. Не нравится мне эта ситуация». — «А ты, — отвечал ему Борис Павлович, — отпусти завтра игроков домой, и всё будет нормально». Анатолий Владимирович отпускал хоккеистов по домам, кто-то обязательно попадался на нарушении режима, и Тарасов удовлетворенно «подкручивал гаечки», назначая дополнительные тренировки и будоража команду. Организация подобных искусственных конфликтных ситуаций — дело тонкое. В командных видах спорта без них, видимо, не обойтись. Они позволяют в максимально возможной степени управлять коллективом, особенно — лидерами, на которых, помимо прочего, возлагается обязанность по управлению остальными игроками.

Работа, проводившаяся Колосковым, Тарасова полностью устраивала. Он получил дополнительные — объективные — данные и полезные методические наработки. У них сложились неплохие личные отношения. Они не раз обсуждали дела после парной, за рюмкой отменных, собственноручно приготовленных Тарасовым настоек на черноплодке, клюкве, лимоне и на смородиновых почках.

Как-то раз оказались вместе в Саратове. После бани, устроенной тогдашним тренером местной хоккейной команды Робертом Черенковым, Колосков затеял с Тарасовым разговор о своей научной работе, к которому давно готовился. «Я тогда, — рассказывает Колосков, — впервые высказал сомнение в том, что эффективность разработанных мною методик для хоккея в целом можно доказать, экспериментируя только с одной, причем самой продвинутой командой. Для чистоты эксперимента необходимо провести исследования с клубом, идущим где-то в середине турнирной таблицы».

Провести Тарасова было невозможно. Он подозрительно, из-под бровей посмотрел на Колоскова и спросил в лоб: «Куда намылился? Уж не в “Крылышки” ли?» «Крылья Советов» к тому времени возглавлял Борис Кулагин, ушедший из ЦСКА (Тарасов предлагал ему остаться вторым, но Борис Павлович не захотел) и мечтавший о чемпионском титуле с новой командой. Колосков, предвкушая взрыв со стороны Тарасова, ответил честно: «В

“Крылышки”». Тарасов же спокойно сказал: «Что же, по большому счету ты прав. Иди к Кулагину. Но в баню будем продолжать ездить!»

Когда коллеги спрашивали Тарасова, как быть, если тренер чего-либо не знает, Тарасов отвечал: «Узнать. Проконсультироваться. Всерьез заняться самообразованием, стараться постигать буквально всё, что имеет отношение к профессии».

Однажды Тарасов обнаружил, что его новая тактическая идея, внедренная в систему командных действий, вошла в противоречие с физическими возможностями игроков. Тренер тогда разрабатывал варианты, которые намеревался использовать во встречах с канадскими профессионалами. О проведении таких встреч он думал постоянно. Тарасов задумался о том, как повысить занятость игроков в единицу времени. Он придумал систему игры, предусматривавшую активные, скоростные, челночные действия звена с шайбой и без шайбы с участием всех игроков пятерки, в том числе и защитников. «Готовились мы к этому последовательно, — писал он. — Довели скоростной режим игры ведущих звеньев до 25-30 секунд. Высоки были и пульсовые обороты у хоккеистов: 160-200 ударов в минуту». ЦСКА стал действовать по-новому и всегда побеждать. «И вдруг, — вспоминал Тарасов, — у хоккеистов уже во втором периоде стал проявляться игровой спад. Врач докладывает — игроки не восстанавливаются, им нужен более продолжительный отдых».

Тарасов отправился на кафедру физиологии Института физкультуры, предварительно договорившись с профессором Владимиром Фарфелем. Тарасов знал, к кому обращаться за помощью. Владимир Соломонович, один из основоположников отечественной физиологии спорта, выдающийся специалист в области физиологии труда, основатель и руководитель разветвленной научной школы спортивной физиологии, постоянно работал со сборными страны. Им было разработано немало теоретических рекомендаций, внедренных в спортивную практику. Профессор на встречу с Тарасовым пригласил коллегу — Александра Гуминского. «Они внимательно меня выслушали, — вспоминал Тарасов, — и предложили ввести в тренировочный процесс хоккеистов виды спорта, усиливающие МПК — максимальное потребление кислорода спортсменом. Рекомендовали гладкий бег, велосипед при средних пульсовых оборотах». За рекомендацию Тарасов поблагодарил, но «с предложенными лекарствами согласиться не мог». Тарасов практически не признавал средств, мало связанных с игрой, и попросил Гуминского помочь ему поставить эксперимент по

усилению МПК, но не за счет гладкого бега или велосипеда, а в игровых рамках тренировочного процесса. Поставили и получили эффект, решивший проблему усиления работоспособности и восстановления хоккеистов.

«Шанс ошибиться, назвав ЦСКА чемпионом страны 1972 года, практически равен нулю», — еще в декабре 71-го писал еженедельник «Футбол-хоккей». За 19 туров ЦСКА не потерпел ни одного поражения. Тарасов сумел так подготовить команду, что для нее не составило заметного труда — внешне, во всяком случае, — победно пройти с августа по декабрь сквозь исключительно насыщенный календарь, вместивший в себя сразу несколько турниров.

Тренер ленинградского СКА Николай Пучков констатировал, что произошло это «благодаря тому, что московские армейцы всю свою хоккейную жизнь привыкли много и интенсивно тренироваться. Каждое тренировочное занятие А. Тарасова сродни самому напряженному матчу чемпионата. Игра ЦСКА еще раз показывает, насколько велика нагрузка у хоккеистов этого клуба, и, честно говоря, было бы совсем недурно, если бы тренеры других команд, в том числе и нашей, подумали над увеличением нагрузок для своих хоккеистов».

Пучков практически повторил то, что отмечал шведский тренер Арне Стремберг, побывавший по приглашению Тарасова на тренировках ЦСКА (они с Тарасовым дружили и бывали друг у друга в гостях в Стокгольме и Москве). «Меня нелегко удивить, — рассказывал швед об увиденном, — но такое случилось, когда я наблюдал за подготовкой советской клубной команды к сезону. Темп, смена ритма, обилие разнообразных упражнений. А ведь это происходило перед началом сезона. Я, конечно, понимал, что Тарасов до этого подготовил команду физически, но как бы то ни было, за десять дней он ввел ее в форму». Когда Стремберг начинал стыдить игроков шведской сборной за недостаток скоростных качеств и выносливости, они со смехом отвечали ему: «Арне, если хочешь, чтобы мы тренировались по тарасовским конспектам, плати нам дополнительно — за каждую тренировку! У русских тренировочные нагрузки выше, чем в игре».

«Ты знаешь, — говорил швед Вернер Перссон журналисту Николаю Вуколову, — у наших менталитет особый. Даже Анатолий Тарасов, этот новатор игры, общепризнанный гигант, при всем его авторитете не смог бы работать с нашими хоккеистами. Тарасов был слишком суров, требователен, даже жесток. Он мог разъяриться, наорать, устроить разнос. А с нашими такое не пройдет. Они никогда не смогут смириться с неограниченным тренерским диктатом».

Работавшего в стокгольмском бюро АПН Перссона, считавшего Тарасова своим хоккейным учителем, переводившего статьи и книги тренера на шведский язык, с легкой руки Анатолия Владимировича все советские хоккеисты и тренеры, приезжавшие в Швецию, звали «Володей». Учителем же Вернер считал Тарасова потому, что учил — в свободное от основной работы время — шведских мальчишек из клуба АИК играть по-тарасовски: коллективно, технично, на высоких скоростях, тренируя с ними быстрый и неожиданный, всё более забываемый ныне, и не только в Швеции, скрытый пас.

Перссон, скорее всего, прав. Не смог бы, думается, Тарасов, привыкший к беспрекословному подчинению и диктаторству, работать и в совершенно изменившихся условиях в своей стране — в условиях «тоталитарной демократии». Не для его натуры и отношения, построенные только на циркуляции денег. Не принял бы он их.

Нагрузки, которые задавал Тарасов, Александр Рагулин всегда вспоминал с содроганием: «Работали до седьмого пота, хотя и знал главный, что все ребята и без того матерыми были. Но он только приговаривал: „А вы как думали? Талант — это наказание“. И в то же время Анатолий Владимирович часто всех собирал на своеобразные посиделки, интересовался, как живем, какие проблемы. На этих встречах все обиды забывались, о трениях вспоминали с улыбкой».

Тарасовскую систему тренировок, основанную на простом принципе: уроки следует выполнять ежедневно и не по разу в день, выдерживали не все. Происходил вполне нормальный для спорта высших достижений естественный отбор. Михайлов на первом же подготовительном сборе, не выдерживая тарасовских экзекуций (а чем не экзекуция таскать на себе Петрова, весившего на 15 килограммов больше Михайлова, и приседая при этом по 10-15 раз?), пришел к Кулагину и сказал, что больше не может и готов отправиться в любую армейскую команду, хоть в хабаровскую. «Держись, — ответил Кулагин. — Выживешь — будешь играть, а нет — мы тебя и так отчислим».

Даже двужильному Мишакову было очень трудно, когда приходилось заниматься в атлетическом зале со штангой, гирями и утяжеленными — до 20 килограммов — поясами. Не говоря уже о знаменитой лестнице в Кудепсте, которую все тарасовские питомцы ненавидели лютой ненавистью. А еще Тарасов запускал игроков в лес, издавая боевой клич: «Бей канадцев!» — и настраивая хоккеистов на жесткую силовую борьбу. Они с разбега втыкались плечом в сосну, с которой, как рассказывал Мишаков, «слетало столько шишек, что их можно было собирать

корзинами».

В 1968 году Федерация хоккея СССР организовала тренерские курсы, пригласив на учебу 66 человек. Основными лекторами стали Тарасов и Чернышев. После тарасовского выступления, как всегда яркого, аргументированного, заставляющего думать, недовольные рассуждали: «Нам бы что-нибудь попроще. Где уж нам учиться у ЦСКА». По мнению Анатолия Кострюкова, «в тренерской среде постоянную прописку получила теория, быстро ставшая популярной. Победы ЦСКА объяснялись только наличием “своего льда” и концентрацией в этой команде одаренных хоккеистов». Отговорки, что называется, на все случаи жизни! Учиться же у Тарасова следовало, как предлагал Пучков, методам тренировок, позволяющих отменно готовить хоккеистов в подготовительный период.

Тарасов с его гиперболизированной требовательностью к качеству занятий тонко чувствовал, когда на тренировке следует смягчить, сбавить обороты, дать игрокам перевести дух. Он никогда не объявлял об этом, не произносил ожидавшееся хоккеистами указание: «А теперь — пауза!» Устраивал передышку иными способами. Как только в разгар сверхинтенсивной тренировки Тарасов видел, что пора несколько сбавить темп, он мог, проезжая мимо стоявшего у бортика Юрия Королева, полушепотом бросить: «Юра, уйди с катка, вернись через пять минут и скажи громко: “Анатолий Владимирович, вас к телефону…”». Королев так и поступал. Тарасов со льда уходил, игроки в присутствии оставшегося ассистента главного тренера позволяли «себе передышку — сокращали количество повторений или выполняли упражнения менее добросовестно». Тарасов через несколько минут возвращался, делал недовольное лицо и с напускным удивлением обращался к хоккеистам: «В чем дело, Александр Павлович?! Толя, Толя Фирсов, где огонек в глазах?!» «То был, — говорит Королев, — один из тарасовских приемов, позволявших разрядить обстановку и дать игрокам передышку».

Глава тринадцатая ДЕМАРШ В ЛУЖНИКАХ

11 мая 1969 года произошло событие, для советского спорта невероятное, никогда не случавшееся — ни до этой даты, ни после нее. Во время решающего матча чемпионата страны по хоккею между ЦСКА и «Спартаком» армейский тренер Тарасов увел команду в раздевалку и готов был вообще прекратить игру. И это в присутствии на трибунах многочисленных начальников во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым, известным болельщиком хоккейного ЦСКА.

Что же произошло?

В том сезоне внутренний чемпионат проходил по странной формуле. Сначала 12 команд сыграли друг с другом в два круга, а потом первая шестерка, с учетом набранных на предварительном этапе очков, сражалась за титул и призовые места. ЦСКА в «турнир шести» вошел в роли лидера. Единственным серьезным конкурентом в том чемпионате у ЦСКА был «Спартак», который в 1968 году возглавил Николай Карпов — после четырехлетнего пребывания на посту главного тренера этой команды Всеволода Боброва и короткого отрезка, когда спартаковцев тренировал Евгений Майоров. В предварительном турнире сначала победил ЦСКА (4:1) — спустя некоторое время после выигрыша у спартаковцев в финале традиционного тогда предсезонного турнира на призы газеты «Советский спорт» (6:5), затем — «Спартак» (5:4). Для «Спартака», да и не только для него, каждая победа над ЦСКА становилась незабываемым событием, о котором вспоминали годами.

К проигранному (4:5) матчу у ЦСКА, к «великому сожалению» Тарасова, не было возможности подготовиться по-настоящему. Дефицит времени не позволил команде хотя бы немного отойти от выезда в Новосибирск, Свердловск, Уфу и Горький — за 11 дней ЦСКА провел семь матчей. На изменении расписания матчей армейский клуб настоял сам — предстояло турне в Японию, и встречу со «Спартаком», по словам Тарасова, хоккеисты ЦСКА «в какой-то степени проиграли, еще не выходя на лед». Сказались и неготовность физическая, и психологический фон. Команда в поездке с исключительно жестким графиком матчей с соперниками так измоталась, что играть со «Спартаком» по-настоящему не могла. «Даже в те моменты, когда мы вели в счете, — признавал Тарасов, — спартаковцы переигрывали нас. Для того чтобы стратегия была воплощена на поле, нужно свежее войско и

большое воодушевление. На сей раз у нас не было ни того ни другого. Я не собираюсь оправдываться, но думаю, что игра сложилась бы по-иному, если бы нам дали как следует отдохнуть после поездки». Тарасов нисколько не лукавил, когда называл «Спартак» «великой командой», которая не всегда играет стабильно, не всегда показывает высокий класс, но всегда демонстрирует готовность сражаться до последней секунды. «Я никогда не видел спартаковцев потерявшими волю к победе», — говорил Тарасов.

Перед заключительным этапом чемпионата спартаковцы отставали от ЦСКА на два очка. А накануне того самого решающего матча уже опережали соперника — на одно очко. В игре, фактически оказавшейся финальной, «Спартаку» достаточно было для выигрыша титула сыграть вничью.

Незадолго до скандальной встречи, 5 мая, ЦСКА выиграл в исключительно напряженном матче с «Динамо» Кубок СССР. «Спартак» в полуфинале был остановлен динамовцами. Карпов не скрывал, что поражение его совершенно не расстроило. За Кубок, конечно, побороться хотелось, но еще больше хотелось получить достаточное время для подготовки к главному матчу сезона — с ЦСКА.

Начало скандальной встречи было за «Спартаком». Еще в первом периоде Валерий Фоменков и Вячеслав Старшинов забросили две шайбы, оставшиеся без ответа. Во втором периоде ничья (0:0), а в третьем с самого начала, с гола Владимира Викулова, ЦСКА принялся «рвать» «Спартак». За мгновение до сигнала о смене ворот (согласно тогдашним правилам, в третьем периоде команды через 10 минут менялись воротами) Владимир Петров счет сравнял. По поводу этой шайбы и разгорелся скандал. Заброшена она была по всем правилам, когда на табло до смены ворот оставалась секунда игрового времени. Можно предположить, конечно, что кем-то была поставлена задача спровоцировать Тарасова. Если так, то задача эта была успешно решена. Но более вероятно, что всё произошло случайно, и уже постфактум тарасовские враги воспользовались оказавшимся в их руках подарком.

Николай Карпов утверждал, что «табло, как потом выяснилось, управлял болельщик ЦСКА», но не привел ни одного факта, подтверждавшего это. Когда главный арбитр встречи Юрий Карандин подъехал к судейскому столику, для того чтобы внести в официальный протокол имя хоккеиста, забившего гол, ему, как вспоминал он спустя годы, «неожиданно сообщили, что табло показывает неправильное время и что уже был дан сигнал на перерыв, причем сигнал был дан по контрольному секундомеру».

Гол Карандину пришлось отменить. Арбитр на льду не имеет права оспаривать решения судей-хронометристов. Никто до матча и во время его не предупредил команды о том, что часы на табло неисправны. Когда же после игры их проверили, оказалось, что вся система отсчета времени работала, как и прежде, до ситуации с незасчитанным голом, безупречно.

Борис Майоров, игравший в том матче, первопричиной тарасовского демарша называет чрезмерные эмоции тренера. Даже не задумываясь о возможных санкциях, Тарасов забыл тогда обо всем на свете — о зрителях, о телезрителях, о присутствии на игре Брежнева и — самое главное! — о том, что имело непосредственное отношение к хоккейной игре. Мысль о несправедливости, совершенной по отношению к его команде, не позволила тренеру предвидеть дальнейшее развитие событий на площадке.

Между тем возникшая на полчаса с лишним пауза была как воздух необходима спартаковцам, уже — это все видели — проседавшим под серьезным давлением ЦСКА. «Спартак» в третьем периоде оказался прижатым к своим воротам. «На ребятах не было лица, — вспоминал Николай Карпов. — Их просто колотило. Даже мою надежду и опору Бориса Майорова. ЦСКА постоянно давил, мы из последних сил судорожно отбивались. Счет стал 2:1. Дотянуть бы до смены ворот…»

«Перерыв пришелся нам очень кстати, — подтверждает Борис Майоров. — Мы неспешно катались по льду, отдыхали, а у бортика в это время кипели разбирательства между Тарасовым и судейской бригадой. Вердикт арбитра оставили в силе. Матч продолжился. Но атакующий порыв армейцев уже потух, и мы без особого труда довели матч до победы». Не стоит забывать и о том, что ЦСКА наказали двумя минутами штрафа за немотивированную остановку матча. На соблюдении этого правила рьяно настаивал Карпов.

По свидетельству вратаря Александра Пашкова, находившегося тогда в запасе и готового в любой момент заменить Владислава Третьяка, после матча Тарасов в раздевалке сокрушался: «Ребята, матч проиграл я. Мы бы их дожали, но я дал им передышку».

Как признавался Николай Карпов, победы над ЦСКА были для него вдвойне приятны, ведь именно у Тарасова в ЦСКА он начинал свой путь в большой хоккей. В 1951 году спартаковский воспитанник Карпов был призван в армию, попал в ЦДСА, но задержался там ненадолго. Тарасов был тогда играющим тренером. Когда однажды перед вторым карповским сезоном в армейском клубе команда переезжала с тренировочной базы на

основной каток, Карпову как молодому игроку поручили нести инвентарь. «По пути, — вспоминал Карпов, — пристал Мухортов — не знаю, помнит ли кто такого игрока? Дай ему клюшку и дай. У тебя, мол, целая охапка, куда тебе столько. Так он меня достал, что я выдернул первую попавшуюся и отдал — только бы он отвязался. И надо же такому случиться — это была клюшка Тарасова! Когда он обнаружил пропажу, выстроил всю команду и рыком: “Куда делась моя клюшка?” Все молчат. Я понял, что лучше признаться по-хорошему. Говорю: “Я взял”, — “Десять дней гауптвахты, — мгновенно назначил Анатолий Владимирович и добавил: — И чтобы духу твоего здесь не было!”» Карпов оказался в Ленинградском ОДО. У него там стало получаться. Спустя время он заиграл во второй сборной в паре с Сологубовым. Тарасова, по словам Карпова, вызывали к руководству: «Ну как же ты упустил такого?» — «Да, — признался Тарасов, — променял масло на маргарин».

Спустя годы после демарша тогдашний капитан ЦСКА Виктор Кузькин говорил, что, окажись он на месте Тарасова, поступил бы точно так же. Он рассказал, что Николай Озеров, который довольно часто вел репортажи с матчей прямо от бортика, подозвал к себе во время возникшего перерыва его и Вячеслава Старшинова и, протянув микрофон, спросил: «Вы слышали объявление диктора о том, что время берется по контрольному секундомеру?» Старшинов сразу же ответил: «Конечно, слышал!» А Кузькин: «Да никто, кроме Славы, этого объявления не слышал». «Мы были в шоке, — вспоминал Кузькин. — А можете себе представить состояние Тарасова? В раздевалке он стоял мрачнее тучи, считал, что произошла вопиющая несправедливость. И в эмоциональном порыве совершил такое, что в обычной игровой ситуации никогда бы себе не позволил. Кстати, Локтев в середине 70-х сделал то же самое, что и Тарасов. В Филадельфии за Харламовым устроили настоящую охоту, да и других не щадили. Судья же делал вид, что ничего не происходит. Локтев дал указание игрокам покинуть площадку». (Стоит заметить, что по возвращении ЦСКА в Москву Тарасов отчитал Локтева за неверное, по его мнению, решение.)

Нина Григорьевна вспоминала, что когда увидела по телевизору, как ее муж уводит команду с площадки, встала перед телевизором на колени. Режиссер телетрансляции часто показывал крупно лицо негодовавшего Тарасова, и жена обратилась к нему буквально с мольбой: «Толя, пойми, ты же задерживаешь главу нашего государства». «Очень тогда испугалась», — повторяла она.

Татьяна Тарасова была на матче со своей подругой Надеждой

Крыловой, балериной Большого театра. По ее словам, отец подчинился лишь после того, как в раздевалку Дворца спорта пришел порученец от министра обороны Андрея Гречко. Подчинился потому, что носил форму, — приказ есть приказ. «Был страшный момент, — пишет Татьяна Анатольевна в сборнике «Всё о моем отце», мысленно обращаясь к отцу, — когда ты вышел из служебного подъезда стадиона, где у входа собралась огромная толпа болельщиков. Они хотели растерзать тебя. А ты шел напролом, словно танкер, рассекающий волны. Люди свистели, галдели, хватали тебя за волосы (я видела это!), рвали одежду, а ты продолжал идти, мрачно уставившись в одну точку и даже никак не отбиваясь от рук, норовивших сделать тебе больно. Мне впервые стало страшно за тебя, и одновременно я испытывала какую-то необъяснимую гордость, что ты вот так идешь напролом, прорывая чужую ненависть и злобу своей силой, своей мощью, одним мускульным движением, как будто не замечая всех криков и оскорблений. Ты только сказал: “Дайте детям сесть в машину. И я отвечу на все интересующие вас вопросы”. Нам дали протиснуться в “Волгу”. Толпа отпрянула, потом снова обступила машину и подняла ее вместе с нами. А потом как-то враз отпустила, и мы тихонечко поехали. Это сейчас на бумаге выглядит, будто я кино по кадрам рассказываю, а в тот момент было по-настоящему страшно».

О том, что происходило во время длительного перерыва в матче, журналисту и писателю Николаю Долгополову рассказывали работники «Лужников»:

«Брежнев был в гневе. Вызвали кого-то из спортивных руководителей. Члены Политбюро с аппетитом и от нечего делать истощали заготовленные съестные и прочие запасы, и тут срочно потребовалось подкрепление официантов, уборщиц посуды. Нервничала охрана: в ложе появились новые люди. Приносили съестное, а ведь “не положено”. На столе генсека всё должно было быть заранее проверенным, апробированным».

Спортивные власти с подачи властей партийных отреагировали моментально. «Это что же, Павлов в своем хозяйстве порядок не в силах навести?» — передали слова Брежнева бывшему комсомольскому секретарю, брошенному на спорт. А быть может, и не было этих слов и Павлов сам решил выслужиться. Ни для кого не было секретом, что Брежнев Павлова недолюбливал.

Для начала Павлов подключил газету своего ведомства — «Советский спорт». Евгений Рубин, возглавлявший тогда в издании отдел спортивных игр, в своих мемуарах не решился прямо сказать, что газета получила указание из Комитета по

физкультуре и спорту «размазать» Тарасова. «Прессе, — дипломатично написал Рубин, — положено на такие ЧП реагировать. Но как? Мы знали: связываться с Тарасовым — себе дороже стоит. Наутро выяснилось, что коллеги из других газет сочли за лучшее промолчать». Но следующий день пришелся на понедельник, а по понедельникам в советские времена выходила только одна газета — «Правда». Так что «других газет» попросту не было. Но вот поразительное совпадение: в тот понедельник, 12 мая 1969 года, на последней полосе «Правды» была напечатана давно подготовленная антитарасовская статья трех журналистов (в том числе и Рубина). Об этой статье — отдельный разговор. Стоит отметить лишь, что в текст статьи была заверстана короткая информация о воскресном инциденте.

Евгений Рубин фактически признался, что испугался подготовить обличительный в отношении Тарасова текст для «Советского спорта» за своей подписью: «Я тоже не решился побрить этого влиятельного и мстительного человека от своего имени, а избрал обходной маневр». «Мстительным» Тарасов назван для красного словца. Хорошо знавшие Анатолия Владимировича люди, в частности Вячеслав Колосков, убеждены: в чем в чем, а в мстительности Тарасова обвинять — последнее дело. Он был вспыльчивым, порой до невыносимости, чрезмерно эмоциональным, но — не злопамятным, быстро отходил. «Обходным» же «маневром» стала написанная Евгением Рубиным заметка под рубрикой «Реплика» и под заголовком «…И сохранить достоинство» — за подписью Николая Сологубова (который, по словам журналиста, говорил о случившемся «матерными словами»). «Инцидента, подобного тому, который произошел во время воскресного матча ЦСКА — “Спартак”, — говорилось в опубликованной во вторник 13 мая заметке, — кажется мне, не знает история нашего хоккея. И мне, человеку, вся жизнь которого связана с командой ЦСКА, который около десятка лет был ее капитаном, особенно больно, что виновником случившегося стали мои одноклубники. Но я не хочу упрекать команду и ее хоккеистов: они выполняли указание своего старшего тренера. И мне тем более горько, что имя этого старшего тренера — Анатолий Тарасов, тот самый Тарасов, который столько раз вел и приводил ЦСКА и сборную страны к выдающимся победам».

Рубин пишет, что Сологубов, уйдя из хоккея и с воинской службы, «перестал скрывать ненависть к своему первому учителю». «Ненависти» в словах защитника, ставшего выдающимся игроком во многом благодаря Тарасову, не обнаружить даже с помощью мощного увеличительного стекла.

Перевод, сделанный журналистом с «матерного», вполне вписывался в рамки задания, полученного газетой от Сергея Павлова. Тем более что дополнением к тексту Сологубова стала редакционная заметка. Коэффициент смелости и на этот раз оказался очень «высоким» — подписать заметку побоялись.

Она между тем легла в основу спорткомитетовского пресс-релиза. Именно «Советский спорт» фактически предложил отобрать у Тарасова звание заслуженного тренера СССР. «Это звание, — резюмировал безымянный автор (не исключено, что им, как и в случае с Сологубовым, был тот же Евгений Рубин), — присваивают лишь людям, которые не только высоко эрудированы в своем виде спорта, но и являются подлинными педагогами, воспитывающими в своих питомцах лучшие качества советского человека, в том числе и своим собственным примером. В связи с этим возникает вопрос: достоин ли этого высокого и обязывающего звания тренер А. В. Тарасов?»

Вопрос поставлен после того, как в редакционной заметке на него уже был дан ответ: «…В печати, на заседаниях президиума Всесоюзной федерации, в руководящих физкультурных органах А. Тарасову неоднократно указывали на факты пренебрежительного отношения к хоккеистам, судьям, зрителям. Однако А. Тарасов не считался с критическими замечаниями в свой адрес, расценивал каждое из них едва ли не как личное оскорбление. Таким образом, его поведение во время воскресного матча — отнюдь не случайность. Только на этот раз оно больно ударило по интересам 14 тысяч зрителей и миллионов телезрителей, смотревших матч. Кстати, 35-минутная непредвиденная задержка в игре нарушила программу Центрального телевидения на целый день. Не подействовало на А. Тарасова и вмешательство руководителей отдела хоккея Всесоюзного комитета и Федерации хоккея СССР, которые терпеливо объясняли ему, что судьи действуют в полном соответствии с правилами, и приглашали лично посмотреть на показания контрольного секундомера.

Заслуживает осуждения грубость и бестактность А. Тарасова по отношению к судьям матча — молодым людям, один из которых является инженером, а другой — рабочим, отдающим свое свободное время тому самому делу, которому посвятил себя и тренер Тарасов…»

Павлов сообщил в ЦК КПСС, что «в последнее время т. Тарасов уверовал в свою непогрешимость и безнаказанность, все чаще проявляет заносчивость и высокомерие, пренебрежительное, а подчас и оскорбительное отношение к спортсменам, тренерам и судьям, нетерпимость в любой форме критики своих действий».

А затем на заседании коллегии Комитета по физической

культуре и спорту при Совете министров СССР Тарасов был лишен звания «Заслуженный тренер СССР». Спорткомитет выпустил пресс-релиз с обязательной публикацией в спортивной прессе. Газета «Советский спорт» опубликовала спорткомитетовскую депешу (привезенную в редакцию курьером) 16 мая, еженедельник «Футбол-хоккей» — 18 мая.

«11 мая с. г., — говорилось в выпущенном из стен Спорткомитета информационном сообщении под заголовком «За нарушение спортивной этики», — во время заключительного матча на первенство страны по хоккею между командами ЦСКА и “Спартак” старший тренер команды ЦСКА А. В. Тарасов грубо нарушил нормы спортивной этики. Оспаривая решение судейской коллегии, не засчитавшей шайбу, заброшенную игроком ЦСКА, А. В. Тарасов запретил команде выходить на поле для продолжения встречи.

Матч был прерван на 35 минут, что, естественно, не могло не вызвать самой резкой отрицательной реакции со стороны миллионов поклонников хоккея, следивших за ходом игры.

Таким образом, последний матч первенства страны, который должен был стать подлинным праздником для всех любителей спорта, был омрачен. Тщательное рассмотрение всех обстоятельств, в том числе изучение видеомагнитофонной записи матча, неопровержимо доказывает, что судейская коллегия, не засчитав шайбу, заброшенную командой ЦСКА после истечения времени первой половины третьего периода, приняла правильное решение.

А. В. Тарасов, несомненно, внес большой вклад в развитие хоккея в стране. С его именем связаны многие победы на чемпионатах мира, Европы и Олимпийских играх. Однако за последнее время А. В. Тарасов, уверовав в свою непогрешимость, стал проявлять нетерпимость к критике своих неправильных действий, заносчивость и высокомерие, он неоднократно оскорблял судей, пренебрегал советами своих коллег-тренеров.

Федерация хоккея СССР терпеливо разъясняла А. В. Тарасову недопустимость такого поведения и неоднократно осуждала его неправильные действия.

На заседании коллегии Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР А. В. Тарасову не хватило принципиальности и мужества для того, чтобы дать правильную оценку своим действиям, несовместимым с нормами поведения советского тренера-педагога.

Учитывая все эти обстоятельства, коллегия Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР приняла решение лишить А. В. Тарасова почетного звания

“Заслуженный тренер СССР”».

Это звание Тарасову было присвоено (удостоверение № 44, выдано 29 апреля 1957 года) приказом председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР Николаем Романовым (№ 302 от 4 августа 1956 года).

Сразу же заговорили о том, что Тарасов воспринял наказание на удивление хладнокровно. Это не так. Выдающийся тренер был ошеломлен. Татьяна Тарасова вспоминает, что она дважды в жизни видела отца плачущим. Первый раз это было тогда, когда во время автомобильной аварии, случившейся во время поездки на юг, маленькой Тане дверной ручкой автомашины пробило голову. Второй — когда Тарасов вернулся домой после заседания коллегии. Он всем телом рухнул на кровать и заплакал.

Тарасов отправился в Скатертный переулок, не сомневаясь в том, что будет наказан. Но он и представить не мог, какое наказание придумал для него Павлов. Тарасов, называющий в телефильме о себе свой лужниковский демарш «безобразным поступком», предполагал, что получит строгий выговор, что его оштрафуют (о штрафе Анатолий Владимирович говорил в 1991 году, но в советские времена системы финансовых штрафов не существовало). Снимут с работы, наконец, размышлял тренер.

Но Павлов, сославшись на указание сверху и показав при этом многозначительно глазами на потолок, нанес жестокий удар. Тарасов был уверен в том, что никакого указания сверху не было — просто Павлов хотел выслужиться перед Брежневым. «Не имеете права, — ответил Тарасов. — Я воспитал пятьдесят чемпионов мира, а заслуженного давали даже за одного». А уже после принятого решения, уходя, сказал возмущенный: «Принесете мне на блюдечке с голубой каемочкой. А я работать не буду».

Рассказывают, что Павлов вызвал после заседания коллегии Аркадия Чернышева и сообщил ему, что Тарасов в сборной работать больше не будет. Ответ Чернышева был лаконичным: если Тарасову не вернут звание и отлучат от сборной, то он, Чернышев, на чемпионат мира команду не повезет. Павлова, затеявшего большую интригу против Тарасова, такой ответ не мог не напугать: сборная была на ходу, выигрывала один чемпионат мира за другим, в скором времени предстояли Олимпийские игры, фиаско на которых Павлову бы не простили.

В фильме «Хоккей Анатолия Тарасова» сам Тарасов, вспоминая этот эпизод, обратился к Чернышеву со словами благодарности: «Аркадий, спасибо тебе, конечно, что ты был солидарен со мной. Ты тоже отказался от работы в сборной команде. Потом кто-то уговорил меня вернуться в сборную.

Наверное, тот же Аркадий и сказал: ладно, шут с ними!»

Со всем этим совершенно не стыкуется еще одна история, поведанная Евгением Рубиным в мемуарной книге «Пан или пропал!». Встреча Рубина с Чернышевым состоялась, по словам журналиста, через несколько дней после той скандальной игры. «Мы побеседовали, — пишет Рубин, — и он пригласил меня перекусить в ресторане “Динамо”. К обеду заказали графинчик водки. Выпив первую рюмку, Чернышев сказал: “Ну до чего же вы, журналисты, трусливая публика! Всё готовы Тарасову простить”. — “А вы ‘Советский спорт’ разве не читаете? — возразил я. — Там всё поставлено на свои места”. — “Ты о заметке Сологубова? Да она такая маленькая, что ее и не заметишь. Про эту сволочь полагалось целую страницу написать. И дать заголовок похлеще”.

Старая газетная дисциплина сохранилась у меня и поныне, — продолжает Рубин. — Оттого и употребляю тут эпитет “сволочь” вместо куда более сочного, но из “заборного жанра”, который использовал обычно хладнокровный Аркадий Иванович. Его тон не вызывал сомнений: есть у «первого сокола» немало претензий ко “второму”».

В одном доме с Тарасовым жил начальник канцелярии министра обороны Советского Союза генерал-лейтенант Калинин. После инцидента в Лужниках Александр Гомельский, будучи хорошо с генералом знакомым, поднялся к нему в квартиру и подробно рассказал о том, что произошло. Гомельский упирал на стремление Тарасова биться за ЦСКА, за честь клуба, унижать который хоккейный тренер никому не собирался позволять. И — тем более — прощать унижение.

Калинин, по всей вероятности, уже утром следующего дня доложил министру обороны Гречко. Тот, публично поступок Тарасова не одобряя — история произошла все-таки в присутствии Леонида Брежнева, тайно наградил Тарасова именным оружием — охотничьим ружьем ИЖ-58 — за преданность армейскому спорту (с гравировкой: «Полковнику Тарасову от министра обороны»). Довольно скоро, в октябре, восстановили и звание заслуженного тренера СССР. После восстановления Тарасов сказал: «Понимаю, за что отобрали. Не понимаю, за что вернули».

На протяжении пяти месяцев в ЦСКА была любопытная картина: старший тренер заслуженным не был, а его ассистент Кулагин, получивший высокое звание после чемпионата мира 1969 года за воспитание армейских хоккеистов, — был.

О снятии звания оповестили шумно, проведя артподготовку по травле тренера на страницах «Советского спорта». О восстановлении сообщили скупо, в короткой информации,

размещенной в еженедельнике «Футбол-хоккей» под заголовком «Хроника»:

«Решением коллегии Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР от 30 октября старшему тренеру хоккейной команды ЦСКА, заслуженному мастеру спорта А. В. Тарасову восстановлено звание заслуженного тренера СССР».

Подаренное же Гречко ружье однажды чуть не пригодилось. Какие-то негодяи разорвали обивку двери квартиры Рахили Моисеевны, мамы выдающегося пианиста Владимира Крайнева, мужа Татьяны Тарасовой, и написали несмываемой краской «Жиды». Анатолий Владимирович обожал сватью. Врач по профессии, она всю войну провела на передовой, одна вырастила гениального сына. Узнав об антисемитской выходке, Тарасов пообещал Иле (так звали Рахиль Моисеевну в семье): «У меня есть ружье, подаренное министром обороны. Я перееду к тебе и буду отстреливаться».

Возвращаясь же к скандальному матчу, стоит привести мнение одного из лучших арбитров мирового хоккея Юрия Карандина. Карандин, надо сказать, познакомился с Тарасовым при весьма любопытных обстоятельствах. Арбитр вместе с коллегой и земляком из Новосибирска Борисом Литвиновым реферировал в Ленинграде матч СКА с ЦСКА. Это было почти в самом начале судейской карьеры Карандина на таком высоком уровне. Игру организовали на открытом воздухе, соорудив хоккейную коробку перед одной из трибун стадиона имени Кирова — прямо как в годы зарождения хоккея с шайбой в СССР, на футбольном поле. То, как матч складывался, Тарасова не устраивало, он нервничал, а когда Карандин в сложнейшей ситуации засчитал четвертую заброшенную в ворота ЦСКА шайбу (один из ленинградских хоккеистов в этот момент находился в площади ворот, куда его затолкал московский защитник), Тарасов обрушился на Карандина.

«Молодой человек!» — вспоминал Карандин громогласное обращение к нему тренера. Карандин был осведомлен о том, что «такое обращение свидетельствует о крайней степени тарасовского негодования». «Молодой человек! — повторил Тарасов. — Непозволительно шутить с такой командой, как ЦСКА! В этой команде выступают выдающиеся игроки советского хоккея. Вам оказано большое доверие, высокая честь судить игру такой команды, а вы допускаете разные штучки…»

Матч в итоге завершился ничьей (4:4). Огорченный результатом Тарасов не стал возвращаться в Москву вместе с командой, отправил ее поездом, а сам поехал в аэропорт. Там-то они и встретились — Тарасов и Карандин с Литвиновым,

ожидавшие рейс до Новосибирска. «Тарасов, — вспоминает Карандин, — как ни в чем не бывало, подошел ко мне и, улыбаясь, сказал: “Я немного погорячился” (это к вопросу о мстительности и злопамятстве, приписываемых Тарасову. — *А. Г.*). А потом, как бы оправдываясь, добавил про свою команду: “Мерзавцы, такой день мне испортили”. Смысл этих слов я понял позже. Оказалось, что у него был день рождения! Но тогда я этого не знал. Можно представить мое состояние: сам Тарасов чуть ли не извиняется передо мной, юнцом! И я пустился в объяснения: как затолкали ленинградца в ворота, где находились московские защитники, когда влетела шайба… Но это Тарасова уже не интересовало. С тем мы и расстались».

Тарасовские недоброжелатели непременно назовут этот короткий разговор очередным проявлением артистизма со стороны тренера: матч-то уже, дескать, состоялся, вспять события не повернуть, а на будущее неплохо привлечь молодого судью на свою сторону. Но так истолковывать поведение Тарасова могут лишь те, кто заведомо предвзято относится к тренеру. Между тем Тарасов никогда не юлил и всем — от высокого начальника до начинающего арбитра — говорил в лицо всё, что думал. Если бы он был убежден в неправоте Карандина, тот получил бы в аэропорту сполна. Но в том-то и дело, что отходчивый Тарасов знал: судья в этом эпизоде сработал верно.

Так вот, о матче в «Лужниках». Карандин рассказывает, что он «долго размышлял о том, почему Тарасов так поступил. Ведь он знал, что высшее руководство страны не простит ему этого поступка. Ведь формально судейская бригада была права. Формально…».

И по прошествии времени Карандин делает вывод, во многом объясняющий последующие действия властей — партийных и спортивных:

«Тарасов, теперь я в этом уверен, был 11 мая стопроцентно прав. Судья чистого времени должен был давать сигнал о перерыве не по контрольному секундомеру, а по времени на табло. Если бы табло сломалось — тогда другое дело. Но, как позже выяснилось, табло было абсолютно исправным. Я уверен, что гол бы, в конце концов, засчитали. Если бы не вмешались люди, которые ненавидели Тарасова и мечтали хоть как-то ему “насолить”. Уверен, что на судей-хронометристов тогда было оказано давление. Все знали, что он уведет команду в знак протеста, несмотря на то что на матче присутствует сам Брежнев. И все знали, *что* за этим последует».

В фильме «Хоккей Анатолия Тарасова» Анатолий Владимирович, вспоминая тот матч, назвал судью «жуликом».

Вряд ли он имел в виду Карандина. Говорил, скорее всего, вообще о «судейском жульничестве» в той встрече, приведшем по вине арбитра-хронометриста к незасчитанному голу в спартаковские ворота, забитому честно, без нарушений правил и в отведенные регламентом секунды. «Понимал, что жульничество, — признавался позже Тарасов, — но это понимание не давало мне, как тренеру, права так поступать. Сейчас мне стыдно за тот поступок».

Карандин тогда никак не мог повлиять на решение судьи-хронометриста. Шайбу после сигнала с судейской лавочки нельзя было засчитывать. «И мы, судьи, — говорил позже Карандин, — были правы, и Тарасов был по-своему прав. У него ведь были враги, которые воспользовались моментом, чтобы ему отомстить. И они успешно это сделали. Добились желаемого».

В конце 1974-го — начале 1975 года в Канаде и США проходил второй неофициальный молодежный чемпионат мира. Тарасов был приглашен на турнир — почетным гостем. Карандин был выбран Международной федерацией хоккея одним из рефери турнира. Тарасов и Карандин летели вместе. В самолете они вспомнили майский лужниковский матч 1969 года. Тарасов, по словам Карандина, признал его — арбитра на площадке — правоту в том скандальном эпизоде, но всё равно был недоволен. Любопытен рассказ Карандина о том, как они по прилете в Канаду оказались в одном номере отеля:

«“Есть небольшие проблемы с размещением, — сказал встречавший нас Агги Кукулович, считавшийся в Канаде специалистом по советскому хоккею. — Временно вам придется пожить не так комфортно. Через день-два на каждого будет отдельный номер. А пока — только один на двоих”. И выпало мне жить вместе с Тарасовым. Представляете?! Я — на седьмом небе! Хоть какое-то время побыть вместе с таким человеком, пообщаться с ним! Он столько знает! Я был по-мальчишески счастлив.

Получили ключ. Поднялись в номер.

— Ну что, сибиряк? Посмотрим, какой ты есть, когда не судишь. Не храпишь?

— Не-ет, что вы!

— Уже хорошо.

Время позднее. К тому же долгий и утомительный перелет, разница во времени. А меня предупредили, что завтра буду судить товарищеский матч.

Разобрались, расположились, приняли душ. Я быстренько в постель, чтобы отдохнуть с дороги. И, откровенно говоря, не хотелось мешать Анатолию Владимировичу, который тут же

уселся за стол, разложил бумаги и что-то пишет.

Не успел я закрыть глаза — толчок в бок.

— Ты что, спать сюда приехал? Давай-ка вставай.

Я взмолился:

— Анатолий Владимирович! Мне же завтра судить!

— Правильно! Садись и изучай правила. Не у себя дома — в Канаде. Их правила нужно знать. А отдыхать тебе еще рано — молодой.

Поднял меня. Поговорили немного, он опять уткнулся в свои бумаги. Пишет. Я незаметно в постель и сразу отключился. Но спал, наверное, считанные минуты. Тарасов снова растормошил. Так мы с ним ночь и скоротали. Утихомирился он под утро, а мне оставалось поспать часа три, не больше. Как мне хотелось переселиться в другой номер! И я не вспоминал с своем телячьем восторге.

Когда же нас расселили, Анатолий Владимирович сказал:

— А мне жаль с тобой расставаться. Ты хороший собеседник».

В Канаде Тарасов ни разу не заговорил с Карандиным о скандале-69.

Глава четырнадцатая ИСКРЕННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ

Тарасова постфактум обвиняли в конформизме, использовании советских методов в воспитательной работе, смеялись над семинарами для хоккеистов — для изучения трудов классиков марксизма-ленинизма, материалов партийных съездов.

В искренности Тарасова, верившего в справедливость общества, в котором он, родившийся через год после революции, вырос, в котором получил возможность заниматься любимым делом, добился огромных успехов, стал выдающимся тренером, его хулители сомневались. Между тем поводов для таких сомнений Тарасов не давал. Те, кто писал о нем с пренебрежением, как правило, мерили по себе, подгоняя свои публичные поступки и деяния под запросы тогдашней идеологии, а на кухнях смеялись над системой, охаивая ее и отказывая другим быть искренними при восприятии происходившего. Такими, как Тарасов.

О кружках, лекциях, боевых листках и коллективных походах в театр Тарасов, по словам Евгения Рубина, докладывал «в публичных выступлениях, призывал перенимать опыт, как он выражался, “партийно-политической работы в ЦСКА”, объяснял ими успехи команды. Слушатели внимали докладчику в почтительном молчании, не решаясь выдать своего подлинного отношения к его словам. Никто не сомневался в том, что Анатолий Владимирович и сам отлично знает им цену».

Тарасов, однако, никогда и никому не объяснял успехи хоккейного ЦСКА «партийно-политической работой». Выдумка, легко опровергаемая: достаточно почитать стенограммы всевозможных собраний, совещаний и заседаний, имевших отношение к хоккею. Успехи команды Тарасов объяснял только неистовой работой на каждодневных тренировках и безжалостным отношением к себе игроков в матчах. Но он был уверен также, что совместные занятия в кружках и семинарах — без начетничества и формализма — способствуют взаимопониманию в огромном коллективе, в состав которого входят люди с разным интеллектуальным уровнем и с разной степенью способности воспринимать услышанное от лекторов, в том числе от него самого. И нет ничего плохого в том, что Тарасов исключительно серьезно задавался для себя вопросом: как сделать так, чтобы увлечение хоккеем стало для тех, кто начал им заниматься, «прямой дорогой к честности и

порядочности, успехам в учении, к активности в общественных делах, к дружбе, товариществу, к умению сочетать личные устремления с интересами коллектива».

Да, в интервью «Советскому спорту» в марте 1950 года Тарасов утверждал в духе времени, что «главное условие подъема класса игры наших команд есть постановка надлежащей политико-воспитательной работы… В течение сезона игроки ЦДКА изучали “Краткий курс истории ВКП (б)” и прослушали ряд лекций и докладов о текущих политических событиях». В духе того же времени Тарасову вторил, например, Бобров, отмечая в 1951 году, что успех ВВС — результат «систематической политико-воспитательной работы».

Тарасов действительно всегда отлично знал цену своим словам. Только не в том смысле, какой Е. Рубин вкладывал в собственную оценку его поведения.

Татьяна Анатольевна Тарасова, называющая отца «убежденным коммунистом», рассказала замечательную историю о том, как однажды она приехала к отцу на дачу в Загорянку со своей подругой выдающейся актрисой Мариной Неёловой.

«Папа принял нас, как всегда, хлебосольно, накрыл стол, шутил, ухаживал за дамами. Когда Марина вышла из комнаты, поинтересовался:

— Кто она?

— Актриса, играет в “Современнике”.

Марина вернулась, веселье продолжилось. И вдруг папа спрашивает Неёлову:

— А ты Зою Космодемьянскую играла?

— Нет, Анатолий Владимирович.

— А хочешь сыграть?

— Да боже упаси!

Что тут началось…

— У вас нет ничего святого! Антисоветчицы! — кричал папа. — Убирайтесь из моего дома!

Мы похватали дубленки и, выскочив на улицу, сели в мой “жигуленок”. А он не заводится ни в какую — мороз был градусов тридцать. Потыркались-потыркались, вдруг из дома вылетает отец, рвет дверцу.

— Выходите! — садится за руль, с полоборота заводит машину, прогревает и… глушит мотор. — Ладно, антисоветчицы, пошли допивать».

Спустя время Тарасов выкроил несколько свободных часов, прочитал в библиотеке всё, что нашел о Неёловой, — рецензии на спектакли и кинофильмы, интервью, — а потом позвонил Марине:

— Ну, здравствуй, великая актриса современности.

— Кто это? — растерялась Марина.

— Это Толя Тарасов.

У Марины, как потом она рассказывала Татьяне, чуть сердце из груди не вырвалось. А Тарасов, прибегнув к такой форме извинений за инцидент с «Космодемьянской», с тех пор только так к Неёловой и обращался — «великая актриса современности».

«Толя Тарасов, — пишет Татьяна Анатольевна в сборнике «Всё о моем отце». — Тебе так остро захотелось хотя бы на минуту снова почувствовать себя молодым, снова пофлиртовать с красивой женщиной, чтобы она смеялась твоим шуткам, краснела от твоих комплиментов и называла тебя Толей, чего, кстати, Марина никогда себе не позволяла».

«Внутренне Тарасов, как мне кажется, ограничивал свое всемогущество только одним, — говорил в беседе со мной журналист Юрий Цыбанев, — его хоккей обязан был быть в полном смысле социалистическим, как он выражался, “колхозным”. Не раз имел счастливую возможность разговаривать с Анатолием Владимировичем в непринужденной обстановке и обнаружил: на уровне убеждений ценности социализма были для него почти святыми. Неутомимо вешая чертей на проклятых капиталистов, он лишь изредка позволял себе вслух усомниться: “А может, нам действительно не всю правду рассказывают?” Пропитав свой самодержавный хоккей колхозными идеями, никому и нигде за границей, понятно, не приходившими в голову, вытягивая из игроков жилы вместе с талантами, Тарасов вывел хоккей в глазах советской общественности в явление планетарного масштаба». Он даже в ответственные игровые моменты, перемещаясь вдоль скамейки, громко, случалось, призывал: «Пас только на советский крючок!»

В том, что Тарасов был человеком непокорным, сомнений нет. Но непокорность его не носила политическую окраску, была не диссидентской, а обыкновенной, присущей сильному человеку, уверенному в том, что делает. «Он, — и Татьяна Тарасова подчеркивает это, — считал себя советским человеком, патриотом. Когда началась перестройка, отец страшно переживал, мучился. Галя (сестра. — *А. Г.*) ему подсовывала тогдашние “передовые” журналы типа “Огонька”, а он ими швырялся, кричал: “Антисоветчицы!” Только под конец жизни немного смирился с переменами, которые произошли в стране».

Советская власть в его представлении — это было нечто непогрешимое. И оттого ему пришлось очень тяжело, когда в печати стали появляться страшные разоблачения — Сталина, Ленина и других большевистских вождей. Галина и Татьяна

давали ему, как бы невзначай, почитать появлявшиеся в прессе статьи Солженицына. Он прочитывал, чихвостил их, называя «отпетыми антисоветчицами». «Но все-таки, — вспоминала Галина, — читал, и видно было, что переживает очень сильно…»

За глаза отпуская в адрес Тарасова язвительные реплики, его противники пытались сражаться с ним, используя силу коммунистической печати, прежде всего газеты «Правда». А ведь слово, произнесенное «Правдой», становилось законом.

В мае 1969 года недоброжелатели Тарасова из числа журналистов вознамерились при содействии «Правды» убрать Тарасова, а заодно и его коллегу Чернышева из сборной. Инициатором написания статьи «Прощай, хоккей, в начале мая», опубликованной «Правдой» 12 мая 1969 года, стал корреспондент ТАСС Владимир Дворцов — страстный болельщик «Спартака», на дух не переваривавший ни ЦСКА, ни Тарасова. Дворцов чрезвычайно гордился статьей, называл ее «одной из самых заметных статей, появившихся в главной газете страны». «Таких статей о хоккее — заметьте, сверхблагополучном виде спорта в нашей стране, — говорил он, — до сих пор не появлялось ни в одной отечественной газете».

Дворцов раскрыл механизм подготовки в Советском Союзе материалов конкретной направленности. В перерыве одного из матчей чемпионата страны Дворцов предложил своему близкому приятелю, известному телекомментатору Николаю Озерову, еще одному поклоннику «Спартака», а также работавшему в «Советском спорте» Евгению Рубину втроем написать статью против Тарасова. Сам он брался пристроить статью в «Правду».

Лев Лебедев, ответственный в газете за спортивную тематику, охотно согласился с задумкой Дворцова, сказав, правда, что будет достаточно и двух подписей — Дворцова и Озерова. Но автор идеи настоял на «тройке».

Как проходил процесс создания «одной из самых заметных статей»? Дворцов сначала ездил к Озерову и обговаривал с ним тезисы. Потом отправлялся к Рубину, и они на пишущей машинке перекладывали устный текст на бумагу. Затем Озеров, прочитав статью, отправил ее с Дворцовым в ЦК КПСС к Александру Николаевичу Яковлеву, своему давнему знакомому, занимавшему в «инстанции» (как называли ЦК) исключительно важный пост — заместителя заведующего Отделом агитации и пропаганды. «Озеров, — вспоминал Дворцов, — очень активно поддерживал мою идею — написать не куда-нибудь, а именно в главную газету страны… “Уж ударить, так ударить!” — восклицал он. И в свою очередь обещал заручиться поддержкой ответственного за идеологию в ЦК партии Александра Яковлева. А это уже был

большой плюс. Одно дело — будет Лебедев сдавать статью, хоть и именитых авторов, а другое дело — ее “лоббировал” сам Яковлев. Хотя как на это посмотрит главный редактор “Правды” Михаил Зимянин? Может, у них с Яковлевым какие-то сложные отношения. Но потом все оказалось очень хорошо: я принес статью Лебедеву, и буквально в этот момент ему позвонили от Зимянина, чтобы он дал ему почитать материал. Лебедев еще сам не читал статью, а откуда же Зимянин мог узнать про нее?..»

Это была та самая статья (о которой мы вскользь упомянули выше), вышедшая в газете «Правда» в понедельник 12 мая 1969 года, на следующий день после того самого матча, когда Тарасов увел свою команду с площадки. Сообщение об этом инциденте, небывалом для советского хоккея, было заверстано прямо в статью, и весь ее пафос и антитарасовская направленность потеряли смысл. Обличители поначалу обрадовались удачному совпадению, но потом поняли, что события в Лужниках приземлили их идею. Казавшиеся авторам важными для судеб отечественного хоккея рассуждения превратились в банальность. Рассуждали же они о том, что тренеры сборной ориентируются в основном на хоккеистов из своих клубов и не предоставляют возможность проявить себя «высококлассным» (по мнению авторов или людей, соображениями которых они руководствовались) игрокам из других клубов. При этом назывались имена В. Жидкова из Горького, В. Кузьмина из «Спартака», В. Никитина и Ю. Ляпкина из Воскресенска.

Тема, давно уже набившая оскомину у специалистов. Если говорить о ЦСКА, то Тарасов готовил для сборной игроков, которые, по словам Бориса Михайлова, «выдерживали конкуренцию с ведущими мастерами из других клубов». Постоянно споривший с Тарасовым партнер Михайлова Владимир Петров, отвечая однажды на вопрос знаменитого баскетбольного тренера Александра Яковлевича Гомельского: «Что отличало Тарасова от остальных тренеров, чем он был велик?» — сказал: «Он опережал время, его идеи двигали хоккей вперед, он был творцом, смотревшим на много лет вперед. Да, он брал подающих надежды, умел разглядеть талант, гранил его, заставлял много трудиться, подчас был жесток, но доводил человека до совершенства. Скажу честно, без Тарасова я бы не стал чемпионом Олимпийских игр, мира, СССР, а остался бы середнячком, как и многие другие».

Михайлов и Петров знают, о чем говорят. Их, как и других не слишком известных хоккеистов, приглашали в ЦСКА для того, чтобы сделать из них форвардов, способных стать лидерами атаки не только ЦСКА, но и сборной. Верхом нелепости выглядела бы

ситуация, в которой Тарасов лишь для того, чтобы угодить неким радетелям равного представительства в сборной игроков из различных клубов, оставил бы дома Михайлова и Петрова, а в состав наигранного звена включил новых игроков, неизвестно, способных ли сыграть на самом высоком уровне.

Спустя годы после публикации статьи в «Правде» о ней помнили только Дворцов и Рубин. Рубин, например, был убежден, что Тарасов отыгрался на нем одном, заставив газетное руководство отлучить его, Рубина, от хоккея; соавторы же его были защищены от тарасовского гнева — Центральным телевидением (Озеров) и ТАСС (Дворцов).

Тарасова Рубин называл «злодеем». «Я понимал, — утверждал он, — что удар должен быть нанесен по мне. Он, этот удар, вскоре и последовал. По какому-то поводу сборная проводила товарищеский матч в Лужниках. В нем впервые сыграл одаренный ленинградский вратарь Владимир Шеповалов. Сыграл прилично, но однажды сплоховал: выставил перчатку навстречу летящей шайбе, но промахнулся и пропустил гол. Я упомянул об этом в репортаже, оговорившись, что ошибку следует объяснить естественным волнением человека, первый раз в жизни надевшего форму национальной команды страны. На следующее утро меня вызвал главный редактор Киселев.

— Я только что из комитета, — грустно сообщил он. — Там в кабинете председателя бушевал Тарасов. Он кричал, что игроки боятся открывать “Советский спорт”, чтобы не наткнуться на наши разносы. Что у Шаповалова была истерика, когда он увидел ваш репортаж. Что тренеры сборной не ручаются за ее успехи, если вас не остановить… Я попросил вас зайти, — продолжал Киселев, — чтобы вы имели в виду разговор в комитете и были поосторожней.

Хотя мне тогда уже стукнуло сорок, я еще не поборол в себе привычку возмущаться несправедливостью обвинений и перестал здороваться с Тарасовым. Недели через две после вызова к редактору управление кадров комитета приказало сместить меня с должности и. о. зав. отделом».

В интервью «Огоньку» Рубин поведал иную историю своего смещения с должности в «Советском спорте». «В брежневские времена царил дикий антисемитизм, — говорил он. — Я лет семь был “и. о.” редактора крупного отдела в “Советском спорте”. Как-то подошел к главному редактору Владимиру Новоскольцеву: “Почему не уберете эти буквы — и. о.? Почему я не член редколлегии?” Тот усмехнулся: “Женя, вам нужны шашечки или ехать? Зарплата у вас как у члена редколлегии…” Мы посмеялись и разошлись. Но вскоре его тестя сместили из секретарей ЦК.

Новоскольцева отправили на понижение, в журнал “Спортивные игры” (тестем Новоскольцева был секретарь ЦК КПСС Петр Поспелов: из секретарей его попросили в мае 1960 года, а до октября 1961-го он оставался кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС; потом его перебросили на директорскую должность в Институте марксизма-ленинизма, но Новоскольцев редакторствовал в «Советском спорте» до июля 1968 года. — *А. Г.*). Новый главный редактор сразу отобрал у меня и буквы “и. о.”, и отдел. Я перебрался в еженедельник “Футбол-хоккей”, где работал до эмиграции».

Какое отношение ко всему этому имеет Тарасов? И что означает временная привязка: «сразу отобрал»? Николай Киселев возглавил «Советский спорт» в июле 1968 года. Его перевели в газету из спортивной редакции ТАСС. Статья в «Правде» за подписью трех авторов появилась в мае 1969-го. В системе «Советского спорта» (после газеты в ее приложении — еженедельнике «Футбол-хоккей») Рубин проработал до 1978 года.

Легче всего списать всё на Тарасова. И вот уже после кончины мэтра продолжают гулять истории о кознях Тарасова по отношению к несчастным журналистам. «Он мог и по головке погладить, — писал в «Советском спорте» Геннадий Ларчиков, — а мог через час публично оскорбить, а при случае даже подложить свинью. Как это было, например, в 1967 году, когда по инициативе Тарасова был лишен права освещать чемпионат мира в Вене хоккейный журналист номер один, редактор отдела спортивных игр “Советского спорта” Евгений Рубин».

Тарасову многие советовали перестать ссориться с журналистами и сделать их своими союзниками. Как делали это и продолжают делать многие тарасовские коллеги, ублажая представителей СМИ заграничными поездками вместе с командой, безоговорочным доступом к ведущим игрокам и пропусками в ВИП-ложу. Но Тарасов не мог переступить через себя. Он небезосновательно считал подавляющее большинство пишущих о хоккее дилетантами, не способными донести до публики суть происходящего на площадке.

Александр Гомельский рассказывал, что Тарасов частенько называл журналистов «щелкоперами». Великий баскетбольный тренер на правах друга пытался урезонить его, объяснял, что своим неприятием журналистов он только плодит врагов, потирающих руки и повторяющих: «Чернил у нас в авторучках на всех хватит». В ответ Тарасов интересовался: «А ты не такой?» Не такой, конечно. Гомельский гибче. «Я, — говорил он, — понимал, что без помощи журналистов прославлять спорт, игроков, тренеров нельзя. Пресса создает популярность виду спорта».

Тарасов отвечал: «Мне они не помогают, а мешают. Пишут не то, что я говорю». «В этом, — резюмировал Гомельский, — был весь Тарасов. Он считал, что все должны думать так, как он». Тарасов, однако, не настаивал на том, чтобы все думали под его «гребенку». Он всего лишь хотел точности в оценках, притом точности, основанной на таких знаниях хоккея, каких у журналистов не было и в помине. Идеалистическое желание.

До его оценочного уровня подниматься и не стремились. Зачем? Это какие же усилия следовало приложить, чтобы достичь хотя бы первого, самого нижнего уровня понимания тарасовского хоккея, особенностей его тренировочных методов, имеющих обязательную направленность — в преддверии ближайшего конкретного матча или же предстоящего через несколько недель важного турнира. И не через байки понять, не через услышанные из третьих- пятых уст леденящие душу истории об истязаниях несчастных игроков на занятиях, не через сплетни, окутывавшие хоккейный мирок и служившие для антитарасовцев лучшей пищей.

Иногда, впрочем, Тарасов похваливал, выдавая своего рода аванс. «Журналисты немало делают для популяризации хоккея», — отмечал он в статье «Клюшки на лед…», опубликованной в еженедельнике «Футбол-хоккей» в преддверии сезона 15 сентября 1968 года. Редчайший случай, когда Тарасов публично заговорил о журналистах. И — в положительном ключе: «Хоккей не только отлично смотрится, он, по-моему, и очень здорово “читается”. Мы, тренеры и хоккеисты, в заметках, в отчетах находим оценку своей деятельности. Пользу журналистских рецензий я вижу в том случае, если написано и “как было в матче”, и — это главное — “как должно быть”».

Тарасов сам был человеком пишущим. Статьям его, опубликованным за сорок с лишним лет в спортивных и общеполитических изданиях, нет числа. Его книги о хоккее в советское время издавались и переиздавались. Лев Иванович Филатов, мэтр советского журналистского цеха, говорил, что «если бы Тарасов только писал о хоккее, то одно это поставило бы автора в число ведущих специалистов». А известный советский спортивный журналист Юрий Ильич Ваньят рассказывал, что еще в 40-х годах привлекал Анатолия Тарасова к сотрудничеству в газете «Красный спорт», где будущий выдающийся хоккейный тренер выступал «с очень интересными футбольными обзорами, показывая большое понимание тактических и психологических задач этой игры».

В репортаже из Стокгольма-63 корреспондент «Комсомольской правды» Павел Михалев обвинил одного

хоккеиста в том, что тот избегал силовой борьбы (обвинил, как он рассказывал, по просьбе коллег из других изданий, считавших, что в их газетах этот пассаж не пройдет). Речь шла о Вениамине Александрове, одном из самых ярких игроков той поры.

(Год спустя, после Олимпиады в Гренобле, Александрову хотели вручить приз «За мужество», но он отказался, сказав, что рассчитывал на приз «За трусость».) После чемпионата в Отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС прошло традиционное для того времени совещание, на котором обсуждалась работа газет, радио и телевидения по освещению стокгольмского турнира. Тарасов припомнил комсомольской газете критику игрока своего клуба и, как всегда, жестко заявил, что «автора отчета нельзя на пушечный выстрел подпускать к хоккею, да и вообще к спорту». Тарасов никогда не позволял обижать хоккеистов ЦСКА. Даже если был согласен с критиками.

В середине 60-х годов Михалев возглавил Федерацию баскетбола СССР. Он познакомился с Тарасовым — по всей вероятности, через перебравшегося в Москву из Риги Александра Гомельского, и они наладили нормальные отношения. Анатолий Владимирович нашел для Михалева теплые слова в своей книге «Совершеннолетие».

В начале 1977 года генеральный директор ТАСС Леонид Митрофанович Замятин вызвал к себе руководителей спортивной редакции агентства и поручил подготовить список высококлассных специалистов с известными всей стране именами, которые могли бы стать обозревателями ТАСС по самым популярным видам спорта. Список он попросил принести ему на следующий день. Фамилию одного потенциального обозревателя Замятин назвал сам: «В хоккее пусть им будет Тарасов».

Идея, что и говорить, здравая. Не только по Тарасову, но и вообще по созданию института профессиональных обозревателей. Кто кроме них досконально разбирается в том или ином виде спорта, знает футбол, хоккей, баскетбол, фигурное катание, шахматы изнутри, в состоянии изложить свои мысли и грамотно просветить болельщиков? Анатолий Владимирович на предложение откликнулся с удовольствием. Он был рад получить такую дополнительную аудиторию, как читатели материалов ТАСС, моментально расходившихся по всей стране и публиковавшихся в центральных, республиканских, областных, городских и районных газетах.

Леонид Замятин встретился с Анатолием Тарасовым в своем кабинете на шестом этаже тассовского здания на Тверском бульваре. Заведующий спортивной редакцией Александр Ермаков

рассказывал, что Тарасов во время встречи интересовался тассовской технологией и был готов работать по любому из трех предложенных вариантов: либо диктовать свои обозрения стенографистке агентства по телефону, либо писать тексты дома и отправлять их потом с курьером, либо встречаться с репортером из спортивной редакции, наговаривать ему свои мысли, а затем править перепечатанную статью. Замятин поинтересовался, какие крупные хоккейные соревнования ожидаются в ближайшее время. Когда услышал, что в 20-х числах апреля в Вене стартует очередной чемпионат мира, спросил: «Анатолий Владимирович, как вы посмотрите на то, если ТАСС командирует вас на этот чемпионат?» Тарасов поблагодарил Замятина и сказал, что готов поработать на телеграфное агентство в интересах хоккея. Генеральный директор тут же по телефону отдал распоряжение соответствующим службам ТАСС заняться вопросами оформления Тарасова в командировку в Вену.

В Вену Тарасов прилетел 29 апреля. В аэропорту его встречал заведующий отделением ТАСС в Австрии Игорь Маслов, опытный журналист-международник, хоккеем интересовавшийся постольку-поскольку, но о том, кто такой Тарасов, конечно же, знавший.

От ТАСС в Вене был также специальный корреспондент из спортивной редакции Александр Левинсон, знакомый с Тарасовым с давних времен, еще когда он работал в «Московском комсомольце». Тогда почти сразу по приходе в газету ему дали задание взять у Тарасова интервью. Левинсон нашел тарасовский телефон, но, дозвонившись, услышал в ответ: «Молодой человек, я даю интервью в крайне редких случаях. Сейчас этот случай не наступил». Интервью Саша все-таки взял. «Хорошо, — сказал Тарасов. — Завтра в 6 утра жду вас в бане». И назвал адрес, куда следовало приехать. Парилка, высокая температура, веники, бассейн с холодной водой, снова парилка, веники… «Ну что, молодой человек, — подвел итог первой встречи Анатолий Владимирович, — проверку вы выдержали. Теперь можно и к интервью приступить».

Не выдержать проверку Левинсон — выпускник Института физкультуры, обладавший отменным здоровьем, игравший в футбол в командах класса «Б», — не мог. Спустя десятилетие в Вене Левинсон и Тарасов вспоминали об этом интервью.

Левинсон жил в гостинице, Тарасов — в отделении ТАСС. Только что не сдувавшие с гостя пылинки телетайпистки отделения вызвались готовить для него завтраки, но Тарасов, как и дома, вставал рано, в 5 утра, работал за письменным столом, завтракал, пока все спали, снова работал, и как только дежурная

телетайпистка появлялась на рабочем месте, сдавал ей написанный от руки комментарий. Потом Тарасов вычитывал набранный текст, вносил поправки, ставил на листочках визу, и обозрение из Вены уходило в спортивную редакцию ТАСС. Там править Тарасова практически не приходилось. Разве что косметически. На утренних планерках, когда дело доходило до доклада руководителя спортивной редакции, Замятин неизменно интересовался: «От Тарасова что-то уже поступило? Интересно? Пришлите мне почитать…»

Маслов и Тарасов ежедневно заезжали за Левинсоном, на котором лежала оперативная информация с чемпионата, и они отправлялись во Дворец спорта. Иногда Тарасов просил свозить его с утра на тренировку какой-либо сборной. Маслов рассекал по Вене на черной «Волге». Всякий раз пешеходы смотрели на этот автомобиль, как на чудо.

Обзоры, как и планировалось, Тарасов передавал каждый день. Всего их было ровно десять. Александр Левинсон вспоминал, что когда они общались с Тарасовым в отделении ТАСС, Анатолий Владимирович много говорил о дочери Татьяне, которой гордился. Разговаривали не только о хоккее, о котором Левинсон, как он говорит, за это время узнал больше, чем за всю жизнь, — о политике, театре, кино. Тарасов любил такие фильмы, как «Летят журавли» и «Сорок первый». «Мне, — говорит Левинсон, — он всегда казался суровым человеком, но, ежедневно общаясь с ним, я понял, насколько он сентиментален в душе, хотя никогда не показывал это на людях».

Это был не первый случай, когда Тарасов передавал корреспонденции из-за границы. В качестве репортера он дебютировал в начале 50-х годов. Его репортажи о матчах сборной на искусственном льду в ГДР печатались в московских газетах.

В пресс-центре венской арены Тарасов был нарасхват. Просьбам об интервью не было конца. Тарасов никому не отказывал. В разговорах с зарубежными журналистами с переводом помогал Игорь Маслов.

Тарасов был очень огорчен и результатами сборной СССР на венском чемпионате, и ее игрой. Наша команда заняла третье место вслед за чехами и шведами. Шведам мы проиграли оба матча.

На Тверской бульвар в Москву корреспонденция от Тарасова поступала по телетайпу с такими выходными данными: «Вена, 30 апреля. (Спец. корр. ТАСС)». Под текстом стояли скромные буквы — Т или А. Т. В редакции начало комментария оформляли так: «Вена, 30 апреля. Хоккейный обозреватель ТАСС, заслуженный

тренер СССР Анатолий Тарасов передает с чемпионата мира…» И далее, с абзаца, весь текст.

В первом же материале, датированном как раз 30 апреля, Тарасов рассказывает читателям о том, как прямо с аэродрома отправился со встречавшим его Игорем Масловым на хоккейную арену. «Увидели наших хоккеистов, закончивших тренировку, — пишет Тарасов, — успели, пусть накоротке, потолковать со многими. И я хочу доложить нашим хоккейным любителям: хоккеисты прекрасно понимают, что каждая встреча для них — финал, хотя они и вырвались в лидеры. Увидели и шведов — они тренировались на запасном катке. Тоже серьезно, деловито готовят себя».

Вечером в день приезда Тарасов просмотрел два матча. Уровень первой встречи, Финляндия — Румыния, «просто обидел». «У всех, кто входит в обойму сильнейших в мировом хоккее, всегда есть, чему поучиться. Но зачем же, — недоумевал Тарасов, — румынам и финнам брать с канадцев пример по части невоспитанности и человеческой жестокости? Эту бы силенку, энергию, энтузиазм, — а у спортсменов обеих сборных всего этого хоть отбавляй — направить бы на тактическую разумность».

За две недели до поездки на чемпионат мира Тарасов побывал в Финляндии с детской челябинской командой «Звездочка», представлявшей в Суоми турнир «Золотая шайба». Тарасов еще раз убедился, как в этой стране любят хоккей, как публика обожает своих кумиров и какое там огромное количество площадок, на которых увлеченно играют дети и юноши. Но количество в качество тогда, в 70-е годы, так и не перешло, несмотря на то, что работать в Финляндию приезжали чехословацкие и канадские тренеры. «Сильной национальной команды как не было, так по сей день и нет», — констатировал Тарасов в Вене, наблюдая за игрой сборной Финляндии.

Вторым матчем, просмотренным Тарасовым в Вене «живьем» («Хотя телевизор с интересными комментариями многое дает для восприятия происходящего на льду, все равно это не идет ни в какое сравнение, когда ты рядом с хоккеем», — говорил Анатолий Владимирович), был матч ФРГ — Канада. Основное внимание он, конечно же, уделил канадцам. По его мнению, разминались они перед игрой точно так же, как и 20 лет назад, в 1957-м, когда сборная СССР первый раз съездила в Канаду, — «много работы вратарю и никаких признаков технико-тактической увертюры ни игроков, ни звеньев». Оговорившись, что «сравнивать было бы куда проще и интереснее, если бы Канада играла с достойным, равным по классу противником», Тарасов заметил: «Но все равно, сквозь призму понимания игроками хоккея в главных, прежде

всего, фазах, можно судить о многом».

Заняться этим Тарасову помешал Фил Эспозито — игрок, ставший для него олицетворением «бандитизма, неуважительного отношения к противнику, судьям, зрителям». Вот несколько приведенных Тарасовым примеров «низкой культуры профессионалов».

Будучи играющим тренером и одновременно капитаном команды, Эспозито перед матчем, вместо приветствия судей, как это делается во всем цивилизованном «хоккейном мире», решил, проезжая мимо, залихватски постучать им концом клюшки по «мягкому месту». В совершенно безобидной ситуации, не требовавшей никакого силового вмешательства, он вдруг, обхватив соперника руками и повалив на лед, принялся колошматить его, за что справедливо получил двухминутный штраф. «И на этом фоне, — замечает Тарасов, — этот хоккеист с громким именем и богатейшим опытом не в состоянии реализовать выход на ворота противника “три в два”, а в другом эпизоде не может забросить шайбу в пустые ворота». Фактически проигнорировав разминку, он несколько раз самоуверенно выходил играть в меньшинстве, и все могли видеть, что сил ему недостает.

А удар, нанесенный Эспозито клюшкой в лицо капитану немецкой команды Шлодеру, когда хоккеисты обеих команд покидали лед и отправлялись на перерыв!?..

«Для меня, — подводил Тарасов итог своим наблюдениям за матчем Канада — ФРГ, — выдающийся игрок прошлого и настоящего всегда — наинтереснейшая фигура. Он задает тон в тренировке, в сложном матче, всеми своими действиями делится секретами мастерства с молодежью. Его обязанность — доставлять любителям хоккея как можно больше счастливых мгновений».

Ничего подобного в том матче Эспозито не продемонстрировал.

Тарасов признавался после матча, что «так и чешутся руки — проучить бы канадских профессионалов, как мы это делали в свое время с канадскими любителями, дать бы им настоящую острастку». Наверное, мэтру вспомнилась знаменитая игра в Калинине (о которой речь пойдет в следующей главе).

Высокопрофессиональные, точные, емкие комментарии Тарасова печатали сотни газет на всей территории Советского Союза, даже там, где в хоккей никогда не играли и знали о нем понаслышке, скажем в Таджикистане и Туркмении. После венского турнира в спортивную редакцию ТАСС поступали из специальной справочной службы огромные пакеты с вырезками

тарасовских статей, опубликованных во всех городах страны — от Калининграда до Владивостока и от Мурманска до Кушки.

Это был настоящий хоккейный ликбез. В апрельские и майские дни 1977 года своими обозрениями Тарасов заставил многих людей взглянуть на хоккей другими глазами. Глазами мастера, тонко подмечавшего малейшие нюансы игры и умевшего в доступной форме рассказать о сложном.

В корреспонденции, датированной 1 мая, Тарасов сообщает: «…Сегодня у чехословацких и советских хоккеистов первомайский праздник. Они участвовали в демонстрации, организованной коммунистической партией Австрии». После праздника, собственно, все проблемы у лидеров и начались: три поражения (два от шведов, одно от чехов) в четырех остававшихся до завершения чемпионата матчах.

Тогда в Вене команда заранее почувствовала себя чемпионом. Просьбу общества дружбы «СССР — Австрия» принять участие в организованной коммунистами демонстрации большая группа хоккеистов восприняла как завуалированное разрешение расслабиться. Тарасов, разумеется, не знал об этом, как, впрочем, не знал об этом и руководитель советской делегации в Вене Валентин Сыч, вмешивавшийся в тренерские решения по составу и игре, но не заметивший (а уж это руководитель делегации обязан был замечать!), как хоккеисты заранее приступили к празднованию чемпионских титулов. О нарушениях режима в Вене Сычу спустя несколько лет поведал Владимир Шадрин, выступавший вместе с ним на встрече с болельщиками.

…В начале 90-х годов режиссер Эмиль Мухин задумал снять документальный фильм об Анатолии Владимировиче Тарасове. Он нашел средства на съемку, что сделать было тогда непросто, договорился с Тарасовым и обратился к своему приятелю, известному телекомментатору Геннадию Орлову.

«Обратился сначала как бы за советом, — вспоминает Геннадий Сергеевич. — Потом вдруг говорит: хочу, чтобы и ты поучаствовал. У меня такого желания, если честно, не было. Тогда Мухин составил список из пяти комментаторов, очень представительный, с Евгением Майоровым во главе — на согласование Тарасову. Потом звонит мне из Москвы: мол, Анатолий Владимирович сказал, пусть Генка Орлов будет. Хотя знакомы мы были шапочно. Брал у него, конечно, интервью, но не более того. Большой дружбы не было. Конечно, я относился к Тарасову с уважением и пиететом, даже в бане с ним довелось попариться, но так, чтоб разговаривать по душам… В общем, я выдвинул одно условие: соглашусь, если Тарасов расскажет всю правду про отношения с Бобровым и Пучковым, своими главными

антагонистами».

Тарасов пообещал быть предельно откровенным и, по словам Орлова, сдержал обещание. В трех сериях, названных авторами «Дилетанты», «Любители» и «Профессионалы», он подробно отвечает на вопросы Геннадия Сергеевича — на самые разные темы. «Мы, — рассказывает Орлов, — заранее к интервью не готовились, он не знал наперед, о чем будем говорить. Что касается Пучкова, была такая история. Николай Георгиевич в фильме очень высоко отозвался о Тарасове, назвал его гением тренировки. Анатолий Владимирович эту серию не просматривал: он заранее видел только первую, а остальные мы уже гнали с колес. И вот Тарасов, посмотрев фильм, набирает мой номер и буквально рыдает в трубку. Старик был растроган: ты, говорит, Генка, сделал для меня самый большой подарок. Для него те слова Пучкова оказались очень важны. Ну и для меня это была радость автора. Не буду врать, я этой работой горжусь».

Пучков, с которым у Тарасова сложились непростые отношения, сказал в фильме, что принадлежит к категории учеников Тарасова: «Я просто горжусь этим. Он своим отношением к делу, своей великой творческой заряженностью заряжал других, причем заряжал не только на какой-то матч, на какую-то игру. Он заряжал на всю жизнь».

Орлов, проговоривший с Тарасовым в общей сложности почти сутки и называющий его «гигантом», сравнивает Анатолия Владимировича с Сергеем Королевым: «Тот — отец космонавтики, этот — нашего хоккея».

Сравнение на первый взгляд несопоставимое. Сравнивать хоккей и космонавтику некорректно. Но характеры гигантов, совершивших коренные перевороты в областях своей деятельности, действительно схожи.

Тарасов, как и Королев, обладал характером полководца, способного принимать важное и верное решение в считаные секунды, без предварительной обработки информации, на основе сумасшедшей интуиции, потрясающего чутья. А сражения, как известно, выигрывают не те, кто раздает советы, а те, кто принимает решения.

Академик Борис Раушенбах так вспоминал о Королеве, с которым вместе работал:

«Он нередко играл, как на сцене. Он был великий артист, и надо было суметь различить, когда его гнев настоящий, а когда — напускной».

А Тарасов? О его артистизме в хоккейном мире знали все.

«Однажды, — вспоминал Раушенбах, — говоря о главной черте ученого-организатора, Сергей Павлович сказал: “Главное —

целеустремленность”. И объяснил: ум, талант, эрудиция — это предполагается, это само собой разумеется для всякого ученого. Однако только человек, обладающий огромной целеустремленностью, который умеет не разбрасываться, не отвлекаться каждой новой интересной идеей, но выбрать подлинно высокую цель и найти пути для ее достижения, — может стать ученым-организатором».

У Тарасова — предельная целеустремленность. Для него главным было соревнование с Канадой, для Королева — с Америкой. Оба стремились опередить соперников в этом соревновании.

Раушенбах называет Королева «человеком, для которого принципы были дороже приятельских отношений». Хотя довелось академику в 60-е годы услышать от Сергея Павловича и брошенное им в сердцах парадоксальное высказывание: «Я понял, что главный конструктор должен быть сволочью…»

Глава пятнадцатая КАНАДСКАЯ ДОМИНАНТА

Канада для Тарасова была всё равно что Гамбург начала XX века для борцов — проверкой по самому высокому, «гамбургскому» счету. Выражение это ввел в оборот Виктор Шкловский: «Гамбургский счет — чрезвычайно важное понятие. Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера. Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешенных окнах. Долго, некрасиво и тяжело. Здесь устанавливаются истинные классы борцов — чтобы не исхалтуриться. Гамбургский счет, — полагал Шкловский, — необходим в литературе». И пусть это выдумка писателя, смысл выражения действительно чрезвычайно важен. Не только в литературе, в любом деле. Хоккей не исключение.

Глобальной идеей Тарасова было участие его команды в турнире НХЛ. Команда могла бы называться «Москва» или «ЦСКА», быть, по сути, сборной СССР и пройти настоящую проверку в энхаэловском пекле. Тарасов легко нашел в календаре Национальной хоккейной лиги «окна», в которые могли бы поместиться матчи команды из Советского Союза. В случае реализации тарасовской идеи на его команду, несомненно, обрушилась бы вся мощь НХЛ. На «клуб Тарасова» все энхаэловские команды настраивались бы как на самого важного соперника.

«Ну что, мальчишки, — говорил Тарасов перед каждой поездкой за океан, — едем в Канаду на товарищеские матчи. Посмотрим, кто из вас мужики. Там бьют. Больно. А где больно, там проявляется характер».

Третьяк однажды сказал, что знает «нескольких знаменитых хоккеистов, которые испытание канадцами не выдержали, потому что были трусами. В Канаде сразу видно “кто есть ху”. Если, например, Скворцов, Михайлов с Харламовым лезли на чужие ворота, не щадя живота, то некоторые «звезды» предпочитали идти, как говорил Тарасов, “вкругаля”».

В январе 1966 года в Советский Союз приехала лучшая любительская команда Канады, выигравшая Кубок Аллана. Тарасов пришел к Юрию Машину и твердо сказал: «Первый матч надо сыграть в Калинине». — «Почему?» — «Нам надо подраться. Они должны понять, что мы тоже можем и умеем это делать. В Москве как-то неудобно, а в Калинине — в самый раз». «Давай»,

— согласился Машин.

В фильме «Хоккей Анатолия Тарасова» Анатолий Владимирович подробно рассказывает о состоявшейся в Калинине встрече:

«Я давал своим хоккеистам возможность подраться. Мы загодя готовились к профессионалам. Здорово готовились. Канадцы чувствовали, что мы боксом не особенно владеем. И принялись в каждый наш приезд туда устраивать заварухи. И вот настала их очередь приехать к нам. Поначалу мало кто знал, почему мы на первый матч завлекли их в Калинин. Я пришел к товарищу Павлову (Анатолий Владимирович, по-видимому, запамятовал: Сергей Павлов возглавил Спорткомитет в 1968 году, после того как Юрию Машину не простили общекомандного поражения от Норвегии на зимней Олимпиаде-68 в Гренобле. — *А. Г.*). Говорю: в Москве не будем проводить. Нельзя. И вам не надо ехать в Калинин. И руководители хоккейные там на этой игре не нужны. Нам нужно так сыграть матч, чтобы канадцы долго его помнили.

Судья был выбран нами. Наш. Ему было сказано: не свисти, фолов сегодня не будет, не должно быть. А у меня в составе было семь настоящих бойцов. К тому же в последние недели перед матчем я проводил очень жестокие тренировки: следовало отучить канадцев поднимать на нас кулак. Условия в Калинине были подходящие. Площадка для игры располагалась посередине футбольного поля городского стадиона. Драка была восемь на восемь. Потрясающее зрелище. Через две минуты все мои уже сидели на них, и кто за уши держит, кто дубасит, кто… И вдруг милицейско-солдатский кордон прорвали. Народ с трибун побежал. Могло случиться неприятное. Я дал команду, и наши отпустили канадцев. У Жени Мишакова было персональное задание — играющий канадский тренер Джордж Рой. Мишаков, отпустив канадца после моей команды, отправился на скамейку, по пути бросая взгляд назад. Рой оставался на льду. Около борта. Появились санитары, забрали его. Привели в порядок, и он вместе с врачом пришел в нашу раздевалку. Играющий тренер — хороший мужик, коллега. По прошествии двух десятков лет я ему говорю: “Извини, но так получилось. Вы же нас били, но никогда не извинялись. Гордились”. Я прихожу в раздевалку, а Рой спрашивает: “Что, и сейчас советские газеты напишут, что драку начали мы?” Я ему: “Какая разница, кто начал! Самое главное — великолепный матч, зрители хотели поближе подойти, посмотреть, что там творится. Драка нашему зрителю, оказывается, понравилась”. Играющий тренер говорит: “Но как она может понравиться нам, если двоих уже отправили в

госпиталь и я сейчас вынужден туда поехать? Я-то больше играть в такой хоккей не буду". Спрашиваю его: "Что я должен сделать?" — "Анатолий, — говорит, — давай играть в нормальный хоккей". "Хорошо, — отвечаю. — Но ты расскажешь всё, как было? Интервью канадским и американским газетам дашь?" — "Да!" — "Становись на колени, крестись". Встал на колени, перекрестился. Всё. Договорились.

В американских и канадских газетах всё, как и обещал Рой, было рассказано. Нашей прессе я в то время такое поведать не мог. Меня могли бы не понять. И — результат: никогда больше, когда я привозил свои команды за океан, в матчах с нами никто драк не устраивал, не дотрагивались до нас. Силовая борьба — да, без нее хоккей невозможен, пресен. Драки — нет».

Матч в Калинине Тарасов по прошествии времени назвал «нехорошим», а хоккей, в нем показанный, — «грязным». Но всегда объяснял, что «мы оказались вынуждены провести этот эксперимент, чтобы канадцы не застали нас врасплох».

Экспериментом Тарасов остался доволен. И дело, конечно же, не в победе с разгромным счетом 15:4, а в проявленном умении дать основательную острастку соперникам, привыкшим играть грубо и видевшим в грубости свое превосходство. Тарасов исключительно серьезно готовился к калининской встрече. На всякий случай, дабы уберечь ведущих хоккеистов от возможных травм, не поставил на игру Локтева, Александрова, Альметова, Кузькина, Брежнева, других лидеров команды. «Их места, — вспоминал Тарасов, — заняли молодые, чуточку безрассудные ребята, из тех, кому безразлично, с какого этажа прыгать — с первого или четвертого, если это в интересах дела. В конечном итоге мужество, все поведение спортсмена на поле должно быть подчинено одной цели — победе. А идти к победе можно разными путями».

«Игра, завершившаяся со счетом 15:4 (6:0, 7:2, 2:2), — писал «Советский спорт» в отчете о калининском матче, — не заслуживает того, чтобы о ее ходе рассказывать подробно. Слишком уж очевидным было превосходство наших хоккеистов. Отсутствие лидеров — ведущих игроков ЦСКА — не ощущалось: и без них чемпион страны выглядел уверенно и мощно… Матч длился дольше обычных двух часов. То и дело игра останавливалась. И надолго. Всякий раз в моменты силовых схваток канадцы всей шестеркой пускались врукопашную. Был момент, когда канадский вратарь ринулся с кулаками на судью Л. Гусева… Судя по всему, проведение таких крупных соревнований еще рано поручать спортивным организациям Калинина».

Последняя фраза газетного отчета — наглядное

свидетельство того, что Тарасову удалось сохранить в тайне свою задумку. Он называл акцию «укрощение канадцев». Всё взял на себя. Никогда не понимал тренеров, которые говорили ему, что игроки его команды проявили недисциплинированность, ввязались в драку, а он, тренер, дескать, ни при чем. «В команде, — отвечал Тарасов, — всё должно делаться с ведома тренера. И если хоккеист — пусть и в малом — допускает отсебятину, он способен и крупно подвести команду и тренера».

По прошествии времени Тарасов рассказывал и о том, как он спланировал калининский матч: «Очень мощное, в галоп, начало, в первом периоде звенья добиваются результата. Далее продолжаем наращивать темп и в конце второго периода, когда соперники чуть подустанут, бросаем вызов канадцам». «Я, — рассказывает Юрий Королев, — был на том знаменательном матче ЦСКА с канадским клубом в Калинине, о котором Анатолий Владимирович так подробно и правдиво рассказывает в книге. Помню, как он попросил моего коллегу, сотрудника кафедры хоккея Института физкультуры Льва Гусева: “Ты у нас судья международной категории. Так вот, у меня к тебе большущая просьба: свистни два раза — в начале матча и в конце матча. А в остальном мы разберемся с канадцами сами”».

Даже не с суперсерии-72, а с пришедшихся на более позднее время матчей ЦСКА в Канаде, в частности с «Монреаль Канадиенс», началось взаимопроникновение двух хоккейных школ и стилей. Канадской, подавляющее большинство учеников которой с детских, юношеских лет изо дня в день привыкали к игре индивидуальной, жесткой, порой чрезмерно грязной. И созданной им, Тарасовым, отечественной школы хоккея, созданной, к месту будет сказано, с нулевой отметки и предъявившей миру игру высокоскоростную, атлетичную, с необходимым набором силовых приемов, но в то же время умную, основательно базировавшуюся на принципах коллективизма, «колхозную», как любил говорить сам Тарасов.

«Однако при таком хоккее, при игре в одно касание, спортсмен, отдающий пас, часто остается в тени (особенно в глазах неквалифицированных зрителей), и потому на такую манеру игры могут идти не все спортсмены, а только те, кто ради общего успеха согласен быть как бы на втором плане, только те, у кого хороший, добрый характер. Кто, перефразируя Константина Сергеевича Станиславского, любит не себя в хоккее, а хоккей в себе.

Я твердо убежден, что подлинный коллективизм в современной классной хоккейной команде возможен только в том случае, когда в ней, в этой команде, играют добрые, умные,

хорошие и скромные люди, умеющие уважать и любить своих товарищей, люди, которые всегда готовы бескорыстно прийти на помощь другу».

Последний абзац — не набор идеалистических штампов, а твердое убеждение Тарасова.

Он не верил в саму возможность ревизии методов ведения игры в Северной Америке и в появление в клубах НХЛ советских хоккеистов. Тарасов считал, что в Канаде и США будут следовать раз и навсегда выбранной игровой модели, а хоккеисты из советских команд не сумеют в эту модель вписаться. И в обратную сторону — из Северной Америки в СССР — дороги у заокеанских хоккеистов, полагал Тарасов, нет. Он, разумеется, имел в виду не уровень оплаты труда игроков, в те времена несопоставимый, а способность канадских игроков адаптироваться к невероятным для себя физическим нагрузкам, наступить на горло индивидуальной песне и согласиться с принципами коллективного хоккея, подчиняющими личность команде, но в то же время — парадокс! — позволяющими реализовать себя, продемонстрировать свои самые сильные игроцкие качества и спрятать слабые.

На определенном этапе тренерской деятельности Тарасов не верил в возможность встреч с канадскими профессионалами. Но мечтал об этом всегда, рассуждая о самой возможности таких встреч: «Они будут беспроигрышны: выиграет мировой хоккей… Хоккей обогатится — две далекие друг от друга школы сблизятся и позаимствуют друг у друга наиболее привлекательные черты. Два хоккея станут двумя ускорителями друг друга».

Взаимопроникновение двух школ — традиционной канадской и тарасовской — пошло на пользу только родоначальникам хоккея. Они действительно взяли на вооружение всё лучшее, добавили к своему, убрав из него лишнее (грязь и жестокость), и принялись развивать новое направление в своем хоккее. В СССР же, а потом и в России, особенно в новейшей ее истории, в хоккейном развитии остановились, замерли на одной точке, предав почти полному забвению фундаментальные тарасовские наработки и взяв из заокеанского опыта лишь примитивные методы ведения игры, от которых там со временем отказались. Крупнейшие турниры, и в первую очередь Олимпийские игры, ради которых в НХЛ устраивались перерывы, с пронзительной наглядностью продемонстрировали, кто есть кто в современном хоккее, кто чем дышит и где пребывает Россия, фактически отказавшаяся от заданного Тарасовым направления.

Призывы копировать Тарасова нелепы. Он сам всегда резко выступал против попыток копирования. Но забвение тарасовских

идей, отказ от их развития уже аукнулись на международной хоккейной сцене. В наш — тарасовский! — хоккей, на более высоком, понятно, качественном уровне, заиграли канадцы, американцы, финны и шведы.

Коммуникабельный, когда дело касалось любимого хоккея, Тарасов легко сходился с людьми, вне зависимости от их статуса в обществе. С одинаковой легкостью и непринужденностью общался он с обыкновенными болельщиками, в частности со знаменитой армейской поклонницей Машкой, и с министрами обороны. Но мир хоккея был для Тарасова особым миром. Все струны в нем напрягались, если появлялась возможность для общения, причем плотного, с представителями хоккея Канады и США.

В сентябре 1968 года Федерация хоккея Финляндии, проведав о проблемах, возникших в отношениях между Федерацией хоккея Швеции и ЦСКА, пригласила армейский клуб к себе в гости на товарищеский матч с командой ХИФК. Шведы, к сожалению для Тарасова, нарушили договоренности о совместном проведении тренировочного сбора и товарищеских игр, и финны оперативно заменили соседей по региону.

ЦСКА необходимо было в преддверии чемпионата страны, после напряженных матчей турнира на призы «Советского спорта» сменить обстановку, перевести дух и расслабиться. ХИФК в простеньком матче был обыгран 12:3. Финны создали для ЦСКА все условия для тренировок и отдыха. Безупречность организации сбора Тарасова поражала. Гостей поселили в уютном загородном мотеле. Тренеры и игроки вволю попарились в бане, желающие покатались на катерах по озеру, для любителей рыбной ловли нашлись необходимые снасти, а грибников Тарасов сам повел в лес. «За шестьдесят минут чистого хоккейного времени, — вспоминал потом Тарасов, — собрали три корзины отборных белых грибов». Вместе с тогдашним врачом ЦСКА Алексеем Васильевым Тарасов приготовил ужин. Работники мотеля, попробовавшие блюдо вместе с хоккеистами, назвали его «грибами по-русски».

Тарасов и грибы — история отдельная. Как, впрочем, и Тарасов и баня. А сейчас о другом. Тогда, во время короткой поездки в Финляндию, у Тарасова состоялась «необыкновенная и интересная» встреча с известным канадским хоккеистом Карлом Брюером (в советской прессе и в хоккейной энциклопедии, изданной в Москве в 1990 году, он именовался «Бревером», так его звал и Тарасов). У Брюера завершился контракт в НХЛ, и он работал в Финляндии играющим тренером ХИФКа.

Брюер — защитник с мировым именем. Играл он за «Торонто

Мэйпл Лифс». Тарасов считал его одной из самых ярких фигур профессионального хоккея в первой половине 60-х годов. В 1962 и 1965 годах он входил во второй состав «Всех звезд НХЛ», а в 1963-м — в первый. Выступал он и в составе сборной Канады на чемпионате мира в Вене в 1967 году. Тогда канадцам удалось сформировать очень сильную команду. Брюер и Дэк Боунэсс, дабы соблюсти правила, запрещающие профессионалам играть на чемпионате мира, на некоторое время — чистая формальность — расторгли контракты со своими клубами. Тарасов не скрывал, что перед решающим матчем с канадцами в Вене дал задание не церемониться с Брюером, поручив вести с ним предельно жесткую силовую борьбу, в зависимости от зоны столкновений, Рагулину и Полупанову. До соприкосновений с Рагулиным защитник Брюер добирался редко. Когда же добирался, «свое» получал. Правда, как вспоминал Тарасов, «Саша бил его неумело, по-русски». А вот Полупанову, никогда и ни перед кем страха не ведавшему, удалось на какое-то время вывести канадца из строя. Над Брюером колдовали канадские врачи, сводя к минимуму последствия сильного ушиба. Как уточнил со знанием дела известный офтальмолог Владимир Акопян, ушиб «в области левой глазной орбиты был осложнен массивным кровоподтеком и отеком глазницы».

Тогда, в Вене, победа со счетом 2:1 привела сборную СССР к очередному чемпионству, завоеванному досрочно. Брюер же вместе с Рагулиным составил в Вене пару защитников в символической сборной чемпионата.

В Финляндии, в матче с ХИФКом, Тарасов обратил внимание на быстроту Брюера, профессиональную страстность и, что для тренера всегда было самым главным, — «высокую культуру его игры: каждую шайбу он пасовал с интересным логическим продолжением, с замыслом, а отбирал ее самоотверженно». Тарасов пригласил Брюера на занятие ЦСКА. Не как тренера, а как игрока — уж очень хотелось Анатолию Владимировичу «подержать в руках» канадского профессионала, пусть и вчерашнего, но не возрастного — Брюеру на тот момент было 29 лет. «Впервые я как тренер смогу увидеть на своем занятии канадского профессионала, — пребывал в предвкушении тренировки Тарасов, — заставлять его выполнять упражнения, видеть его действия, познакомиться с манерой игры и сравнить его с нашими хоккеистами».

Тренировка ЦСКА с участием Брюера стала для Тарасова, по его признанию, «большим представлением, нежели накануне сыгранный матч».

Тарасов рано утром составил программу занятия и

предложил своим ребятам тренировочные упражнения, в которые входили основные технико-тактические компоненты хоккея — скорость и обводка, пас и завершающий бросок, отбор шайбы с силовым единоборством и интуитивное восприятие происходящих событий. Включил он в тренировку и сложные упражнения, когда звенья должны играть сразу несколькими шайбами. Продумал Тарасов и состав тех, кто должен был находиться рядом с Брюером во время занятия. В подготовительной части занятия к Брюеру тренер приставил Александрова и Фирсова. Тарасов считал, что и канадцу будет приятно такое соседство и что легче будет сравнить техническую оснащенность, культуру игры больших мастеров. В упражнениях на единоборства Тарасов решил испытать Брюера на хоккеистах, разных по стилю, а в двусторонней игре предложил канадцу занять привычное место в обороне, но сыграть при этом роль защитника активного, как принято в тарасовских командах.

Задание канадцу Тарасов давал с помощью Игоря Ромишевского, говорившего по-английски. И частично — на пальцах.

«Во время разминки, — вспоминал Тарасов, — канадец в компании с Александровым и Фирсовым должен был вальсировать, одновременно выполняя гимнастические упражнения, прыгая, приседая, то работая сразу с двумя шайбами и делая ими передачи, то занимаясь обводкой, то отбирая шайбу у партнеров. Наши, возможно, из-за хорошего знакомства с этим упражнением, выполняли все элементы куда легче, игривее. Гость ЦСКА с трудом и не очень охотно делал гимнастику. Она, видно, не принята у канадцев. У них на тренировке занимаются одним хоккеем».

В тактическом же упражнении, где трое нападающих действуют против двух защитников, Брюер чувствовал себя как рыба в воде. Вначале Тарасов никому из своих не делал никаких замечаний. Хоккеисты ЦСКА, владея шайбой, старались обыграть канадца индивидуально, двигаясь по большой дуге.

Брюер загонял их в угол поля и там, по выражению Тарасова, «безжалостно с ними расправлялся». Тарасов предложил армейцам сначала «потанцевать» около канадца, сыграть на смене ритма, потом внезапно и решительно пойти в него, не ждать, когда он ударит, а самим нанести первый силовой толчок. Брюер несколько растерялся, но и в эти минуты был, по свидетельству Тарасова, «блестящ». «Он, — рассказывал Тарасов, — сполна показал свой непреклонный, самолюбивый характер бойца, выдумку и хладнокровие при отборе шайбы. Наши ребята, сблизившись с ним, попадали в этакий капкан — не только их

клюшки захватывались канадцем, часто руки, а то и голова оказывались под мышкой Брюера и клюшка зажималась между ног. Он мог вдруг обхватить противника, но делал это в такой артистической манере, что со стороны можно было подумать, что не Брюер захватывает недозволенным приемом соперника, а атакующий сам напросился к нему в объятия».

В двусторонней игре Тарасов проверил на Брюере Фирсова, Мишакова и юного тогда Харламова. Фирсов устремлялся на канадца с каскадом финтов, и выяснилось, что Брюер недолюбливает быстроту и скрытность замысла. Мишаков навязывал канадцу жаркую, агрессивную борьбу и не раз выходил из нее победителем. Харламову Тарасов давал задание идти на Брюера в ближнем бою, себя не жалеть, а потеряв шайбу, тут же вступать в единоборство с защитником.

В дневниковых записях, опубликованных в еженедельнике «Футбол-хоккей» под заголовком «Бревер — собеседник и партнер», Тарасов приводит содержание разговора с Брюером на официальном приеме, устроенном финнами после матча ХИФК — ЦСКА. Разговор этот очень важен для понимания того, как Тарасов в то время — в 1968 году — оценивал состояние советского и канадского хоккея.

Тарасов и Брюер сидели друг против друга и с помощью переводчика непринужденно беседовали. Вспомнили, разумеется, венский чемпионат. Брюер, высоко оценивший игру Полупанова, Викулова, Майорова, Рагулина, Давыдова и особенно Старшинова, Александрова и Фирсова, которых назвал хоккеистами мирового класса, при слове «Вена» шутливо приложил ладонь к левой стороне лица и страдальчески заохал.

— Какую свою команду, венскую или гренобльскую, вы считаете сильнее? — поинтересовался Тарасов.

— По-моему, на Олимпиаде наша команда была более мощной и лучше подготовленной, — ответил Брюер, которого в составе сборной Канады на Олимпиаде в Гренобле (1968 год) не было.

— Как сыграли бы лучшие профессиональные клубы — «Монреаль Канадиенс», «Торонто Мэйпл Лифс», «Бостон Брюинс» — с советскими командами?

— Если бы вы приехали на серию матчей в Канаду, то в первых встречах победили бы канадцев, а позже канадцы побеждали бы вас.

Этот ответ Брюера Тарасов записал слово в слово и попросил собеседника пояснить свою мысль. (Заметим, что разговор состоялся за четыре года до Суперсерии-72, в которой сначала, в Канаде, действительно побеждала сборная СССР, а потом стали

выигрывать канадцы.)

— Профессионалы, — сказал Брюер, — пока не будут побиты, никого из любителей не считают за стоящего противника. Значит, вероятна их неполная мобилизация. Но главное в другом. Ваша тактика, ваша манера игры пока неизвестна профессионалам. Но, проиграв матч, они смогут перестроиться, принять контрмеры, и тогда ваши сильные игровые козыри будут биты. Вы сможете победить канадцев вначале за счет необычной игры. Вы действительно играете в какой-то иной хоккей.

Тарасову захотелось поспорить. Он взял с тарелки четыре сэндвича и положил их между собой и Брюером. Затем пояснил: хоккей складывается из четырех главных компонентов — атлетизма, индивидуального мастерства, тактических построений и волевой заряженности игроков. И предложил Брюеру обсудить, кому, по каким компонентам следует отдать предпочтение.

Начали с атлетической подготовки. Тарасов выразил убеждение, что у советских хоккеистов более развиты быстрота и ловкость: «У наших игроков достаточно силы, хотя они не всегда умело направляют ее в единоборстве — не хватает навыка, а иногда и характера». «Брюер в ответ стал убеждать меня, — вспоминал он, — что профессионалы физически очень развитые люди. Они могут без устали кататься, всегда готовы к жесткому единоборству. Он уже протянул было руку за сэндвичем, желая превосходство в атлетизме взять себе. Я не уступал:

— Разве ваши так называемые любители во многом уступают профессионалам в атлетической подготовке? Ведь все канадские хоккеисты из одного материала, у вас единая методика воспитания игроков высокого класса!»

Брюер, подумав, ответил, что действительно физически любители и профессионалы примерно равны, хотя у последних лучшие условия для подготовки.

— Вот скажите, — продолжил Тарасов, — против наших ребят в Вене в прошлом году легко было играть или трудно?

— Тяжко. Они быстры и назойливы.

— Так можно сэндвич атлетизма я возьму себе?

Брюер соглашается. Итак, 1:0.

Тарасов поинтересовался мнением оппонента об индивидуальном мастерстве.

— Мне очень импонирует ваша легкость в обращении с шайбой, — отвечал Брюер. — Пасы ваших ребят всегда точны и неожиданны. Обводка сложна и скрытна. И не является самоцелью — чувствуется широта ориентирования хоккеистов. Я считаю, что лучшие ваши игроки могли бы играть в лучших профессиональных командах…

«То ли поколебленный моей настойчивостью в споре об атлетизме (а я, должен признаться, ни за что не хотел это бесценное качество нашего хоккея отдавать профессионалам), то ли по собственному разумению, но вдруг канадец второй сэндвич тоже стал отдавать мне, — вспоминал Тарасов. — Я отказался его принять, сказав, что у меня на сей счет другое мнение. Звезды канадского хоккея, такие как Халл, Микита, Бельвью, Хоу, Пилот и некоторые другие, пока превосходят наших игроков в сумме технических приемов. В частности, в силовой обводке, нацеленной на ворота, в постоянной заряженности для броска, в приемах добивания, подправления шайбы, в создании помех вратарю, в силовых приемах у бортов канадские профессионалы сильнее. Все это они исполняют надежнее, с этаким — нелишним — оттенком артистизма. Безусловно, сказывается столетняя история канадского хоккея, большое количество искусственных катков, обучение игре с раннего возраста. Сказав это, я предложил индивидуальное мастерство считать за канадскими профессионалами. Мой собеседник не без удовольствия придвинул сэндвич к себе».

Третий компонент — тактика.

Тут сразу заговорил Брюер. Он сказал, что у всех канадских команд единая тактика. Она лишь может изменяться за счет индивидуальных действий игроков, их вдохновения. Тарасова такая трактовка удивила. Он сам не раз подмечал у канадцев тактический трафарет, а теперь это свое наблюдение услышал как теоретическую догму из уст человека, хорошо канадский профессиональный хоккей знающего.

Уступать превосходство в тактике Тарасову не хотелось. Он напомнил Брюеру историю официальных советско-канадских встреч на чемпионатах мира. Сказал, что известные эксперты зачастую высоко оценивали тактическое содержание игры советской сборной, отмечали тактические новинки в решающих турнирных матчах. Брюер выслушал Тарасова, внимательно посмотрел ему в глаза, что-то прикидывая в уме, и, хотя и без особой охоты, вручил сэндвич Тарасову.

Оставался последний компонент — волевая заряженность.

Брюер почему-то молчал. По-видимому, он хотел узнать сначала мнение Тарасова. Тарасову всегда импонировала боевитость канадцев, их игровой настрой, хоккейный патриотизм, беспощадность к себе и к противнику. Любительские сборные Канады выходили на матчи с советской командой не играть, но сражаться. Тарасова привлекало в канадцах отсутствие жалости к себе.

Однако Тарасов полагал, что понятия о высоком уровне

волевой заряженности у советских и канадских хоккеистов и тренеров принципиально разные. «Когда мы, советские тренеры, говорим о волевом воспитании, — утверждал он, — то нам и в голову не приходят такие вещи, как драки (матч в Калинине — действительно исключение. — *А. Г.*), чувство мести, жестокость. Наше воспитание в спорте основывается на морали советских людей, на нашей этике и культуре. Но канадцы, по-видимому, для достижения побед не станут задумываться о таких вещах и будут пользоваться своими приемами и методами, выходящими за рамки правил и не укладывающимися в наши понятия о спортивной чести и солидарности».

Искренние рассуждения Тарасова о «морали советских людей» и «наших понятиях о спортивной чести и солидарности» с головой выдавали его идеализм. Столь же искренними всегда были суждения Тарасова о том, что дело его жизни — воспитание людей коммунистического завтра, а спорт вообще и хоккей в частности — средство достижения цели, причем очень важное, поскольку затрагивает самые разные возрастные группы.

Последний сэндвич Тарасов предложил канадцу. Но, отдавая собеседнику этот, по мнению Тарасова, «важный хоккейный козырь», он не преминул напомнить, не без пафоса, что «советские хоккеисты — отважные рыцари, способные дать острастку, сдачу любому противнику и драчуну». Брюер согласился, сказав, что помнит поединки в Вене: «Мне нравилось мужество ваших ребят» Так счет по сэндвичам в забавной игре, предложенной Тарасовым, сравнялся — 2:2.

«Если эти мои заметки когда-нибудь прочтет Карл, — писал Тарасов, — пусть он не обижается, что я на нем провел тренерский эксперимент. Мы благодарны ему за интересное занятие. В конце концов, в хоккее никто не знает всего, а учиться всем нужно».

Брюер не только прочел тарасовские заметки (в переводе с русского на английский, разумеется), но и опубликовал о Тарасове и о встрече с ним в Финляндии объемную колонку в самой значимой финской газете «Хельсингин Саномат». И наблюдения канадского хоккеиста не менее любопытны, нежели рассказ Тарасова.

«Думаю, не ошибусь, — писал Брюер, — если назову Тарасова архитектором советского хоккея, создателем особого стиля игры русских хоккеистов. Своим высоким мастерством тренера он поставил боссов хоккейных рынков мира в положение должников.

После матча ХИФК — ЦСКА финские тренеры, хоккеисты и советские гости встретились за столом. Это был и дружеский ужин, и семинар одновременно. Было приятно видеть, с каким

уважением советские хоккеисты относились к своему руководителю. Впрочем, он на этот раз вообще был в центре внимания переполненного зала. Собравшиеся с нетерпением ожидали, когда из его уст побежит золотая цепочка слов. И они не обманулись. Жаль только, что шероховатый голос Тарасова, его смех, чуть с хрипотцой, и чрезвычайно выразительные жесты не поддаются описанию.

После обычного обмена приветствиями Тарасов открыл встречу. С этого момента и до конца он руководил всем, не проявив при этом какой-либо нетактичности. И его никто не перебивал.

Тарасов, несомненно, много сделал для развития мирового хоккея. Сейчас советские хоккеисты собираются играть с профессионалами (это еще раз к вопросу о том, кто и когда в Советском Союзе первым заговорил о необходимости таких встреч; колонка написана Брюером осенью 1968 года. — *А. Г.*) и полны решимости развенчать мифические представления об их силе. Многие считают, что это будут интереснейшие матчи. Организовать их непросто, но это не непосильное дело…

Любопытство и гордость руководят советским тренером в его планах замахнуться на мировое первенство. Многие годы советские хоккеисты учились у канадских. Эталоном для них были игроки команд НХЛ. Однако известно, что ученики часто обгоняют своих учителей. Тарасов, этот неуемный человек, сказал, что в матчах с лучшими канадскими профессионалами сборная СССР вначале может и проиграть, потом будет сражаться на равных, а затем выйдет на первые роли.

Даже мне, бывшему игроку “Торонто”, трудно подыскать аргументы, чтобы не согласиться с советским тренером. И все-таки, когда Тарасов говорил на эту животрепещущую тему — о предстоящих встречах с профессионалами, — в его голосе проскальзывали нотки озабоченности. Сам он уже немолодой человек (Тарасову на момент встречи с Брюером было всего 49 лет. — *А. Г.*), дает себя знать сердце. Завершается карьера Александрова, Майорова, немного лет осталось играть Фирсову, Старшинову, Рагулину и другим парням из сборной, так много сделавшим для побед советского хоккея. Кто придет им на смену? С нынешней сборной Тарасов рвется в бой против профессионалов. А какова будет расстановка сил через пару лет?»

Ни «страха», ни даже «затаенной робости» Брюер у Тарасова не обнаружил. Причину «озабоченности» канадец назвал сам. Он хорошо запомнил игру, предложенную ему Тарасовым, и обмен мнениями на тему «Кто сильнее?». В изложении Брюера она проходила так:

«Тарасов взял четыре кусочка европейского черного ржаного хлеба и положил на ладонь.

— Во-первых, — он отложил один кусочек на стол возле себя, — атлетическая подготовка. Наши ребята сильнее.

Я ничего не мог сказать.

— Во-вторых, — и второй кусочек Тарасов забрал себе, — тактически советские хоккеисты играют лучше.

Что я мог возразить?..

— В-третьих, — продолжал Тарасов, — индивидуальное мастерство, в-четвертых, — волевая заряженность… Это — за канадцами.

Наша дискуссия завершилась вничью — 2:2. Так что без куска хлеба я не остался».

Суперсерия-72 и последующие серии матчей с хоккеистами НХЛ заставили вспомнить тарасовскую дележку сэндвичей. Канадцы убедились в превосходстве советских игроков в атлетизме и тактике и принялись догонять их в этих компонентах. Всеволод Бобров, Борис Кулагин и Валерий Харламов, побывавшие в мае 1973 года в Канаде, увидели то, чего не видели никогда: в одном из тренировочных залов «Монреаль Канадиенс» появились специальные приспособления и станки для работы по атлетизму. Через некоторое время после Суперсерии-72 в Канаде были изданы исследования по тактике хоккея, в которых подчеркивалась первопроходческая роль Тарасова в этом игровом компоненте. Советская же сторона стала усваивать уроки по части индивидуального мастерства и волевой заряженности.

Диалог Тарасова с Брюером в Канаде был прочитан.

«Есть одна вещь, которую мне очень интересно понять, — говорит выдающийся канадский тренер Майк Кинэн, который через 20 лет после выигрыша в 1994 году с «Нью-Йорк Рейнджерс» «Кубка Стэнли» придумал себе новый вызов — работу в России и взял «Кубок Гагарина» с магнитогорским «Металлургом». — Анатолий Тарасов, изучая канадский хоккей, сформулировал четыре компонента, на которых он зиждется. Трем — физической подготовке, тактике и индивидуальной технике — можно научить. Но есть пункт № 4, который учебе не поддается, и Тарасов это признавал. Страсть. Именно она позволяла Канаде во многие решающие моменты побеждать Советский Союз. Вы не представляете, как много это значит для канадских хоккеистов — соревноваться и выигрывать. Считаю, что исход Кубка Канады-87, то, что мы смогли отыграться с 0:3 в решающем матче, — из-за уровня страсти. Для них — канадских хоккеистов — это что-то глубоко личное, когда они проигрывают».

Вспомнив о победе в Кубке Канады, Кинэн скромно умолчал о том, что он тогда придумал феноменальный тактический ход — объединил в одном звене Уэйна Гретцки и Марио Лемье, никому, как подметил журналист «Спорт-экспресса» Игорь Рабинер, до финала об этой задумке не рассказав. Эта пара, собственно, и сделала игру. Вернее, во многом благодаря ей счет 0:3 превратился в 6:5. Не поведал, впрочем, Кинэн и о том, что его команду в тогдашнем третьем финальном матче в концовке встречи вытянул за уши арбитр Дон Кохарски, умышленно не среагировавший на нарушение правил Дэйлом Хаверчуком по отношению к Вячеславу Быкову, благодаря чему Лемье удалось забросить решающую шайбу. Тренерский штаб сборной СССР во главе с Виктором Тихоновым публично пообещал поколотить Кохарски, и их сторону принял тогда даже исполнительный директор ассоциации североамериканских хоккеистов Алан Иглсон.

Но касательно страсти Кинэн прав. Тарасов и этот пункт всегда брал в расчет. Вот только называл по-своему.

17 января 1969 года сборная СССР, в состав которой вошли не только олимпийские чемпионы Гренобля, но и молодые игроки, отправилась в Канаду на серию матчей с национальной сборной этой страны. Лучшего спарринг-партнера перед чемпионатом мира-69 Канада выдумать не могла. Канадцы проверили 42 игрока, несколько тактических вариантов; специалисты после серии выдали тренерам многостраничное исследование по действиям каждого хоккеиста сборной СССР и команды в целом. Игры стали для канадцев школой. «Когда-то нас называли учителями, — сказал канадский тренер Маклеод. — Времена переменились. Теперь вы учителя, а мы — студенты».

Кроме того, сборы от встреч должны были пойти на оплату поездки канадских хоккеистов на чемпионат мира в Стокгольм. Советская команда выигрывала в турне матч за матчем, и в «Торонто стар» появился комментарий к этим встречам:

«Мы заявляем, что канадцы начинают уставать от побед НХЛ над русскими, одерживаемых на бумаге, в то время как наши отважные, но недостаточно сильные любители из национальной сборной продолжают проигрывать им на льду.

НХЛ пора выступить против русских или замолчать. Поскольку русские проявляют желание, то нет никаких оправданий для дальнейших оттяжек встречи между нашими и их лучшими хоккеистами. НХЛ должна предложить им матч против звезд из большой шестерки, пока русские находятся здесь, в Канаде.

Уклонение НХЛ от встреч с командой СССР трудно понять.

Доминирующим стимулом профессионального хоккея являются деньги, и серия игр с русскими для НХЛ — подлинное золотое дно. Для того чтобы выбить побольше прибыли, растянули хоккейный сезон с ранней осени до поздней весны. Почему же, когда на карту поставлен престиж, а горшки, набитые золотом, гарантированы для НХЛ, она не может организовать серию встреч с Советским Союзом?»

Для советской же сборной эти матчи оказались настоящим испытанием. По пути в Канаду из-за нелетной погоды во Франции пришлось сделать непредвиденную остановку в Брюсселе. Из-за этого команда опоздала на самолет из Парижа за океан, а в итоге — и на первый матч. Канадцы нашли опозданию оригинальное объяснение. (Тем более что наших не устроили и первоначально предложенные условия проживания, размещения и расписание тренировочных занятий — словно речь шла о заштатной команде, а не о сборной страны, шесть раз подряд выигрывавшей чемпионаты мира и дважды — олимпийские турниры!) «Не связано ли это, — поинтересовались репортеры на пресс-конференции в монреальском аэропорту, — с тем, что вы направили вызов профессионалам, а потому контакты с любительской хоккейной ассоциацией Канады русских больше не интересуют?»

За 16 дней было проведено девять матчей со сборной Канады и еще один со «звездами» провинции Квебек, наши налетали 12 тысяч километров. Итог: десять побед в десяти матчах с разницей 73-28. Тарасов и Чернышев проверили не только тактические варианты, которые готовили к чемпионату мира (на каждый матч в Канаде тренеры выдавали новое тактическое задание), но и новичков сборной — Александра Якушева и Поладьева из «Спартака», Мальцева и Мотовилова из «Динамо» и армейцев Михайлова, Петрова и Харламова. Почти все представители новой волны одаренной молодежи сыграли на подобающем уровне. Как, впрочем, и старожилы. Тоже, правда, с уточняющим «почти». «Нет ничего удивительного в определенном спаде у старшиновского звена, — констатировал Аркадий Чернышев после турне. — Перед отъездом в Канаду Борис Майоров в течение двух недель проходил курс лечения и в тренировках не участвовал. Старшинов, Якушев и Поладьев тренировались без особого плана и без тех нагрузок, которые обеспечивают поддержание отменной спортивной формы. Вполне естественно, что, попав в жесткий регламент канадского турне, спартаковское звено оказалось без необходимой физической закалки. Примерно в таком же положении был и Фирсов. Перед отъездом в Канаду он две недели провел в госпитале».

Тренеров разочаровал вратарь Коноваленко. Причина лежала на поверхности. Горьковское «Торпедо» в чемпионате страны в первую шестерку, составленную после предварительного этапа, не попало, и голкипер, как потом выяснили тренеры сборной, неправильно отнесся как к командным занятиям, так и к личной подготовке. В турне Коноваленко с Зингером играл «в очередь», и спартаковец выглядел намного сильнее. На чемпионат мира Коноваленко не взяли. Основным вратарем в Стокгольме был Зингер.

Все, однако, выдержали испытание необъективным судейством и драками, постоянно затевавшимися канадцами. Когда канадские журналисты, шокированные откровенным подсуживанием в матче в Виннипеге, попросили Тарасова высказаться о работе рефери, он сказал, что знает этих арбитров уже лет пять, считает их судьями мирового класса, и поблагодарил за то, что они помогают росту советского хоккея. «Тем, что дают нашим хоккеистам учиться играть втроем и вчетвером против сильного противника», — пояснил Тарасов изумленным репортерам.

После первых же матчей канадцы поняли, что безнаказанно бить русских не получится. В одном из матчей канадцы попросили судей проверить локти у Александра Рагулина, нет ли под свитером железа. Никакого железа, конечно, не нашли, но жалобщики после этого старались держаться от нашего защитника подальше.

В начале 70-х Тарасова пригласили на две недели в Ванкувер, на тренерский симпозиум. С тематикой, предложенной для обсуждения, его познакомили лишь на месте. Одна из тем Тарасова озадачила: «Как победить русских?» Сначала он хотел даже протестовать, но потом передумал: против чего протестовать-то? «Надо принять вызов, — решил Тарасов. — Активно участвовать в споре, стать адвокатом советского хоккея, попытаться убедительно доказать — хотя бы словесными аргументами, — что не слабей он канадского профессионального».

Уровень симпозиума, которым руководил большой знаток хоккея, заведующий кафедрой Ванкуверского университета Боб Хайдмаршал, Тарасов оценил высоко. Ему импонировали активность участников, откровения тренеров, разумно подобранный круг выступавших. «Хайдмаршал, — вспоминал Тарасов, — сумел, к примеру, пригласить в качестве докладчика по теме совершенствования атлетизма спортсменов одного из крупнейших специалистов, готовивших к полетам американских космонавтов… Особый интерес вызвали тренажеры для

космонавтов. Занимаясь на них ежедневно, будущие исследователи космоса пробуждали к активной деятельности так называемые “спящие” мышцы — глубокие мышцы ног и туловища».

По «русской» теме основным докладчиком был патер Бауэр, тренер, руководивший канадской сборной на нескольких чемпионатах мира во второй половине 60-х годов. Бауэр предупредил коллег из профессиональных клубов, что легких побед у них не будет. Его слушали вполуха, скорее из вежливости, снисходительно улыбаясь и даже в мыслях не допуская, что может найтись кто-то сильнее профессионалов. Во время доклада Бауэра участники симпозиума отвлекались на разговоры и, по наблюдению Тарасова, ничего (в отличие от советского тренера) не записывали.

Потом Тарасову разъяснили, что в Канаде не желают прислушиваться к неудачникам (а патера Бауэра, регулярно советским командам проигрывавшего, считали таковым), поскольку видят в них прежде всего позор для канадского хоккея. «Зря, — пожимал плечами Тарасов. — Известно ведь, что за одного битого двух небитых дают».

Свое выступление Тарасов обозначил для себя так: «Как побеждать канадских профессионалов?» Он решил провести его в непринужденной манере, используя заранее приготовленный лист бумаги, разграфленный, по давней тарасовской привычке, пополам, — с выписанными в одной части простейшей таблицы достоинствами канадцев и с перечислением средств, с помощью которых достоинства эти можно локализовать, — в другой. «Постарался, — вспоминал Анатолий Владимирович, — исключить из тембра голоса всякое подобие металла, при всей серьезности содержания использовал шутки, прибаутки, русские присказки». Но не смог удержаться от того, чтобы сказать: как не правы специалисты и журналисты, заведомо пугающие представителей советского хоккея последствиями возможных матчей с профессионалами! Русские, дескать, не выдержат игры в стиле профессионалов, в которой возможно всё, в том числе и жестокость! «Эти оракулы, очевидно, не знакомы с особенностями русского характера, — говорил Тарасов. — Мы за добрые, открытые отношения, за честную игру, но не рекомендовали бы выводить из себя наших игроков — они могут за себя постоять».

Патер Бауэр согласно кивал, остальные вежливо поаплодировали.

На стыке 1971/72 года в США был запланирован турнир, который его организаторы громко назвали розыгрышем «Межконтинентального кубка». Если исходить из того, что

должны были играть хоккеисты из Европы и Северной Америки, представители двух континентов, то название вполне оправданное. Но состав участников — весьма разношерстный и вряд ли такому названию соответствовал: ЦСКА — обладатель Кубка европейских чемпионов, сборная США, к клубному хоккею отношения не имеющая, пражская «Дукла» как еще один представитель Старого Света и сильнейшая канадская любительская команда. В последний момент канадцы от поездки в Америку отказались, и турнир переименовали в «Турнир трех».

Этот турнир был необходим Тарасову как один из важнейших этапов для подготовки армейских сборников к Олимпиаде в Саппоро. Команда вылетела из Москвы 22 декабря, через два дня после завершения выигранного в Москве известинского турнира — выигранного, надо отметить, с большим трудом, только по разнице заброшенных и пропущенных шайб (по очкам было равенство с чехами и финнами), и на следующий день после проигранного чехословацкой сборной товарищеского матча — 1:3. Короткая остановка в Лондоне и — Нью-Йорк. Из Нью-Йорка на следующее утро вылет в Колорадо-Спрингс с пересадкой в Чикаго. Четыре часа ожидания — и трехчасовой полет на «Боинге-747» с кинозалом и баром на втором этаже самолета. В Денвере еще одна пересадка. Потом — двадцать минут до Колорадо-Спрингс, летчики даже высоту толком не набирали, держали самолет чуть ниже облаков. «Посадку, — записал в дневнике Тарасов, — произвели ухарски, с невероятно крутого виража».

В Колорадо-Спрингс Тарасов был не первый раз. Приезжал на турниры со сборной СССР. Знал, что акклиматизация проходит не безболезненно: головные боли, головокружение, а то и тошнота — расположен город на высоте 1800 метров над уровнем моря. В первые два дня проблемы были даже у такого физически крепкого игрока, как Геннадий Цыганков, — он был освобожден от товарищеского матча.

В первом матче — против сборной США, которую тренировал хороший тарасовский знакомец Уильямсон, приезжавший на недельную стажировку в ЦСКА летом 1971 года (Тарасов всё американцу рассказывал и всё показывал), — Тарасов поставил перед своими игроками конкретную задачу: выиграть в первом же периоде. «Нам, — говорил Тарасов, — важно было сразу не только добиться превосходства, но и сломить соперника морально, лишив его надежды на победы в будущих встречах». Так и вышло — уже в первом периоде 7:1. В перерыве между кругами турнира ЦСКА сыграл с командой США товарищеский матч. И снова — 7:1.

С таким же счетом армейцы повели в первом периоде матча с американцами во втором круге. В этой встрече случился инцидент: сразу два хоккеиста сборной США набросились с кулаками на Юрия Блохина. Тарасов был противником рукопашных битв. Но его терпение не беспредельно. Он был категорически против того, чтобы безропотно подставлять левую щеку, когда тебе заехали по правой, — сносить запрещенные толчки, удары клюшкой, тычки в лицо локтями, причем при попустительстве судей. «Да и надо же и самим пройти через это испытание», — говорил себе Тарасов, разрешая своим дать острастку. В Миннеаполисе ЦСКА фактически повторил то, что в Калинине армейцы сделали с командой «Шербрук Биверс». На сей раз в схватке, в которой к обеим сторонам подоспела подмога, участвовали по восемь хоккеистов от каждой команды. Длилась она почти пять минут. «По истечении этого времени, — с удовлетворением констатировал Тарасов, — восемь американцев лежали на льду, прижатые сверху нашими ребятами».

Тарасова порадовала тогда реакция публики, заполнявшей трибуны на матчах с участием советской команды в Сент-Луисе, Филадельфии, Миннеаполисе, Нью-Йорке. Сначала она, понятно, поддерживала своих, потом, когда у своих возникли проблемы, притихла, а на заключительном этапе потасовки аплодировала победителям.

Уже в ранге победителей турнира ЦСКА крупно проиграл чехословацкой команде — 1:6 (в первом круге «Дукла» была обыграна 8:3). Тарасов рвал и метал. Он было огорчен действиями некоторых опытных хоккеистов, давших себе послабление, и крепко им всыпал. Но еще больше Тарасова — в преддверии Саппоро! — расстроил слабо сыгравший против «Дуклы» Третьяк.

5 января 1972 года ЦСКА был приглашен на проходивший в Нью-Йорке матч энхаэловских клубов «Нью-Йорк Рейнджерс» — «Сент-Луис Блюз». Силы оказались неравными. «Рейнджеры» выиграли с крупным счетом 9:1. Большого профессионального интереса матч у Тарасова не вызвал, но он, как всегда, добросовестно вносил в блокнот наблюдения — хозяева площадки были достойны того, чтобы с их помощью попытаться понять, каков уровень хоккея НХЛ на тот период времени, когда там оказался Тарасов со своим клубом.

В графе «плюсы» тренер пометил и подчеркнул:

— умело, по всему полю, борются телом, подбирая шайбу клюшкой;

— в завершающих фазах атаки и обороны умеют становиться беспощадными;

— в завершающей фазе атаки быстрота берет верх над расчетливостью, хоккеисты действуют страстно, с риском, с удалью;

— вратари активно реагируют на всё происходящее: умело подхватывают шайбу у своего лицевого борта и хорошо ею распоряжаются, быстро заменяются в ходе игры во время штрафов противника;

— игроки в ближнем бою умеют не обращать внимания на удары противника. Удивительно живучи (что это — навык или признак хорошего волевого воспитания?);

— интересны кистевые передачи и броски;

— большой набор технических средств для ведения индивидуальной игры;

— особенно хорошо исполняется прием шайбы, обводка и добивание шайбы в ближнем бою с противником;

— ловля шайбы на себя.

В соседней графе — «минусы» — Тарасов написал:

— удивительно слабо, временами инертно катаются без шайбы;

— в ближнем бою довольно часто борьба ведется не туловищем, а руками и клюшкой — с нарушением правил;

— высокая техническая оснащенность игроков и тактический примитив команды;

— защитники часто даже не стремятся активно поддерживать атаку, рано раскрывают зону противнику, зато подолгу возятся с шайбой у себя в зоне;

— невелика у хоккеистов сумма скоростей в единицу времени.

Делая эти записи ровно за месяц до начала Олимпиады-72 в Саппоро, Тарасов, всегда державший в уме предстоявшие матчи с канадскими профессионалами, говорил, что не собирается ни склонять голову перед профи, ни критиковать их.

Самым главным для него было «сфотографировать» игру, «чтобы знать, что делать, если придется встретиться с ними лицом к лицу, чем нейтрализовать их сильные стороны, как учесть бреши и слабости».

Записи эти Тарасов делал не для кого-нибудь, а для себя, постоянно надеясь на положительное решение вопроса об организации матчей СССР — Канада. Разумеется, в роли тренеров советской сборной он видел себя и Чернышева.

Бывая в Северной Америке, Тарасов всегда старался посещать тренировки клубов НХЛ. Так было и в конце 1971-го — начале 1972 года. Организаторы «Турнира трех» шли навстречу пожеланиям Тарасова и договаривались на этот счет с тренерами

профессиональных клубов. И проблем не возникало: имя Тарасова служило пропуском.

Тарасова поражали однообразие и монотонность тренировок в командах НХЛ. «Ничего не изменилось, — сокрушался он, — с того дня, когда в ноябре 1957 года мы впервые попали в Канаду и “завидущими глазами” смотрели тренировки и особенно матчи профессионалов». И в то же время Тарасов никак не мог совместить «упрощенные тренировки» с «исключительно высоким индивидуальным мастерством», а «высокую техническую оснащенность игроков» с «внутренним содержанием игры, лишенной того творчества, того искусства, что характерно для лучших европейских команд, для советской хоккейной школы».

Оценивая в начале 1972 года уровень команд НХЛ, Тарасов подчеркивал: раньше, когда в НХЛ было только шесть клубов, в каждом из них было много настоящих, выдающихся мастеров. Теперь, когда клубов стало в два с половиной раза больше, количество выдающихся хоккеистов — в лучшем случае — осталось таким же.

«И еще убежден я в том, — говорил после возвращения из Америки Тарасов, — что однообразие — результат того, что профессионалы варятся в своем соку, что не встречаются с противником, играющим в иной манере, исповедующим иные идеи. Нет борьбы мнений, не с кем богатому канадо-американскому хоккею сравнивать себя, не с кем по-настоящему помериться силенкой».

Советскому хоккею, надо сказать, тоже не с кем было сравнивать себя в сложившейся тогда ситуации. Но хоккей продолжал интенсивно развиваться, поскольку оставался молодым видом спорта. За короткий отрезок времени наш хоккей добился многих международных побед и быстро превратился в стране во второй — после футбола — по популярности вид спорта.

Тарасов всегда был уверен в том, что в истинно коллективной игре советский хоккей опережал зарубежный, прежде всего канадский. Да, игра везде ведется посредством паса. Но взаимосвязь, взаимопонимание между игроками одного звена — в советском хоккее всё это отработано почти до автоматизма в тренировочном процессе. Плюс — весомое дополнение в виде взаимовыручки, заложенной на генетическом уровне.

Тарасова обвиняли в том, что его команды превращаются в машины, механизмы, предназначение которых — загнать как можно больше шайб в ворота соперника, что это запрограммировано тренером, запрещающим, дескать, даже малейшие попытки игроков импровизировать на площадке. С

истиной подобное обвинение даже не соседствует. Время в хоккейной игре измеряется долями секунд. Тарасов, добиваясь на тренировках слаженности и синхронности в действиях каждого звена, выкраивал тем самым дополнительные доли секунд для импровизации игроков, которым не требовалось ломать голову над тем, как поступить в простейших, стандартных ситуациях. Стереотипы для их реализации были заложены многочисленными повторениями на тренировках, и тем самым высвобождалось время для ярких, неожиданных ходов, хоккей Тарасова всегда украшавших.

Любое импровизационное движение хоккеиста в матче, опускающее гирьку на командные весы, Тарасов приветствовал и выговаривал игрокам лишь в тех случаях, когда их попытка сыграть неожиданно, нестандартно, оборачивалась неприятностями у собственных ворот. «Вы что, роботы? — мог возмущаться Тарасов действиями тройки, только-только вернувшейся со льда. — Вы же кудесники, артисты! Вы всё знаете. Вносите в игру свои краски. Больше хитрости!»

Тарасов, сам великий артист, умевший сыграть так, что все его действия принимались за чистую монету, приветствовал лукавство, ложный маневр и хитрость на спортивной площадке. Одна из его любимых историй — из довоенного футбола, когда он еще играл сам: за ЦДКА в 1940 году и за ККА в 1941-м. В 40-м армейский клуб проводил матч в Киеве с местным «Динамо». Григория Федотова «взял в оборот» центральный защитник киевлян Иосиф Лифшиц. Он не отходил от армейца ни на шаг. Играл против него на грани фола, а то и переступая эту грань. Во втором тайме, пытаясь перехватить адресованный Федотову мяч, Лифщиц сбивает московского футболиста с ног. Судья не реагирует. Федотов с трудом поднимается с газона, поднимает вылетевший после столкновения из-под его гетры щиток и… протягивает его Лифшицу, что-то при этом говоря. Киевский футболист недоуменно берет щиток, начинает оправдываться. «И в этот момент, — делал акцент в своем рассказе Тарасов, — мяч попадает к нашему инсайду Петру Щербатенко, а он длинной передачей посылает его на ход Федотову. Тот, убежав от продолжавшего что-то объяснять Лифшица, устремляется к мячу, выходит один на один с вратарем киевлян Издковским и забивает гол. А Лифшиц как стоял, так и остался стоять как вкопанный. С федотовским щитком в руках. Обнаружив это, он, вне себя от ярости, бросает его в сторону трибун, что-то бормочет и грозит рукой Григорию Ивановичу…»

Глава шестнадцатая
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОТПУСК

По завершении сезона 1969/70 года Тарасов отправился в «академический отпуск». Необходимо было немного передохнуть, для того чтобы подготовить диссертацию и сдать кандидатский минимум. Никто не собирался ставить Тарасову оценки и принимать от него незавершенную работу, что называется, за «красивые глаза». Да и сам тренер, привыкший каждодневно пахать по 24 часа в сутки, не так был воспитан, чтобы выпрашивать для себя поблажки, организовывать через кого-то послабления и что-то получать без приложения усилий. К тому же на переходе Тарасова на работу, где меньше нервотрепки, в тот момент настаивали врачи. Остановились на годичном варианте под названием «академический отпуск».

Неправда, что Тарасов никак не обозначил вероятность своего возвращения в ЦСКА. Об «отпуске» он заранее договорился со всеми, кто имел тогда отношение к руководству армейского клуба вообще и хоккейного в частности. Тарасов согласовал все условия своего отсутствия в команде. Разумеется, возник кадровый вопрос: кто заменит Тарасова? Анатолий Владимирович назвал имя единственного кандидата, способного, на его взгляд, без замешательства и шараханий из стороны в сторону, продолжить присущую хоккейному ЦСКА планомерную, годами налаженную работу, — Борис Павлович Кулагин. С Кулагиным, своим бессменным помощником, с которым они проработали десять лет, Тарасов тоже обо всем договорился.

В опубликованной в начале сентября 1970 года заявке команды старшим тренером ЦСКА впервые за многие годы значился не Тарасов, а другой специалист. Заслуженный тренер СССР, Кулагин получил это звание — редчайший для советского спорта случай! — пребывая постоянно в роли ассистента.

В первых матчах с новым тренером ЦСКА выиграл у горьковского «Торпедо» (6:2) и «Крыльев Советов» (4:3). Результат приемлемый. Настораживало лишь одно: в обеих встречах армейцы проиграли третьи периоды. То же самое случилось и в первом полуфинальном матче Кубка европейских чемпионов с «Лександом» в Швеции. «Лександ» дважды был обыгран — 6:2 и 6:1, и Кулагин впервые в карьере вывел свою команду в финал еврокубкового турнира. В соперники армейцам достался «Спартак», и афиша решающих игр за чемпионский Кубок ожиданий не обманула.

В чемпионате СССР тем временем ЦСКА проиграл динамовцам (1:4), которые и возглавили таблицу. Тарасов, нет сомнений, получал самую полную информацию о том, что происходило в команде. И по должности — он занял пост главного тренера Вооруженных сил СССР по хоккею и обязан был контролировать работу всех армейских клубов. И — по зову сердца. «Не знаю, — вспоминал он, — можно ли вообще говорить о том, что я уходил из ЦСКА. Я часто видел ребят, не пропускал, если был здоров, их игры, тренировки, заглядывал изредка и в раздевалку. Хоккеисты обращались ко мне за советом, консультацией, и я помогал им как мог».

После седьмого тура, в котором ЦСКА с огромным трудом выиграл у ленинградского СКА (2:0), еженедельник «Футбол-хоккей» заметил, что «ЦСКА переживает сейчас трудный период — смену поколений, процесс этот всегда болезнен и сопряжен с потерями», воздал должное Кулагину за то, что «человек выдерживает напряжение борьбы, неся минимальные потери и одновременно закаляя свой резерв», и назвал стратегию армейского клуба «осторожной, дальновидной и гибкой».

Первый, слабенький пока, сигнал о том, что «академический отпуск», возможно, придется прервать досрочно, поступил Тарасову, надо полагать, в ходе стартового матча Кубка чемпионов. 8 октября, поведя в счете (2:0), ЦСКА проиграл (2:3), провалив третий период и ничего путного не сумев противопоставить спартаковскому командному движению, умному и целенаправленному. Второй же европейский матч со «Спартаком», состоявшийся 10 октября, заставил бить тревогу.

В объемном, на две с половиной полосы, отчете об этой встрече, написанном Владимиром Пахомовым и опубликованном в «Футболе-хоккее», автор ни словом не обмолвился о событии, поразившем всех, кто наблюдал за игрой, и в значительной степени повлиявшем на ход встречи и на последовавшие в скором времени кадровые перемены в хоккейном ЦСКА. Журналист заметил лишь, что в заключительном периоде «неукротимый дух, страсть к победе проявили хоккеисты ЦСКА. Давно уже мы не видели команду такой неудержимой, сметающей все препятствия, единой в порыве к победе».

Свидетелями же произошедшего стали посетившие в тот вечер Лужники болельщики и миллионы телезрителей.

ЦСКА поначалу выигрывал (2:0), потом принялся проигрывать, словно школьная команда, напоровшаяся на мастеров. Армейские форварды, а ими, на минуточку, были Михайлов — Петров — Харламов, Викулов — Фирсов — Полупанов, Блинов, Мишаков, Моисеев, выглядели уставшими,

будто гири на себя нацепили. Защитники ЦСКА, сплошь мировые и олимпийские чемпионы (Рагулин, Ромишевский, Цыганков, Лутченко, Гусев, Кузькин), предстали перед публикой расслабленными донельзя, пропускающими атаки соперника раз за разом. И когда счет стал 5:3 в пользу «Спартака», за спинами армейских хоккеистов, сидевших на скамейке ЦСКА, возникла знакомая фигура. Тарасов, занимавший место в ложе «А», был не в силах наблюдать за процессом «избиения младенцев». Он всегда страстно подчеркивал, даже выпячивал роль тренера в управлении командой в экстремальных ситуациях. В Лужниках возникла именно такая ситуация, потребовавшая немедленного тренерского вмешательства. И это заставило его спуститься вниз сразу после того, как в начале третьего периода, на 44-й минуте, Старшинов забросил пятую шайбу.

Тарасов рассказывал, как в 1965 году в Тампере, когда стало ясно, что основным соперником советской сборной на чемпионате мира будет команда Чехословакии, он отправился смотреть игру чехов с канадцами. 8:0 в пользу Чехословакии. Легкая, казалось бы, расправа. Но Тарасов в отличие от большинства наблюдателей обратил внимание на немаловажное, по его мнению, обстоятельство, такой разгром предопределившее. «Никакого тренерского руководства игрой Канады, — вспоминал он. — Всё пущено по воле волн. Игроки злятся, ругают друг друга, судей. А где тренеры? Они стоят, опершись о борт, как посторонние наблюдатели, каждый, конечно, по-своему переживая неудачу. Ни одного слова игрокам, никаких мер, которые как-то могли бы спасти канадцев от разгрома».

«Всё выглядело так, — вспоминает появление Тарасова в игровой зоне писатель Александр Нилин, — что не выдержал он — бросился к скамейке игроков, вмешался, дал мудрейшие указания и спас. А уж Кулагина отодвинул ненароком, не задумываясь о ритуале — ведь на выручку тонущих бросился. И действительно выручил — победили 8:5».

В том-то и дело, что никуда Тарасов не бросался, не перепрыгивал через ступеньки Дворца, устремляясь вниз, а спускался медленно, можно даже сказать, степенно. И будучи, как точно подметил Владимир Акопян, «наделенным от природы удивительным внутренним тактом — таким неподдельным, что иногда даже высшие профессиональные интересы не позволяли ему переступить некий нравственный этический барьер», на скамейку к игрокам не проходил, Кулагина не отодвигал, оставался за спинами хоккеистов. Они даже не оборачивались к нему — только слушали его монологи-внушения, обращенные к каждому и, судя по тому, как заиграла после этого команда,

правильно услышанные.

Тарасов не кричал, говорил негромко, но так, чтобы слова его не потерялись за шумом стадиона, а доходили до сознания каждого. Говорил всё, что он думает об игроках. Словосочетания, характеристики и эпитеты не подбирал, о самолюбии хоккеистов не заботился.

Сначала ЦСКА сравнял счет, а потом Петров, Викулов и Фирсов за четыре минуты забросили еще три шайбы. После последней, фирсовской, влетевшей в спартаковские ворота на 56-й минуте, Тарасов столь же неспешно, как и спускался, поднялся к своему постоянному месту в ложе «А» и досматривал матч сидя.

Потом, после награждения ЦСКА, Тарасов спустился на лед и сфотографировался с командой. Алексей Хомич, легендарный в прошлом футбольный вратарь, ставший фотокором, запечатлел победителей Кубка европейских чемпионов. На опубликованном в еженедельнике «Футбол-хоккей» фото Тарасов стоит не в группе тренеров, расположившихся на снимке слева, а справа, рядом с игроками, между Виктором Полупановым и Владимиром Викуловым.

Автор отчета, Тарасова во всей этой истории «не заметивший», объяснил внезапную метаморфозу просто: «Архитрудная ситуация сыграла для ЦСКА роль пружины, которая действует тем сильнее, чем больше ее сдавливают. Тренерам ЦСКА удалось воодушевить игроков, поднять их настроение. Особо мне хочется сказать о Б. Кулагине… Тот перелом, который создала армейская команда в повторной встрече Кубка чемпионов, то воодушевление, с которым хоккеисты ЦСКА вели штурм в заключительной 20-минутке, говорит о том, что армейцами руководила твердая рука тренера».

Вот так. Кулагин был: воодушевил, руководил… Тарасова — не было…

На момент второго европейского матча со «Спартаком» ЦСКА сыграл в чемпионате СССР семь туров и проиграл всего одну встречу. Потом он без проблем расправился в гостях с аутсайдерами — «Трактором» и «Сибирью», но по возвращении в Москву был крепко бит армейцами Ленинграда (2:7). Из девяти следующих матчей ЦСКА проиграл четыре, в том числе дважды «Химику». И в день домашней игры с горьковским «Торпедо», 16 ноября 1970 года, Тарасов был вызван к заместителю министра обороны, который объявил ему о назначении начальником и старшим тренером хоккейного клуба ЦСКА. Сообщить об этом публике уполномочили ТАСС, что агентство и сделало с телеграфным лаконизмом: «Старшим тренером хоккейной команды ЦСКА вновь назначен А. В. Тарасов».

Тарасов понимал, что за сложившуюся ситуацию — отсутствие внятной игры и десятиочковое отставание от «Динамо» — ответственность прежде других несет он сам. Это он, уходя, рекомендовал Кулагина, специалиста хорошего (Борис Павлович подтвердил потом свою квалификацию, работая в «Крыльях Советов»), но с ЦСКА в отсутствие Тарасова справиться не сумевшего.

Кулагин был хорошим помощником Тарасову. «Мы находили с ним общий язык, — говорил Анатолий Владимирович, — и сотрудничество наше было плодотворным. Большую часть времени руководил командой я, а он мне помогал». Когда Тарасову приходилось на какое-то время ложиться в госпиталь, он нисколько не опасался за качество работы в команде без него. Хоккеистам и в голову не приходило снижать к себе требования, филонить, халтурить — каждый из них был осведомлен о том, что Тарасов вот-вот появится на тренировочной площадке.

Ошибся ли Тарасов, рекомендуя в качестве преемника, пусть даже всего на год, своего многолетнего помощника, которому он всецело доверял? Скорее да, чем нет. Тарасов, надо полагать, недооценил важный фактор: отсутствие у Кулагина навыков самостоятельной работы. Не стоит, впрочем, забывать о том, что, рекомендуя Кулагина, Тарасов настоятельно просил Бориса Павловича «обязательно сохранять традиции команды, бережно относиться к ветеранам, учиться у “стариков”, как это и делали мы с ним многие годы».

Вернувшись летом 1970-го из отпуска и придя на тренировку ЦСКА, Тарасов был поражен. Он увидел, что «меняется, по существу, весь тренировочный процесс». Тарасов немедленно собрал тренеров. По должности он имел право наблюдать за занятиями всех армейских команд и давать — при необходимости — корректирующие рекомендации. «Я, — вспоминал Тарасов, — сказал им, что напрасно они сразу же пошли на столь решительную перестройку. Смена руководства команды — процесс непростой, спортсменам требуется какой-то срок, чтобы привыкнуть к новым тренерам, и поэтому рискованно резко менять курс движения — на повороте может занести».

Кулагин с этим не согласился. «Встал вопрос, — говорил он, — копировать Анатолия Владимировича или нет? Пришли к единодушному выводу: копировать не стоит! В противном случае никто не понял бы нас». Кулагин настаивал на том, что обязан придумать что-то свое, а не работать по старым лекалам. Доля истины в его упорстве есть. Тарасов и сам всегда выступал против слепого, бездумного копирования. Но ошибка Кулагина — первая ошибка — заключалась в том, что он нарушил один из

основополагающих принципов — принцип постепенности при переходе к новым формам тренировочного процесса. Во многом отказавшись от прежних методов, привычных для подавляющего большинства хоккеистов, прошедших школу Тарасова, Борис Павлович не сумел убедить подопечных в жизнестойкости предложенного им «нового тренировочного курса». Он, как подметил Тарасов после разговора с игроками, «не увлек их, не заинтересовал, опытные мастера не приняли его… и команда была обречена на неизбежные неудачи».

Вторая ошибка нового тренера (а быть может, и первая) — его твердая решимость избавиться от большой группы игроков. «У нас сейчас в ЦСКА, — сказал Кулагин в интервью еженедельнику «Футбол-хоккей», опубликованном 8 ноября, за восемь дней до возвращения Тарасова, — пришла пора, когда нужно одну группу игроков сменить другой… В нашей команде требуется замена сразу нескольким хоккеистам. Да каким! Многократным чемпионам страны и мира!» Не исключено, что интервью это легло на ту чашу весов, на которой разместились проигрыши команды и ее невнятная игра.

Заявив о необходимости замены сразу нескольких ведущих игроков, Кулагин, сам того не ведая, присоединился к голосам тех, кто с первых же минут после появления информации об уходе Тарасова в «академический отпуск» принялся обвинять тренера в хитрости и малодушии. Прикинул, дескать, Тарасов, что основные хоккеисты сдают, что команда нуждается в срочных кадровых переменах, и быстренько «слинял» под надуманным предлогом. «Разговоры такие велись, я о них знал, — признавался позже Тарасов. — И чувствовал отвратительное бессилие — разве объяснишь каждому, что армейцы по-прежнему полны энергии, что команда у нас перспективная, что мне, наконец, и в самом деле было трудно тогда — по состоянию здоровья — проводить матчи чемпионата страны. И я ведь не уходил из ЦСКА навсегда».

Объяснил Тарасов и бессмысленность затеи Кулагина, связанной с обновлением пятерок осенью 70-го.

В первой пятерке играли тогда Михайлов (26 лет), Петров (23), Харламов (22), Гусев (23), Кузькин (30). Кузькин еще многие годы после этого — до 1976-го — оставался одним из лучших защитников страны.

Во втором звене были задействованы Викулов (24), Полупанов (24), Фирсов (29), Лутченко (21), Рагулин (29). В этой пятерке, по предположению Тарасова, «под подозрением были, видимо, Фирсов и Рагулин. И не только под подозрением. С Рагулиным, насколько я знаю, тоже хотели проститься. Фирсова Кулагин готов был отпустить, — продолжал Тарасов, — он никак

не поддерживал его и при первой же неудаче снимал с игры, и Фирсов терял веру в свои силы». Спустя небольшое время после возвращения Тарасова Рагулин и Фирсов заиграли так, что «молодые и в мыслях не могли себя равнять с ними».

Третья пятерка, судя по интервью, вызывала наибольшее беспокойство Кулагина: Мишаков (29), Моисеев (30), Блинов (21), Цыганков (23), Ромишевский (29). Да, эта пятерка уступала в мастерстве другим звеньям, но ее можно было не перегружать, наигрывая четвертое — молодежное — звено. Средний возраст хоккеистов трех пятерок — 25 с половиной лет. Это золотой возраст, с хорошей перспективой.

Неудачи, однако, привели к панике. Она была облечена в дипломатичную формулу «поиска оптимального состава третьего звена». Поиски эти Тарасов назвал «бесконечными». Иного определения и не подобрать. «Доходило до того, — отмечал он, — что в одном матче, *в одном*, подчеркиваю, матче ЦСКА пробовал пять (!) различных сочетаний игроков в третьем звене». Естественно, ни о каком взаимопонимании хоккеистов, ни о каком боеспособном коллективе не могло быть и речи.

Утраченную веру в игроков Тарасов называл «самым большим тренерским грехом. Когда это происходит, — писал он, — в качестве оправдания возникает старый, как спортивный мир, аргумент — “необходима смена поколений”».

Ошибки Кулагина — вполне объяснимые ошибки человека, впервые в тренерской жизни получившего в руки классную команду и собиравшегося доказать, что резкими переменами — в тренировочном процессе и в составе — он в состоянии сделать ее сильнее. Но спрессовать время Кулагину не удалось. Он был отставлен, потом сам уволился из армии и принял предложение «Крыльев Советов», с которыми в сезоне 1973/74 года преуспел, взяв чемпионский титул. С десятком примерно игроков, прошедших школу ЦСКА. В том числе с тройкой Лебедев — Анисин — Бодунов, от которой фактически отказался Тарасов. Когда Кулагина позвали в «Крылья», он пришел к Тарасову посоветоваться. Тарасов сказал: «Надо браться».

Выиграв с «Крыльями» в один год чемпионат и Кубок СССР, Кулагин продолжал пребывать в убежденности, что в ЦСКА в 70-м ему «просто не дали довершить начатое». Он считал, что имел право вносить что-то новое, что-то свое в подготовку команды, руководство которой ему доверили, и настаивал, что работал тогда на перспективу.

Оказавшись же в «Крыльях», Кулагин до основания перестроил тренировочный процесс и сделал то, что в ЦСКА, как ни странно, делал далеко не всегда — резко увеличил объем

нагрузок, перейдя на режим трехразовых занятий и заставив своих игроков работать больше, чем работали армейцы. В день знакомства с «Крыльями» Кулагин сказал хоккеистам, что опередить ЦСКА можно лишь в том случае, если превзойти этот клуб в организации учебно-тренировочного процесса.

Два клуба впервые встретились в полуфинале турнира на призы «Советского спорта» в начале сентября 1971 года. Для Кулагина, равно как и для молодых форвардов, только-только перешедших из ЦСКА (Лебедев, Анисин, Бодунов), встреча была сверхпринципиальной. Им было что доказывать. И — кому. В первую очередь — Тарасову.

Счет 3:1 в пользу ЦСКА в середине второго периода рушил, казалось, все доказательства. Но если прежние «Крылья» выбросили бы на лед полотенце, то «Крылья» кулагинские заставили ЦСКА в конце третьего периода удерживать изо всех сил ничью, а в дополнительное время, когда армейцы снова добились разрыва в две шайбы (5:3), едва не вырвали победу. Спасибо Третьяку. Он без устали отбивался от осаждавших его ворота хоккеистов «Крыльев» и пропустил лишь одну шайбу.

Не следует, впрочем, забывать: с 26 августа по 7 сентября того года армейцы сыграли 15 матчей, причем встреча с «Крыльями» пришлась на следующий день после первой финальной игры за Кубок европейских чемпионов с «Дуклой». В Москве чехи были разгромлены (7:0). Матч с «Крыльями» завершился в одиннадцать вечера, в пять утра хоккеисты ЦСКА собрались в своем дворце и через два часа вылетели в Чехословакию, где на следующий день сыграли ответный финал вничью (3:3) и привезли домой чемпионский Кубок.

Главное, что Кулагин вынес для себя за несколько месяцев работы без Тарасова, — это то, что он может работать старшим тренером команды мастеров. Тарасов в ЦСКА выделял своему помощнику «лабораторию», полностью доверив ему молодежную команду. Кулагин ставил в ней эксперименты, набирался опыта самостоятельной работы, руководил хоккеистами во время матчей, рекомендовал тех, кого он готовил, в первую команду.

На первой же встрече с командой после своего возвращения Тарасов взял прежнего тренера под защиту. «Да, — сказал он, — Борис Павлович уходит. Руководство клуба решило, что шесть поражений — это слишком много. Но справедливо ли укорять в неудачах тренера? Не поставили ли тренера в трудное положение сами хоккеисты? Я не хочу, чтобы кто-то валил вину на Кулагина». Это очень важный момент, потому что вокруг внезапной (стоит подчеркнуть это слово) замены тренера ЦСКА сразу же пошли досужие разговоры: «Подсидел!», «Выгнал!»,

«Расправился!»

Тарасов дал команде сутки на размышление, предложив всем подумать над тем, как жить и трудиться дальше. Он попросил забыть о вчерашних неудачах, а заглянуть в будущее. Потом Тарасов отдельно встретился с ветеранами и задал им один вопрос: «Есть ли в команде нарушения спортивного режима?» В переводе на понятный хоккеистам язык вопрос звучит так: «Пьют?» Рагулин, Фирсов и Ромишевский, вызванные Тарасовым в его новый старый кабинет, замялись и переглянулись: неписаные правила поведения игроков в коллективе не позволяли им называть какие-либо фамилии. Тарасов об этих правилах, разумеется, знал. И когда опытные хоккеисты, помявшись немного, сказали ему, что всё в порядке, он спросил: «А Гусев?..»

«Физическая подготовка хоккеистов ЦСКА, — говорил Борис Кулагин за неделю с небольшим до увольнения, — не вызывает тревоги. Об этом говорят медицинские исследования, об этом свидетельствует практика». Тарасов же одной из причин неудач команды назвал ее «плохую физическую подготовку». Проведя ряд оперативных, в том числе индивидуальных бесед с игроками, он пришел к неутешительному выводу: «После моего ухода некоторые мастера решили, что теперь будут сделаны послабления в тренировочной работе, и поспешили сделать себе их… сами. А Борис Павлович, видимо, вовремя не одернул этих хоккеистов, а возможно, не решился идти на конфликт».

Говорили о «черной кошке», пробежавшей тогда, в ноябре 70-го, между Тарасовым и Кулагиным. О возникшей когда-то замечательных, даже дружеских отношениях между ними некой напряженности. Источником этой напряженности называли Тарасова. О том, что Тарасов в 70-м якобы «выжил» Кулагина из ЦСКА. Так, в частности, считал хоккейный тренер Владимир Васильев. «Конечно, — говорил он, — когда Кулагина убирали из ЦСКА, то Тарасов к этому делу руку приложил».

И наконец, о том даже, что, уходя в «академический отпуск», Тарасов якобы подговаривал основных игроков, которым особенно доверял, не выкладываться в полной мере и не забывать, что он, Тарасов, скоро вернется. Желал, мол, неудач своему преемнику, способствовал им и заранее для себя решил вернуться на «белом коне», наладить игру и заблистать на фоне неудачника.

Чушь несусветная! ЦСКА времен небольшого периода тренерства в нем Кулагина — детище Тарасова, и Анатолий Владимирович переживал каждую неудачу коллеги, как свою собственную.

«Кто из известных тренеров и спортсменов оказал

наибольшее влияние на формирование ваших тренерских взглядов?» — поинтересовался журналист Аркадий Ратнер, бравший для еженедельника «Футбол-хоккей» интервью у Бориса Павловича накануне его пятидесятилетия в конце 1974 года.

«У меня, — отвечал Кулагин, — и в футболе, и в хоккее был только один тренер — Анатолий Тарасов… У Тарасова я старался взять всё хорошее, что у него есть. Хотя должен оговориться сразу, что в вопросах воспитательной работы мы придерживались во многом разных точек зрения».

Наверное, некое напряжение в отношениях между уволенным и назначенным на его место тренером не могло не возникнуть. Но не до такой же степени, чтобы начались выпады в прессе, нападки за кулисами. Ничего подобного не было. Будь иначе, не пришел бы Кулагин к Тарасову за советом — принимать «Крылья» или не принимать. И почему-то совершенно не вспоминают о том, что Кулагину было предложено вернуться к роли тарасовского ассистента. Тарасов был только «за», но сам Кулагин не захотел вступать в знакомую реку еще раз.

В 1982 году Борис Павлович Кулагин начал писать книгу. Незаконченную и нигде не публиковавшуюся рукопись (только небольшие отрывки появились в журнале «Спортивные игры» в литературной записи Аркадия Ратнера) дочь Кулагина Нина Борисовна передала журналисту Николаю Вуколову, который вместе с тренером Игорем Тузиком включил ее в сборник «Хоккейные “звезды” Бориса Павловича». Вот что Кулагин написал о Тарасове:

«Мне скоро шестьдесят. Я старый тренер. Но говорю так не о прожитых годах, а о сумме пережитого. Помню, как лет пятнадцать назад услышал эти слова от Анатолия Владимировича Тарасова. Был он тогда моложе, чем я сейчас, и, говоря о себе “старый тренер”, вкладывал в это множество оттенков: опытный, мудрый, уставший — всё что угодно, но только не признаки физической старости. В пятьдесят три года (прекрасный для тренера возраст) после десяти лет непрерывных побед Тарасов ушел из сборной, а в пятьдесят пять, передав ЦСКА Константину Локтеву, навсегда расстался с практической хоккейной работой. И хитрил сам с собой, выдавая за старость накопившуюся с годами усталость.

И это Тарасов, великий тренер, почти не знавший поражений! Но мне-то известно, сколько трудов, бессонных ночей, сердечных приступов стояло за самой благополучной тренерской биографией.

Как же много не доработал Анатолий Тарасов! Какую бездну планов, тренерских идей, которыми всегда был переполнен, так и

не сумел осуществить. Как крепко держал в руках свою азартную, честолюбивую натуру. Жаждал реванша, готов был вернуться, но приглашения не дождался. Так уж случилось…»

О ком еще, если не о хорошем товарище, всегда готовом подставить плечо, можно было так написать?

Вячеслав Колосков, поработавший и с Тарасовым, и с Кулагиным, считает досужими разговоры о том, что Тарасов недолюбливал Кулагина, строил ему козни. «Это, по-моему, от лукавого, — говорит Колосков. — Да, близки они не были, компании водили разные. Но отношение к Тарасову — это я видел собственными глазами в течение многих лет — было очень уважительное. Я бы сказал так: у них были товарищеские отношения вне площадки и партнерские отношения в тренировочном процессе и вообще — в профессии».

Тарасов прав: при Кулагине команда почувствовала вольницу, игроки стали выискивать для себя послабления. К Кулагину — в том-то и фокус — хоккеисты продолжали относиться как ко второму тренеру. Его воспринимали прежде всего как человека, гасившего гнев «отца родного» (так с легкой руки Евгения Мишакова, обратившегося на собрании к тренеру стали называть Тарасова). «У Тарасова, — вспоминал Мишаков, — разговор был простой. Стоило кому-нибудь начать выпендриваться, Тарасов тут же переходил на “вы” и делал жесткий вывод: “А от вас, молодой человек, что-то говнецом стало попахивать”».

«Хоккеисты, — признавался сам Кулагин, — привыкли, что я отвечаю прежде всего за воспитательную работу, учебно-тренировочные занятия мне приходилось вести только с юниорами, а в команде мастеров занимался лишь с хоккеистами, не попадавшими в сборную».

Сказать, будто Кулагин — человек мягкотелый, было бы неправдой. Крутостью характера он не отмечен, но жестким, случалось, бывал. Правда, жесткость его в среде хоккеистов оставалась незамеченной и считалась искусственной.

Возвращение Тарасова соперники, прежде всего динамовцы, уверовавшие в победу в чемпионате, прозевали. Рывок ЦСКА, предпринятый с низкого старта, стал для них неожиданным и вверг в стояние ступора.

Непривычной оказалась фора, «выделенная» «Динамо» армейцами. Никогда прежде ЦСКА так слабо не начинал. Догонять пытались обычно его. Подводя итоги чемпионата 1970/71 года, говорили, что Тарасову ничего не надо было менять — ни игровые концепции, ни отношение к игре. Наблюдатели ссылались на опыт десятилетней работы Кулагина с Тарасовым и

настаивали на том, что в общем и на тренировках, и в играх ЦСКА при Кулагине был прежним. Всего-то и обращали внимание на некоторую реконструкцию состава: Блинов был переведен Кулагиным в звено к Полупанову и Викулову, а Фирсов, «в полном соответствии с традициями ЦСКА, — как отмечал обозреватель Дмитрий Рыжков, — был приставлен поначалу в роли няньки к молодым Анисину и Бодунову».

Закономерным было названо и увольнение Кулагиным защитника Брежнева (Тарасов переживал потом, что не сумел помешать этому; «Брежнев, — говорил Мишаков, — в свои 35 играл лучше молодых. Но — ветеран. И его списали. А я уверен, что будь в это время в команде Тарасов, уж этот сезон Володя бы точно доиграл»), и фактическое отлучение от игры Мишакова и Моисеева, большую часть игрового времени тоскливо сидевших на скамейке, и кулагинские намеки ветеранам на то, что их время либо прошло, либо подходит к концу.

На исправление просчетов Кулагина у Тарасова ушло не много времени. Он оперативно сбалансировал уровень физической готовности всех игроков — в противном случае они не смогли бы выполнять его тактические установки (как не выполняли их в полной мере при Кулагине). Это позволило избавиться от сложившегося осенью «комплекса минимализма». Во многом разуверившиеся в собственных возможностях хоккеисты довольствовались решением задач, называвшихся тренером «посильными». ЦСКА же всегда славился максимализмом. Требования к хоккеистам были простыми — «играть по возможностям». Это расхолаживало и привело к поразившим всех переменам. ЦСКА перестал вести игры на высоких скоростях, агрессию свел к минимуму и, в отличие от прежних времен, постепенно становился неотличимым от соперников.

Показательно, что после возвращения Тарасова стал выходить «Боевой листок» к каждому матчу. Его редактировал и оформлял Ромишевский. Запретил Тарасов в категоричной форме и обсуждать в команде и в разговорах с журналистами «за уши притянутую», как он выразился, проблему ветеранов.

С огромными физическими нагрузками, предложенными Тарасовым, справились все. Даже те, кто, по мнению тарасовского предшественника, уже не мог в силу возраста воспринимать каскады упражнений, направленных на восстановление скоростной выносливости, силы и скорости. Анатолий Фирсов, начинавший сезон неважно, можно даже сказать слабо, превратился по ходу внутреннего первенства в одного из лучших бомбардиров, получил титул форварда № 1 на мировом

чемпионате и был назван лучшим хоккеистом страны. «Меня, — говорил он после чемпионата мира, — заставляли делать то, что я, казалось бы, делать уже не мог. Заставляли выполнять такую работу, которую я, опять-таки казалось, выполнять уже не мог. Ведь я уже собирался бросить хоккей. Но спасибо тренерам…» Фирсов говорил об обоих тренерах сборной, но, конечно, в первую очередь имел в виду Тарасова, Фирсова полностью восстановившего, заставившего забыть о неудачном начале сезона и поверить в свои силы.

В еженедельнике «Футбол-хоккей» существовала традиция: капитан команды, выигравшей чемпионат — футбольный или хоккейный, — представлял тренеров и партнеров. После невероятного, если говорить о сюжетной линии, чемпионата-70/71, когда ЦСКА на коротком отрезке турнира сначала отыграл у «Динамо» 10 очков «форы», а потом «привез» сопернику 7, игроков ЦСКА представлял Тарасов. «Мы сказали Фирсову, — передает его слова еженедельник, — что такой игрок, как он, не имеет права сам определять срок ухода. Даже если его мастерство несколько пошло на убыль, он способен на льду передать свой богатый опыт молодежи и потому обязан остаться в строю. Фирсов беззаветно предан хоккею. Не будучи здоровяком, он, как никто другой, тренируется умело, грамотно, самозабвенно».

В том, что армейский клуб совершил в чемпионате по существу невозможное, «заслуга старослужащих, — утверждал Дмитрий Рыжков. — Мишаков и Моисеев, Рагулин и Ромишевский, Кузькин и Фирсов — все они словно бы помолодели, и, право, я не знаю, играли ли они когда-нибудь лучше, чем во второй половине нынешнего чемпионата. Вернее сказать, не лучше, а так отдавая себя всего без остатка».

Фирсов одной из главных причин провала осенью 70-го называл «скитание по тройкам». Сам он за небольшой период турнирного времени сыграл не только в своем звене, с разными притом партнерами, но и в тройке Петрова — на двух позициях: харламовской и центрфорварда, и с молодыми нападающими из тройки Анисина. Главным же «скитальцем» при Кулагине оказался Юрий Блинов. В третьей тройке, например в проигранном с разгромным счетом матче со СКА в Ленинграде, Кулагин попробовал пять вариантов построения звена. Подобные шараханья, выдаваемые за эксперименты, — следствие неуверенности в себе, в правильности проведенной перед сезоном подготовительной работы, в точности формирования состава.

«Тарасов, — вспоминал Фирсов, — вернувшись в команду, начал с того, что немедленно прекратил чехарду с составом, и

третье наше звено стабилизировалось». Выяснилось, что Блинов — Мишаков — Моисеев — неплохая тройка. Тарасов пригласил их к себе и сказал: «С вами можно стать не только чемпионами страны, но и чемпионами мира, и я прошу вас доказать это…»

В сентябре-ноябре 1970 года, когда с командой работал Кулагин, ЦСКА словно подменили. И подменили еще раз — с 19 ноября, после победы над «Динамо».

Через три дня после возвращения Тарасова ЦСКА выпало играть с лидером. Перед этой важной встречей Тарасов сумел провести лишь одну тренировку. Он рассказывал, что почувствовал, когда вновь появился на льду перед своими ребятами:

«Мучительно искал нужные слова, верный тон — я не готовился, не ждал, что будет так скоро принято это решение, и должен был импровизировать. Передо мною знакомые лица, многих я знаю, как себя, за восемь-десять лет нам пришлось немало вместе пережить. Понимал, что и ребята слишком хорошо меня знают, и потому не мог, не имел права сфальшивить, отделаться какими-то обещаниями.

О чем говорить? Стыдить, ругать, объяснять ошибки, призывать к борьбе, уверять, что не всё потеряно, что некоторые шансы на золотые медали еще пока остались?.. Понимал только, что не рассуждений о тактических схемах ждали от меня мои старые знакомцы, эти молодые люди, с которыми мы съели не один пуд соли и пролили немало пота за многие годы совместного напряженного, счастливого и плодотворного, а порой изматывающего труда.

Я сказал ребятам о том, что представлялось мне в ту минуту главным. О том, что это великая честь — служить хоккею в прославленном армейском клубе, что это — счастливая судьба — играть, работать в нашей команде».

Эта первая тренировка продолжалась около трех часов.

Игорь Тузик, приятельствовавший с Евгением Мишаковым, рассказывал, как «Женька еле ноги волочил с той тренировки, а он был физически очень сильный парень, его укатать было не так-то просто!». По словам Мишакова, когда в первой половине чемпионата он стал запасным и наблюдал за матчами из-за борта, ему хотелось вообще уйти из хоккея. «Но вернулся в команду Тарасов, — вспоминал Мишаков, — тренер, с которым связаны все мои успехи. Анатолий Владимирович сказал: “Я очень на тебя рассчитываю, Женя”. И эти слова помогли мне как бы раскрыться заново.

Тарасов тогда сумел зажечь хоккеистов, взвинтил их, завел до предела, и ЦСКА заиграл так, что многим сразу стало понятно:

остановить эту команду будет чрезвычайно сложно.

У «Динамо» тарасовская машина 19 ноября 1970 года выиграла безоговорочно — 6:2. ЦСКА получил не только два очка, но и уверенность в том, что лидера можно достать. План на игру с «Динамо» со стороны мог показаться авантюрным, невыполнимым: Тарасов бросил в бой всех тех, кто в течение многих последних лет приносил ЦСКА победы. И не просто бросил, а призвал пойти на штурм, ни в коем случае не строить игру на контратаках и не видеть ничего страшного в том, что оборона может при таких действиях оказаться чересчур уязвимой. «Много изъянов было тогда в атаках армейцев, — констатировал в еженедельнике «Футбол-хоккей» Дмитрий Рыжков. — Не успевали вовремя открываться форварды, “проваливались” защитники, и то, что «Динамо» выиграло первый период со счетом 2:1, а не, скажем, 4:1, казалось чудом. Но после перерыва в течение сорока минут армейцы забросили пять шайб и ушли со льда победителями. Так началось победное шествие ЦСКА в нынешнем чемпионате, шествие, которое в течение двадцати туров никто не мог остановить».

После матча Тарасов публично восхитился игрой Мишакова, звено которого впервые в сезоне обыграло мальцевское, а также Фирсова и Рагулина. Расставанием с Мишаковым, Фирсовым и Рагулиным Кулагин собирался приступить к смене поколений. Тарасов называл этот процесс — смену поколений — исключительно деликатным и никогда, в отличие от многих коллег, не возводил его в причину случавшихся неудач. Тарасов понимал, что без обновления не в состоянии существовать ни одна команда, но никогда не спешил расставаться с опытнейшими мастерами. «Да, с молодыми работать куда как легче, — говорил он, — ими, в конце концов, можно и командовать, они верят каждому слову тренера. А вот тренировками и играми “старичков” руководить действительно трудно. Нужно опережать их — каждого в отдельности и всех вместе — и в трудолюбии, и в общем уровне культуры, и в специальных знаниях, и в умении найти общий язык со всеми игроками команды».

Перед продолжительным перерывом, вызванным участием сборной в традиционном в те годы розыгрыше «Приза “Известий”», товарищескими матчами национальной команды в Чехословакии и Финляндии и выездами клубов на коммерческие турниры, ЦСКА Тарасова приблизился к «Динамо» вплотную. По набранным очкам армейцы отставали всего на три, по потерянным — на пять. После победы над «Спартаком» в графе «поражения» у ЦСКА по-прежнему оставалась кулагинская

«шестерка». При Тарасове команда проигрывать перестала. 8 февраля 1971 года ЦСКА разгромил в Ленинграде СКА (8:2) и возглавил таблицу. И уже — до завершения турнира. Тарасовское возвращение состоялось. 18 апреля, за несколько туров до финиша, ЦСКА оформил чемпионство.

«…Кулагин был принесен в жертву. Анатолий Владимирович ударом ниже пояса сбил своего преданного помощника, переступил через него, причем только ради получения генеральской звезды» — этот перл журналиста «Советского спорта» Геннадия Ларчикова, опубликованный газетой тридцать с лишним лет спустя после событий, поразителен по своей сути.

Особенно забавно последнее утверждение — насчет «генеральской звезды». За что же ее собирался получить Тарасов? За то, что ушел в «академический отпуск», заранее обговорив сроки со всеми заинтересованными лицами? За защищенную в ноябре 1971 года диссертацию? Над ней, к слову, напрасно иронизирует Евгений Рубин: «…он, быть может, единственный в стране человек без высшего образования, получил степень кандидата педагогических наук. Это звание ему присвоили как автору многочисленных книг, в которых разрешена важная проблема воспитания и которые написал за него журналист Олег Спасский».

Рубин, разумеется, знал, что диссертацию Тарасов писал сам, кандидатский минимум сдавал сам, работу свою в Институте физкультуры на улице Казакова в присутствии авторитетной комиссии и при заполненном публикой зале защищал 11 декабря 1970 года тоже сам. Диплом кандидата наук ТМПТ № 004044 датирован 3 февраля 1971 года, в нем значится: «Решением совета Государственного центрального ордена Ленина Института физической культуры от 11 декабря 1970 года, протокол № 12, Тарасову Анатолию Владимировичу присуждена ученая степень кандидата педагогических наук». Остался испещренный пометками тренера учебник по физиологии, который Тарасов брал у Акопяна («Стыдно не знать», — говорил он владельцу) и по которому готовился к сдаче экзамена по этому предмету в рамках кандидатского минимума. В один день с Тарасовым защищался вьетнамский аспирант по волейбольной тематике. В перерыве, перед своим «выходом», Тарасов собственноручно развесил десятка полтора графиков и схем, иллюстрировавших его работу.

Знал, разумеется, Рубин и о том, что свои многочисленные книги Тарасов писал сам, ежедневно вставая в 4-5 часов утра и занимая после завтрака привычное место за письменным столом. В некоторых книгах помечено: «Литературная запись Олега Спасского». Но Спасский в этих случаях лишь литературно

обрабатывал тарасовские рукописи.

Первую серьезную советскую книгу о хоккее — «Хоккей с шайбой» — Тарасов написал в 1951 году, когда Спасскому было 15 лет. Фундаментальный труд Тарасова — «Тактика хоккея» — издан в 1963 году. Была, несомненно, редакторская работа в издательстве, но ровно такая, без какой не обходятся почти все предназначенные для печати рукописи.

Спасскому, кстати говоря, повезло, и он этого не скрывал. Открывал ему таинства хоккея не кто-нибудь, а сам Тарасов. «На небольшой хоккейной магнитной площадке, — вспоминал Спасский, — Тарасов снова и снова двигал фишки, обозначающие игроков, чтобы я понял все хитрости тактики игры, отличал прессинг от силового давления. То были вдохновенные, блистательные лекции, обращенные (дело происходило в Архангельском, на базе ЦСКА) к одному-единственному слушателю».

Когда ЦСКА и сборную возглавил Тихонов, Спасский с ним быстро подружился и помогал и ему в работе над книгой. Спустя неделю-другую после выхода тихоновской книги Спасскому, регулярно писавшему для еженедельника «Футбол-хоккей», понадобился комментарий Тарасова. После какого-то матча в Лужниках Спасский подошел к нему. Тарасов, к которому Тихонов к тому времени (книга издана в 1985 году) относился как к некоему древнему экспонату, не отказал себе в удовольствии полюбопытствовать у Спасского: «А тебе позволили ко мне подходить?..»

Так с чего вдруг могла возникнуть «генеральская звезда», ради которой Тарасов «ударом ниже пояса» сбил своего помощника? Но ведь в пасквилях подобного рода не принимается во внимание ничего из того, что лежало и продолжает лежать на поверхности. Такое ощущение, что примеряют на Тарасове собственные недобрые мысли и поступки.

На поверхности между тем согласованный уход на согласованный срок и вынужденное возвращение, после того как команда — вовсе не по вине Тарасова — начала сыпаться. А также предложение Кулагину вернуться на пост второго тренера. И после отказа, вполне обоснованного, — совет-благословение перейти на самостоятельную работу в другой команде.

Где же здесь «жертва»? В чем заключался «удар ниже пояса»?..

Нина Борисовна Кулагина, дочь Бориса Павловича, вспоминала: «Незадолго до папиной кончины нам позвонил Тарасов. Он хорошо говорил об отце, по-доброму. Чувствовалось, что ему хотелось сбросить груз былых обид». Человеческие и профессиональные достоинства Кулагина Тарасов ценил всегда.

Истории с отстранением Тарасова от работы с ЦСКА в 1960 году и с его уходом в «академический отпуск» десять лет спустя с наглядностью свидетельствуют о важнейшем моменте, связанном с жизнедеятельностью команд. Советские спортсмены готовы с предельной серьезностью и полной самоотдачей относиться к тренировочным занятиям и матчам, только находясь под рукой «диктатора» — не важно в данном случае, «бархатного» или «колюче-проволочного». И не только о Тарасове речь, рядом с ним можно поставить Константина Бескова, Валерия Лобановского, Александра Гомельского, Николая Карполя, Вячеслава Платонова. Когда преемники этих «диктаторов» (в случае с Тарасовым Виноградов и Бабич в начале 60-х и Кулагин в 70-м) резко ослабляли вожжи, команды попросту терялись. Ни к чему хорошему такой популизм не приводил. После «либералов», стремившихся понравиться хоккеистам и напрасно убеждавших их в том, что и без закручивания гаек можно добиваться успехов, команду Тарасову приходилось собирать по кусочкам. Словом, как говорил Тарасов выдающемуся биатлонисту XX века Александру Тихонову: «Поверь, Саша, без кнута в России нельзя. Ни в спорте, ни в жизни».

В воспитательных целях Тарасов, называвший свой нрав «крутым», мог посадить в запас — и сажал — любого хоккеиста, независимо от его титулов и положения в команде. «Его требования, — говорил Рагулин, — были просты, но жестки. И выполнять их следовало неукоснительно». «Тут ведь что нужно понять? — объяснял Рагулин свое видение Тарасова. — Он каким делом занимался? Тренерским… А в тренерстве, да еще в хоккейном, нельзя быть средненькой, всем приятной фигурой. Такие люди всегда дело губили. А Тарасов был первым и главным из тех, кто сделал и поднял наш хоккей. И полюсы в его характере, крайности, по-моему, тоже говорят о мощи этой фигуры… Он опережал время, а потому и был велик».

«Тарасов не любил людей», — утверждал защитник ЦСКА и сборной Эдуард Иванов, чемпион страны, мира и Олимпийских игр, крепко обиженный на Тарасова за то, что тренер слишком рано, по мнению хоккеиста, поставил на нем крест. Но есть и противоположное мнение. «Тарасов любил игроков», — говорит врач Олег Белаковский, много лет проработавший с Тарасовым бок о бок. А Александр Гусев называет Тарасова «крутым, но отходчивым». И — великим психологом.

Александр Комаров, приехавший в ЦДКА из Хабаровска вслед за Николаем Сологубовым («Приехал парень, — говорил Тарасов Чернышеву, — толковый, хитрый, а шайбу держать не может, под крюком проходит…»), тренируясь у Тарасова, попал в сборную и

стал в ее составе в 1954 году чемпионом мира. Он называет Тарасова «деспотом». С оговоркой: «Но над человеком не издевался. У кого среднего образования не было — тех учиться отправлял, сам к директору школы ходил, договаривался. Вечером автобус за нами приходил — и учиться… И наказывал только нерадивых. Выпивох».

Один из таких «выпивох», Виктор Полупанов, за которого Тарасов боролся изо всех сил, но которого так и не смог в итоге победить, говорил, что «такого тренера, как Тарасов, не встречал. Работать с Анатолием Владимировичем было тяжело, не каждый выдерживал. Тренировки были ну просто каторжные. Но признать надо неоспоримо: Тарасов был уникальный тренер… Он мог дать дельный совет, мог вызвать один на один для нелицеприятного, а то и просто отеческого разговора, к нему можно было самому прийти в любое время дня и ночи».

При Кулагине Полупанов проштрафился и был отлучен от трех матчей. В первый же день после возвращения Тарасов сказал Полупанову, что в неудачах команды — немалая доля его вины. Тот заверил тренера, что подобное больше не повторится. Тарасову показалось, что Виктор и вправду изменился в лучшую сторону. «Усилил игру, — писал Тарасов, — успевал атаковать, успевал вернуться назад, на помощь защитникам, восстановил взаимопонимание со своими постоянными партнерами — Фирсовым и Викуловым. Тройка снова в этом составе попала в сборную».

Однако в дни известинского турнира Полупанов снова сорвался. Вместе с защитником «Динамо» Валерием Васильевым его вывели из состава сборной. Полупанов не поехал в чехословацко-финское турне, а потом Тарасов и Чернышев не взяли его на чемпионат мира-71. Не взял его Тарасов и в Швецию, куда ЦСКА отправился на предновогодний «Полярный кубок». В Москве хоккеист тренировался с молодежью, но усердием в работе не отличался. Когда Тарасов поставил его на кубковый матч с «Локомотивом», Полупанов игру откровенно провалил.

Упрямый Тарасов, не желавший смириться с тем, что вот-вот потеряет способного игрока, составил для Полупанова подробнейший конспект занятий на три дня. «Мы договорились, что тренироваться он будет дважды в день, — вспоминал Тарасов. — Но Виктор опять обманул команду».

Очередное нарушение, гауптвахта, суд партнеров по команде и веский вердикт ветеранов, которые в таких ситуациях обычно защищали перед тренером провинившегося». Полупанову было сказано, что он больше не нужен партнерам, что на него нельзя положиться и что уровень ненадежности пересек все мыслимые и

немыслимые границы…

«…Да, — отмечала Нина Григорьевна, — характер у Анатолия Владимировича был тяжелый, но этот же характер он на дело употреблял». Фирсов всегда ставил Тарасова в пример как человека. Великий хоккеист называл своего учителя «диктатором», который был «строг, подчас даже жесток», но который при этом был «фантастически предан хоккею и ради достижения поставленной цели не жалел ни себя, ни других». Даже когда хоккеисты выигрывали чемпионаты страны, мира и Олимпийские игры, Тарасов продолжал держать их в ежовых рукавицах. «А иначе, — говорил Фирсов, — и не выигрывали бы».

Когда Тарасов делал игрокам замечания, они порой считали, что он придирается. Но когда некоторые из них сами стали тренерами, они поняли: его требовательность связана только с профессиональным отношением к делу. «Если бы Тарасов не требовал с игроков, — считает Борис Михайлов, — то не стал бы великим хоккейным тренером. Я бы даже не сказал, что он был жестоким. Нетерпимым! И в каких-то эпизодах это переходило в жестокость. Он не терпел, чтобы на тренировках человек полностью не отдавался. Но он и плохое не пропускал, и за хорошее всё время хвалил». Тарасов умел и прощать. Методу педагогическую и тренерскую он видел абсолютно неразделимой.

Рассказывая о Тарасове, Владимир Федотов говорил, что не понимает, «как в одном человеке уживались два несовместимых качества — жестокость и добродушие». Приступив к тренерской деятельности, автоматически включающей в себя понятие «жестокость» — по отношению к себе в первую очередь, к соперникам, к нарушающим режим и не желающим усердно работать спортсменам, — сам Федотов продолжал оставаться человеком добродушным, не способным на необходимую жесткость, — и, думается, во многом по этой причине не преуспел в профессии.

Владимир Дворцов признал как-то, что у него с Тарасовым сложились не лучшие отношения. Можно подумать, будто он рассчитывал на «лучшие» после публикации в «Правде» в мае 1969 года статьи, направленной лично против Тарасова. «Но чем дальше Тарасов отходил от дел, — рассказывал Дворцов, — тем доверительнее ко мне относился. И ничуть не рассердился на меня за мое не совсем тактичное замечание, что Тихонов, очень быстро терявший те симпатичные черты, которые его отличали, в отношениях к людям хоккея стал совершенно как Тарасов. “Хуже Тарасова!” — с обычной своей непосредственностью воскликнул Анатолий Владимирович».

«Я думаю, что, наверное, правильно меня считали

диктатором, — говорил Тарасов, — Может быть, это слово и подходит. Как считали, так и считали. Я в этом убежден, и это проверено жизнью в тяжелейших хоккейных боях — я не позволял наступать себе на пятки, на мозоли. Мне казалось, что я знаю, что я делаю. Если бы я подавлял чем-то своих игроков, то не была бы воспитана целая плеяда выдающихся хоккеистов. Да, я был суров. Придумывал не только трехразовые, но и четырехразовые тренировки. Это очень тяжело. Но я это делал не из сумасбродства. Знал, что мы иначе их, этих канадцев, не догоним. И одновременно я истязал не только их, а и себя. Когда мне говорят “грубый тренер”, я хочу спросить этих товарищей: “Он справедливый или нет?” Если он ругает тебя, он это делает для своего “я”, для своего величия, или он это делает для тебя?»

«Разве не первый признак вандализма, и даже хуже: хулиганства, — неуважение к родным великим людям, хихиканье над своими гениями, улюлюканье вслед тому, кто осчастливил Россию, прославил Россию — кто всю жизнь жил среди грандиозных образов, титанических задач — разве это не полное вандальство?!» — писал в 1911 году Корней Чуковский Илье Репину, возмущаясь нападками на художника со стороны «мирискусников». Эти слова могут быть отнесены и к Тарасову.

Тарасов выше приклеиваемых ему злопыхателями ярлыков. Все они — «мимо». На фоне грандиозного подвижничества, ежесуточного сгорания в деле, в котором ему не было равных и за которое его по сей день почитают в мире, именуя «отцом российского хоккея», не иначе.

Совершенно нормальный для тренера, пекущегося не о себе, а об игроках и команде, набор воспитательных средств, в который входили — и оказывали в большинстве случаев необходимое воздействие! — перевод в нижестоящий армейский клуб, отстранение от матчей, отстранение от сборной, гауптвахта… Спустя годы почти все подпадавшие под тарасовские санкции хоккеисты, на первых порах костерившие тренера за то, что он «перегибал палку» (а он действительно порой ее «перегибал»), признавали справедливость его решений.

Тренерская правда выше игроцкой.

Глава семнадцатая ТРЕНЕРСКИЙ ЦЕХ

Проведение любого тренировочного занятия было для Тарасова, как он сам говорил, «обязательным и приятным служебным долгом». В эти часы подлинного священнодействия никто не имел права отвлекать тренера даже на мгновение. Время, отведенное для урока, было для Тарасова самым дорогим. Он готовился к каждой тренировке с предельной тщательностью. Начинал с составления детального конспекта. Без него занятия не мыслил. Тарасов считал, что проводить урок следует так, чтобы каждый хоккеист «получил не только нужную долю физического и волевого заряда, но и почувствовал полезность тренировки».

Работал так сам и старательно приучал к такой работе всех, кто находился рядом. Юрий Моисеев, работяга из работяг, «шахтер» хоккея, — один из тех воспитанников Тарасова, кто стал отменным тренером. И где бы он ни работал, у него в тренерской комнате висел портрет Тарасова. Моисеев называл его «народным артистом в управлении коллективом: в нужный момент произносил нужные слова с нужной интонацией и с точной степенью громкости. Внимание игроков словно держал в руках».

Тарасов любил Моисеева. Быть может, и предполагал увидеть его в будущем тренером, но ставку на него, по ощущению игрока, «не делал», а рассчитывал — из той плеяды хоккеистов — в основном на Локтева, Фирсова и Ромишевского.

Самой громкой сенсацией чемпионатов мира в 60-х годах была названа победа сборной ГДР над шведской командой в Любляне-66 со счетом 4:1. Как поведал журналист Борис Левин, к победе восточных немцев приложил руку Тарасов.

Тренеры сборной ГДР попросили Тарасова накануне матча со шведами провести тренировку с командой. Левин приехал к концу занятия и увидел, как немецкие хоккеисты «измочаленные, на полусогнутых покидали лед». Тарасов в раздевалке сказал тренерам: «Завтра утром обязательно провести раскатку». Те в недоумении: «После сегодняшнего истязания, да еще завтра, в день игры, выходить на лед?» Тарасов: «Обязательно!» По дороге в гостиницу Левин в разговоре с Тарасовым предположил: «Завтра шведы измочаленным немцам отвезут штук десять — играючи». Тарасов в ответ: «Завтра немцы обыграют шведов, и это будет самая большая сенсация чемпионата».

Перед матчем Тарасов побывал в раздевалке сборной ГДР и попросил переводчика сказать команде: «На тренировке вы носились как черти. Так надо и сыграть. Вы сможете сегодня победить. В это нужно верить, твердо верить». После игры

немецкие тренеры глазами искали Тарасова на трибуне, а капитан команды Иоахим Цише сказал: «Это — победа тренера Тарасова».

Тарасов постоянно бывал на тренировках специализированной детской школы ЦСКА, открытой по его настоятельной просьбе. Что бы ни говорили, какие бы примеры ни приводили (большей частью — совершенно некорректные) о переманивании уже будто бы состоявшихся игроков в ЦСКА, но Тарасов в клубе взял твердый курс: опираться на собственных воспитанников. И курсом этим следовал. Как-то вечером, в половине десятого (в дневное время льда на всех не хватало), Тарасов появился на занятии юношеской команды. Обнаружив, что у тренера нет конспекта, принялся сам, с листа, проводить урок.

Тарасова поражали случаи наплевательского, равнодушного отношения тренеров к своей работе. Он не понимал таких «специалистов». Как анекдот рассказывают историю о том, как ЦСКА, приехав в Киев, с вокзала отправился сначала на каток, чтобы оставить там баулы с амуницией, а потом поехал в отель. На катке готовились к предстоявшему матчу местные хоккеисты. Занятия проводил второй тренер. Тарасов поинтересовался: а где же старший? Ответ сразил его наповал. Старший тренер во время занятий своей команды находился в гостинице, где, словно клубный администратор, занимался размещением приехавшего соперника.

Куда бы Тарасов ни приезжал, где бы он ни находился, — всегда выкраивал время для того, чтобы побывать на тренировках хоккейной, баскетбольной, футбольной команд. Он сравнивал такие походы с работой золотоискателей, перебиравших тонны пород ради поиска золотой крупинки. Тарасов искал тренерские «крупинки золота» везде.

В 1965 году в Москву впервые приехала сборная Бразилии по футболу. Тарасов разузнал, где и когда она тренируется, и отправился в Лужники вместе с Михаилом Давидовичем Товаровским и преподавателем кафедры футбола Института физкультуры Руперто Сагасти. Сагасти — из испанских детей, приехавших в Советский Союз из объятой войной страны. Он всерьез занялся футболом, играл не на таком высоком уровне, как, скажем, Августино Гомес, многолетний капитан московского «Торпедо», но в составы московских клубов «Крылья Советов» и «Спартак» какое-то время проходил. Затем занялся изучением футбола как наукой. Он прекрасно владел испанским и португальским языками, работал под началам Товаровского, и Тарасов, которого Сагасти познакомил однажды в Москве с

возглавлявшей компартию Испании Долорес Ибаррури, хотел прибегнуть к его помощи и задать вопросы, если ему представится такая возможность, бразильским тренерам.

Тарасов запомнил всё до мельчайших подробностей. Из-за ливня бразильцы занимались поначалу в стареньком легкоатлетическом манеже, располагавшемся тогда в подтрибунном помещении лужниковского стадиона, там, где в новые времена на арене появилась ВИП-зона. Комфорта не было никакого: беговой сектор, мешающие работе колонны, песчаный грунт, политый для мягкости водой, а потому раскисший и превратившийся в грязное месиво. А ведь приехали двукратные на тот момент чемпионы мира! Тарасов был поражен: «Никто не ворчал, не жаловался тренеру, не возмущался — ни одна знаменитость во главе с Пеле, ни один из кудесников футбола, избалованных шикарными полями». Мячи им в манеже не дали. Тренер по атлетической подготовке провел с ними простейшую 35-минутную разминку, названную Сагасти «БГТО» («Бразильцы готовятся к труду и обороне» — так испанец переиначил «Будь готов к труду и обороне» — детский вариант ГТО).

«Я не могу критиковать бразильского тренера, — вспоминал Тарасов лет десять спустя. — Он, несомненно, специалист, знаток своего дела, но мне показалось, что для столь именитой компании, где были Пеле, Сантос и Гарринча, можно было придумать и более “аппетитные” упражнения, более “вкусное тренировочное блюдо”». Лучшим исполнителем простеньких гимнастических упражнений и коротких пробежек Тарасов называл Пеле, наслаждавшегося работой без мяча.

Потом, когда команда приступила к занятиям с мячом, Тарасова удивило, с какой старательностью работали великие спортсмены. Энергии, выдумки у них было хоть отбавляй, но «эта увлеченность, этот порыв ничуть не мешали им строго следовать всем принятым у них на тренировках порядкам. Бразильцы немедленно подчинялись свистку тренера». Тарасов удивлялся тогда в Лужниках: советский тренерский корпус отсутствовал на тренировке сборной Бразилии — законодательницы мод в футболе того времени. Присутствовал только заместитель начальника управления футбола Спорткомитета Владимир Мошкаркин. Да и то, видимо, потому, что он занимался организационными делами, связанными с приездом бразильской команды, и обязан был находиться в Лужниках по долгу службы: мало ли какая просьба могла поступить от гостей.

Тарасов знал, что советские футбольные тренеры частенько жаловались: нет, дескать, возможности знакомиться с лучшими образцами современного мирового футбола. Неудачи во многом

объясняли ограниченностью контактов с ведущими зарубежными клубами. Но вот возможность появилась — не кто-нибудь, а сборная Бразилии тренируется в Лужниках, но ни у кого не возникло желания познакомиться с лучшим на то время образцом футбола. Тарасов предполагал, что его футбольные коллеги могли не знать о времени и месте тренировки. Он и сам узнал об этом с «превеликим трудом». Но узнал ведь, не поленившись ради этого набрать не меньше дюжины телефонных номеров!

Проецируя ситуацию на хоккей, Тарасов с горечью говорил: «И у нас, хоккеистов, уже появилась тенденция к зазнайству и душевной лени, к равнодушию. Мы меньше теперь учимся у тех, кого обыгрываем, мы перестали вести разведку в хорошем смысле слова, перестали просматривать хоккейные встречи конкурентов, меньше интересуемся специальной литературой. Мы сейчас учимся меньше, чем прежде».

Тарасов побывал на сотнях тренировок иностранных команд. Его всегда интересовало, как работают коллеги — из любой команды, из любой сборной. Тарасова пускали на тренировки всегда, «красный свет» перед ним не зажигали: наоборот, гордились, что на каток во время работы пришел такой тренер. Из каждого такого похода Анатолий Владимирович непременно извлекал что-то полезное для себя. И в 50-е годы, когда он фактически начинал тренерскую карьеру на высоком уровне, и в 60-е, будучи уже известным в мировом хоккее специалистом, и в 70-80-е, после завершения практической работы. До конца жизни он ездил на все крупные соревнования и посещал все тренировки, какие только было возможно посетить.

Получая крупицы дополнительных знаний, Тарасов всегда вспоминал о мудром решении Михаила Товаровского, запретившего ему на заре становления советского хоккея отправиться за опытом в канадский лагерь. Только — сам, только — свое, ни в коем случае не идти по чужим стопам, а уж потом можно и на других поглядеть. «Не было у нас и консультантов, — говорил Тарасов. — И это очень хорошо, ибо, находись рядом с нами иностранные специалисты, мы вольно или невольно последовали бы их советам. Наш хоккей родился из природы нашего спорта. Из природы нашей жизни, наконец».

Канадцы научились воевать на площадке, тренировки у них всегда были на втором месте — их заменяла игровая практика. Тарасовский хоккей — это прежде всего объемные, творческие тренировки. Когда Тарасов вел речь о становлении советского хоккея, он никогда не употреблял местоимения «я», всегда — «мы». «Когда мы выдумывали наш хоккей, — говорил он, — а я горжусь тем, что вместе с другими тренерами, прежде всего с

Чернышевым, к этому причастен, мы его действительно “выдумывали”».

Тарасов рассказывал, как побывал однажды на занятиях клуба «Эдмонтон Ойлерс» — команды Уэйна Гретцки. «Я еще раз убедился, — вспоминал он, — что наши заокеанские соперники никогда не дорастут до уровня наших занятий. Тренер шикарно одет. Он может пойти в этом костюме в театр, и никто не заметит, что на нем спортивная форма. Он ухожен, приглажен, мне всегда кажется даже, что иностранные тренеры надушены французскими духами. Он умело организует тренировку. Всё — по свистку. Но я не видел ни одного канадского тренера, кроме Скотти Боумэна, который проявил бы свой личный интерес к тому или иному игроку, чтобы он переживал за этого игрока или хотя бы ругал его. Чтобы он был близок к этому игроку. И другое. Я никогда не видел, чтобы ветеран учил, наставлял молодого игрока, чтобы хоккеисты помогали друг другу».

«…У них были прекрасные отношения с Эпштейном, — рассказывает о Тарасове Александр Пашков. — Когда они спорили о хоккее, то были непримиримыми оппонентами. Потому что Эпштейн продвигал свою систему игры, исходя из возможностей своей команды, а Тарасов — свою, исходя из требований, предъявляемых развитием мирового хоккея. Но за пределами катка они оба были очень близки. Тарасов звал Эпштейна Колей, а тот его — Анатолий Владимирович. Я как-то видел в Лужниках: они сидели и смотрели хоккей рядом, чуть ли не в обнимку. Тарасов был невероятный актер. На публике он мог сыграть всё что угодно — и дружбу, и ненависть».

Про артистизм Тарасова вспоминает и Владимир Юрзинов, которому мэтр, как начинающему, пытливому коллеге, всегда разрешал посещать тренировки ЦСКА. Как-то Юрзинов встал скромненько за бортиком с блокнотом — записывать ход занятия, фиксировать отдельные упражнения. Вдруг подкатывает Рагулин и шепотом: «Иди отсюда!» Юрзинов опешил: «Что случилось?» — «Специально для тебя Тарасов нас сейчас так гонять будет, что мало не покажется». Рагулин не преувеличивал. Тарасов обожал публику, даже если она состояла из одного человека. А уж если зрителей больше — всё, только держись! «Это я на себе испытал, — вспоминает Юрзинов. — Обычная зарядка в парковой зоне. Вдруг появляются случайные прохожие. Тарасов на глазах преображается и — громогласно: “Па-а-ашли, ребя-я-я-та! Па-а-ашли!” И мы, проклиная все на свете, прежде всего возникших из ниоткуда прохожих, кувыркаемся в лужах, играем в пятнашки, забравшись друг на друга. Из ушей — пар. И все это под громоподобное “Па-а-ашли!..” Прохожие в ужасе от увиденного,

жмутся друг к другу. Тарасов же произведенным эффектом наслаждался».

«Я знал, как обыгрывать Тарасова», — утверждал спартаковский тренер Николай Карпов, один раз выигравший чемпионат страны. А Тарасову и знать было не надо, как обыгрывать Карпова и остальных коллег: он делал это регулярно из года в год.

Восемнадцать победных чемпионатов страны, восемь Кубков СССР, шесть Кубков европейских чемпионов. Почти 800 матчей во всесоюзном турнире, всего 86 проигранных встреч — в среднем по 3,3 за чемпионат. Коллеги Тарасова исключительно редко довольствовались разовыми победами над ним.

Тарасов говорил, что перед матчами ЦСКА в Воскресенске специально, для удобства более медлительных «химиков», на местной арене подтапливали лед. И Александр Гусев уверен в этом: на мягком льду катание не такое быстрое, вязкое, и шайба не так быстро скользит. Юрий Морозов, в «Химике» много лет игравший, называет это байкой: отношения между игроками ЦСКА и «Химика», считает он, были «хорошими», несмотря на то что «Тарасов настраивал на нас своих, а мы всё равно нередко у них выигрывали».

Столько написано о том, как якобы слабо тарасовский ЦСКА играл против воскресенского «Химика», которым руководил Николай Эпштейн! «С командой Эпштейна, — считает, например, Александр Нилин, — Тарасов соревновался очно, в большинстве случаев бездарно». Но это — понятия относительные. Ни в одном из чемпионатов страны, в котором ЦСКА приходилось встречаться с «Химиком», перед Тарасовым не стояла задача обыграть именно «Химик». Да и на «Химик» тренер настраивал свою команду точно так же, как на других соперников (может быть, только на «Спартак» и «Динамо» с большей экспрессией). Задача перед ЦСКА всегда стояла совсем другая — выиграть первенство. Обратимся к самому надежному определителю «силы» или «слабости» команды — показанным ею результатам.

Всего в чемпионатах СССР в те годы, когда ЦСКА тренировал Тарасов, а «Химик» — Эпштейн, начиная с сезона-1955/56 и заканчивая сезоном-1973/74, команды сыграли друг с другом 67 матчей. В 53 побеждал ЦСКА, пять встреч завершились ничейным результатом, а в девяти случаях выигрывал «Химик». Если учесть, что в сезоне-1960/61 ЦСКА поначалу тренировал Тарасов, потом Александр Виноградов, а в сезоне-1970/71 начинал ЦСКА с Борисом Кулагиным, которого в ноябре заменил Тарасов, то после необходимых корректив получается следующая картина: 51 раз — при Тарасове — выигрывал ЦСКА, пять матчей

завершились вничью, в семи случаях победу праздновал «Химик», разница заброшенных и пропущенных шайб — 322:143 в пользу ЦСКА. Тарасовский ЦСКА взял у эпштейновского «Химика» 84,9 процента очков — куда уж больше?

Так что никак невозможно согласиться с выдумкой о том, что Тарасов с Эпштейном соревновался якобы «в большинстве случаев бездарно». ЦСКА с «Химиком» не соревновался, а просто его обыгрывал. Какое уж тут соревнование, если одна команда позволяет другой от щедрот своих взять у нее в среднем одно очко за сезон?!

«“Химику”, — не затрудняя себя проверкой цифири, сообщают тарасовские недоброжелатели, — Клуб армии проигрывал куда чаще, чем “Динамо” Чернышева». А ведь за тот же период времени, обозначенный в противостоянии ЦСКА — «Химик», армейцы взяли у «Динамо» 80 процентов очков — меньше, чем у «Химика». (У «Спартака», если вдруг возникнут вопросы, еще меньше — 72,7 процента.)

Разговоры относительно тактических схем, будто бы придуманных Эпштейном специально для матчей с ЦСКА, ни на чем не основаны. Сам Николай Семенович признавался, что перед играми с армейцами он ребятам своим и слов-то никаких не говорил. Для хоккеистов «Химика» ЦСКА был сильным раздражителем. «Сами обо всем договорятся, — вспоминал Эпштейн, — и понукать никого не надо. За счет этого и удавались игры на равных с ЦСКА…» С возрастом Николай Семенович, начитавшись о постоянно отбиравшихся «Химиком» очках у ЦСКА, и сам поверил в то, что играли «на равных»…

Приверженность «Химика» к оборонительным построениям (не только, к слову, в матчах против ЦСКА) объяснялась просто. У воскресенцев не было необходимого количества игроков, способных вести игру по-другому. «Однажды, — вспоминал Эпштейн, — подходит ко мне перед игрой Тарасов, обнимает за плечо и ласково так говорит: “Колюня, у тебя защита-то слабая. Надо тебе в атаку людей пускать, чаще нападать”. Ну, думаю, гусь ты, Анатолий Владимирович. Хитер — монтер. Я в атаку брошусь, а ты меня со своими орлами разнесешь в пух и прах. Кто же устоит перед такими армейскими нападающими, у него же там вся сборная, по сути, играет? Нет, соображаю про себя, я в атаку-то пойду, но только когда в тылах будет порядок». А какой уж тут порядок, если в восемнадцати сезонах тарасовско-эпштейновского «соревнования» у «Химика» лишь семь раз зафиксирована положительная разница заброшенных и пропущенных шайб?

Часто приводят два высказывания Эпштейна, в которых, по мнению Е. Рубина, «велика» доля правды. «Я бы ЦСКА

потренировал, — говорил Николай Семенович. — Вот пусть бы он (Тарасов. — *А. Г.*) потренировал “Химик”». И еще: «Давайте раз и навсегда отдадим золотые медали ЦСКА, а сами будем бороться за серебряные». И в чем же здесь «доля правды»? С чего бы вдруг Тарасову тренировать «Химик»? Тренерскую позицию в клубе, фактически начиная в нем хоккей с нуля, он выстрадал своей адской работой. Позиция эта не была преподнесена ему на блюдечке с каемочкой. Тренерская работа Тарасова не дает ни малейших оснований сомневаться в ее качестве, именно она, а не какие-либо привходящие обстоятельства приносила ЦСКА чемпионские титулы. «За всю его долгую карьеру, — пишет Рубин, — Тарасову ни дня не пришлось работать не просто с посредственными, но вообще не с самыми сильными командами страны». Тарасов действительно всегда работал только с самой сильной в Советском Союзе командой. Но только потому она была самой сильной, что таковой ее сделал он сам.

Сын Николая Эпштейна Марк рассказывал в интервью газете «Спорт-экспресс», как однажды в сокольническом Дворце спорта на одном матче находились вместе Эпштейн и Скотти Боумэн: «В Сокольниках на хоккее сидел в ложе Скотти Боумэн. Отцу говорят: “Познакомить вас? Подниметесь к нему в ложу?” — “А что я к нему пойду? Пусть он спускается…” Так и не познакомились. Ну кто такой Боумэн? Отец-то с “Монреалем” выигрывал бы. Вот попробовал бы Боумэн в Воскресенске поработать…»

Насчет «Монреаля»… Вот сценка из одного из матчей ЦСКА — «Химик». Лужники. Счет долгое время держится ничейный — 1:1. И тут шайбу в ворота воскресенского клуба забрасывает Харламов. Тарасов зычным голосом, в расчете на то, чтобы быть услышанным в располагавшейся неподалеку от скамеек ложе прессы, обращается к своим игрокам: «Все на лед, поздравлять Харламова!» Призыв, разумеется, слышит и Эпштейн. И столь же громко: «Тоже мне, “Монреаль Канадиенс” обыграли!..»

Рассказывают, как Анатолий Владимирович настраивал иногда своих игроков на матчи с «Химиком» (об этом, в частности, пишет тот же Рубин, ссылаясь на информацию, полученную от Локтева): «Все маленькие, все бегут, у всех нос крючком! Неужели мне вас учить, как обыграть эту воскресенскую синагогу?!»

Сам Эпштейн, конечно же, был прекрасно осведомлен, что никаким антисемитом Тарасов, боготворивший Михаила Товаровского, крепко друживший с Александром Гомельским, помогавший Олегу Белаковскому, никогда не был и быть не мог. Такая установка Тарасова его только веселила. Как веселило и

высказывание его друга Дмитрия Богинова: «Воскресенцы выбегают из своей зоны, как евреи из горящей синагоги».

Тарасову напрасно — прямо или косвенно — приписывают проявления антисемитизма. Для него национальностей не существовало.

Приписывают Тарасову также стремление использовать оборонительные наработки «Химика» для подготовки сборной к матчам с играющей будто бы в той же манере командой Чехословакии. Но и это не так. Тщательное изучение списка неофициальных матчей советской сборной с многочисленными клубными командами различных стран так и не выявило наличие среди ее спарринг-партнеров воскресенского «Химика». В разные годы сборная играла с рижской «Даугавой», московским «Локомотивом», горьковским «Торпедо», «Электросталью», СКА МВО (Калинин), не говоря уже о ЦСКА, «Динамо» и «Спартаке». «Химик» среди ее соперников не значится.

Странное дело. Когда Тарасов в своих статьях и книгах, в выступлениях на тренерских советах и совещаниях специалистов ратовал за развитие сбалансированного хоккея и критиковал однобокую приверженность некоторых коллег хоккею оборонительному, мнение великого тренера моментально подвергалось осуждению. Е. Рубин, например, считал, что Тарасов, пропагандируя атакующие методы ведения игры, пытался вынудить Николая Эпштейна отказаться от защитной тактики, благодаря которой «Химик» время от времени отбирал очки у ЦСКА. «Попытки Тарасова успешно бороться с этой тактикой на льду ни к чему не привели, — считает Рубин, называющий «Химик» «самым трудным противником для ЦСКА», — и Анатолий Владимирович прибег к обходному Маневру». На одном из заседаний Федерации хоккея СССР Тарасов, по словам Рубина, «потребовал осудить Эпштейна как тренера, который мешает прогрессу советского хоккея».

Документального подтверждения этому обнаружить не удалось. (О том, что «Химик» был для ЦСКА одним из самых легких соперников среди пребывающих в верхней части таблицы, уже говорилось.) Несложно, однако, найти программные выступления Тарасова по вопросам тактики хоккея, актуальные по сей день точно так же, как и сейчас актуальна в большей своей части книга футбольного тренера Бориса Аркадьева «Тактика футбольной игры». Одно из таких выступлений Анатолия Владимировича было опубликовано под общим заголовком «Тактика-75» в четырех подряд номерах еженедельника «Футбол-хоккей» (№ 27-30) за 1968 год. «Пишу — размышляю, фантазирую. Наверное, в чем-то не прав, — предварил Тарасов

свои программные статьи. — Однако чувствую, что мы обязаны пытаться предугадать пути развития хоккея на несколько лет вперед. Это необходимо. Но чем руководствоваться, на что опереться? Мне кажется, разговор следует вести в нескольких направлениях. Надо сравнить нашу собственную тактику, сегодняшнюю и вчерашнюю. Кроме того, целесообразно сопоставить свои предположения с тактическими концепциями будущего соперника, который, конечно же, не во всех компонентах отстает от нас. Напротив, например, у канадцев много интересных, индивидуальных тактических мотивов». А вот суждение Тарасова из главки, затрагивающей вопросы обороны: «Нельзя создать сильную команду, не уделяя внимания обороне, ее надежности и прочности. Когда игроки спокойны за свой тыл, они свободны, раскованы в действиях и в тактических решениях. У них хорошее настроение, их не тревожат мысли о случайной неудаче».

Оборона для Тарасова всегда была «печкой», от которой он начинал свой тактический «танец», выстраивая игру и ЦСКА, и сборной. Но так же всегда он считал бесперспективными и устаревшими с точки зрения развития хоккея сугубо оборонительные методы. Однобокость ему претила. Тарасов ратовал не за так называемый атакующий хоккей в ущерб оборонительным построениям, а за хоккей гармоничный, сбалансированный, состоящий из трех игровых стадий — атаки, обороны и перехода из одной стадии в другую. Каждая из них — в момент применения — становится самой важной, каждая требует основательной физической готовности, игры на высоких скоростях и тактической выучки. Этим Тарасов и занимался на тренировках со своими игроками.

Таких споров, какие вели Тарасов и Эпштейн — в своем кругу и публично, в прессе, — сегодня нет и в помине, как нет, впрочем, и специалистов такого калибра, способных обсудить с безупречным знанием дела не хоккейное закулисье, а собственно хоккей. Тарасов сказал однажды Эпштейну, что если бы они сложили газетные гонорары за опубликованные в них споры, на эти деньги можно было закатить хороший банкет в хорошем ресторане.

Спорили не только по тактике, но и по вопросам, связанным с подготовкой команд, на каком фундаменте она должна строиться. Эпштейн придерживался той точки зрения, что фундамент — это техническое мастерство и тактическое мышление. Силу, ловкость, быстроту он считал качествами, безусловно, необходимыми, но легко совершенствуемыми. Тарасов же во главу угла ставил атлетизм: «Он был, есть и будет фундаментом, на котором

базируется мастерство… Высокая скорость, сила, быстрота реакции, наконец, хорошо развитое качество ловкости — все это помогало спортсменам быстро приобретать технико-тактические навыки».

В рассуждениях о тактике Тарасов специально оговаривался: «В отдельные периоды матча, может быть, и полезно переходить на оборонительные варианты для сохранения победного результата, изматывания сил противника».

Да, он выделял атаку из всех игровых стадий, считал, что атакующие действия были, есть и будут козырем «нашего хоккея», но никогда не говорил, что это следует делать в ущерб обороне и тем более никогда не требовал кого-то осудить за «не ту тактику».

Иной вопрос: отношение Тарасова к однобоким подходам к тактике ведения игры, оправдываемым обычно отсутствием в составе высококлассных исполнителей. Тарасов был убежден, что «в той команде, где начинают разговор с обороны, с „нуля в своих воротах“, где изо дня в день тратят львиную долю времени на наигрывание оборонительных вариантов, там нет стабильных успехов, там не воспитываются игроки высокого класса». По мнению Тарасова, «лишь тактика высокой активности может заинтересовать спортсмена, принести ему радость исполнения сложной, объемной роли в команде, раскрыть в нем лучшие черты характера, быстро развить физические и волевые качества — а ведь все это крайне необходимо для хоккеиста высокого класса».

Тарасов высоко ценил Эпштейна, тренера, создавшего воскресенский «Химик», «по сути дела, на голом месте». «Николай Семенович, — писал он, — человек интересный, имеющий хоккейное кредо, свое, личное, мнение о тактических построениях, средствах и методах борьбы. И хотя оно не всегда было прогрессивным, с моей точки зрения, но что, на мой взгляд, особенно ценно, он всегда работал по своим конспектам и никогда по чужим. Прекрасный, тактичный собеседник, умевший воспитывать игроков без окрика, он завоевал уважение многих, в том числе и тренеров-соперников, что в нашей профессии в общем-то редкость».

В Советском Союзе тарасовскими оппонентами в тактических вопросах называли Николая Пучкова и Николая Эпштейна. Но называли без веских на то оснований. Не считать же таковыми случавшиеся иногда выигрыши у московских армейцев ленинградского СКА, который тренировал Пучков, и воскресенского «Химика» под управлением Эпштейна. «Спартак» и «Динамо» побеждали ЦСКА чаще, к тому же «Спартак» выигрывал и чемпионат страны. Однако никто не выставляет

Николая Карпова, работавшего со «Спартаком» и побеждавшего с ним во всесоюзном первенстве, «тактическим оппонентом» Тарасова, хотя именно этого тренера Тарасов частенько хвалил за завидную тактическую оснащенность его команды.

В чем же заключалась «тактическая оппозиция» Пучкова и Эпштейна? Только в том, что они, как пишет в «Золотой книге сборной СССР по хоккею» Семен Вайханский, «ежегодно пытались убедить всесоюзный тренерский совет, что наша непобедимая сборная все больше отстает в тактическом плане от своих главных оппонентов — сборных Чехословакии и Швеции, игру которых они анализировали как раз по решению тренерского совета».

Выводы — об отставании в тактике — надо признать, удивительны на фоне постоянных побед на чемпионатах мира и Олимпиадах, безоговорочного превосходства ЦСКА на клубном европейском уровне и — самое главное! — на фоне непрекращающегося интереса, проявляемого чехословацкими и шведскими специалистами к проводимой Тарасовым работе, его подходам к тактическим решениям — локальным и глобальным.

И как же в таком случае — если принять на веру «тактическую оппозицию» Пучкова по отношению к Тарасову — расценивать следующее суждение выдающегося в прошлом вратаря, сделанное им уже в тренерские годы:

«Мне, например, совершенно ясно, почему А. Тарасов идет во главе развития тренерской мысли. Это человек, фанатично преданный хоккею, критически мыслящий, критически воспринимающий новинки в методике отечественного и зарубежного спорта, внимательно следящий за спортивной литературой как у нас, так и за границей. Он порой может ошибиться в игроках, в тактических планах. Но ему как раз свойственно творческое горение, он не сторонится неожиданностей, взлетов, то есть того, о чем писал Н. Старостин, говоря о подготовке звезд. Не удивительно, что ЦСКА воспитал столько выдающихся хоккеистов».

Пучков самокритично сожалел, что «всё новое, рождающееся в практике ведущих советских тренеров, не становится нашим достоянием». Он частенько слышал от коллег фразу: «Опыт ЦСКА не про нас!», но считал: «Как раз, наоборот, у ЦСКА и надо учиться, если мы, тренеры, хотим быть воспитателями классных хоккеистов, а не ремесленниками».

Идеи зарождались в творческой лаборатории Тарасова с того самого момента, как он стал тренером. Одни идеи отмирали, не выдержав проверки практикой. Другие — прижились. Со временем они обновлялись, дополнялись новыми. Основной же идеей практически с самого начала работы Тарасова в хоккее с

шайбой оставалась одна — атлетизм.

Молодые тренеры XXI века на вопрос, чем была характерна деятельность Тарасова, обычно отвечают без запинки: «Хоккей он поставил на рельсы атлетизма». И пребывают в полной уверенности в том, что следуют по дорожкам, протоптанным великим Тарасовым. Но их подходы к атлетизму и подходы к нему Тарасова разнятся кардинально. У большинства современных молодых тренеров — заурядная, не требующая большого ума и творчества работа. У Тарасова атлетизм служил лишь базой для постоянного развития игрового мышления, творческих идей в тактике, импровизации, воспитания личности, способной мыслить и переиграть соперника, а не перебегать его.

Тарасов и сам был феноменальным импровизатором, умевшим видеть в хоккее больше чем игру, не признававшим штампы, догмы и из года в год представлявшим неординарным созидателем. Он на ходу мог выдумать десятки новых упражнений и признавался, что вне хоккейной арены его «способности к фантазии и поиску снижаются, как бы меркнут».

Когда в начале нынешнего века шведы стали практиковать тактическую схему с двумя полузащитниками — 1 + 2 + 2, наша пресса зашлась от восторга: новинка в тактике, заставляющая пересмотреть подходы к этой сфере хоккея! Воистину новое — хорошо забытое старое. Борис Майоров в телерепортажах о матчах с участием шведской команды раз за разом объяснял публике, что всё это уже было, что в советском хоккее эта схема практиковалась, что придумал ее Тарасов. И не только придумал, но и внедрил в игру ЦСКА. Свои телевизионные репортажи Борис Александрович превращал в доступные для понимания интересные лекции об игре. «Уж не знаю, — говорил он, — поверил ли мне телезритель. У шведов эта игровая модель не пошла, и они отказались от нее. Зададимся вопросом: а, собственно, кто в мировом хоккее попробовал изменить классическую расстановку игроков? Только Тарасов! Только Тарасов обладал даром к масштабному новаторству».

У шведов дело не пошло лишь потому, что они отнеслись к внедрению этого тактического варианта формально, без соответствующей многонедельной подготовки в тренировочном режиме, полагая достаточным формальную расстановку и объяснение игрокам сути новшества на словах.

Тарасов же называл свое изобретение «системой». Это слово вошло в хоккейный обиход именно как обозначение игры с двумя хавбеками. Когда говорили «система», все знали, о чем идет речь. В своих работах, в частности в книге «Родоначальники и новички», Тарасов на нескольких страницах буквально по

полочкам разложил суть игры по этой схеме — настоящее пособие для тренеров, поставивших перед собой задачу сформировать в своей команде пятерку с двумя хавбеками. Можно предположить, что в тарасовской картотеке, вместившей в себя тысячи всевозможных упражнений и оказавшейся — клад под ногами, да лень наклониться и поднять! — невостребованной, есть и те, которые помогут ответить на вопрос: благодаря каким тренировочным методам можно вести и совершенствовать игру с двумя хавбеками?

На новую придумку Тарасова подвигли размышления о том, как избавиться от слабостей в игре в обороне, обусловленной самими принципами действий двух защитников, и как в максимально возможной степени сбалансировать оборонительные и атакующие действия с учетом того, что звено «системы» практически всегда должно действовать против самого сильного звена соперника.

Полузащитников «системы» Тарасов называл «моторным отделением» звена, определяя им наиважнейшую роль в игре. Они — первые скрипки как при переходе пятерки от атаки к обороне, так и при скоростном выходе из обороны в атаку. Идеальным Тарасову виделся вариант, в котором один хавбек более тяготеет к обороне, обладает полным набором приемов защитника, но при этом и атакует умело, а другой, будучи не понаслышке знаком с тонкостями оборонительной игры, особенно силен в действиях при развитии атаки. «Вполне очевидно, — говорил Тарасов, — что на роль хавбека должен приглашаться игрок, не уступающий по сумме качеств классному нападающему. Хавбек — организатор, “мотор” звена, ему необходимо иметь высокий игровой авторитет для того, чтобы умело “командовать” партнерами. Роль эта полна хлопот. Пусть голы забивают нападающие, но объемная созидательная работа должна проводиться хавбеками. И тренеру надо уметь правильно оценивать действия этих хоккеистов. От их мастерства, слаженности игры впрямую зависит потенциал пятерки. Поэтому подбирать и готовить на эту роль следует спортсменов физически сильных, выносливых, обладающих завидными скоростными качествами и быстрым стартом».

Система игры с двумя хавбеками, по ходу матча в мгновение ока трансформировавшаяся в наиболее удобный для возникшей ситуации вариант, прошла в советском хоккее проверку в три этапа.

Первый, правда не полностью отработанный, а фрагментарный, продемонстрированный в самых важных матчах, зафиксирован на чемпионате мира 1967 года в Вене,

безоговорочно выигранном советской командой — в семи матчах семь побед, «золото» за тур до финиша, всего девять пропущенных шайб при 58 заброшенных. Сильнейшим в австрийской столице стало звено, получившее название «фирсовского». Сильнейшим оно стало благодаря необычному тактическому построению. Звено сыграло превосходно, выиграв свои игровые отрезки во всех семи встречах и забросив почти столько шайб (28), сколько вся остальная команда. Фирсов возглавил список самых результативных игроков (11 + 11), Полупанов занял второе место (11 + 9), а Викулов — четвертое (6 + 6).

Формальной расстановкой была следующая: Иванов и Рагулин в обороне, Фирсов и два его молодых партнера — Полупанов и Викулов — в нападении. Но только — формальной. В этом убеждались соперники сборной СССР, столкнувшиеся — впервые в своей практике, а потому не знавшие, как этому явлению противостоять, — с необычным расположением хоккеистов пятерки при оборонительных и наступательных действиях.

Рагулин выступал в роли, если перейти на футбольную терминологию, стоппера, традиционной расстановкой не предусмотренной. В его обязанности входил жесткий контроль центральной зоны перед воротами. В единоборства с соперниками в углах своей территории площадки вступали Полупанов и Иванов, выступавшие в роли хавбеков. Вперед были отправлены два быстрых, всегда нацеленных на ворота нападающих — Фирсов и Викулов.

«Необычным расположением игроков у себя в зоне, — отмечал Тарасов, сам еще к такой расстановке не привыкший и традиционно продолжавший называть Викулова, Полупанова и Фирсова «тройкой», — команда приобретала возможность “построить” игру именно так, как нам хотелось: накоротке, недолго обороняться и очень быстро, внезапно контратаковать. Роль центрфорварда в атаке исполнял тот хавбек, которому удобнее и выгоднее, наконец, целесообразнее выйти в данный конкретный момент на ударную позицию. Довольно часто на переднюю линию выходил Иванов. Полупанов в этот момент оказывался в углу поля, за ним следили, и никто не ожидал, что впереди появится другой центральный нападающий — хавбек. Это создавало дополнительный элемент неожиданности и тем самым обусловливало так необходимое нам для контратаки численное превосходство».

Быстрота во многом достигалась благодаря появившейся у Фирсова и Викулова возможности избавиться от тесноты на

площадке. На тридцатиметровой (по ширине) площадке на каждого из трех форвардов приходилось по 10 метров, на двух — по 15. Радикально менялся процесс поддержки нападающих из глубины. «Система» допускала полную взаимозаменяемость нападающих с хавбеками. Эта пятерка атаковала в Вене двумя эшелонами. К обороне приступала в то самое мгновение, где бы это ни происходило, когда теряла шайбу, причем в прессинге участвовали не три хоккеиста, а четыре.

Все четверо — хавбеки и нападающие — в зоне соперника, находясь в любой точке чужой территории (за воротами, в углах, на ближней или средней для броска позиции), непременно, как говорил Тарасов, «следовали важнейшему принципу современного хоккея: атакующий игрок, владеющий шайбой, должен угрожать воротам. Своими действиями следует заставить соперника хотя бы на секунду подумать, что ты можешь угрожать воротам». В этом случае, был убежден Тарасов, появлялась возможность добиться желанного — соперник обязан будет атаковать хоккеиста, владеющего шайбой, кто-то, стало быть, понадобится для страховки, и, значит, один из нападающих или хавбеков может на миг оказаться без опекуна.

Второй тарасовский эксперимент в этом направлении был проведен в конце 60-х годов. Тарасов тогда посчитал возможным разработку идеи только «с участием хоккеистов средних игровых достоинств». Звено им было подобрано из «крепких, дружных парней, способных совершать затяжные скоростные маневры». Оно и чемпионаты страны и мира выигрывало, и олимпийским чемпионом становилось — в составе ЦСКА и сборной СССР. Составляли «систему» центральный защитник Олег Зайцев, хавбеки Анатолий Ионов и Игорь Ромишевский, нападающие Евгений Мишаков и Юрий Моисеев. «Звено, — вспоминал Тарасов, — стабильно показывало быстрый, динамичный хоккей, крайне редко проигрывая свои микроматчи. От многих выдающихся хоккеистов и тренеров я слышал разговоры о том, что против этого звена всегда тяжело было играть. Своим высоким темпом они глушили игру соперников». Эта «бригада», кстати, была главной в акции по «укрощению канадцев» в знаменитом матче в Калинине.

Основным звеном в ЦСКА в то время было альметовское — лучшее в европейском хоккее. Когда Тарасов устраивал тренировочные двусторонние матчи, форвард этого звена, капитан команды Локтев просил, чтобы против лидеров тренер обязательно выставлял «систему». «Действуя против мощного в атаке и цепкого в обороне звена отважных ребят, — оценивал просьбу Локтева Тарасов, — наша первая тройка получала на

тренировках как бы дополнительную закалку».

Отваги — на площадке и за ее пределами — тарасовским бойцам было не занимать.

В советские времена одной из важнейших форм поощрения ведущих спортсменов были магазины на колесах, или, как их называли футболисты и хоккеисты, «автолавки». В определенный день на тренировочную базу завозили коробки с дефицитными товарами, развешивали и раскладывали их в специально отведенном месте, чаще всего в комнатах и залах, предназначавшихся для проведения общекомандных собраний, и начиналась торговля. Иногда, правда, спортсмены отоваривались в специальных секциях крупных магазинов, в 200-й гумовской, например; но туда пускали редко, преобладали варианты с «автолавками».

После одной из побед хоккейного ЦСКА в чемпионате страны в расположении армейцев в Архангельском происходила бойкая торговля дефицитом, завершившаяся для команды неожиданно: Министерство обороны расщедрилось на подарки — каждый чемпион получил новенькую дубленку и ондатровую шапку. Облачившись в обновки, Евгений Мишаков отправился в гости к родственникам. Сам он из-под Егорьевска. Сел вечером в электричку, за окном темно, народу в вагоне немного, поднял воротник дубленки, шапку надвинул на нос и слегка прикорнул на скамейке. На очередной остановке в вагон вошли три парня хулиганистого вида, заметно, что в подпитии. Увидели в уголке человека в новой дубленке и шапке. Подсели: «Слышь, мужик, как-то несправедливо получается. Мы вот в курточках мерзнем, без шапок, а ты и в дубленке, и при шапке. Придется поделиться. Давай-ка сымай».

Мишаков, надо сказать, обладал, несмотря на свой невысокий рост, не только огромной физической силой, но и редким — даже для хоккея — бесстрашием. Он открыл глаза, внимательно посмотрел на объявившихся соседей, поднялся, снял шапку, аккуратно положил ее на скамейку — поближе к окну, и произнес — внятно и доходчиво: «Шапка — хрен с ней. А за дубленку — поборемся!» Горе-экспроприаторы под ударами Мишакова летали по вагону, словно бабочки.

Рассказал я эту историю своему другу, журналисту Николаю Вуколову, влюбленному в хоккей и много писавшему о хоккейных людях. Какое-то издание заказало ему материал о Мишакове, так что история пришлась кстати. Николай, человек въедливый, любой факт, каждую деталь проверял тщательно, сил и времени на это не жалел. Встретившись с Мишаковым, пересказал ему случай в электричке и поинтересовался: «Было?» — «Было, —

ответил Вуколову Евгений, грузно навалившись локтями на край стола и внимательно глядя на журналиста своими узкими, но весьма при этом цепкими глазами. — Было, но не совсем так…» Николай подумал, что сейчас последует полное разоблачение всей этой истории. «А что не так, Женя?» — спросил он. «Я тогда, — сказал Мишаков, — не в Егорьевск ехал, а из Калинина в Москву».

…Удачный эксперимент Тарасов при подготовке к Олимпиаде-72 в Саппоро повторил на более высоком качественном уровне — с привлечением в «систему» игроков классом повыше тех, кто был задействован на втором этапе. В центральные защитники определили Александра Рагулина, на роль одного из хавбеков был «назначен» Анатолий Фирсов, роль другого, в зависимости от турнирной ситуации и особенностей игры соперника, поочередно исполняли Владимир Лутченко и Геннадий Цыганков. В нападение отрядили Владимира Викулова и Валерия Харламова. Это звено на протяжении всего сезона не проиграло ни одного микроматча, а в Саппоро убедительно переиграло всех соперников, особенно мощно действуя при развитии и завершении атаки: оно забросило 19 шайб из 33, проведенных сборной на Олимпиаде, а Харламов выиграл титул самого результативного игрока — 16 очков (9 заброшенных шайб и семь голевых передач). Для сравнения: на предыдущей Олимпиаде, в Гренобле в 1968 году, на счету Зайцева, Ромишевского, Ионова, Мишакова и Моисеева было лишь 8 заброшенных шайб из 48. Однако вне зоны действия цифровых показателей осталась титаническая черновая работа членов гренобльской «системы», успешно противостоявших сильнейшим звеньям соперников.

Для исполнителей этот тактический вариант, время опережавший, а потому не сразу понятый, был очень тяжелым и, как следствие, не всегда желанным. В одном из интервью Ионов назвал «систему» «чудачеством со стороны Тарасова»: «Заставил нас играть в непонятный хоккей. Не нравилась игра нам самим. Но что ты сделаешь против Тарасова? Приходилось мучиться. Корпели, пахали. У нас в пятерке вообще все большие трудяги были».

Тарасов, запланировавший развитие эксперимента на новом, более высоком качественном уровне, разумеется, рисковал, поскольку знал, что удачный тренерский опыт с одной группой хоккеистов не всегда приводит к удаче с другими. Но знал и о том, как и какие подбирать ключи к тем игрокам, с которыми он собирался экспериментировать, как и чем заинтересовать их, какими идеями всколыхнуть.

Переход одного из звеньев ЦСКА на «систему» происходил достаточное время в матчах чемпионата страны, для того чтобы убедиться в ее жизнеспособности. Он поставил перед Тарасовым исключительно важный вопрос: какой формулой — тактика под игроков или игроки под тактику — руководствоваться? Отвечая на этот вопрос для себя, Тарасов пришел к выводу, что «сформировавшемуся, сложившемуся хоккеисту нужно подобрать ту роль, с которой он справлялся бы и в которой была для него определенная перспектива». Однако, по мнению Тарасова, большие, принципиальные идеи должны по существу опережать практику, сегодняшние возможности спортсменов. «Вот почему, — говорил он, — мне кажется целесообразным готовить игроков к новым ролям, и в частности к “системе”, еще в юношеских командах. Заранее, исподволь воспитывать спортсменов, готовых к новой игре». «Если эксперимент упирается, — цитировал Тарасов Петра Леонидовича Капицу, — значит, потом пойдет хорошо».

У Тарасова, понятно, интересовались: а почему на тактические рельсы, характерные для «системы», не перевели другие звенья в ЦСКА и в сборной? Ведь практика показала, что даже в сложных условиях крупных соревнований она способствовала достижению очень хороших результатов.

«Только потому, — отвечал Тарасов, — что мы не могли рисковать. Не могли переходить на новую схему расположения хоккеистов на площадке сразу всей командой. Риск был бы большим, если бы “систему” стали опробовать спортсмены более опытные, со своим сложившимся и устоявшимся технико-тактическим кредо».

Тренеры (Тарасов в ЦСКА, Тарасов и Чернышев в сборной) не стали переучивать остальных хоккеистов, опытных, заслуженных-перезаслуженных, ломать их устоявшиеся привычки, привязанность игроков, представлявших в сборной не только ЦСКА, но и другие клубы, к определенным стереотипам и навыкам. К тому же тренеры хотели, чтобы игра сборной отличалась тактическим разнообразием, а перевод всех пятерок на одну и ту же игровую схему мог нивелировать превосходство в тактике, достигаемое обычно за счет совершенно разных подходов звеньев к игровым построениям.

Тотальный хоккей, предложенный Тарасовым, упорно не желали замечать. «Конечно, — отмечал Александр Нилин, — Бог послал Тарасову вратаря. Теперь на свои ворота можно было не оглядываться — и защитники почти не покидали атакующих порядков. Армейские центрфорварды, в отличие, скажем, от спартаковца Старшинова, назад могли и не отходить».

Уточнив в скобках, что Третьяка Тарасову никто не «посылал» свыше, что его появление в хоккее стало результатом запредельной совместной работы вратаря и тренера, стоит заметить: хотя бы раз не оглянувшиеся на свои ворота *все* игроки пятерки еще одного шанса могли бы от Тарасова и не дождаться. Не отходящий же назад центрфорвард прямо с площадки, на которой он позволил бы себе это совершить, был бы отправлен в армейскую команду первой лиги.

Тарасов играл в гармоничный, тотальный хоккей и мыслил не локальными фрагментами, а образами игры. Он старался подмечать всё, что могло пригодиться его хоккею, в «соседних» видах спорта, например в баскетболе. Тарасов часто бывал на матчах баскетбольного ЦСКА, а потом в домашней обстановке, либо на тарасовской кухне, либо на кухне Гомельского, задавал коллеге вопросы, выслушивал ответы, снова спрашивал… «И оба до того заводились, — вспоминает Владимир Гомельский, — что вместо того, чтобы водку пить, они рюмками начинали по столу в баскетбол или в хоккей играть. Это было так интересно!»

Гомельский-старший называл друга «гением хоккея». В 206-й квартире баскетбольного мэтра они спорили о том, какая игра популярнее — баскетбол или хоккей. Гомельский подначивал Тарасова: в баскетбол, говорил, играют во всем мире, а в хоккей только в СССР, Скандинавии, Чехословакии, США и Канаде. Тарасов отвечал на это, что хоккей — самая что ни на есть мужская игра, а в баскетболе дотронуться до соперника нельзя. «Ты можешь представить хоккей, — спрашивал он Гомельского, — в котором соперника нельзя коснуться?..»

Тарасов и Гомельский перенимали друг у друга нюансы тренировочного процесса, делились упражнениями. Спорили по поводу скоростной контратаки, обменивались мнениями относительно целесообразности замены пятерками. Тарасов пытался внедрить в хоккей такой характерный для баскетбола прием, как «заслон».

Когда Александр Гомельский получил звание полковника, Анатолий Владимирович, полковником уже несколько лет бывший, подарил другу папаху, причем с голубыми полосами, словно полковнику-летчику, а не полковнику сухопутных войск. Владимир Гомельский вспоминает, что полковники Гомельский и Тарасов как-то обсуждали свои перспективы получения генеральского звания, но каждый «смотрел на этот вопрос по-своему»: «У Анатолия Владимировича мечта дослужиться до генерала все же была, а вот отец, водимо, понимал, что это бредни и уж генералом он точно никогда не будет». Друзья, однако, шутили по поводу генеральских лампасов: давно, мол,

скроены, обметены, ждут своего часа в шкафу, а Нина Григорьевна и Ольга Павловна готовы, получив соответствующий приказ, быстро пришить их.

Баскетболист Анатолий Мышкин из команды Гомельского рассказывал, как однажды на базе в Архангельском он, простуженный, не тренировался, и Тарасов спросил у Александра Яковлевича: «Что это князь (прозвище Мышкина. — *А. Г.*) не работает. Дай-ка мне его, Саша…» На следующий день Мышкин прибежал к Гомельскому: лучше я у вас буду тренироваться больным!..

Брат Александра Яковлевича Евгений, один из лучших в мире баскетбольных тренеров, работавших с женскими командами, вспоминает, при каких веселых обстоятельствах познакомился с Тарасовым: «Саша пригласил меня в Архангельское на тренировку хоккейного ЦСКА. Потом, говорит, с Тарасовым пообщаемся, в баньке попаримся. Поехали. Тренировка началась, и я был поражен, до чего же необычные упражнения Тарасов выдумывал. После окончания занятия Анатолий Владимирович предложил брату партию в теннис. Саша ткнул в меня пальцем: “А этот парень пускай судит”. Тарасов пожал плечами. По-моему, принял меня за водителя. Судил я честно. Но у Тарасова в тот день игра не шла. Когда я первый раз крикнул, что мяч улетел за линию, он нахмурился. Во второй раз что-то пробурчал. А в третий — обложил меня матом. Саша, доиграв партию, говорит ему: “Подойдем к судье, поблагодарим”. Это еще сильнее взбаламутило Тарасова: “Да пошел он!” А Саша хохочет: “Женька это, мой брат”. Тарасов осекся, вгляделся и покачал головой: “Провел…” С той поры относился ко мне с большой теплотой».

Глава восемнадцатая ОТСТАВКА-72

Одна из самых больших напраслин, возведенных на Тарасова и звучавших как при жизни великого тренера, так и особенно после его смерти, — история с уходом из сборной сразу после победной Олимпиады 1972 года в Саппоро. Тарасова на все лады принялись обвинять в трусости: испугался, дескать, предстоящих матчей с канадскими профессионалами. Эту версию распространяли недоброжелатели Тарасова и продолжают тиражировать их последователи.

13 февраля 1972 года сборная СССР третий раз кряду — при Тарасове и Чернышеве — выиграла олимпийский чемпионский титул. 11 дней спустя состоялось заседание президиума Федерации хоккея СССР с двумя вопросами в повестке дня: отставка Тарасова и Чернышева и назначение вместо них тренерами советской сборной Всеволода Боброва и Николая Пучкова.

Функции федерации по любому виду спорта носили в Советском Союзе сугубо формальный характер. Обойтись без федераций было, понятно, невозможно, поскольку международные спортивные власти по всем вопросам контактировали только с ними, настаивая на невмешательстве государства в их дела. На самом деле все решения в Советском Союзе принимались даже не в кабинетах государственного Спорткомитета, а в секторе спорта Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС. К наиболее же важным, ключевым вопросам, к коим относилось, в частности, назначение тренеров сборной страны по основным видам спорта, всегда были причастны секретари ЦК. В исключительных случаях варианты решений рассматривались на заседаниях Политбюро, как это было, например, с отказом от ответного отборочного матча чемпионата мира по футболу с командой Чили осенью 1973 года и с бойкотом летней Олимпиады-84 в Лос-Анджелесе.

Спорткомитет штемпелевал принятые в ЦК решения. Федерация делала вид, будто идея замены тренеров — в данном случае Тарасова и Чернышева — исходит от нее и члены президиума собрались для того, чтобы всерьез обсудить этот вопрос.

Заседание 24 февраля 1972 года по каким-то причинам проходило не в помещении Спорткомитета в Скатертном переулке, где обычно собирали членов президиума Федерации, а в зале Всесоюзного шахматного клуба на Гоголевском бульваре. Тарасов немного задержался в ЦСКА. На Гоголевский он

подъехал, когда заседание уже началось. Поставив машину прямо перед входом в здание шахматного клуба, Анатолий Владимирович прошел в зал. Хорошо знакомый тренеру журналист Борис Левин, сидевший с краю, поднялся, чтобы уступить ему место, но Анатолий Владимирович протиснулся мимо репортера и сел рядом. Оглядев зал, кивнув знакомым, Тарасов дал Левину стандартный лист бумаги с напечатанным на нем на машинке небольшим текстом и, по свидетельству Левина, сказал: «Читай внимательно, это — исторический документ, но срок его действия очень короткий». Дотошный Левин, к мистификациям не склонный и в них не замеченный, не только прочитал, но и переписал текст слово в слово: «Председателю Комитета по физической культуре при Совете Министров СССР т. Павлову С. П.

Заявление

Я благодарен общественности, Федерации хоккея и Вам лично за оказанное мне доверие — четверть века работать тренером сборных команд страны. В настоящее время прошу Вас, согласно ранней договоренности, освободить меня от тренерской работы в сборных командах.

21 февраля 1972 г.

А. Тарасов».

Три важных обстоятельства — своего рода, думается, ключи к разгадке причин отставки: дата под заявлением, ремарка Тарасова о документе — «срок его действия очень короткий» и, конечно же, уточняющая фраза из текста — «согласно ранней договоренности».

Александр Пашков называет «ложью» то, что Тарасова и Чернышева «ушли» после Олимпиады в Саппоро. Он считает, что тренеры заранее знали о своем предстоящем уходе. «Их никто не увольнял, — говорит Пашков. — За два дня до Олимпиады они на собрании команды сообщили, что после турнира покидают сборную. Помню, Анатолий Владимирович сказал: “Ребята, для некоторых из вас эта Олимпиада станет последней в карьере, уж постарайтесь”».

Виктор Кузькин, капитанствовавший в сборной на турнире в Саппоро, вспоминал: «Уже в Японии Анатолий Владимирович не раз подчеркивал, что надо приложить все силы для победы, ибо эта Олимпиада для нас может оказаться последней. Мне сразу это показалось странным. И я подумал: кого он имеет в виду? Возможно, нас, ветеранов. Меня, Виталия Давыдова, Александра Рагулина, Евгения Мишакова, Анатолия Фирсова, Вячеслава Старшинова. Мы бы до 1976 года в сборной точно не продержались».

Кузькин, в отличие от Пашкова, прав в главном: говоря о «последней Олимпиаде», Тарасов обращался к тем хоккеистам, для которых Саппоро действительно было последней олимпийской станцией в карьере. Но сам он с Чернышевым, во всяком случае судя по тому, какие планы тогда выстраивал, вовсе не собирался останавливаться на Играх-72. Давыдов сразу после последнего матча подошел к Тарасову и Чернышеву, поблагодарил их за всё и сказал, что на этом выступления за сборную закончил. Тренеры в ответ даже не намекнули, что они — тоже, а поблагодарили Давыдова и пожелали ему удачи.

А вот Владимир Петров думает иначе: «О том, что Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов покидают сборную, мы знали еще в Саппоро. Их можно было понять. Десять лет бессменного руководства командой без отрыва от работы в своих клубах — нагрузка колоссальная, а им обоим за пятьдесят. И они обратились к руководству всесоюзного Спорткомитета с просьбой освободить их после Олимпиады от постов в сборной. Им пошли навстречу».

После Олимпиады стали гулять слухи о том, будто бы на заключительном приеме по случаю завершения хоккейного турнира в Саппоро советские игроки вручили капитану сборной Чехословакии Йозефу Черны торт в честь дня рождения, Черны в этот торт якобы плюнул, дарители тут же нахлобучили подарок на голову именинника, завязалась нешуточная драка… Ничего подобного не было: ни заключительного банкета для всех (советские хоккеисты славно отметили победу в своем кругу), ни дня рождения у Черны — он родился в октябре. И тем не менее версия о том, что чехословацкое руководство после Олимпиады в Саппоро обратилось к советскому руководству с просьбой не посылать Тарасова на предстоявший в апреле 1972 года в Праге чемпионат мира, имеет все права на существование.

Во-первых, чехи боялись беспорядков на стадионе и не гарантировали безопасности Тарасову, который мог подвергнуться агрессии со стороны местных болельщиков, видевших по телевизору сцены словесной перепалки тренера с чехословацкими игроками и читавших об инцидентах в газетах.

Во-вторых, коэффициент ненависти к Тарасову увеличился в Чехословакии после Саппоро в разы из-за того, что сборная СССР не пошла на сделку, не сыграла с чехами вничью и не вывела их тем самым на второе место, — серебро, как известно, отправилось в Америку.

И наконец, советское руководство не могло не прислушаться к просьбе чехословацких товарищей по той причине, что отношения между двумя странами спустя четыре года после

Пражской весны и ввода войск государств Варшавского договора стали налаживаться.

Сказать, что Тарасов недолюбливал чехословацких хоккеистов, — значит, ничего не сказать. Он их возненавидел всеми фибрами своей души, видя, как они подличают на площадке, забыв о чести и посягая на достоинство его мальчишек, будто это Тарасов со своими игроками вошел на танках в Прагу и им следует за это отомстить. Тарасов и без того всегда был беспощаден по отношению к соперникам, а к чехам — беспощаден вдвойне.

С чехословацкими хоккеистами, надо сказать, нормальные отношения не складывались давно. 1968 год стал пиком неприязни. Но еще до этого, на Олимпиаде-60 в Скво-Вэлли, чехи постоянно подчеркивали, что это они научили русских играть в хоккей, а потому требовали относиться к себе с особым уважением. К ним же мало того что не относились так, как им хотелось, так их еще и обыгрывали. В Скво-Вэлли чехословацкая делегация подняла бучу после того, как узнала, что в перерыве матча США — Чехословакия в раздевалку к американцам заходил Сологубов и посоветовал тренерам и хоккеистам, с которыми успел подружиться в Олимпийской деревне, немедленно воспользоваться стоявшими во всех раздевалках кислородными аппаратами. Те в итоге соперника разгромили. Чехи через МИД пожаловались потом в Москву, но их жалоба так и осталась без последствий.

В 1969 году в Стокгольме перед началом матча капитан чехов Голонка не пожал руку капитану сборной СССР Старшинову. По ходу самой игры Ярослав Холик тыкал клюшкой нашему вратарю Виктору Зингеру в грудь и в маску с криками: «Получи, коммунист!» А после завершения матча победители-чехи, поприветствовав шведских зрителей, отправились в раздевалку, не пожав руки советским игрокам. «Я бы скорее умер, чем проиграл русским!» — фраза Голонки красовалась на первых полосах шведских газет после второй победы чехов на чемпионате-69. «После окончания второго матча, — писала 29 марта газета «Афтонбладет» о том, что происходило в Праге, — люди высыпали на улицы с плакатами. Атмосферу можно было сравнить с днем окончания войны в мае 1945 года».

Тарасов во время чемпионата мира 1969 года очень тяжело переживал перегрузки, связанные с психологическим давлением. Вечером 23 марта во время матча СССР — США ему стало плохо. Вызвали санитаров, которые стали уносить Тарасова на носилках. Со слов самого Анатолия Владимировича эту историю рассказывал Валентин Бубукин. Тарасов начал ругаться и

кричать: «Куда вы меня несете ногами вперед? Я еще живой! Разверните лицом к площадке». «Санитары по-русски не понимают, думают, что ему совсем кранты, и уже бегом бегут…» Матч между тем продолжался…

«Ранее, — сообщила тогда в Стокгольме «Афтонбладет» о госпитализации Тарасова, — он уже перенес два инфаркта. Последний — минувшим летом. Сможет ли он выйти на сегодняшнюю игру с “Тре Крунур”? Ведь с Тарасовым и без Тарасова советская команда — это не одно и то же…»

Тарасов вышел. Советская команда, несмотря на возникшие перед игрой с хозяевами чемпионата проблемы (рассечение брови у Старшинова, травма Михайлова, из-за повреждения не играл с американцами Кузькин…), выиграла 3:2, а Тарасов был назван шведской прессой «хоккейным генералом».

После второго выигранного у советской команды матча чехи вновь отказались пожимать руки соперникам. Много лет спустя на Олимпиаде-98 в Нагано наследник Недомански, Болонки и других нападающий Яромир Ягр, выбравший себе на свитер номер «68» — в память о 1968 годе, заявил в интервью шведской газете «Экспрессен»: «Я всегда ненавидел Россию… Наш род был богатым до моего рождения, имел много земли и другой собственности. Но когда русские вошли в нашу страну, они забрали всё. И мой дед, и бабушка по отцовской линии были вынуждены работать на государство. Бесплатно». Впрочем, о своей «всегдашней ненависти к России» Ягр забыл, когда появилась возможность хорошо заработать. Он провел в общей сложности четыре сезона в омском «Авангарде». Условия контракта не разглашались, но неофициально называлась цифра в 7 миллионов евро в год. Не только о ненависти к стране, позволяющей своему хоккейному клубу оплачивать такие безумные контракты, забудешь — о чем угодно…

Шведы в Стокгольме-69 проявили себя настоящими мужиками. Они обыграли чехов 1:0 в матче, ничья в котором выводила бы сборную Чехословакии на первое место. Сами стали вторыми вслед за советской командой, приехавшей в Стокгольм с семью дебютантами в составе; чехи — третьими. СССР, Швеция и Чехословакия набрали тогда по 16 очков, и чемпион мира определился по лучшей разнице заброшенных и пропущенных шайб. Победа советской сборной над американцами со счетом 17:2 в первый же день чемпионата стала, как выяснилось, ключевой. Сработал давний девиз Тарасова: «Никогда не останавливаться!» Можно вспомнить, как ЦСКА, бывало, выигрывал матч чемпионата 9:1, а хоккеистам — никакого покоя. «Неужели не будет десять, неужели не округлим?!» — кипел

Тарасов на скамейке, да так, будто именно от десятой шайбы зависела судьба встречи, проходившей с безоговорочным преимуществом армейцев.

Тренеры школы ЦСКА рассказывали, что Тарасов мог подойти в перерыве к побеждавшим армейским мальчишкам и спросить, сделав вид, что не знает результата, какой счет. Они наперебой начинали хвастаться ему цифрами: мол, 4:1 выигрываем. А Тарасов им: «Нет, молодые люди, счет 0:0! Выходим играть так, как с самого начала матча!»

Тарасов никогда не позволял давать слабинку. Защитника, не бросившегося под шайбу в матче, в котором ЦСКА вел с разницей в семь или десять шайб, мог уничтожить словом. Матом, кстати говоря, на людях не ругался. Хоккеистов же за бранные слова ругал нещадно. «Даже когда нелитературные выражения проскакивали на скамейке запасных во время игры, — вспоминал Виктор Кузькин. — “Рабочий мат” тренер никогда не приветствовал».

Александр Смолин, увернувшийся от шайбы в каком-то матче, на следующей же тренировке был поставлен в ворота, и ему стали бросать от синей линии — изо всех сил — два-три игрока, среди которых находился Фирсов со своим страшным по силе броском. «Тарасов, — вспоминает Смолин, — раз и навсегда отбил у меня желание уворачиваться от шайбы».

Трусость, страх игроков Тарасов искоренял простыми методами. Запускал, к примеру, молодого Анисина на тренировке против шести защитников сразу. Если Анисин не пробивался сквозь частокол тел, Тарасов кричал: «Трус! Характера нет!» После этого страх исчезал, и хоккеист смело шел напролом. Защитники порой молодых форвардов жалели — и тогда сами сполна получали от Тарасова: «Почему пропустили этого гольца!» «Втыкал» он хоккеистам и тогда, когда на занятиях те начинали жалеть Третьяка. Называл их «кисейными барышнями» и задавал вопрос: «Ты на тренировке или штаны по льду возишь?» «Самое страшное, — вспоминает Анисин, — когда Тарасов переставал кого-то ругать. Значит, через неделю этого игрока в команде уже не будет».

…Ненависть в противостоянии СССР — Чехословакия была взаимной. Йозеф Голонка, например, забросив шайбу в ворота советской сборной, распластывался на льду и, предлагая публике представить в его руках винтовку вместо клюшки, целился в Тарасова. Чехи исподтишка шпыняли советских хоккеистов клюшками, норовя попасть в не защищенные амуницией места, обзывались, плевали, показывали непристойные жесты, провоцировали на ответные действия и тут же артистично

валились на площадку, вопя о помощи. В этих занятиях, мужчин недостойных, усердствовали братья Холики и Вацлав Недомански. По свидетельству Александра Пашкова, Недомански, швырявший шайбу на скамейку запасных сборной СССР в надежде попасть в Тарасова, во время процедуры рукопожатий плюнул в лицо советскому хоккеисту.

Тарасов тоже себя не сдерживал. Он призывал своих игроков давать отпор каждой выходке чехов и не выбирал слов и выражений, оценивая действия Недомански и компании. Разумеется, чехи, знавшие русский язык со школьной скамьи, понимали и то, что кричал в их адрес Тарасов. А если не понимали, то догадывались.

Доходило до того, что если сборные СССР и Чехословакии размещали в одной гостинице, чехи немедленно собирали пожитки и переезжали в другой отель. Когда обе команды оказывались в одном помещении, скажем, во время обеда в ресторане, атмосферу взаимной антипатии можно было, что называется, разрезать ножом.

Чехословацкие болельщики разворачивали на трибунах плакаты с нарисованными танками. На баннерах писали: «Вы нам танки, мы вам — бранки» (заброшенные шайбы). В Саппоро во время игры с чехами Чернышев стоял, облокотившись на бортик, и Недомански умышленно запустил в него шайбой. К счастью, не попал. Именно тогда Тарасов обложил чеха словами, которые тот запомнил на всю жизнь. «На Тарасова я до сих пор имею зуб, — говорил он во время Санкт-Петербургского чемпионата мира 2000 года репортеру. — Какими словами обзывал он меня со скамейки запасных, не передать. Не думал, наверное, о том, что русский язык мы тогда изучали в школе и что я его прекрасно понимал».

«В последнем и решающем матче, — пишет в «Золотой книге сборной СССР по хоккею» Семен Вайханский, вспоминая Саппоро, — она (советская команда. — *А. Г.*) убедительно обыграла Чехословакию, в очередной раз лишив золотых наград своих главных конкурентов. По-видимому, нервы обеих сторон были напряжены до предела, и острый на язык Тарасов что-нибудь “лишнее” бросил со своего тренерского места разгоряченным соперникам». В ответ на это, дескать, Недомански и запустил в него шайбой.

Запустил — правда, не в Тарасова, а в Чернышева. И не после проигранного матча, а во время игры, в ходе которой чехословацкие «друзья» только и делали, что провоцировали наших хоккеистов. Да и вряд ли стоит ставить знак равенства — «нервы обеих сторон были напряжены до предела» — между сборными СССР и Чехословакии.

Недомански, надо сказать, долгое время оставался для советской прессы персоной нон грата. Евгений Майоров, из высококлассного хоккеиста превратившийся в высококлассного телевизионного комментатора, в конце 70-х годов был отправлен с командой «Крылья Советов» в турне по Северной Америке — вести репортажи о товарищеских матчах. Первая игра — в Детройте. А за «Детройт», помнил Евгений Александрович, играл недавно убежавший из Чехословакии в США Недомански. Майоров пошел к начальству: «Как быть?» — «Да ладно, — сказали ему, — не называй его и всё».

Легко сказать — «не называй». Идет матч. Недомански забрасывает «Крыльям» шайбу. К тому же — победную. «А я молчу, как партизан, — рассказывал Евгений Майоров много лет спустя. — Потом называю фамилию первого попавшегося на глаза хоккеиста “Детройта”. Однако тут же, как на грех, на повторе показывают спину Вацлава, забрасывающего шайбу А на спине надпись — “Nedomansky”. Честно скажу, стыдно было, но поделать я ничего не мог».

«…Да они все такие — Голонка, Недомански, братья Штястны, другие братья — Холики, — говорил в интервью Александр Гусев. — Младший, Иржи, еще ничего. А Ярослав… Прозвище у него было — Сопливый. Еле дотронешься до него — падает, будто зарезали. А сами били исподтишка, плевали. За чехов меня Сергей Павлов, председатель Спорткомитета, и дисквалифицировал…»

Хоккейная сборная СССР в Праге провела в марте 1975 года три выездных матча в рамках известинского турнира с командой Чехословакии. Игры вызвали огромный интерес — на них присутствовали все члены Политбюро КПЧ. В последнем матче Гусев применил против одного из чехов жесткий силовой прием. В рамках правил, но так получилось, что клюшкой попал сопернику в подбородок, и его унесли на носилках… Это был Мариан Штястны, перед этим ударивший Гусева кулаком в лицо. Гусев тогда ответил, Штястны рухнул, и Гусев напрасно, приподняв чеха за шлем, врезал ему второй раз. В зале поднялся невообразимый шум. Советскую команду закидали банками из-под пива, зажигалками, монетами. Чехословацкие начальники в этот же вечер позвонили с жалобами своим московским коллегам.

Когда сборная вернулась в Москву, команду сразу — в воскресенье! — отвезли на автобусе к руководителю Спорткомитета Сергею Павлову. «Глаза у него были как у военно-морского окуня, — вспоминает Владислав Третьяк. — …Он как понес: “Да вы хоть знаете, что наделали? Сказать, кто вы такие? Вы хуже врагов социализма! А вы, Гусев, больше играть не

будете”.

Тот робко: “Да я случайно”. — “Всё, форму сдавайте — больше на лед не выйдете”. Володя Петров попытался за Гусева заступиться: “Я как парторг хочу заверить: он не виноват”. — “Парторг? Завтра вас ждут на Старой площади”».

Гусева дисквалифицировали, сняли звание заслуженного мастера спорта, в сборной его не было до декабря 1975 года. «Спас меня, — рассказывал Гусев, — Гречко. Заинтересовался: “Что это Гусев за сборную не играет?” — “Да чеха избил”. — “Правильно сделал”. Тут же мне всё отобранное вернули. Амнистировали». И в 1976 году в Инсбруке Гусев стал олимпийским чемпионом.

В первое же появление Гусева в Праге по отбытии срока дисквалификации Штястны после матча накрыл, по словам защитника, «шикарный стол в гостинице, пригласил к себе в номер меня, Васильева, еще ребят. Пойдем, говорит, выпьем. Словно ничего и не было. Понимал: сам виноват».

Тарасов никогда ни с кем не заигрывал и ни перед кем не заискивал. В Саппоро он был страшно рад, что удалось поставить чехов на место. Чехословацкие руководители вконец обнаглели и вздумали, прибегнув к помощи руководителей партийных, клянчить (и у кого? у Тарасова?!) ничью и серебряные олимпийские медали!

Нина Григорьевна Тарасова в интервью журналисту Владиславу Домрачеву поведала о том, что на ее мужа и Аркадия Чернышева «в Японии здорово надавили сверху». «Требовали, — рассказывала она, — чтобы в последнем матче с чехами сыграли вничью, в этом случае мы становились чемпионами, а чехи — вторыми. Но наши разнесли друзей — 5:2, и серебро досталось американцам. Тренеры попали в опалу. Им даже не стали вручать ордена Ленина, хотя за победу на Олимпиаде это планировалось. Но главное — у них отобрали мечту сыграть против канадцев. В Суперсерии-72 сборную возглавили Бобров и Кулагин. Принять Анатолия в свой штаб они наотрез отказались. “Нынче на Руси уже на троих не соображают”, — ответил Бобров на предложение сделать Тарасова консультантом сборной».

Сказанное Ниной Григорьевной слишком серьезно для того, чтобы это придумывать. Татьяна Тарасова рассказала мне об одном эпизоде, характеризующем Нину Григорьевну как человека, неукоснительно следующего точности факта:

«Я помню, дядя Саша Гомельский где-то выступил, что-то (это было связано с именем Василия Сталина) сказал, и мама ночью ему позвонила и сказала: “Саша, ты исказил такой-то вот факт”. Он в ответ: “Ну ладно тебе, Нинка”. Она говорит: “Нет. Пока хоть

один человек остался, кто помнит, как это был о на самом деле, нужно говорить точно. Ты должен об этом сказать, что был не прав. Это исторический факт". — "Нин, ну ты что? Ну что сейчас мы с тобой… Соберись!" — "Нет!" Закончилось всё тем, что он сделал то, на чем настаивала мама, — привел факт в полное соответствие с тем, что было на самом деле. У нее характер был покруче, чем у папы».

В семье Тарасов рабочие дела не обсуждал. На разговоры о них было наложено табу. Но с Ниной Григорьевной Анатолий Владимирович, разумеется, не мог не поделиться тем, что происходило в Саппоро. А она спустя годы историю эту обнародовала.

Александр Гомельский тоже убежден, что в Саппоро «тренеры не захотели выполнять директиву — проиграть чехам в ничего не значащем для нас матче». Употребив слово «проиграть», Гомельский, надо полагать, имел в виду необходимый для сборной Чехословакии результат: проигрывать-то нам как раз ни в коем случае было нельзя, речь шла об устроившей бы всех ничьей. Но дела это не меняет.

Поступившее из Москвы указание (или, если угодно, рекомендация) — помочь братской стране и вывести чехословацкую сборную на серебряную позицию в Саппоро — могло привести Тарасова в бешенство. Расклад перед заключительным туром олимпийского хоккейного турнира был такой: СССР — 7 очков, Чехословакия — 6, Швеция — 5, США — 4, Финляндия — 2, Польша — 0. Было ясно, что американцы выиграют у поляков и наберут 6 очков. Шведы в случае победы над финнами набирали 7. Столько же, при ничейном счете в матче СССР — Чехословакия, было бы у чехословацкой команды, но она получала преимущество над шведами благодаря победе, одержанной над скандинавами в одном из стартовых туров.

Ничья в любом случае выводила Советский Союз на первое место. Но ни Тарасов, ни Чернышов на сделку не пошли бы под угрозой расстрела. На сделку, целью которой являлась помощь Чехословакии, — тем более.

Это на чемпионате мира 1982 года в Финляндии советская команда, возглавляемая Виктором Тихоновым, не стала биться с Чехословакией в заключительном матче, сыграла с ней с поразительным для хоккея счетом 0:0 (с такими форвардами, как Макаров, Крутов, Ларионов, Шалимов, Шепелев, Кожевников в составе!) и вывела тем самым соперников на второе место, отправив на третье канадцев. Надо было видеть, как канадские хоккеисты отреагировали на увиденный «показательный матч», сопровождавшийся свистом зрителей. Они отказывались

выходить на церемонию награждения призеров, а когда их все-таки уговорили сделать это, то появились на льду и демонстративно разбивали об него полученные призы — наручные часы.

В Калгари в 1988 году, после того как за два дня до завершения турнира сборная СССР досрочно стала олимпийским чемпионом, предстоял еще матч с финской командой. Чемпионы его проиграли (1:2, вторую шайбу пропустили за 1 минуту 40 секунд до финальной сирены) и вывели тем самым финнов на второе место. Сразу пошли разговоры, в том числе и в Финляндии, о том, что советские хоккеисты по доброте душевной и по дружеской просьбе известной финской компании, занимавшейся экипировкой хоккейных команд, помогли соседям выиграть — впервые в ее хоккейной истории — серебряные олимпийские награды.

Я, признаться, склонен верить объяснению результата заключительного матча, прочитанному в опубликованных в журнале «Спортивные игры» дневниковых записях выдающегося советского игрока Игоря Ларионова. «Неужели еще надо играть? Разве мы не всё доказали? — начинается его запись, датированная 28 февраля. — Ведь вершина уже пройдена… Сразу после игры с “Тре Крунур” шведы просили нас обыграть финнов. Почти все игроки просили. Ведь для них нет ничего хуже, чем видеть именно финнов выше себя в турнирной таблице. К последнему матчу никак не готовился. Знал, что предстоит матч, который для нас ничего не решал. Трудно было себя настроить. Тихонов наставлял: “Команда сильная”. Но все наставления пропускал мимо ушей. Мыслями я был уже дома, где угодно, только не на льду. Ни мне, ни моим друзьям эта игра ничего не давала. Ну, проиграли, ну и что? Радоваться надо, ведь мы — олимпийские чемпионы! Быстрей бы домой!»

Полное отсутствие мотивации — вот, думается, главная причина поражения в заключительной встрече. Не было, надо полагать, у игроков, победу на Олимпиаде, безусловно, соответствующим образом отметивших, даже малейшего желания кому-либо помогать. Получилось так, что благодаря невозможности настроить себя на игру помогли финнам, сумевшим воспользоваться естественной апатией олимпийских чемпионов. И с какой стати надо было переламывать свое психологическое состояние, готовиться, как ко всем предыдущим — победным — матчам, с полной выкладкой, переживать? И все для того, чтобы биться за шведов, мечтавших оказаться выше финнов. В такой ситуации не помогло бы даже, наверное, финансовое стимулирование третьей стороной, то есть шведской,

которая, разумеется, делать этого не стала.

У Тарасова подобные «благотворительные мероприятия» не могли пройти ни при каких обстоятельствах. В Саппоро он светился от счастья, выиграв вместе с Чернышевым третье олимпийское золото подряд. Не меньше его радовал провал чехословацких «друзей», довольствовавшихся лишь «бронзой». Пашков, выступавший на Олимпиаде в роли дублера Третьяка и ездивший вместе с получившим травму колена Михайловым просматривать матч США — Чехословакия, называет победу американцев (5:1) сенсацией. Американцы в те годы нерегулярно попадали на чемпионатах мира в группу сильнейших команд. Чехословацкие же хоккеисты по праву входили в число фаворитов. «Американцы, — рассказывал Пашков в интервью журналисту «Спорт-экспресса» Владиславу Домрачеву, — буквально избили чехов, те струхнули и бросили играть. Отсюда такой разгром. На следующий день по дороге в столовую Тарасов столкнулся с американской командой. Он остановился перед их тренером Мюрреем Уильямсоном, с которым давно дружил, опустился на одно колено и приложил руку к сердцу. Это был театр одного актера!»

Могли, спрашивается, человек, столь изящно и артистично поблагодаривший американцев за победный вынос в «одну калитку» основных конкурентов советской команды — в те-то годы, на глазах многочисленных заместителей руководителей олимпийской делегации, спортивных «экспертов» в штатском, — мог ли он выполнить указание, пусть и поступившее, как говорят, с самого верха (в архивах, разумеется, на сей счет нет никаких следов, поскольку все подобного рода распоряжения отдавались устно), пойти супротив своей совести и мальчишек своих заставить сделать то же самое? Конечно же нет. Для него матч с Чехословакией в Саппоро превратился в матч «жизни и смерти». И стал, к слову, — Тарасов тогда этого знать не мог — последним официальным, который он вместе с Чернышевым провел в ранге тренера сборной СССР.

Матч этот с хоккейной точки зрения следует записать в актив тренерам советских хоккеистов. И дело даже не в счете — 5:2, а в том, как умело выстроили игру своей команды победители.

Считается, что чехословацкие тренеры Владимир Костка и Ярослав Питнер промахнулись перед этим матчем с выбором вратаря. Специалистом по советской сборной у чехов в те годы считался Иржи Холечек, частенько свою команду выручавший. Но в Саппоро Холечек, во-первых, приехал в роли дублера Владо Дзуриллы и, во-вторых, Дзурилла блестяще провел накануне матч со шведами. Кроме того, он превосходно сыграл против сборной

СССР на Олимпиаде-68 в Гренобле, и тогдашняя победа чехословацкой сборной — во многом его заслуга.

Но Дзурилла, так уж его карьера сложилась, страдал «русским комплексом». Перед матчами со сборной Советского Союза его бросало в дрожь, которая не исчезала во время игры. И вратарь с таким своим состоянием ничего не мог поделать. Возможно, он, окрыленный более чем успешной игрой против шведской команды и посчитавший, что «поймал уверенность», сказал тренерам, что готов играть с советскими хоккеистами. Так или иначе, но после того как Фирсов на 23-й минуте сделал счет 3:0 (первые две шайбы забросили Блинов и Михайлов), тренеры отправили Дзуриллу на скамейку и в ворота встал Холечек.

В атаке же чехословацкие тренеры сделали ставку на тройку, в которой играли Недомански и братья Холики. Тарасов и Чернышев придумали вариант нейтрализации этой тройки. Против нее они выставляли удивительное по составу звено: Мальцев — Мишаков — Александр Якушев (в обороне с ними действовали Кузькин и Давыдов). Мишаков не только укрепил защитные позиции, что крайне необходимо в борьбе с такой сверхатакующей тройкой, но и активно помогал Мальцеву и Якушеву контратаковать на высокой скорости. В результате — две шайбы Мишакова в таком важном матче, поразительно, к слову, корректном: всего три удаления (и все — у советской команды). Звено, в продуктивности которого перед матчем высказывались сомнения, микроматч свой выиграло 2:0. У Викулова — Фирсова — Харламова (с защитниками Цыганковым и Рагулиным) и Михайлова — Петрова — Блинова (Лутченко — Ромишевский) эти показатели соответственно 1:1 и 2:1.

Капитан сборной Виктор Кузькин попросил репортеров обратить внимание на то, что в пятерке этой лишь они с Давыдовым сыграны, но ни один из них ни разу не играл вместе с нападающими, собранными из трех разных клубов и друг с другом никогда не взаимодействовавшими. «Все они, — говорил Кузькин, — хоккеисты разноплановые, имеющие свои излюбленные приемы, свои привычные позиции на поле. И нам пришлось взаимно изучать манеру друг друга и взаимно приспосабливаться. Думаю, что нам все же удалось найти общий язык, хоть времени для этого было совсем немного. На матч со сборной Чехословакии наше звено получило особое задание. Два других должны были осуществлять тактику силового давления, мы же — последовательный, от первой и до последней минуты, прессинг. Играя против наиболее сильной в атаке тройки чехословацких форвардов, мы сумели справиться со своей задачей. А ведь прессинг требует полного взаимопонимания и

четкого взаимодействия, и любая ошибка тут чревата голом. Однако и такие ярко выраженные “индивидуалисты”, как Мальцев и Якушев, сумели подчинить свою игру общему плану».

В качестве одной из версий, будто бы проливающих свет на причины ухода Тарасова и Чернышева из сборной, фигурирует предложение Японской хоккейной федерации сыграть до Олимпиады за хорошее вознаграждение два товарищеских матча с местными клубами. Тренеры, мол, отказываться не стали, но связались, для того чтобы испросить разрешение, с Сергеем Павловым. Тот играть запретил, несмотря на заверения тренеров в том, что матчи эти если и скажутся на состоянии хоккеистов, то только в положительном плане, поскольку в них заложен солидный материальный стимул.

Согласно одним сведениям, матчи все-таки сыграли до начала Олимпиады. Согласно другим, более достоверным, поскольку информация о встречах зафиксирована в статистических кондуитах, две коммерческие встречи наши провели в Токио уже после победы в олимпийском турнире, 15 и 16 февраля. Встречи состоялись по просьбе японской стороны — с командами Польши (10:0) и Японии (9:5). Они и стали для Тарасова и Чернышева последними в сборной. Под их руководством советские хоккеисты провели за десять лет (на уровне национальных команд, игры с клубами не в счет) 204 матча: 164 победы, 11 ничьих и 29 поражений. Стоит заметить, что почти половина проигрышей (13) пришлась на 1969 год (5), 1970-й (3), 1971-й (4) и начало 1972-го (1).

Подозрительные моменты с проигрышем в Праге чемпионата мира в апреле 1972 года не спрятать. Ненавистного чехословацким «друзьям» Тарасова там не было. Всеволода же Боброва и Николая Пучкова сразу после прилета сборной в столицу Чехословакии «пригласили» в советское посольство. «Посол Добрынин, — вспоминал Пучков в разговоре с дружившим с ним журналистом Семеном Вайханским (и воспоминания эти опубликованы в «Золотой книге сборной СССР по хоккею»), — прямо сказал, что в сложившейся после интервенции 1968 года политической ситуации важнее даже не выиграть чемпионат мира, а добиться, чтобы он прошел в спокойной и дружественной обстановке. И эта задача была решена. Между хоккеистами сборных Чехословакии и Советского Союза не осталось копившейся годами напряженности, и это явилось главным итогом пражских баталий».

Николай Георгиевич, по всей вероятности, оговорился, называя фамилию пригласившего их советского посла. С апреля 1965 года по апрель 1973-го в Праге в этой должности работал

Степан Васильевич Червоненко. Анатолий Федорович Добрынин почти четверть века, начиная с 1962 года, был послом Советского Союза в США. Кроме того, нет уверенности и в том, что советский дипломат высокого ранга именно так — «интервенция» — охарактеризовал события 1968 года.

Можно только представить, как отреагировал бы Тарасов на то, что «важнее даже не выиграть чемпионат…» (а ведь, к слову, и не сказано было прямо, что чемпионат следует непременно проиграть). Он посчитал бы этот дипломатический вброс призывом сдать чемпионский титул хозяевам турнира, разругался бы с послом — смелости и независимости ему было не занимать — и, не исключено, рассказал бы команде о том, что ей предлагают сыграть в Праге в поддавки и довольствоваться вторым местом. Учитывая отменные тарасовские ораторские способности, умение зажечь сверхэмоциями, заставить поверить в собственные возможности и силы, достучаться до каждого, напомнив команде, как вели себя чехословацкие хоккеисты по отношению к коллегам из Советского Союза на протяжении последних десяти лет, несложно догадаться о возможной степени заряженности всех без исключения игроков сборной СССР на матчи чемпионата в Праге.

Но там находились не Тарасов с Чернышевым, а Бобров с Пучковым, с послом согласившиеся, — «задача была решена». В советской прессе после пражского фиаско — первого для хоккейной сборной СССР за последние десять лет — не было ни одного критического материала в адрес команды и ее тренеров.

Вокруг победы в Саппоро возникло очень много разных историй. Причем очевидцы происходившего зачастую помнят даже то, чего на самом деле не происходило.

«В Саппоро, — рассказывает Вячеслав Колосков, — когда шел первый период в игре с чехами, наши проигрывали со счетом 2:1. В это время, к слову, в Москве шел очередной съезд партии. В перерыве ребята ждали, что сейчас забежит Тарасов и будет всех костерить. Тренер не появлялся, хотя хоккеистам предстояло снова выходить на лед и нужны были новые установки. В самый последний момент главный влетел в раздевалку, ни на кого не обращая внимания. Схватил за грудки Игоря Ромишевского:

— Ты кто? Комсорг команды или г… на палочке? Ты знаешь, что в Москве идет съезд и нам прямо из Кремля звонят, спрашивают, не позорим ли мы честь державы? Думаешь, я на такой вопрос отвечать буду? Нет, ты ответишь и за себя, и за весь коллектив! По полной программе ответишь, понял? Лично! Так и скажешь: команда великой державы ни на что не способна, и я, как ее комсорг, тоже ни на что не способен! Сразу после игры и

позвоним!

Никаких новых установок, никаких перестановок в пятерках делать не пришлось. Во втором периоде наши забросили в ворота чехов пять безответных шайб и, по существу, решили исход встречи».

Автоматически назвав тренера «главным» (согласно официальному штатному расписанию старшим тренером сборной был Чернышев), Колосков, думается, представил некий собирательный образ Тарасова, непревзойденного мастера психологических трюков, мобилизующих команду в целом и каждого игрока в отдельности в экстремальных ситуациях.

Собирательность образа подчеркивает простой факт: никакого съезда в Москве — ни КПСС, ни ВЛКСМ — в 1972 году не было. Да и какой звонок из Кремля? При разнице во времени-то с Японией?..

Возможно, где-то и происходил после первого периода именно такой выброс тарасовских эмоций и именно на Ромишевского, но только не в Саппоро. На Олимпиаде сборная СССР провела в общей сложности 15 периодов. 11 из них выиграла, три завершила вничью и только один проиграла — третий в матче со шведами. Советская команда в Японии выиграла все первые и вторые периоды. В том числе во встрече с Чехословакией. И пяти заброшенных во втором периоде шайб тоже не было. Сборная СССР повела в той игре 2:0, второй период выиграла 2:1, третий завершила вничью (1:1). Так что не было никакой необходимости пугать Ромишевского мифическим съездом и выдумывать звонок из Кремля. Но история — красивая, тарасовский подход к возникавшим сложным ситуациям отражающая.

Вячеслав Фетисов рассказывал мне о воздействии Тарасова, испытанном им на чемпионате мира для молодежных команд, куда Тарасов ездил в качестве консультанта работавшего тогда с советской «молодежкой» Виталия Давыдова:

«Мы горели в матче с финнами. Поражение закрывало нам путь в финальную четверку. В раздевалку влетел Тарасов в цигейковом полушубке — из саппоровской экипировки, олимпийцам такие выдавали. На голове — папаха. И сразу — на меня: “Ты что, как таракан, по льду ползаешь?” Напихал при всех. Мне и вратарю Тыжных — он тоже из ЦСКА. Потом снял папаху и запел “Интернационал”. Мы не только финнов приделали, мы чемпионат мира выиграли у канадцев с Гретцки в составе».

На предварительном этапе того чемпионата советская команда заняла в подгруппе второе место, крупно — 3:6 — проиграв шведам. Перед играми за 1-4-е места (тогда не было

полуфиналов и финала, претенденты на победу в турнире играли в круг, каждый с каждым) Тарасов волновался, как в те годы, когда сам был тренером. «В полшестого утра, — рассказывал Давыдов, — звонок. Хватаю трубку — голос Тарасова: “Ты что, спишь? В день матча с Канадой?! Да разве можно? Ну-ка, зайди”. Прибегаю. Анатолий Владимирович сидит: “Растолкуй, как собираешься строить игру?” Рассказал что-то спросонья. “Ладно, иди. План одобряю”. И я поплелся досыпать. У Канады, в составе которой блистал Уэйн Гретцки, ставший самым результативным игроком чемпионата, выиграли 3:2, у чехословацкой сборной 6:1 и взяли убедительный — 5:0 — реванш у шведов».

Журналист Всеволод Кукушкин, ездивший с командой переводчиком, опубликовал после чемпионата статью в «Советском спорте», в которой рассказал о том, что происходило на чемпионате — ТВ-трансляции тогда с подобных турниров не велись. Он отметил важную роль Тарасова в победе, и эта оценка стала причиной «дисквалификации» Кукушкина. Руководители Управления спортивных игр Спорткомитета, Тарасова, мягко говоря, не жаловавшие, на какое-то время отстранили журналиста-переводчика от поездок с хоккейными командами за рубеж.

О том, насколько важным для Тарасова в Саппоро был матч с Чехословакией, свидетельствует тот факт, что он выставил на игру Михайлова с надорванной боковой связкой — на его колено (по свидетельству Пашкова) «страшно было смотреть». Михайлов пропустил до этого две встречи в надежде восстановиться, но подобные травмы требуют длительного восстановления — от трех до пяти месяцев.

Тарасова пытаются выставить выдающимся мастером интриги, стремившимся всюду обнаружить выгоду для себя. На самом же деле, если он и пытался иногда комбинировать, играя в «шахматы» с поднаторевшими в подковерных упражнениях чиновниками, то занимался этим исключительно в интересах дела и вверенной ему команды.

Простаком он не был, да и не слыл. Под простака иногда, используя природный артистизм, умение варьировать голосом, тоном и мгновенно оценивать складывавшуюся ситуацию, работал. Особенно в тех случаях, когда приходилось сталкиваться с полными дилетантами, возомнившими себя знатоками законов, по которым развивается хоккей.

Сразу после майских праздников 1971 года Комитет по физической культуре и спорту при Совете министров СССР принял предложение президиума Федерации хоккея СССР о формировании олимпийской сборной страны. «Старшим

тренером, — говорилось в коротком сообщении об этом решении, — назначен заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР В. М. Бобров. Тренерами — заслуженные мастера спорта Н. Г. Пучков и Б. А. Майоров».

Совершенно искусственное это образование было создано Сергеем Павловым только для того, чтобы у Тарасова и Чернышева появился противовес — Бобров и Пучков. В конце августа новосозданную сборную «запустили» в традиционный в те времена турнир на призы газеты «Советский спорт». Играла эта команда в московской зоне. Всё бы ничего и на бессмысленность существования олимпийской сборной, у которой и близко не было международного календаря, можно было закрыть глаза, но возник серьезный конфликт интересов с клубами. «Олимпийцы» потребовали предоставить в их распоряжение тех игроков, которых они назовут. ЦСКА командировать своих хоккеистов в олимпийскую сборную не стал. Армейцы находились на сборах за границей, вернулись в Москву, когда турнир уже проходил, и в первом же матче разгромили олимпийскую команду 8:2. Тотчас же Тарасова, не отправившего пятерку игроков в расположение олимпийцев, а использовавшего их в состоявшейся игре, принялись упрекать в том, что клубные интересы он поставил выше интересов олимпийской сборной.

Этими упреками всё перевернули с ног на голову. Если и стоило тогда говорить о чьих-то интересах, то только применительно к ЦСКА: клуб готовился к очередному для себя финалу Кубка европейских чемпионов с «Дуклой» из чешского города Йиглавы. У олимпийской же сборной никаких особых интересов быть не могло, ибо к предстоявшей в 1972 году в Саппоро зимней Олимпиаде готовилась совсем другая сборная — под руководством Чернышева и Тарасова.

Еще Тарасова упрекали в том, что он своим запретом на участие армейского звена в матчах за олимпийскую команду обеспечил себе фору в борьбе с другими участниками турнира. «Спартак», мол, отдал олимпийцам лучшее свое звено, лучших игроков отправили к Боброву и Пучкову ленинградский СКА, воскресенский «Химик», московское «Динамо».

Но какое дело Тарасову было до проблем других клубов? Он яростно, как всегда, занимался своим, не считая чьи-то амбиции «интересами олимпийской сборной» и не вникая в детали взаимоотношений своих основных соперников по чемпионату с Бобровым и Пучковым. И в Кубке чемпионов ЦСКА тогда победил — 7:0 и 3:3 (на ответный матч приболевший Тарасов не летал). Да и в турнире на приз «Советского спорта» стал первым.

Команда-72 была целиком подготовлена Тарасовым и

Чернышевым. Но на чемпионате мира в Праге, а потом в Суперсерии с ней работали другие специалисты: сначала Бобров и Пучков, затем Бобров и Кулагин. Но они не знали потенциала попавших в их руки игроков и не сумели вникнуть в многолетние методические, тактические и стратегические наработки своих предшественников, самым беспардонным образом отстраненных от первых в истории мирового хоккея матчей сборной СССР с канадскими профессионалами. Новые тренеры работали не по выверенным годами программам, а только по интуиции. И — проиграли. И пражский чемпионат, и Суперсерию.

Результат в Суперсерии нередко называют «выдающимся успехом советского хоккея» (слова Евгения Рубина). Тарасов же был убежден: «Мы были обязаны одержать победу. Серию проиграли из-за грубой тактической ошибки тренеров».

С подачи начальника Управления спортивных игр Валентина Сыча Тарасова обвиняли в том, что он вставляет палки в колеса новой сборной. Но «новое» в этой сборной было только то, что свежеутвержденные тренеры под надуманным предлогом вывели из состава Фирсова и Давыдова. И главное: о каких «палках в колеса» можно заводить речь, если Тарасов, как тренер клубной команды, не мешал тренерам сборной, а наоборот — помогал им.

Перед Саппоро Тарасов и Чернышев решили создать совершенно новое звено. Ему была уготована роль очередной советской тактической новинки. Выдернув Харламова из состава тройки, к которому все привыкли (Михайлов — Петров — Харламов), Тарасов пошел на несомненный риск. На то были две причины.

Во-первых, он не сомневался в том, что только Харламов, способный усилить любое звено, в состоянии стать ключевой фигурой в разработанной Тарасовым тактической системе. Так и вышло. Харламов стал своего рода «зарядным устройством» для Рагулина, Цыганкова, Фирсова и Викулова. «Лучшая игра Викулова, — считал Тарасов, — приходится на тот сезон, когда он выступал в одном звене с Харламовым».

Во-вторых, Тарасов дал понять Михайлову и Петрову, которые порой, вместо того чтобы искать причины неудач, пусть даже локальных, в себе, деловито вступали в споры с тренером, что готов в случае чего пойти на серьезные изменения в любом сложившемся звене форвардов. Что, собственно, однажды уже делал с тройкой Майоровых и Старшинова. По иным, правда, соображениям.

Версия о том, что переводом Харламова в новое звено Тарасов «хотел продлить жизнь в хоккее выдающегося форварда, к тому времени ветерана Фирсова» (как утверждал журналист

Владимир Дворцов), критики не выдерживает.

Решение Тарасова фактически расформировать за несколько месяцев до Саппоро-72 ведущую тройку Михайлов — Петров — Харламов у хоккеистов понимания не нашло. Они обиделись. Харламов, в частности, опасался, что Михайлов и Петров могли посчитать его соглашателем. Дискуссий между игроками и тренером было немало. В конце концов Тарасов своего добился. Олимпиада в Саппоро подтвердила верность его решения.

Бобров и Кулагин иначе, нежели Тарасов и Чернышев, видели оптимальный состав сборной и потому решили перевести Харламова обратно к прежним партнерам. Когда хоккеисты вернулись из сборной в свои клубы, Тарасова попросили не разрушать эту тройку. И Тарасов, полагавший, что «такое построение звеньев несколько противоречило планам ЦСКА», пошел им навстречу. «Я не мог, — вспоминал он, — не считаться с пожеланием тренеров сборной. Харламов ушел из звена Фирсова, в эту пятерку мы поставили Владимира Трунова (механически поменять местами Харламова и Юрия Блинова я не мог), мы создали четыре тройки, и снова, как и год, пять, десять лет назад, в ЦСКА было звено-лидер, трио Петрова, которое блестяще сыграло и на чемпионате мира в Москве (всех трех нападающих журналисты включили в символическую сборную), и на заключительном отрезке первенства страны».

«Ввод даже одного нового игрока в команду, — рассуждал Юрий Трифонов в еженедельнике «Футбол-хоккей», — болезненная и опасная операция. А что если приходится вводить двоих, троих? Искуснейшим и непревзойденным специалистом таких “хирургических” подвигов является тренер армейцев А. Тарасов. Он умеет угадывать скрытые возможности игроков и те невидимые простому глазу искры, те электрические разряды, что возникают от новых, неожиданных сочетаний. Каждая команда таит в себе неиспользованные запасы энергии. Где они скрыты? В сочетаниях игроков! Это вечный соблазн тренеров: “А что, если попробовать?..” Никакие логические умозаключения не помогают в таких случаях. Тут решает интуиция. Тарасов обладает ею. Он доказал это. Почти все его пробы бывают удачными».

Как отставка Тарасова и Чернышева была подана в специальной — спортивной — советской прессе?

В еженедельнике «Футбол-хоккей» (№ 8) 20 февраля, через неделю после завершающего матча олимпийского турнира с чехословацкой командой, были опубликованы отчет об этой встрече и традиционное интервью с капитаном сборной Виктором Кузькиным, дававшим характеристики партнерам и тренерам. Касательно тренеров Кузькин высказался так: «Хоккейные звенья

складываются не сами по себе, и не мы, игроки, подбираем себе партнеров. Это делают наши тренеры. И от их педагогического таланта, от их такта и чутья, от глубины их понимания хоккея зависят монолитность, боеспособность и сила звена. Думаю, что в этом тренеры сборной СССР А. И. Чернышев и А. В. Тарасов не знают себе равных в хоккее. Не случайно наша команда на протяжении всей истории мировых чемпионатов и Олимпиад славится именно своими звеньями. Эта традиция бережно сохранена и в сборной нынешнего созыва. Убежден, что она, эта традиция, — один из главных источников всех побед советского хоккея, побед прошлых и настоящих».

Вряд ли кому из прочитавших это интервью могло прийти в голову, что Кузькин, зная о предстоявшей отставке, представляет публике уже бывших тренеров сборной. Какие же это отставники, если им нет равных в педагогическом таланте, такте и чутье, в глубине понимания хоккея?! Если бы капитан знал о том, что произойдет спустя всего несколько дней, он наверняка каким-то образом выразил бы сожаление по этому поводу. Нет никаких оснований утверждать, будто капитану запретили говорить об уходе тренеров. Какой смысл запрещать, если еженедельник с интервью появился в газетных киосках 20 февраля, а на 24-е было назначено заседание президиума Федерации хоккея?

По всей вероятности, разговаривая с репортером, Кузькин ничего не знал о грядущем событии. Он мог только по каким-то косвенным признакам догадываться о том, что может произойти. Но поверить в предстоящую перемену, ставшую сенсационной не только для советского, но и для мирового хоккея, — не мог.

В том же номере еженедельника есть еще одно упоминание имен тренеров-чемпионов. На развороте опубликованы фотографии триумфаторов Саппоро с такой припиской: «Вот как расставили игроков тренеры Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов, когда накануне отъезда в Японию наш фотокорреспондент Юрий Маргулис попросил у них разрешения сфотографировать сборную команду страны».

В следующем номере «Футбола-хоккея», датированном 27 февраля, в хоккейном обзоре, написанном известным тренером Дмитрием Богиновым, говорится о том, что 13 олимпийских чемпионов в составе ЦСКА выиграли матч чемпионата страны у «Локомотива» с крупным счетом 9:1. И короткое сообщение (не свое даже, а официальное ТАСС), размещенное мелким шрифтом на последней полосе — не сразу и найдешь. Оно же было напечатано и в «Советском спорте»:

«Главный тренерский совет и президиум Федерации хоккея СССР под председательством Г. К. Мосолова рассмотрели итоги

участия сборной команды СССР в XI зимних Олимпийских играх. Было отмечено высокое спортивное мастерство, зрелые тактические действия, мужество, проявленное хоккеистами, а также большой творческий вклад тренеров А. И. Чернышева и А. В. Тарасова, обеспечивших высокий уровень готовности команды к олимпийскому турниру.

По предложению председателя Главного тренерского совета А. И. Чернышева президиум Федерации хоккея СССР для подготовки сборной команды к чемпионату мира и Европы 1972 года утвердил заслуженного тренера СССР В. М. Боброва старшим тренером и заслуженного тренера СССР Н. Г. Пучкова тренером сборной команды страны».

Ни слова, ни полслова о заявлениях Тарасова и Чернышева, о формулировках в этих заявлениях, ни комментариев отставленных тренеров. Такое ощущение, что они, внесшие «большой творческий вклад» и «обеспечившие высокий уровень готовности команды», а попутно и награжденные Указом Президиума Верховного Совета СССР орденами Трудового Красного Знамени, свои позиции в сборной сохранили, а назначение Боброва и Пучкова имеет отношение к совершенно иной пьесе.

Никто не обратил внимания на формулировку, сопроводившую назначение Боброва и Пучкова. А эта формулировка — одно из важнейших свидетельств того, что новым тренерам отводилось не так уж и много времени. Их утвердили *«для подготовки сборной команды к чемпионату мира и Европы 1972 года»*. Всего лишь. За кулисами, возможно, и обговаривалось: вы, дескать, выиграйте, а там — посмотрим, но в документе срок для «вахты» определялся небольшой. Как тут не вспомнить сказанное Тарасовым Левину о своем заявлении («срок его действия очень короткий») и фразу из самого заявления («согласно ранней договоренности»)?

Знал ли Бобров об уготованной ему роли преемника Тарасова и Чернышева? Несомненно, знал, и знал задолго до Олимпиады в Японии. Создание в мае 1971 года олимпийской сборной с Бобровым в роли старшего тренера и Пучковым в роли тренера — шаг, Павловым продуманный. Бессмысленность этого образования, правда, была очевидна всем участникам хоккейного процесса в стране. Спорткомитет, однако, сослался на решение Международной лиги хоккея на льду о разделении начиная с 1972 года олимпийских хоккейных турниров и чемпионатов мира. (Прежде в олимпийский год чемпионы мира и Европы назывались по итогам Олимпиад.) Но ИИХФ приняла этот документ на своем конгрессе в Стокгольме в марте 1970 года. Так почему же

Спорткомитет СССР вознамерился сформировать еще одну сборную страны, назвав ее «олимпийской», спустя 14 месяцев после международного конгресса? Только потому, что именно тогда созрела идея убрать Тарасова и Чернышева (в первую очередь — Тарасова) из сборной и реализацию этой идеи начали с создания олимпийской команды. После произведенной замены о так называемой «олимпийской сборной» никто больше не вспоминал и на решение стокгольмского конгресса не ссылался.

Боброву поначалу обещали, что именно его сборная отправится в Саппоро, а чернышевско-тарасовская команда, «усиленная лучшими олимпийцами», выступит на чемпионате мира в Праге. Но с приближением Олимпиады даже руководители Спорткомитета смекнули, что команда Боброва, нигде не игравшая, с непонятным составом, гарантировать олимпийское золото не в состоянии. Спрашивать же в случае неудачи будут, конечно же, не с Боброва и не с хоккеистов, им отобранных, а со спорткомитетовского руководства. А потому все было переиграно. В Саппоро должны лететь Тарасов и Чернышев с теми, кто привык побеждать и почти наверняка добьется успеха. А уже после Олимпиады надо сделать всё для того, что бы Тарасова и Чернышева в сборной больше не было.

«Что это может когда-то случиться, — говорил Бобров после назначения, — оба мы — и я, и Николай Пучков, — предполагали. А вот когда — этого мы не знали». По утверждению Боброва, Тарасов и Чернышев еще до Саппоро «не раз обращались к руководителям хоккейной Федерации с просьбой освободить их от обязанностей тренеров сборной». Но что значит «не раз»? Никаких документальных подтверждений тому, что Тарасов и Чернышев подавали заявления об уходе из сборной, обнаружить не удалось. Федерация к тому же в ситуациях с назначениями-отставками играла формальную роль, с ее мнением никто — в Спорткомитете и в ЦК КПСС — не считался, оно никого и не интересовало.

Возможно, Боброву говорили об устных обращениях Тарасова и Чернышева для того, чтобы теневой старший тренер сборной СССР почувствовал уверенность и был готов к грядущим переменам? «Мы знали, — говорил Бобров, — что их просьбу обещали со временем удовлетворить и что мы, тренеры олимпийской команды (или второй, называйте как хотите), рассматриваемся как наиболее вероятные их преемники. Произойдет ли смена после Олимпиады, или после чемпионата мира, или в следующем сезоне, нам было неизвестно».

Существует миф о том, что после каждой крупной международной победы сборной тренеры якобы приходили в

кабинет председателя Спорткомитета и, угрожая уходом, требовали, чтобы их премировали так же, как хоккеистов. Так, после Саппоро из Скатертного переулка (где располагался Спорткомитет СССР) полетел слух о том, что Тарасов и Чернышев будто бы затребовали себе иных наград, чем должны были получить, а Павлов не мог принять их условия. «Новый председатель комитета («новым» Сергея Павлова нельзя было назвать при всем желании: к тому времени пошел уже пятый год, как он возглавлял Спорткомитет. — *А. Г.*) не привык торговаться с подчиненными, а тем более идти им на уступки», — пишет Евгений Рубин. В результате, дескать, тренеры и подали в отставку. Распространители слуха объясняли всё простым расчетом двух специалистов: мол, традиционно после Олимпиады наша хоккейная команда, эмоционально опустошенная, чемпионат мира проигрывала. Ничего страшного: проиграют и на этот раз и вернутся к нам с поклоном.

Но при Тарасове и Чернышеве сборная принимала участие в трех Олимпиадах. И все выиграла. В Инсбруке-64 и в Гренобле-68 олимпийские хоккейные турниры проходили в рамках чемпионатов мира. И в них советская команда, понятно, становилась победительницей. В годы после Олимпиад — 1965-м и 1969-м — она также выигрывала чемпионаты мира. Так что никаких поражений, как следствий «эмоционального опустошения», не было и в помине. И чтобы Тарасов и Чернышев выклянчивали премии и награды?.. Оба — бессребреники, никогда ничего у сильных мира сего не выпрашивали для себя — ни квартир, ни машин, ни почестей, и всем это в хоккейном мире хорошо было известно.

«Конфликт Павлова с Анатолием Владимировичем был неизбежен, — рассуждал Владимир Юрзинов. — Павлов был настоящим лидером, он должен был вести за собой. И у него это прекрасно получалось. Тарасов же, при своем характере, никогда не мог согласиться на роль “исполнителя”. Приход Павлова в Спорткомитет вызвал у него весьма негативную реакцию».

Косвенным подтверждением того, что именно после скандального матча ЦСКА — «Спартак» в мае 1969 года партийные и спортивные власти приступили к масштабной и долгоиграющей операции по изгнанию Тарасова из сборной, являются высказывания Николая Пучкова, опубликованные в «Золотой книге сборной СССР по хоккею». По свидетельству автора книги Семена Вайханского, после 11 мая «всё изменилось.

И когда ленинградский СКА приезжал в столицу, Пучков всё чаще оказывался в кабинете Сергея Павлова».

«Мне, — вспоминал Пучков, — предлагались любые

варианты. Хочешь — работай с Чернышевым, не хочешь подбери себе партнера. Хочешь — возвращайся в Москву и возглавь ЦСКА, не хочешь — оставайся в Ленинграде и руководи сборной оттуда». Речь, стоит напомнить, идет о 1969-1970 годах.

Посыл этих предложений, сделанных Пучкову Павловым, — один-единственный: Тарасова в сборной не будет. Хочешь, сам возглавь команду, а если пожелаешь — то вместе с ЦСКА.

Пучков, однако, как сообщает Вайханский, «ни при каких обстоятельствах вовсе не собирался покидать Ленинград. Он думал лишь о том, кого пригласить для совместной работы в сборной». Той самой, в которой успешно продолжали партнерствовать Тарасов и Чернышев.

«Возьми меня и Колю Карпова, и всё будет в порядке», — говорил тогда Пучкову Николай Эпштейн, слова которого приводит в той же «Золотой книге…» Вайханский. «Теперь-то — вспоминал Пучков, — я понимаю, что, скорее всего, он был прав, но тогда я все-таки ответил председателю Госкомспорта, что только фигура бобровского масштаба вправе заменить великих людей, стоявших во главе сборной. Я сказал, что именно Бобров должен стать начальником команды, тогда как я возглавлю тренировочный процесс, и что именно о таком распределении ролей мы с Бобровым уже договорились».

После таких откровенных высказываний Пучкова, проливающих свет на ситуацию с решением Павловым «вопроса Тарасова» (Чернышева глава Спорткомитета не трогал: «Хочешь — работай с Чернышевым…» — говорил он Пучкову), Вайханский на всякий случай оговаривается: дескать, «все это было позднее». Но подборка ссылок на Пучкова, рассказывающего о том, что Павлов именно ему предложил возглавить сборную и подбирать себе ассистентов, следует сразу после событий 1969 года.

Яснее не бывает. В то время как Тарасов и Чернышев плодотворно и успешно продолжают работать со сборной, Пучков регулярно встречается с Павловым, выслушивает его предложения, советуется с Эпштейном, владевшим, по всей вероятности, информацией о предстоящих переменах, обсуждает возможные варианты с Бобровым, договаривается с ним о разделении полномочий и называет его имя председателю Спорткомитета.

Месяц с небольшим спустя после назначения Боброва и Пучкова, за четыре дня до начала пражского чемпионата мира, начальник Управления спортивных игр Валентин Сыч направил председателю Спорткомитета Сергею Павлову донос на Тарасова.

Копию документа подарил мне в начале 90-х годов работавший в Спорткомитете знакомый, а я передал ее одному из

лучших отечественных хоккейных журналистов Дмитрию Рыжкову. Дима редактировал журнал «Хоккей сегодня», который стал выходить вместо почившего в бозе журнала «Спортивные игры» (его с лета 1986 года тоже возглавлял Рыжков). В этом журнале он и напечатал донос, без правок и сокращений — всё, как в оригинале:

«Считаю необходимым информировать Вас о неправильных действиях бывших тренеров сборной СССР по хоккею т. Чернышева А. И. и особенно т. Тарасова А. В. в связи с подготовкой советских хоккеистов к Чемпионату Мира 1972 года в г. Праге.

Тт. Чернышев А. И. и Тарасов А. В., категорически отказавшись работать со сборным коллективом за полтора месяца до Чемпионата Мира в г. Праге, поставили команду в тяжелое положение. На заседаниях тренерского совета, Президиума Федерации, а также во встречах с Вами и т. Ивониным В. А. они подчеркивали, что будут оказывать максимальную помощь новым тренерам сборной. Однако многочисленные факты свидетельствуют о том, что т. Чернышев А. И. и особенно т. Тарасов А. В. всячески пытаются помешать успешной подготовке хоккеистов к Чемпионату Мира 1972 года. Вот лишь некоторые известные мне факты.

Т. Тарасов А. В. после Олимпиады в Саппоро подготовил к публикации в газете “Советский спорт” статью “Наука побеждать”, в которой дал самую подробную характеристику тактики игры советской сборной, отдельных ее звеньев, сильные и слабые стороны всех игроков, а также конкретные выводы по игре советских хоккеистов и основных наших противников. Кроме того, были приведены все цифровые данные, характеризующие игру советской сборной. Публикация статьи в таком виде принесла бы неоценимую пользу для тренеров и игроков сборных команд ЧССР, Швеции и др. Поэтому по указанию Управления спортивных игр, согласованному с руководством Комитета, редакция газеты “Советский спорт” значительно сократила статью при ее публикации.

Как Вам известно, кандидатский состав сборной был обсужден и утвержден на заседаниях тренерского совета и Президиума Федерации хоккея СССР. В этих заседаниях принимали участие также т. Чернышев А. И. и Тарасов А. В., которые полностью согласились с предложенным составом. Однако т. Тарасов А. В., как выяснилось позже, позвонил 21 марта с. г. комсоргу сборной И. Ромишевскому и предложил ему срочно собрать комсомольское собрание и принять решение об исключении из состава сборной игроков В. Васильева и А. Гусева,

которые, по его словам, недостойны защищать честь советского хоккея на Чемпионате Мира. Кроме того, т. Тарасов А. В. потребовал от И. Ромишевского, чтобы тот после собрания сообщил ему фамилии тех игроков, кто выступит в защиту А. Гусева и В. Васильева. Такая постановка вопроса со стороны т. Тарасова А. В. носит крайний антипедагогический характер, направлена на подрыв дисциплины и авторитета новых тренеров сборной.

На состоявшемся очередном комсомольском собрании команды, где обсуждались первые итоги подготовки к Чемпионату Мира, выступавшие А. Рагулин, И. Ромишевский, В. Харламов, В. Кузькин, Б. Михайлов и др. подчеркивали, что все молодые игроки, в т. ч. В. Васильев и А. Гусев самым серьезным образом относятся к учебно-тренировочному процессу, четко соблюдают все требования коллектива, тренеров сборной и по праву должны выступать в составе сборной команды в ответственных соревнованиях. Тов. Тарасов А. В. неоднократно требовал от В. Кузькина, А. Рагулина и И. Ромишевского, чтобы они попросили тренеров сборной включить А. Фирсова в состав команды. Не вызывает сомнения, что каждый тренер может иметь свой взгляд на комплектование команды. Но любой тренер должен свою точку зрения изложить, прежде всего, на заседаниях тренерского совета и Президиума Федерации и доказать специалистам правильность своего взгляда. Однако т. Тарасов А. В. на заседаниях тренерского совета и Президиума Федерации, на словах соглашаясь с предложенными кандидатурами, в настоящее время предпринимает действия, которые, на мой взгляд, имеют своей целью внести в ряды игроков сборной нервозность, подорвать их веру в правильность подобранного состава.

Во встрече с Вами, а затем на заседании Президиума Федерации тт. Чернышев А. И. и Тарасов А. В. назвали своими преемниками тт. Боброва В. М. и Пучкова Н. Г. Однако в публичных выступлениях, в разговорах с игроками они подчеркивают, что Бобров и Пучков не в состоянии руководить сборной, пытаются всячески их дискредитировать. Так, например, т. Чернышев А. И., выступая на встрече сотрудников МВД СССР и Московского областного Управления МВД с олимпийцами, в присутствии т. Смирнова В. Г. заявил, что не верит в способность новых тренеров успешно руководить сборной, а о т. Пучкове Н. Г. сказал, что тот еще будучи вратарем сборной, всегда боялся сильных противников и вселял страх перед остальными игроками сборной СССР.

Вчера сборная команда страны вернулась из поездки в Финляндию и Швецию, где провела 5 контрольных матчей с

командами этих стран, одержав во всех матчах победы. Эти напряженные поединки показали, что в целом процесс подготовки к Чемпионату Мира идет успешно. Абсолютное большинство игроков находится в хорошей спортивной форме, полны решимости отстаивать звание сильнейшей команды Мира.

В то же время В. Викулов — один из опытнейших и сильнейших игроков провел четыре первые встречи пассивно, не проявил бойцовских качеств, практически не играл в пас с новым партнером по звену А. Мальцевым. В ходе бесед тренеров с игроками сборной выяснилось, что В. Викулов несколько сомневается, смогут ли новые наставники сборной привести команду к победе. Он не скрывал, что находится под влиянием доводов т. Тарасова А. В. После индивидуальных бесед с ним, а также в результате успешной игры сборной СССР в первых четырех матчах в Финляндии и Швеции В. Викулов заявил, что в дальнейшем значительно улучшит свою игру, и заключительный матч со сборной Швеции провел сильно. Вместе с тем, и в дальнейшем нужно продолжить работу, направленную на разубеждение В. Викулова.

Во время поездки по Швеции мы узнали, что т. Тарасов А. В. издал в этой стране две книги по хоккею, в которых изложены все вопросы подготовки сборной команды СССР и команды ЦСКА, тактика их игры. Необходимо отметить, что подобная литература, где бы так всесторонне освещались эти вопросы, в нашей стране не издана (имеются лишь методические разработки для служебного пользования). Тарасов не получал разрешения на публикацию этих книг (книги в настоящее время переводятся на русский язык в Управлении международных спортивных связей Комитета). Кроме того, на встрече в Советском посольстве в Швеции, в которой приняли участие т. Бобров В. М., зам. руководителя делегации т. Солдатов В. М. и я, как руководитель делегации, работники посольства заявили, что т. Тарасов А. В. периодически печатает статьи и дает интервью крайне правым газетам и даже парнаграфическим (так в оригинале. — *А. Г.*) журналам.

Тт. Чернышев А. И. и Тарасов А. В. внесли большой вклад в развитие советского хоккея. Однако перечисленные факты свидетельствуют о том, что в последнее время, особенно после ухода от руководства сборной команды, ими (в большей степени т. Тарасовым А. В.) предпринимаются действия, которые наносят вред советской сборной и развитию отечественного хоккея».

Донос Сыча, отвечавшего в Спорткомитете, в числе прочего, за хоккей, — элементарная страховка от возможной (прогнозировавшейся!) неудачи в Праге. Сыч страховал себя

перед спортивным руководством; Павлов, переправляя бумагу в ЦК КПСС (где ей тут же присвоили статус «секретной»), — перед партийным.

Забавно звучит в доносе ремарка относительно успешно ведущегося процесса подготовки к чемпионату мира: «Абсолютное большинство игроков находится в хорошей спортивной форме…» Абсолютное большинство этого «абсолютного большинства» составляли хоккеисты, которых в своих клубах готовили для сборной «тренеры-вредители» — Тарасов и Чернышев: из двадцати игроков, ездивших в Прагу, 13 представляли ЦСКА, два — «Динамо».

Надо сказать, что первым написал донос на Тарасова, передающего на Запад «секретные сведения о подготовке, игре и тактических построениях советских хоккеистов», всё же не Сыч, а посол СССР в Швеции Михаил Яковлев. В шифровке он сообщил в МИД (копии пошли в ЦК КПСС, КГБ и Министерство обороны) об издании Тарасовым книги в шведском издательстве и получении за это гонорара в иностранной валюте. Как отмечает историк спорта Борис Базунов, «9 октября 1972 года первый заместитель начальника политического управления Сухопутных войск И. Репит направил письменный доклад в Отдел пропаганды ЦК КПСС, сообщив, что инцидент тщательно расследуется и что в ходе расследования с Тарасовым проводятся обстоятельные беседы. Из докладной явствует: книга составлена шведским журналистом на основе ранее изданных в СССР брошюр и статей Тарасова, однако выпущена без согласия последнего. Что касается гонорара, то Тарасов отрицает факт его получения».

В следующем донесении в ЦК КПСС вошла информация от военной цензуры, изучившей содержание книг и статей Тарасова за шесть лет, сличившей тексты с тем, что вышло в Швеции, и не нашедшей в шведском варианте ничего такого, чего не было бы в книгах.

И наконец, третий рапорт, составленный после бесед с Тарасовым в Генеральном штабе Вооруженных сил СССР с главнокомандующим Сухопутными войсками:

«При расследовании вскрыты факты, свидетельствующие о том, что тов. Тарасов А. В. не всегда серьезно и ответственно подходил к установлению знакомств с некоторыми иностранными журналистами, порой допускал излишнюю доверчивость в беседах с ними, что явилось поводом для использования его имени в буржуазной печати. В этой связи тов. Тарасову А. В. строго указано командованием».

А может быть, с отставкой-72 всё действительно гораздо проще? И не связаны с ней конспирологические закрутки,

отсутствуют заговоры и интриги, нет прямых доказательств причастности власть имущих к одному из самых неожиданных событий в советском хоккее?

Если не считать фразы из документального фильма о тренере («Мы поставили условие: Саппоро и всё!»), то Тарасов публично по этому поводу высказывался — и довольно подробно — лишь однажды, в книге «Путь к себе».

«Вскоре после XI зимних Олимпийских игр в Саппоро, — писал он, — Аркадий Иванович Чернышев и я попросили освободить нас от работы со сборной СССР по хоккею. Просьба эта была удовлетворена.

Хотя в газетах было официальное сообщение о причинах нашего ухода, тем не менее возникло великое множество фантастических догадок. Все были в недоумении: тренеры обычно так не поступают, их чаще снимают, нежели ждут, пока они уйдут сами. А эти тренеры подали в отставку, да еще после важной победы на Олимпиаде!

Нужно, видимо, объяснить, что же произошло, рассказать о мотивах ухода. И Чернышев, и я собирались сделать это еще раньше, согласовали свое решение с руководителями нашего спорта, в том числе с нашими ведомственными. Мне стало тяжело работать с двумя командами. Очень много внимания необходимо было уделять своему клубу. Армейцы должны быть сильнейшими в стране, в Европе, в мире, обязаны готовить больших мастеров в сборную, ибо ЦСКА — костяк национальной команды… Добавьте ко всему этому триста с лишним хоккеистов школы ЦСКА, за чьими занятиями я тоже должен следить. Такой круг забот требует времени и здоровья, а с годами, к сожалению, каждый из нас не становится моложе и сильнее. Мне хотелось передохнуть: чувствовалось, что стал сдавать. Болел всё чаще».

Всё вроде бы предельно ясно. «Множество фантастических догадок» — в сторону. Единственная причина отставки — непомерные нагрузки.

Над книгой «Путь к себе» Тарасов работал летом 1973 года. Чуть больше года прошло с той поры, как он передал вместе с Чернышевым команду Боброву и Пучкову, пожелал им успеха и попросил сохранить традиции, выработанные в сборной за победное десятилетие: «Считаю, что мы передали прекрасный коллектив. Именно этим и объяснялся наш совет не изменять состав команды — ведь до чемпионата мира в Праге оставалось пятьдесят дней». Как человек долга и данного им слова, Тарасов даже намеком не обмолвился об истинных причинах отставки — своей и Чернышева — после безоговорочного успеха в Саппоро. И дело вовсе не во временах, исключавших публичное предъявление

правды о подавляющем большинстве событий, происходивших в жизни общества. Дело в Тарасове. В его нежелании обнародовать истинные причины поразившей всех отставки и поставить тем самым под сомнение правильность принимаемых наверху решений. Тем более в ситуации, когда существовали договоренности с представителями властей, неважно в данном случае, партийных или спортивных, — они всегда действовали синхронно. Да и кто позволил бы тогда публикацию в книге рассказа о реальных взаимоотношениях фигур из власти, пусть даже случайных, с тренерами-профессионалами.

Тарасова огорчали, конечно, суждения о том, что, мол, сборная всякий раз становилась чемпионом мира случайно, что достойных соперников у нее нет, что тренеры руководствуются какими-то своими интересами, преувеличивая объем трудностей в работе. Но не до такой степени огорчали и раздражали, чтобы в угоду недоброжелателям бросить дело и под предлогом нахлынувшей усталости отойти в сторону.

Журналист Александр Петров, возглавлявший в новейшие времена еженедельник «Хоккей», поинтересовался у Чернышева причиной их ухода после Саппоро. Чернышев ответил предельно корректно: «Так сложились обстоятельства». На чемпионате мира в Турку в 1991 году, куда Анатолий Владимирович приезжал в сопровождении дочери Галины, такой же вопрос Петров задал и ему.

Тарасов знал Петрова, что называется, с пеленок. Отец журналиста, Дмитрий Петров, играл вместе с Тарасовым в команде ЦДКА по хоккею с мячом, а потом стал играть и в «шайбу», был вратарем. Петров-старший никак не мог привыкнуть к вратарской клюшке — без нее голкиперу возбранялось выходить на площадку. Однажды судья, увидев Петрова без клюшки, потребовал немедленно взять ее в руки. «А вот она», — сказал Петров и показал арбитру небольшую игрушечную клюшечку, привязанную к запястью, — размеры клюшки в правилах тогда не обговаривались.

В Турку Тарасов пробурчал Петрову-младшему: «Весь в папу, ничего не боится». А на вопрос ответил так: «Ничего нового я тебе не скажу». И повторил чернышевское — про «обстоятельства».

Тарасов был удивлен тем, что канадцы дали согласие на проведение серии сразу после неудачи советской сборной в Праге. Когда он и Чернышев узнали о предстоящих матчах, обоим стало грустно: это была *их* сборная, которую *они* готовили к играм с профессионалами.

«Мы с Аркадием Ивановичем рассчитывали, что руководители Спорткомитета обратятся к нам за помощью, —

отмечал в «Родоначальниках и новичках» Тарасов. — Но этого не последовало. К тому времени куратором сборной стал один из зампредов Спорткомитета, человек энергичный, но и небескорыстный, он был не прочь извлечь из хоккейных побед пользу для себя. И он знал также, что мы с Чернышевым этого не потерпим».

Не последовало не только обращения за помощью. Тарасова даже не пригласили на канадскую часть Суперсерии в качестве почетного гостя. В Москве же ему трудно было свыкнуться с мыслью, что он приходит на игры в роли зрителя.

Есть и такая версия отставки-72. На уходе, дескать, настоял Тарасов, Чернышев с ним согласился, а Сергей Павлов пытался уговорить обоих остаться у руля команды. Не уговорив, жутко на них осерчал. И когда Бобров проиграл чемпионат мира в Праге, Павлов встал за него горой и, ни секунды не раздумывая, разрешил заменить ставшего Боброву неугодным Пучкова на Бориса Кулагина. Тарасов же чуть ли не соглашался идти работать в сборную третьим тренером, помощником Боброва и Кулагина.

С Павловым, надо сказать, в первой половине 80-х годов тоже обошлись по-свински. Высоким руководителям не хотелось иметь рядом с собой энергичного министра спорта, готового в любой момент заняться активной политической деятельностью, и они отправили его послом в Монголию. Почти все работавшие с ним в Улан-Баторе вспоминают время «при Павлове» как самое интересное время в посольской жизни в этой стране, расположенной на обочине мировой политики. Павлов моментально превратился в дипломата высокого ранга, уровень которого позволял ему оказаться в одном из кабинетов на шестом этаже здания МИДа на Смоленской площади. Однако после Монголии Павлова отправили в Бирму. И там он проявил себя самым лучшим образом. Но стоило ему в 1989 году отметить 60-летие, как в посольство поступила шифрованная телеграмма, предписывавшая Сергею Павловичу сворачивать деятельность посла — пора, дескать, на пенсию.

В Москве Павлов, полный сил, записался на прием к министру иностранных дел СССР Эдуарду Шеварднадзе, которому протежировал во времена комсомольской молодости и которого на каком-то этапе даже считали «выдвиженцем Павлова». Министр экс-посла не принял. Только и остались от Шеварднадзе письма Павлову, одно из которых процитировал в своей книге «Лидер», посвященной Сергею Павловичу, журналист Всеволод Кукушкин: «Как восход солнца над горами был твой приезд в Грузию…» Не так ярко, как о Леониде Ильиче Брежневе, но всё

же…

…После того как Викулов бессменно отыграл в составе сборной СССР семь сезонов, его — на некоторое, правда, время — сделали «козлом отпущения» за проигранный в 1972 году чемпионат мира в Праге. Поначалу, узнав о том, что его не вызвали в национальную команду, Викулов «испытывал даже радость». В интервью еженедельнику «Футбол-хоккей» он объяснил почему: «Мне игра в сборной доставляет удовлетворение только тогда, когда я — часть постоянного звена. Когда ты “прислуга за всё” — сегодня здесь, завтра там, послезавтра на третьем месте, подменяешь заболевшего, а когда все здоровы и в порядке, отправляешься неизвестно на какое время в запас, — это не игра, а мучение. Я всегда сочувствовал Мальцеву и удивлялся тому, как он мужественно переносит все эти смены. И вот я тоже остался в сборной без тройки: Фирсов сошел, Харламов вернулся к Петрову и Михайлову».

Вскоре Викулову сообщили, что изгнан он из сборной по той причине, что в Праге на чемпионате мира не старался, что едва ли не нарочно не забивал голы и стал одним из главных виновников неудачи. «Для спортсмена, — говорил Викулов, — хуже оскорбления быть не может. Спортсмен, который выходит на лед и не делает всего, что в его силах, для победы своей команды, — это не спортсмен. Это последний человек. Обвинить в таком — все равно, что обвинить в преступлении. Но обвиняемого судят, он там может доказать, что обвинение несправедливо. А тут ведь ничего не докажешь».

Спустя время Викулова вновь стали приглашать в сборную. Он, разумеется, не отказывался. Один раз только попросил его не вызывать, но потом одумался. Его то брали, то оставляли дома. Он то играл, то сидел на лавке. Это непостоянство нервировало форварда. Как и то, что зачастую его стали брать в самый последний момент — уже после того как все партнеры вместе прошли курс подготовки к тому или иному турниру. Удивляло Викулова, становление которого как хоккеиста проходило при Тарасове, ни о чем ином, кроме как о победе в любом соревновании и слышать не желавшего, что перед командой, пусть даже и экспериментальной по составу, могли поставить задачу, как это было перед «Кубком Канады-76», — занять третье место…

Серия-72 была обставлена как событие, проходившее в рамках соглашения по культурному обмену, заключенного на государственном уровне между Советским Союзом и Канадой. Не просто хоккеисты договорились встретиться и сыграть, а смешанная правительственная комиссия двух стран подробно

разработала все пункты этого соглашения, в котором нашлось место спорту вообще и матчам сборных СССР и Канады в частности.

19 июля 1972 года окончательно завершились переговоры по проведению матчей. Были обговорены все детали, вплоть до мелочей. На пресс-конференции объявили, что в состав гостевой делегации может быть включено не больше 30 хоккеистов (канадцы попросили, чтобы им увеличили квоту на поездку в Москву до 31 игрока — еще не было известно, сумеет ли восстановиться к матчам Бобби Орр), а хозяева своей части серии вправе выбирать на матчи из «списка 35». Тогда же был опубликован состав советских кандидатов (31 игрок) на сентябрьские матчи. Из олимпийских чемпионов Саппоро в нем не было только защитника Игоря Ромишевского, который завершил карьеру. Но зато включенными в список оказались Виталий Давыдов и Анатолий Фирсов. Всего ЦСКА был представлен тринадцатью хоккеистами. Вся эта «чертова дюжина» играла за ЦСКА в первом контрольном матче сборной, названной «сборной Москвы», и проиграла остальным кандидатам на поездку в Канаду со счетом 1:8. Это позволило тем, кто приветствовал в феврале замену тренеров сборной, поаплодировать «мудрому решению»: ЦСКА Тарасова был разгромлен сборной Боброва и Кулагина, обошедшихся без ведущих армейских хоккеистов.

В Канаду тренеры повезли 27 игроков. Давыдова и Фирсова среди них не было. Прессе Бобров объяснил это так: «Фирсов и Давыдов не успели полностью восстановить форму после травм. Верю, что к московской серии встреч они будут в хорошем состоянии и примут участие в играх с канадцами».

Оба игрока травмированы не были, пребывали в августе примерно в таком же состоянии, как и все остальные сборники. К московским матчам оба, безусловно, пришлись бы «впору», но их кандидатуры больше не рассматривались. Фирсов же свой высокий уровень подтвердил в финальном матче — ЦСКА против «Спартака» (6:3) — за приз «Советского спорта», состоявшемся в Москве между канадской и московской частями Суперсерии.

Отсутствие Фирсова среди тех, кто отправился в Канаду на матчи Суперсерии, было признано в хоккейных кругах Советского Союза «сенсационным». Журналист Дмитрий Рыжков выдвинул две версии такого решения. Первая: Фирсов отказался сам — в знак протеста против отсутствия в тренерском штабе сборной Тарасова. Вторая: форвард был выведен из состава за «подрывную деятельность» против Боброва и Кулагина. Рыжков назвал вторую версию «близкой к истине» и сослался при этом на «донос Сыча».

Вот только вопрос: вел ли Фирсов «подрывную деятельность» или это плод чьего-то обостренного воображения?

Была ли интрига в ситуации с отсутствием Давыдова и Фирсова в составе бобровско-пучковской, а затем бобровско-кулагинской сборной? Давыдов вроде бы еще перед Олимпиадой-72 пришел к решению завершить карьеру в сборной. Но играл так, что сборная не должна была пройти мимо него. Фирсов же намеревался еще после сезона-1970/71 уйти с площадки и не раз говорил об этом. Но не надо забывать, какой была в тот год обстановка в ЦСКА: уход Тарасова в «академический отпуск», самостоятельное тренерство Кулагина… На фоне неудач клуба фактически Фирсова «выдавливали» из команды. Вот он и заявил тогда о предстоящем уходе, ссылаясь на общую усталость, особенно психологическую. Однако вернулся Тарасов и убедил Фирсова продолжить карьеру — и в ЦСКА, и в сборной, по меньшей мере до завершения олимпийского турнира в Саппоро. И Фирсов вновь заиграл так классно, как и прежде, и с полным на то основанием вправе был ожидать дальнейших приглашений в сборную — на чемпионат мира в Праге и тем более (об этом Анатолий Васильевич и его тренер Анатолий Владимирович всегда мечтали) на Суперсерию с канадскими профессионалами. Олег Белаковский, хорошо знавший всех хоккеистов, говорит, что Фирсов «гораздо тяжелее всех травм переживал уход из сборной».

В Саппоро, за несколько недель до чемпионата мира, тройке, в которой Фирсов играл с Харламовым и Викуловым (тарасовская идея!), равных в советской команде не было. Она забросила почти половину всех шайб — 16 из 33.

Фирсов был убежден, что от сборной его отлучили в результате закулисных интриг. «“Доброжелатели”, — полагал он, — нашептали Боброву: дескать, Фирсов, любимчик Тарасова, будет мешать новому главному тренеру нормально работать, станет мутить воду в команде. Да мы всегда костьми ложились в играх за сборную, бились до последнего. Честь страны была для нас превыше всего».

Бобров между тем, не включив Давыдова и Фирсова в заявку на Прагу-72, сослался на тщательное медицинское обследование, которое, как и предполагал тренер, подтвердило, что игроки устали и рассчитывать на них, по крайней мере в этом сезоне, не было смысла.

Александр Пашков назвал отсутствие Фирсова в составе «фатальной ошибкой» тренеров, напрямую сказавшейся на результате — и в Праге, и в Суперсерии, ибо «присутствие Фирсова — это, как минимум, пять-шесть дополнительных шайб в

ворота соперников». К тому же отсутствие Фирсова заметно ослабило игру Рагулина, Цыганкова и Викулова.

По Фирсову, между прочим, Бобров высказывался и перед декабрьским известинским турниром 1972 года, то есть уже после чемпионата мира и Суперсерии. «Должен сказать, — отмечал он, — еще об одном нападающем, на которого мы рассчитываем в будущем. Я имею в виду Фирсова. В некоторых играх накануне перерыва он был прежним Фирсовым, а во втором матче против “Брюнеса” сыграл выше всяких похвал. Если в феврале его игра стабилизируется, он может рассчитывать на место в сборной на чемпионате мира».

Но вернемся к загадочной отставке-72 Тарасова и Чернышева. В «сухом остатке» набирается десять ее версий.

Тренеры поссорились и отказались сотрудничать. По указу из ЦК КПСС сняли обоих.

Боялись матчей с профессионалами из Канады и потому ушли.

Не выполнили указание сверху: не стали играть с чехами в Саппоро вничью.

Решили уйти победителями, понимая, что у чехов в Праге им не выиграть.

Сыграли в Японии коммерческие игры, проигнорировав запрет Павлова.

Ушли из-за накопившейся усталости.

Выбивали премиальные, шантажируя уходом, и Павлов внезапно согласился.

Чехословацкое руководство обратилось к руководству советскому с просьбой не присылать на чемпионат мира в Прагу Тарасова.

«Тарасов хотел, чтобы ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, и с этой целью было написано заявление о добровольном уходе из сборной СССР» (уровень фантастичности этой версии требует обнародования имени автора: Анатолий Кострюков).

«Испытанные полководцы многократных чемпионов мира решили передать “эстафету наставничества” более молодым коллегам — своим бывшим ученикам» (и эта версия в силу своей нелепости требует назвать имя автора: Олег Спасский).

…Что можно сказать по этому поводу? На самом деле никуда Тарасов уходить не собирался. Он стал, на мой взгляд, жертвой закулисных игр, устроители которых не могли забыть майский лужниковский демарш 1969 года и мастерски, мстя тренеру, ввели в его заблуждение. Тарасов, и близко не предполагавший, что с ним могут так поступить, поверил, во-первых, в то, что им с

Чернышевым, но особенно ему (в силу беспредельной ненависти со стороны «друзей»), лучше в Прагу на чемпионат мира не ездить; во-вторых, в не вызывавшую никаких сомнений формулировку при назначении Боброва и Пучкова вместо них с Чернышевым — только «для подготовки сборной команды к чемпионату мира и Европы 1972 года»; и, наконец, в-третьих, в имевшую место «договоренность» с Павловым, о которой Тарасов упомянул в своем заявлении.

Но его обманули.

Глава девятнадцатая ПОСЛЕДНИЙ СЕЗОН

В начале сентября 1973 года были опубликованы составы команд, которым предстояло выступить в очередном чемпионате страны. В списке ЦСКА в графе «тренеры» последний раз в истории советского хоккея значилось: «старший тренер — заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Анатолий Владимирович Тарасов».

Сезон-1973/74 стал последним для Тарасова. По этой причине стоит, по всей вероятности, остановиться на нем подробнее, нежели на остальных. После этого сезона он не возглавлял никакой команды, если, разумеется, не считать оказавшегося, как выяснилось по прошествии времени, бессмысленным, странного появления в футбольном ЦСКА.

Последний свой сезон в роли наставника Тарасов начал с победы. В финальном матче турнира на призы газеты «Советский спорт», проходившем в ленинградском Дворце спорта «Юбилейный», ЦСКА в исключительно тяжелой борьбе обыграл «Спартак» (6:5).

Уже на предварительной стадии турнира можно было увидеть ЦСКА в новом обличье. В прежнем составе выступала только первая тройка — Михайлов, Петров, Харламов. Фирсов окончательно перешел в тренеры, без приставки «играющий», и с лавочки стал вместе с Константином Локтевым помогать Тарасову. Место Фирсова в тройке занял 19-летний Виктор Жлуктов, заигравший с Труновым и Викуловым. В третью тройку вошли Блинов, Волчков и Глазов — в одном звене с молодыми защитниками Блохиным и Ковалевым. Обновление — не самый легкий период для команды. Меняются поколения игроков, и Тарасов на этом фоне вплотную занялся проверкой новых вариантов формирования звеньев, созданием новых связей между игроками.

В финальном матче ЦСКА повел в счете 2:0. Казалось, всё складывалось легко. Но затем армейцы пропустили три шайбы, проиграли период и с огромным трудом вырвали (оба раза по 2:1) следующие два. На счету нового — третьего — звена, названного Тарасовым перспективным, три гола из командных шести. Экспериментируя с этим звеном, Тарасов попробовал два новых тактических варианта, производных от «системы». В цифровом изображении они выглядели так: 1+3+1 и 2+2+1. В первом случае Ковалев оставался в роли центрального защитника, тройку

хавбеков, по всей ширине площадки создававших в динамике игры как вторую линию обороны, так и вторую линию атаки, составляли Блохин, Блинов и Волчков; впереди действовал Глазов. Во втором случае — он Тарасову понравился больше — Блохин, составляя в обороне пару с Ковалевым, призван был к атакам подключаться внезапно, добиваться за счет этого преимущества для армейской атаки, а обоим хавбекам, атаку, разумеется, поддерживавшим, при таких подключениях вменялось в обязанность контролировать фланговые оборонительные зоны своей команды.

Проверил Тарасов и новинку в эпизодах, когда команда играла в численном большинстве. В тройке Петрова место в обороне, замещая Кузькина, рядом с Гусевым занимал Викулов. Так когда-то Тарасов использовал Фирсова. Викулов, в отличие от Фирсова, располагался не у синей линии, а рядом с Михайловым, своего рода «двойной кулак» на пятачке перед воротами соперника, — в расчете на добивание после бросков с дальней и средней дистанций и фланговых передач. Вариант был признан перспективным. «Спартак», когда атаковала эта армейская группа, часто выручал вратарь Зингер, который, по оценке Тарасова, сыграл в матче «шайбы на три лучше Третьяка», действовавшего не самым лучшим образом.

Впервые на турнире «Советского спорта» была опробована заокеанская система с тремя арбитрами на площадке. Тарасов, считая ее для континентального хоккея перспективной, дебютный вариант раскритиковал. Вернее, не раскритиковал даже, а объяснил судьям, что они, побывав в Канаде на специальных семинарах и вызубрив методику тройного арбитража, неправильно располагаются на площадке, неверно передвигаются по ней, часто ошибаются. Связано это, по его мнению, было прежде всего с тем, что тактика игры советских команд заметно отличается от тактических построений канадских и американских клубов. Тарасов, оперируя термином «длина комбинации», привел пример: у клуба «Нью-Йорк Рейнджере» она в среднем составляет примерно 6-7 метров, у ЦСКА же — в четыре с лишним раза больше: 28-30 метров. Это обстоятельство, основанное на точности измерений, предполагает совершенно иное, нежели в НХЛ, расположение арбитров на площадке, прежде всего ассистентов главного судьи.

Арбитров Тарасов никогда не выпускал из зоны своей видимости. Он сердился на них не столько из-за проявлявшихся порой элементов предвзятости, сколько из-за непонимания многими судьями сущности и тонкостей хоккея. Тарасов из года в год убеждался в том, что развитие игры во многом связано с

ростом воздействия на нее конфликтных ситуаций. «Действия на грани фола, — считал он, — одна из важнейших сторон такой конфликтности и хоккея в целом, и каждого матча, каждого эпизода в отдельности. Такая и только такая игра позволяет спортсмену полностью раскрывать свои возможности, проявить характер, индивидуальность. Тот, кто научился играть на грани фола, в моем представлении заслуживает отличной оценки, а такая команда — признания коллективом высочайшего класса».

Тарасов и учил своих хоккеистов действовать на грани фола, учил на «отлично». Но когда тарасовский «отличник» приходил сдавать экзамен арбитрам матчей чемпионата страны, они, в силу непонимания тонкостей игры, отправляли его за правильно (но на грани фола!) проведенный прием на скамейку штрафников, резко тем самым меняя картину матча. «И обжегшись раз-другой на таком экзамене, хоккеист научен горьким опытом и уже не станет гнаться за “пятеркой”, а предпочтет твердую “троечку”, — говорил Тарасов о последствиях столь «качественного» арбитража. — И он уже не играет в полную силу, а подыгрывает, он не раскрывает все свои достоинства и возможности: неквалифицированность судей мешает его росту мастера экстра-класса».

Через 11 дней после первого для ЦСКА финала сезона последовал второй — финал Кубка страны. Армейцам противостоял челябинский «Трактор», с которым им пришлось повозиться еще на предварительной стадии турнира на призы «Советского спорта». И в кубковом финале «Трактор» вел после первых двух периодов (2:1). В ЦСКА не пошла игра у Глазова, Жлуктова, Блинова, Трунова. В третьем периоде Тарасов был вынужден рассчитывать в атаке на самых стойких, надежных и бывалых игроков — Михайлова, Петрова, Харламова, Викулова, Мишакова, а также на Волчкова, оказавшегося столь же крепким, как и его опытные партнеры. Варианты троек были самыми разнообразными.

«Вот когда пришлись бы впору операторы, решившие снимать учебный фильм “Тактика силового давления в действии”, — отмечал в комментарии к финальному матчу известный тренер Юрий Баулин. — Можно было бы осуществить съемки и на другую тему: “Что такое добивание шайбы в ворота”». С 43-й по 50-ю минуту Волчков, Гусев, еще раз Волчков и Михайлов забросили четыре шайбы, и игра была сделана. Ее окончательный счет — 6:2.

Наблюдателей настораживало, что в первых матчах сезона, еще до начала чемпионата, ЦСКА почти всегда приходилось догонять соперника. Так было, к примеру, и в полуфинальном

кубковом матче, когда исход встречи решался в четвертом периоде. Так произошло и в финале.

«Можно говорить о том, — писал Баулин, — что в минувших матчах перед публикой предстал как бы эскиз той команды ЦСКА, которую мы увидим в разгар сезона, эскиз, где не всё еще ясно. Можно упрекать в непривычно большом количестве просчетов защитников и вратаря ЦСКА — игроков двух линий, которые по праву считаются лучшими в стране. Но столь же основательно можно утверждать и то, что привлекательнейшее и передающееся от поколения к поколению качество ЦСКА — воля к победе и боевой дух — по-прежнему живо в команде и позволяет ей с честью выходить из любых положений. В этом смысле наш чемпион — прекрасный пример для всех».

За кубковый финал «Трактор» отыгрался во втором туре чемпионата. В истории ЦСКА никогда прежде не было, чтобы команда, ведя в счете 5:1, затем проигрывала сопернику, к грандам никакого отношения не имеющему. «Сенсация», ЧП — характеризовать произошедшее можно как угодно. Между тем «Трактор» первые два периода на равных играл с ЦСКА и в турнире «Советского спорта», и в финале Кубка и только в третьем «сдувался». В игре чемпионата, проходившей в Челябинске, всё произошло наоборот. Третий период ЦСКА провалил. А вот в повторной встрече, проходившей на следующий день, разгромил соперника (7:2), выиграв все три периода. Во многом благодаря Фирсову, вернувшемуся в «должность» играющего тренера.

Если поражение в Челябинске каким-то образом можно было объяснить отсутствием на матче Тарасова, то провал в заключительной двадцатиминутке матча из четвертого тура против «Динамо» — 1:5 (!), при том что после двух периодов чемпионы выигрывали 6:2 (3:1 и 3:1), объяснению не поддавался.

И Тарасов был на месте, и Фирсов вновь вышел на площадку. И сыграл 32-летний нападающий, к слову, блестяще, лишний раз подтвердив, что слишком уж рано прекращали карьеру советские хоккеисты. (Владимир Юрзинов как-то заметил, что канадцы играют до тридцати пяти — сорока лет, а «мы уже в 30, встречаясь друг с другом, спрашиваем привычно вслед за традиционным вопросом “Как жизнь?” — “Когда собираешься заканчивать?”».)

Баулин, подметивший слишком большое количество просчетов защитников и вратаря ЦСКА, был прав. В третьем периоде матча с «Динамо» с 47-й по 55-ю минуту Тарасов заменял Третьяка Николаем Адониным. Оборона армейцев не выдерживала натиска соперника в те минуты, когда нападающие

ЦСКА не то чтобы бросали играть, но начинали при крупном счете в свою пользу действовать не в полную силу, полагая, что при таком результате проблемы исключены и из кожи лезть совсем не обязательно. Так было при счете 5:1 в Челябинске и 6:1 против «Динамо» в Москве.

Тарасов пребывал в скверном настроении. Он видел разбалансированную команду, непозволительно много пропускающую. Апофеозом очень слабого для ЦСКА старта стало поражение от «Спартака» с неприличным для классной команды счетом 6:8. Дальше — еще один нокаутирующий удар: на своей площадке ЦСКА проиграл рижским динамовцам — 5:8. 6:7 от «Трактора», 7:7 с «Динамо», 6:8 от «Спартака», 5:8 от Риги — перебор несомненный. 30 шайб в воротах ЦСКА в четырех матчах, состоявшихся почти один за другим, — ничего подобного в истории лучшей хоккейной команды страны прежде не наблюдалось. Всего же ЦСКА в первых восьми турах пропустил 39 шайб. Такой результат характерен для команд с «дырявой» обороной, но никак не для клуба, ворота которого защищает Третьяк, а в обороне играют Кузькин, Гусев, Цыганков, Лутченко и другие.

«Загадочную игру» ЦСКА в начале чемпионата Борис Майоров, наблюдатель «с трибуны», объяснил двумя обстоятельствами. Прежде всего, впервые за последние 11 лет ЦСКА узнал, что такое «ледовый голод». Если раньше они тренировались ровно столько, сколько хотели, то в 1973 году, когда в силу различных обстоятельств во Дворце ЦСКА долго не было льда, армейцы оказались в таких же трудных условиях, как и остальные московские клубы. Тут-то и выяснилось, что без былого превосходства в физической подготовленности ЦСКА играет не столь мощно.

И конечно же, не могла не сказаться, по мнению Майорова, замена ветеранов молодыми хоккеистами. Майоров отдал должное Тарасову: несмотря на неудачный старт, тренер всё больше доверяет молодежи. Борис Майоров тоже обратил внимание на слабую игру ЦСКА в обороне (сказалось отсутствие в составе Рагулина). Тарасов в наиболее напряженные моменты матчей был вынужден отправлять на скамейку запасных Кузькина. Нарушал игровую дисциплину Гусев. «Перехватив шайбу, он, как правило, старался сам выйти из зоны, — констатировал Майоров после матча ЦСКА — «Спартак». — Но поскольку большинство его попыток организовать атаку заканчивалось потерей шайбы на границе средней зоны, по вине Гусева у ворот Третьяка возникало немало опасных моментов».

Кулагин, работавший с «Крыльями Советов», согласился с

одной из причин слабого старта ЦСКА, названной Борисом Майоровым, — отсутствием у армейцев в подготовительном периоде собственного искусственного льда. «Условия выровнялись, — высказывал Кулагин свое мнение, — и сразу стало ясно: остальные клубы, прежде всего московские, подтянулись по классу к лидеру».

В промежутке между турами ЦСКА в первой полуфинальной встрече за Кубок европейских чемпионов легко (6:0) обыграл дома чехословацкую «Дуклу». Выиграл ЦСКА и ответную встречу (3:1). В чемпионате же армейский клуб после двенадцати матчей по набранным очкам уступал «Крыльям», а по потерянным — еще и «Химику» со «Спартаком», и горьковскому «Торпедо».

ЦСКА действительно был выведен из привычного равновесия «ледовыми невзгодами». Тарасов был согласен с коллегами. «У нас льда, — говорил он, — всегда было достаточно, и наша подготовка к сезону была поэтому содержательнее и объемнее, чем у других. У нас, исходя из наличия своего катка, сложились давние традиции в предсезонной работе». Он привел пример с Третьяком, который привык в канун чемпионата заниматься на льду ежедневно по 4-5 часов, а в сложившейся ситуации был вынужден ограничиваться тренировкой, продолжавшейся менее полутора часов. «Именно ему и нашей молодежи, — подчеркивал Тарасов, — особенно нужен был летний лед, которого мы не имели в необходимом количестве».

Вторую причину слабой игры ЦСКА на старте чемпионата, называвшуюся коллегами, — «процесс замены ветеранов», — Тарасов отмел. При этом он признавал, что в ЦСКА замена ветеранов — «дело более сложное и болезненное, чем в других клубах: нам ведь надо не просто заменить сошедшего по возрасту хоккеиста более молодым, а найти замену Фирсову, который еще три года назад был лучшим нападающим мирового хоккея, или такому защитнику, как Рагулин. На них равнялись, с них брали пример. Тут возникают и сложные психологические проблемы. Такие ветераны, как Рагулин и Фирсов, еще и сейчас могут сыграть лучше, чем их дублеры. Но надо думать о будущем».

Но вместе с тем Тарасов признавался и в том, что, размышляя о неизбежном процессе смены поколений, он просчитался.

«Я был убежден, — поведал Тарасов о своих размышлениях, — что два сильных, надежных звена в команде есть. На них мы можем положиться, они обеспечат нам игру на старте. Мы же тем временем сможем наиграть и обстрелять молодых, осуществить кое-какие тактические замыслы. Мы ведь строили так работу и прежде. И еще в августе были составлены все четыре звена. Два первых известны, в третье вошли Волченков и Блохин, Глазов,

Волчков и Блинов, в четвертое — Ковалев и Александров, Гостюжев, Мишаков и Попов. Но жизнь отодвинула осуществление задуманного на неопределенный срок. Звено “Б”, лучшее звено чемпионата мира, отлично завершившее прошлый сезон, в этом не оправдало моих надежд. Видимо, хоккеисты переоценили свои силы и свое мастерство. Они, прежде всего Петров, ссылаясь на травмы и болезни, хуже, чем обычно, тренировались. Результат не замедлил сказаться: игра звена потеряла былую надежность и результативность. То и дело подводил команду плохо игравший Гусев. Звено перестало быть оплотом команды». Не удовлетворяла Тарасова и игра Цыганкова, несерьезно, по его словам, тренировавшегося. Резкость Тарасова в оценках понятна: все, кто плохо готовился к чемпионату и плохо в итоге подготовился, чаще других подводили команду. У них больше всего удалений, причем удалений, не связанных с игровыми нарушениями, а вызванных элементарной недисциплинированностью.

Звеном «Б» лучших игроков команды Тарасов назвал не случайно. Он на них рассчитывал, а они в сложной ситуации надежд его не оправдали. Тарасову на ходу пришлось перестраиваться, создавать новое ударное звено. Он перевел Харламова в звено, названное им «А», — к Викулову и Жлуктову, у которого, по словам Тарасова, было «еще много пробелов», но который — и это для Тарасова всегда становилось самым важным — «научился главному — научился тренироваться».

Отчего Тарасов перед сезоном просчитался? Этот вопрос он задавал себе сам и сам же отвечал на него: «Может, устал от вечной гонки — ведь вот уже четверть века живешь с сознанием: единственное удовлетворительное место для ЦСКА в турнире любого ранга — первое и только первое. А может, успокоили успехи в соревнованиях перед чемпионатом. Не знаю, но факт остается фактом — просчитался».

Тогдашний начальник отдела хоккея Спорткомитета Кирилл Роменский встал на защиту раскритикованных Тарасовым хоккеистов, в частности Петрова и Гусева. «Создалась небывалая для ЦСКА ситуация, — говорил Роменский, — когда временный спад в игре того или иного хоккеиста превращается в трагедию. И вот уже, скажем, Петров и Гусев, многократно доказавшие свою преданность хоккею и своему клубу в прошлом сезоне, обвиняются в отсутствии этой преданности и прочих смертных грехах. Проблемы ЦСКА, в том числе, возникли и по причине неправильной оценки в свое время клубом потенциала нападающих Лебедева, Анисина и Бодунова».

Но Тарасов никого не обвинял в отсутствии «преданности»

клубу. Он всего лишь констатировал, что Петров плохо, на его, Тарасова, взгляд, тренировался, а Гусев то и дело команду подводил. Преданность хоккею, как ее понимал Тарасов, им вообще не обсуждалась. За ее отсутствие полагалось отчисление из клуба или перевод в армейскую команду классом ниже.

Упомянув Лебедева, Анисина и Бодунова, блиставших в том сезоне в «Крыльях Советов», Роменский попенял армейскому тренеру и по поводу нападающего Гостюжева. «Такой хоккеист, как Гостюжев, — не без ехидцы заметил он, — которого старший тренер ЦСКА в прошлом сезоне на одном из совещаний рекомендовал тренерам сборной в качестве перспективнейшего форварда, теперь переведен в команду МВО».

Нападающий действительно перспективный. Переведен он был на очень короткое время в воспитательных целях. Потом Тарасов его вернул. Гостюжев играл и в чемпионате, и в финале Кубка европейских чемпионов, был вызван в молодежную сборную СССР на первый пробный чемпионат мира среди игроков до двадцати лет в Ленинграде, выступил там во всех матчах, стал вместе с партнерами (среди которых были такие хоккеисты, как Анатолий Мышкин, Зинэтула Билялетдинов, Василий Первухин, Виктор Жлуктов, Владимир Голиков) чемпионом мира. В том, что у него не сложилась карьера в дальнейшем, винить он может только себя самого.

Тарасов не только жестко, вне зависимости от прежних достижений критиковал своих игроков, но и добавлял нотки оптимизма. После двенадцати туров он уверенно заявил, например, что неудачи ЦСКА подходят к концу и среди обнадеживающих факторов назвал «изменяющееся отношение к работе Петрова». «Он, — говорил Тарасов, — ключевой игрок звена, и, значит, скоро мы сумеем восстановить тройку в былом составе. Всё острее действует звено Волчкова, набирающее силу и опыт. Ровнее играет Третьяк, обретающий форму и стабильность в ходе чемпионата».

И в тринадцатом туре ЦСКА, можно сказать, прорвало. 9:2 — повержен «Спартак», с демонстрацией игры, приближенной к лучшим армейским стандартам: редчайшая самоотверженность в обороне, безупречные действия Третьяка, высокая командная скорость, непрекращающееся давление на соперника, мощь в атаке, точные броски по воротам. Семь шайб из девяти забросили Михайлов, Петров и Харламов — тройка, возрождение которой Тарасов предсказывал незадолго до встречи с принципиальным соперником.

А «Спартак» всегда оставался принципиальнейшим соперником для Тарасова. Принципиальным настолько, что

однажды, ковыряясь на грядке на даче и увидев проходившую мимо сестру Нины Григорьевны Галину Иосифовну Мазину, гостившую у них, Тарасов вдруг произнес: «Хорошо тебе, Галка!» Галина Иосифовна удивленно посмотрела на Тарасова: «С чего это вдруг?» — «Ну как с чего? — продолжил Анатолий Владимирович и засмеялся: — Я вот, даже сидя в грядке, голову ломаю, думаю: “Как обыграть ‘Спартак?’”, а ты от этого мучения избавлена».

Перед первыми короткими каникулами в чемпионате, вызванными двумя контрольными матчами сборной в Финляндии, ЦСКА занимал после шестнадцати игр третье место. На восемь очков его опережали «Крылья Советов» и на одно — московское «Динамо», но они провели на одну встречу больше, чем армейцы. «Крылья» по праву лидера и в силу, вероятно, тренерского совместительства (Кулагин в сборной работал помощником Боброва) делегировали в сборную восемь хоккеистов, ЦСКА — семь. Последний (и единственный) раз такое соотношение сборников из «Крыльев Советов» и ЦСКА было отмечено в 1960 году на Олимпийских играх в Скво-Вэлли: тогда команду возглавлял Тарасов, а его помощником был тренер «Крыльев» Владимир Егоров.

После паузы ЦСКА сначала сыграл вничью в Воскресенске с «Химиком» (3:3), а потом выиграл у лидера — «Крыльев Советов» (4:3). Матч этот стоял особняком по многим причинам. Лидер против отставшего чемпиона. Кулагин против Тарасова. Лебедев, Анисин и Бодунов против команды, в них не поверившей. ЦСКА пришлось играть с Адониным в воротах, и он действовал удачно, поводов сетовать на отсутствие в составе Третьяка не дал. ЦСКА в очередной раз показал: чем клубу хуже, тем хуже становится его соперникам, особенно тем, кто его в таблице опережает. После выигрыша у «Крыльев» вспомнили сезон-1970/71, когда ЦСКА (с Кулагиным, к слову, во главе) отставал от «Динамо» на целых 12 очков, но потом (уже с вернувшимся на тренерский пост Тарасовым) свел отставание к нулю, вышел вперед и выиграл чемпионат. Лидерство ЦСКА, тем более с большим отрывом, всегда становилось гарантией чемпионства, и никто не пробовал вмешаться в борьбу за титул, понимая, что преуспеть в ней невозможно. Лидерство же любого другого клуба вопроса о чемпионстве не снимало. Когда ЦСКА за спиной, бессмысленно рассуждать о близкой победе в турнире. Об этом знали все соперники тарасовской команды.

Параллельно с домашним чемпионатом ЦСКА продолжал играть в Кубке европейских чемпионов. Первая финальная встреча в Швеции с «Брюнесом» была выиграна, но счет (6:2) не

должен вводить в заблуждение: ЦСКА пришлось туго. Не поехали в Швецию три защитника — Гусев, Цыганков и Блохин. Тарасов был вынужден отрядить в оборону Мишакова (сыгравшего в Евле на позиции защитника не в первый раз) и Фирсова, в обороне дебютировавшего. Шведы, осведомленные о том, что по-прежнему не достиг оптимальных кондиций Третьяк, с первых же секунд бросились вперед. Но Третьяк провел в Швеции лучший матч сезона: в самом начале встречи он сумел отбить восемь опасных бросков игроков «Брюнеса». В первом периоде благодаря Третьяку армейцы не только выстояли, но и забросили шайбу, причем в тот момент, когда играли в меньшинстве, — это сделал Харламов. Запала же у шведов хватило только на период. После первого перерыва ЦСКА взвинтил скорости и окончательно склонил игру в свою пользу.

Во время известинского турнира, впервые прошедшего без участия Тарасова, произошло официальное прощание с объявившими о завершении карьеры Давыдовым, Рагулиным и Фирсовым. На церемонии они были в свитерах сборной СССР

После продолжительных каникул, связанных с турниром на призы газеты «Известия» и выездом советских команд на коммерческие матчи в Европу и Северную Америку, последовал «второй старт» чемпионата. И ЦСКА, вместо того чтобы продолжить погоню за «Крыльями», неожиданно проиграл «Динамо» (3:4). Два периода — первый и третий — армейцы выиграли, а во втором последовал провал — 0:3. Дважды ЦСКА наказывали 10-минутными штрафами (Гусев и Харламов). Об этой распущенности, которая никак не могла способствовать слаженности игры команды, и говорил Тарасов, когда пытался определить причины слабого вхождения в чемпионат.

После этого поражения стало ясно, что судьба чемпионского звания зависит уже не столько от ЦСКА, сколько от «Крыльев», оторвавшихся от главного конкурента на 7 очков. Более того, спустя два тура, в которых «Динамо» выиграло у «Крыльев» и «Спартака», а ЦСКА после победы над «Спартаком» обыграл лидера, выяснилось: команде Тарасова надо сильно постараться, для того чтобы занять в чемпионате второе место — на него всерьез нацелилось «Динамо». Но серебро не упустили, переиграв динамовцев в очной встрече.

Оптимизм Тарасова, высказанный им после двенадцатого тура, ЦСКА подтвердить не сумел. Вновь — разрозненность в действиях. Вновь — не крепкие, скованные одной целью звенья, а набор игроков, лишь немногие из которых в каждом эпизоде каждого матча бьются до конца и пытаются помочь команде. Разбалансировка в игре ЦСКА в последнем тарасовском

чемпионате страны во многом связана с тем, что очень сложно, практически невозможно было тренеру состыковать группу высококлассных хоккеистов, без которых нельзя было представить ни ЦСКА, ни сборную, с хоккейными середняками, заметно уступающими в классе первым номерам.

На каком-то этапе Тарасов, поверивший в возможности школы ЦСКА, в то, что она бесперебойно будет поставлять в команду игроков класса Полупанова, Лутченко, Третьяка, Викулова, Харламова, Блинова, каждый из которых безболезненно вольется в состав мощного клуба, практически перестал заниматься тем, чем всегда занимался прежде, — кропотливой, требующей сил и времени ювелирной доводкой молодых игроков, чей талант по каким-то причинам не проявляется моментально. С такими игроками расставались, они попадали в другие клубы (только в составе «Крыльев» — лидера чемпионата, а потом его победителя — их было полдюжины, в том числе ставшие постоянными игроками сборной Лебедев, Анисин и Бодунов). А новых становилось всё меньше и меньше. Но с другой стороны, говоря об игроках, с которыми ЦСКА расставался, не стоит забывать, что не у всех из них хватило терпения, сил и характера выдержать, по образному выражению Кулагина, армейские «духовные и телесные испытания».

Кулагину, десять лет проработавшему в тренерском штабе ЦСКА, больше, чем кому бы то ни было, была известна организация дела в армейском клубе. Когда Борис Павлович столкнулся с технологией учебно-тренировочного процесса в других командах, в частности в «Крыльях», куда он пришел работать после ЦСКА и где ему, руководствуясь армейскими наработками, удалось дойти до чемпионского титула, он, по его словам, «еще яснее понял: ЦСКА опережает остальных намного, думаю, примерно на пять-шесть лет». Оценивая завоеванное ЦСКА в сезоне-1972/73 восемнадцатое в истории советского хоккея чемпионство — последнее в потрясающе насыщенной карьере Анатолия Тарасова, Кулагин призывал оставить в стороне такие объективные факторы, способствующие превосходству ЦСКА над остальными, как тренировочная база, условия для отдыха, подбор игроков и тренеров, а обратиться прежде всего к тренировочному труду. Хоккеист, прошедший школу тренировочной работы в ЦСКА, говорил Кулагин, никогда не скажет: «Всё, устал, больше не могу». Не скажет не потому, что он и в самом деле не устал, а потому, что «понял, пережил, почувствовал на себе: человек способен перешагнуть через это самое “не могу”. Надо только перетерпеть, пересилить себя. Хоккеисты ЦСКА научились этому на тренировках». Постоянно приводя своим игрокам в пример

ЦСКА и требуя беспрекословного выполнения разработанной им тренировочной программы, Кулагин пришел к золоту после поступательных турнирных шагов, на которые все обратили внимание. В первом его сезоне в «Крыльях» — четвертое место, во втором — бронза. Кулагин вспоминал, что когда он возглавил «Крылья» и организовал после завершения сезона двухнедельный тренировочный лагерь для новой команды, ветераны роптали: «Зачем всё это нужно летом, накануне отдыха? Это же самое настоящее самоистязание, притом совершенно бессмысленное». Но предложенные тогда Кулагиным нагрузки даже не приблизились к армейским.

На протяжении последнего в своей жизни хоккейного чемпионата страны, проигранного ЦСКА после восемнадцати чемпионских титулов, Тарасов был вынужден частенько покидать тренировочный лагерь команды и перемещаться в госпиталь. Здоровье не позволяло ему работать в полную силу. Тарасов оставлял клуб на Константина Локтева. В нескольких последних турах именно Локтев готовил хоккеистов к матчам и матчи эти вел. Перед московскими играми он ездил к Тарасову либо в госпиталь, либо домой. Они обсуждали предстоящую игру, Локтев информировал Тарасова о состоянии игроков, рассказывал о своем видении состава звеньев и о том, как он видит возможные в них перестановки в зависимости от того, как будет складываться матч. По горячим следам не раскладывали игры на составляющие, но на следующий день детально их разбирали.

Однажды, еще задолго до последнего сезона Тарасова, журналист Борис Левин собрался с духом и задал Анатолию Владимировичу вопрос:

«Наступит время, когда придется кому-либо из учеников передать руководство командой. Кто сможет вас заменить?»

Левин вспоминал, что «мохнатые седые брови, как две птицы, вспорхнули вверх: “Заменить? Резко берешь, батенька!” — И после длительной паузы попросил: “Перечисли, кто, по-твоему, смог бы Тарасова заменить?”».

Левин стал называть — одного за другим — самых именитых армейских игроков и после каждой фамилии слышал в ответ характеристику в стиле Тарасова:

— Морковный кофе.

— Подкаблучник, руководить будет жена.

— До глубокой старости сохранит детский ум.

— Нужен творец, а этот — исполнитель, не больше.

После фамилии Локтев:

— Коська сможет. Сможет — всё есть. Но вот как он

совладает с начальниками? Они на него попрут, как на бастион, их остановить может только Тарасов. Коська будет воевать и проиграет.

Когда еженедельник «Футбол-хоккей» устроил после чемпионата традиционную заочную летучку тренеров, которых репортеры издания попросили оценить выступления своих команд и высказать соображения относительно чемпионата, Тарасов не стал отказываться от возможности донести свое слово до публики и хоккейной общественности. Это выступление стало для него последним в статусе действующего тренера хоккейного клуба.

«Убежден, — сказал Тарасов, отвечая на вопрос: «Как вы оцениваете выступление в чемпионате своей команды?», — что дело не в смене поколений. Это — ширма, за которую легко спрятаться. Но на протяжении почти 30-летней истории ЦСКА в команде сменилось много поколений, и никогда это не влияло на ее положение.

Если не это, тогда что же? Прежде всего — о тренерских осечках. В прошлом сезоне мы выиграли все турниры, в которых участвовали. Видимо, благополучие способно привести в добродушное состояние даже такого склонного к вечному недовольству собой и своей командой человека, как я. Но уже летние тренировки и первые матчи показали, что ведущее звено ЦСКА — звено Петрова — не является примером отношения к делу для молодых игроков, не служит образцом в коллективе. Поясню: ведущим считается в ЦСКА не то звено, которое больше всех забивает, а то, которое способно зажечь и повести за собой остальных в трудную минуту, способно к новаторству и является помощником тренера в воспитании игроков высокого класса. Чтобы создать такое звено, пришлось перевести Харламова к Викулову и Жлуктову. Но затем, в интересах сборной, мы вновь вернули Харламова к прежним партнерам.

Итог: ни то ни другое звено не показывало игру высокого класса. И это сказалось. Чтобы закончить с разговорами о звене Петрова, добавлю только одно. Верно, игроки этого звена, прежде всего Петров и Гусев, хорошо играют в сборной. Но разве может истинный спортсмен по-разному относиться к своим обязанностям в клубе и в сборной?!»

Тарасов получал по ходу сезона письма, в которых его упрекали за то, что он меньше, чем обычно, работал с командой. Тарасов с упреками был согласен, но обратил внимание на два немаловажных обстоятельства:

«За многочисленными заботами мы в нашем хоккее упустили вопрос о подготовке молодых тренерских кадров. Так вот, я — и

меня в этом поддержало руководство клуба — решил дать возможность Локтеву и Фирсову поработать самостоятельно. И мы с радостью убедились, что и Фирсов, и особенно Локтев многое знают, умеют и показали себя гибкими и знающими тренерами… Оба они сегодня готовы повести коллектив на большие дела. Что же до меня, то врачи уже не первый год настоятельно рекомендуют мне значительно снизить нагрузки».

«Может, устал от вечной гонки…» — говорил Тарасов практически в самом начале сезона. Он действительно устал. Накопление усталости — физической и моральной, проблемы со здоровьем… История с отставкой-72 не могла не сказаться.

Локтев был одним из немногих хоккеистов, которых Тарасов после завершения ими игроцкой карьеры видел в роли тренеров. Руководство ЦСКА не одобряло тарасовскую идею ухода из команды, и Тарасов не стал форсировать решение проблемы, опасаясь, как он говорил, что «вместо молодых тренеров, которых мы готовили долгие годы, могут поставить людей более авторитетных, но не способных продолжать традиции хоккеистов ЦСКА, традиции, которые создавались несколькими поколениями армейских спортсменов». Следованию традициям, их совершенствованию Тарасов придавал огромнейшее значение.

Уже с осени 1973 года Тарасов стал доверять проведение довольно большого раздела учебно-тренировочного процесса Фирсову и особенно Локтеву. «Локтев, — писал Тарасов, — и должен был, по моему убеждению, возглавить команду».

Это — к вопросу о «мести» в отношении Локтева, на которую намекает Е. Рубин. И к вопросу о мстительности Тарасова и его злопамятности вообще.

«Локтев, — продолжал Тарасов в книге, — это уже достаточно сложившийся, опытный тренер. Он обладает твердым характером, своим взглядом на игру, на тренировочный процесс. Еще играя, будучи капитаном ЦСКА и сборной, он всегда имел свое мнение, приходил к тренерам и умело дискутировал об игровом задании, о тактическом построении. Он еще тогда умел доказательно и тактично высказывать свое мнение. Сила Локтева в том, что он освоил принципы армейской школы и творчески развивает их».

Благоприятный момент для смены тренера в ЦСКА наступил, по мнению Тарасова, в октябре 1973 года, когда клуб выиграл три турнира подряд: приз «Советского спорта», традиционно разыгрывавшийся в те годы в преддверии чемпионата страны, Кубок европейских чемпионов (оставалась формальность — перенесенный на следующий год ответный финальный матч с шведским клубом «Брюнес», после того как в Евле ЦСКА соперников разгромил 6:2) и Кубок СССР. Но Локтев и Фирсов

попросили мэтра повременить с уходом, поскольку заметили проявление симптомов зазнайства у ряда ведущих игроков, посчитавших дело сделанным. Локтев и Фирсов решили, что в сложившейся ситуации им с этим явлением (типичным в общем-то для любой советской команды) не справиться. Оба они были еще молодыми специалистами (Локтеву — 40 лет, Фирсову — 32 года), совсем недавно играли с теми, кого им необходимо было возвращать с небес на землю. Тарасов с их аргументами согласился. Но сказал, что они должны проявлять еще большую самостоятельность, а о тарасовских воспитательных возможностях вспоминать только в тех случаях, когда без них действительно не обойтись. «Если прежде, — вспоминал Тарасов, — я доверял Локтеву и Фирсову руководство рядовыми матчами, да и тренировки поручал не самые ответственные, то теперь Константин Борисович должен был работать со мной на равных».

Тарасов поставил в известность клубное руководство: все первые матчи чемпионата-73/74 будут проводить молодые тренеры. Но за скобки себя выносить не стал. Когда команда, ведя в Челябинске в счете 5:1, вдруг проиграла 6:7, Тарасов по возвращении ее в Москву как мог успокаивал молодых коллег, взял всю ответственность за неудачу на себя, ибо, как он говорил, «знал, что становление не может проходить без срывов. Тем более что в челябинском поражении, скорее, были виноваты не тренеры, а игроки».

Игроцкая карьера Локтева завершилась на чемпионате мира 1966 года в Любляне, где его признали лучшим нападающим турнира. Там же югославы предложили Локтеву поработать тренером в их стране. Страна дружеская, спортивные и партийные власти препоны вроде бы не должны были ставить. Они, казалось, и не ставили, и всё зависело от решения самого Локтева. Он еще в самолете оповестил партнеров о том, что с карьерой игрока заканчивает, и рассказал о югославском предложении. В Москве же Локтев пригласил Тарасова, Альметова, Александрова, Кулагина и Старовойтова и спросил у них совета. Все были за поездку. Тарасов обосновал свое мнение тем, что в Югославии Локтев мог бы получить первый опыт тренерской работы, чтобы потом работать в ЦСКА.

Локтев вылетел в Белград и там узнал: препоны все же существовали и проявились в последний момент перед подписанием контракта. Финансовые условия документа никак не могли устроить ни инициаторов приглашения, ни самого потенциального тренера — Союз спортивных обществ и организаций СССР заложил в соглашение грабительский процент отчислений в пользу государства. По тогдашним законам, нигде,

к слову, не публиковавшимся, зарплата любого советского специалиста, работавшего за рубежом, должна была быть ниже зарплаты посла Советского Союза. Тренера Локтева эти законы приравнивали по деньгам ко второму секретарю посольства.

Конечно же, Локтев ничего в Белграде подписывать не стал. Огорченный, он уехал домой, попробовал было вернуться в игру, но сказались травмы и перерыв в тренировочной работе. Локтев пошел в подмастерья к Тарасову, который, как уже говорилось, делал на него ставку как на своего преемника.

Впоследствии Тарасов был поражен тем, как убирали из ЦСКА одного из его лучших учеников. Армейский клуб выиграл в 1977 году чемпионат страны — второй под руководством Локтева и двадцатый в своей истории (первый раз Локтев-тренер победил в 1975-м, а год спустя занял второе место). Клубное начальство после выигрыша, как водится, организовало банкет. Проходил он в Архангельском. Никому и в голову не могло прийти, какая подлая, можно сказать садистская, заготовка ждала Локтева и команду. О том, что он уволен, тренеру сообщили еще до начала торжеств. «Едва сев за стол, — вспоминала жена Локтева Валентина, — он попросил слова и сам объявил о своей отставке. “Ребята, — сказал он, обращаясь к игрокам, — со следующего сезона у вас будет новый тренер. Но я еще вернусь, потому что ЦСКА — это мой родной дом, я здесь вырос и никогда в другой команде работать не смогу…” Он никогда не был слабым человеком, но если бы вы знали, каких усилий стоила ему эта короткая фраза! После нее наступила гробовая тишина, поскольку никто подобного начала праздничного вечера не ожидал. Потом ребята наперебой стали говорить: “Константин Борисович, мы за вас будем бороться!” Но он попросил их этого не делать… Естественно, сразу после этого “тоста” мы с ним покинули банкет. Оставаться там далее не было смысла. Костя был на грани срыва. Состояние его было таким, что на обратном пути мы едва не угодили в аварию, чудом не врезавшись в парапет на мосту…»

В своей книге «Овертайм» Вячеслав Фетисов написал: «Абсолютно уверен, что советский хоккей потерял сильного тренера, но тогда это никого не волновало!» Фетисов предположил, и не без оснований, что поразительная бездушность и подлость, проявленные по отношению к Локтеву, сказались на его дальнейшей судьбе и спровоцировали ранний уход из жизни.

Внезапное увольнение Локтева пытались объяснить третьим местом, занятым в 1977 году сборной СССР на чемпионате мира в Вене, но, во-первых, Локтев в сборной был всего лишь одним из двух ассистентов Кулагина (вместе с Юрзиновым), а во-вторых,

сборная сама по себе, а клуб, тем более лучший в стране, сам по себе. Кроме того, логичнее было бы в том случае, если уж решили отставить Кулагина, который, по словам Валентина Сыча, «был не здоров и при своем высоком давлении вряд ли мог работать с полной отдачей», поставить в сборной на первые роли Локтева, успешность практики которого в ЦСКА, основном поставщике игроков для национальной команды, ни у кого не вызывала сомнений. Но партийные и спортивные руководители уже запустили процесс расчистки обоих мест — в ЦСКА и сборной — для другого специалиста и останавливать этот процесс не собирались. Виктор Тихонов, для которого, собственно, и готовилось место Локтева в ЦСКА, не раз потом упоминал в рассказах о своем назначении имена Юрия Андропова, Михаила Зимянина, Дмитрия Устинова и Леонида Брежнева. Тихонова, возглавлявшего прежде рижское «Динамо», решили поставить вместо Кулагина на сборную. Представительство игроков ЦСКА в сборной, как известно, было большим, и «рижанину» заодно вручили «ключи» от ЦСКА, чтобы сборники всегда были у него под рукой.

В истории с беспардонным увольнением Локтева и назначением Тихонова недоброжелатели не обошлись и без традиционного «ведерка грязи», опрокинутого на Тарасова. «Я, — поведал журналисту Леониду Рейзеру детский тренер Ян Каменецкий, — был далек от закулисных дел и тем более — от спорткомитетовских, ведомственных и партийных верхов. Поэтому не возьмусь судить обо всех причинах и поводах резкого тихоновского восхождения на Олимп вопреки элементарным этическим нормам. Не исключено, что к этому приложил руку Тарасов — тогда еще влиятельная личность и страшный интриган по натуре. Мог он какую-то ревность питать к Локтеву, бывшему своему подопечному…»

Скажем прямо: это неправда. Запущенная только ради того, чтобы в очередной раз оболгать Тарасова и попытаться вызвать сомнения у тех, кто знал о том, как Тарасов действительно продвигал по армейской тренерской стезе Локтева. То ли от незнания истинного положения дел, то ли от желания преподнести их в антитарасовском ключе подача «достоверной информации» — через сплошные оговорки: «не возьмусь судить…», «не исключено…», «мог… ревность питать…».

«Я полагаю, — говорит на страницах книги о Борисе Кулагине Виталий Ерфилов, многие годы плодотворно трудившийся в хоккейной школе ЦСКА, — что если бы не пришел Тихонов, то в ЦСКА и в сборную вернулся бы Тарасов! Ведь в тот момент Анатолию Владимировичу было 54 года! Всего-то! Ведь,

давайте будем откровенны, Локтева-то из ЦСКА убрал Тарасов, он ведь под себя площадку расчищал. Лет пять ведь еще железно мог старшим тренером команды поработать. Но не вышло».

Даже не акцентируя внимание на том, что возраст Тарасова назван неверно (54 ему исполнилось в 1972-м), следует заметить, что версия об интриге Тарасова против Локтева и «расчистке» «площадки под себя», выдвинута человеком, и близко не осведомленным о происходившем в кабинетах ЦК КПСС, КГБ, Министерства обороны и Спорткомитета. В них фамилию «Тарасов» перестали произносить ровно с того момента, как он перестал практиковать в хоккее. Возможность возобновления им тренерской деятельности там даже не обсуждалась. И совсем уж, наверное, негоже человеку, некогда в ЦСКА работавшему, не знать о том, как складывались отношения Тарасова с Локтевым на протяжении десятилетий и каким ударом стало для Тарасова беспардонное увольнение Константина Борисовича.

Локтев, надо сказать, — один из немногих игроков, побывавших в тарасовской обойме, с которым у Тарасова никогда, за исключением одной истории, не возникало конфликтов.

История такова. Почти сразу после появления в основе ЦСКА Локтев, человек в общем-то покладистый, выразил сомнение — это новичок-то! — в необходимости всем кагалом проводить предматчевые разминки с одинаковыми для всех основательными нагрузками. Локтевский организм, так уж он у него был устроен, всячески противился задававшемуся Тарасовым объему работы. Когда Локтев через силу его выполнял, на игру он выходил уставшим и подавленным. И хоккеист, всё обдумав, решил на разминках тратить силы по минимуму. Мимо Тарасова такой подход к делу пройти не мог. Он сразу же заметил локтевскую акцию. Раз выговорил ему за недоработку, второй… А потом, когда команда ожидала отчисления, вдруг перестал заставлять игрока делать тот же объем, что и остальные.

Годы спустя Локтев поинтересовался у Тарасова, почему тренер отстал от него со своими наставлениями. Выяснилось следующее. Тарасов, видя, что парень вроде бы не лентяй, в обычных тренировках и матчах отдается делу полностью, и не понимая, почему же на разминках перед играми он ведет себя именно так, обратился к Товаровскому. Михаил Давидович задал своему ученику вопрос: «А как Локтев, о котором ты говоришь, проводит матч, разминаясь перед ним в соответствии со своими представлениями об объеме необходимой подготовки?» — «Очень хорошо». — «Так чего же тебе, Толя, еще надо?»

Эта история, стоит заметить, была занесена Тарасовым не только в свой кондуит, но и в память: с тех пор он по мере

возможности дифференцированно подходил к выполнению разминочных элементов. Первой тройке — Локтеву, Альметову и Александрову, — например, дозволялось разминаться перед матчами отдельно от команды. Потом самостоятельности удостоился Моисеев, которому, наоборот, необходим был больший, нежели остальным, объем работы.

Когда Локтеву дали отставку, Тарасов понимал, что бороться за него бесполезно. Он лишь корил себя за то, что не уговорил Константина остаться в армейском клубе и продолжить тренерскую работу хотя бы в школе ЦСКА. А Локтев, обиженный — и обиженный жестоко, — решил отойти от хоккея вообще, чем совершил, по мнению Тарасова, «непростительную ошибку». В начале 1987 года Тарасов полагал, что ошибку эту еще не поздно исправить, но Локтев решения отойти от хоккея не изменил. Тарасов был убежден, что, «поступи Константин иначе, сегодня мы имели бы сильного тренера, а значит, и еще один сильный клуб».

Уровень, на котором принималось решение по переводу Виктора Тихонова из рижского «Динамо» в ЦСКА, а заодно и в сборную страны, был для Тарасова недосягаем. Армейские спортивные руководители всего лишь исполняли приказ по изгнанию Локтева из команды, выигравшей чемпионат Союза. Их непосредственному начальнику — министру обороны Дмитрию Устинову — до спорта не было дела. Однажды Всеволод Бобров, несправедливо выставленный из футбольного ЦСКА и не нашедший правды в кабинетах ЦК КПСС, в частности у тогдашнего руководителя Отдела агитации и пропаганды Евгения Тяжельникова, с помощью высокопоставленного приятеля позвонил Устинову напрямую. «Как же, как же, следим за игрой вашей команды», — ответил министр после того, как Бобров представился. Устинов даже не знал, что выдающийся хоккеист и футболист в ЦСКА уже не работает и никакой команды у него нет. Когда Бобров рассказал ему об этом и сообщил, что, собственно, это и есть цель его звонка — он просит помощи у министра, — Устинов «отфутболил» его к своему заместителю Сергею Соколову: тот, дескать, курирует спорт по министерской линии. В итоге ни Устинов, ни Соколов и пальцем не пошевелили для того, чтобы помочь Боброву.

Локтева снимали с работы те, кто принимал затем непосредственное участие в назначении Тихонова, — председатель КГБ СССР Юрий Андропов, секретарь ЦК КПСС Михаил Зимянин и — косвенно, поскольку ЦСКА находился всё же в его ведении, — Дмитрий Устинов. Виктор Тихонов не раз в подробностях рассказывал об антураже, сопровождавшем его

назначение. Длинный кабинет, хозяин встает из-за стола, подходит поздороваться, предлагает: чай? кофе? Ведет неспешную часовую беседу о хоккее, а потом говорит — и сразу становится понятно, с какой стати член Политбюро, глава КГБ тратит драгоценное время на какой-то хоккей, — что вызвал рижского тренера по поручению Леонида Ильича, который и распорядился поставить его на ЦСКА. Андропов сказал, что, конечно же, хотел бы видеть Тихонова в московском «Динамо», но есть прямое указание генерального секретаря.

В разговорах с Сергеем Павловым и Валентином Сычом Тихонов, по свидетельству Сыча, идти в ЦСКА отказывался наотрез: «Либо я остаюсь в Риге и работаю со сборной, либо просто работаю со сборной». Павлов и Сыч пытались его переубедить, но когда их аргументов оказалось недостаточно, Павлов позвонил секретарю ЦК Михаилу Зимянину. А тот, в свою очередь, сообщил о том, как развиваются дела с «динамовцем Тихоновым», Андропову.

В интервью Виктору Гусеву Тихонов рассказывал об этом так: «Когда меня из рижского “Динамо” позвали тренировать сборную, я был уверен, что смогу совмещать. Приехал по вызову в Москву, жена с сыном осталась в Риге. Сижу в кабинете руководителя Спорткомитета, излагаю свои доводы — и вдруг звонок. Он меняется в лице: “Вас внизу ждет машина с Лубянки”. Двадцать минут спустя все те же аргументы пришлось выкладывать Андропову. А он только улыбается. Совмещать это правильно. Только при чем тут Рига? Я бы тебя к себе в московское ‘Динамо’ взял, но Леонид Ильич сказал: ‘Только в ЦСКА!’”».

О хоккейных пристрастиях Брежнева его бывший зять, в то время заместитель министра внутренних дел Юрий Чурбанов, рассказывал журналисту Алексею Богомолову, некогда, к слову, игравшему в хоккей вратарем и входившему в состав ЦСКА:

«Больше всего Брежнев любил ездить на хоккей с Устиновым. Они оба были страстными болельщиками ЦСКА. Черненко, хоть и дружил с Леонидом Ильичом, болел за “Спартак”, а Юрий Владимирович Андропов формально считался болельщиком “Динамо”, хотя, мне кажется, был равнодушен к игре. Не очень любили хоккей Суслов и Пельше, но за компанию приезжали в “Лужники”… Помню, была какая-то игра ЦСКА — “Динамо” и армейцы проигрывали. Леонид Ильич начал подначивать Устинова: “ Вот, как же так, столько денег на команду выделяется, а они проигрывают…” Министр обороны отшучивался: “Ничего, сейчас исправятся. И действительно, как правило, в присутствии Леонида Ильича ЦСКА у “Динамо” выигрывал».

На первой встрече с Андроповым Тихонов, по его словам, «попытался отказаться». Андропов настаивать не стал, предоставил неделю для обдумывания. Процедуры, надо полагать, формальной, потому что Тихонов сразу понял: его категорический отказ от такого предложения не поймут ни в Москве, ни в Риге и никакой сборной он без ЦСКА не получит. Через неделю в том же кабинете Тихонов дал согласие. Во время разговора позвонил Михаил Зимянин. Андропов включил громкую связь и пошутил: «У меня сидит Тихонов Виктор Васильевич. Говорит, что не хочет возглавлять ЦСКА». Зимянин в ответ: «А ты скажи ему, что в этом доме не принято отказываться». И собеседники засмеялись.

Тихонов при любом удобном случае утверждал, что ему именно «Андропов дал полный карт-бланш». То, что Андропов имел полную информацию о происходившем в ЦСКА, Тихонова, разумеется, не удивило. «Он знал, — рассказывал Тихонов, — что в ЦСКА не только прекрасные игроки, но и то что ими сложно управлять, что в команде упала дисциплина. Он говорил мне — вы получаете полную свободу действии. Спать будешь по три часа, но наведи порядок. Есть там нападающий со сложным характером — Петров. Если возникнет необходимость, то можете отчислять».

Тарасов никогда не бравировал знакомством с представителями властных структур. Да и особых знакомств у него в высших сферах не было. Разве что с возглавлявшими Министерство обороны до Устинова Малиновским и Гречко. Но Тарасову и в голову не приходило ссылаться на них в разговорах с командой. Тихонов же именем Андропова, прямой номер телефона которого был ему дан, пользовался. Однажды он собрался отчислить из ЦСКА защитника Александра Гусева. «На партийном собрании, — вспоминал Тихонов в интервью журналистам «Спорт-экспресса» Юрию Голышаку и Александру Кружкову, — на меня накинулись: “Что вы себе позволяете?! Это заслуженный мастер спорта, майор…” Вот тогда и сказал — сейчас при вас наберу номер. Будете объясняться не со мной, с Юрием Владимировичем. Все моментально замолчали».

Фетисов в разговоре со мной обратил внимание на то, что «все эти тренеры успешные, долгое время имевшие поддержку власти, — без конкуренции рано или поздно приходят к одному: они небожители, и психология выжженной территории после них остается единственно правильной, на их взгляд. Ничего не оставляют после себя. Тарасов же всё оставил ЦСКА — созданную им систему, школу, Локтева, традиции — всё, что требовало развития и продолжения. И всё было уничтожено».

Из трехсот хоккеистов, заявленных двенадцатью сборными на участие в Олимпиаде-2014 в Сочи, ЦСКА представляли только 2 (два!) игрока, не имевшие причем никакого отношения к армейскому хоккею: нападающие Ян Муршак из сборной Словении и Александр Радулов.

Формально на сборную Тихонова поставил председатель Спорткомитета Сергей Павлов, а о ЦСКА первым ему сказал председатель Спорткомитета Министерства обороны Николай Шашков. Валентин Сыч, работавший тогда, в дни назначения Тихонова, начальником Управления зимних видов спорта Спорткомитета СССР, в приватной беседе с Леонидом Рейзером в ноябре 1993 года признался: «Это была моя идея. Тарасов уже не “тянул”, Чернышев тоже. Бобров? Слишком уж норовистым был. Кулагин? Проиграл бездарно чемпионаты мира в 76-м и 77-м. Локтев? Слишком либеральничал с игроками. Эпштейн? Не тот масштаб. А Тихонов, я это почувствовал, — как раз то, что надо. И жизнь подтвердила мою правоту». Любопытно, что сказано это было за три месяца до Олимпиады в Лиллехаммере, на которой сборная России под руководством Тихонова дважды проиграла финнам с общим счетом 0:9. Один матч на предварительном этапе (0:5), второй — во встрече за третье место (0:4).

На самом же деле оба решения, как уже было сказано, принимались в политических верхах. На первом для Тихонова розыгрыше приза «Известий» советская команда проиграла сборной Чехословакии с крупным счетом 3:8. Тихонова, собиравшегося посмотреть в Лужниках матч с участием следующего соперника своей команды — Швеции, вежливо пригласили к служебному входу, посадили в автомобиль и отвезли на Лубянку. Андропов хмуро поведал тренеру о том, что «народ говорит об игре сборной в трамвае и метро».

На следующий день после завершения проигранного турнира Тихонова вызвали к Павлову. В кабинете председателя Спорткомитета находился Тарасов, сказавший, по словам тренера, что помощник Тихонова — Юрзинов — слабый специалист. «Павлов, — рассказывал Тихонов, — предложил Тарасову: “Помогите Виктору Васильевичу в Праге. Все-таки для него это первый чемпионат мира”. Тарасов сказал, что согласен, но “только после Праги”». Тарасов с командой, сформированной Тихоновым, не работал. Не работал и с самим Тихоновым и не знал потому, возможно ли достижение того уровня взаимопонимания, какой у него был в сборной с Чернышевым и в ЦСКА с Кулагиным. Ввязываться в авантюру с непредсказуемыми последствиями — не для Тарасова.

Павлов же и Тихонов в той ситуации вели свою игру.

Уверенности в победе в Праге у них, понятно, не было и быть не могло: чехи у себя дома, для Тихонова дебют, новые игроки. Случись поражение (а оно, надо сказать, было совсем рядом и случилось бы, не перегори хозяева в заключительном матче, когда сборной СССР для общего успеха обязательно надо было выигрывать с разницей в две шайбы), оно легко списывалось не только на лежавшие на поверхности обстоятельства, но прежде всего на неумение консультанта (Тарасова) оказать квалифицированную помощь Тихонову на первом для него чемпионате мира.

Вымолвленное — «только после Праги» — вполне могло свидетельствовать о желании Тарасова вернуться к активной работе. Но Павлов не собирался возвращать Тарасова ни при каких обстоятельствах. Отказ Тарасова консультировать в Праге Тихонова и Юрзинова полностью Павлова устраивал. Для спортивного руководителя всё складывалось так же удачно, как и в 1972 году. Как и тогда, на чемпионат мира — и тоже в Прагу — отправился новый тренер. Тогда Бобров, сейчас — Тихонов. Как и тогда, поражение можно было объяснить тренерским дебютом. Вот только теперь на Павлова работал и тарасовский отказ.

В ответ на вопрос интервьюеров (вопрос, стоит признать, весьма странный): «Тарасов очень ревновал вас к успехам?», — Тихонов воскликнул: «Еще бы!» и добавил: «Он мечтал вернуться в сборную».

Что с того, если даже и мечтал? Между мечтой и «ревностью к успехам», читай: завистью, нет никакой взаимосвязи. Тарасов критиковал качество игры и результаты, но никогда не желал, чтобы «не его ЦСКА» и «не его сборная» проигрывали чемпионаты СССР, мира и олимпийские турниры.

Тарасов был первым, кто позвонил Тихонову на следующий день после его приезда в Москву. Позвонил в семь утра. Дал рекомендацию — быть с игроками строже. И пообещал при необходимости поддержать.

Дал тогда Тарасов Тихонову и несколько советов — с позиции опытного тренера и человека, хорошо знавшего, как и о чем говорить с игроками. Понятно, что советовал Анатолий Владимирович то, что сказал бы сам. При всем желании Тихонова у него никогда бы это не вышло. Но последовать совету Тарасова он поначалу попытался. Не получилось. «Прежде всего, — говорил Тихонов, — потому что я не Тарасов. И то, что кажется естественным в устах маститого тренера, было, скажем, не совсем подходящим для меня. И хоккеисты мои слова не воспринимали».

Слова, между тем, — серьезный инструмент во взаимоотношениях, лежащих в плоскости «игроки — тренер».

Многие из хоккеистов и годы спустя не воспринимали слова Тихонова. А когда привыкли и стали воспринимать, произошла история, игроков поразившая.

После поражения от американцев на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде в 1980 году Тихонов с глазу на глаз поговорил о случившемся с капитаном сборной Борисом Михайловым. Тренер предложил отнестись к проигрышу — и ему, и команде, — как говорят в таких случаях финны, «на низком профиле» и при неизбежных контактах с прессой придерживаться строго выбранной линии: вместе готовились, вместе проиграли, вместе несем ответственность. Игроки с такой постановкой вопроса согласились и пунктам негласного соглашения следовали. Тихонов же на страницах «Правды» в поражении обвинил игроков, причем пофамильно. Как пишет Леонид Рейзер в книге «Доминанта Виктора Тихонова», Михайлов, авторитетом своим заставивший партнеров в данное Тихоновым в Лейк-Плэсиде обещание поверить, на традиционном банкете в честь победы ЦСКА в чемпионате страны произнес «тост»:

— Я хочу сказать, что вы, Виктор Васильевич, — не мужчина! Когда мы выигрываем, вы превозносите себя. А когда беда произошла, неудача в Лейк-Плэсиде, все шишки полетели на игроков. Вы не сдержали данного вами же слова! И хватит строить из себя первооткрывателя в хоккее — то, что вы преподносите нам как новое, все давно уже известно и апробировано…

Тихонов, рассказывают, расплакался. И неизвестно, что вызвало его слезы — обвинение в том, что он не мужчина, или же призыв много чего повидавшего в хоккее мастера не строить из себя «первооткрывателя», поскольку пользуется он тем, что его предшественниками, прежде всего Тарасовым, давно уже было открыто.

Скорее — второе. «Если тренер, — считал Тарасов, — говорит о слабой игре своих подопечных, то не имеет права утаивать и собственные просчеты».

Тихонов между тем спустя год-другой после назначения в ЦСКА поведал, что его повергла в изумление и уныние «поразительная», как он выразился, «отсталость достаточно, казалось бы, искушенных в игре мастеров в тактической подготовке, их неуважительное отношение к теоретической подготовке». И еще он увидел, что «лидеры хоккея начисто отвыкли от дисциплины».

В чей огород камешки? Если Тихонов имел в виду игроков сборной, значит, «объектами» его наблюдений стали Тарасов, Чернышев, Бобров и Кулагин. Если ЦСКА — то Тарасов или же

Локтев. В любом случае выходило так, что прежде, до прихода Тихонова в ЦСКА и сборную, слабо было поставлено дело с дисциплиной, обучению тактике и никуда не годилась теоретическая подготовка.

Еще до чемпионата мира-77 в Вене, после которого Тихонов заменил в сборной Кулагина, Тарасов, собиравшийся на турнир в Австрию в статусе обозревателя ТАСС, предрекал молодому рижскому тренеру большое будущее и отмечал его преданность хоккею и огромную работоспособность. После проигранного тогда советской командой чемпионата Анатолий Владимирович, обсуждая в Вене с корреспондентом ТАСС Александром Левинсоном кандидатуры возможных преемников Кулагина, назвал Тихонова.

После проигранного командой Тихонова «Кубка Канады» (третье место в 1976 году — Тихонов, не будучи еще главным тренером национальной сборной, вместе с Борисом Майоровым и Робертом Черенковым возил на турнир смешанный состав) Тарасов резко прошелся по «молодому» специалисту (хотя какой же он тогда был молодой? Тихонову шел сорок седьмой год, Тарасов в этом возрасте и чемпионат мира выигрывал, и Олимпийские игры, не говоря уже о чемпионатах страны) в «Комсомольской правде»:

«Считается, что тренер, придя в сборную, должен оставаться “самим собой”, придерживаться стиля, проверенного в своем клубе. Это, на мой взгляд, неверное, упрощенное мнение. В сборной собраны лучшие хоккеисты страны. Они нуждаются в сложных, порой новых тренировочных упражнениях. Перед ними необходимо ставить самые высокие задачи, соответствующие их знаниям, опыту и мастерству. Виктор Тихонов успешно работал с рижским “Динамо”. Но методы эти подходили хоккеистам среднего уровня. Способствовать росту мастерства высококлассного хоккеиста они не могут».

И Тихонов воспринял критику Тарасова (пусть даже и забывшего в полемическом запале, что тренеру не дали возможности взять в Канаду всех ведущих игроков) не как выпад, а скорее как обиду за неудачу советской сборной. Поражения ЦСКА и сборной СССР действительно становились для Тарасова личной обидой. Тарасов был патриотом страны и клуба, в котором прошла его яркая тренерская жизнь.

Еще раньше Виктор Тихонов посчитал, по всей вероятности, что ему завидует Аркадий Чернышев. Они вместе работали в «Динамо». Тихонов, четыре раза подряд становившийся чемпионом СССР (в 1951, 1952 и 1953 с ВВС, а в 1954-м с «Динамо»), был кандидатом на поездку на первую для советского

хоккея Олимпиаду — в Кортина-д'Ампеццо в 1956 году, но в последний момент Чернышев, возглавлявший тогда сборную, предпочел ему Альфреда Кучевского. Но когда Тихонов завершил карьеру игрока, Аркадий Иванович пригласил его в «Динамо» на должность своего помощника. Именно Чернышев, считается, рекомендовал Тихонова в главные тренеры рижского «Динамо». И Тихонов рассказал журналисту Олегу Спасскому, почему, на его взгляд, Чернышев сделал это:

«По долгу службы в сборной Аркадий Иванович часто и на длительные сроки покидал "Динамо", а когда возвращался, приходил в хорошее расположение духа, если без него дела шли плохо. Если же всё было в порядке и команда набирала много очков, он мрачнел и находил поводы распекать своих ассистентов. Я был ближайшим, и он постарался от меня избавиться».

Сын Аркадия Чернышева Борис поведал в интервью пресс-службе хоккейного динамовского клуба, как однажды «отец вернулся домой очень довольный. В это время мы с братом делали уроки, а отец маме на кухне рассказывал о событиях в клубе. "Сегодня, — говорит, — мы в команде собрание провели. Ребята были очень недовольны Тихоновым. У него с игроками конфликт какой-то возник. И вот мы провели собрание, на котором всё разложили по полочкам, разобрали. И игроки, и Тихонов всё поняли". Отец был очень доволен, что разобрался в ситуации и вовремя погасил конфликт. Он умел сглаживать углы».

В сложном характере Тарасова можно много чего обнаружить, но он никогда никому не завидовал. Ему завидовали — да. Завидовали уму, тренерскому таланту, способностям точно определять пути развития хоккея и следовать, несмотря на любые препятствия, выбранным направлением, умению находить будущих звезд, готовить игроков высокого уровня, слаженные звенья и непревзойденные команды. Завидовали его смелости, принципиальности, максимализму, преданности делу. И — писали на него пасквили и доносы.

«Доносы на Тарасова, докладные записки, жалобы шли и в КГБ, и в ЦК бесконечным потоком», — рассказывал в интервью Елене Вайцеховской Александр Яковлев. Историк Михаил Прозуменщиков, автор книги «Большой спорт и большая политика», работавший заместителем директора Российского государственного архива новейшей истории, рассказывал о том, что «в ЦК КПСС регулярно знакомились с информацией (или, точнее сказать, с доносами) на Тарасова: то он излишне резко высказался о проблемах советского спорта; то, недовольный

решением судьи, впервые в истории советского хоккея увел команду с поля, не желая продолжать игру; то в 1971 году на чемпионате мира в Швейцарии не только отказал в интервью некоторым советским газетам, запретив и хоккеистам общаться с журналистами, но и позволил себе ряд грубых высказываний в адрес отдельных средств массовой информации. Особенно были обижены корреспонденты «Правды» и «Известий», привыкшие, что одна принадлежность к этим газетам служит стопроцентной гарантией уважительного к ним отношения».

Глава двадцатая ФУТБОЛЬНЫЙ ОМУТ

О том, что у них будет новый тренер, футболисты ЦСКА узнали одними из последних. Чемпионат 1974 года с тренером Владимиром Агаповым, некогда в армейской команде игравшим, они закончили на 13-м месте (из шестнадцати). О чрезмерной мягкости Агапова знали все. Тренировки он проводил в щадящем режиме. В конце сезона, когда в ЦСКА возникала «пожарная обстановка» и команда встала в таблице на вылет, сказал футболистам: «Вы уж сами решайте, кого ставить в состав».

До прихода на пост старшего тренера Агапов опыта работы в высшей лиге не имел. Он тренировал юношей в группе подготовки, но между командой мастеров и группой подготовки — дистанция, как известно, огромного размера. Коренное омоложение состава руководства футбольной команды ЦСКА начальник спортклуба Иван Табунов объяснял необходимостью поставить во главе коллектива инициативных, энергичных людей, причем своих, армейцев. Ссылался он при этом на хоккейный ЦСКА, которым руководили молодые тренеры — Константин Локтев и Анатолий Фирсов. Но разница между футбольной и хоккейной армейскими командами заключалась в том, что в хоккее молодых специалистов Тарасов готовил постепенно, исподволь.

Удержавшийся в высшей лиге ЦСКА собрался в декабре 1974-го в коммерческую поездку в Сирию. За два дня до вылета в Дамаск игрокам объявили: сбор на базе в Архангельском. Команда на автобусе приехала сначала в комплекс ЦСКА на Ленинградском проспекте. Администратор сказал, что тренера вызывают к руководству, он подъедет позже. И футболисты отправились в Архангельское в отменном настроении: сезон позади, в лиге остались, впереди приятная зарубежная поездка, можно отдохнуть, купить дешевое золото, еще чего-нибудь на продажу. А сейчас на базе «дыр-дыр» — игра на маленькие ворота, потом банька, пивком запаслись. Приехали.

Вдруг из дверей базы выходит Тарасов и говорит: «Так, мальчишки, через пятнадцать минут жду вас на поле — у нас занятие. Я ваш новый главный тренер». У футболистов шоковое состояние. О методах Тарасова были наслышаны. Борис Копейкин, один из лучших форвардов советского футбола, рассказывал: «Жили с хоккеистами на одной базе. Идет наш тренер Валентин Александрович Николаев. Навстречу — Тарасов:

“Валя, гоняй их, сволочей. Кто выживет, с теми и работай”».

Вышли на поле. Построились. Команда: «Побежали по кругу!» Побежали. «Куда бежите?» — «По кругу» — «Вы так уже бегали, по часовой стрелке, и прибежали на тринадцатое место. Давайте-ка против часовой…» Через год, впрочем, выяснилось, что бег против часовой стрелки тоже закончился тринадцатым местом…

Версий появления Тарасова во главе футбольного ЦСКА в 1975 году, как и многих других ситуаций, его касающихся, несколько. Наиболее убедительной представляется рассказанная Валентином Бубукиным. Бубукин, можно сказать, знает ее из первых уст.

Известный советский футболист, победитель первого чемпионата Европы 1960 года (тогда он назывался «Кубок Европы»), весьма успешно занимался тренерской работой. В начале 70-х годов Бубукин наладил дела в симферопольской «Таврии», а летом 1972 года его буквально вынудили принять львовские «Карпаты», стоявшие на вылет из высшей лиги чемпионата Советского Союза. Бубукин отбивался от этого предложения изо всех сил. О его отказе ехать во Львов доложили в обком КПСС. Из обкома — в ЦК компартии Украины. Оттуда в Симферополь поступила телефонограмма: коммунисту Бубукину срочно явиться в ЦК. Бубукин, прежде чем отправиться в Киев, пошел на прием к первому секретарю Симферопольского обкома Николаю Кириченко. Кириченко высказался просто: «Валентин Борисович, не могу ничего сделать. Мне очень не хочется вас отпускать. Но я не могу идти против Щербицкого. Если вы своими силами отобьетесь, мы будем счастливы и рады». Отбиться Бубукину не удалось. Беседовавший с ним один из секретарей ЦК компартии Украины Яков Погребняк был предельно категоричен: «Это — партийное поручение. Вы должны принять команду “Карпаты”. Если команда останется в высшей лиге, орден и медали вам. Если не останется, хлеба на Украине вы не найдете».

«Карпаты» с Бубукиным остались. В середине 1974-го команда по ходу чемпионата попала в первую десятку, но после этого началось невообразимое. Второй секретарь Львовского обкома партии Анатолий Падолко, страстный болельщик, принялся директивно указывать Бубукину, кого следует ставить в состав. А со стороны в адрес тренера стали поступать анонимные письма с прямыми угрозами: «Убьем. Шутить не любим. Москаль, убирайся». Это, стоит напомнить, в первой половине 70-х годов XX века… Бубукин вынужден был уехать из Львова.

В Москве Бубукин соседствовал с Тарасовым. Жили они в одном доме, только в разных подъездах. При встречах ограничивались приветствиями и дежурным вопросом «Как

дела?»

Встреча же накануне Нового, 1975 года оказалась для Бубукина судьбоносной. Потому что на двадцать следующих после той встречи лет Тарасов, как говорил потом Бубукин, стал для него «отцом, наставником и просто близким другом».

Тарасов привычно осведомился: «Как дела?» — И продолжил: «По работе не скучаешь?» — «Да нет, Анатолий Владимирович, — ответил Бубукин. — Всё нормально. В семью приехал, хоть немного отдохну». — «А я хочу с тобой поговорить, — сказал Тарасов. — Зайди ко мне завтра часов в семь». Бубукин вслух принялся прикидывать: «В три у меня встреча, в четыре я должен…» Тарасов перебил: «Какая встреча? В семь утра!»

«Валентин, — сказал Тарасов Бубукину, появившемуся на пороге тарасовской квартиры ровно в семь, — меня назначили старшим тренером футбольной команды ЦСКА. Хочу предложить тебе пост помощника. Это ни в коем случае не означает, что ты будешь таскать мячи и расставлять на поле фишки, как у вас в футболе положено второму тренеру. Для мячей и фишек есть администратор. Предлагаю творчество. Работать будем вдвоем».

«Почему вдвоем? — удивился Бубукин. — Должны же быть начальник команды, старший тренер, его помощник, тренер дубля».

«Дело вот в чем, — ответил Тарасов, и сказанное им Бубукин признал мудрым. — Когда много людей, не знаешь, кто кого предал. То ли первый, то ли второй, а может быть, третий… Каждое лишнее лицо — источник предательства. А так мы вдвоем. Я — начальник и старший тренер, и ты — тренер основы и дубля». И засмеялся: «Будем знать, кто кого предал».

Бубукин, попросивший у Тарасова сутки на размышление, знал, что руководство предложило Тарасову внушительный список потенциальных помощников, в который, в числе прочих, входили такие уважаемые в футбольных кругах люди, как Алексей Гринин, Анатолий Башашкин, Альберт Шестернев… Но Тарасов назвал Бубукина. И потом объяснил, почему именно его: «Я в душах хорошо разбираюсь. Если человек смотрит в глаза, значит, этот человек честный и порядочный. Если глаза отвел, ты меня с этим человеком лучше не знакомь. Он — прохиндей».

Объяснение это, понятно, не имело никакого касательства к человеческим качествам Гринина, Башашкина или Шестернева. С ними Тарасов на предмет возможного сотрудничества и не встречался. Просто он решил остановиться на своей кандидатуре — соседа с безупречной футбольной и человеческой репутацией.

Бубукину потом, по всей вероятности, Тарасов и поведал историю своего назначения в футбольный ЦСКА. В изложении

Валентина Борисовича выглядит она так.

Отстраненный от хоккейных дел Тарасов продолжал поддерживать отношения с министром обороны Андреем Гречко. В свое время он с ним даже поигрывал в теннис. На теннисе маршал был помешан. Не только, впрочем, на теннисе. Вообще на физической подготовке. Он издал распоряжение, согласно которому офицеры Министерства обороны и Генерального штаба, в том числе генералы (и во всех военных округах тоже), ежедневно с шести утра занимались физической подготовкой на спортивных сооружениях ЦСКА на Ленинградском проспекте — в волейбольном зале, в бассейне, на корте. Рассказывают, что к этому решению Гречко пришел после охоты на Красной Поляне в Сочи. Маршалу не понравилось, что за подстреленной дичью бегают адъютанты. Гречко приказал: кто подстрелил, тот пусть и приносит добычу. Генералы стали специально промахиваться, чтобы не ползать по снегу. Тогда-то Гречко и пришла в голову идея об утренних занятиях.

На прием к министру обороны, к тому же члену Политбюро ЦК КПСС попасть было практически невозможно. Тренеры армейских команд нашли самый эффективный вариант встреч с министром, на которых решали проблемы своих клубов: Юрий Чесноков — волейбольного, Александр Гомельский — баскетбольного, Анатолий Тарасов — хоккейного. Они появлялись на кортах ЦСКА в те часы, когда туда на полтора-два часа в понедельник, среду и пятницу приезжал Гречко. С тренерами маршал выходил на площадку редко, в основном с выступавшими в роли спарринг-партнеров теннисистами из спортивной роты клуба, которым, чтобы не портить министру настроение перед напряженным рабочим днем, категорически запрещалось играть в полную силу.

Общеизвестно особое отношение Гречко к футболу. Однажды в день повторного матча за звание чемпиона СССР ЦСКА — «Динамо» в 1970 году, проходившего в Ташкенте, министр обороны возвращался из Швеции. По его просьбе летчики сумели найти радиоволну с репортажем об игре и запустили его по громкой связи. Таким, каким он стал при счете 3:1 в пользу «Динамо», прежде Гречко никто не видел. Он распорядился выключить репортаж, ушел в себя, ни с кем до прилета в Москву не разговаривал и приехал домой в ужасном настроении. А дома его встретили весело щебечущие внучки: «Деда! Наши сегодня у “Динамо” выиграли!» И когда Гречко рассказали в деталях о том, что происходило в Ташкенте, он буквально запрыгал в хороводе вместе с девочками.

«Андрей Антонович был футбольным фанатом в хорошем

смысле этого слова, — вспоминал знаменитый футболист армейской «команды лейтенантов» Юрий Нырков. — В ЦСКА души не чаял. Помню, когда после войны мы приезжали играть в Киев, где Гречко был командующим военным округом, он всегда нас встречал и принимал у себя. Ходил на наши матчи. А перебравшись в Москву, внимания ЦСКА стал уделять еще больше. Сколько же хорошего он сделал для клуба!»

На корте Гречко и решил однажды посоветоваться относительно кандидатуры старшего тренера футбольного ЦСКА. Назвал фамилию Боброва. Тарасов, по словам Бубукина, ответил, что не считает Всеволода Михайловича большим футбольным тренером. Он прекрасный игрок, выдающийся хоккеист и футболист, каких сто лет еще не будет, но — не тренер. Гречко бросил: «А мне некого больше назначать. Тогда давай бери сам». — «А что? И возьму», — ответил, согласно этой версии, Тарасов.

Нина Григорьевна пыталась отговорить мужа от затеи с футболом. Но понимала, что сделать это невозможно. «Это Гомельский его подбил, — говорила она спустя годы журналисту Юрию Голышаку. — Бери, мол, ты осилишь, у тебя мысли, опыт… Я Саше выговор потом сделала». И Нина Григорьевна, как показали события, была права.

Согласно еще одной версии появления Тарасова в футбольном ЦСКА, маршал Гречко устроил «кастинг». Сначала он вызвал на собеседование Боброва и спросил: «Какое место займете, если мы вас назначим?» Бобров ответил: «Постараемся войти в пятерку». Тарасов же, даже не дожидаясь вопроса министра, якобы отчеканил: «Будем чемпионами!» И добавил: «Только дайте право на призыв».

Но Тарасов — и знавшие его люди всегда это подтверждают — никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах, даже самых благоприятных, не давал бездумных обещаний. Хорошо зная внутреннюю жизнь спорта вообще и хоккея в частности, он понимал, что любая случайность может повлиять на результат, как к матчу или турниру ни готовься. Тяжелый тренировочный труд, осознавал Тарасов, не является полной гарантией успеха, он лишь больше к нему приближает, нежели работа, выполненная абы как, для галочки. Тарасов помнил, конечно, о том, что после ухода из армейского клуба Бориса Аркадьева ЦСКА лишь один раз становился чемпионом, несмотря на все усилия сменявших друг друга тренеров. «Я далек о того, — говорил он, — чтобы давать заверения, что сейчас, с моим приходом, немедленно возродится “золотой век» команды. Но остаться в стороне от проблемы, глубоко волнующей армейскую и спортивную общественность, посчитал себя не вправе. Поэтому и взялся за

решение задачи, трудность которой отчетливо себе представляю».

Что двигало Тарасовым? Уверенность в своих силах и возможностях? Стремление доказать, что и в футболе он может добиться высоких результатов?

Назначение Тарасова в футбольный ЦСКА стало безусловной сенсацией. Только о ней и говорили. Николай Петрович Старостин изрек: «Не дай бог, у Тольки что-нибудь получится в футболе. Нас всех тогда за Можай загонят. За то, что шли не по той линии».

По свидетельству Бубукина, в их отношениях с Тарасовым «ощущалась поначалу какая-то отчужденность». Никто и никогда так к нему не придирался, как Тарасов в первые месяцы. Он шпынял одного из самых добросовестных в советском футболе по отношению к делу специалистов почем зря. Причем по пустякам: «Валентин, вы заискивающим тоном говорите с игроками. Надо строже: товарищ Федотов, товарищ Копейкин, товарищ Капличный!» Или: «Почему вы мне не доложили, что Капличный лег спать в половине двенадцатого, хотя должен в одиннадцать. Вы должны были сделать обход. Вы не сделали этого…»

Бубукин рассчитывал на совершенно иной уровень взаимодействия, на большее взаимопонимание. Только собрался поговорить на эту тему с Тарасовым, объясниться, наконец, как ему позвонил Анатолий Владимирович, назначил встречу у гостиничного комплекса ЦСКА, привел в ресторан, где уже был накрыт столик на двоих, и после первой рюмки поведал Бубукину:

«Валентин, я сделал вывод, что мы можем с тобой в паре работать. И дружить можем и работать. Контрольный срок завершен. Так что ты меня уж извини за то, что я так к тебе относился, требовал постоянно. Пойми меня правильно. У меня был хороший друг. Его за пьянку разжаловали. Я пришел к нему и сказал, что похлопочу, верну звание, верну всё. Только дай слово, что заканчиваешь пить. Потому что иначе ты потерянный человек. Он мне говорит: Анатолий, всё! Я твой до гробовой доски… А через некоторое время меня приглашает к себе мой хороший товарищ, завотделом ЦК партии, и дает почитать пасквиль. Друг мой, мною спасенный, написал не анонимку, а от своего лица: Тарасов нарушает режим и вообще ведет себя не так, как подобает советскому тренеру. Спас, по существу, человека, всё сделал — и такой нож в спину. Так что я без испытания теперь не могу. Сейчас я вижу, что у нас с тобой иная картина».

Именно с этого дня, по мнению Бубукина, они с Тарасовым стали близкими друзьями. «Он, что называется, “пустил меня в душу”, — вспоминал Бубукин. — И там, в душе, оказался очень

близким и искренним человеком, с тонким, кстати, чувством юмора. Даже много лет спустя, когда ему бывало плохо, он звонил с дачи, просил мою Зою к телефону: “Зой, Вальку с ночевкой отпустишь? Настроение плохое, баньку натопил”. Она: пускай едет. Я ему: “Анатолий Владимирович, что с собой взять?” — “Да ничего, вроде, не надо. Возьми только водку, закуску, баб — остальное всё есть”. Парились. И наговориться не могли».

Неизвестно, постукивали ли на Тарасова футбольные люди, с которыми ему пришлось столкнуться в 1975 году в команде, в клубе, в станах соперников. А вот в хоккее наушничество процветало. «Тарасова, — рассказывал в интервью обозревателю газеты «Спорт-экспресс» Елене Вайцеховской Александр Николаевич Яковлев, занимавший с 1965 по 1973 год пост первого заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, вообще боялись, в том числе и в КГБ. Суровый был человек, и к тому же, в отличие от Чернышева, никогда не выбирал дипломатических выражений. Кстати, на самого Тарасова доносы, докладные записки, жалобы шли и в КГБ, и в ЦК бесконечным потоком. Мы досконально знали, сколько килограммов таскают на себе за тренировку игроки, как “издевается” над ними Тарасов. Его многие не любили. Но уважали все без исключения».

Выражение «тарасовский призыв» моментально прижилось в советском футбольном сообществе. О «списках Тарасова», в которых, в зависимости от степени страха перед предстоявшей «футбольной мобилизацией», фигурировали цифры в 20, 40, а то и 90 игроков, якобы подлежавших призыву в ЦСКА, судачили на каждом футбольном перекрестке.

В ЦСКА призывали до Тарасова и после Тарасова. (И не только в ЦСКА, кстати, — в другие армейские и динамовские команды страны тоже; «Динамо», правда, имело право «второй ночи».) Историй на эту тему немало.

Когда сборная СССР прилетела в 1974 году в Шереметьево откуда-то из-за границы, полузащитника донецкого «Шахтера» Анатолия Конькова встречал усиленный воинский наряд, но футболисту, прознавшему о том, кто его и с какой целью встречает, удалось с помощью носильщиков, разместивших за небольшую мзду игрока в тележке под сумками, незамеченным покинуть зал прилета, а потом обмануть преследователей и отправиться домой не поездом или самолетом (всё было под контролем военных патрулей), а на нанятом за приличные деньги автомобиле — сначала до Ростова, а потом в Донецк, где он благополучно пополнил ряды войск МВД и спустя некоторое время очутился в киевском «Динамо». История получила огласку. Из Министерства обороны поступило распоряжение наказать

виновных, и не выдержало сердце несчастного руководителя спортклуба ЦСКА полковника Леонида Нерушенко.

При Тарасове «призывниками» стали Юрий Чесноков («Локомотив»), Сергей Ольшанский («Спартак») и Вадим Никонов («Торпедо»).

Чесноков после турне молодежной сборной страны по Сингапуру и Индонезии вернулся в Москву, где его, дабы не украли представители «Спартака», «Динамо» и «Торпедо», на аэродроме, прямо у трапа, на «Волге», встречал начальник Московской железной дороги. На шоссе «Волгу» «подрезал» автомобиль с армейским нарядом. Вышедший из «уазика» офицер сообщил начальнику дороги, что в его машине скрывается призывник Чесноков, вручил игроку повестку и заставил пересесть в свой лимузин.

Умные люди посоветовали Ольшанскому учиться в институте так, чтобы, задерживаясь на каждом курсе по два года, избежать призыва. Не помогло. 25 мая 1975 года он сыграл в составе олимпийской сборной, а 28 мая, в день 27-летия, за ним приехал наряд из военкомата (и это при том, что после двадцати семи лет в Советском Союзе в армию не призывали). Ольшанский стал жертвой распрей между партийными чиновниками высокого ранга, болевшими за «Спартак», и военными. Партийные настаивали на том, чтобы спартаковского капитана в армию не призывали — всё равно, дескать, будет не служить, а играть за ЦСКА. Военные закусили удила: призовем и будет служить. Так и сделали. Служил Ольшанский на Камчатке. Журналисту Денису Романцову он рассказывал, что когда его привезли туда, офицеры глазам своим не поверили. «Мы же тебя видели три дня назад — за сборную играл. Ты, на верное, убил кого-то и тебя спрятали сюда, чтобы не сажать». Посмеялись. Спустя время, правда, Ольшанский стал играть в хабаровском СКА, но в ЦСКА оказался только после того, как там перестал работать Тарасов.

Никонова, прятавшегося от военно-милицейских нарядов по квартирам (в том числе и у своего давнего друга Валерия Харламова), «забрили» за месяц до 27-летия. И он, как Ольшанский, долгое время не играл — служил в Чебаркуле — там, где в свое время играл в хоккей его друг. Никонову и Харламов хотел помочь, и Фирсов — бесполезно. Ольшанского и Никонова сделали «примером принципиальности» военных, на которых профсоюзные команды жаловались в высокие партийные инстанции: дескать, обирают, ослабляют в угоду ЦСКА, где наших футболистов вместо службы используют в качестве игроков.

Так что из мифического «тарасовского призыва» в ЦСКА заиграл один Чесноков. Утверждения, будто Тарасов специально

загнал Ольшанского и Никонова в дальние края, чтобы, во-первых, ослабить конкурентов, а во-вторых, заставить футболистов на коленях проситься в ЦСКА, критики не выдерживают. Тарасов прекрасно осознавал силу обоих игроков и понимал, что они могут заметно усилить его команду. Но даже Тарасов в сложившейся тогда ситуации ничего не мог поделать. Никонова удалось «выдернуть» из Чебаркуля только в конце года. Тарасов предложил ему подписать рапорт на офицерское звание. Никонов отказался и в 1977 году из армии демобилизовался. Ольшанский же стал офицером и дослужился до звания полковника.

Соскучившийся по живому делу, Тарасов взялся за работу с места в карьер, рьяно. Он с первых дней попытался привнести в футбол хоккейные наработки, хотя и говорил при этом, что «прямого, механического перенесения приемов тренировки быть не должно, а моя первая задача — научить армейских футболистов правильно тренироваться, терпеливо трудиться».

Например, в начале подготовительного периода, когда занятия проходили в зале, Тарасов решил разбить помещение на восемь точек — «станций», как он эти точки привык называть, работая с хоккеистами. О принципах «станционной» работы Тарасов рассказывал Бубукину еще до того, как тот принял предложение трудиться вместе. «На этой “станции” футболисты будут кувыркаться, — показывал Тарасов Бубукину разрисованную им цветными карандашами бумажную простыню. — Вот тут они будут делать рывки, вот здесь — лазанье по канату, в этой точке — работа с железом, потом — серия прыжков…»

Бубукин тщетно пытался объяснить Тарасову, что зал небольшой, всего 35 на 40 метров, что в футболе сегодняшнем такие тренировки проводить не принято. Бесполезная трата времени! Загоревшийся предстоящей работой, Тарасов и слова толком вымолвить не позволил. «А в том-то и дело, Валентин, — продолжал он гнуть свою «станционно-хоккейную» линию, — что у вас в футболе такого не было. Через сорок пять минут тренировки все будут в мыле. Идет энергия, заряд, темповая работа. И на практике после такой работы организм очень быстро восстанавливается. Устают игроки не от того, что много работают, а от того, что неинтересно. При тягучей работе не восстанавливаются. Психологически устают. А когда такой темп задан, как при “станционных” занятиях, то и подумать некогда: интересно или неинтересно…»

Относительно выгоды, получаемой организмом спортсмена (не важно, хоккеиста или футболиста, волейболиста или

баскетболиста) при интенсивной тренировочной работе, Тарасов был, бесспорно, прав. Но сразу проявилось незнание им основных требований к тренировочной работе с футболистами. У футбола своя специфика, отличающая его от других видов спорта. В футболе же Тарасов давно не работал. Со временем почти кардинально изменились формы и методы занятий с футболистами, подходы к тренировочной работе с ними. Советоваться с кем-либо, кроме Товаровского, по части грамотного методического обеспечения футбольных тренировок Тарасов не желал. Но Товаровский, к сожалению для Анатолия Владимировича, к тому времени из жизни ушел. Никто иной в авторитетах у Тарасова не значился.

Он практически исключил из режима тренировочных занятий такой важнейший для футбола аспект, как работа над скоростной выносливостью. По свидетельству Бубукина, имевшего солидный опыт работы с футболистами и превосходно осведомленного о том, как тренируются в других командах, в частности в киевском «Динамо» — флагмане не только советского, но и европейского футбола той поры, Тарасов «механически перенес свои хоккейные принципы на футбол, не понимая того, что хоккей предъявляет к физической подготовке совершенно иные требования».

Футболисты ЦСКА быстро узнали, как тренировались при Тарасове их хоккейные одноклубники. До этого они только слышали рассказы о предлагаемых тренером нагрузках. Один игрок садился другому на закорки, Тарасов давал верхнему блин от штанги и отправлял пару в путь — на горку. Блин нельзя было держать в руках просто так. Тарасов требовал, чтобы игрок во время движения совершал руками с блином круговые вращения. Бубукин со смехом вспоминал, как Владимир Федотов «гарцевал» на своем тезке Капличном и с опаской, чтобы не попасть по голове партнеру, вращал блином, а Капличный то и дело со страхом втягивал голову в плечи. Игроки веселились, но к футболу это знаменитое тарасовское хоккейное упражнение, придуманное для того, чтобы подготовить игроков к жесткой силовой борьбе у бортов площадки, не имело никакого отношения. Футбольные качества оно не развивало.

Тарасов даже в Сирию на ознакомительный сбор команды в декабре 1974 года заставил персонал взять с собой блины от штанги и свинцовые пояса — в аэропорту стрелку весов зашкалило, когда провожавшие ЦСКА солдаты поставили хоккейный баул с «железом» на весы.

Футболисты между тем роптали, но упражнения под бдительным оком тренера старались выполнять полностью. Опытные игроки, правда, хитрили. Тарасов, когда ему не

нравилось, как выполняли его задание, заставлял кувыркаться. Молодые из кожи вон лезли, а опытные сообразили: лучше несколько раз кувырнуться, чем выкладываться по полной. Кувырки Тарасов привлек из хоккейного прошлого. Хоккеисты — в полном обмундировании, на коньках — кувыркались у него постоянно. Бесконечные падения во время хоккейных матчей заставляли быстро вставать на лед, и каскады тренировочных кувырков помогали делать это в игре мгновенно. В футбольных же занятиях они становились всего лишь формой наказания за нерадивость.

Армейские хоккеисты, сталкивавшиеся с одноклубниками на базе в Архангельском, посмеивались. Виктор Кузькин справлялся у Копейкина, как дела. «Жуть! — отвечал тот. — Как с ним работать?» — «Смотри на меня! Я с ним двенадцать лет отработал. И живой».

Копейкина однажды Тарасов с тренировки выгнал. Играли на занятии «пять на пять»: каждый своего соперника должен был опекать персонально и перехватывать адресованный ему мяч. Если не перехватил — три кувырка. Копейкину кувыркаться надоело, и он сказал Бубукину: «С меня хватит!» Тарасов увидел: «Чего он стоит?» «Не хочет кувыркаться», — объяснил ситуацию Бубукин. «Тогда, — приказал Тарасов, — кувыркайся сам, если не можешь заставить». И выгнал Копейкина с занятия.

Инцидент имел последствия. Дело в том, что на следующий день Копейкина должны были принимать в ряды КПСС в «большом ЦСКА». На руках у него, как и полагалось, были три рекомендации, одна из них — от Тарасова. «Так он ее разорвал! — вспоминал про Тарасова Копейкин. — Хорошо, Володька Федотов успел написать новую. Поехали на партсобрание. Встал Бубукин: “Парень ничего. Вот только вчера с тренировки выгнали”. Встал Гомельский: “Как можно таких в партию принимать?!” Голосование. Все — за, один Гомельский против. Он приятель Тарасова, и тот наверняка сказал: давай, мол, пропесочь его. Вечером перед тренировкой построение. Тарасов поздравил, но добавил: “Повезло тебе, что меня там не было. Я бы там сказал…”».Тем не менее Копейкин, подумывавший в сезоне-74 о завершении карьеры, говорил, что «особенно остро ощутил перемены» с приходом Тарасова. «Мы знали Анатолия Владимировича как тренера с огромным опытом и авторитетом, — рассказывал Копейкин в июне 1975 года. — Поэтому его слова о том, что нам, армейцам, не к лицу быть аутсайдерами, что мы в силах резко изменить существующее положение, были восприняты с большим энтузиазмом. Что греха таить, многие из нас в последнее время разуверились в своих возможностях.

Увидев перед собой ясную цель, большинство игроков нашей команды не пасовало ни перед какими тренировочными нагрузками. А нагрузок, которые выпали на нашу долю, ни я, ни кто-либо из моих партнеров не испытывал за свою жизнь».

Интерес к тренировкам под управлением Тарасова был огромный. На трибунах старенького стадиона ЦСКА на занятиях рассаживалось по три-четыре тысячи зрителей. Они получали удовольствие от спектаклей.

Иногда Тарасов проводил занятия на поле ходынского аэродрома. Одна из таких тренировок состоялась 5 мая. Она началась в 11.00 и, как объявил команде Тарасов, была рассчитана на час. Футболисты углубились метров на сто на территорию аэродрома. По кромке аэродромного поля совершал пробежки травмированный защитник Никита Высоких. Находившийся рядом журналист Сергей Шмитько увидел, как к Высоких подошел офицер аэродромной службы и попросил его сбегать к Тарасову — сейчас, мол, начнутся тренировочные полеты и начальство просит освободить поле аэродрома. Высоких улыбнувшись, потрусил к Тарасову, который, широко расставив ноги, сидел на земле среди своих игроков и что-то им объяснял. Поговорив с Тарасовым, Высоких так же неторопливо потрусил обратно и передал офицеру ответ Тарасова. «Пусть впредь аэродромное начальство расписание своих полетов согласовывает со мной, а сейчас отменить тренировку я категорически не могу».

Когда нагрузки становились невыносимыми — до головокружения и рвоты, что в общем-то при серьезной подготовительной работе не должно удивлять, — футболисты стали высказывать Тарасову свое недовольство. Нападающий Юрий Чесноков однажды прямо сказал тренеру, что футбол и хоккей — разные виды спорта, а потому и тренировочные методики должны разниться. Произошло это на собрании команды. Анатолий Владимирович внимательно и спокойно выслушал игрока, потом подвел его к большой, во всю стену, карте Советского Союза, дал указку и попросил найти населенный пункт под названием Кушка. Чесноков обнаружил его на юге Туркмении, ткнул указкой.

«Вот, — сказал Тарасов. — Это самая южная точка нашей страны В Средней Азии. И вы, лейтенант Чесноков, ваши партнеры по команде должны помнить, что и в Кушке есть военный гарнизон». «Меньше взвода, — шутили тогда в армии, — не дадут, дальше Кушки не сошлют».

Только вратарь хоккейного ЦДКА 50-х годов Юрий Овчуков мог, наверное, похвастаться тем, что ему удалось заставить тренера признать правоту игрока. ЦДКА проводил тогда

тренировочный сбор в Польше. Работники катка экономили электроэнергию. На льду было темновато. Овчуков пропустил легкую шайбу. Тарасов стал ему при всех выговаривать. Овчуков сослался на слабое освещение. «Нет, — сказал Тарасов, всё было отлично видно, и бабочку ты запустил». Тогда Овчуков отправился в раздевалку и вернулся на лед с партийным билетом, неизвестно зачем взятым им в зарубежную поездку. «Партбилетом клянусь, — сказал он Тарасову, — что было темно». И Тарасов, к удивлению всей команды, согласился с таким аргументом: «Да, было темно. Темнота помешала тебе поймать шайбу».

Историй, связанных с погружением Тарасова в футбольный омут, сохранилось немало.

В первый же подготовительный к сезону тренировочный цикл Тарасов отправил Бубукина на аэродром на Ходынском поле — подыскать место для тренировок на земле. Аэродромное поле полностью завалено снегом — по колено, а то и выше. Бубукин с трудом передвигался по сугробам, пока не обнаружил относительно пригодный для занятий клочок земли. Обрадовался. Появляется Тарасов вместе с командой: «Молодой человек! Легкой жизни ищете? У нас так дело не пойдет. И мальчишек вот этих прекрасных хотите приучить к легкой жизни. Мальчишки, за мной! — И попер, как бульдозер, грудью разрезая снег. Кричит: — Мальчишки! Вот здорово! Красные против синих. Начали! Где мяч? Пошли, покатили! Мяч застревает? Тяжело лазить? Очень хорошо. Взяли мяч в руки. В гандбол будем играть». Все падают, бросаются, чехарда, вспоминал Бубукин, гандбол на снегу. Тарасов кричит: «Начали кувырки!» Бубукин на всякий случай принялся считать игроков. Одного нет. Пригляделся: нет Уткина. У него, когда он кувырок делал, вестибулярный аппарат не сработал: голова и туловище в снегу застряли, только ноги наверху.

Или приехал ЦСКА на игру в Болгарию. Команде предоставили для тренировок поле центрального стадиона. «Правда, оно сейчас, — сказали, — на реконструкции, но после нее поле будет классное: новая дренажная система, газон иностранный. Пока же только шлак и мелкая галька». Все обомлели. А Тарасов увидел и — восторженно: «Мальчишки! У нас “Уэмбли!” Смотрите, какая ширина. Трава зеленая… Будет. Ну-ка, начали! По кувырочку сделали и понеслись!..»

В Иране, где ЦСКА находился по линии Министерства обороны, Тарасов дал Бубукину задание: «Возьми мальчишек, займись с ними немножечко акробатикой, атлетизмом. Вон там, на лужайке в скверике». А в скверике — время подошло — расстелили коврики, началась мусульманская молитва. Бубукин к

Тарасову. Тот спокойно: «Все нормально. Я с местной полицией договорился. Они не тронут».

Принимали тогда в Иране команду на высшем уровне: встреча с министром, поездка к садам Семирамиды, посещение яхты бывшего короля… Как-то Тарасов уличил местных поваров в том, что они молоко разбавляют кипяченой водой. «Еды мало даете команде! Зажимаете? Буду вынужден обратиться к вашему министру». Поваров, вспоминал Бубукин, едва кондрашка не хватила. С той минуты с питанием команды было — лучше некуда. Повара специально приглашали Тарасова посмотреть, как они готовят, — на всякий случай.

Первым смотром тарасовских футбольных сил стал традиционный в те годы московский турнир по мини-футболу, проходивший в лужниковском Дворце спорта с 26 по 29 января. Кроме пяти московских команд, играла сборная Софии. Имя Тарасова стало одной из существенных приманок для публики. Трибуны на матчи с участием ЦСКА заполнялись полностью. Тарасов у бортика арены Лужников, знакомой ему до сантиметра, чувствовал себя превосходно. Для начала ЦСКА обыграл «Динамо» (4:3), потом разгромил болгарскую команду (7:2). Но в финале был сам разгромлен «Локомотивом» (1:5). Тренер железнодорожников Игорь Волчок какое-то время играл в хоккей. Однажды юного вратаря почти на месяц из молодежной команды ЦДСА привлекали к тренировкам с основным составом. Тарасов его не запомнил, потому что Волчок в хоккее не задержался, а предпочел футбол. После финального матча турнира Тарасов поинтересовался у Игоря Семеновича не играл ли он в хоккей — настолько хоккейными были приемы, с помощью которых тренер «Локомотива» управлял игрой. Тогда-то Волчок и напомнил Тарасову о своем вратарском прошлом.

Перед началом сезона команда отправилась на товарищеские матчи в Венгрию. В одной из встреч местная публика впервые увидела, как во время игры тренировался вратарь. А произошло вот что. ЦСКА имел неоспоримое преимущество, «запер» соперника на его половине поля. Армейскому вратарю Владимиру Астаповскому только и оставалось наблюдать за проходившей вдали от него игрой, задумчиво ковыряя бутсой в газоне. Бросив на него взгляд, Тарасов обратился к Бубукину: «Слушай, Валь, а он-то чего без дела стоит? Сходи-ка нему, объясни, чем он должен заниматься». Через минуту Астаповский принялся выполнять упражнение за упражнением.

В другом венгерском матче, проходившем в рамках международного турнира, ЦСКА на глазах заполнивших трибуны «Непштадиона» зрителей принялся разносить «по кочкам» их

любимцев из «Гонведа». Публика принялась подначивать своих обидными фразами, и при счете 0:2 венгерские футболисты начали армейцев без стеснения бить. Тарасов пошел к бровке поля. Сидевший рядом с Бубукиным дипломат из советского посольства испуганно сказал: «Валентин Борисович, остановите Тарасова. Народ свистит. Будет скандал». Бубукин в ответ: «Хотите остановить? Идите попробуйте. Вы Тарасова не знаете. Его Брежнев в 69-м с трудом в Лужниках остановил». А Тарасов, не обращая внимания на свист, крики и дудки, подозвал капитана команды Капличного: «Капитан Капличный! Слушай приказ полковника Тарасова. Мочить их по всему полю. И никаких вопросов. За желтые и красные карточки отвечает полковник Тарасов. Идите выполнять». Минут через пять венгры получили от армейцев по полной — в соответствии с поступившим приказом. Тарасов терпеть не мог, когда по отношению к его «мальчишкам» проявлялась несправедливость, всегда их защищал — как в хоккее, так и в футболе.

Татьяна Анатольевна Тарасова, выдающийся тренер по фигурному катанию, — вся в отца. Однажды за лужниковскими кулисами она подралась, защищая своих учеников. По-настоящему! Ударила «очень большого начальника» из мира фигурного катания, когда ее пару, Бестемьянову и Букина, засудили и незаслуженно поставили на второе место.

Очень важным для себя и для своей команды видел Тарасов матч 1 июня в Киеве с «Динамо». Динамовцы полмесяца назад привезли в Советский Союз — впервые в истории отечественного футбола — европейский Кубок кубков, в составе сборной СССР провели великолепный по качеству отборочный матч чемпионата Европы и уверенно лидировали в первенстве страны. Успех в матче с такой командой, а успехом, безусловно, стала бы и ничья, мог окрылить ЦСКА, к моменту встречи занимавший место в середине таблицы.

Встретившись перед игрой в уютном внутреннем дворике киевского стадиона с Валерием Лобановским и Олегом Базилевичем, Тарасов поздравил тренеров «Динамо» с победой в Кубке кубков и, хитро улыбнувшись, сказал: «А ведь мы с вами сегодня посоревнуемся!..» Лобановский, наслышанный, как и все в футбольном мире, о тренировках Тарасова, поблагодарил за поздравление и, продолжая держать крепкую руку Тарасова, весело сказал: «Не сомневаемся, Анатолий Владимирович, в превосходстве вашей команды, но только в том случае, если бы мы соревновались в разгрузке вагонов». Тарасов в ответ расхохотался.

ЦСКА попал на киевское «Динамо», как говорят в таких

случаях футболисты, «не вовремя». Динамовцы перед игрой с армейцами впервые в сезоне получили шесть дней передышки. До этого они почти постоянно выходили на поле по два раза в неделю. К тому же это был первый домашний матч после выигрыша Кубка кубков. Чествовать своих пришли 70 тысяч зрителей. На их глазах киевляне разгромили ЦСКА 3:0, нанеся 30 ударов по воротам соперника. Армейцы еще легко отделались: Астаповский отбил несколько исключительно трудных мячей.

Тарасов не был бы Тарасовым, если бы после этого матча не задумался о направлении, по которому идет его ЦСКА. Он по-иному стал относиться к попыткам Бубукина разобраться в вопросах методологии тренировочной работы футболистов, в тактике футбольной игры, не имеющей ничего общего с игрой хоккейной. На тренировках в двусторонних матчах Тарасов запрещал отдавать мяч назад. Только вперед. Это не только выхолащивало игру ЦСКА, но и закрепляло у футболистов навыки, мешавшие им варьировать тактику во время матчей, менять игровой ритм.

Бубукин пытался объяснить Тарасову, что в футбольном ЦСКА у него и в помине нет такого выбора исполнителей, какой был в ЦСКА хоккейном. Там Тарасову было досконально знакомо всё: от старенького («пора бы заменить») станочка для точки коньков до возникшей у игрока семейной неурядицы («пора бы попросить женсовет деликатно помочь молодой паре»). В хоккейном ЦСКА практически каждого игрока Тарасов с полным правом мог назвать «творением рук своих»: звездами они стали под его, тарасовской, рукой — жесткой, порой жестокой и ненавистной, но в то же время справедливой, в равной степени требовательной ко всем без исключения хоккеистам. И к себе — все это видели — тоже. В первую очередь.

В футболе в распоряжении Тарасова таких исполнителей не было. Они, возможно, и появились бы, но только в том случае, если бы Тарасову предоставили неограниченное время для создания *его* футбольной команды. Но на это ни в ЦСКА, ни в Министерстве обороны пойти не могли. «Если бы он задержался в ЦСКА больше чем на год, — считал Владимир Федотов, — у него бы получилось. Тарасов такой настырный! Всё читал, анализировал. Он постоянно заставлял думать. При нем в ЦСКА я стал играющим тренером. Тарасов просил: “Вовка, напиши десять вариантов розыгрыша угловых”. Пять с трудом наскреб. Тарасов не отстает: “Сказано десять — значит, десять. Думай!” Только футбольных знаний ему не хватало. Слишком много внимания уделял атлетизму».

Интенсивная перестройка игры, затеянная в ЦСКА Тарасовым,

требовала и психологической перестройки футболистов, и — Владимир Федотов прав — времени.

Вот ведь переплетение судеб! С отцом Владимира Федотова — Гриней, как называл Тарасов Григория Ивановича, Анатолий Владимирович играл на пустырях под Глуховом, а потом тренировался и играл вместе в великом ЦДСА. Володю и дочь свою Татьяну гонял по утрам на зарядке во дворе дома на Соколе. При Тарасове Владимир Григорьевич начал постепенно переходить с игроцкой ступеньки на тренерскую. И стал со временем классным специалистом.

Всем, кто видел тренировки и контрольные матчи ЦСКА весной в Кудепсте и Сочи, бросалось в глаза, насколько круто изменили игроки отношение к делу в сравнении с недавним прошлым. «Серьезность намерений тренеров и футболистов не вызывала сомнений, — отмечал обозреватель еженедельника «Футбол-хоккей» Олег Кучеренко. — Помню, как во время первого тайма тренировочного матча со “Спартаком” все только и говорили: “Вот это да!”, увидев непрекращающийся натиск армейцев на ворота соперников. Что-что, а атлетизм, физическую подготовку опытнейший спортивный педагог А. Тарасов наладить может даже в малознакомом ему пока футбольном деле. И всё же неправы, на мой взгляд, те, кто ждет немедленного чуда. Футбольная команда — сложный механизм. И в победной игре с “Шахтером” в чемпионате мы увидели армейцев, нацеленных на выигрыш, отдающих игре много сил, но пока еще хромающих в чисто футбольном плане».

Татьяна Анатольевна Тарасова довольно точно подметила один немаловажный момент, связанный с работой ее отца в футбольном ЦСКА: «Всему виной больная нога. Просто он привык всегда находиться в гуще тренировочного процесса, на ходу корректировать действия подопечных, давать советы, а здесь у него не было такой возможности. Футбольное поле намного больше хоккейной коробки, и он, хромая, не поспевал за игроками, за группами игроков, не мог с ходу делать замечания. Это его сильно раздражало. А так… Отец всё делал правильно. Многие ребята были благодарны ему за тренировки».

Нина Григорьевна рассказывала, что многие футболисты звонили ей после смерти Анатолия Владимировича, по-доброму его вспоминали.

«Для Тарасова, — рассказывал Борис Копейкин, — не существовало понятие “травма”. Правая нога болит — прыгай на левой, левая — на правой. Если обе — отжимайся! Но вот что удивительно: у меня в том сезоне не было ни одной травмы».

Копейкин, которого в предыдущем составе ЦСКА хотели

списывать, отправлять в какую-нибудь другую армейскую команду рангом пониже, при Тарасове стал вторым бомбардиром чемпионата Советского Союза, забив 15 мячей. Это из клуба, занявшего тринадцатое место! В соревновании бомбардиров Копейкин уступил только киевскому динамовцу Олегу Блохину, который в 1975 году стал обладателем «Золотого мяча» — лучшим футболистом Европы.

Владимир Астаповский перед приходом Тарасова тоже оказался в списке на отчисление. А в сезоне 1976 года — следующем после окончательного ухода Тарасова из футбола — собрал массу регалий: первое место в списке 33-х лучших футболистов страны, приз лучшему вратарю по традиционной версии журнала «Огонек», лучший футболист СССР, бронзовый призер монреальской Олимпиады… Есть, словом, что вспомнить. Но Астаповский вспоминал всегда как лучший в карьере сезон 1975 года. «Потому что, — пояснял он, проработал я его с Анатолием Владимировичем Тарасовым — человеком, которому обязан всем».

Одно только это признание оправдывает приход Тарасова в футбольный ЦСКА.

Совместная работа Астаповского с Тарасовым началась с резкого заявления тренера: «Ты — не вратарь!» Бубукину, своему ассистенту, Тарасов как-то, показывая на Астаповского, сказал: «Вот этого чтобы я больше не видел!» 28-летний Астаповский, не мальчик (играл в чемпионском армейском составе в 1970 году), будучи уверенным в том, что после таких слов его из команды отчислят, нашел в себе силы поинтересоваться у Тарасова: «А кто же — вратарь-то?» И Тарасов ответил: «Владик Третьяк — вот кто вратарь. Он у меня на тренировках сразу по три шайбы ловил». Астаповский пытался втолковать тренеру, что хоккей с его шайбами — одно, а футбол — другое. Ворота, дескать, иного размера, и по три мяча ловить, играя в них, невозможно. Тарасов сказал Астаповскому: «Будешь или по три мяча ловить, или — до свидания!» И пробивали Астаповскому на тренировках три или четыре футболиста одновременно, и спал он с мячами в обнимку — Тарасов велел, и на стенку с разгона взбегал, да так, что Тарасов поражался: «У меня Валерка Харламов пять шагов по стенке делал, а ты — шесть.» И падать Тарасов Астаповского заставлял, чтобы чувство страха отбить, — в грязь, на песок с галькой, на бетон.

Поняв однажды, что ничего, кроме пользы, от тренировок Тарасова не будет, Астаповский принял его принцип: надо — значит, надо, никакие оправдания не принимаются. Даже те, которые до начала разговора с Тарасовым казались бесспорными.

Астаповский спорил с Тарасовым по поводу пенальти. Тренер говорил вратарю: ты пенальти брать — слабак. Астаповский доказывал: все давно знают, что мяч при ударе с «точки» летит быстрее, и человеческий мозг на такую скорость среагировать не способен — наукой проверено. «А он и слушать не желал, — говорил Астаповский. — Должен брать — значит, будешь». И спустя время Астаповский благодаря настойчивости Тарасова превратился в одного из лучших в Союзе вратарей по отражению пенальти.

Слова Тарасова, обращенные к Астаповскому — «Если хочешь быть большим спортсменом, то должен работать так, чтобы пот шел с тебя, как дождь с неба», — попали на благодатную почву. Астаповский их хорошо запомнил. И не просто запомнил — принял как руководство к действию. Вне зависимости от того, под чьим тренерским началом он в дальнейшем играл в клубе и в сборной.

«Анатолий Владимирович, — говорил мне Астаповский, когда я интервьюировал его для еженедельника «Футбол-хоккей» в конце 1976 года, — заставил меня поверить в то, что я способен на большее. К Тарасову можно относиться по-разному, принимать или не принимать его воззрения (особенно в футболе), но работал он не щадя себя и справедливо требовал этого же от других. И почему я, для которого футбол далеко не последнее дело в жизни, должен тренироваться спустя рукава, работать вполсилы? Тарасов напридумывал для меня столько упражнений, что я до сих пор еще не все “отработал”».

Больше всего Астаповского поразило, как в конце сезона, когда всем уже было ясно, что ЦСКА выше тринадцатого места не поднимется, а тренера будут менять, Тарасов приехал на армейскую базу в Архангельском, зашел в комнату Астаповского и сказал: «Прости, Володя». — «Да за что, Анатолий Владимирович?» — «Не дали тебе лучшего вратаря, не отстоял я тебя». «Господь с вами, за что же вам извиняться-то?» И тут Тарасов взорвался: «Да ты сам-то понимаешь, что ты лучший? Лучший! Ясно?» Лучшим тогда назвали спартаковца Александра Прохорова. В престижном списке 33-х лучших игроков чемпионата оказались сразу два футболиста из команды, занявшей тринадцатое место (Астаповский и Копейкин), — редчайший случай.

«Сплавляли» ли футболисты ЦСКА Тарасова во втором круге чемпионата? Тайна, покрытая мраком. Можно лишь сказать, что Тарасов не раз сетовал на отсутствие в футболе спортивной чистоты. Нина Григорьевна рассказывала об этом: «В хоккее еще такого не было, чтобы кто-то игру продал, а в футболе уже

начиналось. Когда Анатолий Владимирович с этим столкнулся, он просто растерялся».

…Существует история, изрядно, надо сказать, повеселившая футбольную публику. Герман Семенович Зонин поведал однажды о том, как Анатолий Владимирович Тарасов просил У него, тогдашнего тренера ленинградского «Зенита», ничью во втором круге чемпионата страны 1975 года. Но здесь нельзя обойтись без некоторых пояснений относительно личности самого рассказчика.

Герман Семенович — человек, хорошо известный в футбольных кругах, в том числе и благодаря своим, мягко говоря, не слишком правдоподобным историям. Так, тренер, работавший одно время в течение полугода в столице Грузии, называл вратаря тбилисского «Динамо» Отари Габелия «запойным» пьяницей, а заодно рассказал, что и Тенгиз Сулаквелидзе «ведрами хлестал винище», и Тела Кеташвили был злостным нарушителем режима. На этот счет у Германа Семеновича, стоит заметить, пунктик: редкий человек в его интервью проскакивал, не будучи обвинен в пьянстве. Таковыми оказывались, например, Юрий Андреевич Морозов, Валерий Васильевич Лобановский, Сергей Михайлович Мосягин, Михаил Месхи-старший и многие, многие другие.

Не могу сказать про всех. Думаю, что Лобановский, Морозов и Мосягин, тренерские достижения которых даже сопоставлять как-то неловко со скандальным зонинским чемпионством с луганской «Зарей» в 1972 году, вряд ли стали бы уподобляться выдумщику. Грузины же с наветами смириться не могли.

Ибо все причастные к футбольному миру люди прекрасно знали, что Сулаквелидзе, к примеру, вообще не пил — позволял себе стакан вина только на день рождения и на Новый год. «Как не стыдно Герману Семеновичу?» — удивлялся Тенгиз. Знали все, что и Габелия, лучший вратарь СССР 1979 года, ничего общего не имеет с запойными людьми. «Как может запойный вратарь быть в отличной форме в 37 лет?» — задавался вопросом Отари, игравший в воротах «Динамо» и в 37-летнем возрасте. «Это просто какой-то абсурд, — сказал капитан тбилисского «Динамо» и сборной СССР Александр Чивадзе. — Герман Семенович оскорбил не только ветеранов “Динамо”, но и многих известных в прошлом футболистов и тренеров Украины, России… Зачем ему понадобилось это вранье?»

Если «пьяницам», в том числе и грузинским, нашлось место в пространном интервью, данном Зониным газете «Спорт-экспресс», то Тарасову он посвятил два абзаца в книге «Вся жизнь — футбол». Герман Семенович сообщает, что никогда «с тренерами не договаривался, за исключением одного-единственного раза». И участником сделки этого «одного-единственного раза» называет…

Тарасова.

«Пошел навстречу, — пишет он, — легенде нашего спорта Анатолию Тарасову, который в 1975 году на год возглавил футбольный ЦСКА. Армейцам позарез требовалось очко. Приходит от Тарасова второй тренер Валентин Бубукин: “Герман, мы с Тарасовым предлагаем ничью. Сам просит”. Как я мог отказать мэтру? Переговорил по телефону с Анатолием Владимировичем. Решили: играем вничью — 1:1.

И вот начался матч. Моя команда ведет — 1:0. Время идет, остается совсем немного времени до конца встречи, счет прежний. Вижу, Бубукин бежит: “Герман, ты что? Хочешь старика до инфаркта довести? Да на Тарасове лица нет!” Я отвечаю: “Да пусть уйдет он из-за ворот и не волнуется. Будет всё в порядке”. И точно. Копейкин прорвался и забил ответный мяч — 1:1 (надо ж ЦСКА выручать!) — ничья. Потом Тарасов мне говорит: “Да я чуть с ума не сошел! Хотя момент мы хороший создали”.

Не знаю, насколько послужит мне оправданием тот факт, что делить очки пришлось с великим Анатолием Тарасовым! Я не мог отказать мэтру. Что ж, кто без греха, пусть тот бросит в меня камень».

Если поверить Зонину, то может показаться, что «Зенит» тогда, в 1975-м, «банковал» в чемпионате, стоял в таблице настолько высоко и с таким количеством набранных очков, что в концовке первенства, за тур до его финиша, с легкостью мог позволить себе разделить очки с «просителями», которым «позарез требовалось очко».

Но поверить ленинградскому тренеру не представляется возможным.

Во втором круге чемпионата-75 «Зенит» в девяти турах из пятнадцати пребывал на пятнадцатом месте, с которого тогда команды из высшей лиги вылетали в первую. На пятнадцатой позиции находился ленинградский клуб и перед матчем предпоследнего тура, который он проводил 5 ноября на своем поле с ЦСКА. Армейцы занимали тогда двенадцатое место, опережая «Зенит» на два очка. В случае неудачи «Зенит» фактически мог прощаться с высшей лигой. Так кому «позарез требовалось очко»?

Календарь у «Зенита» выдался таким, что три заключительных матча команда проводила на своем поле. И все три она сыграла вничью — с киевским «Динамо» и ЦСКА по 1:1, с «Днепром» 0:0. Выкарабкался «Зенит» только потому, что ташкентский «Пахтакор», его основной конкурент в борьбе за спасительное четырнадцатое место, в последнем туре проиграл дома московским динамовцам. Так что никак не получается

представить, как «Зенит», оказавшийся в исключительно сложной турнирной ситуации и застывший в зоне вылета, с «барского плеча» разбрасывается на финише чемпионата — на своем, стоит заметить, поле! — очками.

Это — во-первых. А во-вторых — и это главное, — любой человек, имевший в Советском Союзе мало-мальское отношение к спорту вообще и к хоккею с футболом в частности, был прекрасно осведомлен, что Тарасов в эти игры никогда не играл: мог рассвирепеть от одного только намека на то, чтобы сдать игру. А уж о том, чтобы он, Тарасов, у кого-то просил сыграть с ним в поддавки, выцыганивал ничью, очко, и речи быть не могло.

Ничья в том ноябрьском матче вполне устраивала «Зенит». И не стал бы я исключать вариант, при котором Герман Зонин, за время работы с «Зарей» в вопросах подобного рода ставший докой, мог разговаривать на эту тему с Валентином Бубукиным, человеком футбольным, футбольные закоулки хорошо знавшим, понимавшим, что с точки зрения турнирной стратегии ничья в Ленинграде в предпоследнем туре ЦСКА полностью устраивает, и поделившимся своим пониманием сложившейся ситуации с опытными игроками…

Что же до цифр, то они всего лишь повод для размышлений. В первом круге ЦСКА сохранял на турнирной дистанции необходимую плотность, отставая после первых пятнадцати матчей на три очка от третьего места и на четыре — от второго (первое в год царствования киевского «Динамо» обсуждению не подлежало). В середине первого круга ЦСКА вообще стоял третьим в таблице — вслед за Киевом и «Днепром». После же следующих пятнадцати игр параметры отставания резко изменились: команды, занявшие вторую и третью позиции в чемпионате, — «Шахтер» и московское «Динамо» — опережали ЦСКА на 13 очков. Борис Копейкин считает, что «никто не был заинтересован в успехе Тарасова. Не то чтобы сговор, но судьи поддушивали».

Виктор Маслов, футбольный профессионал, каких поискать, в итоговом обзоре событий, сопровождавших чемпионат страны 1975 года, высказался по ЦСКА жестко, но без предвзятости: «Оценивая итоги минувшего сезона, необходимо отметить, что только одна-единственная команда высшей лиги — я имею в виду ЦСКА — удивила и огорчила своим тактическим ведением игры, ибо демонстрировала тактику, как минимум, 20-летней давности. В игре московских армейцев не прослеживались не только современные методы построения игры, но даже самые обычные и необходимые связи между линиями и внутри линий. Команды, занявшие места в таблице ниже, чем ЦСКА, “Пахтакор” и

ростовский СКА, превосходили москвичей в тактическом отношении, играли в соответствии с духом времени, и их неудачи в чемпионате определились иными причинами».

…Известный российский футбольный тренер Ринат Билялетдинов, отвечая в конце 2014 года на вопрос журналистов газеты «Спорт-экспресс» Юрия Голышака и Александра Кружкова на вопрос: «Чей портрет вам хотелось бы иметь в своем кабинете?» — неожиданно сказал: «Тарасова». И объяснил: «Смотрел “Легенду № 17” — и узнавал Анатолия Владимировича. Жесты, интонации. Помню — тренировка в ЦСКА, кувырки. Кто-то тянется за резиновым ковриком — чтобы позвонки по полу не трещали. И голос Тарасова: “Молодой человек, вы испортили мне настроение!”». Билялетдинов в составе юношеской команды ЦСКА выиграл в сентябре 1975 года чемпионат страны. В решающем матче в Киеве было обыграно местное «Динамо». Утром в Москве на вокзале говорят: «К 15.00 — на Песчанку. Игровую форму захватите. Будете фотографироваться с Анатолием Владимировичем». «Заходит, — вспоминает Билялетдинов. — “Встаньте, герои вчерашнего матча! Молодцы! Чувствуете, какое это сладкое слово — чемпион?!” Заканчивает неожиданно: “Теперь посмотрим в деле молодых чемпионов. Через полчаса — на поле”. Накануне отыграли тяжелейший матч, ночь в поезде. Шок усилился, когда увидели, что ждет круговая тренировка. Без мячей. Все поле заставлено блинами от штанги, барьерами, стойками. В центральном круге два стула для Тарасова. И рупор. После второй “станции” он сжалился: “Достаточно”. До раздевалки доползли с трудом».

Билялетдинов, в руках Тарасова, можно сказать, и не побывавший, на всю жизнь запомнил, что Тарасов — «это невероятная жажда победы! Аура! Ничего, кроме первого места! За Можай загонит, с потрохами сожрет, если не отдашь всё до последней капли ради победы!». И принципами тарасовскими, сожалея о том, что не удалось с Мастером пересечься и о многом поговорить, руководствуется в своей тренерской жизни.

Покидая футбольный ЦСКА, Тарасов попытался оставить в команде Бубукина, но не в роли главного, а, как и при нем, помощником нового наставника. Анатолий Владимирович предложил Гречко кандидатуру Константина Бескова, который мог бы возглавить клуб.

Тарасов считал Бескова талантливым педагогом и знатоком футбола. В начале 60-х годов Бесков уже работал с ЦСКА. В 1962 году команде до бронзы не хватило двух очков, до серебра — трех. Однажды в перерыве хоккейного матча Тарасова пригласили в комнату, в которой находился один из руководителей

армейского спорта. Радостно улыбаясь, он сообщил Тарасову, что ему удалось уговорить вышестоящего начальника снять с работы Константина Ивановича. Тогда назначили Вячеслава Соловьева. «Я, — рассказывал Тарасов, — пораженный и оглушенный, сначала просто растерялся и только потом спросил:

— А чему вы радуетесь?..

Собеседник мой с гордостью объяснил мне, что это было очень трудно — освободить от должности столь знаменитого спортсмена и тренера.

Я переспросил, всё еще не понимая:

— Так все-таки чему же вы радуетесь? Лишились такого тренера и…

Я понял потом, чему радовался мой собеседник, почему его распирало от радости и он спешил поделиться новостью. Он хотел обелить себя, сделать какие-то оргвыводы, обозначив тем самым титаническую деятельность, направленную на усиление армейской команды».

Гречко с кандидатурой Бескова, предложенной Тарасовым, согласился. Правда, с большим трудом. Сам же Бесков согласился с кандидатурой Бубукина, о котором ему сказал Тарасов, и дал Тарасову слово, что они будут работать вместе. Спустя день-другой, однако, Константин Иванович пригласил Бубукина к себе домой и сказал ему, как вспоминал Валентин Борисович, следующее: «Валентин, я с удовольствием бы с тобой работал, но дело в том, что у тебя своих футбольных мыслей много в голове. Двум медведям в одной берлоге делать в принципе нечего. Мне нужен человек, который бы меня слушался. Ставил фишки мне и прочее. Я считаю, что ты уже выше, можешь работать на самостоятельной работе».

Бубукин, быть может, и готов был уйти сам. Но он уже был при офицерском звании и потому сказал Константину Ивановичу: «Я человек военный. Как только министр подпишет приказ о моем освобождении и вашем назначении, я сразу уйду. А пока я уйти никуда не могу».

Тем же вечером к Бубукину по-соседски, в спортивном костюме, с пластмассовым ведерком соленых помидоров, заглянул Тарасов, обо всем уже знавший. Возникшее обстоятельство его сильно огорчило. «Зоя, — поинтересовался он у жены Бубукина, — выпить есть что? Или мне сбегать?» На столе моментально появились водка, грибы, огурцы, легкая закуска, тарасовские помидоры и персональная тарасовская вечерняя тарелка куриного супа с лапшой. «Тарасова, — хмуро сказал гость, — еще никто никогда не обманывал. Ел хлеб с маслом и будешь есть хлеб с маслом. Завтра в девять часов ко мне. А сейчас

выпьем за ваше здоровье…»

Валентин Борисович, обладая, по-видимому, на сей счет информацией от самого Тарасова, рассказывал о том, что Тарасов еще раз переговорил с Гречко. Ссылаясь на неких специалистов, с которыми он разговаривал насчет Константина Ивановича, Тарасов сообщил, что они пришли к выводу, что Бесков не может возглавлять армейский клуб. Не потому что не знает дела, в тренерском деле он как раз силен, а потому что не любит подчинения.

После этого закрутилась серьезная интрига. Вице-адмирал Николай Шашков, возглавлявший Спорткомитет Министерства обороны СССР, отправился к министру утверждать кандидатуру Бескова. Гречко не утвердил, а распорядился назначить старшим тренером Бубукина. Но потом встречи с министром сумел добиться Владимир Федотов, решивший похлопотать за Бескова — своего тестя. Гречко эта возня надоела, и он приказал начальнику «большого ЦСКА» оставить Бубукина вторым тренером, а старшим назначить кого-нибудь из армейцев. Назначили Алексея Мамыкина, продержавшегося на этом посту сезон с небольшим.

Глава двадцать первая
ПРИЗНАННЫЙ АВТОРИТЕТ

Тарасов знал себе цену. На одной из фотографий в его домашнем кабинете запечатлены Пеле, Свен Юханссон-Тумба и сам Анатолий Владимирович. Показывая ее Владимиру Акопяну, Тарасов, улыбнувшись, прокомментировал: «Лучший футболист мира, лучший хоккеист мира и…» И, по свидетельству Акопяна, «после короткой паузы рассмеялся». Снимок, стоит сказать, сделан во время торжественного открытия в Москве первого в России гольф-клуба, хозяином которого был Тумба.

В Зале славы в Торонто под портретом Анатолия Владимировича Тарасова — единственного европейского тренера, представленного в этой «хоккейной Мекке», — написано: «Анатолий Тарасов — выдающийся хоккейный теоретик и практик, внесший огромный вклад в развитие мирового хоккея. Мир должен быть благодарен России за то, что та подарила ему Тарасова». Портрет этот был нарисован специально прилетавшим в Москву — по заданию руководства НХЛ — художником. В Зал славы Тарасова ввели сразу после того, как дома ему пришлось — не по своей воле — фактически завершить тренерскую карьеру, стать жертвой негласного запрета на профессию. Воистину, нет пророка в своем отечестве…

Коэффициент неприязни советских спортивных начальников к Тарасову, неприязни, граничившей с ненавистью (и кто знает сколько раз эту границу переходившей), зашкаливал до такой степени, что ему даже не удосужились сообщить о введении в Зал славы. Не говоря уже о том, чтобы командировать великого тренера в Торонто для участия в торжественной церемонии. Организаторам в ответ на приглашение, поступившее в Спорткомитет, сообщили, что Тарасов болен. Перстень, причитающийся каждому обитателю самого престижного в мировом хоккее Зала, вместе с именной дощечкой тогдашним канадский посол в СССР Роберт Артур Дуглас Форд привез Тарасову в его московскую квартиру.

В Зал славы попадают причастные к хоккею люди по трем номинациям: игроки, судьи и «созидатели» — по этому разряду проходят все, кроме хоккеистов и арбитров, в частности тренеры. Мало того, что Тарасов стал в этом Зале первым европейцем (точности ради первым членом Зала славы из Европы стал бельгиец Поль Луак, 25 лет возглавлявший Международную лигу хоккея на льду, но он не практик, а функционер), так еще

фактически и первым тренером — одновременно с ним был избран канадский специалист Томми Айвен. До них среди «созидателей» тренеров не было.

Первый раз Тарасов увидел себя в Зале славы в 1978 году, когда приезжал с молодежной сборной СССР на чемпионат мира. Четыре года спустя после избрания. В Торонто мэтра доставили на лимузине, встречали со всеми полагавшимися по такому поводу почестями. Устроили, можно сказать, отложенную церемонию включения в число избранных.

Большое, согласно устоявшемуся выражению, видится на расстоянии. Применительно к Тарасову масштабы этого «большого» поражают. Дома он практически забыт. Его работы по сей день столь же актуальные, как актуальна, например, книга Бориса Аркадьева «Тактика футбольной игры», не переиздают. (Стоит, правда, отметить появление благодаря внуку Анатолия Владимировича Алексею Тарасову в 2015 году в книжных магазинах фундаментальной работы мэтра «Родоначальники и новички»: Тарасов лет двадцать вынашивал идею написания этой книги, очень хотел, чтобы она была издана в Советском Союзе, отправлял даже заявку на имя руководителя Госкомиздата Михаила Ненашева, но она так и не была издана.) Его наследие практически не изучается. «Сегодня у каждого финского тренера лежит на столе книга Анатолия Тарасова «Тактика хоккея», — рассказывает Юрий Карандин. — Я собирал тренеров по региону Сибирь — Дальний Восток. Так многие даже не знают, что такая книга вообще есть. Надо — в память о Тарасове восстанавливать Высшую школу тренеров, и чтобы не 150 часов они там занимались, а двухгодичный курс проходили, с защитой диплома».

Дома вспоминают о великом тренере от случая к случаю. В Северной же Америке Тарасов — бог. Там редко произносят хвалебные слова о великих представителях советского хоккея, но Тарасов — исключение.

В начале 90-х Тарасова пригласили в Бостон для чтения лекций профессиональным хоккейным тренерам и экспертам и проведения семинаров по актуальным вопросам развития хоккея. Он полетел вместе со старшей дочерью Галиной, которая сопровождала его во всех поездках. Татьяна в то время находилась в США и, узнав о том, что отец и сестра будут в Бостоне, отменила все ближайшие дела и отправилась в пятичасовой путь на встречу с ними. Сестры плакали, когда увидели, как на вечере, устроенном в честь выдающегося тренера, все присутствующие стоя приветствовали их отца, 40 минут внимали каждому его слову и — вновь стоя — долго

аплодировали. Татьяна вспоминает, что «он настолько чувствовал себя в своей тарелке, что вышел на сцену без костылей, даже перестал хромать, и на глазах седой, побитый жизнью человек в одночасье сбросил дет двадцать».

«В тот вечер, — пишет Татьяна, обращаясь к Анатолию Владимировичу в сборнике „Всё о моем отце“, — ты был абсолютной звездой, а мы с Галей только успевали утирать слезы и тихо радоваться, что сидим в этом зале. Вечером вместо банкета я позвала тебя и твоих гостей к себе в номер. Предварительно закупила в русском магазине много еды, которую ты любил… И когда ты вошел и окинул своим наметанным, хозяйским глазом праздничный стол, сказал: “Богато живешь, дочка”. И в твоем голосе слышалось что-то похожее на восхищение. Получалось, что я тоже чего-то достигла.

А люди всё шли и шли в этот гостиничный номер, чтобы сказать тебе слова благодарности, пожать руку, сфотографироваться вместе или взять твой автограф на память. Ты всех угощал, размашисто расписывался на буклетах, послушно позировал перед фотокамерами. И для меня это был такой восторг видеть тебя, уже почти забытого и никому не нужного у себя на родине, таким почитаемым, таким любимым здесь, в США, среди твоих бывших соперников, с которыми ты всю жизнь воевал, с которыми так отчаянно бился».

В американском издании книги «Родоначальники и новички» (1997 год) ее название — «Отец русского хоккея» — не Тарасовым, конечно, придумано. Американцы признают масштаб его гения. Как-то раз Владислав Третьяк был на заседании совета Зала хоккейной славы в Торонто. Генеральному менеджеру «Питсбурга» Рэю Шеро вручали приз за его легендарного отца Фреда Шеро. Получив приз, Шеро-младший в ответном слове сказал: «Спасибо Тарасову за его книги и идеи. Мы все тут воспитывались на теории русского мэтра».

Сам Фред Шеро, два раза выигрывавший с «Филадельфией Флайерс» Кубок Стэнли, регулярно ездил в Советский Союз на встречи с Тарасовым. Американского тренера интересовало буквально всё, имевшее отношение к новациям. Он первым, например, стал использовать видеозаписи тренировочного процесса. Сейчас без этого не обходятся даже в командах третьих-четвертых дивизионов. В один из приездов в Москву в середине 70-х Фред Шеро в интервью Дмитрию Рыжкову, работавшему тогда в «Советском спорте», сказал, что его «бандиты с большой дороги дважды выиграли Кубок Стэнли, тренируясь по методике Тарасова». Фамилию Тарасова Фред Шеро, один из лучших тренеров в истории НХЛ, всегда произносил с предельной

почтительностью.

Еще один гуру североамериканского тренерского цеха — Скотти Боумэн бережно хранил тарасовский подарок — тренерские перчатки. Вместо того чтобы купить новые, приводил их в порядок, когда они рвались. Однажды Боумэн где-то забыл эти перчатки. Когда вспомнил где, отправил туда помощника, но выяснилось, что уборщица выбросила латаные-перелатаные перчатки, подумав, что их оставили как непригодные для дальнейшего использования. Огорченный донельзя Боумэн, на полном серьезе считавший, что перчатки Тарасова ему помогают, попросил Анатолия Владимировича через общих знакомых прислать ему точно такие же. В 1968 году Боумэн приезжал в Москву, побывал на тренировках ЦСКА, записывал упражнения, просил переводчика точно доносить до него все тарасовские реплики и фразы и тоже заносил их в блокнот.

Фетисов, с колоссальным уважением относящийся к Боумэну, говорил мне, что этот выдающийся в мировом хоккее тренер считает Тарасова своим учителем. После тренировок в Москве Тарасов забирал Боумэна, они уезжали на природу, на шашлыки, уславливались не говорить о хоккее, но не выдерживали, конечно, уговора и еще до первой рюмки начинали обсуждать какой-нибудь актуальный, по их мнению, тактический вопрос.

Херб Брукс, тренер олимпийской сборной США, сенсационно обыгравшей на Олимпиаде в 1980 году в Лейк-Плэсиде советскую команду во главе с Виктором Тихоновым, с гордостью поведал, что ему «удалось сделать это тарасовскими методами, которые он много лет изучал».

Тарасов задал направление развитию хоккея с шайбой. Оно, понятно, совершенствуется, видоизменяется, но фундаментальная база остается такой, какой ее видел Тарасов: высочайший уровень командной игры и агрессия. Достичь этого можно только за счет разнообразия тренировочных методов.

В Северной Америке и в европейских странах, в частности в Швеции и Финляндии, работают «по Тарасову». В России же этот гигант фактически забыт. Достаточно одного только сравнения. В Зал славы в Торонто Тарасов был введен в 1974 году. Бюст Тарасова на Аллее Армейской Славы, разбитой на территории комплекса ЦСКА, появился только в 2006-м. Уму непостижимо! Отговаривались тем, что у Тарасова не было ордена Ленина (того самого, кстати, который ему так и не дали за победу на Олимпиаде-72 в Саппоро). Но, во-первых, Аллея не называется «аллеей орденоносцев Ленина», а во-вторых, среди тех, чьи бюсты были воздвигнуты на Аллее раньше, есть как обладатели высокой награды, так и те, у кого ее нет. И наконец, даже если бы у

Тарасова вообще не было бы ни одной правительственной награды, даже если бы он всю жизнь оставался рядовым, его бюстом обязаны были открывать Аллею Армейской Славы. Большей славы *армейскому* спорту — во всемирном масштабе! — мало кто принес. (И, кстати, появился бюст только благодаря Ольге Смородской, возглавлявшей в то время «большой ЦСКА».)

Тарасов был награжден престижной международной премией имени Уэйна Гретцки. Это событие произошло в Денвере в рамках ежегодной торжественной церемонии. Премию учредили в 1999 году и впервые вручили человеку, чьим именем она названа. Цель премии — отдать должное иностранцам, которые внесли свой неоценимый вклад в развитие и процветание в США хоккея на льду. До Тарасова ее вручали только канадским тренерам и хоккеистам. Вклад же Тарасова в развитие хоккея в США ощущался всегда и ощущается по сей день. Многие ведущие американские тренеры переняли опыт Тарасова. «Тарасов оказал обширное влияние на уровень игры как в США, так и во всем мире, — сказал Рон Дегрегорио, президент Федерации хоккея США. — Для нас большая честь наградить его международной премией имени Уэйна Гретцки, что является свидетельством нашего глубокого уважения». «Достаточно только взглянуть, в какой хоккей играют сегодня, какой высочайший темп игры показывают большинство высококлассных и опытных спортсменов, чтобы понять насколько громаден вклад Тарасова в развитие этого вида спорта, — высказал свое мнение Лу Вайро, руководивший олимпийской сборной США в 1984 году. — Он всегда старался поделиться опытом с другими тренерами и для этого много раз приезжал в США».

Лу Вайро подружился с Тарасовым. Он называет его человеком страстным, эмоциональным, честным, жестким, умеющим мотивировать. «У него было великолепное хоккейное воображение, видение того, что может произойти, представление об игре, — говорит Вайро. — Тарасов всегда опережал время, был лидером. И при этом — потрясающим артистом». С чего вдруг американец решил брать уроки тарасовской методики? «Впечатлила игра его команды, — говорит Вайро. — Я написал ему письмо, и он предложил мне приехать в Советский Союз и изучить здешний хоккей внимательнее. Да и ко мне в Америку Тарасов приезжал, очень открыто общался, помог развитию нашего хоккея. Помню его ценный совет: “Лу, ты не должен копировать то, что мы делаем, полностью. Нужно просто взять некоторые принципы; изменить и адаптировать их для своих людей и собственной тренерской работы. Все тренеры разные. Не нужно копировать, иначе не станешь лучшим. Будет результат

похуже, второсортный”. Тогда я не совсем понял, что он имел в виду. И спросил: “Почему второсортный?” Он ответил: “Возьми ‘Мону Лизу’. Великое произведение. Если ты скопируешь ее, это все равно не будет так хорошо, как оригинал. Поэтому не копируй”. Так что совет я запомнил, и мы изменили советские тренировки под свои реалии».

23 мая 2010 года, в последний день чемпионата мира, в Кельне состоялась очередная ежегодная церемония включения новых участников в Зал славы Международной лиги хоккея на льду. В числе других в Зал был введен Лу Вайро. Он также получил награду имени Поля Дойка — «за выдающийся вклад в развитие мирового хоккея». После церемонии он рассказал много любопытного репортерам. Интересны его воспоминания о Тарасове, проливающие дополнительный свет на великого тренера:

«Я горд, что был другом Тарасова и имел возможность учиться хоккею у него. Великий тренер, великий человек. Однажды, когда он приехал в Америку, выдался свободный денек и я повез его в Ниагара-Фоллз. Там был огромный бассейн, в котором резвились дельфины. Тарасов посмотрел на них и сказал: “Я удивляюсь вам, американцам. В магазине столько сортов майонеза, что диву даешься. Небоскребы у вас, памятники. Вон даже рыб дрессируете. А хоккеистов своих не можете научить точный пас на два метра сделать! Почему так?”

Тарасов мне очень помог. Его наука позволила мне потом убедить Херба Брукса и других американских специалистов изменить подход к хоккею. Сейчас американские хоккеисты действительно лучше играют! Они стали быстрее, креативнее, техничнее, лучше готовы физически. Это произошло не случайно и не на пустом месте. Это годы планомерной работы, выстраивание системы и ее доработка. Я считаю, что главным человеком, который помог вывести хоккей США на высокий уровень, позволяющий регулярно бороться за медали Олимпиад, был именно Тарасов. Он вдохновил нас.

Мы пользуемся тарасовскими наработками в Штатах, адаптируя их к нашим условиям. Тарасов объяснил: “Лу, в хоккее нет секретов. То, что кто-то придумал сегодня, завтра станут использовать все. Твоя команда выходит на лед, специалисты видят, как она играет, и могут легко перенять твои задумки. Это жизнь”. Я объяснил Тарасову, что мы не сможем тренироваться в точности как русские. У нас же куча адвокатов кругом, и случись что с парнишкой, засудят, заставят платить огромные деньги и так далее. Он ответил: “Все правильно, не копируй в точности. Иначе тебя и будут воспринимать как человека, всего лишь

скопировавшего чужие идеи. Используй основные принципы и импровизируй в остальном”.

У любого игрока есть некие предельные возможности в плане катания, техники и физической подготовки. Абсолютно у любого. Тарасов сказал мне: “Лу, если хочешь быть хорошим тренером и развиваться в хоккее, запомни: что бы ты ни делал, превзойти предел физических возможностей игрока не сможешь. Но фантазия и воображение человека безграничны. И я всегда говорил своим игрокам, что они вправе рискнуть, попробовать что-то новое, даже в важнейший момент тяжелого матча. Так учил Тарасов. 99 процентов тренеров имеют определенные правила для игроков: тогда-то нельзя делать это, а тогда-то вот это. И очень немногие способны позволить игрокам творить.

Анатолий был замечательной личностью, и хоть он гонял игроков, они его не только уважали, но и любили. Вот Тихонова игроки тоже уважали, он тоже был жесткий. Но — не любили. Я знал многих советских хоккеистов, которые играли в те времена, Петрова, Викулова, Михайлова, — они подтверждали это. Тарасов ладил с игроками, мог пошутить, пообщаться. Как-то раз мне передали: “Лу, Тарасов хочет, чтобы ты приехал в Советский Союз. Он хочет, чтобы ты издал его книгу в Америке”. Я приехал, а Тарасов говорит: “Если хочешь, можешь пожить у меня. Не хочешь — организуем номер в гостинице. С девушкой”. Я обалдел, но ответил: “Мне мало девушки, нужны две”. Анатолий удивился, взглянул из-под очков: Зачем две?” Я объяснил — для того, чтобы им не было скучно: когда засну, они смогут поиграть в карты. Вы не представляете, как он хохотал!

Однажды, когда Тарасов был в Штатах, я сводил его на тренировку игроков в американский футбол. Он был потрясен до глубины души. Показалось, он исписал сотню страниц своего блокнота. Спросил: “Лу, неужели это возможно. Огромные черные парни вытворяют такие вещи! Если бы они играли в хоккей у нас не было бы шансов!” Я успокоил тогда Тарасова, сказал, что эти ребята не любят хоккей, да и на коньках кататься их научить было бы сложновато. Тем не менее он записал всё. И, не сомневаюсь, использовал в работе с хоккеистами. В этом заключалось величие Тарасова. Он постоянно учился, ни на мгновение не останавливаясь. Очень многое из того, что мы сейчас видим в хоккее, появилось благодаря ему».

Когда Тарасову присудили приз Гретцки — первому европейцу, имя которого назвало специальное жюри, Анатолий Владимирович из жизни уже ушел. Приз за деда получал его внук Алексей Тарасов, сын Галины Анатольевны, много уже сделавший и продолжающий делать для того, чтобы память о валиком

тренере сохранялась. «Меня пригласил Лу Вайро, — рассказал Алексей. — Они с дедом познакомились еще в 1969 году. И подружились. Церемония состоялась в Денвере, штат Колорадо. Прямо на льду “Магнус Арены” были накрыты столы на 500 человек. Теплые слова в адрес деда сказали Бретт Халл, Майкл Рихтер, Брайан Лич, Кэми Гранато, которых в тот день ввели в американский Зал хоккейной славы. А еще меня поразило, что на прием пришли игроки олимпийской сборной США 1956 года. И каждый из них подошел ко мне, пожал руку. Не ожидал, что деда в Америке знают столь людей и многие считают его учителем».

Зал аплодировал Алексею стоя. Внук Тарасова растрогался до слез, когда вратарь американской сборной сказал ему: «У меня все колени сбиты от занятий по уникальным упражнениям вашего деда…»

Таких игроков как Гретцки, в мировом хоккее больше нет. Тарасов как-то пошутил, что канадец не заиграл бы в ЦСКА по причине отсутствия у него комсомольского билета и потому также, что не прошел бы ни одного сбора — не говоря уж о тестах — по физической подготовке. Но то был ответ Тарасова на один из самых нелепых вопросов, которые ему доводилось слышать: «Взяли бы вы к себе в команду Гретцки?» Конечно бы взял! Только он не желал всерьез обсуждать эту виртуальную затею.

Никто бы никогда, во-первых, Тарасову Гретцки в руки не дал. Да хоккеист и сам, наслышанный об адской работе в московском клубе, ни за какие коврижки не пошел бы на работу к «советскому диктатору». Во-вторых, у Тарасова не нашлось бы рычагов для управления Гретцки. Он никогда не пошел бы на то, чтобы пустить Великого, как называют Гретцки в хоккейном мире, в самостоятельное плавание, ярко выделив его тем самым среди остальных. В чемпионате СССР Гретцки бы не позволили играть так, как позволяли ему играть в Канаде — в антиканадский хоккей! — на «чистых» шайбах. Его не трогали противники и оберегали свои. Жесткие силовые приемы против него не допускались. Редких нарушителей осуждали даже партнеры.

Тарасов и самому Гретцки однажды сказал, отвечая на вопрос канадца, смог бы он играть за советскую сборную и ЦСКА: «Если хочешь играть в нашей команде, должен стать комсомольцем». И, рассмеявшись, похлопал Гретцки по плечу. Потом, посерьезнев, добавил: «Нет, не сможешь». И пояснил: «Ты всё равно и в нашей команде будешь играть для себя, ты так привык, у тебя такое воспитание. А вот Харламов — он играл для Петрова и Михайлова».

Тарасов пошутил однажды над Сергеем Макаровым, который на Кубке Канады в 1981 году попробовал было поиграть не на

команду, а на себя. «Сережа, — сказал ему Тарасов, — ты вышел из колхоза и выглядишь белой вороной. Пиши заявление». — «Какое заявление, Анатолий Владимирович?» — удивился Макаров. «А чтоб тебя обратно приняли в колхоз…» После того как сборная СССР в решающем матче обыграла канадцев 8:1, причем Макаров не забросил ни одной шайбы, но зато отличились его партнеры по тройке (Ларионов забил два гола, а Крутов один), Сергей подошел к Тарасову и весело спросил: «Ну что, Анатолий Владимирович, теперь-то я не единоличник?»

И Тарасов делает вывод: «Вы только вдумайтесь, какой у нас хоккей, если такой индивидуально самый сильный игрок, как Сергей Макаров, едва только он попытался сыграть для себя, а не для партнеров, стал не нужен команде! Поэтому, когда мы говорим о выдающемся игроке в нашем хоккее, мы должны учитывать не только то, что он делает для общего успеха, как он обводит и сколько забивает (хотя и это, бесспорно, важно), а сколько доброты, старания, мастерства он отдает партнерам по звену. Какой, наконец, его удельный общественный вес в коллективе. Потому что создание коллектива для нашего тренера, на мой взгляд, самое главное. В иностранном хоккее не знают, что это такое — создание коллектива».

Теперь, когда российский хоккей почти полностью оказался под пятой иностранных хоккеистов и тренеров, — не знают и у нас.

Тарасов активно поддерживал Фетисова в его борьбе со спортивно-военным чиновничеством. Делал он это не в пику Тихонову, а из патриотических чувств. Великий тренер всегда считал Фетисова выдающимся мастером, человеком, прославляющим свою страну. Видя отчаяние игрока, не могущего пробить стену, отлученного фактически от хоккея, лишенного права тренироваться, усаженного в армейском клубе за стол с телефоном и разносившего бумажки по кабинетам, — это многократный-то чемпион страны, мира и Олимпийских игр! — Тарасов принял возможное для него участие в судьбе хоккеиста. Фетисов, от которого очень многие в ту пору отвернулись, не желая портить отношения с силами, препятствовавшими его отъезду, позвонил Тарасову и приехал к тренеру на дачу, захватив с собой тренировочную форму. Тренироваться он на тарасовской даче, понятно, не тренировался, однако Тарасов ознакомил его с набором упражнений, который мастеру, по настоянию тренера, надлежало регулярно выполнять, прежде чем отправиться за океан, а также выполнять в Америке. Вместе они провели почти весь день. Расставаясь, Тарасов положил руки на плечи Фетисову и сказал, глядя в глаза: «Всё у тебя будет хорошо!» А потом

потрепал по щеке и обнял.

Тарасов в отличие от бездушных людей, боявшихся собственной тени, видел значимость фигуры Фетисова не только для отечественного хоккея, но и вообще для страны. Николай Вуколов, много лет работавший тассовским корреспондентом в Стокгольме, рассказал мне такую историю. В июне 2001 года в Швеции отмечали 25-летие свадьбы короля Карла XVI Густава и королевы Сильвии. Специально по этому случаю в шведскую столицу прибыл Мстислав Леопольдович Ростропович. Ему предстояло сыграть на концерте в летней резиденции шведских королей Дроттнингхольм. Вуколов, разумеется, такое событие пропустить не мог и попытался взять у маэстро интервью. Ростропович, обычно открытый и контактов с прессой не избегавший, к удивлению Николая, отказался: «Нет, нет, нет. Я с российской прессой не контачу. Они меня обидели, и я дал слово ни с кем из российских журналистов не общаться».

«Ну, Мстислав Леопольдович, — принялся раскидывать «сети» Вуколов, — мы же с вами вместе ужинали, когда вы с Родионом Щедриным “Лолиту” в Стокгольме ставили. Помните? А потом, я же тассовец, на всю страну ведь буду материал передавать, а не в одну какую-то газету. В России много людей, которым беседа с вами будет любопытна…» Словом, уговорил. Николай помчался в отель «Дипломат», в котором во время стокгольмских визитов останавливался маэстро. Беседа, продолжавшаяся более часа, подходила к концу. Внизу Ростроповича ожидало заказанное для поездки в королевскую резиденцию такси. Вуколов, захвативший с собой свою книгу «Москва — Стокгольм: хоккейные перекрестки», спросил: «Мстислав Леопольдович, а вы хоккей любите?» «Ну а как же, кто же не любит хоккей!» — моментально откликнулся Ростропович, ничуть не растерявшись от неожиданного поворота темы. «Тогда, — протянул Вуколов свою книгу, — напишите, пожалуйста, в этой вот книге что-нибудь про хоккей». «Я, — рассказывал Николай, — не предполагал, что его реакция будет настолько моментальной. Он задумался лишь на секунду, принялся писать с абсолютно сосредоточенным видом, а потом протянул мне книгу с надписью: “От любителя хоккея. Горд знакомством с Пикассо, Шагалом, Сикорским и Фетисовым. М. Ростропович”».

Виктор Тихонов между тем усугубил конфликт, не включив Фетисова в список кандидатов на участие в очередном чемпионате мира — в Стокгольме-89. Анатолий Фирсов, увидев список, был ошеломлен: «Я считаю, что в данном случае Виктор Тихонов ставит свои личные интересы выше командных. В свое время у Анатолия Владимировича Тарасова тоже было много

конфликтов с игроками. Но свои личные интересы, личные амбиции он никогда выше хоккея не ставил».

Анатолий Владимирович свое мнение по поводу конфликта Тихонова с ведущими игроками публично высказал в газете «Социалистическая индустрия». Произошло это после того, как в прямом эфире популярной тогда телевизионной программы «Взгляд» игроки первого звена ЦСКА и сборной СССР Макаров, Крутов, Ларионов, а также хоккеисты второй тройки Каменский, Хомутов и Быков заявили, что без Фетисова на чемпионат мира не поедут. «В последние дни, — написал тогда Тарасов, — ко мне часто обращались с просьбой прокомментировать ситуацию, сложившуюся в ЦСКА, а точнее, конфликт между тренером В. Тихоновым и хоккеистами В. Фетисовым, И. Ларионовым и другими. Я тогда не считал возможным выступить. Но после того, что я увидел и услышал в программе “Взгляд” в минувшую пятницу, понял, что больше молчать нельзя. Если тренер докатился до такого положения, когда не только ведущие игроки (о них можно было бы сказать — баловни судьбы) перешли границу меры, когда подкоманды становится на дыбы, значит, дело зашло далеко. И это не просто выступление в защиту Фетисова. Нет, это желание поправить тренера. До сих пор он бесконтрольно пользовался своими большими правами, и никто не одернул его. В. Тихонов придумал себе определение “максималист“. Это, по меньшей мере, нескромно — самому себе воздавать хвалу. Сегодня, когда решается судьба игрока, тренер занял странную для воспитателя позицию: на колени — или ты мне не нужен. В. Тихонов, очевидно, не понимает, что речь идет о судьбе советского хоккея. С теми, кто смотрит тренеру в рот, боится возразить, победы не добудешь. Я не выступаю против тренера. Я всю жизнь был за его большие полномочия. Но всегда считал и считаю: тренер должен думать не о своей персоне, а заботиться о судьбе хоккея и игроков.

Хоккеисты защищают Фетисова. Почему? Да потому, что это уникальный хоккеист. Его можно сравнить разве что с Н. Сологубовым и В. Васильевым. Но в ряде компонентов, в творчестве он пошел дальше. Безусловно, в мировом хоккее это фигура номер один. Всё это обязан учитывать тренер, решая вопрос о судьбе такого выдающегося игрока: не амбиции, а интересы хоккея!»

Тарасова поражала тогда та «удивительная вседозволенность», какой добился Виктор Тихонов у военных и спортивных руководителей страны, уверовавших в его незаменимость. По мнению Тарасова, во время развития конфликтной ситуации ведущие хоккеисты ЦСКА «тактично и

убедительно вскрыли большие изъяны в тренерской деятельности Тихонова». Анатолий Владимирович, за командой следить не переставший ни на день, знал об этом давно. Он говорил об изъянах не только на всевозможных совещаниях и собраниях, но и много раз — прямо в глаза — самому Тихонову.

Но Тарасов не был бы Тарасовым, если бы одобрил действия хоккеистов, сообщивших посредством телепередачи о объявленном ими ультиматуме. «Я понимаю, — отметил Тарасов, — что хоккеисты пошли на конфликт, убедившись в том, что все доступные средства доказать своему тренеру его неправоту исчерпаны. Но всё равно не могу согласиться с вами, ребята, с вашим ультиматумом: не поедет Фетисов, не поедем и мы. Так ставить вопрос негоже».

Через несколько дней на собрании команды появились начальники из Спорткомитета. Приехал и Тарасов. «Он, — рассказывал Тихонов, — мне объявил: «Все говорят, что надо Фетисова взять в сборную". Я отвечаю: "Он с января до середины февраля ничего не делал, толком подготовкой не занимался, не было времени. Всё ушло на интервью и заявления, что в команде Тихонова он играть не будет"».

Потом, уже после Стокгольма-89, где сборная СССР выиграла титул, а Фетисов в роли капитана команды стал ее лучшим игроком и по праву вошел в состав симоволической сборной, Тихонов сказал, что для него «в принципе важнее всего было мнение команды».

Тарасов — именем своим и сам — сопровождал Фетисова по всей его хоккейной жизни. Книги Тарасова, прежде всего «Совершеннолетие», в которой тренер доходчивым языком характеризовал игроков и хоккей, Слава прочитал раньше чем произведения из школьной программы. «Совершеннолетие» стало настольной книгой мальчугана, отправившегося записываться сначала в динамовскую секцию (ему там отказали: «Таких маленьких, 1958 года рождения, пока не берем»), а потом проехавшего одну трамвайную остановку до ЦСКА. Перед Дворцом спорта ЦСКА Фетисов увидел плакат, впечатливший его. Красноармеец в буденовке указывал пальцем на каждого, кто проходил мимо, и вопрошал: «А ты записался в ЦСКА?» Слава с трудом нашел тренерскую комнату. Она находилась в школе тяжелой атлетики и гимнастики. К ней вела неприметная лесенка. Директором школы был Александр Николаевич Виноградов. К нему Слава и обратился, потому что помнил, что в тарасовской книжке Виноградов был представлен как один из лучших защитников отечественного хоккея. Фетисов немножко приврал: помня динамовский отказ, прибавил себе годик, а ему

сказали, что таких «старых» в ЦСКА не берут. Слава и по сей день не знает, был бы у него шанс, скажи он правду о годе рождения, но тогда он вышел из зала тяжелой атлетики и гимнастики донельзя расстроенным и обрадовался, когда увидел объявление о предстоящем наборе детей в школу ЦСКА — в первое воскресенье сентября, с 10 утра Набор проводят Тарасов, Фирсов, Рагулин, Кузькин, Ромишевский, Локтев…

Очередь — детей с родителями, одних детей, без взрослых (сейчас это представить невозможно) — простиралась от метро «Аэропорт» до армейского Дворца спорта. Слава простоял часов восемь без еды, без воды: никто ведь не думал, что так долго придется находиться в очереди, а потому ничего с собой не взял. Соседи из очереди поделились бутербродом. На лед Фетисов попал к вечеру. Позже он узнал, что хоккеисты ЦСКА — они ему потом сами рассказывали — менялись, уходили во время просмотра отдыхать, а Тарасов оставался постоянно. Слава тогда в число отобранных не попал — он страшно устал в очереди, чтобы кого-то удивить на льду. Но понял, побывав в армейском зале и увидев Тарасова и выдающихся хоккеистов. «Попал в какое-то великое место». «Я, — рассказывал он, увидел великих людей. И, по большому счету, не очень-то и расстроился. Не знаю почему. Так получилось, что этой же осенью, ближе к зимним каникулам, мы играли на стадионе ЦСКА на Песчанке — Фрунзенский район против нашего Тимирязевского. Играли в рамках московского турнира „Золотая шайба”. Перед нами тренировался армейский 58-й год. Они закончили, вышли мы. Юрий Александрович Чабарин, ставший потом первым моим тренером, решил задержаться и посмотреть на мальчишек со двора. И пригласил меня после матча на тренировку в ЦСКА».

После завершения первого сезона Славы Фетисова в школе армейского клуба назначили собрание команд всех возрастов. На плакатах-объявлениях было написано, что проводить его будет Тарасов. В небольшой зал офицерского клуба ЦСКА, располагавшегося рядом с административным зданием, вместились все юные армейские хоккеисты — от третьих мальчиков до молодежного состава. Тарасов всегда сам вел такие собрания. И приводил с собой победителей чемпионатов мира и Олимпиад, чтобы дети могли пообщаться с выдающимися игроками, задать какие-то вопросы.

Тарасов просил, чтобы приходили с родителями, с дедушками, бабушками. Их он считал исключительно важными фигурами в деле воспитания подрастающего поколения. Видел в них огромный ресурс для хоккейной школы.

«“Какими качествами должен обладать защитник?” —

спросил Анатолий Владимирович нас, мальчишек, посетив тренировку детской команды, — рассказывает Фетисов. — Каждый из нас что-то такое сказал — защитить ворота, не дать сыграть нападающему и тому подобное. Тарасов выслушал и сказал: “Защитник должен одновременно видеть партнеров и соперников, а еще блондинку в пятом секторе, в пятом ряду, на пятом месте”. На всю жизнь запомнил эти слова. Всегда старался видеть блондинку. Не в буквальном, конечно, смысле, а старался с поднятой головой видеть всю ситуацию на площадке, контролировать ее».

Тарасов видел всю ситуацию в клубе и контролировал ее. Он не знал мелочей. Психологом был во всем. Спрашивает на одном из собраний у мальчугана, почему тот такой грустный? «Спартаку» проиграли. «“Спартаку”, говоришь, проиграли, повторяет Тарасов. — А родители твои здесь?» Выходит мама. Анатолий Владимирович спрашивает у нее: «По хозяйству помогает? Полы моет? Мусор выносит?» На все вопросы у мамы один ответ: «Нет». И тогда Тарасов обращается к мальчику. «И как же ты собираешься выиграть у “Спартака”, если маме не помогаешь? Даже мусор не выносишь!»

Фетисов называет Тарасова «великим оратором, которого взрослые и дети по два часа слушали с открытыми ртами — настолько доходчиво, понятным каждому языком он говорил о нужных вещах». «Можете себе представить, — говорит Слава, — что, в десятилетнем возрасте прикоснувшись к этому величию, я сразу понял, что это именно то место, где всё правильно — воспитание правильное и ценности и приоритеты правильно расставлены».

В форме ЦСКА начиная с десяти лет Фетисов не проиграл ни одного турнира — ни на каком уровне.

Незабываемой для него стала первая тренировка, проведенная под руководством Тарасова в составе команды мастеров. Фетисову тогда было 15 лет. Дело было летом. Его команда тренировалась в зале тяжелой атлетики. И вдруг прибегает администратор ЦСКА: на тренировке у мастеров кто-то получил травму, срочно нужен защитник, для того чтобы Тарасов мог провести полноценную тренировку. И тогдашний тренер Фетисова, Николай Голомазов, сказал Славе: «Иди».

Первая команда в отличие от юношеской была в тот момент уже на льду. Шел подготовительный период, последний, как потом оказалось, подготовительный период под управлением Тарасова. Фетисов с партнерами пропадал в старом Дворце ЦСКА во время тренировок мастеров. Ребята внимательно наблюдали за старшими, вслушивались в команды Тарасова, он всегда был на

коньках, и при нем всегда был микрофон. И вдруг Фетисов на тренировке ЦСКА оказался не за бортиком, наблюдателем, а на льду, рядом со звездными игроками и Тарасовым. Сон, да и только.

Голос Тарасова: «Звено А, звено Б, звено Ц… Полуфабрикаты… Огольцы…» Падал, вставал. Поначалу — неуверенность. Потом раскатался. В кого-то врезался, на силовой прием поймал. «Всё, — вспоминает Фетисов, — в тумане. Не думаю, чтобы что-то выдающееся тогда сделал, но Локтев, он был тогда у Тарасова вторым, приметил и через некоторое время после того, как возглавил команду, пригласил в первый состав».

Фетисов, как когда-то Виноградов, о котором Слава прочитал у Тарасова в детстве, оказался одним из героев очередной книги тренера, включившего Славу в число выделенных им «мужчин хоккея».

«Вячеслав Фетисов — хоккеист выдающийся, — охарактеризовал игрока мэтр. — По этому поводу расхождений нет и быть не может. Но за что, за какие достоинства все — и специалисты, и любители хоккея — причисляют его к разряду выдающихся?

Неумная активность, игровая дерзость, постоянное стремление к риску — достоинства, разумеется, немалые, но чтобы стать спортсменом выдающимся, неповторимым, этого недостаточно. Ведь не секрет — активных-то у нас и сегодня много, а вот выдающихся…

Активность Вячеслава особого свойства. Если у иных она из достоинства превращается в недостаток, ибо хоккеист порой теряет основу игры — ее осмысленность, коллективность, то у Фетисова одно с другим никогда не вступает в противоречие. Вячеслав нередко берет игру на себя, но при этом никогда не ущемляет партнеров, не сковывает их действия, а скорее наоборот — своими действиями помогает им раскрыть свои лучшие качества.

У него высокая техника — сказать так, коли речь идет о Вячеславе Фетисове, значит, поставить его в один ряд со многими другими. Он же и в этом куда выше практически почти всех и наших и зарубежных защитников — и по разнообразию технических приемов, и по их экономичному, не требующему больших физических затрат исполнению.

…Фетисов у себя в зоне завладевает шайбой, но партнеры перекрыты, и он обводит ближайшего соперника. Обводит благодаря финту и скоростному маневру — практически без всякого риска потерять шайбу. Иначе и нельзя — ведь дело происходит в своей зоне. В зоне же нападения, где чужие и свои

игроки перемешаны, и обводка у Вячеслава иная. Здесь он стремится быстро сблизиться с ближайшим из хоккеистов соперников и, не давая ему времени на размышление, навязывает единоборство, в ходе которого, быстро и разнообразно действуя клюшкой, или сам пролезает к воротам, или скрытно отдает пас партнеру для завершения атаки. Причем разнообразные передачи Фетисова роднит одно — они всегда удобны для приема.

Вячеслав — хоккеист "двурукий": то есть владеет броском и пасом как справа, так и слева. Причем в выборе тактических средств, в исполнении технических приемов никогда не спешит. Но никогда и не опаздывает. Так действовать ему помогает широкая ориентировка, умение быстро и точно "читать" мысли и партнера и соперника. Вот почему обвести Фетисова редко кому удается, сам же он и в разрушительной и в созидательной деятельности преуспевает.

Воспитанник армейского клуба Вячеслав Фетисов с первых шагов в хоккее был приучен к такой игре. И не случайно, будучи еще только девятнадцатилетним, Вячеслав был приглашен в сборную СССР и дебютировал на чемпионате мира 1977 г. в Вене. Столь молодых защитников редко вводят в состав на таких соревнованиях, как чемпионаты мира, — ведь необходимые для игрока обороны стабильность и надежность обычно приходят с годами. Правда, автору могут возразить, что в последние годы молодые защитники в сборной — не редкость. Но это лишь следствие возникшего дефицита игроков обороны. Тогда же, в конце 70-х годов, у тренеров сборной выбор был куда шире и тем не менее они остановились на Фетисове. И Вячеслав оправдал надежды. На чемпионате мира в Вене он ничем не напоминал стажера, лишь на время надевшего форму сборной СССР. Наоборот, и рядом с маститыми, даже такими, как Валерий Васильев, например, Фетисов выглядел достойным и равным партнером. Он сразу же, в год дебюта, убедил всех, что пришел в сборную не на сезон, а на долгие годы.

Случай подтвердил, сколь велика роль Вячеслава и в клубе и в сборной.

В 1984 г. Фетисов из-за сложнейшей травмы пропустил большую часть сезона. Едва только врачи дали "добро", Вячеслав вышел на лед, хотя, конечно, еще не был готов к играм. Но "неготовый" Фетисов в первой же своей встрече — встрече с московским "Динамо" смотрелся: и сам две шайбы забросил, и для партнеров с десяток голевых ситуаций создал. Доказал он — в который раз — весомость высокой технической оснастки и творческого отношения к хоккею.

Капитанов не назначают, а выбирают. И ошибиться в выборе

кандидатуры на эту должность нельзя: больно уж важна и ответственна роль капитана, настолько важна, что далеко не каждый, пусть даже выдающийся, хоккеист пригоден для этой роли. Фетисов же словно был создан для нее. Он — живой пример доблести, сознательной дисциплины, любви к хоккею, высокого мастерства, наконец.

Более того, выделяют Вячеслава и чисто человеческие достоинства — умение дружить, помогать товарищу и, что немаловажно, слушать другого. Вот почему ребята верят своему капитану, всегда готовы идти за ним на спортивный подвиг во имя прославления своего клуба, нашей сборной, всего нашего хоккея.

Вожак, всегда готовый помочь друзьям, и особенно молодежи, обрести крылья — таков Вячеслав Фетисов. И именно таким мне представляется защитник, спортсмен хоккея грядущего».

«Всё то, что во мне есть нормального, мужского, хоккейного, — признался Фетисов, — от Тарасова. Осознаю это совершенно четко. Книги его — библия моя была. И прикосновение к ним в детстве — это никакой оценки не имеет. Это бесценные вещи, которые полностью меня сориентировали и на результат, и на уважение традиций…»

Тарасов, по мнению Фетисова, и тренеров в школу ЦСКА подбирал, отвечавших всем его высоким требованиям, прежде всего моральным. «Что удивительно, — говорит Фетисов, — все считали его очень жестким, но игроки его любили и уважали».

В 78-м в Праге — Фетисову было всего 20 лет — его признали лучшим защитником чемпионата мира. Тарасов подошел к нему после турнира, обнял и сказал: «Славка, смотри не зазнайся». «А ведь прав был Анатолий Владимирович, — вспоминает Фетисов. — “Крышу” немножко снесло».

Поздней осенью 1986 года Тарасова пригласили проконсультировать оказавшийся в сложном положении «Ванкувер Кэнакс». Переводчиком с ним поехал Виктор Гусев, известный телекомментатор, а тогда корреспондент ТАСС. Выступал «Ванкувер» неважно, и руководители клуба сказали, что, воспользовавшись советами Тарасова, хотят поправить турнирную ситуацию.

Тарасов на третий день понял, что истинная цель приглашения — желание канадцев наладить мосты, чтобы переправлять затем по ним советских хоккеистов в НХЛ. Выдающийся тренер, несомненный хоккейный авторитет не только у себя в стране, по мысли канадцев, — именно та фигура, благодаря которой можно ускорить процесс. В консультациях «Ванкувер», надо сказать, тоже нуждался, и тренеры и игроки

команды впитывали в себя почти всё, что говорил им и советовал Тарасов.

Поняв идею канадцев, Тарасов, по словам Гусева, «очень обиделся». «Витя, — обратился он к Гусеву, — по-моему, меня используют, по-моему, я им здесь не нужен. Мы, конечно, пробудем здесь с тобой до конца и время проведем нормально, но, по-моему, позвали для того, чтобы мосты налаживать. “Развели” старика Тарасова…» Тарасов и канадцам сказал то же самое. Они принялись убеждать его, что это не так, что они действительно нуждаются в его советах и консультациях, и Тарасов честно и основательно в течение двух недель, изо дня в день выполнял свою работу.

На пресс-конференции однажды репортеры поинтересовались у Тарасова, будут ли когда-нибудь советские хоккеисты играть в НХЛ, а канадские — в Советском Союзе. По словам Виктора Гусева, Тарасов был категоричен: «Мое мнение такое: никогда советские хоккеисты в Северной Америке играть не будут. Они у вас не приживутся. И вы у нас не приживетесь. Об этом нет даже смысла говорить». То ли тогда, в 86-м, Тарасов действительно так думал, то ли в нем заговорила обида на принимающую сторону, захотевшую, как считал Тарасов, использовать его для наведения мостов.

«Тарасов, — рассказывал мне Гусев, — уже тогда ходил с палочкой, которую называл “клюшкой”, уже тогда чувствовал себя неважно, из-за ноги уже тогда был больной человек. Через год после нашей поездки “Ванкувер Кэнакс” пригласил Тарасова и организовал для него операцию, которую оплатил клуб».

А в тот приезд Тарасов с первых же часов стал всех удивлять. «Мы прямо с аэродрома, — вспоминает Гусев, — отправились на тренировку. Канадцы предложили было отдохнуть после сложного длительного перелета, но Тарасов был тверд.

У нас, — сказал он встречавшим, — и без того мало времени. Нужно начинать работу сразу, без раскачки. Поехали на тренировку».

Приехав на тренировку, сели на трибуну. Тарасов внимательно смотрит на площадку и записывает, записывает, записывает… Неподалеку от него — журналисты. «Тарасов, — рассказывает Виктор Гусев, — вдруг поднимает голову и говорит: “Скажи им, что у меня первое замечание. Вот тренируют численное преимущество. Неправильно это делают. Почему защитники всё время бросают по воротам?” Кто-то из репортеров спрашивает Тарасова: “А куда же им бросать?” Тарасов объясняет: “Защитники должны два раза бросить по воротам, а третий раз — мимо ворот. И об этом обязан знать крайний нападающий. Он

должен там стоять и рвануть на этот третий бросок и отправить шайбу в ворота”. То же самое потом Тарасов сказал в раздевалке тренеру Тиму Уотту. Все всё записали. Совпадение это или нет, но в состоявшемся на следующий день матче, по-моему с “Калгари”, разыгрывая численное большинство, “Ванкувер” забрасывает шайбу точь-в-точь по схеме Анатолия Владимировича. В газетах восклицают: “Первым же советом Тарасов поднимает нашу команду!”

После первой тренировки в раздевалке был разбор занятия. Имен хоккеистов Тарасов, разумеется, не знал, а на тренировочной форме на спинах у игроков не было и номеров, звенья работали в разных по цвету майках. Но советский тренер детально охарактеризовал действия каждого, оперируя прозвищами, которые дал сам, — “длинноволосый”, “в светлых перчатках”, “с клюшкой в левой руке”… И все прекрасно понимали, слушая характеристики Тарасова, о ком идет речь. Тим Уотт все записывал».

Тарасов составил небольшие записочки для каждого хоккеиста «Ванкувера». Некоторые игроки попросили Гусева перевести слова тренера и повесили записки на свои шкафчики в раздевалке. Другие повесили без перевода, сказали, что это «талисман, написанный рукой великого Тарасова». Содержание записок было простым, но емким. Одному хоккеисту Тарасов, например, написал: «Тебе необходимо усилить физическую мощь»; другому: «Обрати внимание на взаимодействие с центрфорвардом»; третьему: «Больше играй с партнерами»… Игроки к этим наставлениям отнеслись очень серьезно.

Любопытный эпизод был в Ванкувере с водой. Тарасов обратил внимание на то, что на тренировках игроки подъезжали к расставленным емкостям с водой и пили сколько угодно, в любой момент. «У нас, — рассказывает Гусев, — считалось, что это вредно для сердца. Мне мама даже говорила: не пей воду, когда играешь в футбол, бегаешь, — сердце надорвешь». Тарасов за голову схватился: «Что вы делаете?..» Это был единственный случай, когда Уотт сказал Тарасову: «Анатолий, мы слушаем всё, что ты говоришь, записываем, но во врачебные дела давай не будем влезать. Доказано, что это абсолютно правильно».

После каждого матча Тарасов занимался с тренерами разбором игры. Однажды обиделся. Уотта задержали на обязательной пресс-конференции. Тарасов ждал его. «Не уважает меня, мальчишка… Том, ты чего, Том? Виктор, так и переведи — ты чего, Том? Чтобы он понял». Тарасову объяснили, что Уотт был вынужден задержаться, потому что выполнял важную часть своей работы. Тарасов помягчел. Уотта, с его аристократической

внешностью, он называл «белой костью», а про помощника его, краснолицего, усатого, похожего на лесоруба Джека Макилхарги, говорил: «Этот — наш».

Тарасову очень понравился тогда нападающий «Ванкувера» Стив Тамбеллини. «Хороший, командный игрок», — охарактеризовал его Анатолий Владимирович. Тамбеллини, надо сказать, — хоккейная династия. Отец Стива, Эдди, в 1961 году в Женеве стал чемпионом мира в составе канадской команды «Трейл Смоук Итерс». Сын Стива, Джефф, тоже одно время играл в «Ванкувере».

На выездной матч Тарасов за две с половиной недели пребывания в Ванкувере летал лишь один раз, чартерным рейсом. У кого-то из хоккеистов родился сын, об этом было объявлено в самолете, и парень угощал всех сигарами. Вручил сигару и Тарасову. Анатолий Владимирович хмыкнул, но курить не стал.

Принимали Тарасова по высшему разряду. Роскошный номер. Три комнаты: общая, тарасовская и гусевская. Два мини-бара, чему Анатолий Владимирович был чрезвычайно рад, позволяя себе рюмочку-другую. Клуб оплачивал всё, включая питание в ресторане отеля. Гусев вспоминает, что поесть Анатолий Владимирович любил, но в еде был неприхотлив, изыскам равнодушен, предпочитал простую пищу.

Когда Тарасов выходил из гостиницы, его окружали караулившие выход тренера ребятишки и протягивали ему для автографа его собственные книги, причем разные, изданные на английском языке. Он их никогда прежде не видел и ничего о них не знал. Попросил у одного мальчишки: «Подари книгу». Тот: «Что вы! У меня только одна. Я не могу с ней расстаться».

На улице и на стадионе Тарасова узнавали и тепло приветствовали. Работоспособность его поражала канадцев. Он посещал все раскатки, тренировки, матчи. На предложение: «Может быть, не пойдем?» — отвечал неизменным: «Нет. Нужно всё смотреть!»

«Однажды, — вспоминает Виктор Гусев, — нас пригласили в мэрию, где были все руководители команды, владелец “Ванкувера” Артур Гриффитс. Собираемся. Надо одеться как-то по-особенному. Тарасов: “Нет-нет. Я — тренер. Никаких галстуков”. И облачился в одежду спортивного стиля. Говорит: “Нужно, конечно, взять селедочки”. — “Какой селедочки?!” — “Давай-давай, купим селедочки. Я ее приготовлю с лучком”. И он всё это у нас в номере разложил, порезал, завернул в специальную пленку, положил в пластиковый пакет, и мы пошли в мэрию — на прием! Хозяева приема, все в костюмах, с галстуками, — обалдели. Уже минут через пятнадцать Тарасов

превратил их в самых раскованных людей в мире! Они сняли пиджаки, руками брали эту селедочку с лучком, закусывая выпитую водку, хохотали. Анатолий Владимирович абсолютно их перестроил, настроил на совершенно иную волну. И канадцы потом говорили, что Тарасов помог им, людям из мэрии и руководителям клуба, лучше понять друг друга. Никогда прежде они не находились вместе в такой вот ситуации абсолютной раскованности. Тарасов их мгновенно объединил — селедочкой, непосредственными тостами, рассказами смешными, некоторые из которых ложились только на нашу почву, игра слов обычно не переводится, но они всё равно хохотали, как только я начинал переводить. Тарасов похвалил канадскую водку: “Это — сюрприз для меня, я считал, что только у нас хорошая водка”».

Интуиция Тарасова практически никогда не подводила. Гриффитс предвидел перемены, которые могли произойти в Советском Союзе и, как следствие, во взаимоотношениях между странами восточного блока и западными государствами, и хотел первым принимать у себя талантливых советских игроков, когда откроется «железный занавес». «Ванкувер» еще в 1985 году выбрал на драфте Игоря Ларионова, а в 1986-м — Владимира Крутова. Приглашая Тарасова проконсультировать «Ванкувер Кэнакс», а год спустя устраивая тренера на операцию в канадскую клинику, Гриффитс был искренним, делал всё это в знак уважения к выдающемуся хоккейному специалисту, но в то же время не забывал об интересах своего клуба.

С Тарасовым Гриффитса познакомил Боб Хиндмарч, возглавлявший спортивный отдел Университета Британской Колумбии и занимавшийся развитием канадской олимпийской программы. Владелец «Кэнакса», мечтая заполучить Ларионова и Крутова, придумал вариант, который мог бы посодействовать скорому приезду в Ванкувер двух высококлассных нападающих. Летом 1988 года он отправил в Москву на четыре недели вратаря Троя Гэмбла и члена тренерского штаба «Кэнакс» Джека Макилхарги — понаблюдать за методами тренировочной работы в СССР. Их миссию Гриффитс называл «дипломатической». Гэмбл участвовал в тренировочных занятиях в ЦСКА, Макилхарги много времени проводил с Тарасовым. «Тарасов, — говорил Макилхарги, — был настоящим королем хоккея». Разумеется, Анатолий Владимирович не упустил возможности пропарить гостей в бане, так что Гэмбл рассказывал впоследствии, как его и Джека били мокрыми вениками, приговаривая, что «это полезно».

В 1989 году Тарасов тепло принимал в Москве Гриффитса и генерального директора «Кэнакс» Пэта Куинна. Эта поездка для клуба из Ванкувера оказалась весьма успешной: 5 октября 1989

года Ларионов и Крутов дебютировали в НХЛ в составе «Ванкувер Кэнакс».

По слухам, Тарасова хотел видеть у себя «Нью-Йорк Рейнджерс». Во всяком случае, об этом по телефону рассказал Анатолию Владимировичу Арне Стремберг. Он прочитал в газетах, что «рейнджерсы» искали великого тренера через Спорткомитет СССР, но неизменно получали ответ: «Тарасов болен…» Если нью-йоркский клуб и собирался заполучить в свои ряды Тарасова, то скорее всего в роли высокооплачиваемого консультанта, но никак не главного тренера, поскольку Анатолий Владимирович по-английски не разговаривал, а на то, чтобы тренировать профессиональных хоккеистов через переводчика, надо полагать, и сам бы не пошел. Да и ничего путного из такой затеи выйти не могло.

Глава двадцать вторая ФИЛЬМ В ФИНЛЯНДИИ

После восстановления нормальных контактов между Международной лигой хоккея на льду и североамериканским хоккеем во второй половине 70-х годов встал вопрос о новой формуле проведения чемпионатов мира. Канадцы ничтоже сумняшеся предложили исключить из группы сильнейших бесперспективных, по их мнению, финнов и создать элитный дивизион, состоявший из сборных Канады, СССР, Чехословакии и Швеции. Команда Финляндии, надо сказать, занимала в турнирах четвертые-пятые места, а в 1978 году и вовсе скатилась на седьмую позицию.

Реализация канадского предложения отбросила бы финский хоккей на многие годы назад. Вмешался, рассказывают, президент страны Урхо Калева Кекконен, сам большой любитель спорта. Он обратился к советскому руководству, с которым у главы Финского государства были очень хорошие отношения. После этого соответствующие указания были получены советской делегацией, на конгрессе ИИХФ она горой встала за Финляндию и отстояла ее как участницу чемпионата мира в группе сильнейших.

Тарасов всегда считал финский хоккей перспективным. У него в Финляндии было много друзей. Один из самых близких — Олли Пулкканен, после войны игравший в составе сборной страны, возглавлявший ее одно время в роли генерального менеджера и создавший национальный «Фонд поддержки хоккея».

Идея о фильме с Тарасовым зародилась у Пулкканена еще в 1979 году. Об этом не понаслышке знает советский дипломат Лев Паузин, работавший тогда в посольстве СССР в Хельсинки пресс-атташе. Пулкканен, преклонявшийся перед гением Тарасова, хорошо знал заместителя представителя «Аэрофлота» в Финляндии, известного летчика-испытателя, Героя Советского Союза Георгия Мосолова, несколько лет возглавлявшего Федерацию хоккея СССР (при нем, к слову, случилась отставка Тарасова и Чернышева из сборной), и попросил его посодействовать реализации идеи. Мосолов познакомил Пулкканена с Паузиным, и постепенно идея о фильме начала приобретать реальные черты.

Пулкканен создал «Фонд поддержки хоккея», в который вошли люди, решившие вкладывать средства в развитие детского и юниорского хоккея. В Финляндии считалось, что энхаэловская школа лучше советской, но Пулкканен придерживался иного

мнения. «Если финны, — говорил он, — хотят когда-либо добиться успеха, они обязательно должны перенять то, что рождалось и продолжает рождаться в голове Тарасова».

Пулкканен постоянно приглашал Тарасова в гости на свою небольшую, скромную дачу на берегу озера под Хельсинки. Анатолий Владимирович приезжал туда на машине — и один, и вместе с дочерью Галей и внуком Алексеем. В один из приездов, после непременной сауны, Олли сказал: «Толя, ты стареешь. Ты должен оставить память. Я бы хотел сделать учебный фильм с твоим участием. Мы готовы финансировать создание ленты. Ты мог бы привезти сюда двух-трех своих знаменитых воспитанников. И мы бы выполнили задуманное на базе какой-нибудь нестоличной команды. По заранее написанному сценарию». — «Мы сделаем всё, что нужно, и безо всякого сценария», — ответил Тарасов.

В те времена одной только идеи, даже той, которую готовы были профинансировать спонсоры, и согласия ключевой фигуры фильма — Тарасова — было недостаточно. Требовалась еще поддержка советского посольства, которому предстояло обратиться в Москву и обосновать необходимость воплощения задуманного в жизнь. Паузин, при разговоре Пулкканена с Тарасовым присутствовавший, рассказывал мне, что отправился к советскому послу в Хельсинки Владимиру Соболеву, для того чтобы тот подписал соответствующую телеграмму в Спорткомитет.

Соболев поругивал Паузина за пристрастие к хоккею и называл не пресс-атташе, а «хоккейным атташе». Однако идеей проникся моментально и депешу в Москву подписал без разговоров. Советский посол был человеком жестким, но справедливым. В 1986 году финская фирма «Пуолиматка», принимавшая деятельное участие в протезировании Льва Ивановича Яшина, пригласила великого спортсмена и гражданина вместе с супругой Валентиной Тимофеевной в Финляндию. Возникла необходимость в замене протеза. Валентину Тимофеевну пытались не пустить с мужем. Соболев направил официальное письмо в Госкомспорт с просьбой разрешить ей выезд. В ответ от спортивного начальника страны Марата Грамова пришла отписка, смысл которой заключался в том, что Валентина Тимофеевна не может выехать… из-за загруженности по работе. Соболев отправил вторую телеграмму, более жесткую, и супруги Яшины выехали вместе.

На послание Соболева Спорткомитет отреагировал оригинально: «Зачем делать фильм с Тарасовым? Он же отошел от дел. Давайте с Тихоновым». Пулкканен был непреклонен:

только с Тарасовым. В противном случае никакого фильма не будет. Москве пришлось согласиться.

Тарасов приехал в Финляндию вместе с Анатолием Фирсовым и Владимиром Лутченко. К работе над фильмом они привлекали и Николая Макарова, работавшего тогда по контракту в финском клубе «Йокерит».

Жили гости Пулкканена неподалеку от города Коувола.

Время было благодатное. По утрам после завтрака под руководством Анатолия Владимировича Фирсов, Лутченко и иногда примкнувший к ним Макаров (у него всё же был контракт с «Йокеритом») отправлялись в лес по грибы и ягоды. Тарасов специально просил Макарова раздобыть для него трехлитровые банки — для заготовок.

Спустя день-другой я сам отправился в «лагерь киногруппы». Подъезжая к гостинице, вспомнил, что не знаю, в каком номере живет Анатолий Владимирович, ради интервью с которым приехал. Поставив машину на гостиничную стоянку, посмотрел на здание и место проживания тренера определил мгновенно: на балконе рядком сушились на веревочке банные веники.

Номер свой Анатолий Владимирович называл «избушкой лесника». Тарасова в Финляндии безмерно уважали. В виде исключения разрешили держать в «избушке» электрическую плитку, предоставленную Олли. Тарасов отваривал на ней грибы. Когда я появился у него в номере, он сидел на табуретке в ванной и чистил утренний «улов». «Не могу ни минуты сидеть без дела, — сказал Тарасов. — А места здесь — грибные и ягодные».

Из той поездки, как рассказывала Татьяна Анатольевна, отец вернулся с четырьмя сумками. Дочери предположили, что там подарки. А когда открыли, обнаружили ягоды и грибы. Часть грибов, собранных буквально накануне отъезда, была не обработана, и сестры тут же получили задание отправляться на кухню.

Помимо сумок с дарами финского леса привез тогда Тарасов и пластиковое ведро с грибами, засоленными по всем правилам. Для таможенников на финско-советской границе ведро стало настоящим испытанием. Как проверить, что в нем? Но Тарасова хорошо знали по обе стороны границы и поверили ему на слово.

Грибы таможня Тарасову оставила в неприкосновенности, а вот видеомагнитофон и кассеты к нему — подарок финнов — изъяла. Тарасову пришлось писать письмо на имя председателя Спорткомитета СССР Марата Грамова:

«Уважаемый Марат Владимирович!

Вам известно, что мне было поручено написание сценария, подготовка спортсменов и участие в съемке фильма по

совершенствованию атлетизма и техники юного хоккеиста. Докладываю, что фильм в содружестве с финскими специалистами и советскими спортсменами (В. Лутченко, А. Фирсов) снят.

По окончании работы мне финские организаторы съемки фильма вручили подарок — видеомагнитофон с комплектом кассет. О подарке я уведомил работников советского посольства и получил “добро”.

В настоящее время видеомагнитофон и кассеты после изъятия их таможней находятся в В/О “Союзспортобеспечение”.

Для моей постоянной работы со слушателями ВШТ, для проведения различных семинаров с тренерами, юными хоккеистами, в том числе “Золотой шайбы”, крайне желательно иметь видеомагнитофон. Он нужен и для моей творческой методической работы.

С уважением — А. Тарасов».

Поразительная картина. Выдающийся тренер с мировым именем съездил в соседнюю страну, хоккейная общественность которой была счастлива заполучить для съемок фильма «по совершенствованию атлетизма и техники юного хоккеиста» специалиста такого уровня, в знак благодарности за проделанную работу организаторы поездки сделали ему скромный, но весьма необходимый для творческой деятельности подарок; подарок этот доблестная таможня изъяла, с какой-то стати не стала хранить его на стеллаже своего склада, а передала в непонятную организацию под названием «Союзспортобеспечение», и Тарасов вынужден (с неизбежной для подобных бумаг долей унижения) клянчить у спорткомитетовского председателя то, что по праву принадлежит только ему, Тарасову, и никому больше!

Дальше — интереснее. Кто-то из руководителей Управления хоккея начертал 2 марта 1984 года (съемки фильма проходили осенью 83-го) под подписью Тарасова: «Просьбу поддерживаю», и прошение тренера отправилось наверх. Резолюция высокого начальства, датированная 21 марта, была следующей (формулировка сохранена):

«Т. Березину Ю. А.

В соответствии с решением руководства СК СССР от 20.03.84 прошу выдать в подотчет лично т. Тарасову А. В.».

И далее — ссылка на протокол заседания руководства № 4 от 20.03.84.

Начальство разрешило вернуть Тарасову его видеомагнитофон, записью в протоколе превращенный им, начальством, в подотчетный, а значит, принадлежащий отныне не Тарасову, а Спорткомитету!

Олли Пулкканен знал что делал: целенаправленно инвестировал свою дружбу с Тарасовым в развитие финского хоккея. От имени «Фонда поддержки хоккея» он бесплатно разослал кассету с почти получасовым фильмом о тарасовских тренировках, его методических рекомендациях по занятиям с детскими и юношескими командами во все хоккейные школы страны. Финские тренеры с привычной для жителей этой страны основательностью сразу же принялись за дело. Тарасовские методики стали для них не догмой, но определили направление, по которому они пошли, привнося что-то свое. Спустя годы это принесло ошеломляющие результаты.

Первого серьезного успеха финский хоккей добился в 1995 году. Сборная впервые в истории выиграла чемпионат мира. Да еще проходивший не где-нибудь, а в соседней Швеции, с которой Финляндия пребывает в состоянии давней непрекращающейся войны в спортивной сфере. Простое знакомство со сведениями о возрасте новоиспеченных чемпионов мира не могло не поразить. Большинству из них в 1983 году, когда Тарасов привозил в Финляндию Анатолия Фирсова и Владимира Лутченко, было от восьми до тринадцати лет. «Финские птенцы», «вылетевшие из тарасовского гнезда», — так их можно было назвать. Редкий случай: сразу три финских нападающих — Саку Койву, Вилле Пелтонен и Йере Лехтинен (первому в 83-м было девять лет, двум другим — десять) — вошли в состав символической сборной чемпионата мира.

На тарасовском фильме учились — и неплохо выучились! — не только чемпионы мира-95, но и многие другие финские дети и юноши, превратившиеся затем в грозную хоккейную силу.

Пулкканен всё организовал идеально. Ему помогли не только спонсоры из «Фонда поддержки хоккея», но и его друг — мэр города Коувола. Фильм имел колоссальный успех. Лев Паузин рассказал мне любопытный эпизод, связанный с завершением съемок. Он приехал в Коуволу на следующий день. Накануне был организован небольшой товарищеский ужин. Не обошлось, понятное дело, без рюмочки-другой. Тарасов уезжал от гостиницы на «мазде». Рядом стоял микроавтобус с клюшками и баулами с хоккейным снаряжением. Фирсов и Лутченко хотели поехать в Хельсинки в автомобиле дипломата. За ними он, собственно, и приехал. Тарасов строго посмотрел на Паузина и сказал: «Ребята поедут в микроавтобусе. На баулах, потому что они вчера нарушили режим». И «нарушители» — 42-летний Анатолий Фирсов и 34-летний Владимир Лутченко, — понурив головы, отправились в микроавтобус, Тарасов внимательно за этим проследил и сам закрыл за ними дверь.

В Доме советской культуры и науки в Хельсинки, незадолго до возвращения домой, Тарасов выступал перед финскими мальчишками, занимавшимися хоккеем, и их родителями. Зал был заполнен. Слева на сцене — трибуна. За ней мэтр: с крупной головой, изгибом крупного носа, с большими руками, обхватившими края трибуны. Внимательный взгляд из-под густых бровей… И после экспрессивного: «Здравствуйте, мальчишки!..» и небольшой паузы: «Я всегда уважал финского солдата, стойкого, смелого и крепкого в бою, и не могу поэтому понять, отчего финские хоккеисты никак не могут научиться выигрывать в хоккей?»

С присущей Тарасову убежденностью он говорил ребятам о том, что только от их добросовестного отношения к тренировкам, соблюдения режима, уважения партнеров зависит, как сложится их хоккейное будущее. «Но не хоккей главное, — сказал тогда Тарасов, словно выступал не в финской столице, а перед московскими мальчуганами. — Главное, чтобы вы выросли достойными гражданами своей страны, чтобы всегда любили свою родину».

Тарасов никогда не избегал встреч с детьми и выступлений перед ними и их родителями. В 1987 году в Ванкувере он провел два показательных урока с тринадцати- и пятнадцатилетними мальчишками — занятия собрали на трибунах несколько сотен зрителей. А вечером в зале местного кинотеатра ответил на десятки самых разных вопросов, заданных ему ребятами и взрослыми.

Любопытны воспоминания о том приезде Тарасова в Финляндию Ристо Пакаринена — одного из тех финских мальчишек, которым довелось получить уроки непосредственно от Анатолия Владимировича. Ристо не стал профессиональным хоккеистом, выбрал профессию журналиста:

«В хоккей в наши дни играют практически круглый год. Финские команды, к примеру, начинают первые в сезоне показательные матчи уже в начале августа, пока весь остальной мир еще жарит шашлыки. Похоже, что игроки в хорошей форме в любое время — они не ленятся ни в августе, ни в апреле.

Летом я всякий раз чувствую, что у меня появился очередной шанс привести себя в форму. Мне это не особо удается, но каждое лето я продолжаю попытки. Я даже делаю некоторые старые упражнения из тех времен, когда я еще что-то мог. А когда никто не смотрит, я пытаюсь взбежать по дереву. Мне нужно сделать не менее трех шагов по стволу, чтобы остаться довольным собой.

Когда я был еще новичком в спорте и учился в старших классах, наш главный хоккейный городок посетили гости из

Советского Союза. Нашу команду пригласили попрактиковаться на теннисном корте нашей школы, где проходил внесезонный мастер-класс Анатолия Тарасова, “отца русского хоккея”.

И мы пришли — все двадцать или около того. Мы стояли шеренгой под палящим солнцем, оглядывались в ожидании узнать, чего он от нас захочет, переводили дыхание после быстрой пробежки. Запыхались все, за исключением трех моих товарищей по команде, которые упростили себе задачу и срезали путь, пройдя через дыру в изгороди, вместо того чтобы перепрыгнуть через нее, как это предполагалось тренером.

Дядя Анатолий был недоволен. В качестве наказания за лень и — без сомнения — отсутствие характера эти три игрока должны были сделать по три кувырка прямо там, на асфальте.

Никакой пощады.

После небольшой разминки господин Т. повел нас на лужайку на краю школьного двора. Мы стояли линейкой, пока он объяснял упражнение переводчику, который затем говорил нам, что надо делать, а сам тренер отходил в тень и наблюдал.

“Сначала вы должны взбежать по дереву, нужно сделать три шага по стволу, но постарайтесь осилить четыре”, — сказал он. Правда, он сказал это по-русски, так что сперва мы просто стояли, уставившись на него, ожидая, пока переводчик сделает свою работу. Ну а потом мы просто стояли, уставившись на него, пытаясь понять, не шутит ли он.

Это была береза, не слишком большая, но достаточно крепкая, чтобы выдержать… пробежку по ней. Никто из нас ничего подобного раньше не делал, поэтому среди нас раздавались нервные смешки.

“Затем вы продолжите бежать и сделаете три опорных прыжка”, — сказал он.

Мы переглядывались, пытаясь понять, правильно ли мы поняли переводчика. Возможно, это переводчик сам неправильно понял Тарасова? Там не было никаких спортивных снарядов, только лужайка. Не было никакой опоры, чтобы совершить прыжок, тем более такой, который мы никогда не делали, не было матов, на которые можно было бы приземлиться.

“А затем бегите обратно в конец шеренги”.

Я дождался своей очереди, сделал глубокий вдох и рванул в сторону березы. Первый, второй, третий, вверх, вверх, вверх, и четвертый, и вниз.

Побежал к следующему этапу и, не задумываясь, я, прежде ни разу не делавший опорных прыжков, прыгнул и попытался что-то изобразить в воздухе, а затем приземлился на спину на лужайке.

Мне казалось очевидным, что это была не только

непосильная задача, но и просто идиотизм — заставлять юных ребят прыгать спиной на жесткую землю. Но когда Анатолий Владимирович говорил: “Прыгай!”, ты лишь спрашивал: “Как высоко?”

Помимо прочего Тарасов однажды рассказал, как видел двух юных игроков, которые пришли на тренировку, и сразу понял, кто из них станет лучшим спортсменом, еще до того, как увидел их в игре.

Естественно, это был тот из них, кто сам носил свою сумку со снаряжением.

Так что я сделал еще один глубокий вдох, подпрыгнул, повращал своим 55-килограммовым телом во все возможные стороны — и приземлился на спину. Боль была еще более сильной, чем в первый раз, но я все равно должен был совершить третью попытку.

Лишь спустя несколько лет я осознал, что Тарасов не пытался научить нас прыгать и делать развороты в воздухе.

Он учил нас подниматься после падений».

Очень точное наблюдение: Тарасов всегда учил подниматься после падений. Себя и других.

В Финляндии Тарасова интересовало буквально всё, что имело отношение к жизни этой небольшой страны. Его изрядно повеселил мой рассказ о любимых цифрах финнов. До сих пор приходится иногда не только слышать, но и читать, что в Финляндии — сухой закон. Когда-то он там был, но себя, понятно, не оправдал, как и практиковавшаяся одно время карточная система. Финны в шутку утверждают, что их любимыми цифрами являются 5, 4, 3, 2, 1 и 0 — именно в такой последовательности, поскольку 5.4.32 (5 апреля 1932 года) в 10 утра открылись наконец магазины государственной корпорации «Алко», которая только и имела — до вступления в Евросоюз — право продавать в специально оборудованных магазинах (витрины непременно зашторены) алкогольные напитки, включая нормальной крепости пиво, — монополия, определенная законодательством.

Внимательно выслушивал Тарасов, великий парильщик, и рассказы о банной культуре в Финляндии.

В Москве доблестью считается высидеть (да еще кто кого пересидит!) при температуре 120 градусов. В Финляндии давно уже путем исследований, в которых участвовали ученые и врачи, пришли к выводу, что оптимальная для организма температура в парилке — 80-90 градусов, максимум — 100.

Однажды автору этих строк довелось париться в резиденции финского премьер-министра Мауно Койвисто, который, кстати,

был затем долгие годы президентом страны. В парилке — два термометра. Один, расположенной в неприметном месте, показывал 90 градусов, другой, на виду, — 120. «Как же так получается?» — поинтересовался я у Койвисто. «Тот, на котором 120, — ответил он, — декоративный. Он предназначен для иностранцев, которые прежде о бане и не слышали. Представьте, возвращаются они в свою страну и с гордостью рассказывают, что сидели в сауне при температуре 120 градусов. Замечательно».

Баня в Финляндии — культ, религия. В стране, число жителей которой едва превышает пять миллионов человек, почти полтора миллиона бань. Их нет только в самолетах и поездах, хотя говорят, что если бы в Финляндии существовали такие же расстояния, как в России, то в поездах дальнего следования обязательно появились бы бани.

Анатолий Владимирович в начале 60-х годов имел честь общаться с Урхо Калева Кекконеном. Более того, он его… парил в бане! Произошло это при удивительных обстоятельствах, самым непосредственным образом связанных с политическими проблемами, возникшими тогда во взаимоотношениях между Советским Союзом и Финляндией. Проблемы эти обозначены в истории как «нотный кризис». СССР, озабоченный проявлениями, как считали в Москве, милитаристских настроений в Западной Германии и пассивной реакцией на это со стороны Хельсинки, заявил о возможном — в соответствии с пунктами, имеющимися в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1948 года, — проведении «военных консультаций» с Финляндией. Для переговоров по этому вопросу Никита Хрущев пригласил Кекконена в Новосибирск (что в Финляндии, к слову, было воспринято весьма негативно). Принимали Кекконена в Новосибирске по высшему разряду. Его поселили в комфортабельном гостевом домике, недавно построенном. Домик находился рядом с дачным поселком Сибирского военного округа и тренировочным комплексом местной армейской команды СКА. Президента Финляндии свозили в Академгородок, побывал он в Новосибирском оперном театре на «Щелкунчике». Переговоры, однако, продвигались с большим трудом. Было принято решение на какое-то время прервать их и дать гостям возможность передохнуть. Вариант с охотой отбросили сразу, с лыжной прогулкой — тоже: она могла затянуться до вечера, а в Новосибирске в ту пору не было ни одной освещаемой трассы. И остановились на бане, тем более что гостевой домик находился рядом с баней, построенной для хоккейной команды.

Дипломат Андрей Бакланов, сын тогдашнего командующего Сибирским военным округом генерал-полковника Глеба

Бакланова, рассказывает, что Хрущев обратился к его отцу с вопросом: можно ли за короткий период организовать всё «на должном политико-протокольном уровне?» После утвердительного ответа командующего Хрущев попросил продумать, кто бы мог неназойливо помочь президенту Финляндии получить представление об особенностях сибирского варианта банной традиции и поспособствовать появлению хорошего настроения у финского гостя. И командующий округом обратился к находившемуся тогда в Новосибирске Тарасову, который был в то время отставлен из сборной и из ЦСКА и являлся тренером-консультантом местной армейской команды. Бакланов и Тарасов, стоит напомнить, были знакомы, они встречались после войны в Москве, где одно время работал Глеб Владимирович.

«Отец, — рассказывает Андрей Бакланов, — пригласил Анатолия Владимировича к себе и попросил вместе с сотрудниками протокола подготовить мероприятие, дать необходимые ценные указания двум-трем спортсменам, которые могли бы оказать необходимую техническую помощь. Тарасов сразу сказал: “Никто лучше меня самого эту миссию не выполнит”. Условились, что в начале встречи он сам представится Кекконену и, не вдаваясь в подробности, объяснит, что находится в Новосибирске временно по делам хоккейной команды».

На ужин Кекконен пришел в необыкновенно приподнятом настроении. Как и надеялся Хрущев, выигрышно прозвучала тема русского, сибирского гостеприимства, включая организацию замечательной бани. В тосте президент Финляндии сказал: «Я много раз бывал в СССР, но вышло так, что лишь сегодня смог по-настоящему оценить, насколько изменилась жизнь советских людей, как вырос их культурный уровень. В бане было несколько человек. Я разговорился с одним из них. Разговор шел на самые различные темы, культуры, истории, искусства, спорта. Я был просто поражен, насколько высок уровень знаний этого человека. Если в далекой Сибири, в загородном поселке живут такие широко образованные и культурные люди, значит, в вашей стране действительно произошла культурная революция». Хрущев был очень доволен, хотя и не понял, какими знаниями в области культуры мог неизвестный ему банщик так пронять финского президента.

Почему вдруг Кекконен заговорил о простом банщике, а не о Тарасове, который должен был перед мероприятием, как они уславливались с Глебом Баклановым, назваться финскому президенту? Оказывается, Тарасов в последний момент решил

изменить сценарий своего участия и скромно отрекомендовался местным знатоком и любителем сибирской бани.

«Правда, — считает Андрей Бакланов, — есть и другая версия. Кекконен был тонким и наблюдательным человеком и возможно, сразу разгадал “подставку”, принял правила игры и сделал психологический ход навстречу Хрущеву. Значимым же является лишь то, что все исторические фигуры, принимавшие участие в том эпизоде, проявили поучительную способность быстро действовать, использовать в самом широком диапазоне открывающиеся, в том числе неожиданные, нестандартные возможности для пользы дела».

У Тарасова с давних времен сложились свои банные традиции, и он им не изменял. В бане у него непременно была высокая температура, но при этом имелись и вода для того, чтобы бросать ее в печь на камни, и веники, которые Тарасов заготавливал сам. Когда температура приближается к 120 градусам или переваливает за эту отметку, следует взять обычную мочалку, окунуть ее в холодную воду, вложить в рот: станет легче дышать и пар не обожжет горло. Тарасов, по рассказу Вячеслава Колоскова, шел еще дальше. Он ложился на полку, наливал в шайку холодную воду, опускал туда голову и пил. Его обрабатывали в четыре веника, а ему — хоть бы что! Выходя из парилки после такой экзекуции, Тарасов, когда был помоложе, окунался с головой в холодную воду, налитую во вместительную бочку, сделанную на даче по его заказу.

Александр Гомельский называл Тарасова «великим парильщиком». Он никогда не смотрел на чины, приговаривая, что в бане все равны. «Как-то в Архангельском, — вспоминал Гомельский, — в баню зашел тогдашний министр обороны маршал Гречко. Он попытался отказаться от парения с мылом. Тарасов ни в какую. Попадались под его веник и другие маршалы. Как он мучил всех: навалится пузом и на все просьбы пощадить отвечает: “Терпи, здоровее будешь!” Вообще “попасть под него” в парилке дорогого стоило».

Шведский хоккейный тренер Томми Сандлин, блестяще работавший с «Брюнесом», рассказывал Николаю Вуколову историю своего знакомства с Анатолием Владимировичем:

«Это был мой первый визит в Москву. “Брюнес” прилетел играть с ЦСКА на Кубок европейских чемпионов. Сам Тарасов приехал встречать команду на аэродром. Он настоял, чтобы я, Хенри Янссон и нападающий Торд Лундстрем, бывший тогда капитаном “Брюнеса”, немедленно поехали в штаб-квартиру ЦСКА на прием…

Когда мы приехали, стол уже был накрыт с чисто русским

размахом по тарасовским, как нам потом объяснили, рецептам. Соленые огурчики, грибки собственного посола, всякая рыба, икра, жареное мясо. Баня нагревалась, водка охлаждалась. Я никогда не пил водки и поэтому встревожился. Как я справлюсь со всем этим?" — спросил я Торда, но тот только рассмеялся в ответ: "Держи фасон!"

О, эта беспощадная баня в исполнении Тарасова, когда он окроплял наши тела большим дубовым веником, а я лежал, уткнувшись лицом в шайку с холодной водой! Еще хуже было с водкой, которую пили из больших стаканов, и мне дали понять, что содержимое должно выпиваться в один прием. Это входило в русскую традицию, иначе человек провозглашался неискренним. Я давился, чувствовал, как все бурлит и горит у меня в пищеводе, но так или иначе всё каким-то образом попало в мой желудок. Когда же передо мной возник второй стакан, вновь наполненный, я не вынес этого, и водка пошла горлом назад.

"Юниор", — сострадательным голосом громко провозгласил Тарасов и снисходительно похлопал меня своей широкой ладонью по голове. Находившиеся рядом Торд и Анатолий Фирсов смеялись до хрипоты.

Затем Тарасов исчез, и "Брюнес" поехал на тренировку на каток ЦСКА. Я на лед не выходил и с совершенно белым лицом сидел перед раздевалкой. Хокан Виберг, который всегда всё замечал, усмотрел нечто странное в моем облике и поинтересовался, что произошло. "Я упоил Тарасова так, что он завалился под стол", — хвастливо изрек я. Игроки, знавшие о моем неприятии спиртного, смотрели на меня с большим сомнением.

И в этот момент появился Тарасов, одетый в военную форму, с иголочки, благоухающий одеколоном. Он как ни в чем не бывало уселся рядом на скамейку с блокнотом и, наблюдая за тренировкой, что-то стал там записывать. Мне же потом для восстановления потребовалась целая ночь».

Однажды в середине 60-х годов Тарасов зазвал в баню приехавшего в Москву американского журналиста, пожелавшего поближе познакомиться с советским хоккеем вообще и с ЦСКА в частности. Неделю он наблюдал за тренировками, бывал на базе, общался с игроками, изумлялся нагрузкам, предлагавшимся Тарасовым на тренировках по атлетизму. Попытался даже сам потренироваться, но после простейшей разминки ему понадобилась помощь врача. С Тарасовым у американца была договоренность, что вопросы тренеру он задаст в конце своего пребывания в Москве. Анатолий Владимирович предложил сделать это в Селезневских банях — там обычно парились

хоккеисты ЦСКА. Банщик отвел гостям отдельный уголок, Тарасов попросил поддать пару по «высшему разряду», замочил дубовые веники в холодной воде, развел в шайке мыло и отправил переводчика за американцем. «Он, — вспоминал Тарасов, вошел в парную в плавках, что-то весело напевая. Я ему помахал рукой, приглашая к себе на полок. Поднялся он на три-четыре ступеньки, сразу как-то присел и бросился назад. В ту минуту мне было его искренне жаль. Не испытал он всей прелести русской бани. Не ощутил неповторимых запахов хвои, дуба, пряностей, которые обычно добавляют для аромата в кипяток. Его тело не ощутило прикосновения мягких дубовых листьев, так хорошо воздействующих на кожу, на настроение. Не получилась, к сожалению, и наша беседа».

К Финляндии Тарасов относился очень хорошо. Можно даже сказать, любил эту страну. Его команды часто играли на финских стадионах. И всегда — успешно. На одной из фотографий, запечатлевших победившую на чемпионате мира в Тампере в 1965 году сборную, вместе с командой — Михаил Шолохов: неподалеку от Тарасова, в каракулевой шапке, в пальто с каракулевым воротником. Будущий нобелевский лауреат (15 октября того же года ему была присуждена высокая литературная премия, а 10 декабря вручена) приехал в Финляндию по приглашению финского писателя Маргги Ларни. Так получилось, что во время этой поездки писатель впервые в жизни побывал на хоккейном матче. Тарасов рассказывал Владимиру Акопяну, как в перерыве между периодами одной из игр буквально на ходу спросил у Шолохова:

— Ну, каково впечатление? Как, нравится игра?

— Трудно объяснить, — ответил Шолохов, — только вот ладони постоянно потеют.

У Шолохова поначалу не было ни аккредитации на чемпионат, ни даже разового пропуска. Он прошел на стадион, прицепив к пиджаку бейджик, который руководитель советской специализированной туристической журналистской группы попросил у аккредитованного на чемпионате корреспондента «Московского комсомольца» Александра Левинсона. Фотографий на репортерские пропуска в те времена не делали, и Шолохов прошел на арену, как «Aleksandr Levinson. USSR»! К «Московскому комсомольцу» писатель, как известно, имел самое непосредственное отношение: в этой газете, называвшейся тогда «Юношеская правда», в 1923 году он опубликовал свои первые заметки, а в январе следующего года — первый рассказ «Родинка».

Шолохов, от спорта человек в общем-то далекий, рассказывал

в одном из интервью, что в Тампере «даже кричал» во время хоккейного матча: «Там особая игра. Там не сам процесс игры меня интересовал, а выиграют ли наши. Больше патриотизма, чем болезни».

…Последний раз в Финляндии Тарасов в сопровождении дочери Галины побывал в 1991 году. 28 апреля он был вынужден вернуться в Москву. В Турку он находился в качестве гостя чемпионата мира по приглашению возглавлявшего тогда оргкомитет турнира Олли Пулкканена. Финские врачи провели обследование Тарасова. У них возникли подозрения, что левая нога может подвергнуться воздействию тромба, и они посоветовали срочно выехать домой для продолжения курса лечения.

Несмотря на серьезно пошатнувшееся здоровье, Тарасов поехал на Олимпиаду-94 в норвежский Лиллехаммер. Эти Олимпийские игры стали последними для него.

Он не мог без хоккея. Его вновь сопровождала Галина. Тарасов запомнился Юрзинову, входившему тогда в тренерский штаб российской сборной, сраженным горем: «До сих пор перед глазами, как шведы после хитрого буллита Форсберга прыгают, обнимаются, празднуют первое для шведского хоккея олимпийское золото. И — Тарасов на трибуне. Он не сдвинулся с места даже после награждения. Вместе с Галиной остался во Дворце. Более несчастного человека я никогда не видел. Для Анатолия Владимировича иного места, кроме первого, не существовало. А здесь в матче за бронзу (за бронзу!) 0:4. От финнов! Мне так жалко его было, что едва сдержал слезы…»

Что же увидел Тарасов на последнем в своей жизни хоккейном турнире Олимпиады? Посредственную российскую команду, подавляющее большинство игроков которой даже не пыталось компенсировать индивидуальное и коллективное неумение самоотдачей, искренней жаждой борьбы с игрой на грани фола, со злостью, страстью, требовательностью к себе и партнеру. Хоккеисты тарасовских поколений от стыда под лед бы забились, если бы два раза подряд проиграли финнам с общим счетом 0:9, и не показывались бы до следующей весны.

Выражение «психология победителей» — достаточно объемное. Эту психологию невозможно привить в одночасье хоккеистам, для которых самая большая в мире радость — обыграть (речь о 90-х годах) «Ладу», «Трактор», «Химик», получить за победу от 100 до 500 долларов, съездить на коммерческий турнир и время от времени спрашивать тренера: «Когда же меня продадите? Мало я для вас сделал?»

На «пересменке СССР — Россия» было безжалостно

растрачено многое из того, что в спорте вообще и в хоккее в частности накапливалось десятилетиями. «Психология победителей» — среди растрат. Она создавалась с первых матче чемпионата страны, со встреч с ЛТЦ. Не все хоккеисты прошлых поколений сборной были суперзвездами, но ни одного из них нельзя было упрекнуть в том, что он уходит от борьбы, уклоняется от силовых стычек, не в состоянии (или боится) «осадить» в нужный момент соперника, словом, не бьется до конца. При Тарасове бились все. Выигрывая и проигрывая. Об этом с горечью и думал, опершись двумя руками на костыль, при помощи которого он только и мог передвигаться, пожилой грузный человек, сидя радом с дочерью Галиной на опустевшей трибуне лиллехаммерского катка.

Глава двадцать третья «ЗОЛОТАЯ ШАЙБА»

На Олимпиаде-64 в Инсбруке в заключительном матче турнира с канадцами Вениамин Александров при счете 2:2 забросил в третьем периоде победную шайбу. Фотография, на которой репортер запечатлел радость форварда, оказалась на столе в комнате, в которой заседали создатели детского хоккейного клуба, организованного — с подачи Анатолия Тарасова — по инициативе ЦК ВЛКСМ. Так вышло, что в гости к журналистам «Пионерской правды» тогда же приехал и Александров. С шайбой в руках. Споры о названии клуба моментально стихли. «Почему бы, — предложил работавший в то время в пионерской газете Анатолий Исаев, — наш клуб не назвать именно так: „Золотая шайба”?» С этим предложением нельзя было не согласиться. 8 декабря 1964 года со страниц «Пионерской правды» впервые прозвучало: «На старт, друзья! “Золотая шайба” зовет!»

«Золотая шайба» — детище Тарасова, совершенно бескорыстного общественника, тратившего, не задумываясь, силы, время, нервы, на дело, важнее которого он для себя после ухода из практического хоккея не видел.

«Думается, это название, — говорил Тарасов, — как нельзя лучше отражает глубинную взаимосвязь массового детского хоккея и наших побед на международной арене. Ведь большая река вбирает в себя течение многих тысяч ручьев…»

Тарасов никогда не был «свадебным генералом» на турнирах «Золотой шайбы». Он вникал во все детали, касавшиеся клуба, рьяно боролся с теми, кто пытался отнестись к соревнованиям формально и просто поставить галочку в графе «проведенное мероприятие». Он общался с мальчишками, их родителями, проводил, не жалея сил и времени, показательные тренировки, выступал на многочисленных встречах с детворой по всей стране, привозил на матчи двенадцати- или четырнадцатилетних хоккеистов выдающихся мастеров, превращал финалы «Золотой шайбы», ежегодно проводившиеся в разных городах СССР, в настоящие фестивали детского спорта.

Тарасова радовало, что из «Золотой шайбы» вышли такие хоккейные звезды, как москвич Вячеслав Фетисов, Владимир Мышкин из Кирово-Чепецка, ленинградец Алексей Касатонов, Сергей Макаров из Челябинска, Андрей Хомутов из Ярославля… Но он никогда не ставил перед детским клубом, аналогов

которому не было и нет ни в одной стране мира, задачу по «производству» классных мастеров. Этим занимались и продолжают заниматься в детско-юношеских командах, функционирующих при клубах, выступающих в чемпионате страны. «Мы, организаторы “Золотой шайбы”, — не уставал повторять он, — ставим перед собой куда более важную и серьезную задачу, нежели подготовка сильных и умелых спортсменов. Нам важно с помощью хоккея воспитать физически крепкого, волевого, самостоятельного, грамотного парня, который активно относится к жизни, надежен, умеет дружить. Пройдут годы, и люди, обретшие в жизни твердый шаг, профессию, семью, будут, уверен, всегда вспоминать добрым словом нашу “Золотую шайбу”, потому что она дает не только заряд бодрости и здоровья детям. Она — это главное — учит их жить в коллективе, побеждать, переживать поражения, вновь вставать на ноги».

«Золотая шайба» стала для Тарасова своего рода отдушиной после ухода из сборной в феврале 1972 года. Тогда он почувствовал опустошение. «Поймите состояние человека, — объяснял он, — который утратил дорогое и близкое, составлявшее значительную часть его забот. К этому, говоря откровенно, примешивалась и доля ревности: мои лучшие игроки готовятся к соревнованиям без меня, им теперь вроде бы и не нужны мои замечания, советы, мои подсказки и рекомендации. Им не нужен более Тарасов…»

Анатолий Владимирович признавался, что какое-то время жалел, что отказался от сборной, боялся, что не найдет себе применения, что одной команды ему будет мало. Он обрадовался, что подошел срок финалов «Золотой шайбы» и с радостью умчался в Ижевск. Вместе с Фирсовым, который каждое утро отправлялся в общежитие и проводил с ребятишками занятия по атлетизму. Проводили Тарасов и Фирсов и «семинары на льду» для тренеров детских команд, съехавшихся в Ижевск.

Активно занимаясь делами «Золотой шайбы», Тарасов дел сразу несколько задач, которые было призвано решить это беспрецедентное начинание. И подготовка будущих выдающихся мастеров — не первоочередная из них. Первоочередными Тарасов видел настоятельную необходимость оторвать ребятишек от улицы с ее пагубным воздействием на юные души, заставить своим авторитетом, а когда требовалось, то и давлением из Москвы власти на местах строить простейшие хоккейные коробки. И наконец, воспитывать у молодых тренеров-добровольцев любовь к работе с детьми.

Коэффициент наивности в суждениях мэтра о роли «Золотой шайбы» в деле воспитания молодого поколения, конечно же,

высок. Но Тарасов в суждениях этих был как всегда искренен; он верил в то, что говорил, страстно желал, чтобы было именно так, и всё делал для того, чтобы именно так и получалось.

Когда речь заходила о «Золотой шайбе», Тарасов, не обращая внимания на хворь, неудобства, сложность маршрутов, перемещался по различным уголкам страны, где ему всегда были рады. Виктор Гусев, сопровождавший Тарасова в 1987 году в поездке в Ванкувер, поведал мне о том, что произошло после возвращения из Канады. «Обратно был очень долгий перелет, — рассказал Виктор. — Анатолий Владимирович чувствовал себя неважно. Из аэропорта мы ехали вместе. Я помог ему добраться до квартиры в доме на Соколе. Милейшая Нина Григорьевна тут же уложила Анатолия Владимировича. Я сказал ей, что непременно заеду завтра, тем более что у меня остались кое-какие вещи Тарасова — привезу их. Приезжаю назавтра. Дверь открыла Нина Григорьевна. Поздоровавшись, спрашиваю: “Как Анатолий Владимирович?” — “А его нет”. — “Как нет?” — спрашиваю испуганно — уж не в больницу ли его увезли? — “А вот так — нет. Он улетел на ‘Золотую шайбу’”. Там, куда он отправился, нет никаких дорог. После самолета нужно добираться на санях. Он сказал: “Я не могу мальчишек подвести. Они меня ждут”. Нина Григорьевна ему: “Только через мой труп”. А Тарасов в ответ: “Как ты можешь так говорить? Ты жена хоккейного тренера. Вот это ты сказала, не подумав”… Когда Тарасов вернулся из поездки на “Золотую шайбу”, ему стало еще хуже. Но он не мог не поехать к ребятишкам, которым обещал приехать».

Как-то раз делегация ЦК ВЛКСМ гостила в Финляндии. Ее принимал президент страны Урхо Калева Кекконен. Переводчиком на этой встрече был дипломат Лев Паузин. Он и рассказал мне о том, что в ходе беседы речь зашла о хоккее. «Когда с нашей стороны кто-то назвал имя Тарасова, — вспоминает Лев Николаевич, — Кекконен сразу сказал, что хорошо знает, кто это такой (вспомнил ли он при этом баню под Новосибирском? — *А. Г.*) и какой вклад он внес в развитие хоккея. Президенту рассказали о “Золотой шайбе” и о том, что ее патронирует Тарасов. “Это очень интересно, — сказал Кекконен. — Я учреждаю кубок для ‘Золотой шайбы’. В этом турнире есть международная составляющая? Нет? Тогда начните с финнов. Пригласите финскую команду”».

Финны тогда, во второй половине 70-х годов, привезли в Новосибирск юниорскую команду «Йокерит», составленную из ребят, по возрасту подходивших для «Золотой шайбы», и «Кубок Кекконена». Турнир получил международное звучание. Тарасов,

знавший, конечно, как обстояли дела с экипировкой детских и юношеских команд в Северной Америке, Швеции и Финляндии, был безмерно огорчен, сравнивая потрясающе красивую форму финнов, их шлемы, клюшки, коньки с тем, как были экипированы советские мальчишки. «Мы хотели бы, разумеется, лучше наших ребят экипировать, подарить им удобные коньки, добротные, легкие клюшки, — говорил Тарасов и искренне удивлялся: — Не могу понять, не вижу причин, почему наша промышленность не в состоянии сделать хороший инвентарь. Тем более что это не мелочи, связано с воспитанием ребят. Наш хоккей заслуживает более заботливого к себе отношения».

У Тарасова сердце кровью обливалось, когда он видел, как десятилетний мальчишка надевал хоккейный ботинок большего, чем ему требовалось, размера. Сначала — носочек, затем — портянку. Потом еще носочек. А после еще портянку. «И он, — говорил Тарасов, — в этих огромных башмаках умеет разгоняться, маневрировать, показывать удаль молодецкую! Не раз наблюдал, как мальчишки вместо щитков засовывали под рейтузы свои старые школьные учебники».

На новосибирской «Золотой шайбе», на которой разыгрывался кубок финского президента, Дворец спорта «Сибирь» был переполнен. В перерывах между матчами Тарасов проводил уроки хоккея с детскими командами для детских тренеров. Зрители не расходились. Паузин, приехавший в Новосибирск с делегацией «Йокерита», был поражен: «Я познакомился тогда с совершенно выдающимся человеком. Увидел педагога, боготворившего детишек, умеющего с ними работать весело, интересно. У ребятишек горели глаза, они с открытыми ртами внимали словам выдающегося тренера, доходчиво объяснявшего им и их тренерам необходимые для хоккейной учебы упражнения».

«Йокерит» вышел в финал, но советским ребятам решающий матч проиграл и был вынужден оставить «Кубок Кекконена» в Советском Союзе. После игры финские тренеры окружили Тарасова. Их интересовало его мнение об игре команды. «Команда у вас отличная, — сделал комплимент Тарасов. — Но есть несколько ‘но”. Ножки у большинства игроков слабоваты, скоростишки не хватает, с бросочками кистевыми дела обстоят неважно. Много еще нужно работать. Ребятки у вас хорошие. Мне понравилось, что в этом возрасте они совсем не избегают силовой борьбы, не боятся ее. Здорово к атакам подключаются защитники. И назад вовремя успевают возвращаться…»

На турнир «Золотой шайбы» в СССР финскую команду привозил тренер Рауно Арппе. Он познакомился со многими

советскими хоккейными специалистами, в том числе с Тарасовым. В начале 90-х Арппе, занявшийся организацией тренировочных сборов, турниров и семинаров, привозил в Россию группу финских тренеров в Высшую школу тренеров, где лекции им читал Тарасов.

Кари Хейккиля, финский тренер, работавший, в частности, в клубах Континентальной хоккейной лиги — «Локомотиве», «Металлурге» и «Нефтехимике», — отрицает, что работает по «системе Хейккиля». «Хоккей, по моему убеждению, — говорит он, — должен быть умным и быстрым… Но это не моя система. Еще старина Тарасов говорил, каким должен быть хоккей. Это — система Тарасова».

«Я с Тарасовым участвовал в двух “Золотых шайбах”, в Саратове и Новосибирске, — рассказывал журналистам «Спорт-экспресса» Юрию Голышаку и Александру Кружкову известный отечественный тренер Игорь Тузик. — Покоя не давал! В час ночи разошлись, в пять — звонок: “Подъем. Надо проверить, есть ли у мальчишек салатик, кефир”. Салата не обнаружили — и Тарасов начал самые важные телефоны в этом городе набирать: “Соедините с первым секретарем! Это Тарасов, ‘Золотая шайба’. Что у вас за отношение? Или мне в ЦК комсомола звонить?” На следующий день всё было».

Увидел там Тарасов вратаря «Крыльев Советов» Сидельникова: «Саша, а что ты одетый? Ну-ка, покажи кульбиты мальчишкам. Они должны видеть, как выполняет упражнения олимпийский чемпион!» На улице слякоть — и Сидельников в новеньком адидасовском костюме кувыркается. А в Саратове на уроке для детишек в роли подопытного выступил Зимин: «Женечка, продемонстрируй, как ты канадцев обыгрывал. А как они били?» Женя разбегается — и в борт! «Нет, народ не верит!» Зимин разбежался так, что ворота раскрылись — и он вылетел в коридор. Во дворце тишина — только невозмутимый голос Анатолия Владимировича: «Теперь, Женя, обыграй мальчика…»

Наверное, не найти на карте России точки, где бы не играли детские и юношеские команды в турнире «Золотая шайба», который носит имя Тарасова.

«Мне, — рассказывал Тарасов, — не давали каких-то 100 тысяч рублей (речь о деньгах в исчислении начала 90-х. — *А. Г.*) на проведение всероссийских соревнований. Мне говорили: пора перестраиваться, пора зарабатывать валюту на “Золотой шайбе”. Я говорил этим чиновникам: как вам не стыдно, вы бы лучше побеспокоились о мальчишках. Был в Москве на финалах турнира. Звоню одному чиновнику. Говорю: дайте мне, на мои деньги, полпуда песку, сахарного. Он: зачем вам столько? Я

говорю: поверьте, не самогон варить буду. “Вы были мальчишкой? — спрашиваю. — Вы знаете, наверное, что когда побегаешь на улице, то хочется сладкого крепкого чая. Так вот, они набегаются на хоккейных площадках, а чая нет!” А он в ответ: “А где я вам достану?” Я еле выпросил. И то шесть килограммов вместо восьми».

Нина Григорьевна вспоминала, что Тарасов был просто обескуражен тем, что на такие соревнования — для детей! — вдруг не дают денег: «К нему врач приходил и спрашивал, что и как у него болит. А он врачу: “Нам денег не дают. ‘Золотая шайба’ может пропасть, вот что у меня сильнее всего болит!” Я иногда не выдерживала: “Зачем ты доктору — про ‘Золотую шайбу’? Ему это неинтересно”. А он в ответ еще больше кипятился: “Как это — про детей — неинтересно?! Не может быть ему неинтересно!”»

В 1971 году на чемпионате мира в Швейцарии у Тарасова, помимо всего прочего, поинтересовались в интервью, а что это такое — «Золотая шайба»? Он упомянул это название, когда рассказывал о том, как развивается хоккей в Советском Союзе. Тарасов ответил, что это турнир, объединяющий больше миллиона мальчишек разных возрастов. Интервью с Тарасовым была предпослана шапка: «За ним идут миллионы». Рассказывают, что в расположение сборной приезжал человек из советского посольства и попытался объяснить Тарасову, что миллионы могут идти только за партией. Тарасов пререкаться не стал, лишь пообещал дипломату, что по возвращении с чемпионата пересчитает всех мальчишек по головам и сообщит через МИД точную цифру играющих в системе клуба «Золотая шайба».

Кадры хроники. Тарасов, грузный, со свистком, проводит, как в новые времена говорят, мастер-класс — для молодых тренеров и мальчишек. Дает сигнал, останавливает занятие: «Все сюда, пожалуйста». «Товарищ тренер, — мягко, неторопливо говорит Тарасов, — потребуйте, чтобы поднимали лица. Слепых котят у тебя полно… Но по содержанию хорошо, товарищ тренер. Правда, ты далеко от группы. Группа должна тренера чувствовать. Ты не видишь детали».

Тарасова внимательно слушают и «товарищ тренер», и мальчишки, на глазах начинающие поднимать головы. «У меня несколько просьб есть. — Тарасов начинает говорить страстно, быстро. — Первая. Если у кого-то увижу морду… Я сейчас увидел у товарища тренера морду для покойников… Если у кого увижу, немедленно сниму. Радоваться надо, что вы — в хоккее. Всё делать задорно, зло и как истинные мастера. Вторая. Когда-то канадцы нам представлялись овчарками. Они нас здорово кусали.

Я хочу, чтобы вы были овчарками умными, злыми до тренировок. Если ты, тренер, сам на льду не показываешь пример боевитости, беспощадности к себе, не будут твои мальчишки такими же, какими были наши выдающиеся мастера. Выработка характера, она невозможна при помощи лекций, бесед. Только за счет тренировок и личного примера».

(Вспоминал ли он при этом, как однажды на тренировке сборной СССР ему пришла в голову идея проверить характер хоккеистов? Команда занималась в тот день в бассейне. С клюшками, разумеется, в руках: надлежало гонять по поверхности воды небольшой резиновый мячик. «А теперь, мальчишки, прыжки в воду с вышки. Вперед!» Разговоры в группе молодых людей моментально стихли. В наступившей тишине голос, похожий, как принято говорить, на голос Бориса Майорова, произнес: «Мы бы с радостью, Анатолий Владимирович, но не могли бы вы показать, как это надлежит делать?» И Тарасов, высоты боявшийся, нахохлился, но на вышку отправился. Прыгать в воду он, разумеется, не умел. Грохнулся с вышки животом об воду. Вылез из бассейна весь красный от удара, но довольный: не осрамился перед командой, которая вынуждена была последовать примеру тренера — за исключением, говорят, трех ничего не желавших слышать «отказников»: Коноваленко, Рагулина и Бориса Майорова.)

…Тарасов призывает к возобновлению занятия: «Я прошу сейчас показать вот этот темперамент, эту беспощадность к себе. Пожалуйста, Коля, командуй! Ни одного бестолкового не должно быть. Колечка, командуй и, если нужно, лупи их! За всё я отвечаю… А почему не бьем канадца, Валера?! Почему не бьем канадца?..»

И — еще фрагмент мастер-класса: «Володя, подожди. Ты мне сейчас обведи канадца одного, другого, а потом — кувырок. На большой скорости, по-настоящему. Убей канадца!.. Побудь около него. Побей его… И — поведи шайбу. Две шайбы поведи! Понял? Одну коньком, другую клюшкой. Сделайте, пожалуйста…»

Теплые отношения связывали Анатолия Владимировича с Борисом Гусевым, тренером первого в России сельского хоккейного клуба. В свое время Гусев был перспективным спортсменом-гимнастом. Однажды во время соревнований сорвался с перекладины. Тяжелая травма. В больничной палате провел много месяцев. Не только выстоял, но встал на ноги. Когда выписался, заниматься гимнастикой уже не мог. Более того, ему запретили даже тренировать гимнастов. Но спорт Гусев не бросил. Стал тренировать юных хоккеистов в совхозе «Шуваловский» под Костромой. В этом совхозе не было ни одного

мальчишки, юноши и молодого человека постарше, кто не играл бы в хоккей. Гусев несколько раз писал Анатолию Владимировичу, а потом Нина Григорьевна (сама родом из небольшого городка Епифань и всем, кто из провинции, всегда помогавшая) посодействовала их встрече.

Анатолий Владимирович всячески Гусеву помогал специальными пособиями. Организовал, пользуясь авторитетом, выезды на соревнования детских команд, приезжал в «Шуваловский», встречался с мальчишками, «отдыхал там душой», как говорил сам Тарасов.

«Гусев, — рассказывала Галина Анатольевна, — и заманил Тарасова в “сусанинские места”. Первый раз мы поехали летом. Отец со своим учеником, олимпийским чемпионом Игорем Ромишевским, провел тренировки — и влюбился в деревенских мальчишек. Второй раз, осенью, встречался с губернатором Костромской области Валерием Арбузовым и владыкой Александром. И дело по организации сельской „Золотой шайбы” тогда решили. Третий раз, зимой, на первый турнир в Кострому нас провожала Татьяна и велела взять с собой “чапаевскую” бурку. Стояли дикие морозы, катки все открытые, но отец не пропустил ни одной игры».

Ромишевский показывал местным мальчишкам, как нужно тренироваться. Анатолий Владимирович сидел на стуле посреди площадки и руководил процессом. «Иногда, — вспоминала Галина, — он так увлекался, что вскакивал со стула, опирался на свой костыль и сам пытался что-то показать». Бурка, к сожалению, от воспаления легких тогда не спасла.

На Доме культуры в Шувалове, рядом с хоккейной коробкой установлена памятная доска. В то время на земле было два места, где была увековечена память об Анатолии Владимировиче Тарасове, — в Зале славы в Торонто и в костромском селе. Два с лишним десятилетия спустя после ухода Тарасова из жизни не было ни школ хоккейных, названных его именем, ни дворцов спорта. Даже в подмосковной Загорянке, ставшей для Тарасова дачным пристанищем, нет улицы Тарасова…

Вместе с Игорем Ромишевским, активно работавшим в «Золотой шайбе», Анатолий Владимирович принял самое горячее участие в судьбе пятнадцатилетнего Сережи Левина, которого сбил мотоциклист, когда группа юных игроков «Искры» — так назывался хоккейный клуб — возвращалась с тренировки на велосипедах. «Когда я подоспел к мальчику и увидел, что случилось, — вспоминал Борис Гусев, — у меня в глазах потемнело. Нога у Сережи превратилась в кровавое месиво…» На попутной машине мальчика отвезли в Кострому. У него оказалась

вырвана часть малой берцовой кости, разорваны мышцы… Лоскутки мышц после многочасовой операции удалось сшить. С помощью Тарасова Сережу показали лучшим московским врачам. В конце 1993 года в Институте микрохирургии имени Бурденко ему была сделана еще одна операция. Потом Тарасов и Гусев стали хлопотать, чтобы мальчик прошел необходимый курс реабилитации, постоянно находился бы под присмотром врачей.

При работе над книгой я решил выяснить, что стало с мальчиком, удалось ли его поставить на ноги, как сложилась его жизнь после такой тяжелой травмы. Оказалось, что Сергей Левин работает тренером юных хоккеистов в детско-юношеском клубе «Кострома». Его подопечные успешно играют во Всероссийских соревнованиях юных хоккеистов «Золотая шайба» имени А. В. Тарасова и в первенстве Костромской области. Сергей Евгеньевич на ногах в прямом и фигуральном смысле этого слова. Тренировки он проводит на льду, сам всегда на коньках. «Тарасов и Гусев сыграли в моей судьбе огромную роль, — сказал он. — Как же Анатолий Владимирович отнесся тогда ко мне, попавшему в такой переплет на дороге!.. Словами мою благодарность ему не передать. Честно признаюсь, вспоминаю его каждый день. Сколько же было в этом человеке теплоты по отношению к другим людям. Он для меня — пример во всем. И я счастлив, что на льду, что тренирую мальчишек, что могу заниматься любимым делом».

Костромские любители спорта называют свой город Меккой «Золотой шайбы». Тарасов в Кострому, командой мастеров так и не обзаведшуюся, наведывался регулярно. Гусев рассказывал, как в 1993 году, в день тарасовского юбилея (мэтру исполнилось 75 лет), они вместе с Тарасовым и бывшим министром спорта Юрием Машиным поехали в Лужники на хоккей. В машине Машин достал опубликованную в «Комсомольской правде» статью «Тарасов — деспот или нет?» Тарасов прочитал и согласился: «Да, я был деспотом».

В те дни Тарасов подарил Гусеву гранитную хоккейную перчатку, изготовленную уральскими мастерами в 1965 году. Подарок он сопроводил напутствием: «Борис, я с рельсов сошел. Пусть детский хоккей развивается в Костроме». Тарасов был бы доволен, узнав, что шуваловская «Искра» под руководством Гусева летала в феврале 1997 года в США и Канаду и выиграла все семь матчей у заокеанских сверстников.

Сегодня, по мнению Вячеслава Фетисова, «Золотая шайба» в том виде, в каком она была задумана и воплощалась Тарасовым, не работает. В хоккей детишки сейчас начинают играть с пяти-шести лет в школах при клубах. «Массовость, — говорит Фетисов,

— это, конечно, хорошо, но я считаю, что сейчас “Золотую шайбу” следует трансформировать в школьные соревнования. Она из дворовых турниров уже выросла».

Глава двадцать четвертая
СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

В начале августа 1989 года в скромном дачном домике в Загорянке проходило торжество, на которое съехались друзья, знакомые и соседи: Нина и Анатолий Тарасовы, расписавшиеся в московском загсе 50 лет назад, отмечали золотую свадьбу. Праздник родителям устроили дочери — Галина и Татьяна. По просьбе Анатолия Владимировича они — тайком от мамы — купили для Нины Григорьевны подарок: обручальное кольцо, о котором 1 августа 1939 года молодожены не то чтобы не мечтали — даже не думали.

На дачной террасе молодожены с пятидесятилетним стажем восседали, словно королевская пара. Над ними повесили плакат: «Нина + Толя». Под двумя именами черта и еще одно слово — «Любовь!». А чуть ниже — сердце, пронзенное хоккейной клюшкой. «Мы, — пишет Татьяна Анатольевна, мысленно обращаясь к отцу, — устроили пир, про который потом все вспоминали много лет. А ты был в центре. Седовласый хозяин, красавец, муж, отец, дед… Когда мне бывает грустно, я всегда вспоминаю этот свадебный стол в разгар жаркого дня, и тебя во главе его, и сияющую маму рядом, и как ты ей говоришь “Эх, Нинка!”, и мне становится легче. Все-таки дожили, все-таки был в нашей жизни день, о котором я сейчас вспоминаю как об абсолютном и беспримесном счастье».

Алексей Тарасов запомнил шутливую пикировку Анатолия Владимировича с Ниной Григорьевной. «Я, — говорил Тарасов, — взял ее из деревни». — «Как не стыдно, Толя, — возмущалась Нина Григорьевна. — Епифань — не деревня, а районный центр в Тульской области. И вообще, жениться на мне ты не торопился. Не подплыла бы к тебе в бассейне и не пригрозила, что утоплю, если немедленно не сделаешь предложения, так бы и тянул время». — «Молодой был, — смеясь, отвечал Тарасов, — разве мог знать, что ты — лотерейный билет, по которому я выиграю “Волгу”?!» — «Предложение, — шутила Нина Григорьевна, — сделал. Побаивался, видимо, что покуда он будет в Одессе, меня в Москве кто-то уведет».

Епифань — историческое место, рядом Куликово поле. В 1912 году по подписке здесь было построено несколько больших храмов в память о 1812 годе. Отец Нины Григорьевны, Григорий Григорьевич Забелин, сын директора Первой московской гимназии, с отличием окончил медицинский факультет

Московского университета, участвовал в Русско-японской войне — младшим ординатором в госпитале пехотного полка. Награжден двумя орденами Святого Станислава, орденом Святой Анны. Был ранен, в декабре 1905 года вернулся в Епифань, и в скором времени его назначили главным врачом Епифанской уездной больницы и избрали затем в состав уездной земской управы. В 1912 году Забелин обвенчался с Валентиной Константиновной Бурыкиной — мамой Нины Григорьевны. Скончался Григорий Григорьевич в 1918 году — в возрасте сорока четырех лет. Валентина Константиновна вышла замуж за Иосифа Дементьевича Феклисова, тоже врача, работавшего в больнице Забелина, у нее в новом браке родилась еще одна дочь — Галина, сестра Нины и Марии.

Татьяна Анатольевна называет Валентину Константиновну человеком «доброты необыкновенной; порой казалось, что чужих она любила больше, чем своих… И я вижу, что у мамы очень много бабушкиных черт, и чем она становилась старше, тем больше была на нее похожа по отношению к людям, семье, подругам. По абсолютной честности».

Деликатность, терпимость, интеллигентность Нины Григорьевны, ее линия поведения (она никогда не бравировала именем мужа) заметно отличали ее от жен некоторых тренеров, считавших, что они имеют полное право советовать, кого включать в состав, кому в первую очередь выдать ордер на квартиру или талон на приобретение автомашины, кого поощрить… Жены великих игроков — Светлана Александрова и Надежда Фирсова — рассказывали с теплотой и благодарностью о том, как Нина Григорьевна помогала им, и не только им, «продуманными, самыми точными советами в деле становления семьи, взаимоотношений в доме».

Эту историю, записанную со слов великого тренера его другом Владимиром Акопяном и для истории им тем самым сохраненную, Анатолий Владимирович любил вспоминать, когда разговор переходил в плоскость обсуждения семейных отношений спортсменов, вопросов супружеской привязанности, взаимного уважения и терпимого отношения к специфике спортивной жизни.

Случилось это в середине 60-х годов в знаменитом поезде «Красная стрела», следовавшем из Ленинграда в Москву. Попутчиками в двухместном купе — совершенно причем случайно — оказались Анатолий Владимирович Тарасов и Андрей Петрович Старостин, легендарный спартаковец, один из четырех братьев Старостиных, оставивших заметный след в отечественном футболе. Тарасов и Старостин давно знали друг друга (к месту

будет вспомнить, как Тарасов в детстве, наблюдая за тренировками футбольного «Пищевика», восхищался Андреем Старостиным, который был старше его на 12 лет). Они были рады такому случаю и охотно погрузились в ночной разговор, который не прерывался до самого утра. В ходе беседы чинно и с удовольствием была распита бутылка армянского коньяка. Беседа лилась живо и интересно. Конечно, много и подробно говорили о большом спорте, благо каждый внес весомую лепту в это масштабное общественно-политическое дело. Вспоминали молодые годы, трудный, но радостный период становления советского спорта. Невольно перешли к особенностям семейной жизни спортсменов. Говорили о длительной разобщенности супругов, когда спортсмены вынуждены в силу специфики профессии подолгу быть в отрыве от дома, от семьи. Коснулись трудной доли жен спортсменов, пребывающих в долгом и томительном ожидании своих супругов. Тем более что происходит это в самые молодые и яркие годы жизни. И здесь Старостина словно прорвало. Он начал с упоением и восторгом рассказывать о любимой супруге, о своих возвышенных чувствах к ней, о непреходящем преклонении перед ее многочисленными достоинствами. О том, сколь удивительна эта женщина, сотканная из одних добродетелей. О ее необыкновенном отношении к самому Андрею Петровичу, который, в чем она глубоко убеждена и охотно признаётся, наполняет смыслом ее жизнь. Беседа быстро трансформировалась в монолог Старостина. Остановить его было невозможно, да, наверное, и не требовалось, уж очень искренним, нежным и увлеченным был его рассказ о верной спутнице жизни. Тарасов охотно внимал всем этим восторгам, хорошо зная истинную красоту и другие достоинства жены Андрея Петровича.

К своему удивлению, Тарасов отметил, что его нисколько не утомил рассказ Старостина. Напротив, он был живым, интересным и помог скоротать время в пути. Анатолий Владимирович в душе даже благодарил попутчика за такое неожиданное и трогательное откровение. Одновременно он испытал мимолетное чувство белой зависти к своему товарищу по большому спорту. Ведь он явно «недотягивал» в способности проявлять к собственной жене столько внимания — всё свое время Анатолий Владимирович посвящал хоккею. На мгновение Тарасову сделалось даже совестно. Он вспомнил и о том, что Старостин всегда, помимо большого спорта, отдавался увлечению искусством. Был вхож и почитаем в театральной среде, многие годы водил дружбу с великими Яншиным, Прудкиным, Названовым и другими. Всегда посещал театральные премьеры.

Даже на выездах с футбольным «Спартаком» умудрялся посещать лучшие драматические театры Ленинграда, Киева, Тбилиси.

Выходя на перрон Ленинградского вокзала в Москве, Тарасов и Старостин тепло поблагодарили друг друга за подаренную радость общения. Утро столицы (а поезд прибывал в Москву в начале восьмого) было ярким и солнечным. Свежий летний воздух бодрил. Тянуло к свершениям. Бессонной ночи как не было. Тарасов приготовился распрощаться. Андрей Петрович в момент расставания вдруг жарко выпалил: «Толь, а поехали сейчас в “Яр” к цыганкам?! На весь день!» Тарасов опешил. Вперив изумленный взгляд в лицо Старостина, он только и смог выдавить: «А как же жена?!»

Ни один мускул не дрогнул на словно из камня выточенном лице видавшего виды Андрея Петровича. Ответный холодный взгляд лишь дополнял ледяную непреклонность и искреннюю безапелляционность мгновенного ответа: «А при чем тут жена?»

«Родители, — говорит Татьяна, — никогда не расходились во мнении, я выросла в полном ощущении гармонии между ними. Ну, были какие-то, наверное, сложные моменты у них. Были ли ситуации, когда папа стоял перед выбором, не знаю. Это была взрослая тема, не хочу вспоминать».

В своей знаменитой статье «В защиту Бориса Майорова», опубликованной «Литературной Россией», Тарасов поведал о дочери:

«…Таня была неплохая как будто бы фигуристка. На чемпионате Европы в паре с Георгием Проскуриным заняла четвертое место, затем они выиграли универсиаду в Турине. Однако серьезная травма заставила Таню прекратить выступления на ледяной арене. Девятнадцатилетняя спортсменка стала тренером. Естественно было предположить, что Таня начнет работу с юными фигуристками, но судьба ее сложилась так, что ей поручили работу с достаточно опытными мастерами, с уже сложившимися парами.

Мне этот выбор представлялся не самым разумным. Я возражал против решения Тани… Предупреждал ее, что в таком случае после взлетов неизбежны и болезненные падения. К счастью, Татьяна выплыла, выкарабкалась… Таня — тренер сборной страны, у нее несколько интересных пар, выступающих в танцах на льду и в парном катании. И все-таки я убежденный сторонник иного пути к вершинам тренерского искусства. Я считаю, что молодые тренеры должны взять совсем молодых, юных спортсменов и вместе с ними с самого начала пройти путь к высотам мастерства».

Татьяна хотела поступать в ГИТИС на балетмейстерский

факультет, но Анатолий Владимирович был непреклонен: «Артистов у нас в семье не было и не будет».

Анатолий Владимирович говорил дочери: «Прежде чем их истязать, надо себя истязать. Воспитывать на личном примере». Плавать он Татьяну научил, когда ей было четыре года, — на море, отдыхали в Гурзуфе, бросил ее с лодки. Поплыла, зная, что отец — большой и сильный — рядом, и страшно не было. В детстве по утрам он выгонял ее во двор на зарядку, наблюдал с балкона, и если девочка, застеснявшаяся под взглядами мальчишек, пропускала какой-то элемент утренней гимнастики, заставлял ее всё делать с начала. Никаких кроссовок тогда и в помине не было. С наступлением холодов Татьяна бегала по снегу в тряпичных тапочках «Дружба». «Пап, — говорила она, — у меня ноги мерзнут». «А ты, — отвечал он, — беги быстрее, будет жарко».

В пять утра он будил Таню, с четырех лет занимавшуюся фигурным катанием, и говорил: «Дочка, я приготовил тебе завтрак и договорился, что ты будешь кататься два часа до тренировки». И она каталась — при одной-единственной лампочке.

Галина рассказывала, что отец, не видевший в ней спортивных задатков, баловал ее, а к Татьяне относился значительно строже. С шести лет Таня одна стала ездить — рано утром! — на каток в Марьину рощу, сначала на метро, потом на троллейбусе, и надо было еще дорогу переходить.

Анатолий Владимирович и на тренерское дело Татьяну благословил, когда она получила травму. «Иди, дочка, на каток, набирай группу, тренируй учеников, — напутствовал Тарасов. — Без работы ты не останешься никогда и будешь там счастлива. Не заметишь, как жизнь пролетит». Разузнав о том, сколько времени проводят в тренировочных занятиях тогдашние корифеи фигурного катания Станислав Жук и Елена Чайковская, Анатолий Владимирович сказал дочери, что она должна, чтобы быть с ними конкурентоспособной, проводить на льду по 12 часов. Он заставлял Татьяну думать и в ответ на просьбу поделиться упражнениями, помогающими сохранить физическую силу и форму, говорил: «Принесешь три своих упражнения, так и быть, покажу тебе одно». Никаких поблажек дочери. На ее тренировки он приходил редко. Однажды Татьяна сама попросила его посмотреть на Ирину Моисееву и Андрея Миненкова. После тренировки Тарасов сказал: «Таня, у него слабые спина и живот, тяжело спускает партнершу с поддержек». Татьяна стала уделять больше внимания атлетической подготовке, и пара выиграла серебро на Олимпиаде, уступив лишь великим Людмиле

Пахомовой и Александру Горшкову. Татьяна пребывала на седьмом небе от счастья, до тех пор пока отец не приземлил ее: «У нас в хоккее за второе место с работы снимают». Лишь после золотых наград, выигранных на Олимпийских играх учениками Татьяны Анатольевны, дочь услышала: «Ну, здравствуй, коллега».

Тарасов, когда ждал с Ниной второго ребенка, очень надеялся на рождение сына, которого заранее мечтал приучить к хоккею. Узнав о появлении дочери, поначалу до того расстроился, что, как гласит семейное предание, не пошел даже в феврале 1947 года забирать Таню из роддома. Но потом принял самое деятельное участие в приобщении Татьяны к спорту, и в том, что из нее получился выдающийся тренер по фигурному катанию, немалая его заслуга.

Как на будущего хоккеиста рассчитывал Тарасов на первых порах и на внука Алексея. Алексею рассказывали, что первым словом, им произнесенным, было не «мама» и не «папа», а — «ЦСКА». Однако хоккей Алексея не увлек, прошел, можно сказать, мимо него. Несколько месяцев занимался в ЦСКА, когда ему было шесть лет, а потом лишь в рамках «Золотой шайбы» играл в дворовой команде. Алексей нормально отучился в первом классе в школе, в которой работала его мама, потом перешел в другую и там, по его словам, «превратился в разгильдяя, троечника: как-то у меня не пошла новая школа». «Не могу сказать, — рассказывает он, — почему это произошло. Не могу сказать, что были плохие преподаватели, просто я сам отлынивал от учебы и от уроков. Вечером меня находили в парке в тире. Я стал драться. Меня мои школьные “успехи” не волновали, а вот остальных членов семьи… И я вернулся в свою прежнюю школу, в шестой класс, меня чудесно там приняли, с некоторыми одноклассниками я еще в детский сад ходил. И учеба пошла на совершенно ином качественном уровне».

Алексей, окончивший иняз, владеющий итальянским и английским языками, занимающийся бизнесом, старательно, изо дня в день, возит на тренировки в ЦСКА одного из двух своих сыновей — Федю, правнука Анатолия Владимировича, который, можно не сомневаться, был бы рад увидеть потомка в армейской форме.

Тарасов с детских лет учил дочерей, что лучший отдых — это смена занятий. Закончили уборку — приступайте к стирке, постирали — начинайте готовить обед, после обеда — самое время погладить белье. Однажды Татьяна, которой поручили сделать в квартире уборку, схалтурила, поскольку торопилась во двор к друзьям. Нина Григорьевна обнаружила под книжным шкафом пыль. Татьяну в наказание не взяли в Ленинград, куда

семья отправилась посмотреть город и походить по музеям. Татьяна билась в истерике на балконе, наблюдая, как мама, папа и сестра садятся в машину. Бабушка Екатерина Харитоновна не выдержала, крикнула им вслед: «Звери!» — но родители своего решения не поменяли. «До сих пор, — говорила спустя много лет Галина, — не могу себе простить, что не отказалась ехать без младшей сестры».

И перед рождением Галины, появившейся на свет в феврале 1941 года, Тарасов мечтал о мальчике. «Галя, — рассказывала Нина Григорьевна, — родилась маленькая, недоношенная, килограмма два весила. Мы с вечера отправились к сестре, поздно возвращались и увидели уходящий трамвай. Тарасов бросился за ним бежать, я следом — на восьмом-то месяце. И в голову не пришло, что бегать нельзя. Трамвай догнали, а дома спину прихватило. Всю ночь Тарасов грелки ставил, а наутро пошел в консультацию. “Так, мол, и так, — сказал там. — Восьмой месяц, спина…” — “Молодой человек, срочно ее в роддом!” Анатолий даже оскорбился: что он, дескать, не знает, что рожают на девятом месяце? “Беги!” — прокричали ему. Быстро меня собрали, и вскоре родилась Галя…»

Нину с Галей Анатолий из роддома встречал. «Но без машины, — вспоминала Нина Григорьевна. — Не принято было. Пришел с моей сестрой, с таким страхом взял этот сверточек. Пешком до 2-й улицы Бебеля. Второй этаж, никаких удобств, ребенка в вату заворачивали».

Когда Галина сказала, что не хочет поступать на дневной филологический факультет, а пойдет на вечерний, чтобы и работать, и учиться, пусть и будет трудно, Анатолий Владимирович воскликнул: «Но это же прекрасно, что будет трудно!»

Галина 38 лет проработала в школе преподавателем русского языка и литературы. В школе, в которой спустя несколько лет после ее ухода из жизни был открыт литературный клуб имени Галины Тарасовой. Ее обожали коллеги и ученики. Однажды в школе сменился директор. Пришла дама, отношения с которой у Галины не сложились сразу. Она решила уволиться. Анатолий Владимирович, узнав об этом, спросил: «Ты что, плохой учитель, не справляешься с работой? Тебя ненавидят ученики, не уважают коллеги?» — «Нет». — «Тогда зачем же ты уходишь? Директора еще раз двадцать могут заменить, а ты должна остаться». И Галина отца послушалась.

В школе она встретила своего будущего мужа. Галина тогда устроилась работать лаборанткой, а Игорь учился в десятом классе. Потом он поступил на физтех, вскоре они поженились.

Поначалу все вместе жили на Соколе: Галина с мужем в одной комнате, родители в другой, а Татьяна с Екатериной Харитоновной — на кухне. «У папы, — говорит Татьяна, — уже хватало заслуг, чтобы обратиться куда следует с просьбой решить свой жилищный вопрос. Но просить он не привык, так что со временем молодым купили двухкомнатную кооперативную квартиру в обычном доме на “Речном вокзале”. Отец помог сделать первый взнос. Остальное Галя с Игорем выплачивали сами. Учились и работали, растили сына Алешу».

«Позиция деда по любому возникавшему в семье вопросу всегда была достаточно ясна, — вспоминает Алексей Тарасов. — Все сразу понимали, какова его точка зрения, даже если он ее и не высказывал. Если какой-то конфликт, всегда было понятно, за “красных” он или за “белых”. Безразличным не был. К нему прислушивались. Хотя он особо не нависал. Было в семье какое-то разделение полномочий. Когда мать моя пришла и сказала, что она выходит замуж, бабушка — в ужас: что делать? А дед, “отвечая” за свою часть вопроса, поинтересовался: “Сколько надо денег?” Зона компетенции у Нины Григорьевны была одна, у деда — другая. Он свою сразу в той ситуации обозначил, хотя, понятно, ему было не всё равно. У него быстро работала голова. Кому-то, наверное, было с ним тяжеловато. Он много не рассусоливал. В том числе по телефону. Вешал сразу трубку, сказав то, что хотел сказать». Нежностями маленького внука Тарасов не баловал. Спросит максимум: «Как дела?» — «Нормально». — «Ну, давай». «Друг деда Лу Вайро, — говорит Алексей, — рассказывал мне, как, приезжая в Америку, он искал мне ботиночки. А дома-то был суров, слова лишнего не скажет, какие подарки».

В семье Анатолия Владимировича побаивались. Дочери с сигаретами всегда прятались — не приведи господи, увидит, мог в ярости выгнать из дома. Нина Григорьевна мужа не боялась — сама была кремень. «Он был направлен больше вовне, а она — в семью, — вспоминает Алексей Тарасов. — С дедом они друг друга стоили. Бабушка была необыкновенно отзывчивым человеком. Всю жизнь помогала и близким, и далеким.

Но у нее тоже был характер. Не могу себе представить, чтобы кто-то, даже дед, мог бы повысить на нее голос».

Дачный домик в Загорянке Тарасовы приобрели по настоянию Нины Григорьевны. Она не могла видеть, как маялся после выдворения из практического хоккея Анатолий Владимирович, как не находил он себе места в двухкомнатной квартире на Соколе…

На даче Тарасов развернулся. Он очень многое умел делать

своими руками. Галина вспоминала из детства «железную ногу», на которой Тарасов делал обувь. Однажды, это было почти сразу после войны, он сшил жене и Гале очень красивые плетеные босоножки из красного футбольного мяча.

У него получалось всё, за что бы он ни брался. В Загорянке он первым делом прорубил из дома дверь, сделал открытую террасу. Сам сооружал стенные шкафы, построил баню, занялся — в высшей степени основательно — ранними цветами — крокусами и тюльпанами. На даче всегда было море тюльпанов. Их Тарасов обожал. Луковицы привозил (и ему привозили) из Голландии, хотя это было запрещено. Анатолий Владимирович охапки тюльпанов развозил по Москве, раздаривал. Разводил гладиолусы, махровую сирень. Как-то «запал» на фиалки, и полсотни горшков, как вспоминала Галина, были расставлены по всем подоконникам.

В саду Анатолий Владимирович, надев хоккейные наколенники и налокотники, пропадал часами. Рыхлил, полол, сажал. Как-то из Болгарии ему привезли восемь кустов роз. Под каждый надо было вырыть квадратную яму чуть ли не метр глубиной. «“Танька все выроет”, — вспоминает Татьяна слова отца. — Я трудилась несколько дней, плакала, но копала. Вырыла не все — семь. Потом каждый квадрат засыпали при его непосредственном участии чем-то на 20 сантиметров, потом закапывали розы. Росли они потрясающе. И до сих пор растут».

К труду на даче Анатолий Владимирович приобщал всех, кто там появлялся. Алексей Тарасов рассказывает, что каждый приезжавший немедленно получал задание. «Там ни у кого, включая гостей, а уж у своих тем более, — говорит внук Анатолия Владимировича, — не было ни малейшего шанса отлынивать. Всем сразу вручались садовые инструменты в руки. Мои школьные друзья до сих пор вспоминают, как они копали грядки, пололи, сажали. Но всё было весело, поскольку он умел организовать тренировочный процесс так, чтобы не было скучно. И воспринимали мы все это нормально».

«Если, скажем, на даче, где всегда найдется работа, я куда-то шел, — рассказывает Алексей, — дед говорил: “А давай по дороге ты сделаешь вот это и это, а обратно еще и это”. Но мне нравился его рациональный подход ко всему. Думаю, этому деда научил его любимый учитель Михаил Товаровский. Он мне рассказывал об уроке, который тот ему преподал. Он еще молодым был, когда Товаровский заметил: “Толя, ты тратишь в день на завязывание шнурков минуты две-три, помножь их на дни жизни — поймешь, что теряешь года два! Оптимизируй процесс”. И дед изобрел свою систему, когда шнурки не приходилось завязывать. И когда в

последние годы жизни он располнел и ему было тяжело наклоняться, проблем со шнурками не возникало».

Ранняя осень 1986 года. Тарасов передвигался с большим трудом из-за разрушавшегося тазобедренного сустава. Но гостей на своей любимой даче принимал. Субботний день Анатолий Владимирович провел с Владимиром Акопяном, который и рассказал мне эту историю.

День прошел в трудах по дачному хозяйству и интересных разговорах. Завершался, как всегда, вкусным обедом. Подошло время отъезда, за рулем был Акопян — приехали на его машине. Анатолий Владимирович после обеда устроился в кресле в комнате, окна которой выходили на проезжую часть дачного поселка. Садовая часть территории участка находилась с тыльной стороны, ее он не мог видеть. Когда Акопян на открытой веранде складывал в дорогу свою сумку и намеревался закрыть распахнутые повсюду окна, из глубины дома послышалось: «Вова, надо полить пять яблонь с левой стороны от дома. По три ведра под каждую. Бочки с водой по углам дома под водостоками, ведро на веранде. Бегом!» Акопян подхватил ведро и припустился выполнять задание. Он в действительности делал всё бегом — возраст и спортивная сноровка позволяли, да и закончить хотелось побыстрее. Монотонность занятия быстро сделала его скучным, и Владимир Сергеевич, перестав считать опрокинутые ведра, но явно не выработав установленную норму, после очередного ведра воскликнул: «Всё!»

— Еще три ведра, молодой человек! — донесся из комнаты недовольный голос хозяина.

На «яблоневый субботник» к Тарасову попал однажды и Валентин Бубукин. Тарасов позвонил ему и попросил приехать в выходной день на дачу — помочь убрать старую яблоню. Разумеется, Бубукин поехал. Потом рассказывал: «Тарасов показал фронт работ, вручил топор, пилу, рукавицы. Благополучно свалил я засохшее дерево, ветки отпилил-отрубил, чтобы ствол с тарасовского участка нести было сподручнее. Взвалил тяжеленное бревно — понес. Пока шел, сопровождавший меня хозяин дачи на ходу придумал с десяток упражнений с бревном, которые я должен был по его просьбе немедленно выполнить. Долго потом я помнил ту старую тарасовскую яблоню…»

Желая уязвить Тарасова, к тому времени уже покойного, журналист Евгений Рубин выразил сомнение в том, что Тарасов вообще читал. «Тарасов, — пишет Рубин, — при любом подходящем случае сообщал, что его настольная книга — “Моя жизнь в искусстве” Станиславского и что эта книга служит для

него незаменимым пособием в тренерской работе. Любимым своим писателем он называл Чехова. Однако никогда не объяснял, какие уроки он черпает в режиссерском опыте основателя МХАТа. А по поводу Чехова приметливый Саша Альметов рассказал мне: “Я бывал в комнате на базе в Архангельском раз сто. И всегда у него на кровати лежит том Чехова. Однажды я подошел поближе и заметил, что раскрыт он на 12-й странице. Через неделю смотрю — страница та же. И через месяц, и через полгода”».

Аргументация по меньшей мере странная. Достаточно даже бегло взглянуть на тарасовский экземпляр книги Станиславского, страницы которого испещрены карандашными пометками тренера, чтобы понять, какие мысли великого режиссера задели внимание Тарасова, всегда примерявшего увиденное, услышанное и прочитанное к своей работе. Что же до Чехова… Чехов всегда был его любимым писателем. Тарасов вообще старался много читать, когда выпадало время, но Чехова читал и перечитывал постоянно. Ничего, кроме улыбки, история со ссылкой на «приметливого Альметова» вызывать не может. Практически невозможно представить, чтобы Альметов с такой регулярностью наносил визиты в комнату Тарасова на тренировочной базе. Это помещение — не проходной двор. Туда визиты не наносили — туда тренер вызывал. И вряд ли кому-то из вызванных приходило в голову высматривать, на какой странице открыта у тренера книга, и заглядывать под подушку. Лишь плохо знавший Тарасова человек (или не знавший его вовсе) мог утверждать, что он держал книгу на кровати, причем всегда. Все книги, бумаги, блокноты были у Тарасова в заданном им порядке разложены на письменном столе — и дома, и в его комнате на базе.

Галина рассказывала, что Анатолий Владимирович очень увлекался Львом Толстым, но «все-таки на первом месте у него стоял Чехов». Больше, надо полагать, веры Галине, нежели Альметову в пересказе Рубина.

Илья Бару вспоминал, что Тарасов сразу подкупил его своей эрудицией, причем речь шла об эрудиции не только спортивной. «Толя, — говорил Бару, — любит поэзию, музыку, театр, может прочитать вам на память Лермонтова или Пастернака, процитировать строчки из книг Станиславского».

Во второй половине 80-х годов Тарасова регулярно приглашали в пресс-центр МИДа, располагавшийся на Зубовском бульваре. Там функционировал «Клуб интересных встреч» для иностранных журналистов, аккредитованных в Москве. Приходили политики, писатели, театральный народ. Тарасова приглашал обычно работавший тогда в пресс-центре дипломат

Лев Паузин, с которым Анатолий Владимирович не раз прежде общался в Финляндии. «Образованный, начитанный, свободно оперировавший историческими фактами, — вспоминает Паузин о выступлениях Тарасова. — Он никогда не отказывал. Приходил, прихрамывая, с палочкой. Обязательный, четкий, пунктуальный, с великолепной памятью. Североамериканские и скандинавские журналисты считали, что встречи с Тарасовым — едва ли не самые интересные. Он говорил очень точно и образно, у него все в порядке было с юмором».

Анатолий Владимирович не только умел и любил готовить — особенно когда собиралась приятная компания, но и поесть любил тоже. Ничего не мог с собой поделать. «Запустил я себя с едой», — жаловался он Виктору Гусеву, когда они вдвоем летали в Ванкувер.

Старался следить за весом, но, как и все, потом забывал об этом. Закончив тренировать, Тарасов перестал выходить на лед. Быстро погрузнел. Такая у него конституция организма, моментально среагировавшего на отсутствие хотя бы элементарной нагрузки. Тарасов даже не занимался ходьбой. Вел сидячий образ жизни: сидел везде — за письменным столом, на трибуне стадиона, за рулем. Ложился, как Николай Озеров, в специальную клинику для похудания, сбрасывал там килограммов 10-15, но потом быстро снова их возвращал.

Злился, когда ему напоминали о лишнем весе. Однажды Нина Григорьевна с большим трудом достала по знакомству обыкновенные медицинские весы и подарила их мужу на день рождения. Тарасов даже обиделся за напоминание в такой день о проблемах с весом.

«В конце концов, — рассказывала Нина Григорьевна обозревателю «Спорт-экспресса» Елене Вайцеховской, — за его диетой стала следить я. Он привык, что дома всегда гости, холодильник должен ломиться. Я же делала творог, готовила овощные салаты. А он втихаря звонил Гале: “У тебя каша есть? А пюре? Так есть хочется…” И она несла ему кастрюльки, а я делала вид, что не знаю об этом».

Как-то раз, когда они работали с Бубукиным в футбольном ЦСКА, Тарасов сказал Валентину Борисовичу: «Валь, что-то у тебя живот начал расти. Да и у меня тоже. Давай есть одну порцию пополам. В завтрак, обед и ужин. Договорились?» Договорились. На следующее утро спустились на базе в Архангельском на завтрак. «Валь, дели свою котлетку». Поделили котлетку, творог, кашу, мед — всё пополам. Позавтракали. «Ну как?» — поинтересовался Тарасов. — «Всё отлично». — «Так держать! Ну, я пошел. Ты допивай чаек, и через полчаса собираемся у меня,

обсудим тренировку».

«Потом, — рассказывал Бубукин, — подходит официантка. Я ей говорю: “Видишь, какие мы с Тарасовым молодцы. Режим. Худеем. Всё пополам”. Она отвечает: “Конечно, молодцы. Особенно Анатолий Владимирович. Он сначала в семь часов пришел, всё съел, что положено, а в восемь и с тобой — твою половину — перехватил”».

Готовил же Тарасов, по свидетельству всех, кто был им угощен, просто и очень вкусно. Внук Алексей нашел среди тарасовских блокнотов тетрадку, в которую Анатолий Владимирович наклеивал вырезки из газет и журналов с рецептами. Стряпать умел абсолютно всё: жарил котлеты, колдовал над шашлыком, лепил — с огромной скоростью — пельмени, красиво оформлял бифштекс по-татарски… Как-то раз Тарасов пригласил Владимира Акопяна и его коллегу Сергея Аветисова в декабре на дачу. Мороз, баня с вениками, «беспощадная, но исключительно приятная», традиционное застолье от хлебосольного хозяина: стол ломился от домашних солений и маринадов, извлекаемых Тарасовым из бездонных, казалось, дубовых бочек. Они стояли у него в погребе: одна с квашеной капустой, другая с солеными огурцами, третья с помидорами, четвертая с грибами, пятая с мочеными яблоками… Ряды банок с вареньями. Всё заготавливал на зиму сам. Даже арбузы солил. У Тарасова и в багажнике машины был мини-погреб с четырьмя ведерками: с квашеной капустой кочанами, капустой шинкованной, огурцами и помидорами. И еще непременная вареная курица, а также складные стульчики и столик, чтобы можно было в каком-нибудь приятном месте по пути на рыбалку или по грибы остановиться и перекусить.

Тогда, в декабре, «блюдом дня» стал бифштекс по-татарски. В центр стола Тарасов водрузил даже не миску, а тазик со свежим говяжьим фаршем, посоленным, поперченным и украшенным сверху сырым яичным желтком. Гости, однако, к «блюду дня» отнеслись с опаской, и в ответ на упорные рекомендации Тарасова съесть бифштекс Аветисов произнес: «Анатолий Владимирович! Пусть это едят Альметов, Шалимов и Билялетдинов». — «Дураки!» — сердито засопев, ответил Тарасов, зачерпывая столовой ложкой желток вместе с сырым фаршем. Но ответ запомнил и позднее многим об этом со смехом рассказывал.

Хлебосольство Тарасова в хоккейном мире было общеизвестно. Он любил принимать гостей, угощать. Мог позвонить жене и сказать: «Нина, мы с Арне уже едем, скоро будем, накрывай». Арне — это друг Тарасова шведский тренер Стремберг. К их приезду на столе было всё, что только имелось в

доме. И, конечно, — «тарасовка»: водка, настоянная на клюкве. (Рецепт прост: бутылка водки, стакан клюквы и две столовые ложки сахара, клюкву с сахаром следует залить водкой и перемешать миксером, получившееся держать в кастрюле 24 часа под крышкой, потом процедить и — готово.)

Машину Тарасов водил сам почти до конца жизни. Водил неплохо. Первой машиной была «Победа». На ней вся семья едва не разбилась — не по вине Анатолия Владимировича. Они отдыхали в Крыму, отлично провели отпуск: спали в палатке, кашеварили на костре, пили родниковую воду, купались в море. Тарасов мог взять путевки в любой дом отдыха, но, как говорит Татьяна, «не хотел с детьми приезжать на готовое». Поставил палатку неподалеку от моря и устраивал с дочками на берегу такие игры, что они с трудом потом доползали до палатки.

Когда возвращались, машина влетела на скорости в разлитую на дороге лужу масла. «Победу» закрутило, завертело, справиться с управлением было невозможно, ударились о столб. Пострадала только Таня: она спала на заднем сиденье, и ручка дверцы пробила ей голову. Кровь, сельская больница, швы, бинты, и первый раз тогда Татьяна видела, как плакал отец. У нее же от той аварии — регулярные сильные головные боли.

Не садился за руль Тарасов только в самые последние свои месяцы. Великий тренер не заработал себе ни на лечение, ни на похороны. Он мечтал о хорошей машине, но так и не смог ее купить. Более того, у него не вышло поменять разваливавшуюся уже «Волгу» на новую. Из магазина пришла открытка — пожалуйста, дескать, приходите с деньгами, забирайте, но в это время грянула очередная денежная реформа, и тарасовские сбережения, которые он, как добропорядочный гражданин, хранил в сберкассе, 36 тысяч рублей, заработанных, как он говорил, «на виду у всей страны», превратились в прах. Дочери уговаривали его снять все деньги и во что-то вложить, купить, наконец, дачу побольше. На эти деньги тогда можно было приобрести неплохой трехэтажный дом. «Зачем? — спрашивал Тарасов. — Мне хватит и этой». — «Но деньги могут просто пропасть, обесцениться». — «Этого не может быть. Власти так не могут поступить с народом». «До конца дней своих, — говорит Татьяна, — он не мог поверить, что государство уже никогда не вернет ему этих денег. Ошибался. Незадолго до маминой кончины ей вернули тот вклад. Перевели российские рубли в американскую валюту — получилось 846 долларов».

Татьяна Анатольевна, неплохо к тому времени зарабатывавшая, предлагала купить отцу новую хорошую машину. Но он был слишком самолюбивым, слишком

щепетильным, чтобы принять — от дочери! — такой подарок. Предлагал Тарасову любую машину в подарок и его американский друг Уильям Татт — еще в те годы, когда Анатолий Владимирович тренировал сборную. Но он был категорически против: «Хорошо, возьму я эту машину. А потом мы случайно проиграем хотя бы один матч американцам или канадцам. И тут же скажут: Тарасова подкупили».

Тарасов никогда ничего не просил для себя. Однажды по делам команды беседовал с Василием Сталиным, и тот поинтересовался, нет ли у Тарасова личных просьб. Тарасов был краток: «Нет». Но Сталин-младший, которому, по всей вероятности, кто-то рассказал о том, в каких стесненных условиях проживает главный тренер команды, учинил Тарасову форменный допрос и выдавил из него информацию о коммуналке, в которой проживало на тот момент семейство Тарасовых. В коммуналке, как и во время войны, но только тогда — в деревянном домике, печка чуть ли не по-черному топилась и водопроводная колонка была на улице, а «после войны, когда родилась Татьяна, — вспоминала Нина Григорьевна, — нам дали комнату в коммунальной квартире — целых 17 квадратных метров на Красноармейской улице. Она казалась настоящим раем». А уж двухкомнатная квартира, выделенная Тарасову по прямому указанию Василия Сталина, в генеральском доме, построенном пленными немцами, стала, как говорила Нина Григорьевна, «для нас великим счастьем. Но потом, когда Галя и Таня подросли, — а ведь с нами еще и бабушка, — здесь сделалось тесновато. И я взялась уговаривать отца: давай попробуем обменяться на трехкомнатную. А он в ответ: “Как тебе не стыдно! Люди в подвалах до сих пор живут, а нам советская власть дала хоромы двухкомнатные”».

Когда Тарасовы получили квартиру на Соколе, к ним частенько приезжали помыться дальние родственники и знакомые, у которых возникали проблемы с водой.

Алексей Тарасов называет бабушку «собирательницей семей». «Она, — говорит Алексей, — поменяла-разменяла нас так, что все мы стали жить в одном доме — на Соколе. Видимо, все связано с ее порядочностью. Она была настолько кристальным человеком, что ей легко было, как мне кажется, договариваться с другими людьми — участниками обменных процессов. Не знаю, сколько сил она на это потратила, много, наверное, но ей удалось собрать нас в одном доме. В какой-то момент у семьи нашей там было четыре квартиры в разных подъездах».

В одной из этих квартир, образовавшейся в результате многоступенчатого обмена, стала жить Татьяна, вышедшая замуж

за выдающегося пианиста Владимира Крайнева. Они оба постоянно уезжали, и Анатолий Владимирович шутил, что им нужно построить домик в Шереметьево возле взлетной полосы. «Я всегда говорил, — пишет Крайнев, — что наша с Таней семья держится за счет двух женщин — мамы и Гали, которые нас опекали, особенно меня. Когда Таня была на месте, в нашей жизни был порядок, у нее всё горело в руках, она всё успевала — уж не знаю как. Ставила две-три скороварки на плиту, готовила борщ, словно на роту солдат, тем более что так оно и было. Нина Григорьевна, когда мы познакомились и начали приходить мои друзья, говорила: “Господи! Я думала, что артист — это уединенность, тишина… А тут еще хуже, чем у спортсменов”».

Крайнев, как он сам признавался, когда-то «был диким фанатом: знал всё и всех». Но никогда не думал, что породнится и подружится с самим Анатолием Тарасовым. Однажды он привел Анатолия Владимировича в изумление точным перечислением состава троек ЦСКА и сборной образца 1964 года.

«Тарасова любили, — говорил Владимир Крайнев. — Он миллионам людей улучшил жизнь, потому что хоккей — это национальное увлечение, он своим трудом, своими фантазиями, своей любовью поддерживал в народе то славное, что делает народ людьми».

Когда Тарасов приходил в гости к Гомельскому, он часто предлагал тост: «Давайте выпьем за Героя Социалистического Труда — супругу мою, Нину Григорьевну. Столько лет терпеть мужа вроде меня, — это героизм».

Основой тарасовской семьи была огромная любовь и забота друг о друге. Несентиментальный Тарасов однажды признался дочерям: «Я благодарен Богу за то, что у меня есть семья. Такое счастье, когда лежу в постели на даче, а вы втроем с матерью вокруг меня щебечете».

Узнав о необходимости сделать Тарасову операцию на тазобедренном суставе, канадцы из НХЛ пригласили его в Канаду, взяв на себя все расходы. Нина Григорьевна и Татьяна собирались было поехать вместе с ним — Татьяна готова была сама оплачивать поездку из призовых, полученных за победу ее учеников Натальи Бестемьяновой и Андрея Букина на Олимпиаде-88 в Калгари. («Деньги у меня были, — говорит она. — Четыре с половиной тысячи долларов».) Но глава Госкомспорта Марат Грамов разрешения на это не дал. В воспаленном мозгу серого чиновника свербила мысль: если им разрешить, они могут там остаться всей семьей, два заслуженных тренера сразу, — нет, пусть летит один.

Тарасов и поехал один. Без сопровождающих ему было очень

тяжело. Английским он не владел, среда была совершенно незнакомая, пусть и благожелательно настроенная, а — чужая.

Сложная операция в Ванкувере прошла успешно. Ее сделал хирург-кудесник Данкен. Кудесником его назвал Анатолий Владимирович, считавший, что доктор продлил ему жизнь. «Никогда не забуду, — говорил он, — как заботливо опекали меня после операции, денно и нощно дежуря у моей постели, канадские друзья, вселяя в меня уверенность в том, что я встану на ноги и смогу еще послужить, принести пользу хоккею. Такое не забывается».

Опека дружеская — это здорово, конечно, но рядом все же не было никого из своих, близких, родных, с кем можно было поговорить, посоветоваться, кому можно было пожаловаться. Незнакомая речь, незнакомая обстановка сыграли свою роль. Тарасову никогда прежде не делали наркоз. Поэтому его ужасал эффект послеоперационных галлюцинаций. От лекарств, которые ему кололи, он впадал в прострацию, отказывался принимать таблетки, звонил домой и кричал Татьяне в трубку: «Таня, они хотят меня отравить!» — «Папа, никто тебя не хочет отравить. Эти уколы облегчают боль». Тарасов требовал отправить его домой.

В своем монологе — обращении к отцу в сборнике «Всё о моем отце» — Татьяна пишет: «Теперь я понимаю: как военный человек, ты боялся ситуаций, над которыми был не властен. Тебе было незнакомо состояние эйфории, привычнее и понятнее была твоя боль, чем этот седативный, расслабляющий комфорт, лишавший тебя воли и желания бороться. А может, ты боялся, что в этом состоянии ты выдашь какие-то государственные тайны, страшные тайны нашей великой Родины, которые только ты один и знал?..»

На девятый день пребывания в госпитале Тарасов настоял на выписке. В Москву его везли на носилках. 12 часов в воздухе. Без сопровождающих. Татьяна называет чудом, что тогда не разошлись швы, не выскочил сустав и Анатолий Владимирович остался жив.

Несмотря на боли в ноге после операции, на палочку и костыль, помогавшие ходить, Тарасов старался не пропускать крупные международные турниры. И не только крупные и не только международные. В марте 1995 года он побывал в Ярославле на финалах «Золотой шайбы».

Организаторы чемпионатов мира присылали ему персональные приглашения. Весной 1995 года он вместе с Галиной, ушедшей с работы в 1989 году и всегда отца сопровождавшей, собирался лететь на чемпионат мира в Швецию. Готовился, как всегда, тщательно. Составил список необходимых

для поездки вещей — блокноты и ручки список обычно возглавляли — и вместе с Ниной Григорьевной постепенно закрывал один пункт за другим, складывая необходимое в «тревожный» чемодан. После чемпионата мира, на который он так и не поехал, Тарасов собирался засесть за рукопись. Он начал писать новую книгу о хоккее. Напоминает о той несостоявшейся поездке только последний тарасовский загранпаспорт без единой визы в нем, выданный 17 апреля 1995 года сроком на пять лет.

Татьяна в те дни улетела со своим ледовым театром на гастроли в Англию. Перед отъездом она договорилась с профессором-урологом из 67-й больницы, чтобы тот посмотрел Анатолия Владимировича и прописал ему какие-нибудь лекарства для поездки — чтобы ему там полегче было. У Тарасова взяли совершенно простенький анализ. Халатность, всегда сопровождающая бессердечие и равнодушие, стала причиной появления в крови Тарасова синегнойной палочки. Заражение. Через день поднялась температура — до 40 градусов. Даже в таком состоянии он названивал друзьям и говорил: «А ты знаешь — я еще живой. Вот с Галей на чемпионат мира собираюсь». «Наверное, — говорила Галина, — сам себя подбадривал».

Его начали колоть, но тут случился микроинсульт. Когда Татьяна позвонила, Нина Григорьевна сказала дочери: «Он уже не говорит, только глазами показывает, чего хочет». Татьяна немедленно заказала билет и прилетела из Лондона. Нина Григорьевна ей сказала: «Решай сама, в какую больницу положить».

Почему Татьяна выбрала 1-й мединститут? «Я верила врачам первого меда, — говорит она. — Всегда сама лечилась у Абрама Львовича Сыркина, он меня спасал, когда у меня случился микроинфаркт после Олимпиады в Калгари. Абрам Львович меня наблюдал много лет, и я доверяла ему абсолютно». Перед тем как Тарасова отправили в реанимацию, в больницу примчался Алексей. Увидев внука, Анатолий Владимирович обрадовался и вдруг смог выдохнуть: «Леха…» «Это, — вспоминает Татьяна, — было последнее слово, сказанное отцом».

Тарасов находился в реанимации 63 дня. Ему становилось то лучше, то хуже. Муж Татьяны Владимир Крайнев пересылал из Германии какое-то редкое лекарство. Его порекомендовал врач Бориса Ельцина Сергей Миронов, отправивший в больницу две упаковки — препарат вводили каждый день. Галина и Татьяна постоянно ездили в Шереметьево — из-за рубежа поступала дополнительная кровь: переливание делали ежедневно. У Тарасова стали отказывать почки — сделали операцию. Подключили к аппарату. «Он очень хотел выкарабкаться, —

говорит Татьяна. — Когда меня увидел первый раз в больнице, долго на меня смотрел, а говорить не мог. Он смотрел на меня, и я понимала, что он хочет сказать — теперь вся семья ложится на мои плечи, что он мне верит, он знает: если я приехала, всё будет хорошо».

Но сил бороться — не осталось…

Когда надо было решать, где хоронить Тарасова, Юрий Лужков, тогдашний московский градоначальник, задал Татьяне только один вопрос: «Новодевичье или Ваганьковское?» И мгновенно, после ответа: «Ваганьково», — подписал необходимые бумаги. Ваганьковское кладбище выбрали потому, что до него в Москве легче добраться, прежде всего Нине Григорьевне.

С похоронами Татьяне помогали — так переплетаются судьбы людские — вдова Всеволода Боброва Елена (она работала в то время заместителем директора во Дворце ЦСКА) и президент Федерации хоккея России Валентин Сыч, некогда отправлявший на имя Сергея Павлова жесткую докладную на Тарасова.

Разумеется, Татьяна настояла: прощаться только во Дворце ЦСКА — там, где Тарасов провел жизнь, воспитывая выдающихся чемпионов и готовя выдающиеся команды. ЦСКА, которому Тарасов верой и правдой служил несколько десятилетий, от похорон человека, прославлявшего имя клуба во всем мире, фактически устранился. Выделил только помещение для прощания. Вместо того чтобы взять все хлопоты и расходы на себя. И вместо того, чтобы в день смерти выдающегося тренера назвать Дворец его именем. Так, как это сделали в Киеве в день кончины коллеги Тарасова — Валерия Лобановского, назвав его именем стадион «Динамо», на котором Лобановский, как и Тарасов в армейском Дворце, провел всю свою жизнь.

«Когда вынесли из ЦСКА Тарасова, там больше никого не осталось», — написал Юрий Рост.

Прощаться с Тарасовым пришли тысячи людей. Его друзья, друзья Татьяны. Его ученики и коллеги. Ученики и коллеги Татьяны. Люди, влюбленные в хоккей и боготворившие Тарасова, дарившего им радость.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Принято считать, что сей мир Тарасов покинул, не оставив после себя невоплощенных замыслов. Это не так. Замыслов, не воплощенных Тарасовым прежде всего по вине тех, кто посчитал себя вправе выдавить его из хоккея и резко сократить тем самым земные сроки выдающейся личности, осталось множество. Их реализация, несомненно, сделала бы хоккей ярче.

Парадокс, но в закрытой, в общем-то, коммунистической системе Тарасов создал самый красивый и свободный стиль хоккея в мире.

«Мне жаль людей, которые равнодушны к спорту, — говорил Тарасов. Мне кажется, они здорово обедняют свою жизнь. Что касается меня… Вот скажут: начни жизнь заново — и я снова выберу стезю тренера. Потому что это чертовски интересная профессия воспитывать сильных и духом, и телом людей…»

«Тренерам, которые работают после пятидесяти пяти, надо давать награды только за то, что выжили, — говорит Владимир Юрзинов. — Если в ходе матча у вас снимать кардиограммы, их потом можно показывать в медицинских институтах как учебное пособие на тему: “Сколько микроинфарктов может пережить человек за два часа”».

Сам Тарасов в конце жизни говорил, что «прожил нелегкую, но интересную жизнь тренера».

Анатолий Фирсов назвал его «честным диктатором, построившим непобедимое гордое хоккейное государство».

Тарасов любил тех, кто жил ради хоккея. И недолюбливал тех, кто хоккеем пользовался. У него никогда не было так, чтобы говорил он одно, делал другое, а думал — третье. Владимир Петров, спорщик с Тарасовым «номер один», поработавший под руководством Чернышева, Тарасова, Боброва, Локтева, Кулагина и Тихонова, без секундного замешательства говорит. «Даже выбора никакого нет: лучше Тарасова тренера в нашем хоккее не было и нет. Все тренеры в своей работе действуют методом проб и ошибок. Так вот, Тарасов почти никогда не ошибался. Это мое субъективное мнение, и я его уже не изменю. Тарасов поставил наш хоккей на те рельсы, по которым он до сих пор движется вперед».

С заметными, стоит сказать, перебоями, с резкими остановками, со слабой игрой на самых представительных турнирах, коими из-за участия в них всех лучших игроков мира следует считать Олимпийские игры. Но только потому с перебоями, резкими остановками и слабой игрой, что нет нового

Тарасова, а наследство того Тарасова — клад, казалось бы, для тех, кто хотел бы возродить былую славу отечественного хоккея, — никому не нужен.

«Анатолий Владимирович Тарасов — величайший тренер, который во многом опередил свою эпоху, — говорит Вячеслав Фетисов. — Блестящий педагог, великолепный психолог, несравненный оратор. Он прививал игрокам в первую очередь чувство долга и патриотизм. То, что мы называем честью флага. В те годы была создана школа победителей. Тарасов стоял у истоков процесса. Харизма Анатолия Владимировича была неповторимой. Ее чувствовали все те люди, которые выступали за ЦСКА и работали в нашем клубе. Между прочим, в свитере ЦСКА я не проиграл ни одного турнира, начиная с десятилетнего возраста. Конечно, во многом это уникальный случай, но всех нас учили только побеждать».

А вот слова шведского тренера Томми Сандлина, гордившегося товарищескими отношениями с советским тренером: «Тарасов мог проиграть матч, хотя весьма редко, но он никогда не мог проиграть как человек, потому что всегда твердо придерживался своих идеалов. Завораживающая личность и источник вдохновения».

На одном из выступлений в последние годы жизни Тарасов сказал, обращаясь к молодежи:

«Не завидуйте тем, кто разъезжает на шикарных “мерседесах”. Зависть никогда не имела границ. Плохое это качество. Мы — русские мужики, нам ли уподобляться тем, для кого деньги — смысл жизни! Помните! На мужиках Россия держалась, держится и будет держаться. Мы сломаемся — и России придется туго. Алчное общество теряет свое достоинство, а без достоинства не может быть и самого государства.

В спорте ни в коем случае нельзя останавливаться. Когда соперники равны, результат может оказаться случайным. Надо быть на голову выше. Только тогда можно подавить, победить, уничтожить любого соперника. Я очень люблю своих ребят. Именно поэтому требовал от них то, чего не мог сделать никто другой.

Нет никакого сомнения, что наша страна, как и в былые времена, никогда не ослабит свои спортивные устремления, амбиции и традиции. Каждая золотая медаль, завоеванная на международных соревнованиях, — это достойный вклад представителей спорта в укрепление авторитета и мощи государства Российского.

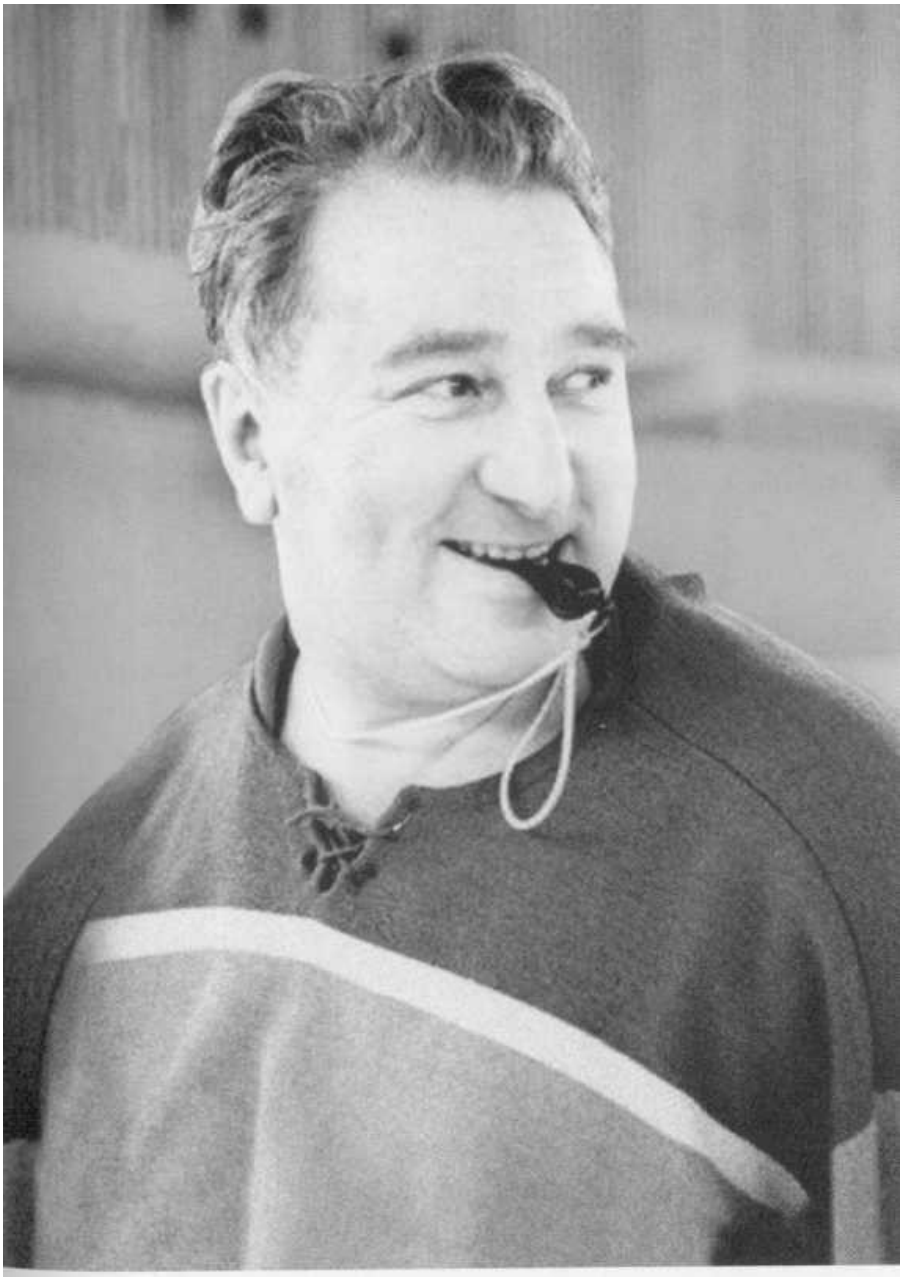
Так пусть же чаще поднимается наш державный флаг и торжественно звучит Государственный гимн России на

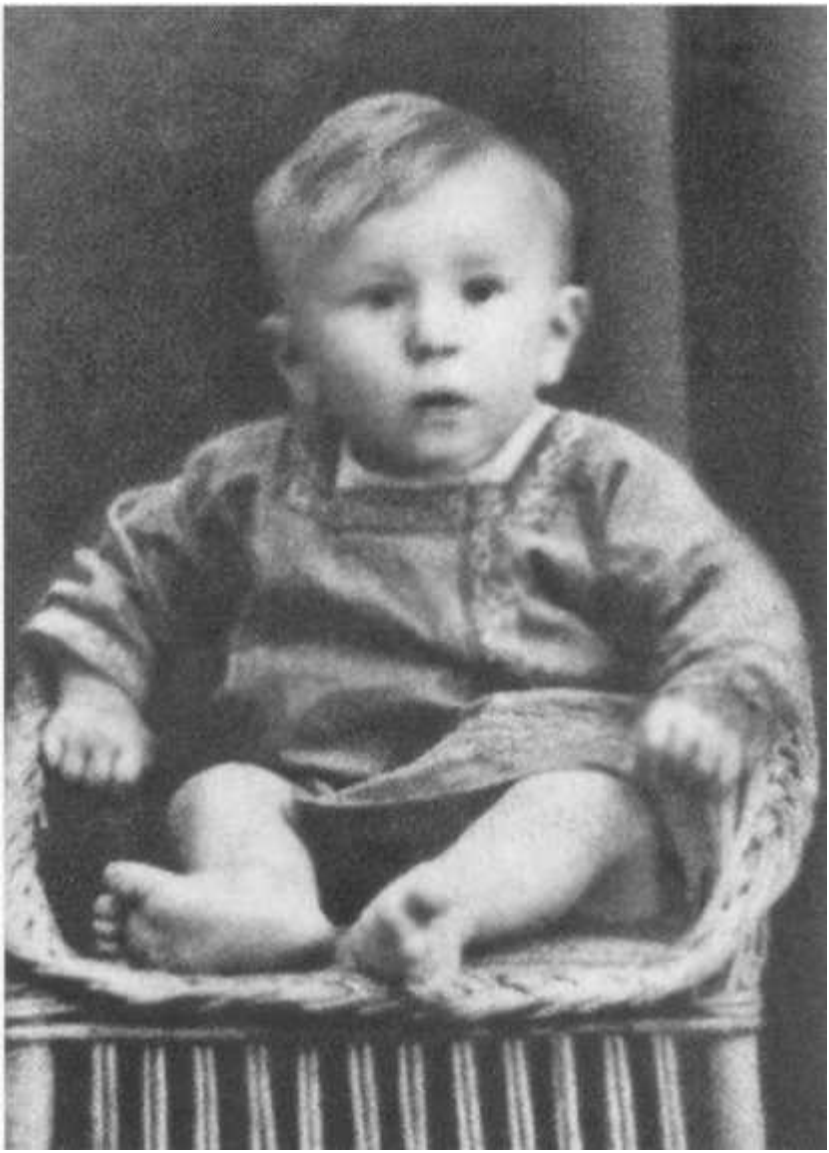
состязаниях самого высокого ранга, прославляя Отечество, его талантливый, трудолюбивый и гордый народ».

Тарасов — человек своей эпохи. Он использовал рычаги и приводные ремни той системы, в которой родился и вырос. Быть иначе — не могло. Но не это главное в Тарасове. Он — Победитель. Победителем он был бы при любой системе, в любой стране. Постоянное стремление к совершенствованию себя самого и всех, кто оказывался под его началом, самоотверженность в профессии, работа до изнеможения, до рвоты после каждого матча, не важно — выигранного или проигранного, не берущее даже минутной передышки страстное желание достичь вершин в своем деле, до которых никто еще не добирался.

В этом — смысл жизни Анатолия Владимировича Тарасова, великого тренера, великого человека, патриота своего Отечества, Отечеству служившего верно, честно, отдавая ему знания, силы и здоровье.

Фотографии





Маленький Толя Тарасов

Москва, площадь Белорусского вокзала. *1930-е гг.*

Екатерина Харитоновна Тарасова с сыном Анатолием. *1921 г.*

Брат Юрий

Открытие первой Всесоюзной спартакиады на стадионе «Динамо». *1928 г.*

Анатолий Тарасов. *1950-е гг.*

Юрий Тарасов, Екатерина Харитоновна, Анатолий с дочерью Галиной. *1946 г.*

Михаил Давидович Товаровский

Борис Андреевич Аркадьев

Анатолий Тарасов — капитан и играющий тренер футбольного клуба ВВС

С Всеволодом Бобровым. *Фото В. Захарова*

В атаке Анатолий Тарасов

Анатолий Владимирович и Нина Григорьевна с дочерьми Галиной и Татьяной

Большая семья. Стоят слева направо: Иосиф Дементьевич Феклисов (отчим Н. Г. Тарасовой), Нина Григорьевна, Галина, Валентина Константиновна (мать Н. Г. Тарасовой), Екатерина Харитоновна; сидят: Галина Иосифовна Феклисова (сестра Н. Г. Тарасовой) с сыном Костей, дочь Галины Иосифовны Ирина, Анатолий Владимирович с дочерью Татьяной

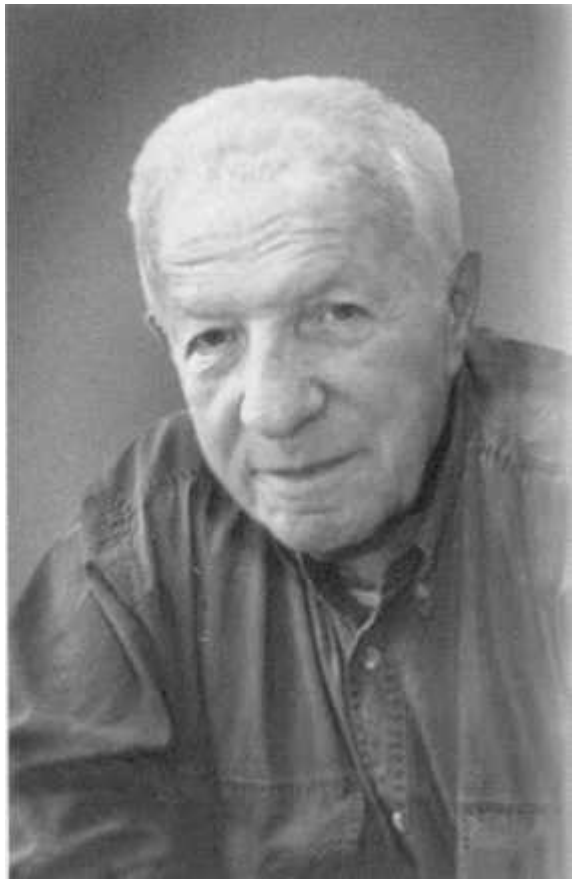
Советский хоккей начинался на «Динамо»

Василий Сталин

Первопроходцы советского хоккея. *Фото О. Неёлова*

Хоккейная команда ЦДКА. *Фото Б. Л. Пушкина (ТАСС)*

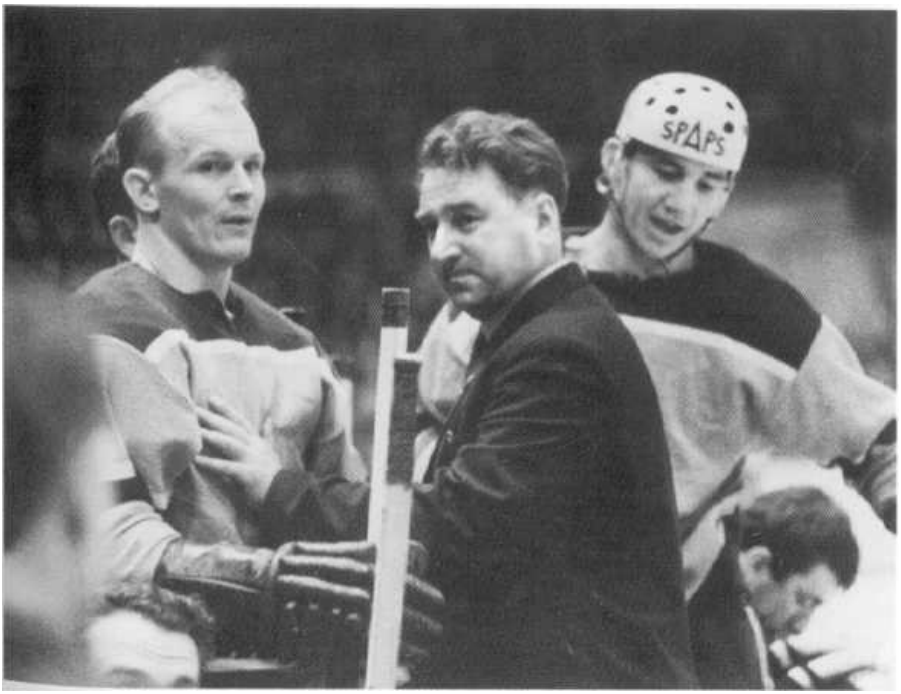
Александр Яковлевич Гомельский



Олег Маркович Белаковский

Проводы Константина Локтева из большого хоккея. *1966 г.*

С Борисом Кулагиным



С Вениамином Александровым и Виктором Кузькиным

Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов. В истории мирового хоккея не было подобного тренерского тандема

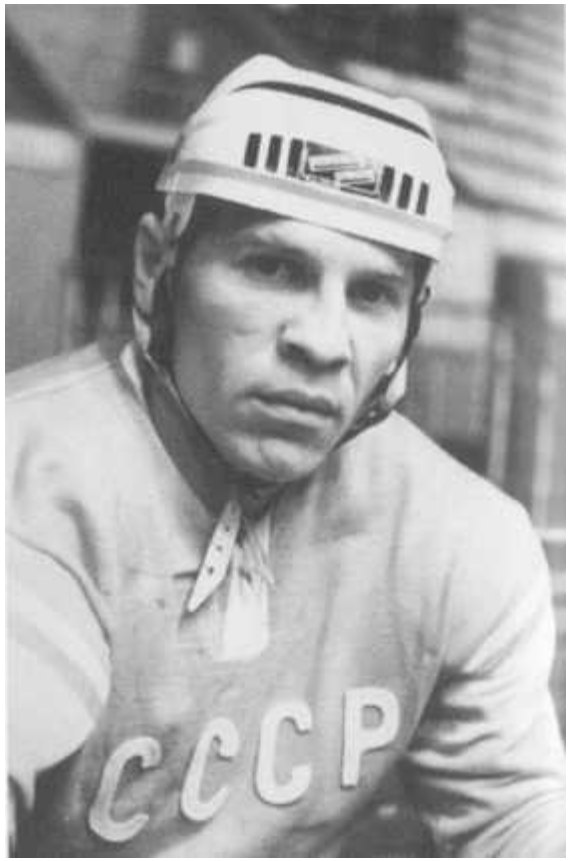
На чествовании победителей Олимпиады 1964 года в Доме приемов правительства. Анатолий Фирсов, Анатолий Владимирович Тарасов, Аркадий Иванович Чернышев и Никита Сергеевич Хрущев

Михаил Александрович Шолохов с чемпионами мира 1965 года. Тампере, Финляндия

Анатолий Владимирович уходит. Пока что с мыслями о будущем матче…

На тренерском мостике. *14 сентября 1969 г.*

Александр Рагулин



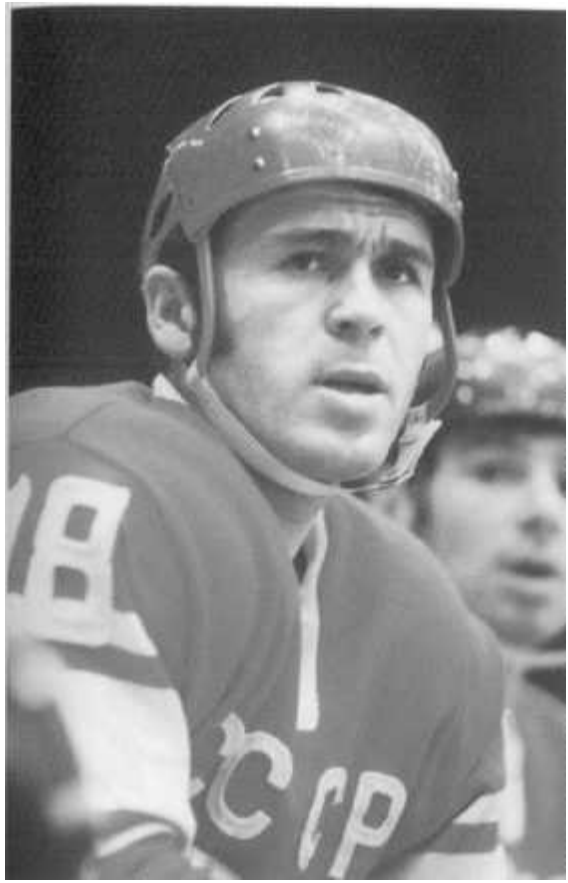
Борис Майоров

Анатолий Фирсов

От этого взгляда не могло ускользнуть ничего

С двумя великими вратарями — Владиславом Третьяком и Виктором Коноваленко

Знаменитые тарасовские тренировки



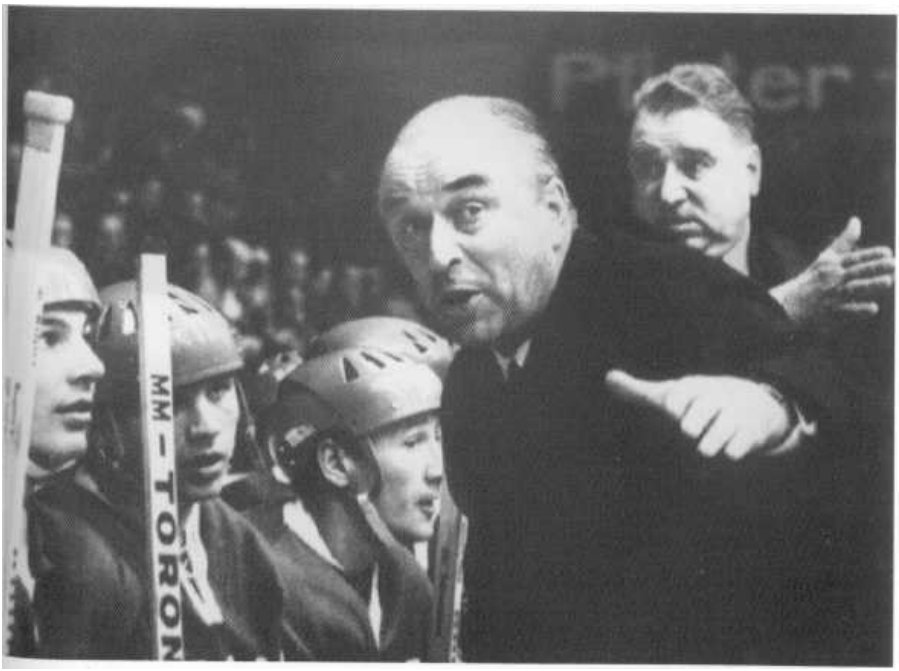
Владимир Викулов

Евгений Мишаков

Вынырнул!..

Первая тройка: Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов

Всегда с блокнотом



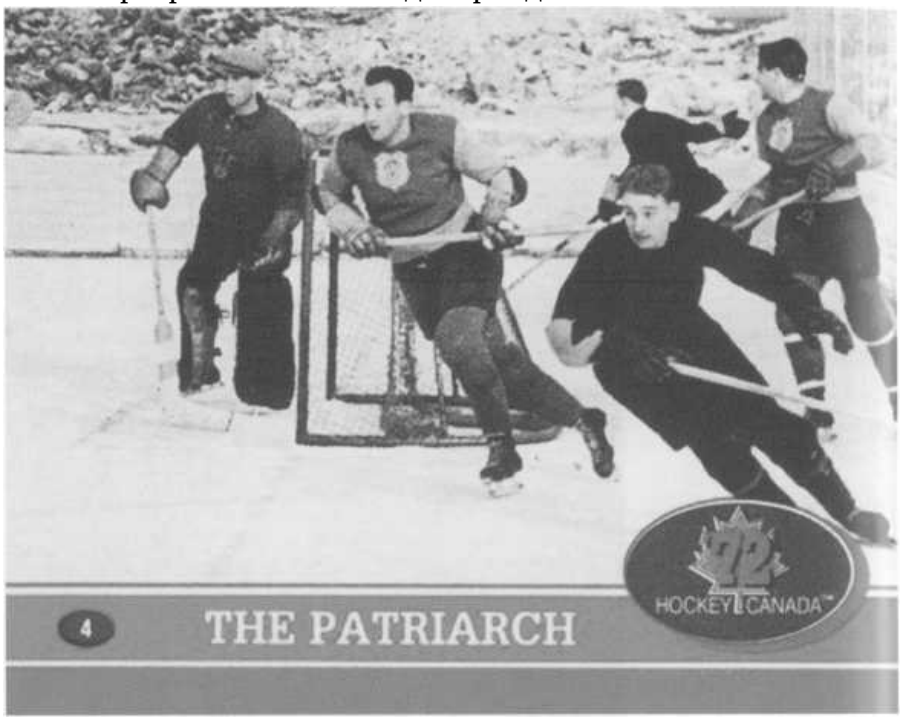
К кому прислушиваться?..

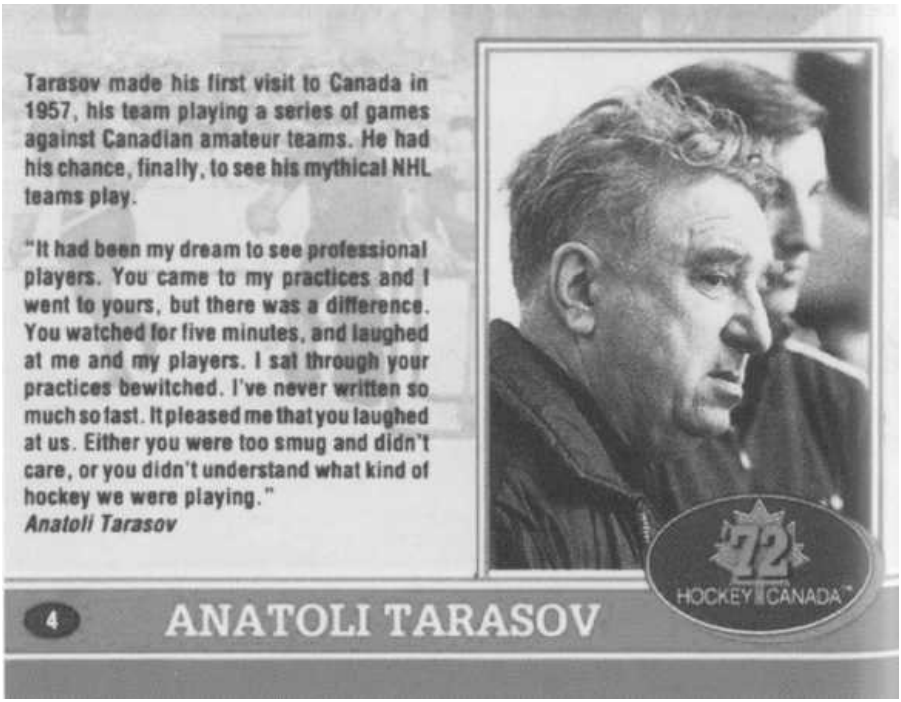
За грибами

На рыбалке

Рядом с Анатолием Владимировичем Татьяна, Нина Григорьевна, Галина и внук Алексей. *1989 г.*

В квартире на «Соколе». Здесь рождались книги о хоккее





«Патриарх советского хоккея».

Хоккейная карточка, выпущенная в Канаде к 20-летию Суперсерии-72

«Хоккейный летописец». *Дружеский шарж*

Три легенды мирового спорта: Пеле, Свен Юханссон-Тумба и Тарасов. *1987 г.*

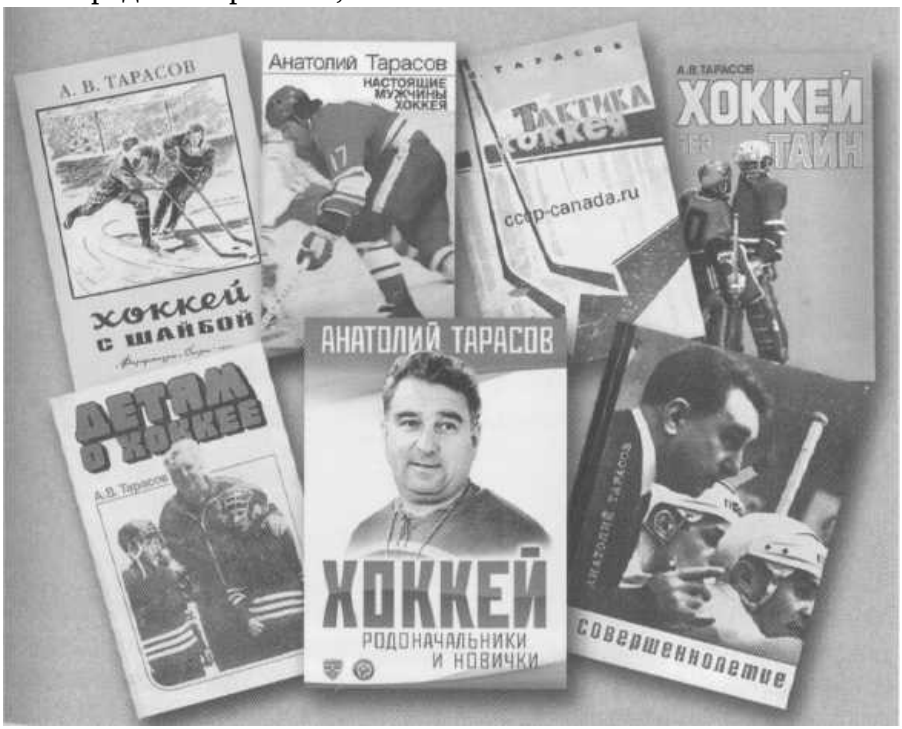
Во дворе на «Соколе» с мальчишками.
Клуб «Золотая шайба» был основан Тарасовым…

В совхозе «Шуваловский» Костромской области с ребятами из местного хоккейного клуба. *9 августа 1993 г.*

С супругой Ниной Григорьевной

В последние годы жизни

Памятная доска на доме, где жил Анатолий Владимирович. Ленинградский проспект, 75



Книги Тарасова

Могила Анатолия Владимировича Тарасова на Ваганьковском кладбище в Москве

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. В. ТАРАСОВА

1918, 10 декабря — в Москве родился Анатолий Тарасов.

1923, 8 июня — родился Юрий Тарасов.

1930, сентябрь — Толя записался в детско-юношескую школу московского «Динамо».

1934, 25 ноября — Тарасову присвоена квалификация по специальности тренера (окончил ФЗУ имени Калинина при заводе № 32).

1937, август — Тарасов поступил в Высшую школу тренеров (ВШТ) при Центральном институте физкультуры; знакомство с преподавателем М. Д. Товаровским, переросшее в дружбу.

Сентябрь — знакомство с Ниной Забелиной, будущей женой.

1938, лето — Тарасов тренирует команду города Загорска.

1939, 1 августа — последний экзамен в ВШТ; регистрация брака с Ниной Забелиной; отъезд в Одессу на работу в одесском «Динамо». *Октябрь* — приглашение в «Крылья Советов» (Москва) — в футбольную и хоккейную (с мячом) команды.

1940, 7 февраля — Тарасов призван в армию, начал службу в Московском авиационном училище связи.

Весна — Тарасов переведен в футбольный клуб ЦДКА и отправлен с командой в качестве игрока на тренировочный сбор в Батуми.

1941, 2 февраля — в семье Тарасовых родилась дочь Галина.

1942, март-май — учеба на краткосрочных офицерских курсах, созданных на базе Института физкультуры. Тарасову присвоено звание «Мастер спорта СССР по футболу».

1945, конец мая — Тарасов командирован сначала в Венгрию для изучения тренировок в клубе «Ференцварош», а затем в Вену для подготовки команды советских войск к матчам с французской и английской армейскими футбольными сборными.

1946, 22 сентября — первый тренерский успех Тарасова: выход футбольной команды ВВС в группу «А».

22 декабря — стартовал первый чемпионат СССР по хоккею с шайбой, в котором Тарасов стал лучшим бомбардиром (14 шайб).

1947, 13 февраля — в семье Тарасовых родилась дочь Татьяна.

1948 — первые международные матчи советского хоккея: сборная Москвы против чехословацкой команды ЛТЦ; Тарасов входит в тренерский штаб сборной и одновременно участвует в играх.

15 февраля — завершился второй чемпионат СССР по хоккею с шайбой, победителем стала команда ЦДКА во главе с играющим тренером Тарасовым. Это его первый титул чемпиона страны.

Апрель — Тарасов получил указание начальника Управления физической культуры и спорта Советской армии Г. В. Бакланова подготовить учебное пособие по хоккею с шайбой.

1949, 22 марта — Тарасов стал первым хоккеистом, получившим звание «Заслуженный мастер спорта».

1950, 5 января — в авиационной катастрофе под Свердловском вместе с командой ВВС погиб младший брат Анатолия Тарасова Юрий.

1951, февраль — Тарасов впервые увидел в деле хоккеистов Канады — любительская команда этой страны совершала поездку по Швеции и Финляндии.

Издана первая советская книга о хоккее под названием «Хоккей с шайбой», написанная Тарасовым.

В парке неподалеку от Театра Советской армии появился первый в стране небольшой каток с искусственным льдом.

1953, февраль — советская студенческая сборная (фактически — сборная СССР) под руководством Тарасова побеждает на зимней универсиаде в Вене.

Конец ноября — спортивные власти гарантировали Тарасову, что именно он повезет сборную СССР на первый для нее чемпионат мира в 1954 году, но в последний момент тренера заменили.

1956, 4 августа — Тарасову присвоено звание «Заслуженный тренер СССР».

1957, ноябрь — декабрь — первая поездка сборной СССР под руководством Тарасова в турне по Канаде.

1958, 28 февраля — 6 марта — Тарасов впервые возглавил сборную СССР на чемпионате мира: в Норвегии команда заняла второе место.

1960, март — увольнение с должности главного тренера сборной СССР за третье место на зимней Олимпиаде в Скво-Вэлли.

Октябрь — увольнение с должности главного тренера ЦСКА.

1961, весна — Тарасов в должности тренера-консультанта приступил к работе с выступавшим в чемпионате РСФСР (первая группа, первая — Сибирская — зона) клубом СКА (Новосибирск).

Конец ноября — возвращение на должность главного тренера ЦСКА.

Конец года — решение партийных и спортивных властей о создании во главе сборной СССР тренерского тандема: Аркадий Чернышев — Анатолий Тарасов.

1963, 17 марта — выигрыш у сборной Канады (4:2) в Стокгольме приносит сборной СССР первую для тренерского тандема Чернышев — Тарасов победу на чемпионатах мира.

1964, февраль — разговор во время чествования олимпийцев с главой государства Никитой Хрущевым о возможном проведении матчей с канадскими профессионалами.

8 декабря — рождение беспрецедентного для всего спортивного мира детского хоккейного турнира на призы клуба «Золотая шайба», бессменным президентом которого до конца своей жизни был Тарасов.

1968, 24 августа — у дочери Галины родился сын Алексей, первый и единственный внук Нины и Анатолия Тарасовых.

1969, 11 мая — беспрецедентный для советского хоккея матч («Спартак» — ЦСКА), в третьем периоде которого Тарасов, возмущенный решением арбитров, увел свою команду с площадки на 30 с лишним минут.

Май — с Тарасова сняли звание «Заслуженный тренер СССР».

Октябрь — Тарасову возвращено звание «Заслуженный тренер СССР».

1970, июнь — уход Тарасова из ЦСКА в «академический отпуск» для подготовки диссертации.

16 ноября — Тарасов вновь назначен главным тренером ЦСКА.

11 декабря — Тарасов защитил диссертацию, и ему присудили ученую степень кандидата педагогических наук.

1971, 3 апреля — встреча СССР — Швеция (6:3) в Женеве: последний матч сборной СССР под руководством Тарасова и Чернышева на чемпионатах мира и последний их титул победителей мировых первенств (девятый по счету — подряд!). Со следующего сезона олимпийские турниры и чемпионаты мира стали проводиться раздельно.

1972, 13 февраля — встреча СССР — Чехословакия (5:2) в рамках турнира зимней Олимпиады в Саппоро: последний официальный матч Тарасова и Чернышева со сборной СССР и последний их титул олимпийских чемпионов; на Олимпиадах они добились трех побед подряд.

21 февраля — дата, проставленная Тарасовым под заявлением об уходе из сборной СССР.

24 февраля — на заседании президиума Федерации хоккея СССР Тарасов и Чернышев освобождены от тренерской работы в сборной.

1973, апрель — за несколько туров до финиша чемпионата СССР команда ЦСКА стала победительницей турнира — это был последний чемпионский титул Тарасова, восемнадцатый по счету

во всесоюзных турнирах.

1974, март — последние матчи Тарасова на тренерском мостике ЦСКА; уход из ЦСКА.

Тарасов стал первым европейцем, избранным в Зал хоккейной славы в Торонто.

Декабрь — Тарасов стал главным тренером футбольного клуба ЦСКА, с которым проработал до конца чемпионата 1975 года.

1975, 3 июля — четвертьфинальный матч Кубка СССР по футболу: ЦСКА — «Кайрат» (Алма-Ата) — последнее противостояние тренеров Тарасова и Боброва на спортивной площадке.

1977, апрель-май — Тарасов в роли обозревателя ТАСС командирован в Вену для освещения чемпионата мира.

1983, осень — в Финляндии с участием Тарасова прошли съемки знаменитого учебного фильма для финских детских и юношеских команд.

1986, осень — Тарасов консультирует в Канаде тренеров клуба «Ванкувер Кэнакс».

1994, февраль — Тарасов в сопровождении дочери Галины побывал в норвежском Лиллехаммере на последней в своей жизни зимней Олимпиаде.

1995, 17 апреля — Тарасову был выдан его последний загранпаспорт, так и оставшийся без единой визы.

23 июня — Анатолий Владимирович Тарасов скончался в Москве; похоронен на Ваганьковском кладбище.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тарасов А. В. Хоккей с шайбой. М.: Физкультура и спорт, 1951.

Тарасов А. В. Тактика хоккея. М.: Физкультура и спорт, 1963.

Тарасов А. В. Поточный метод тренировки в хоккее. М.: Физкультура и спорт, 1966.

Тарасов А. В. Совершеннолетие. М.: Молодая гвардия, 1970.

Тарасов А. В. Хоккей грядущего. М.: Физкультура и спорт, 1971.

Тарасов А. В. Путь к себе. М.: Физкультура и спорт, 1974.

Тарасов А. В. Настоящие мужчины хоккея. М.: Физкультура и спорт, 1987.

Тарасов А. В. Хоккей без тайн. М.: Молодая гвардия, 1988.

Тарасов А. В. Хоккей. Родоначальники и новички. М.: Эксмо, 2015.

Акопян В. С. Тренер Анатолий Владимирович Тарасов. М.: Рутена, 2001.

Базунов Б. А., Михалев П. Ф. Автографы на шлеме. М.: Физкультура и спорт, 1967.

Бакланов А. Г. Самый молодой генерал. М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2012.

Бобров В. М. Самый интересный матч. М.: Физкультура и спорт, 1963.

Бобров В. М. Рыцари спорта. М.: Физкультура и спорт, 1971.

Богатырев Е. Г., Нилин А. П. Хроника одной победы. М.: Физкультура и спорт, 1989.

Бубукин В. Б. Вечнозеленое поле жизни. М.: Издательский дом «Стратегия», 2003.

Вайханский С. М. Золотая книга сборной СССР по хоккею. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2002.

Вуколов Н. Н. Москва — Стокгольм: хоккейные перекрестки. М.: Воскресенье, 2000.

Вуколов Н. Н., Тузик И. Н. Хоккейные звезды Бориса Павловича. М.: Спорт и культура, 2009.

Говорков М. Кудинес В. А., Петров А. Д. Наш хоккей. М.: Дрофа, 2007.

Гомельский В. А. ПАПА. Великий тренер. М.: Городец, 2008.

Горанский И. В. Алексей Парамонов: Футбол — моя судьба. М.: Ин-связьиздат, 2005.

Дворцов В. А. Кумиры хоккея из России. М., 2000.

Дымарский Н. А. У микрофона. М.: Российская газета, 2013.

Зонин Г. С. Вся жизнь — футбол. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб.,

2006.

Колосков В. И. В игре и вне игры. М.: Детектив Пресс, 2008.

Коноваленко В. С. Третий период. М.: Молодая гвардия, 1986.

Крайнев В. В. Монолог пианиста. Кого помню и люблю. М.: Музыка, 2011.

Кукушкин В. В. Лидер. М.: Человек, 2011.

Куприн И. И., Спасский О. Д. Сборная команда СССР по хоккею. М.: Советский спорт, 1989.

Майоров Б. А. Я смотрю хоккей. М.: Молодая гвардия, 1970.

Михайлов Б. П. Мой хоккей. М.: Парламентская газета, 2006.

Михалев С. М. Тренер золотой мечты. М.: Эксмо, 2008.

Мурадов А. В. Всеволод Бобров. М.: Терра-Спорт, 2000.

Николаев В. Л. Я — из ЦСКА! М.: «Контакт» РЛ, 1995.

Нилин Л. П. XX век. Спорт. М.: Молодая гвардия, 2005.

Пахомов В. Н. Всеволод Бобров — гений прорыва. М.: Олма-Пресс, 2002.

Пахомов В. Н. Николай Сологубов. Защитник из легенды. М.: Олимпия Пресс, 2005.

Пахомов В. Н. Константин Локтев. Винтик из красной машины. М.: Олимпия Пресс, 2005.

Петров А. Д. Тайны советского хоккея. М.: Эксмо, 2010.

Прозументщиков М. Ю. Большой спорт и большая политика. М.: РОСС-ПЭН, 2004.

Раушенбах Б. В. Праздные мысли. М.: Гареева; Аграф, 2003.

Рейзер Л. Ю. Доминанта Виктора Тихонова. М.: Юридическая книга, 2002.

Рейзер Л. Ю. Неизвестный Харламов. М.: Центрполиграф, 2014.

Романов Н. Н. Восхождение на Олимп. М.: Советский спорт, 1993.

Рубин Е. М. Пан или пропал! М.: Захаров, 2000.

Салуцкий А. С. Всеволод Бобров. М.: Физкультура и спорт, 1987.

Спасский О. Д. Первая тройка. М.: Физкультура и спорт, 1981.

Спасский О. Д. Александр Рагулин. М.: Терра-Спорт; Олимпия Пресс, 2001.

Спасский О. Д. Виктор Тихонов. М.: Терра-Спорт; Олимпия Пресс, 2002.

Сысоев В. Д. Играет ЦСКА. М.: Воениздат, 1982.

Тарасова Т. А. Четыре времени года. М.: Советская Россия, 1985.

Тарасова Т. А. Красавица и чудовище. М.: Вагриус, 2001.

Тарасова Т. А. Победитель // Всё о моем отце: Сборник / Сост. С. Николаевич, Э. Куснирович. М.: Астрель, 2011.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, разочарования, мечты. М.: Физкультура и спорт, 1985.

Тренеры седеют рано / Сост. Л. В. Россошик. М.: Терра-Спорт, 2001.

Три скорости Валерия Харламова / Сост. Б. М. Левин. М.: Физкультура и спорт, 1984.

Трифонов Ю. В. Бесконечные игры. М.: Физкультура и спорт, 1989.

Фетисов В. А. Овертайм. М.: Вагриус, 1998.

Фирсов А. В. Зажечь победы свет. М.: Физкультура и спорт, 1973.

Хоккей. Энциклопедия / Сост. А. М. Брусованский, Ю. С. Лукашин, Д. Л. Рыжков. М.: Физкультура и спорт, 1990.

Хоккей. Энциклопедия / Сост. Ю. С. Лукашин. М.: Терра-Спорт, *2000.*

Чуковская Е. Ц. «Чукоккала» и около. М.: Изд-во «Руссiй Міръ»; ИПЦ «Жизнь и мысль», 2014.

Эпштейн Н. С., Вуколов Н. Н. Хоккейные истории и откровения Семёныча. М.: Советский спорт, 2006.

notes

1

Доводилось читать, будто еще до Тарасова Третьяк «не один год учился вратарскому искусству у легендарного советского голкипера Николая Пучкова». Но этого быть никак не могло. В год, когда Владислав пришел в хоккей, Пучков завершал карьеру игрока в ленинградском СКА, после чего стал тренером этой команды.